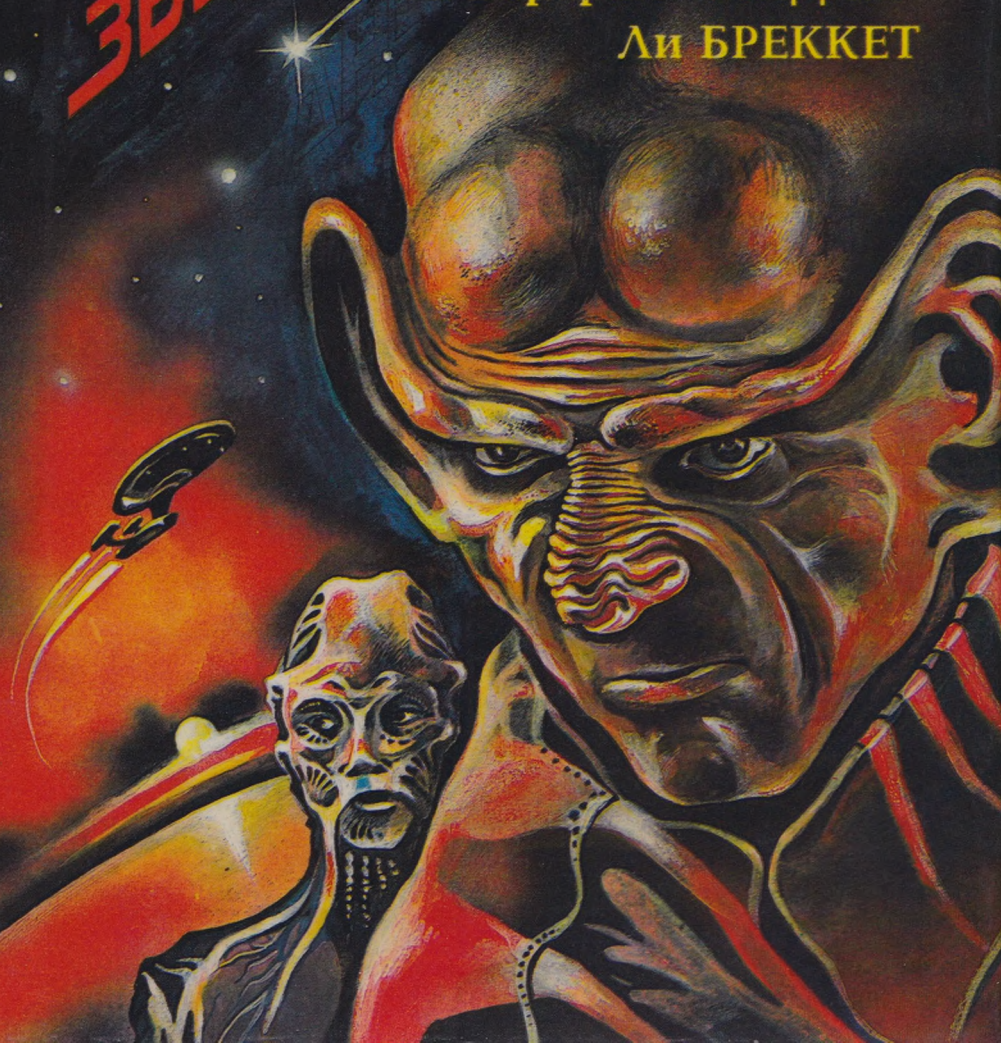

ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ

Джеймс БЛИШ
Фрэнк ХЕРБЕРТ
А. Бертрам ЧАНДЛЕР
Ли БРЕККЕТ

ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ

ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ

ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МСТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1993

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

STAR TREK

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

**САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ
КИНОСЕРИАЛ
ФАНТАСТИКИ**

Издательство «Книжный сад»

Москва 1993

STAR TREK

James BLISH

STAR TREK

Frank HERBERT

WHIPPING STAR

A. Bertram CHANDLER

**CONTRABAND
FROM OTHERSPACE**

Leigh BRACKETT

THE BIG JUMP

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Джеймс БЛИШ

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Фрэнк ХЕРБЕРТ

ЗВЕЗДА ПОД БИЧОМ

А. Бертрам ЧАНДЛЕР

**КОНТРАБАНДОЙ
ИЗ КОСМОСА**

Ли БРЕКЕТТ

БОЛЬШОЙ ПРЫЖОК

«КНИЖНЫЙ САД»

*Серия основана в 1992 г.
Перевод с английского М. Коркина, И. Русаковой,
Н. Гуровой.*

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

**Джеймс БЛИШ
Фрэнк ХЕРБЕРТ
А. Бертрам ЧАНДЛЕР
Ли БРЕКЕТТ**

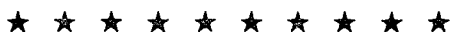
Оформление В. Гусакова

З 43 Сборник фантастических произведений/Пер. с англ. М. Коркина, И. Русаковой, Н. Гуровой/. — М.: Издательство «Книжный сад», СПб.: Издательство «МСТ», 1993 г., 544 с.

ISBN 5 —7109—0002—8

ББК 84.7 США

- © Перевод: М. Коркин, И. Русакова, Н. Гурова, 1993.
- © Оформление серии: В. Гусаков, 1993.
- © Издательство «Книжный сад», 1993.
- © Издательство «МСТ», 1993.

Джеймс БЛИШ

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Фантастический роман

Перевод с английского

Мозг Спока

Необычно элегантный космический лайнер, появившийся на экране «Энтерпрайза», не отвечал на запросы ни на одной сигнальной частоте и никак не реагировал на общепринятый межзвездный код.

Его очертания были совершенно незнакомы. Разглядывая их, Спок произнес:

— Конструкция не идентифицируется. Ионный ускоритель, нейтронная конверсия неизвестного типа.

— Увеличение десять, мистер Чехов, — приказал Кирк.

Но и при максимальном приближении чужой корабль оставался таким же загадочным — узкий, как игла, блистающий осколок в глубокой тьме космоса.

— Ну как, Скотти?

— Не знаю, капитан. Никогда не видел ничего подобного. Вот красавец! — Скотти восхищенно присвистнул. — И еще этот ионный ускоритель. Кто бы это ни был, они нам могли бы дать сто очков вперед.

— Какие-нибудь данные по формам жизни, мистер Спок?

— Только одно, сэр. Гуманоиды или что-то близкое. Пониженный уровень активности. Функционируют системы поддержания жизнедеятельности. Внутренняя атмосфера — обычный азот-кислород. — Он приблизил лицо к сканеру. — Минутку, капитан...

— Да, Спок?

— Приборы отмечают несущее излучение от этих гуманоидов.

— Направление?

— Оно направлено сюда, сэр, — на мостик «Энтерпрайза».

Люди недовольно переглянулись на своих местах. Кирк нажал клавишу интеркома:

— Охрана! На мостик!

Но в тот момент, когда он отдавал приказ, среди

людей стала возникать какая-то фигура. Она становилась все плотнее. И вот точно в центре мостика появилась невероятно красивая женщина. Она была в короткой переливчатой тунике — женщина, человек во всем, кроме, быть может, удивительного, неземного изящества. На руке у нее был браслет, усыпанный то ли разноцветными драгоценными камнями, то ли кнопками. Она слегка улыбалась.

Ее появление без использования эффекта телепортации было так же загадочно, как и незнакомый корабль.

Кирк заговорил первым:

— Я капитан Джеймс Кирк. Это космический корабль «Энтерпрайз».

Женщина нажала кнопку на браслете. Послышалось жужжание. Свет на мостике мигнул и померк; и тут же с изумленным выражением лица Кирк, Спок и Скотти застыли, парализованные. И рухнули на палубу.

Жужжание переместилось в коридор. Свет снова мигнул. Трое охранников споткнулись на бегу и упали. Жужжание стало громче. Оно двинулось в лазарет, где Мак-Кой и сестра Чапел осматривали больного. Опять померк свет. Когда снова стало светло, Мак-Кой, сестра и пациент лежали без сознания.

Тишина воцарилась на корабле.

По-прежнему улыбаясь, прекрасная пришельца взглянула на Кирка и перешагнула через него, чтобы рассмотреть лицо Скотти. Затем перешла к Споку. Улыбка стала ярче, когда она склонилась над ним...

Никто не мог сказать, сколько они пробыли в таком состоянии. Постепенно сознание вернулось к Кирку, и он увидел, что и другие нашли в себе силы поднять головы.

— Что... где..? — выговорил он бессвязно.

Зулу уточнил вопрос:

— Что произошло?

Кирк с трудом дотащился до своего кресла.

— Приборы, мистер Зулу?

Зулу автоматически проверил контрольную панель.

— Без изменений с последнего доклада, сэр.

— Мистер Спок?

Но на посту вулканита некому было ответить. Спока там не было. Кирк беспокойно взглянул на Скотти.

— Девушка, — изумленно произнес Скотти, — она тоже исчезла!

— Да, эта девушка...

Звякнул интерком.

— Джим! Джим, спустись в лазарет, скорее! Джим, скорее!

В голосе Мак-Коя была тревога, к которой примешивался ужас.

Врач «Энтерпрайза» пытался заставить себя взглянуть на дело своих рук. Внутри прозрачной герметичной камеры покоилось неподвижное тело Спока. Верхняя часть черепа была скрыта повязкой. Лихорадочно орудуя ручками настройки, Мак-Кой бросил:

— Готово?

Сестра Чапел у своего небольшого пульта кивнула, повернула переключатель, и контрольные лампочки замигали.

— Работает, — с облегчением вздохнула она.

— Слава Богу.

Мак-Кой облокотился на стол, и тут в лазарет вбежал Кирк.

— Боунс, ради бога, что... — Кирк осекся. Он разглядел, что находилось внутри прозрачного пузыря.

— Это Спок! — Кирк быстро взглянул на индикатор жизнедеятельности, тот показывал очень низкий уровень активности. — Ну? — резко спросил капитан.

Ответила сестра Чапел.

— Я обнаружила его на столе, когда пришла в себя.

— Прямо вот так?

— Нет, — выдавил Мак-Кой, — не так.

— Так что случилось? Ты подключил его к системе полного жизнеобеспечения. Он был мертв?

Мак-Кой оперся на стол и с трудом поднялся.

— Это здесь началось, — сказал он.

— Боунс, да говори же, черт тебя подери!

— Он был хуже, чем мертв.

— Что-о?

— Джим... — Мак-Кой говорил почти жалобно, как будто просил пощады за свою беспомощность. — Джим... — Его мозг исчез...

— Продолжай.

— С технической точки зрения это самая совершенная работа, которую я когда-либо видел. Каждое нервное окончание аккуратно запечатано. Ничто не ра-

зорвано, вообще не повреждено! Никакого кровотечения. Хирургическое чудо!

— Мозг Спока... — Кирк с трудом овладел собой.

— Исчез! — Мак-Кой оставил профессиональный тон. — Спок... его удивительное тело держалось, пока я не подключил систему. Тело живет — но его покинула личность.

— Та девушка... — сказал Кирк.

— Что за девушка?

— Это она забрала его. Не знаю, куда и зачем. Но это она взяла мозг Спока.

— Джим...

— Как долго вы сможете поддерживать жизнь в его теле?

— Самое большое несколько дней. Но и этого нельзя гарантировать.

— Этого недостаточно, Боунс.

— Если бы это случилось с любым из нас, я мог бы поддерживать жизнь бесконечно долго. Но с вулкаником все иначе. Тело Спока гораздо больше зависит от его необычайного мозга.

— Еще раз — сколько у нас времени, доктор Мак-Кой? Я должен знать.

Мак-Кой устало потянулся к своим записям.

— Он пострадал от потери спинномозговой жидкости в процессе операции. Резерв минимален. Запас Т-отрицательной крови Спока — на две полные замены. — Он поднял взгляд от таблиц.

— Три дня, не больше.

Кирк повернулся к прозрачной капсуле, и его сердце заныло при виде белого, как бумага, лица. Спок, его друг, неизменный спутник в тысячах опасных ситуациях и приключениях, Спок, трезвый и надежный советчик, такой преданный...

— Ну ладно, значит, у меня три дня.

При виде нескрываемой боли на его лице Мак-Кой знаком попросил сестру оставить их одних.

— Джим, ты надеешься вернуть ему мозг? Как ты собираешься его найти? Где ты его будешь искать? По всей Галактике?

— Я найду его.

— Даже если ты его найдешь, с теми инструментами, что у нас есть сейчас, его невозможно вернуть на место.

— Он был вынут — его можно вложить обратно. Очевидно, существует какой-то способ.

— Но я-то его не знаю! — Мак-Кой почти кричал.

— Воровка, взявшая мозг, знает этот способ. Я его из нее выбью! Так что помоги мне, мы его узнаем.

Зулу обнаружил ионный след загадочного корабля.

— Взгляните, мистер Скотти, вот он!

Скотти фиксировал цифры в блокноте.

— Ага, ионный след. Это ее корабль, точно.

— Куда он ведет, мистер Чехов? — спросил Кирк.

Чехов взглянул на монитор библиотечного компьютера Спока.

— В систему Сигма Дракона, сэр.

— Пристегнуться всем! — скомандовал Кирк. — Максимальная скорость без потери следа, мистер Зулу!

— Есть, капитан! Искривление шесть.

— Мистер Чехов, полную информацию о Сигме Дракона!

Зулу повернулся к Кирку:

— Прибытие: семь земных часов двадцать пять минут на искривлении шесть, сэр.

— Это точно — насчет следа, Скотти?

— Точно, капитан.

Чехов доложил с поста Спока:

— Входим в зону наблюдения Сигмы Дракона, сэр.

Тревога зазвенела в голосе Зулу:

— Капитан, я потерял след!

Кирк вскочил с кресла.

— Ты потерял след к Споку?

— Да, сэр. На искривлении шесть неожиданное активированное смещение.

— Ладно, не извиняйся, — сказал Кирк. — Мы потеряли этот корабль. Но он направляется именно в эту звездную систему и должен быть где-то поблизости. — Он обернулся к Чехову. — Дайте схему Сигмы Дракона на обзорный экран.

Тут же на экране появились девять планет, составлявших эту систему.

— Данные, мистер Чехов.

— Звезда спектрального типа Ж-9. Три планеты класса М имеют разумную жизнь. Первая планета на-

ходится на пятой ступени по шкале индустриального развития. Вторая планета класса М — на шестой.

— Примерно соответствует Земле в 20.30, — прикинул Кирк.

Вмешался Скотти:

— Но тот корабль, капитан! Либо они на тысячелетие впереди нас, либо это какой-то невероятный выверт дизайнеров.

— Третья планета класса М, мистер Чехов?

— Да, сэр. Никаких следов индустриального развития. На второй ступени двадцатибалльной шкалы. Ледниковый период, по последним данным. Разумная жизнь обильна, но преимущественно на примитивном уровне. — Чехов обернулся и взглянул Кирку в лицо. — Конечно, сэр, ни в одном из трех случаев подробное наблюдение Федеральным контролем не проводилось. Вся информация основана на дальнобойном сканировании и отчетах о предварительных контактах. Неизвестно, насколько они точны.

— Ясно, мистер Чехов. Три планеты класса М, и ни у одной нет собственной возможности построить и запустить межзвездный корабль. И, однако, одной из них это явно удалось.

Чехов, считывавший информацию компьютера, был слишком удивлен последним, чтобы заметить иронию в голосе капитана. Он еще раз проверил данные, прежде чем подать голос:

— Капитан, вот странно: я обнаружил высокоэнергетичный генератор на седьмой планете.

— Это та самая, примитивная — обледенелая?

— Так точно, сэр.

— Источник энергии?

— Должно быть, природный — вулканическая активность, пар — любой из дюжины, сэр. Но пульсация очень ритмичная.

— Еще раз — данные о поверхности.

— Никаких следов высокоорганизованной цивилизации. Небольшие группы примитивных гуманоидов. Очевидно, обычная охотничье-собираТЕЛЬСКАЯ стадия социального развития.

— И генератор высокой энергии с ритмичной пульсацией?

— Я этого не могу объяснить, капитан. — Кирк по-

вернулся к остальным членам команды, находящимся на мостике:

— На этот раз мы не имеем времени на ошибки. Мы должны выбрать нужную планету, отправиться туда — и взять то, за чем мы пришли. Мистер Чехов, ваши предложения.

— Планета-три, сэр. Она ближе, населена плотнее остальных.

Скотти произнес:

— На пятом технологическом уровне они не могли бы запустить тот корабль, что мы видели.

— Как и ни одна из этих планет, — заметил Чехов.

— Нужно делать ставку там, где больше шансов, — резко ответил Скотти. — Капитан, я думаю — четвертая планета. По технологии она опережает третью.

— Да, — сказал Кирк, — но ионный ускоритель — это вне пределов даже нашей технологии. Кто же из них способен на такое?

— И что им надо с мозга мистера Спока? — подала голос Ухура. (Ухура говорит с необычным употреблением предлогов — нечто вроде речи иностранца.)

— Что? — переспросил Кирк.

— Я сказала: что им надо с мозга мистера Спока? Какое употребление они могут сделать из него? Зачем им его хотеть?

Кирк пристально посмотрел на нее.

— Очень интересный вопрос, лейтенант. Действительно, зачем он им? Планета семь. Вы говорите, там ледники, мистер Чехов?

— Да, сэр. Уже несколько тысячелетий, по меньшей мере. Свободна ото льда только тропическая зона — но и там ужасно холодно. Там живут гуманоиды, но в кошмарных условиях.

— Но та энергия, мистер Чехов. Это там.

— Да, сэр. Это бессмыслица, но это там.

Кирк откинулся в кресле. Три дня — и тело Спока станет мертвым. Выбор. Снова выбор. Снова решение-приказ. Он решился.

— Я поведу группу поиска на седьмую планету.

Скотти засопел и заворочался.

— Что такое, мистер Скотти?

— Ничего, сэр.

— Отлично. Мы отправляемся немедленно.

Кирк повидал в свое время разные унылые ландшафты, но этот, подумал он, занял бы первое место на межгалактической ярмарке унылости.

Если здесь и была какая-то растительность, она вряд ли заслуживала этого названия — темно-коричневая, похрустывавшая под ногами сухим инеем. Никакой зелени, только камни, черные под редкими клочками снега, застрявшего в расщелинах и неровностях. Непрерывно дул ветер. Кирк поежился, благословляя предусмотрительность, с которой он и остальные члены группы — Мак-Кой, Скотти, Чехов и двое охранников — надели термоизолирующую теплую одежду.

— Приборы, мистер Скотти? — его теплое дыхание сгустилось в легкий туман, пока он говорил.

— Рассеянные на большой площади жизненные формы. Гуманоиды — по большей части.

— Следите за ними. Это примитивы. Начинайте, прошу вас, мистер Чехов.

Чехов снял с плеча трикодер и приступил к работе на каменистом плато, где они только что материализовались. За его действиями наблюдал некий зритель. Над Чеховым возвышался крутой откос, рассеченный узкой щелью и покрытый мочалками чахлой поросли. Завернутая в меха фигура, вооруженная грубой сучковатой дубинкой, вскарабкалась по щели и теперь лежала ничком на краю скалы, глядя сквозь редкие растения на то, что происходило внизу.

Чехов повернулся к своим:

— Никаких построек, капитан. Никаких следов явного потребления или генерации энергии. Атмосфера в порядке. Температура — самое большее минус 40. Можно жить.

— Если у тебя толстая шкура, — заметил Мак-Кой.

К фигуре на вершине скалы присоединилось еще несколько закутанных в меха созданий с лицами, закрытыми капюшонами, как не бывает у парок. Они передвигались от камня к камню, сближаясь, как будто сжимая кольцо. У большинства в руках были дубинки. Один держал копьё.

— Капитан! — завопил Чехов. — Там кто-то есть! Там, наверху... на той скале.

— Фазеры на оглушающее действие. Стрелять только по моей команде, — приказал Кирк.

Чехов снова поднял глаза от своего трикодера.

— Я засек шестерых, сэр. Гуманоиды. Большие.

— Помните, мне нужен один в сознании, — сказал Кирк остальным.

В этот момент огромный человек, с жутко заросшим лицом, поднялся на скале во весь рост и, размахнувшись своей дубиной, метнул ее вниз. Она попала в одного из охранников, и тот вскрикнул от боли и неожиданности. Этот вопль заставил вскочить на ноги остальных пятерых, которые обрушили на «Энтерпрайз» град камней и дубин.

Прицелившись в одного из них, Кирк нажал на спуск. Человек упал и скатился вниз по склону, ошеломленный ударом. Вопя что-то друг другу, остальные скрылись.

Пленник оказался крепкоголовым. Сознание вернулось к нему на удивление скоро, и он попытался подняться, но Скотти скрутил его захватом из арсенала дзюдо, так что любая попытка пошевелиться грозила болью. Человек (а это был человек) сдался. Он со страхом посмотрел снизу вверх на Кирка. Протянув открытую ладонь в дружественном жесте, Кирк произнес:

— Мы не хотим тебе зла. Мы не враги. Мы хотим быть твоими друзьями.

Страх в глазах человека погас. Кирк заговорил снова:

— Мы не причиним тебе вреда. Мы хотим поговорить с тобой. Отпустите его, мистер Скотти.

— Капитан, он может оторвать вам голову.

— Отпустите его, — повторил Кирк.

Человек произнес:

— Вы — не Другие?

— Нет, — ответил Кирк, — мы не Другие. Мы пришли издалека.

— Вы такие же маленькие, как и они. Я мог бы сломать тебя пополам.

— Но ты этого не сделаешь, — сказал Кирк, — мы люди, так же, как ты. Зачем вы напали на нас?

— Когда приходят Другие, мы сражаемся. Мы подумали, что вы — Другие.

— Кто они?

— Они дают боль и наслаждение.

— Они живут здесь, с вами?
— Они приходят.
— Где вы их видите, когда они приходят?
Человек широко развел руками.
— Везде. На охоте, когда мы едим, когда время спать.

— Эти Другие — откуда они приходят?
Кирк почувствовал тяжесть взгляда собеседника.
— Они приходят с неба? — спросил он.
— Они здесь. Вы увидите. Они придут за вами тоже, они приходят за всеми, кто как мы.
— Джим, спроси его насчет женщин, — посоветовал Мак-Кой. И тут же сам обратился к человеку:
— Эти Другие приходят и к вашим женщинам тоже?
— Женщины?
— Самки, похожие на тебя, — пояснил Кирк.
Человек пожал плечами:
— Твои слова ни о чем не говорят.
Кирк сделал еще одну попытку:
— Мы ищем... пропавшего друга.
— Если он попал сюда, он у Других.
— Отведешь нас туда, где мы можем найти их?
— Никто не ищет Других.
— А мы хотим этого. Отведи нас к ним, и мы тебя отпустим.

— Капитан! — Чехов, со включенным на полную мощность трикодером, возбужденно указывал на землю. — Здесь, прямо под нами, какой-то фундамент под поверхностью. И развалины каменной кладки! Сигналы повсюду!

— Здания?

— Без сомнения, сэр. Страшно старые и полностью заваленные. Не понимаю, как наши сенсоры их не засекли.

— Значит, здесь под нами то самое место, где живут эти Другие, — сказал Кирк. — Мистер Скотти, проверьте.

Скотти и один из охранников двинулись прочь, и тут человек, завернутый в шкуры, издал жуткий вопль:

— Не ходите! — орал он. — Не ходите!

Чехов и Мак-Кой старались его успокоить, но напрасно. Он бешено рвался из рук, вопя от ужаса.

— Отпустите его! — приказал Кирк, и они подчинились.

— Не ходите! — последнее предупреждение было почти плачем. И затем он исчез, лихорадочно вскарабкавшись по скале. Чехов произнес:

— Что могли сделать Другие, чтобы вызвать такой ужас?

— Это мы можем узнать достаточно скоро, — мрачно отозвался Мак-Кой.

— Боунс, как он сказал: что дают эти Другие? Боль и наслаждение, так?

— Странная смесь, Джим.

— А что не странно... здесь? — сказал Кирк. — Мертвый и похороненный город в ледниковый период.

— И мужчина, — подхватил Чехов, — который не понимает слова «женщины».

— Где-то здесь существует нить, которая все это связывает воедино. А сейчас хотел бы я, чтобы здесь оказался Спок и разобрался в этой связи. Не обижайтесь, Чехов, — проговорил Кирк.

Чехов отозвался нервно:

— Мне бы тоже этого хотелось, сэр.

— Похоже, ваша догадка была верной, Джим. Если здесь когда-то был город, может, миллионы лет назад...

— ...Тогда они могли достичь уровня, необходимого для создания корабля вроде того, что мы видели, — кивнул Кирк.

— Капитан! Сюда, сэр. — Скотти и охранник стояли около каменного карниза, выступавшего из скалы. Под ним виднелось отверстие, достаточно большое, чтобы в него мог пролезть даже большой, нескладный, завернутый в шкуры мужчина. Оно вело в пещеру. Или комнату? Или еще куда-то.

— Я взглянул внутрь, — сказал Скотти, — там еда, капитан.

— Еда?

— И груда еще чего-то. Это похоже на тайник. Взгляните, сэр.

Помещение было площадью около двенадцати квадратных футов, и в нем должно было бы быть темно. Однако света было достаточно, чтобы рассмотреть целые груды съестного, аккуратно сложенного вдоль одной из стен. Вдоль другой лежали шкуры вместе с дубинками, металлическими ножами, инструментами и топорами.

— Склад, — определил Мак-Кой, — наших мускулистых друзей.

— Я так не думаю, Боунс.

Кирк поднял грубый металлический топор.

— Выкован и закален. Наши дикие братья так не могут. — Он вернулся ко входу в пещеру и провел пальцами по краям отверстия. Они были гладкими. Кирк медленно обошел пещеру снова, исследуя место более внимательно. И тут он заметил свет, который то разгорался, то гас. Он исходил из небольшого углубления в стене, возле которой была сложена еда. Кирк подождал. Свет стал ярче, — и из углубления вырвался луч, направленный прямо в углубление на противоположной стене.

— Скотти, Боунс! — когда они подбежали, Кирк остановил их поднятой рукой. Свет снова стал ярче, и он указал на него:

— Что вы об этом думаете?

— Быть может, это средство, чтобы держать тех диких ребят подальше от запасов еды? — предположил Скотти.

— Думаешь, этот свет может убить? — спросил его Мак-Кой.

— Думаю, вполне.

— А может, — задумчиво сказал Кирк, — эта еда — наживка, чтобы заманить этих простаков в пещеру?

— В таком случае, луч может служить сигналом их прибытия.

— И эта пещера — ловушка!

— Она может прихлопнуть и нас, капитан, — нервно произнес Чехов.

— Да, — согласился Кирк. — Так что вы с охраной останьтесь у входа. Мы будем поддерживать с вами связь. Если мы не будем отвечать в течение пяти часов, возвращайтесь на «Энтерпрайз» и свяжитесь с командованием Звездного Флота. Ясно?

— Да, сэр.

— Тогда возвращайтесь ко входу.

— Есть, сэр.

По знаку Кирка Скотти и Мак-Кой проверили коммуникаторы. Мак-Кой вскинул на плечо трикодер, и затем все трое пересекли луч. Кирк оглянулся: позади них упали стальные створки и закрыли вход в пещеру.

— Фазеры на оглушающее действие, — скомандовал он.

Мощный гул нарушил тишину. Звук повышался, пе-

реходя в вой, и вдруг вся пещера дрогнула под их ногами и двинулась вниз, словно кабина лифта. Она плавно набирала ход, и Скотти, проверяя трикодер, сказал:

— Капитан, тот генератор энергии — мы к нему приближаемся!

— Какая мощность?

— Достаточная, чтобы сдвинуть эту планету с орбиты.

Оглушительный звон слабел.

— Естественный или искусственный, мистер Скотти?

— Я бы сказал, искусственный, сэр.

— А источник?

— Либо ядерный реактор, размером в сотню миль, либо...

— Либо что, мистер Скотти?

— Ионный генератор.

Кирк тонко улыбнулся. Ионный генератор... — это они похитили Спока. Ему пришлось подавить в себе волну ярости, но затем он решил позволить ей овладеть собой. Это поможет обострить все чувства... И это ему удалось. Дверь пещеры-лифта была настолько искусно замаскирована в стене, что лишь ему одному удалось заметить ее, прежде чем она бесшумно скользнула в сторону. Перед ними стояла юная девушка. Кирк поискал глазами и нашел усеянный кнопками браслет на ее запястье. Ее глаза сузились от удивления и страха, но прежде чем она успела прикоснуться к браслету, Кирк выстрелил из фазера. Девушка рухнула как подкошенная.

Скотти смотрел по сторонам, пока Кирк снимал браслет.

— С ней все в порядке, Боунс? — спросил он Мак-Коя, когда тот поднялся после осмотра тела девушки.

— Она у меня заговорит через минуту — если она вообще умеет говорить.

Веки девушки дрогнули. Мгновенно ее правая рука метнулась к левому запястью. Кирк помахал браслетом у ее глаз.

— Хватит с нас этих штук, — сказал он.

Девушка вскочила на ноги, чтобы схватить браслет. Но мощные руки Мак-Коя убедили ее в бессилии и она произнесла:

— Вы не здешние. Вы не м о р г и.

Кирк пропустил эти слова мимо ушей.

— Отведи нас к главному. Мы должны с н и м поговорить.

— С ним? С каким таким ним? — удивилась девушка. — Меня зовут Лума, и я не знаю никакого Нима.

— Кто здесь главный? — раздраженно спросил Кирк. — Где тот мозг? Куда вы его поместили? Ты понимаешь меня?

— Вы не здешние. Вы не морги и не айморги. Я ничего не знаю ни о каком мозге.

— Да неужто?! У меня нет времени на всякое тупое вранье!

— Джим, она не лжет. Я проверил ее, она действительно ничего не знает. — Мак-Кой снова вскинул трикодер на плечо, а девушка, воспользовавшись моментом, рванулась к двери в конце коридора. Кирк схватил ее, когда она уже почти достигла двери, но девушка успела коснуться фотоэлемента на косяке. Кирк преградил ей путь.

— Что это за место?

— Это место? Это здесь.

— Кто ты?

— Я уже сказала — я Лума. Я айморг. Вы не айморги. Вы не морги. Я не пойму, кто вы такие.

— Ладно, — сказал Кирк. — Я вижу, у них действительно крайняя нужда в мозгах. Присмотри за ней, Скотти.

— От нее вы ничего не добьетесь, капитан. У нее ум ребенка.

— Тогда у нее должна быть нормально развитая сестра, и она нас к ней отведет. С меня довольно этой наивной невинности! — Он набрал код на коммуникаторе. — Капитан Кирк вызывает Чехова! Кирк вызывает Чехова! Прием, мистер Чехов...

Ответа не было. Он изменил настройку и попробовал снова:

— Кирк вызывает Чехова! Прием, мистер Чехов!..

— Восхитительно. Какая неудержимая активность. Но без всякого желания — восхитительно!

Кирк окаменел. Волна холода окатила его с головы до ног. Это был голос Спока — знакомый до боли, медленно выговаривавший слова.

— Восхи...

— Спок! Спок, это ты! — закричал Кирк в коммуникатор.

— Капитан! Капитан Кирк?

— Да, Спок! Да!

— Приятно услышать человеческий голос, особенно ваш.

Не в силах вымолвить ни слова, трясущимися руками Кирк передал свой коммуникатор Мак-Кою. Мак-Кой закричал в микрофон:

— Где ты, Спок? Мы пришли за тобой!

— Это вы, доктор Мак-Кой? Вы с капитаном?

— Где же мне еще быть? — доктор в свою очередь молча передал коммуникатор Скотти.

— Где вы, мистер Спок?

— И вы здесь, инженер Скотти? К несчастью, я сам не знаю, где я.

Кирк выхватил коммуникатор.

— Мы доберемся до тебя, Спок! Скоро доберемся, держись.

— Хорошо, капитан. Совершенно не похоже, что я могу добраться до вас.

Мак-Кой заговорил снова:

— Если тебе неизвестно, где ты находишься, не знаешь ли ты, что с тобой делают? Это могло бы помочь нам.

— Простите, доктор. Я не имел возможности получить какие-либо сведения на этот счет.

— Они используют тебя для чего-то, — настаивал Мак-Кой.

— Возможно, вы правы. В данный момент я не ощущаю себя особенно пригодным для чего-то. В каком-то смысле я функционирую — но совершенно бесполезен.

— Спок, — сказал Кирк, — сосредоточься. От того, что с тобой делают, зависит то, где ты находишься. Сосредоточься на этом, и мы найдем тебя.

Дверь позади них открылась. За ней стояли двое косматых аборигенов. На их головах красовались металлические обручи на уровне бровей, полосы того же металла спускались от обруча к небритым подбородкам. Позади мужчин стояла прекрасная гостья с неизвестного космического корабля.

Она подтолкнула их к Кирку, Мак-Кою и Скотти, но мужчины не двинулись с места. Она нажала красную кнопку на своем браслете, и мужчин пронзила су-

дорога. В припадке боли и бессильной ярости они бросились на команду «Энтерпрайза». Мак-Кой, застигнутый врасплох, почувствовал, как хрустнуло его ребро под двумя мускулистыми лапами. Кирк вырвался из захвата, пригнулся, и противник перекувырнулся через его спину. Кирк схватил свой фазер, нажал на спуск, и мужчина-морг упал замертво. Затем Кирк отключил ударом каратэ дикаря, напавшего на Скотти.

На этот раз женщина нажала желтую кнопку браслета. Фазер выпал из рук Кирка, почувствовавшего, как тело его онемело. Как и оба морга, как Мак-Кой и Скотти, он упал без сознания.

Зрелище пяти мужских тел, распростертых на полу, явно доставило удовольствие девушке и Луме, которая спустя мгновение присоединилась к ней.

В глубине планеты был мир женщин.

В его Палате Совета за Т-образным столом сидели женщины, каждая из которых могла бы послужить образцом красоты. Когда все еще победно улыбающаяся девушка заняла свое место во главе стола, они поднялись на ноги, поклонились и хором промолвили:

— Слава Повелительнице Каре!

Рядом с каждой из женщин на коленях стоял мужчина, гладкий, откормленный, покорный, как евнух. Время от времени женщины оглаживали мужчин, как ласкают любимую зверушку.

По сигналу Кары дверь открылась. Двое мускулистых ручных мужчин втолкнули Кирка, Мак-Коя и Скотти внутрь и дальше, к самому столу. Теперь и на их головах были металлические полосы. Явная мужественность астролетчиков вызвала оживление среди женщин; но это была не реакция зрелых женщин, а скорее возбуждение детей, впервые попавших в зоопарк.

Скотти первым узнал Кару.

— Это та, что была на «Энтерпрайзе», — шепнул он Кирку.

Кирк кивнул:

— Я узнал эту улыбку.

— Вы хотите что-то сказать? — поинтересовалась Кара.

— Только одно, — ответил Кирк, — Что вы сделали с мозгом моего первого помощника?

— Я не знаю вашего первого помощника.

— Его мозг. Вы взяли мозг Спока.

Что-то шевельнулось в глазах Кары.

— Ах, да! Мозг! С Лумой ты тоже говорил о каком-то мозге. Мы тебя не понимаем.

«Они действительно дефективные, — подумал Кирк. — Вбить что-то в эту прекрасную голову было трудным делом. Терпение! Терпение», — сказал он себе. Отчетливо выговаривая слова, он медленно произнес:

— Вы появились на борту моего космического корабля. Вы пришли туда, чтобы забрать мозг Спока. Более того, вы это сделали. Так что же для вас непонятно, когда я говорю о мозге?

— Мы не знаем, о чем ты говоришь. Мы бываем только здесь и наверху. Это наше место. Ты не морг. Ты чужой.

Кирк уже едва сдерживал себя:

— Вы побывали на моем корабле...

Мак-Кой положил руку ему на плечо.

— Джим, может, она не помнит или даже не знает всего. Существует какой-то разрыв. Одно известно наверняка: она не делала той операции.

— Если это требует ума, то наверняка нет, — согласился Кирк.

Кара указала на Луму.

— Ты причинил ей боль. Это запрещено.

— Прошу прощения, — сказал Кирк, — мы никому не хотели причинять вред.

— Хочешь вернуться домой? Ты можешь идти.

Кирк призвал на помощь все свое очарование, которое он вынужден был иногда демонстрировать.

— Мы хотим остаться с вами. Мы хотим учиться у вас. И рассказать вам о себе. Тогда мы перестанем быть чужими.

Женщинам это пришлось по душе. Они согласно кивали и улыбались, переглядываясь. Мак-Кой решил добивать своего шарма.

— Наверху холодно, а здесь, внизу, с вами тепло. Возможно, это ваша красота освежает здешний воздух.

Это им тоже понравилось, и настолько, что и Скотти решился сказать:

— Здесь не видно солнца, и все же здесь светло — от вашего очарования.

Кирк потерял остатки терпения.

— Я хочу увидеть тех, кто управляет.
— Управляет? — эхом ответила Кара. Она выглядела настолько удивленной, что он объяснил:

— Вожди вашего народа.

— Вожди? Я вождь, другого здесь нет.

В недоумении Скотти спросил:

— А кто занимается вашими машинами?

Кирк сделал глубокий вздох:

— Это, очевидно, весьма обширное место. Кто осуществляет контроль над ним?

— Контроль? — снова переспросила Кара. — Контролер?

Выражение ее лица сказалось Кирку, что это слово имеет для нее смысл. Он постарался не выдать своего волнения.

— Да! Контролер, правильно! Мы хотели бы встретиться... увидеть вашего контролера!

Негодование Кары было столь же неожиданным, сколь сильным:

— Это не разрешается! Никогда! Контролер — он один, отдельный! Мы служим Контролеру, и никто из посторонних не допускается к нему!

— Мы не имели в виду ничего дурного, — поспешно заверил ее Кирк.

Но женщина взорвалась как вулкан:

— Ты пришел, чтобы уничтожить нас! — женщины вокруг Кары, зараженные ее паникой, заметались, как птицы при виде подползающей змеи. Каждая потянулась к браслету на своем запястье. Кирк заорал в испуге:

— Нет, нет! Мы пришли не уничтожить! Мы не разрушители!

Мак-Кой подбежал и встал рядом с ним.

Он постарался вложить в свои слова всю убедительность, на которую был способен:

— Все, чего мы хотим, — это поговорить с кем-нибудь о мозге Спока.

— Мозг? Опять мозг! Что такое мозг? Это Контролер, так?

Мак-Кой кивнул:

— Ну, в общем, да. В каком-то смысле. Мозг человека контролирует деятельность индивидуума. — У него мелькнула догадка о причине всей этой истерики. Он

бросил взгляд на Кирка. — А контролирующая способность мозга вулканита крайне велика, Джим.

Скотти тоже стало ясно, что Кара отождествляет слово «мозг» с контролирующей силой.

— Возможно, они используют мозг Спока, чтобы... — он не закончил.

— То, что это мозг именно вулканита, делает это возможным.

Кирк неожиданно упал на колени:

— Великая Правительница! Мы прибыли издалека, только чтобы учиться у вашего Контролера...

— Ты лжешь! Ты хочешь забрать Контролера, ты это сам сказал!

Не вставая с колен, Кирк сказал:

— Он наш друг. Мы просим тебя отвести нас к нему.

Но выражение ужаса на лицах женщин только усилилось. Одна начала всхлипывать. Кара вскочила.

— Тихо! Нам нечего бояться. Мы знаем, как управиться с ними.

Однако женщины никак не могли успокоиться. Они опрокинули свои скамьи и выбежали из Палаты Советов, словно один вид пришельцев с «Энтерпрайза» наполнял их ужасом.

Кирк бросился к Каре.

— Ты должна отвести нас к нему!

Она вдавила красную кнопку на браслете. Полосы металла жгучей болью впились в их головы, будто огненными иглами выжигая сами мысли о Споке, об «Энтерпрайзе», обо всем остальном.

Пытка усиливалась, болью наливались горло, грудь, дыхание пресекалось. Кирк схватился за горло и, кашляя, упал без сознания. Вслед за ним рухнули Скотти и Мак-Кой.

— Я должна понять, что мне делать! — выкрикнула Кара. — Держите их здесь.

Двое ее слуг-моргов замерли в нерешительности. Она сделала вид, что прикасается к браслету. Этого было достаточно. Они кинулись к бесчувственным телам и встали по бокам их на страже.

Боль проходила. Кирк открыл глаза и увидел, как Мак-Кой дрожит крупной дрожью.

— Ты в порядке, Боунс? — Мак-Кой кивнул в ответ, глаза его были налиты кровью.

— Я... Я никогда бы не поверил, что человеческое

тело способно вынести такую боль, — прошептал он. Скотти, очнувшись, попытался стянуть с головы стальной обруч.

— Они присоединены к нам каким-то магнитным замком.

— Неудивительно, что морги так послушны, — проговорил Кирк, с трудом поднимаясь на ноги. — Что меня поражает, так это как все здесь работает. Как они очищают воздух, поддерживают нормальную температуру?

— Но уж мужчины здесь ни при чем — это точно, — заверил Мак-Кой. — Они живут на замерзшей поверхности, как звери. Так что это должны быть женщины. Они здесь, внизу, пользуются всеми благами цивилизации.

— Ни одна из этих женщин не смогла бы организовать нормальное функционирование всего того, что здесь есть, — возразил Скотти. — Для этого был бы нужен настоящий инженерный дар. В этих дамах нет ни следа необходимых способностей.

— Надеть нам эти намордники ловкости у них хватило, — мрачно заметил Кирк, — Что за способ управляться с мужчинами!

— «Боль и наслаждение», — процитировал Мак-Кой. — Уверен, что вы уже отметили аспект наслаждения, Джим.

— Да. Очарование, секс, тепло, пища — и все это в распоряжении женщин.

— Но как вписывается мозг Спока в это дамское подполье? — поинтересовался Скотти.

Кирк не ответил. Морги-охранники отошли от них и теперь стояли у стола в центре помещения, на котором были аккуратно разложены трикодеры и коммуникаторы его команды. Не хватало только фазеров.

— Боунс, — сказал Кирк, — ты видишь то же, что и я — там?

— Снаряжение здесь, Джим, только потому, что женщины не знают, что с ним делать.

— Джентльмены, — обратился Кирк к своим, — не кажется ли вам, что существует чисто научный метод решения проблемы возвращения нашего снаряжения?

— Так точно, — откликнулся Скотти. — Давайте, пошли, капитан!

И они бросились на моргов. Челюсть первого Кирк

сжал жестким захватом, послышался крик боли. Будто испуганный, что его могут услышать, второй морг искалочно посмотрел на дверь, решился и прыгнул на Скотти. Оба охранника обладали огромной мускульной силой, но продолжительная практика повиновения разрушила их умение эффективно ею пользоваться. Кирк уложил своего голиафа ударом по горлу. Точный удар Скотти по шейным позвонкам противника тоже увенчался успехом. Драка по науке действительно была ключом к решению данной проблемы. На сороковой секунде оба охранника были в ауте.

Кирк поспешно настроил частоту своего коммуникатора:

— Спок! Спок, слышишь меня на этом канале? Спок, отвечай, это Кирк!

— Да, капитан, — это был голос Спока. — Я здесь, но я чувствую себя растянутым почти до бесконечности. Вы вернулись на «Энтерпрайз»?

— Нет! Мы временно были... вне связи.

— У вас нет, надеюсь, серьезных повреждений?

— Нет! Спок, тебе удалось узнать, как именно тебя используют? Это связано с медициной или...

— Я не уверен, сэр. Кажется, у меня есть тело, которое растягивается куда-то в бесконечность.

— Тело? — поперхнулся Скотти. — У тебя нет тела!

— Ты — лишенный тела мозг, — добавил Мак-Кой.

— Правда? Фантастика. Это может многое объяснить. Моя *medulla oblongata**, очевидно, управляет моим дыханием, качает кровь и поддерживает нормальную температуру.

— Спок, — вмешался Мак-Кой, — поддерживать жизнь изолированного мозга — уже чудо с медицинской точки зрения. Но чтобы он еще и функционировал — это невозможно!

— Я согласился бы с вами, доктор, не будь я сам убедительным доказательством обратного. Представляется бесспорным, что мой мозг функционирует, не так ли?

— Так, Спок, должен признать. И слава богу.

— Как была проведена операция?

— Мы не знаем.

* *medulla oblongata* — продолговатый мозг, верхняя часть спинного мозга, образующая нижнее формирование головного мозга.

— Тогда зачем вы подвергли себя такому риску, отправившись сюда?

— Мы пришли, чтобы забрать тебя обратно.

— Обратно куда? В мое тело?

— Да, Спок.

— Впечатляюще, капитан. Но практически невозможно. Мое тело... — Мак-Кой схватил коммуникатор.

— Ты не подумал о том, что у меня хватило сообразительности подключить твоё тело к системе полного жизнеобеспечения?

— Конечно. Но я не верю, что у вас есть необходимые знания и умение, чтобы вернуть мозг на прежнее место. Такое знание ещё просто не существует в Галактике.

Кирк взял коммуникатор из рук Мак-Коя.

— То искусство, которое извлекло твой мозг, существует прямо здесь. Как и искусство вернуть его.

— Капитан, как много времени прошло с тех пор, как мой мозг был извлечен из тела?

— 48 часов.

— Сэр, доктор Мак-Кой, вероятно, сообщил вам, что 72 часа — это максимальный срок, в течение которого мое тело...

— Я знаю, Спок. У нас осталось 24 часа.

— Это слишком мало, чтобы овладеть нужной технологией.

— Крайне мало. Один вопрос, Спок. К нашим головам прикрепили какие-то стальные полосы, они причиняют боль. Ты не знаешь, как от них избавиться? Их нужно снять.

— Я подумаю над этим, — ответил голос.

— Сделай это первоочередным вопросом в повестке дня. И не пропадай. Конец связи. — Они осторожно выскользнули из Палаты Советов в пустой коридор. Кирк трезво произнес:

— Джентльмены, как справедливо заметила дама, мы не морги. Мы дисциплинированы, умны, мы устремлены к цели. Мы сохраним это стремление, какую бы боль нам ни причиняли.

Его коммуникатор издал легкий шорох.

— У меня для вас ответ, капитан. Ваши болевые облучатели управляются вручную. Их освобождает голубая кнопка на браслете. Это вряд ли вам особенно поможет...

— Нет, как раз поможет, — сказал Кирк. — Спасибо, Спок!

Голубая кнопка. Он должен запомнить.

Они тут очень привязаны к цветам. Дверь к конце коридора переливалась разноцветными бликами, словно витраж. Казалось, что у нее есть и другие свойства. Хотя они приближались к ней очень медленно, трикодер Мак-Коя начал звенеть довольно громко. С каждым осторожным шагом интенсивность звука возрастала, и наконец Мак-Кой сказал:

— Я его выключу. Источник энергии слишком мощный для трикодера.

— Спок, — позвал Кирк в свой коммуникатор, — ты не знаешь, близко ли ты находишься к источнику энергии?

— Не могу сказать. Но вы, капитан, очень близко от него.

Это было заслуживающим доверия утверждением. Вблизи они увидели, что разноцветные выступы двери излучают люминесцентное сияние. Толкнув ее, они уперлись взглядом в стену напротив, мерцавшую многочисленными блестящими инструментами. Помещение вполне могло быть лабораторией магов, увлекшихся секретами какой-то тайной технологии. Другая стена представляла собой огромную контрольную панель со шлемовидным устройством в верхней части. Поблизости от него на металлическом пьедестале помещался большой черный ящик, усаженный фотоэлементами, которые были связаны узкими лучами света с активными элементами на контрольной панели. Между элементами непрерывно пульсировала энергия.

Спиной к ним перед черным ящиком стояла в напряженной позе Кара.

И все же, несмотря на осторожность, она их услышала. Она резко обернулась, рука мгновенно коснулась браслета. Боль вонзила свои когти в их черепа, вырвав у Скотти ужасный вопль. Они запнулись, грудь у каждого разрывалась, ноги были как резиновые. Кирк дотянулся до ее руки и сорвал браслет. Голубая кнопка. Он надавил на нее — и обручи в момент слетели с их голов. Кара закричала.

Ее крик отозвался многократным эхом, и тут они разглядели продолжение комнаты, в которой находились — огромный машинный зал, тянувшийся под зем-

лей на многие мили, совершенно чужие, незнакомые аппараты, сияющие непонятными панелями, деталями. Они онемели от такого зрелища. Наконец Скотти обрел голос:

— Капитан, это само совершенство. Думаю, это комплекс регенерации воздуха, но я не уверен. Я даже не уверен, что он гидропонный. Несомненно одно: это дело рук гения, до которого мне далеко.

Кирк задержал взгляд на черном ящике, который мерцал под потоком контрольных лучей, лившихся с контрольной панели на стене. Он сам не понимал, как узнал то, что узнал. Он приблизился к ящику.

— Спок, ты находишься в черном ящике, связанном с какой-то сложной контрольной панелью световыми лучами.

— Невероятно! — голос звучал совсем близко.

— Спок, ты сказал, что дышишь, поддерживаешь кровообращение и температуру. Может быть, ты вдобавок управляешь регуляцией воздуха, обогревом, очищением воды?

— Точно, капитан, это именно то, чем я занимаюсь.

Кара вырвалась из рук Мак-Коя. В бешенстве она бросилась на Кирка, пытаясь оттолкнуть его от черного ящика. Он схватил ее, и она сжалась, крича:

— Мы все погибнем! Ты не должен забирать Контролера! Мы погибнем! Этот Контролер молод, силен — он великолепен!

— Крайне лестно, — отозвался черный ящик.

Девушка упала на колени перед Кирком.

— Оставь его с нами! Он будет давать нам жизнь десять тысяч лет!

— Вы найдете себе нового Контролера, — ответил Кирк.

— Другого не существует. Старый уже кончился. Этот новый должен остаться с нами!

В этот момент вмешался голос Спока:

— Капитан, это представляется довольно сложной проблемой. Мой мозг поддерживает жизнеобеспечение большой популяции. Уберите его — и системы жизнеобеспечения, которые он контролирует, встанут.

Мак-Кой угрюмо взглянул:

— Джим, здесь его мозг живет. Если отсоединить

от питающих его источников, чтобы передать в мои руки, он может погибнуть.

— Да, такой риск существует, — сказал Спок, — капитан, как бы я ни хотел снова присоединиться к вам на «Энтерпрайзе», сама идея предательства такого зависимого общества беспокоит мою совесть.

— Чушь! — ответил Кирк. — Это все умствования, которые провоцирует хныкающая дамочка. Она вынула твой мозг — и она может вернуть его обратно! — Он грубо встряхнул Кару. — Как ты взяла его мозг?

— Я не знаю.

— Откуда ей знать, Джим. Ее умственные способности почти полностью атрофированы. За нее думает Контролер.

— О н а з а б р а л а е г о!! — заорал Кирк. Он снова встряхнул Кару. — К а к т ы э т о с д е л а л а?!!

— Это было... старое знание, — всхлипнула она.

— Как ты его получила?

— Я поместила... учителя себе в голову.

— Какого учителя?

Она указала на шлемоподобное устройство на панели.

— Что ты с ним сделала? — потребовал Кирк. — Покажи нам!

Она завизжала от ужаса.

— Это запрещено! Древние запретили это! Я могу знать только по приказу древних!

— П о к а ж и н а м, — сказал Кирк.

Слезы истерики лились по лицу Кары, когда она поднялась на ноги, подошла к контрольной панели и протянула руку за шлемом. Осторожно держа обеими руками, она опустила его себе на голову. Сквозь рыдания, сотрясающие ее, послышался голос Спока:

— Я объясню, с вашего позволения, капитан. Она обращается к запечатанному знанию древних строителей этого мира. Это впечатляющее хранилище, я наблюдаю его. Записи передаются на шлем. Когда шлем надет на голову вождя-священнослужителя, информация идет прямо в его мозг. Это используется редко, и только когда предопределено строителями.

Это утверждение Спока заслуживало доверия. Лицо Кары под шлемом изменилось. Все следы инфантильной истерии исчезли с него. Глаза обрели цепкость, отра-

жавшую активный мыслительный процесс. Даже в голосе ее появились интеллигентные интонации. Она заговорила с отчетливой ясностью:

— Это объяснение абсолютно правильно. Однако Контролер несправедлив ко мне, я представляю инструмент, посредством которого используется это знание. Не будь меня, капитан «Энтерпрайза»...

С этой новой Карой следовало считаться. Мак-Кой заметил разницу.

— Это правда. Без вас не состоялось бы чудо, благодаря которому мозг Спока все еще жив.

Она кивнула с достоинством:

— Благодарю, доктор.

Кирк вставил:

— Мы все оценили ваш вклад, леди.

— Хорошо. Тогда вы оцените и ваш вклад — вот это.

В ее руке был фазер.

— Капитан! — крикнул Скотти, — фазер установлен на поражение!

— Точно, — сказала она. — И этим знанием — как убивать — поделились со мной вы.

Кирк первым нашелся, что ответить.

— Вы знали, как убивать, еще до нас. Вы убиваете Спока тем, что взяли его мозг.

Она рассмеялась:

— Контролер умирает? Да он проживет десять тысяч лет.

— Но Спок умрет. Даже сейчас его тело умирает. Скоро будет слишком поздно, чтобы вернуть ему жизнь.

— Нет, умрет только оболочка, которая когда-то заключала Контролера в себе.

— Но тело и мозг только вместе составляют живое существо!

Фазер не шелохнулся в ее руке. Ее глаза сияли над прицелом.

— Оставим это как ваше мнение. Вы будете здесь, со мной, пока оболочка не погибнет. Затем мы распрощаемся, и вы вернетесь на свой корабль.

— Твои древние используют тебя для убийства, — сказал Кирк.

Она улыбнулась.

— Их повелениям следует подчиняться.

— Повеления, более древние, чем эти, запрещают убийство.

Ее задело холодное упорство в его голосе.

— Как ты не можешь понять? Моему народу Контолер нужен больше, чем тебе твой друг!

Чувство необоримой правоты овладело Кирком. Он впервые понял значение выражения «вскипающая ярость». Она как будто приподняла его вверх. Он вытянул палец в ее направлении.

— Никто не может взять чужую жизнь. Ни для какой цели. Это не дозволено.

Он шагнул вперед. Фазер поднялся. Затем опустился. Скотти осторожно взял девушку за руку и вынул фазер. Ее глаза наполнились слезами.

— Повеление должно быть исполнено.

— Ты поможешь нам, — сказал Кирк. — Как долго сохраняется знание?

— Т р и к и р а.

— Ты восстановишь то, что похитила.

— И предать мой народ? Нет.

— Джим, если шлем срывает на ней, может, подойдет и мне. — Мак-Кой подошел к Каре, снял шлем с ее головы, и тут зазвучал голос Спока.

— Конфигурация ее извилин совершенно иная, доктор. Вы можете выжечь мозг.

— Я хирург. Если я смогу разобраться в технике этой операции, я смогу сохранить ее в своей памяти.

— Боунс, как долго сможет жить мозг с того момента, как мы отсоединим его от всей этой аппаратуры?

— Пять-шесть часов.

— Если использовать бортовую систему жизнеобеспечения «Энтерпрайза», это поможет?

— Это даст еще несколько часов.

Голос Спока сказал:

— Я не могу допустить, чтобы доктор так рисковал. Мак-Кой передал шлем Кирку и подошел к ящику.

— Спок, Спок, ты слышишь меня? Если я сохраню память об этой операции, я смогу передать ее миру! Разве это не стоит риска? Главное — это риск для тебя. Так неужто ты откажешь в праве на риск мне?

Кирк сказал:

— Вот шлем, Боунс. Надевай.

Мак-Кой медленно опустил прибор на голову. Из черного ящика раздался слова:

— Мистер Скотти, подойдите к левой нижней части контрольной панели...

— Да, сэр.

— Видите небольшой рычаг в этом секторе?

— Да, мистер Спок.

— Передвиньте его точно на два деления и резко сдвиньте в прорезь направо.

Раздался приглушенный гул. По мере того, как энергия передавалась с контрольной панели в сеть шлема, руки Мак-Коя поднимались к горлу. Казалось, что его лицо живет отдельно от тела. Лицо сияло в переживании нездешнего просветления, а тело билось в конвульсиях боли. Затем он потерял сознание и упал навзничь. Скотти резко переключил регулятор в исходное положение, и они вдвоем с Кирком бросились к Мак-Койу и осторожно сняли с него шлем. Кирк присел, поддерживая безвольное тело, — и тут Мак-Кой открыл глаза.

Их ошеломление прошло, лица начали светлеть, вначале от удивления, затем от возбуждения. Доктор издал крик радости.

— Ну, конечно! Конечно, это может сделать и ребенок, малый ребенок.

— Удачи вам, доктор Мак-Кой, — сказал черный ящик.

В лазарете «Энтерпрайза» была приготовлена операционная.

Спок лежал на столе, устланном простынями, ширма отделяла верхнюю часть его черепа. За ней совершенно ошеломленная сестра Чапел сосредоточенно следила за каждым движением инструмента в руках доктора Мак-Коя. Он работал с уверенностью, которой она раньше никогда не встречала ни у одного хирурга. На мгновение ей захотелось, чтобы Кирк и Скотти видели то, что ей выпала честь увидеть здесь. Но они вместе с Карой расположились за перегородкой.

Она подошла к ограждению, чтобы шепнуть Кирку:

— Капитан, не беспокойтесь. В это невозможно поверить — но он спаивает нервные окончания, даже отдельные нервы, такие маленькие, что их едва видишь, как будто он занимался этим всю жизнь.

— Сколько еще?

— Трудно сказать, сэр. Он работает с невероятной скоростью.

— Время очень важно, — сказал Кирк, — мы не знаем, сколько еще это умение останется в его руках и голове.

Кара неожиданно всхлипнула. Кирк обнял ее за плечи.

— Что такое?

— Вы получаете его обратно, нас ждет гибель.

Он вывел ее в коридор.

— Нет. У вас не будет Контролера, да так оно и лучше. Вы должны будете выйти на поверхность и жить.

— Мы умрем от холода.

— Нет, не умрете. Мы будем помогать вам, пока вы не сможете помогать себе сами. Вы научитесь работать, чтобы получать тепло. Вы научитесь быть женщинами, а не тепличными растениями.

— Капитан Кирк!

Сестра Чапел стояла в дверях лазарета.

— Поторопитесь, сэр!

Мак-Кой перестал работать. Он отступил от операционного стола с унылым и ошеломленным видом.

— Я... не могу. Я не могу...

— Он забывает, капитан, — сказала сестра Чапел.

— Боунс! — крикнул Кирк через решетку.

Мак-Кой сделал неверный шаг к нему.

— Все эти ганглии... нервы — их миллионы... что я с ними буду делать? Таламус... палмиум...

— Боунс! Ты не можешь остановиться сейчас.

Сестра Чапел, не отрывая глаз от индикатора уровня биоактивности, сказала:

— Доктор, спинномозговая жидкость почти вся вышла!

— Но ты можешь, Боунс! Ведь это было для тебя детской игрой всего минуту назад.

— Все ушло, Джим. Он умирает — и я ничего не могу с этим поделать.

— Доктор Мак-Кой.

Придушенный, запинаящийся, это все-таки был голос Спока. Они уставились на тело, распростертое на простынях. Мак-Кой до того остоленел, что спросил:

— Спок, это ты? Как ты это сказал?

— Если ты закончишь с моими голосовыми связками, я смогу помочь.

Мак-Кой рванулся за ширму. Схватил один инструмент, отложил, выбрал другой и отдал короткое приказание сестре Чапел. Спок неожиданно кашлянул. Его голос окреп.

— Хорошо. Постепенно. Теперь, доктор, попробуйте акустический сепаратор. Не отчаивайтесь!

— Нет, Спок, это все равно что протаскать канат в игольное ушко.

— Не отчаивайтесь, — повторил Спок, — я уже чувствую, ощущаю. Сейчас простимулируйте нервное окончание и следите за реакциями. Я вам скажу, когда проба будет верной. Тогда спаивайте окончания трилазерным коннектором.

Кирк обратился к Мак-Кою:

— Ну?!

В ответ тот что-то прогудел из-за ширмы. Кирк увидел сквозь загородку, как рука Спока шевельнулась, двинулась вверх-вниз, согнулась в локте.

— Очень хорошо, — сказал Спок. — Теперь, доктор, пожалуйста, переходите к соединению основных кровеносных сосудов. Начните с каротидной артерии.

Мак-Кой оглянулся через плечо на Кирка. Его лицо свела судорога.

— Даже если все получится, я этого не переживу. Этот чертов вулканит, который командует, где шить, где резать!

Кирк почувствовал громадное облегчение. К доктору вернулся его прежний тон. Мак-Кой остановился, чтобы дать сестре Чапел возможность вытереть пот с его лба, и снова склонился над столом. Спок произнес:

— Готово, доктор, они соединены.

— Так, Боунс?

Мак-Кой поднял голову:

— Откуда мне знать? Это только ему известно. Я, возможно, сделал тысячу ошибок в соединении нервных окончаний, ганглиев... Баланс жидкости в норме, но кто знает...

Сестра Чапел снова вытирала ему лоб, когда веки Спока дрогнули. Глаза открылись. Он приподнял голову, и его брови поползли вверх в знакомой гримасе, которую Кирк уже не надеялся увидеть опять.

— Джим! — закричал Спок.

Кирк подбежал к столу. Спок уже сидел.

— Джентльмены, — сказал он, — рад снова видеть вас.

— Спок... Спок, — Кирк сглотнул, — как ты себя чувствуешь?

— В целом, кажется, я в порядке, сэр.

Он стал спускаться со стола.

— Бога ради, осторожнее! — крикнул Кирк.

Спок дернулся от боли.

— Возможно, вы правы, капитан. У меня, кажется, что-то вроде мигрени. Лучше я прикрою глаза.

— Тебе нужно спать и спать.

Спок сонно прикрыл глаза и тут же опять открыл их с удивлением.

— Веки работают, — произнес он, — восхитительно! Кажется, вы не все соединили не так, как надо, доктор.

— Я совершил хирургическое чудо, чтобы собрать тебя в одно целое, — заявил Мак-Кой.

— Доктор, я сожалею, что не смог снабдить вас подробным чертежом.

Мак-Кой повернулся к Кирку.

— И зачем только я снова соединил его мозг со ртом!

Из лифта на мостик вышел Скотти.

— Команда технической помощи направилась на седьмую планету, капитан.

— Уже есть донесение?

Скотти потер подбородок.

— Ну, сэр, восстановить дружеские отношения между полами будет нелегко. Они друг другу не доверяют.

— Очень по-человечески, — прокомментировал Спок.

— И еще — там очень холодно, — вмешался Мак-Кой, — особенно женщинам. Однако наши спасатели снабдили дам средством для добывания у мужчин пищи, еды и топлива.

— О? — Кирк повернулся от одного к другому. — Деньги?

— Нет, сэр, — ответил Скотти. — Духи.

— Я не склонен к предсказаниям, джентльмены, но сейчас решусь на одно, — сказал им Кирк. — Сексуальный конфликт на седьмой планете будет недолгим.

— Не вижу фактов, на которых вы основываете это предсказание, — сказал Спок.

— Факты? Длинные холодные ночи, мистер Спок. Обниматься — это гораздо теплее, чем горящие дрова.

— Обниматься, сэр?

— Человеческое пристрастие, Спок, — пояснил Мак-Кой. — Мы и не думали, что тебе что-то об этом известно.

— Конечно, нет, доктор. Общеизвестно, что вулканы размножаются по почте.

Он ухмыльнулся.

— Спок! — заорал Мак-Кой. — Ты улыбнулся! Нет, клянусь святым Георгием, ты улыбнулся!

— Еще одна ошибка вашей хирургии, доктор. Я пытался чихнуть.

— Ну нет, из всех неблагодарных пациентов я... — начал было с негодованием Мак-Кой. Кирк с трудом сохранил серьезность, так подходившую к обычной, привычной, знакомой ситуации.

И конечно, Спок вежливо кивнул возмущенному Мак-Кою и вернулся на свой пост.

В конце концов Кирк не сдержался. Он рассмеялся смехом облегчения. Он сказал улыбающемуся Зулу:

— Здесь мы закончили, мистер Зулу. Фактор искривления три.

Пятая колонна

Пустынная поверхность этой планеты дала интересные образцы минералов и фауны, и Кирк был занят разбором контейнеров для телепортации на «Энтерпрайз», когда порыв ледяного ветра швырнул горсть песка ему в лицо. Рядом с ним Зулу, державший на поводке кроткое собакоподобное животное, поежился.

— Температура начинает падать, капитан.

— Ночью доходит до минус 250, — сказал Кирк, мигая, чтобы удалить песок из глаз. Он потянулся было, чтобы потрепать животное, но вынужден был резко обернуться на крик. Техник-геолог Фишер свалился со скамьи, на которой работал. Его комбинезон был запачкан липкой желтоватой рудой от плеч до самых ног.

— Повредил себе что-нибудь? — спросил Кирк.

— Руку порезал, сэр, — поморщился Фишер.

Порез был глубоким, просто ужасным.

— Отправляйся в лазарет, — приказал Кирк.

Фишер послушно снял с пояса коммуникатор. В отсеке телепортации «Энтерпрайза», Скотти, получив запрос на перемещение, сказал:

— Хорошо. Фокусируюсь на вас, — он повернулся к технику по телепортации Вильсону, стоявшему у консоли. — Разряд!

Но едва Фишер стал материализовываться из туманного сияния, над платформой на консоли вспыхнул предупреждающий красный свет.

— Включить синхронизацию! — поспешно приказал Скотти. Вильсон щелкнул тумблером. Красный свет погас.

Фишер, обретя плотность, сошел с платформы.

— Что произошло? — спросил Вильсон.

— Оступился, — ответил Фишер.

Вильсон присмотрелся к желтым пятнам на его комбинезоне. Несколько хлопьев упало на пол.

— На чем оступился? — поинтересовался Вильсон.

— Не знаю — что-то вроде мягкой руды.

Скотти потянулся за сканирующим устройством и провел им по комбинезону.

— Эта руда магнитна, — сказал он. — Смените вашу форму, Фишер.

— Есть, сэр.

Нахмурившись, Скотти осмотрел консоль.

— Эта штука разъедает металл. Мне это не нравится, — проворчал он Вильсону.

Голос Кирка отвлек его внимание.

— Капитан Кирк готов к перемещению.

— Момент, капитан, — Скотти снова проверил консоль.

— Сейчас, кажется, порядок, — сказал он Вильсону. — Но будем действовать с удвоенной осторожностью. Сходи за синхрометром. — Вернувшись к микрофону, он сказал:

— Порядок, капитан. Фокусируюсь на вас. — И он активировал телепортатор.

К гулу аппаратов примешивался незнакомый воющий звук. Поспешно сняв настройку, Скотти решил сообщить Кирку о том, что отменяет перемещение. Но процесс уже начался. Инженер с беспокойством взглянул на приемную платформу. Там, окруженный мерцанием, стоял Кирк, непривычно бледный, с тревогой в глазах. Когда он сошел с платформы, ноги его чуть не подкосились. Скотти подбежал к нему.

— Что случилось, капитан? Дайте-ка я вам помогу.

— Немного кружится голова. Наверняка ничего серьезного. — Он огляделся. — Отсек не останется без присмотра, если вы меня проводите?

— Нет, сэр. Вильсон сейчас вернется, я его послал за инструментом.

Дверь за ними закрылась. Над платформой снова поднялось искристое марево, и в нем стала появляться какая-то фигура. Когда она обрела плотность, это была точная копия Кирка — кроме глаз. Это были глаза бешеного зверя, выпущенного из клетки.

Он осмотрелся по сторонам, напряженный, словно в ожидании нападения. Вильсон, открыв дверь, немедленно почувствовал это напряжение и спросил:

— Вы в порядке, капитан?

Ответом ему было гортанное рычание. Двойник сно-

ва окинул взглядом помещение в поисках выхода. Он облизал сухие губы и вдруг заметил дверь, которую Бильсон оставил открытой.

В коридоре Кирк сказал:

— Дальше я сам. Вы, Скотти, лучше возвращайтесь назад.

— Есть, сэр.

— Спасибо за помощь.

— Вы бы дали доктору Мак-Кою осмотреть себя, капитан.

— Хорошо, инженер. Пусть осмотрит мои двигатели.

Идти было недалеко. За углом он столкнулся с Мак-Коем.

— Думаю, нам необходим светофор на этом переезде... — Мак-Кой осекся при взгляде на капитана. — Что с вами случилось?

— Не знаю, — ответил Кирк.

— У вас такой вид, будто вы врезались в стенку.

— Это ваш официальный диагноз?

— Да плевать на диагноз. Идите и ложитесь. Мне нужно осмотреть одного симулянта, а потом я вернусь и осмотрю вас.

— Если сможете меня найти, — сказал Кирк и двинулся по коридору. Мак-Кой проводил его удивленным взглядом.

Затем он поспешил в лазарет к ожидавшему его Фишеру.

Тот уже сменил испачканный комбинезон. Мак-Кой промыл рану на его руке.

— Похоже, придется немного отдохнуть, маленькие каникулы, а?

Фишер ухмыльнулся. Мак-Кой, осушая порез тампоном, оглянулся на звук открывшейся двери.

Дубль заговорил сразу же.

— Бренди, — сказал он.

Это требование и манеры копии Кирка были совершенно нехарактерны для оригинала. Но присутствие Фишера несколько смягчило удивление Мак-Коя. Он решил не обращать внимания на требование.

— Не спешите приступать к работе, — сказал он Фишеру. — Смачивайте повязку вот этим антисептиком, возьмете пузырек с собой.

— Да, сэр, — Фишер поднял перебинтованную руку. — Не так плохо, капитан.

Замечание повисло в воздухе. Мак-Кой обернулся к дублю и знаком позвал его войти в кабинет.

— Садитесь, Джим, — произнес он. — Думаю, нам лучше...

Он осекся. Двойник уже стоял у закрытого шкафа со спиртным, вцепившись ногтями в его дверцы.

— Я сказал — бренди! — прошипел он.

Мак-Кой ошеломленно вытаращился на него. Дубль ощерился, не в силах открыть шкаф. Обеспокоенный Мак-Кой нервно попытался еще раз.

— Сядьте, Джим.

Дубль содрогнулся. Он опять издал яростное шипение.

— Дай мне выпить!

— Да что с... — начал было Мак-Кой. Он увидел, что нервно скрюченные пальцы готовы разбить стекло в дверце шкафа.

— Джим! — закричал Мак-Кой.

Двойник развернулся, сжав кулаки, Мак-Кой едва увернулся от удара. Он попытался взять себя в руки.

— Хорошо, я дам вам бренди. Сядьте! — но ему не удалось осуществить свое намерение. Как только дверца была отперта, он был отброшен в сторону, и двойник, сжимая бутылку в руках, бросился к двери.

— Выпейте это в своей каюте, Джим! Я зайду к вам через...

Дверь с грохотом захлопнулась.

Мак-Кой, подойдя к экрану внутренней связи, нажал кнопку. На экране возникло лицо Спока.

— Мистер Спок, не происходило ли чего-нибудь необычного на поверхности планеты?

Холодный голос ответил:

— Один небольшой инцидент, который наверняка не очень обременит ваши выдающиеся таланты целителя.

Мак-Кой был слишком взволнован, чтобы попасть на этот крючок.

— Капитан имел к нему отношение?

— Нет.

— Так. С ним что-то не то. Он только что покинул мой кабинет, ворвавшись, как бешеный.

Этот бешеный, продвигаясь по коридору, почувствовал вдруг желание выпить в одиночестве. Ближней к нему оказалась дверь с табличкой «Старшина Дженис Рэнд». Двойник тронул ее, что-то прикидывая, и скользнул внутрь. Тут он откупорил бутылку, опрокинул ее и отхлебнул огромный глоток. Довольный рык вырвался у него. Бренди слишком приятно щекотал горло, чтобы удержаться от следующего глотка. Глаза полузакрыты в чувственном наслаждении, — теперь это было лицо настоящего Кирка, свободное от подавленности и напряжения. Самоконтроль и дисциплина читались на нем.

Кирк еще не вполне оправился от своего загадочного приступа. Оказавшись в своей каюте, он снял рубашку и стал массировать нывшие шею и мускулы плеч. Когда в дверь постучали, он отозвался:

— Да?

— Спок, сэр.

— Входите, — Кирк нажал кнопку замка.

— Доктор Мак-Кой просил меня заглянуть к вам, сэр.

Надев рубашку, Кирк спросил:

— Почему вас?

— Только доктору Мак-Кою известен ответ на этот вопрос, сэр.

— У него должны быть основания.

— Может быть, — мягко сказал Спок, глядя Кирку в лицо.

— Ну, мистер Спок, думаю, вы меня узнаете, когда мы с вами увидимся в следующий раз.

— Доктор Мак-Кой сказал, что вы вели себя как дикарь.

— Это Мак-Кой сказал? — удивился Кирк. — Должно быть, он шутил.

— Я вернусь на мостик.

— Я скажу доктору, что вы были здесь.

Когда дверь закрылась, Кирк, озадаченный этим разговором, потянулся за своим капитанским кителем.

На двенадцатой палубе, ниже уровня коридоров, его двойник ощущал воздействие бренди. Но он был достаточно трезв, чтобы укрыться в спальне Рэнд, когда слышался звук открываемой двери. Он наблюдал, как она вошла.

Когда она сняла с плеча трикодер, он вышел из своего укрытия.

Посещать спальни привлекательных членов экипажа женского пола было не в привычках Кирка, и Дженис поразило его появление. Она решила улыбнуться.

— Приятная неожиданность, сэр, — сказала она игриво. Но ее улыбка погасла под тяжелым похотливым взглядом.

— Я могу чем-нибудь...? — Она напряглась. Двойник подошел достаточно близко, чтобы она смогла ощутить запах бренди в его дыхании. Она вспыхнула от близости мужчины, отшатнулась и в замешательстве повторила:

— Я чем-нибудь могу помочь, капитан?

— Наверняка, — ухмыльнулся двойник. — Но зови меня Джим, Дженис.

Ни слова, ни тон, которым они были произнесены, не соответствовали тому образу Кирка, который существовал в сознании Дженис Рэнд. Никогда она не видела его иначе как прохладно-галантным по отношению к женщинам — членам экипажа. С самого первого дня на корабле она смотрела на капитана как на самого недоступного и желанного мужчину, которого она когда-либо встречала. Однако это был ее секрет. К нему невозможно было подступиться, нет, кто угодно, — но не капитан звездного лайнера «Энтерпрайз» Джеймс Т. Кирк. И во всяком случае, не для скромного двадцатилетнего старшины по имени Дженис Рэнд. Конечно, он выпил, а когда мужчина пьян... И все-таки из всех женщин на корабле этот прекраснейший в мире мужчина обратил внимание именно на нее; и по какому-то таинственному стечению обстоятельств счел ее достойной своего сексуального интереса. Она вдруг почувствовала, что ее видят сквозь униформу.

— Я... капитан, здесь не... — она запнулась.

— Ты слишком женщина, чтобы не знать, — сказал двойник. — Я сходил по тебе с ума с того момента, как

ты появилась на корабле. Мы оба знаем, что это внутри нас обоих. Мы не можем сказать этому «нет» — сейчас, когда мы наконец одни, только ты и я. Только попробуй отрицать это — после...

Он обхватил ее руками и крепко прижался к ее губам. На мгновение она от потрясения потеряла способность двигаться. Потом отшатнулась.

— Пожалуйста, капитан. Вы... мы...

Его красивое лицо свела судорога гнева. Он опять грубо поцеловал ее, со слабым стоном она попыталась высвободиться. Он только крепче привлек ее к себе, покрывая поцелуями ее лицо, шею.

— Мне... больно, — прошептала она.

— Тогда не сопротивляйся. Ты же знаешь, что тебе этого хочется самой.

Дженис взглянула в глаза, как она думала, Кирка. Ей было несколько стыдно признаться самой себе, что это была правда. Она не хотела противиться поцелуям капитана. Но как он смеет утверждать это?

— Я что, должен приказывать вам, старшина Рэнд?

На этот раз поцелуй в губы был откровенно зверским. Дженис, возмущенная тем, что ее тайна, которую она хранила ото всех, так грубо открыта, начала сопротивляться по-настоящему. Она вонзила ногти в красивое лицо двойника. Он отшатнулся, и она рванулась к двери. Уже в коридоре она была схвачена. Фишер, возвращаясь в свою комнату с забытым пузырьком антисептика, увидел сражающуюся пару.

— Проходите! — это был командный голос Кирка.

Дженис почувствовала облегчение. Капитана заместили в этой постыдной сцене. Если наказанием ему будет потеря уважения экипажа, он должен винить только себя. Она закричала:

— Позовите мистера Спока!

Фишер уставился на нее.

— Позовите мистера Спока! — снова крикнула девушка. Фишер бросился бежать. Двойник крепче ухватил ее. Затем, поняв, какую опасность представляет свидетель, кинулся вдогонку по коридору.

Фишер добрался до интеркома на стене.

— Это Фишер из геологического! Подойдите на двенадцатую палубу, сектор... — двойник застал его на середине фразы. Фишер обернулся и получил удар правой в челюсть. Теперь была его очередь заорать.

— Помогите! Сектор три!

Этот вопль услышали на мостике. Спок кинулся к лифту, бросив «Прими контроль!» навигатору Фаррелу.

На двенадцатой палубе было пусто. Спок замер в нерешительности. Затем, устремившись по коридору, он сбавил скорость до небрежной походки. Острые глаза вулканита внимательно осматривались вокруг. Вдруг он нагнулся и провел пальцем по покрытию пола. Палец был в крови.

Кровавый след вел к каюте старшины Рэнд. Он открыл дверь. Она сидела в кресле, в растерзанной униформе, глаза были пустыми и остановившимися. Около нее на полу лежал Фишер. Она не вымолвила ни слова, когда Спок нагнулся над ним. Лицо Фишера было кровавым месивом.

— Кто это сделал? — спросил Спок.

Разбитые губы Фишера шевельнулись.

— Капитан Кирк, — прошептал он и потерял сознание.

Кирк очень спокойно переспросил:

— И старшина Рэнд утверждает, что я напал на нее?

— Да, сэр, — подтвердил Спок. — Техник Фишер также обвиняет вас в нападении на нее и на себя.

— Последние полчаса я не выходил из своей каюты.

Спок показал полупустую бутылку бренди.

— Что это?

— Бутылка бренди, которую, как утверждает доктор Мак-Кой, вы взяли из шкафа в его кабинете. Я с Фишером нашел ее в каюте старшины Рэнд.

— Мак-Кой сказал, что я взял бренди? — в голове Кирка опять зазвенело. Он прикрыл глаза на мгновение, чтобы справиться с головокружением. Затем он встал.

— Пошли выясним, что происходит на корабле. — Он прошел мимо Спока и вышел из каюты в коридор.

Створки лифта захлопнулись за ними, и двойник — темное пятно в тени бокового прохода — тихо скользнул в коридор. Тяжело дыша, он толкнул дверь каюты Кирка. Дверь открылась. Внутри его внимание привлек

запор на панели спального отделения. Он нажал на кнопку, скользнул внутрь и закрыл панель за собой. Упал на кровать, обессиленно вздохнул. Затем копия лица Кирка зарылась в подушку, чтобы укрыться от света и звуков мира, который его ненавидел.

В лазарете старшина Рэнд рассказывала:

— Потом он поцеловал меня... и сказал, что мы... что он капитан и может приказать мне... — глаза ее смотрели вниз, на руки, чтобы не смотреть в глаза Кирку. Она адресовала свои слова Споку.

— Продолжайте, — сказал Кирк.

Теперь она взглянула на него.

— Я... Я не знала, что делать. Когда вы заговорили о нас... о чувстве, которое мы... скрывали все это время...

— Чувство, которое мы скрывали, старшина Рэнд? — переспросил Кирк. — Я вас правильно понял?

— Да, сэр, — в отчаянии она повернулась к Мак-Кою. — Он к а п и т а н, доктор! Я просто не могла... — ее лицо застыло. — Я не могла говорить с вами, — обрушилась она на Кирка. — Я была вынуждена драться с вами, расцарапать вам лицо, пинать и...

— Старшина Рэнд, — сказал Кирк. Он подошел к ней, сделав вид, что не замечает ее невольного движения прочь при его приближении. — Взгляните на меня! Взгляните на мое лицо! Вы видите какие-нибудь царапины?

— Нет, сэр, — прошептала она.

— Я был в своей каюте, старшина. Как я мог находиться там и у вас в одно и то же время?

Она заломила руки.

— Но, — ее голос осекся, — я точно знаю, что произошло. И это были вы. Я... я не желаю вам зла. Я бы даже никому не сказала об этом, если бы техник Фишер не видел всего и...

— Старшина, — сказал Кирк, — это был не я!

Она начала плакать. Она выглядела очень маленькой, очень юной в своей помятой форме. Кирк протянул руку, чтобы успокаивающе коснуться ее плеча, — но она отшатнулась, как будто прикосновение могло обжечь ее.

Спок сказал:

— Вы можете идти, старшина.

Всклипывая, она поднялась на ноги. Когда она была уже у дверей, Кирк позвал:

— Старшина, — она остановилась. — Это был не я, — повторил он. Но она вышла, не оглянувшись.

Спок нарушил молчание.

— Капитан, на корабле кто-то выдает себя за вас.

Этого можно было ожидать от Спока. Вера до конца — в этом был весь Спок. Кирк оттянул воротник форменной рубашки, будто тот душил его. Через мгновение он направился в процедурную лазарета, где доктор Мак-Кой снова трудился над повреждениями Фишера. Он, конечно, был занят — слишком занят, чтобы поднять глаза на капитана. Но распростертый на столе Фишер взглянул на него — и в глазах его было открытое презрение.

Зажужжал интерком, и Скотти сказал:

— Капитан, можно вас на минуту в отсек телепортации?

Кирк хорошо запомнил взгляд Фишера. Если бы Спок молча не присоединился к нему, неизвестно, отважился бы он ответить на вызов Скотти. Слышал ли он уже занимательные детали поведения капитана за последний час?

Но, казалось, Скотти был полностью поглощен неисправным телепортатором. Он поднял глаза от консоли на вошедшего Кирка.

— Полная катастрофа, капитан, — он повернулся, чтобы сказать своим техникам: — Продолжайте проверку цепей.

Рядом с консолью лежало то самое собакоподобное животное, найденное на планете. Скотти указал на него:

— Мы переместили его на корабль, сэр, и...

— И что? — спросил Кирк.

Скотти помолчал.

— И это животное здесь. Но оно также и там, в том ящике для образцов.

Он вместе со Споком и Кирком подошел к ящику. Навстречу неслось злобное рычание. Скотти осторожно приподнял крышку. Существо внутри ощерилось, из рта его капала пена. Скотти еле успел захлопнуть крышку, когда зверь прыгнул на них.

— Это кажется точной копией первого животного, —

медленно промолвил Спок. — Исключая разницу в темпераменте, они просто близнецы.

Скотти вернулся к консоли и взял первое животное на руки. Поглаживая его, он сказал:

— Через несколько секунд после того, как его передали по телепортатору, на платформе появился тот дубликат. Если бы это произошло с человеком — совсем другое дело.

Напряжение в лице Кирка было очевидным. Скотти продолжал:

— Одно животное смирное, а другое злобное, дикое, как волк, — они кажутся прямыми противоположностями друг другу. Капитан, пока мы не выясним, что не в порядке с транспортером, я не осмелюсь поднимать группу высадки с планеты!

— Господи... — вырвалось у Кирка, его вдруг осенило. На «Энтерпрайзе» не было никого, притворявшегося им. Это был его собственный двойник — темный, злобный аспект человеческой природы, который каждый смертный несет в себе от рождения до смерти. Его «Каин» яростно рыщет по «Энтерпрайзу» в поисках того, что вознаградило бы его за годы отверженности — годы, которые он провел как узник совести, долга, ответственности. Каким-то образом он избавился от связи со своим основным «Я» и теперь вырвался на свободу, используя его голос, его лицо.

Он постепенно пришел в себя и почувствовал взгляд Спока. Вулканит взял покорное животное на руки. Что-то в том, как он его держал, успокоило бурю в душе Кирка. Он заговорил.

— Ты знаешь, что разделило это животное надвое, Скотти?

— Думаю, да, сэр. Когда поднялся Фишер, его одежда была испачкана каким-то мягким желтым веществом. Он сказал, что это руда. Немного ее попало на платформу телепортатора. Когда мы исследовали ее, то нашли неизвестные магнитные элементы. Возможно, из-за них возникла перегрузка. Пока нельзя сказать точнее.

— Но вообще-то телепортатор работает?

— Да, сэр. Но поднять людей... Они могут удвоиться, как и вы... — он запнулся. — Как это животное, капитан.

Так что Скотти з н а л.

— Сколько времени потребуется, чтобы найти неисправность?

— Не могу сказать, сэр.

Кирк с трудом заставил себя успокоиться и рассуждать разумно.

— Мы не можем просто оставить тех четверых на планете. Они замерзнут насмерть. Ночью на этой планете минус 250.

— Мы делаем все, что можем, капитан.

Кирк взглянул на платформу телепортатора. Какой секрет она скрывала? Он сам тысячу раз возникал на ней из воздуха, целый и невредимый. Почему же в этот раз? Что произошло? Где и когда он был разделен надвое, как простейший организм, размножающийся делением? Снова вернулось головокружение. А платформа, по-прежнему пустая, смотрела на него, храня свою тайну.

Спок подошел и встал рядом.

— Насчет вашего дела, капитан.

Кирк вздрогнул, как человек, очнувшийся от кошмара.

— Да, мы должны его обнаружить. Поисковые группы, мистер Спок, нам нужно организовать поисковые группы.

— Мы не можем позволить себе убить его, — сказал Спок. — Мы не обладаем достаточными данными — совершенно неизвестно, как его смерть повлияет на вас.

«Значит, Спок понял».

— Да, верно, — сказал Кирк. — Мы этого не знаем, но люди должны быть вооружены. У всех должны быть фазеры, поставленные на оглушение. Его нужно взять без... если кто-то выстрелит, чтобы убить, он не умрет... — это не способ избавиться от него...

Спок заметил разрыв между мыслями и словами капитана. Они были разрознены, не связаны. Нет, сомнений не было. Этот Кирк не был тем собранным, решительным Кирком, которого он знал.

— Трудно будет приказать схватить существо, так близко напоминающее вас, капитан.

— Скажите им... — Кирк беспомощно взглянул на него. — Лучше я сам сделаю объявление команде — скажу им, что произошло, — как смогу. Это хороший экипаж — они заслуживают, чтобы им сказать.

— Должен возразить, капитан, — сказал Спок. — Вы

капитан этого корабля. Вы не можете показать команде свою неуверенность. Это ваша проклятая судьба — быть для них совершенством. Мне очень жаль, сэр. Но это факт. Если они потеряют уверенность в вас — вы потеряете экипаж.

Кирк сжал голову ладонями.

— Я знаю, мистер Спок. Почему я забыл об этом? — Он пошел было прочь, но остановился, не оглядываясь. — Если снова заметите, что я ошибаюсь, приказываю вам сказать мне об этом.

— Есть, капитан.

Кирк вышел из отсека телепортации. На мостике он на мгновение оперся на спинку капитанского кресла, прежде чем опуститься в него. Командовать. Никакой слабости, ошибок, замешательства. Взяв себя в руки, он наклонился к интеркому.

— Говорит капитан. На борту корабля кто-то принимает мой облик. Этот человек выглядит в точности как я и притворяется мной. Этот человек опасен. Соблюдать максимальную осторожность. Всем вооружиться. Двойника можно отличить по исцарапанному лицу.

Все это слышал и двойник. Он быстро сел на постели Кирка.

— Повторяю, — говорил голос в интеркоме. — Двойника можно отличить по царапинам на лице. Поисковым группам докладывать мистеру Споку. Ручные фазеры поставить на оглушение. Двойнику вреда не причинять. Повторяю. Двойник не должен быть поврежден.

Дубль дотронулся до царапин на лице. Потом встал и посмотрелся в зеркало.

— Двойник! — пробормотал он про себя. — Я Кирк! — крикнул он изображению Кирка на экране интеркома. Приступ ярости овладел им. Царапины кровоточили. Стараясь получше разглядеть их, он опрокинул баночку с лечебным кремом, из нее вытекла густая жидкость. Он погрузил пальцы в крем и стал втирать его в царапины. Это заглушило боль и сделало менее заметными следы борьбы. Дубль заворчал от удовольствия. Он еще втирал крем, когда услышал в коридоре звук поспешно приближающихся шагов.

Когда шаги удалились, он открыл дверь. Вильсон спешил по коридору с каким-то оборудованием для телепортатора.

— Вильсон! — окликнул двойник. — Подойдите сюда!

Вильсон подошел.

— Дайте мне ваш оружейный пояс.

— Есть, сэр.

Подавая пояс, Вильсон увидел слой крема на его лице, но подозрение запоздало. Двойник уже держал в руке его фазер и ударил Вильсона по челюсти рукояткой. Когда Вильсон упал, дубль наклонился, чтобы ударить снова. Затем он втащил его в каюту Кирка. С окровавленным фазером в руке он кивнул самому себе и вышел в коридор.

Внизу, на поверхности планеты, темнело. Зулу и трое из его команды собирали камни, чтобы построить стену от поднимающегося ветра. Иней уже покрывал землю повсюду, куда падал взгляд.

В коммуникаторе послышался голос Кирка:

— Мистер Зулу, как продвигается укрытие?

— Это комплимент камням, сэр, — называть их укрытием. Здесь уже 50 ниже нуля, капитан.

У этой группы не было утепленных комбинезонов. Кирку трудно было произнести «Отбой». Он должен был бы спуститься к ним сам. Сидя в капитанском кресле, он снова должен был бороться с приступом неуверенности.

— Мы должны поднять людей оттуда, — сказал он Споку в спину. Но тот прислушивался к докладу одной из поисковых партий.

— Палуба 5, сектор 2 и 3 полностью проверены. Результат отрицательный. Продолжаем в секторах 4 и 5.

— Принято, — сказал Спок и переключился на другой вызов.

— Восьмая группа, сэр. Техник по телепортации Вильсон только что обнаружен выползающим из капитанской каюты. Он сильно избит. Он говорит, двойник напал на него, позвал по имени и отнял фазер.

— Отправьте его в лазарет и продолжайте поиск.

— Мы должны обнаружить это... эту мою противоположность раньше, чем... — Кирк замолчал. — Но как, Спок, как?

— Очевидно, сэр, он знает о команде, корабле и оборудовании то же, что и вы. Поэтому, возможно, мы

можем предугадать его следующий шаг. Зная корабль, где бы вы, капитан, спрятались от массивированного поиска?

Впервые за все это время Кирк заговорил безо всякого колебания.

— Нижний уровень. Инженерная палуба. Пошли!

В лифте Спок вынул фазер из кобуры. Не глядя на Кирка, он сказал:

— Я ставлю его в режим оглушения, сэр. А ваш фазер? — Кирк проверил, и Спок снова заговорил:

— Это существо опасно. Как вы думаете, может быть, нам понадобится помощь, когда мы встретим его?

Снова вернулась пытка нерешительности. Наконец Кирк произнес:

— Нет. Если мы обнаружим его, я не хочу, чтобы рядом был кто-то, кроме вас. — Он уже вышел из лифта, когда Спок окликнул его:

— Капитан!

Кирк повернулся.

— Вы приказали мне сказать вам, когда...

— Я сказал нет, мистер Спок. Никого, кроме вас.

Нижний уровень Инженерной палубы содержал обширный комплекс, обеспечивающий «Энтерпрайз» энергией. В его темной пещере блестели полированные детали механизмов, проходы сужались, расширялись и сужались снова, пересекаясь с другими проходами. Гул мощных ядерных реакторов отражался от металлических стен глухим эхом. Неожиданно, обойдя динамо-машину, Спок понял, что он один. Он повернул туда, откуда только что пришел, в надежде обнаружить Кирка.

Кирк, не зная, что он потерял Спока, смотрел на свой фазер, вид которого нервировал его. Это было ничем иным как орудием самоубийства. Жизнь, которую он мог прервать, была частью его самого. Он вернул фазер в кобуру.

И его «Каин» наблюдал это. Сжавшись между двумя генераторами, двойник слышал его приближающиеся шаги. Лицо перекосила страшная смесь страха и злобы. Нацелив фазер, он вышел из убежища.

Кирк замер. Волна холода прокатилась по телу, когда он узнал себя в другом. Это безымянное существо принадлежало ему более, чем имя, данное ему родителями. Два Кирка смотрели друг на друга в каком-то

трансе. Затем, как будто им двигала сила, столь же непонятная, сколь мощная, Кирк сделал шаг вперед. Двойник поднял фазер.

Кирк заговорил. Голос звучал странно для него самого. Он был исполнен пророческой силы мистика, неожиданно исполнившегося сознанием неопровержимой истины.

— Ты не должен причинять мне вред. Ты не должен убивать меня. Ты будешь жить ровно столько же, сколько и я.

Неуверенность промелькнула в лице двойника, и Кирк словно в трансе, знал, что это отражение его собственной нынешней неуверенности.

Затем замешательство прошло.

— Ты мне не нужен! — произнес дубль. — Мне нет нужды верить тому, что ты говоришь. Поэтому я могу убить тебя!

Его палец был на спуске смертельного оружия. В этот момент из-за генератора в броске вылетел Спок. Прыжок придал дополнительную силу удару, которым он уложил дубля. Двойник упал, а его фазер разразился огнем, попав в какую-то машину позади Кирка. Она вспыхнула клубком огня и развалилась.

Спок смотрел вниз на неподвижного дубля.

— Боюсь, необходима помощь доктора Мак-Коя.

Это беспокойство было вполне обоснованным. Сознание никак не возвращалось к двойнику. Кирк и Спок, каждый по-своему взволнованный, наблюдали за тем, как Мак-Кой наклонился над фигурой на койке. Мак-Кой молча работал, и Кирк подошел к экрану интеркома. Соединившись с инженерами, он спросил:

— Как там телепортатор, Скотти? Вы уже все проверили?

— Да, сэр. И думаю, мы исправили неполадку. Но тут новая проблема.

— Что там?

— Мы еще не знаем, сэр. Мы работаем. Это все, капитан?

Опять Кирк не мог решиться сказать ни да ни нет. Повисла неловкая пауза. Наконец Скотти сказал:

— Тогда я лучше вернусь к работе, сэр.

На планете, наверно, совсем стемнело.

Кирк крикнул в микрофон:

— Найдите, в чем там дело, Скотти! И, ради Бога, исправьте это. Четыре человеческие жизни зависят от телепортатора!

Скотти сухо ответил:

— Мы делаем все, что можем, сэр.

Кирк оперся лбом о раму экрана...

— Я знаю, Скотти. Ты всегда делаешь, что можешь. Держи меня в курсе, хорошо?

— Да, сэр. — В голосе слышалось облегчение.

У постели пациента Мак-Кой закончил осмотр.

— Как... он? — спросил Кирк.

— Повышенное давление и сердцебиение, — ответил Мак-Кой. Он взглянул на Спока. — Вероятно, от этого удара в подбородок.

— Это было необходимо, доктор.

— Это... существо скоро придет в себя. Поскольку я ничего не знаю о состоянии его ума, я не могу дать ему транквилизатор. Лучше его связать.

Он взглянул на Кирка, как бы спрашивая его разрешения. Кирк вдруг почувствовал удушье. Тяжелый груз необходимости отдавать приказы, казалось, давил на него. Он тряхнул головой, чтобы избавиться от тошноты.

— Да, — выдавил он. — Конечно. Я только хотел бы, чтобы кто-нибудь сказал, что со мной происходит.

— Вы теряете способность принимать решения, капитан, — сказал Спок.

— Что-о?

Мак-Кой был занят связыванием дубля, но не настолько, чтобы не посмотреть с интересом на Спока. Но вулканит продолжал, спокойный и непоколебимый.

— Исходя из моих наблюдений, вы быстро теряете возможность действовать. Замешательство в критический момент, потеря чувствительности. Капитан, вы отказываетесь защищать себя. Вы отказались от подмоги, когда мы одни спустились на нижний уровень, в то время как должны были окружить себя охраной, пока двойник не был бы пойман. — Он сделал паузу. — Вы расставались с людьми и за меньшую нерешительность, меньшую пассивность перед лицом опасности.

— Скажи главное, Спок! — крикнул Мак-Кой.

— Главное?

— Я уверен, ты знаешь, в чем дело.

— Я анализирую, доктор, а не делаю выводы.
— Да ты же копаешься во внутренностях капитана, что-то ты хоть понимаешь?

— Оскорбление, доктор?

Собранный, спокойный, вулканит продолжал:

— Двойственность человеческого ума многообразна. В данном случае мы имеем дело с проблемой управления. В идеале это баланс между положительной и отрицательной энергией — равновесие, поддерживаемое силами, которые порождаются этими энергиями. Нужны доказательства? — он повернулся к Кирку. — Ваша негативная энергия была отторгнута от вас процессом копирования. Вследствие этого способность принимать решения покинула вас. Если так пойдет и дальше, как долго вы сможете оставаться капитаном этого корабля? Окончательно неспособный решить что-либо, вы в конце концов...

Мак-Кой перебил.

— Джим, отдайте команду! Прикажите ему проваливать.

— Если я кажусь вам бесчувственным по отношению к размерам вашего страдания, пожалуйста, капитан, поймите. Таков я есть.

— Это уж точно, черт возьми, — заметил Мак-Кой.

— Джентльмены, — произнес Кирк.

В конце концов, всегда в конце, наступает момент, когда боль снова становится личным делом каждого. Эта сцена, насколько бы унылым ни было ее содержание, все-таки оставалась привычной перепалкой между доктором и вулканитом. Они не упускали случая попикироваться и получали от этого громадное удовольствие.

Кирк мягко улынулся обоим.

— Моя способность командовать испарилась не полностью. До тех пор, пока это не произойдет, прошу вас прекратить.

Зажужжал интерком на столе Мак-Коя. Кирк включился.

— Кирк слушает.

— Инженерный отсек, сэр. Мы только что обнаружили эту новую неполадку с телепортатором, сэр. Поврежден блок ионизации. Похоже на выстрел из фазера.

Фазер двойника повредил блок; двойник, это отде-

ленная часть его самого. Если его люди замерзнут на ледяной планете там, внизу, это будет виной Кирка, их капитана, которому они так доверяли.

Он встал, чтобы пойти к двери.

— Если я понадоблюсь, я в зале заседаний.

Внизу, на планете, разожгли костер. Черная ночь наступала на людей. И языки изморози вползли по камням убежища, где покинутые члены команды прижимались друг к другу, стараясь согреться. Зулу, с потрескавшимися и воспаленными от холода губами, вынужден был поддерживать руку над огнем, чтобы пальцы смогли управиться с коммуникатором.

— Можете сказать нам, как дела, «Энтерпрайз»? Здесь минус 90.

— Говорит капитан, мистер Зулу. Мы определили неисправность. Уже скоро.

— Может, спустите нам термос с кофе на веревке?

— Попробуем, — сказал Кирк.

— Рисовая водка тоже сгодится, если у вас нехватка кофе.

— Я проверю запасы рисовой водки, мистер Зулу, — и снова он должен был сказать: — Отбой.

Он посмотрел на свою руку, лежавшую на клавише интеркома. Он опасался вызвать Скотти. Но нажал клавишу.

— Поврежденный блок, Скотти. Доложите состояние.

— От него мало что осталось, сэр.

— Насколько серьезно?

— Мы его не починим раньше, чем через неделю.

Неделя. 168 часов. Говорят, что перед тем, как умереть от холода, человек засыпает. Сидя в одиночестве в зале заседаний Кирк понял, что воображение стало его смертельным врагом. Оно нарисовало ему поверхность планеты, схваченную смертельной стужей, ночь, напоминавшую о своем приближении мертвым сном, который охватывает его товарищей по мере того, как кровь в жилах обращается в лед. Уже сейчас они двигаются очень медленно, если вообще могут двигаться...

Реальность соответствовала его воображению. Зулу с трудом приподнялся на локте, проверил фазер и выстрелил в валун. Он вспыхнул и погас, и люди дюйм за

двоймом подползли поближе, чтобы уловить волны неверного тепла. Зулу еле шевеля почерневшими от холода губами проговорил:

— Что-то они долго с той рисовой водкой. Позвоню в отдел заказов еще раз.

Все молчали, когда он открывал коммуникатор.

— «Энтерпрайз», это Зулу.

— Кирк слушает, мистер Зулу.

— Горячая линия — опять по вашу душу, капитан. Про нас что-то забыли?

Кирк в зале заседаний ударил кулаком по столу.

— Сегодня вечером у всех, кроме вас, выходной, я присматриваю за лавочкой. Как там у вас внизу?

— Прекрасно, — проскрипел Зулу. — Стреляем по камням, чтобы согреться. Один фазер уже полетел. Три еще в порядке. Есть какие-нибудь шансы вытащить нас отсюда до того, как здесь начнется лыжный сезон?

Лед. Может быть, это будет милосердно — быстро. Думай. Но он не мог думать. Его мысли были как кометы — они проносились через мозг, на миг освещая его...

Он не удивился, когда Спок спокойно поднял микрофон, который он уронил.

— Это Спок, мистер Зулу. Вы продержитесь еще какое-то время. Продержитесь. Процедура выживания, мистер Зулу.

— Это как на ваших тренировках, мистер Спок?

— Да, мистер Зулу.

Кирк дотянулся до микрофона.

— Зулу! Главное не поддавайтесь, не теряйте... бдительности. Зулу, не спите...

Когда Спок произнес «Спок — отбой», Кирк почувствовал непреодолимое желание вернуться в лазарет. Он еще не справился с ужасом перед тем дикарем, который разрушил блок ионизации. Но он тоже был Джеймсом Кирком, капитаном космического корабля «Энтерпрайз» — и он направлялся в лазарет. Храбрость — это делать то, чего ты боишься.

Сознание, вернувшееся к дублю, принесло с собой панику. Он бешено рвался из паутины шнуров, и вены на его шее раздулись от яростных воплей. Когда Кирк увидел извивающееся тело на койке, ему показалось, что он тоже ощущает едкий привкус безумия. Он не знал, каким образом, но знал точно, что его двойник

переживает крайний ужас, встреченный им в черном лабиринте своей каиновой судьбы.

— Он сейчас успокоится, — произнес Мак-Кой, откладывая шприц, — этот транквилизатор сейчас должен подействовать.

Он бросил обеспокоенный взгляд на панель контроля жизнедеятельности. Приборы показывали опасный пик по всем параметрам.

Распростертое на койке тело снова напряглось под путами. Его свела судорога, затем вдруг оно ослабло, голова свалилась набок, как у сломанной куклы.

— Что случилось? — закричал Кирк. Стрелки на циферблатах стремительно падали.

— Не тот транквилизатор, — сквозь зубы сказал Мак-Кой. — Его организм не принимает такого.

— Он... не умирает?

Мак-Кой сказал без всякого выражения:

— Умирает.

— Нет, — прошептал Кирк. — Нет.

Он схватил Мак-Коя за руку.

— Я не смогу выжить без него, как и он без меня.

Мак-Кой покачал головой. Дубль простонал:

— Мне страшно.

Кирк подошел к койке. Двойник продолжал стонать.

— Помогите мне! Мне страшно, так страшно.

Кирк взял его за руку. Мак-Кой сделал движение к нему:

— Джим, вам лучше не...

Кирк нагнулся над койкой.

— Не бойся. Это моя рука. Почувствуй меня. Держись за нее. Вот так, держись. Я не отпущу тебя.

— Страшно... — жалко прохныкал его двойник.

Какая-то мгла поднялась в Кирке неизвестно откуда. Ему показалось, что он уже пережил эту сцену когда-то раньше. Слова, которые он сейчас слышал, были ему знакомы.

— Ты должен держаться за меня, потому что мы были разделены. Возвращайся! Нет, ты уходишь! Держись! Крепко! Крепче!

Он приподнял край простыни, чтобы вытереть пот со лба.

— Я тяну тебя назад к себе. Мы нужны друг другу! Вот так. Крепко! Мы должны держаться друг за друга — вместе...

Мак-Кой повернулся от контрольной панели, ошеломленный. Но Кирк видел в этот момент только налитые тоской глаза, глядевшие на него с надеждой.

— Не бойся, — говорил он. — Ты можешь вернуться, ты не испуган. Тебе не страшно. Иди назад, ко мне. Возвращайся, возвращайся, возвращайся...

Мак-Кой коснулся его плеча.

— Джим, он вернулся.

Кирк неверными шагами доплелся до стола доктора и рухнул в кресло.

— Ну, теперь и ты можешь глотнуть бренди, — сказал Мак-Кой.

Кирк проглотил выпивку. С закрытыми глазами он произнес:

— Я должен вернуть его внутрь себя. Я не хочу, Боунс, — это дикий, безумный волк в человеческом обличье, но я должен. Он — это я, Я!

— Джим, не переживай так, — сказал Мак-Кой. — Все мы наполовину ягнята, наполовину волки. Мы нуждаемся в обеих половинах. Сострадание восстанавливает гармонию между ними. Это очень человечно — быть ягненком и волком одновременно.

— Человечно? — горько переспросил Кирк.

— Да, человечно. Что-то волчье в нем делает тебя тем человеком, какой ты есть. Господь не позволяет мне согласиться со Споком — но он прав! Без этой звериной силы ты не мог бы командовать этим кораблем! А без ягненка твоя дисциплина обернулась бы жестокой грубостью. Джим, ты только что использовал ягненка, чтобы вернуть жизнь этому умирающему волку...

Двойник сосредоточенно слушал.

Зажужжал интерком. Обессиленный Кирк сказал:

— Кирк слушает.

— Спок, сэр. Не подойдете ли в отсек телепортации? Кажется, мы нашли ответ.

— Иду, — ответил Кирк. Он повернулся к Мак-Кою. — Спасибо, Боунс. И постучите по дереву.

— Скажите мистеру Споку, что я трясусь всеми своими погремушками, чтобы умиловить злых духов!

Но лишь дверь за Кирком закрылась, с кровати донесся крик.

— Нет! — испуганный Мак-Кой обернулся. Двойник сидел. Он спокойно произнес:

— Нет. Сейчас все в порядке.

В телепортационном отсеке Вильсон держал на руках спокойное собакоподобное животное.

— Что за ответ вы нашли? — спросил Кирк, входя.

— Способ сделать транспортер безопасным, сэр, — сказал Скотти. — Мы вставили временные дополнительные схемы и ведущие сопротивления, чтобы скомпенсировать отклонения по частоте. Отклонение по балансу скорости не должно превысить пяти пунктов.

— Мы хотим отправить по телепортатору этих двух животных, — добавил Спок.

Так вот каков был ответ — надежда на то, что компенсация в телепортаторе каким-то образом воссоединит две половины — так же, как он разъединил их. Была надежда, что замерзающих людей можно поднять назад на «Энтерпрайз» без риска раздвоиться. Надежда. Ну, без нее жить нельзя.

— Отлично, — сказал Кирк. — Давайте.

Спок взял с консоли телепортатора шприц. Он кивнул Скотти. Старший инженер подошел к ящику для образцов и поднял крышку.

— Я схвачу его за шкуру на загривке и придержу как смогу.

Он сунул руку в ящик. Рычащий зверь извивался в мощной хватке Скотти.

— Не повреди его! — крикнул Кирк.

Делая укол, Спок сказал:

— Это безболезненно, капитан, и быстро. Животное потеряет сознание лишь на несколько необходимых мгновений.

Рычание умолкло. Спок взял животное из рук Скотти и отнес к платформе, где его ждал Вильсон со вторым зверем. Они уложили их рядом. Скотти у консоли управления сказал:

— Если это не сработает...

Он умолк и по сигналу Спока повернул наборный диск. Над платформой вспыхнуло сияние, животные исчезли, и оно погасло.

— Обратный разряд, — скомандовал Спок. Скотти крутнул диск. Снова вспыхнуло, и животные опять появились на платформе.

Спок подбежал к консоли. Он несколько изменил настройку.

— Еще раз, — сказал он Скотти.

Процесс повторился. Платформу окутала вспышка, и когда в камеру вошел Мак-Кой, на платформе лежало одно животное.

— Оно мертво, — сказал Кирк.

— Не спеши, Джим, — откликнулся Мак-Кой.

Кирк подождал, пока доктор искал сердцебиение в безжизненном теле. Но напрасно. В общей тишине Спок сказал:

— Это шок — шок от воссоединения.

Кирк поплелся к выходу из отсека телепортации.

Позже, в лазарете, Мак-Кой подтвердил диагноз Спока. Выпрямившись у стола, на котором лежало мертвое животное, он сказал:

— Похоже, его в самом деле убил шок. Но чтобы сказать с уверенностью, потребуется вскрытие.

— Что за шок? — спросил Кирк.

— Мы только гадаем, Джим.

— Да, я понимаю. Но вы оба употребили это слово: «шок».

— Последствия инстинктивного страха, — сказал Спок. — Животному недоставало понимания процесса воссоединения. Страх был настолько велик, что привел к смерти. Другие причины шока не очевидны.

Он внимательно рассматривал животное.

— Вы сами видите, сэр, что тело абсолютно не повреждено.

Кирк пытался сформулировать ответ для себя:

— Он — там, в койке — испытывал дикий страх, — он обернулся к Мак-Кою. — Вы видели, как он это переживал. Но он выжил. Он прошел через это!

— Он был на волоске, — напомнил Мак-Кой. — Я вижу, куда ты клонишь, Джим. Ты хочешь пропустить себя и этого дубля через транспортер — вас двоих. Нет, Джим, нет!

— Четверо моих людей замерзают.

— Но нет ни малейшего доказательства, что это животное умерло от страха! Шок, да. Но страх? Это только предположение!

— Основанное на законах вероятности, — отозвался Спок.

— К черту вероятность! — закричал Мак-Кой. — Жизнь Джима поставлена на карту. А ты вдруг стал та-

ким специалистом по страху! Это базовая эмоция, мистер Спок! Что вы о ней знаете?

— Должен напомнить вам, доктор, что наполовину я человек, — сказал Спок. — И мне больше, чем вам, известно, что это такое — жить с разделенным духом, что такое страдание, вызванное обладанием двумя «я». Я переживаю это каждый день.

— Может, это и так, но проблема в технике. Что говорят законы вероятности о телепортаторе? Можно на него полагаться? Ты не знаешь! Это пока только теория, одна надежда.

Кирк сказал:

— Я иду с ним через телепортатор.

Мак-Кой безнадежно всплеснул руками:

— У тебя больше нервов, чем мозгов, Джим! Ради Бога, подумай головой!

— Я собираюсь вернуть четверых моих людей на корабль, — сказал Кирк. — А мы не можем использовать телепортатор, пока не узнаем, умерло ли это животное от страха или от неполадок в технике.

— Я тоже хочу спасти людей, Джим. Но ты более важен для корабля, чем члены экипажа. Это дьявольская правда — и ты это знаешь!

Слушая его, Кирк чувствовал, как его слабеющая воля опускается в глубины замешательства.

— Я должен... попробовать. Дайте мне попытаться. Если я этого не сделаю, они наверняка погибнут. И я тоже. Я буду выглядеть живым, Боунс. Но я буду жить получеловеком. Для чего кораблю половина человека в роли капитана?

— Джим, позволь мне сначала провести вскрытие животного.

— Задержка может дорого обойтись.

— По крайней мере, дай Споку побольше времени на проверку телепортатора. И разреши мне начать вскрытие.

Мак-Кой завернул животное в простыню.

— Джим, подожди, пожалуйста, подожди! — Он выбежал из кабинета.

Спок сказал:

— Я проверю телепортатор в тестовом режиме, как только вернется доктор.

Кирк круто повернулся к нему.

— Я не нуждаюсь в няньках, мистер Спок!

— Как только вернется доктор.

Четыре слова — это слишком много, подумал Спок. Ослабевшая воля, наконец, закалила себя для решения — чтобы снова встретить сомнения, аргументы, давление. Эти последние четыре слова были лишними.

— Извините, капитан, — сказал он.

Кирк кивнул. Он посмотрел вслед Споку.

Спок — человек наполовину, но его человечность была неистощима. Благодарность придала ему решимость сделать то, что он должен был сделать. Он уже двинулся к тому отсеку лазарета, где стояли койки, когда голос Зулу раздался из настенного динамика.

Это был шепот.

— Кирк слушает, мистер Зулу.

— Капитан... камни холодные... фазеров не осталось... один из нас без сознания... долго мы не продержимся...

Шепот умолк. В динамике хрустнуло. Кирк присел на край койки, где лежал его двойник. Четыре жизни на роковой планете — и две жизни в возможно неисправном телепортаторе. Выбора не было.

Двойник со страхом проговорил:

— Что ты собрался делать?

Кирк не ответил. Он стал развязывать узлы шнура, которым дубль был привязан к койке. Двойник протянул руку и коснулся фазера на его поясе.

— Тебе это не понадобится. Я не собираюсь больше драться с тобой. Что ты хочешь сделать?

— Мы вдвоем телепортируемся по транспортеру, — сказал Кирк.

Дубль напрягся, но быстро овладел собой.

— Если хочешь.

— Я должен хотеть, — сказал Кирк.

Он отвязал шнур, отступил на шаг и поднял фазер. Пошатываясь, двойник поднялся на ноги. Потом оперся на спинку койки.

— Я так слаб, — сказал он, — я буду рад, когда все кончится.

— Пошли, — сказал Кирк.

Дубль сделал шаг к двери, но запнулся и застонал. Он снова попытался шагнуть, снова запнулся — и Кирк инстинктивно протянул руку, чтобы поддержать его. Двойник понял, что это его шанс. Он выставил плечо и

толкнул Кирка, опрокинув его. Фазер вылетел из его руки. Пытаясь подняться, Кирк крикнул:

— Нет, ты не можешь...

Тяжелая рукоятка фазера попала ему в висок. Он отлетел к койке. Двойник протянул руку и расцарапал ему лицо, потом ощупал царапины на своем лице. Их покрывал состав, наложенный Мак-Коем. Задумчиво улыбнувшись, он стал привязывать Кирка к койке.

— Я — это ты, — сказал он ему.

Шатаясь, он вышел в коридор. В конце коридора дверь лифта скользнула в сторону, внутри кабины стояла Дженис Рэнд. Он мгновенно выпрямился и спокойно подошел к ней.

— Как вы, старшина Рэнд?

— Капитан...

Он улыбнулся ей.

— В чем проблема? А-а, нет, я не притворяюсь капитаном. Вам лучше?

— Да, сэр. Благодарю.

— Хорошо.

«Может быть, это мой шанс», — подумала Дженис. Она была так несправедлива к этому человеку.

— Капитан. Я хотела извиниться. Если я ...

Кирк улыбнулся в ответ:

— Что за слова — «если»... Я понимаю, старшина. Думаю, я должен вам лично объяснить...

— Нет, это я должна вам...

— Ну, тогда назовем это выяснением, — сказал двойник. — Я доверяю вашей сдержанности. На самом деле никто не притворялся мной. Произошли неполадки в работе транспортера, и возник мой дубль, двойник. Это трудно объяснить, так как мы еще не знаем точно причину неисправности. Но я позже объясню вам то, что уже известно. Вы это заслужили. Хорошо?

В недоумении она кивнула.

— Хорошо.

Створки лифта отворились. Дубль галантно отступил, пропуская ее вперед. Когда лифт стал подниматься к мостику, он разразился смехом:

— Мой корабль! Мой — весь мой!

Вид капитанского кресла подействовал на него как наркотик. Когда он устроился на сиденье, Фаррел, стоявший у навигационного пульта, подал голос:

— Мистер Зулу не отвечает, капитан.

Он не обратил внимания на эту фразу. Вбежавший Спок кинулся к его креслу:

— Капитан, я не нашел вас в телепортационном отсеке.

— Я изменил решение, — сказал двойник не глядя на вулканита. — Займите свое место, мистер Спок.

Спок медленно отошел к своему компьютеру. Слишком быстрой была эта смена решений для ума, который постоянно одолевали сомнения и нерешительность.

— Приготовьтесь покинуть орбиту, мистер Фаррел!

Если бы капитан отдал приказ активировать комплекс саморазрушения, и то это не произвело бы такого оглушительного эффекта. Фаррел уставился на него с недоверием и изумлением. Неожиданно дубль почувствовал, что все глаза на мостике устремлены на него.

— Капитан... — начал было Фаррел.

— Я отдал приказ, мистер Фаррел!

— Я знаю, сэр, но как же... как же?..

— Их спасти нельзя. Они уже мертвы, — его голос окреп. — Приготовьтесь покинуть орбиту, мистер Фаррел.

— Да, сэр. — Рука Фаррела двинулась к выключателю, когда створки лифта раздвинулись и из него вышли Кирк и Мак-Кой. На лице Кирка была кровь, но рука, державшая фазер, была тверда. Дубль вскочил с капитанского кресла.

— Это двойник, — закричал он. — Взять его!

Никто не двинулся.

— Это ты двойник, — сказал Мак-Кой.

— Не верьте ему! — взвизгнул дубль. — Взять их обоих!

Кирк и, чуть позади него, Мак-Кой двинулись к капитанскому креслу. Спок, протянув руку, остановив Мак-Коя и покачал головой.

Мак-Кой кивнул — и Кирк пошел вперед один.

— Ты хочешь моей смерти? Ты хочешь забрать себе этот корабль? Но он мой!

Фаррел вскочил со своего места, но Спок коснулся его плеча.

— Это личное дело капитана.

Кирк продолжал подходить к обезумевшему существу. Оно отступало шаг за шагом, издавая вопли.

— Я капитан Кирк, вы, свиньи! Да, дайте этому

лжецу погубить вас! Он уже убил четверых! Я капитан этого корабля! Я им владею. Вы все принадлежите мне, все!

Кирк выстрелил. Дубль рухнул на палубу без сознания.

— Спок, Боунс, — спокойно позвал капитан. — Поторопитесь, быстрее, пожалуйста.

Кирк уже занял место на платформе телепортатора, когда у его ног положили неподвижное тело.

— Держитесь его, капитан, — сказал Спок.

Кирк опустился на платформу. Он положил мотающую голову двойника себе на плечо, обхватил рукой его талию. Потом поднял глаза.

— Мистер Спок...

— Да, сэр.

— Если это не сработает...

— Понял, сэр.

— Джим! — взорвался Мак-Кой. — Не делайте этого! Не сейчас! Во имя Господа, подожди!

— Пульт, мистер Спок, — сказал Кирк.

Человеческая половина Спока взяла в нем верх: это, возможно, прощание с Кирком. Стоя у консоли, он наклонился над своими предательски трясущимися руками. Когда он поднял голову, лицо его было бесстрастным.

— Даю разряд, сэр.

Он видел, как Кирк крепче прижал дубля к себе. Он знал, что это были обьятия необычайного признания, неразрывной близости. Не дрогнув, Спок повернул диск на панели. Гул дематериализации усилился, вспыхнуло яркое марево — и все стихло.

Мак-Кой подбежал к платформе. На ней стоял Кирк. Один.

— Джим... Джим? — выкрикнул Мак-Кой.

— Привет, Боунс, — сказал Кирк. Он сошел с пустой платформы и подошел к консоли управления. — Мистер Спок, поднимайте людей на борт.

Спок сглотнул.

— Есть, капитан. Сейчас, сэр.

Но это удалось не сразу. Прошло двадцать минут, прежде чем платформа телепортатора отдала в осторожные руки ожидавших четыре окоченевшие тела.

Мак-Кой закончил последний осмотр.

— Они выживут, капитан. Камни, которые они разогревали, спасли им жизнь. У них серьезные обморожения, но, я думаю, мы с этим справимся.

Бледность в лице Кирка неожиданно бросилась ему в глаза.

— Как вы, капитан?

В улыбке Кирка была непривычная горечь.

— Как там говорится? Во многая мудрости много печали? Я чувствую себя гораздо печальнее, Боунс, но совсем не мудрее.

— Добро пожаловать в человеки, Джим, — сказал Мак-Кой.

Когда Кирк поднялся на мостик, там царило праздничное настроение. Первым он подошел к Споку.

— Вы, конечно, знаете, — сказал он, — я никогда бы не сделал этого без вас.

— Благодарю, капитан. Что вы думаете сказать команде?

— Правду, мистер Спок — что двойник отправился туда, откуда пришел.

Дженис Рэнд подошла к нему.

— Я хотела только сказать, капитан, что я... так рада...

— Спасибо, старшина, — Кирк вернулся в свое капитанское кресло. Девушка смотрела ему вслед, а Спок смотрел на девушку.

— Этот двойник, — сказал он, — обладал некоторыми замечательными качествами. И он весьма походил на капитана. Думаю, вы согласитесь, старшина Рэнд.

Она покраснела. Но храбро взглянула в его смеющиеся глаза:

— Да, мистер Спок. Тот двойник обладал весьма интересными качествами.

Ловушка

Непрерывные статические разряды в динамиках панели связи лейтенанта Ухуры были не самой большой неприятностью, доставленной планетой Пирис-7. С орбиты «Энтерпрайза» она представлялась темным неприветливым космическим телом — кусок черного гранита, брошенный в космос безо всякой видимой цели, темный, безжизненный, — если не считать членов десантной группы, перемещенной с корабля для обычного исследования и периодических докладов. Была куда большая неприятность — отсутствие этих самых докладов. Хотя Скотти, Зулу и рядовой Джексон были знакомы со стандартной процедурой работы группы высадки. Они хорошо знали, что от любой команды, исследующей неизвестную планету, требуется ежечасный доклад.

Ухура взглянула на Кирка.

— Все еще не отзываются, сэр.

— Оставайтесь на приеме.

Он нахмурился, снова услышав треск разрядов.

— Мне это не нравится, ни звука с самого первого рапорта. Скотти и Зулу должны были выйти на связь полчаса назад.

Спок сказал:

— Возможно, им просто нечего докладывать... Хотя Пирис-7 — планета класса М, потенциально имеющая разумную жизнь, наши люди — единственное проявление жизни на планете, которое смогли уловить сенсоры.

— Все равно, Скотти и Зулу обязаны докладывать, есть ли у них что-нибудь для официального рапорта. Почему они не отвечают?

Ухура скорректировала настройку. Облегчение отразилось на ее лице.

— Связь установлена, капитан.

Кирк схватил аудио. Голос Джексона донесся сквозь разряды:

— Джексон вызывает «Энтерпрайз».

— Кирк слушает.

— Один на подъем, сэр.

— Один? Джексон, где Скотти и Зулу?

— Я готов к подъему, сэр.

— Джексон! Гос... — треск статических разрядов заглушил его слова. Ухура попыталась справиться с ними, но безуспешно.

— Прощу прощения, сэр. Я не могу наладить звук.

— Ладно, — сказал Кирк. — Сообщите в телепортационный отсек приготовиться к подъему одного члена десантной группы. Передайте доктору Мак-Кой, чтобы он явился ко мне.

— Есть, сэр.

Волнение заставило Кирка и Спока бежать к кабине лифта. Они открыли дверь в отсек телепортации, и до них донесся ровный тяжелый гул.

— Готово, сэр, — доложил техник.

— Разряд! — Гул перешел в пронзительный вой, и тут появился Мак-Кой со своим медицинским саквояжем.

— Что случилось, Джим?

— Неприятности.

Над платформой транспортера появилось сияющее облако, затем его искры сложились в фигуру рядового Джексона. Он стоял неподвижно, с лица было словно стерто всякое выражение, глаза остекленели, устремив вдаль невидящий взгляд. Гул материализации стих. Кирк подошел к платформе:

— Джексон! Что произошло? Где остальные?

Его рот шевельнулся, как будто приготовился говорить. Но Джексон ничего не сказал. Рот искривился в гримасе — и Джексон, подавшись вперед, рухнул на пол.

Встав на колени рядом с ним, Мак-Кой поднял лицо к Кирку и покачал головой.

— Он мертв, Джим.

Кирк смотрел сверху вниз на тело. Остекленевшие глаза мертвеца были по-прежнему устремлены в никуда. Затем вдруг челюсть дрогнула, рот открылся. И оттуда раздался голос, грубый, низкий, как будто из самого чрева:

— Капитан Кирк, ты слышишь меня. На твоём корабле лежит проклятие. Покинь эту планету. Здесь тебя ждёт смерть.

На мгновение установилась жуткая тишина. Мертвый зев Джексона был открыт по-прежнему, но губы не шевелились.

За столом в лазарете Мак-Кой опустил голову на руки. Он не поднял ее, когда Кирк открыл дверь. Дернув плечом, он подтолкнул груды магнитных кассет, лежавших перед ним.

— Ну? — спросил Кирк.

Мак-Кой поднял пригоршню кассет. И снова уронил их на стол.

— Это доклады обо всех анализах, которые я взял. Никаких органических отклонений, ни внешних, ни внутренних.

Молчание Кирка длилось несколько мгновений. Скотти и Зулу — они все еще были внизу, на планете, которая вернула на «Энтерпрайз» мертвеца. Мертвеца, рот которого использовал тот жуткий голос.

— Но почему тогда Джексон мертв, Боунс?

— Он замерз насмерть, — ответил Мак-Кой.

Незаметно к ним присоединился Спок.

— Это выглядит неразумно, доктор, — сказал он. — Климат Пириса примерно соответствует земному средней полосы Западного полушария в период летнего солнцестояния.

Мак-Кой сказал нетерпеливо:

— Я это знаю, Спок. Но правдоподобно это или нет, Джексон умер от холода. Он был буквально стоячим мертвецом, когда материализовался в Транспортной камере.

— Он чуть не заговорил, — сказал Кирк.

— Он был мертв, я сказал! — рявкнул Мак-Кой.

— Но кто-то говорил. — Кирк медленно покачал головой. — Похоже, на этой планете гораздо больше того, что засекли наши сенсоры. Со Скотти и Зулу, временно брошенными там, внизу...

Его прервал сигнал интеркома на столе Мак-Коя. Он стукнул по переключателю.

— Кирк слушает.

Ухура с тревогой в голосе сказала:

— Сэр, мы потеряли след мистера Скотти и мистера Зулу. Сенсоры не регистрируют никаких признаков жизни на поверхности планеты. Это последний доклад мистера Фаррела.

— Это усложняет дело, — Кирк помолчал. — Бла-

годарю, лейтенант. Передайте мистеру Фаррелу, чтобы он продолжал сенсорное сканирование. — Он отключил интерком. — Спок, Боунс, собирайтесь, мы отправляемся на поиски.

Они обнаружили туман. Серые клочья плавали вокруг, когда они материализовались в этом сумрачном мире камней, голом, пустынном. Со скалистого холма, где они материализовались, не было видно зелени — только серая равнина тумана, слои которого сдвигались, только чтобы обнажить такой же туман, камни, скалы.

— Страшновато, — сказал Кирк. — В наших данных не говорилось о тумане.

— Действительно, страшновато, — согласился с ним Спок. — Никакой воды, никаких облачных формирований, никаких флюктуаций температуры поверхности. При таких условиях тумана быть не может. — Он снял с плеча трикодер и начал считать показания.

— Не мог же Джексон замерзнуть в таком климате, — сказал Мак-Кой. — И все же это произошло. Кстати, где мы?

Согласно координатам, выходило что это, то самое место, с которого был поднят Джексон, — сказал Спок.

— Показания, мистер Спок?

— Никаких следов... нет, подождите! Вижу сигнал живой формы на 14 градусах, отметка 7... дистанция 136, 16 метра, — он поднял глаза от трикодера. — Многочисленные отметки, капитан!

Изумленный Кирк щелкнул по коммутатору.

— Кирк вызывает «Энтерпрайз».

Статические разряды исказили голос Ухуры до неузнаваемости:

— «Энтерпрайз», капитан.

— Что показывают сенсоры корабля сейчас, лейтенант?

— Все, что мы видим, — физические импульсы от вас, мистера Мак-Коя и мистера Спока, сэр. Внизу нет больше ничего живого.

Разряды почти заглушили ее последние слова.

— Я едва слышу вас, лейтенант, — сказал Кирк. — Вы слышите меня?

Его коммуникатор разразился треском разрядов. Разозлившись, Кирк щелчком выключил его и засовывал в чехол на поясе, когда Мак-Кой сказал:

— Туман становится плотнее. Может, это имеет отношение к помехам.

Туман действительно становился плотнее. Он клубился вокруг них так, что они уже еле видели друг друга.

— Должно быть какое-то объяснение расхождению данных, — сказал Кирк. — Сенсоры корабля показывают нас как единственные живые формы, но трикодер Спока регистрирует многочисленные сигналы. Вы их еще видите, мистер Спок?

— Без изменений, сэр.

— Фазеры к бою, — приказал Кирк.

Затем они все услышали это — тонкий стон. Еле слышимый вначале, он становился громче, пока не перешел в тоскливый печальный вопль.

— Наверное, они услышали нас, — прошептал Мак-Кой.

— Спокойно, Боунс.

Мак-Кой схватил Кирка за локоть и показал другой рукой вперед, где клубы тумана стали разгораться зеленым тошнотворным свечением.

Затем клубы сгустились, образовав три туманных лица с едва обозначенными чертами, размытых, испещренных столетиями морщинами. Короткие пушистые седые волосы обрамляли их, и пол был так же неопределим, как и черты. Одно из лиц заговорило:

— Капитан Кирк...

Его протяжный скрип был той же тональности, что и предыдущий вой.

Кирк шагнул вперед.

— Кто вы?

— Уходите... — простонал беззубый рот.

Туман размывал бестелесные лица.

— Ветер должен подняться, — простонало одно из них.

— И туман опускается...

— Смерть здесь...

Разразившись лающим смехом, лица неожиданно распались и растворились в тумане.

Спокойный, неподвижный Спок произнес:

— Наваждение, капитан. — Он опустил трикодер. — Они не содержали ни физической субстанции, ни энергии. Это могло быть что-то вроде проекции.

— Шекспир писал о проклятых кустарниках, —

сказал Кирк, — и о пророчествах ведьм. Но почему они возникли перед нами? Никто из нас не собирается становиться королем Шотландским. Спок, параметры тех живых форм изменялись во время этого маленького представления?

— Они оставались без изменений, капитан.

Кирк кивнул.

— Это может быть частью ответа.

Они двинулись вперед — и резкий порыв ветра ударил им в лицо. Ветер крепчал, он должен был бы разорвать туман, но этого не произошло. Туман уплотнялся, ослепляя все больше и больше. Ветер достиг такой силы, что им пришлось повернуться спиной вперед, держась друг за друга.

— Держись! — прокричал Кирк. Это слово подействовало как заклинание — ветер мгновенно стих, так же неожиданно, как и поднялся.

Хватая ртом воздух, Мак-Кой сказал:

— Вполне реалистическое наваждение. — Он сделал глубокий долгий вдох, затем недоверчиво прошептал:

— Джим... впереди — там...

Это выглядело как мощная центральная башня средневекового замка. Она появилась перед ними, огромная, с зубцами, массивные камни ее древней кладки были выщерблены временем. Тяжелая дубовая дверь с перекладинами, обитая железом, была слегка приоткрыта. На одной из стертых ступенек, которые вели к двери, свернулся клубком гладкий черный кот с золотой цепочкой на шее. Подойдя ближе, они разглядели какой-то прозрачный кристалл, подвешенный на цепи как кулон. Поза кота говорила о том, что он кого-то дожидается. Мышь, вероятно.

Спок произнес:

— Это источник сигналов от живых форм, капитан. Они где-то внутри.

Кирк снова попытался воспользоваться коммуникатором, но статические разряды опять сорвали попытку.

Он снова засунул прибор в футляр.

— Не так ли мы потеряли связь с первой партией? — поинтересовался Мак-Кой.

— Как, Спок, этот призрачный замок имеет какую-то связь с помехами?

Вулканит склонился над трикодером.

— Я бы сказал, нет, сэр. Нет никаких явных свидетельств, что именно вызывает помехи. И замок, и кот одинаково реальны.

— Или нереальны, — сказал Кирк. — Некоторые иллюзии могут проявлять себя в плотной субстанции. Почему наши сенсоры не засекают этот замок? И не регистрируют живые формы внутри? — он поднял хмурый взгляд вверх, к стене, усеянной узкими бойницами. — Возможно, это место имеет источник силового поля, которое экранирует его от сенсоров.

— Но тогда оно бы повлияло и на трикодер Спока, не так ли? — спросил Мак-Кой.

— Так ли? Я начинаю удивляться... — тут кот мяукнул, грациозно поднялся и исчез в приоткрытой двери. Кирк задумчиво проследил за ним, казалось, погруженный в какие-то свои мысли. Затем, отбросив их, сказал:

— Ладно. Если Скотти и Зулу где-то поблизости, это и есть наиболее вероятное место. Пошли.

Держа фазеры наготове, они распахнули дверь. Какой-то писк раздался у них над головами, и туча летучих мышей вылетела из проема, так что кожистые крылья почти задевали лица.

Отступив на шаг, Мак-Кой вскрикнул:

— Что это, дьявол подери?

— Похоже, летучие мыши-вампиры, — ответил им Спок.

— Это земной вид, — заметил Кирк. Кот, крутившийся у их ног, вновь нетерпеливо мяукнул и исчез в черной глубине дверного проема.

Кирк снова задумчиво проводил его взглядом.

— Кот тоже земной. Заговор сгущается. Замки, черные коты, мыши-вампиры и ведьмы. Если бы у нас не пропало двое офицеров и один не был бы уже мертв, я бы сказал, что кто-то устроил очень сложный розыгрыш ко Дню Всех Святых*.

— Розыгрыш, капитан?

— Старая земная традиция, мистер Спок. Объяснения — позже.

Замок казался сложенным из огромных камней. Кот бесшумно двигался впереди Кирка, когда они вошли в

* — Точнее, канун Дня Всех Святых, празднуют в Америке 31 октября.

холодный коридор. Было бы совсем темно, если бы не редкие факелы с пламенем, плясавшим над изъеденными ржавчиной и спутанными паутиной железными рукоятями.

— Пыль. Паутина. Точно. День Всех Святых, — сказал Мак-Кой.

Кот скользнул за углом в еще более темный угол. Когда они последовали за ним, пол под ногами провалился, и они свалились во тьму.

Кирк первый оправился от падения. Кто-то с весьма странным чувством юмора догадался поставить прямо перед ним усаженную шипами Железную Деву. Человеческий скелет внутри нее улыбался ему. Он запретил себе поддаваться страху. Что его особенно заинтересовало — так это то, что он был прикован к стене камеры. В таком же положении находился Спок и Мак-Кой. Затем он осознал, что все их снаряжение — фазеры, коммуникаторы, трикодеры — исчезли.

— Мистер Спок...

Вулканит подергал свои путы.

— Я не поврежден, капитан.

— Боунс в порядке?

Мак-Кой ответил за себя сам.

— Ничего не сломано — масса синяков. Что вы там говорили насчет розыгрыша, Джим?

— Проклятия, темницы, Железные Девы, скелеты. Штука в том, что все это земные реалии. Почему?

— Трикодер отметил этот замок как реальный, Джим. — Мак-Кой побренчал цепями. — И вот это не иллюзия. Эта планета может быть земным аналогом.

— Но тогда она была бы аналогом исключительно земных суеверий, доктор, — сказал Спок. — Нечто, что существует только в уме людей.

— Точно, — сказал Кирк. — Это все как будто... — он осекся. Из коридора слышались приглушенные шаги. Ключ заскрипел в скважине. К огромному облегчению Кирка, тяжелую дверь отворили Зулу и Скотти.

— Скотти, Зулу! Вы живы!

На лицах обоих не появилось и следа ответной радости, молча, с каменным лицом Скотти вытащил из кобуры фазер и направил его на них.

— Скотти, — попросил Кирк. — Опусть фазер.

Неподвижный, немигающий Скотти держал фазер на прицеле.

— Скотти! — крикнул Кирк.

— Джим, я думаю, их накачали наркотиком. Посмотри на их глаза — они совсем не мигают.

— Джексон тоже не мигал, — сказал Спок.

— Но эти-то двое живы! Скотти, Зулу! Вы узнаете меня?

Зулу кивнул.

— Что с тобой произошло? — допытывался Кирк.

Вместо ответа Зулу прошел мимо него к Мак-Кою. Пока Скотти держал врача «Энтерпрайза» на прицеле, Зулу выбрал из связки, висевшей у него на поясе, ключи и повернул его в замке, державшем руку доктора в стальном наручнике. Наблюдая за ним, Кирк сказал:

— Они просто снимают кандалы, Боунс. Они не собираются отпускать нас. Ведь так?

Молчание. В абсолютном молчании их кандалы были сняты. Стоя у двери, Зулу знаком показал им выходить. Прикинув расстояние, на котором находился за его спиной Скотти, Кирк развернулся, чтобы нанести удар. Рукоять фазера врезалась в его череп. Он упал на колени. Спок в это время прыгнул на Скотти, а Мак-Кой — на безоружного Зулу. Но когда они коснулись их, лица Скотти и Зулу осветились тем самым тошнотворным зеленым сиянием, и они растворились в нем.

— Стоп!

Это был тот же голос, что говорил через мертвый рот Джексона.

Они замерли. Зеленое сияние, казалось, поглотило коридор и темницу. Прежним осталась только отстраненность Скотти и Зулу. Они возникли снова, немигающие, с ничего не выражающими лицами, как и прежде. Все остальное было новым.

И старым. Большой зал, в который они были каким-то образом перемещены, был по-средневековому тяжело-великолепным. Стены покрывали ковры. Свет факелов освещал голую поверхность огромного стола, по сторонам которого стояли кресла с высокими спинками. Но глаза Кирка были устремлены на человека. Он сидел в резном кресле, в нише под куполообразной конструкцией, похожей на балдахин. Он был бородат, и длинное платье на нем мерцало вышитыми золотом знаками Зодиака. Черный жезл в его руке был увенчан

ярко блестящим хрустальным шаром. Кот растянулся у его ног.

Кирк шагнул к креслу.

— Кто бы ты ни был, ты доказал свое искусство создавать иллюзии. Теперь я хочу знать, что ты сделал с моими людьми.

Человек наклонился вперед.

— Твоя раса имеет забавную предрасположенность к сопротивлению. Вы обо всем спрашиваете. Вам недостаточно принять все как есть?

— Только не тогда, когда один из моих людей мертв, а двое других обращены в бездумных...

— Не бездумные, капитан Кирк. Эти живые просто... контролируются.

Спок и Мак-Кой сделали удивленное движение, услышав как человек называет Кирка по имени. Это было замечено.

— Да, мы знаем вас, всех. Не так ли, драгоценный мой? — он опустил руку, чтобы погладить кота.

— Кто вы? — требовательно спросил Кирк. — Почему вы привели нас сюда?

Рот под бородой улыбнулся.

— Мое имя Короб. А насчет «привели» — вы же сами упорно хотели прийти. Вас предупредили снаружи.

— Ради чего? — Кирк обвел рукой вокруг. — Для чего весь этот... фарс?

— Фарс? Уверяю вас, это не так, капитан.

Спок подал голос:

— Ясно, что вы чужие на этой планете, Короб.

Пронзительные глаза уставились на Спока:

— Что вы сказали?

— На этой планете не существует жизни, — пояснил Спок. — Картографические экспедиции нанесли на карты эту звездную систему. Их научные наблюдения не выявили жизни там, где вы, кажется, живете.

Кот зашевелился, замаяукал. Веки закрыли пронзительные глаза.

— То, что мы не здешние, не имеет значения, — мягко произнес Короб.

— Это важно для Федерации, — сказал Кирк. — Что вы здесь делаете?

— Всеу свое время, капитан.

Кот снова мяукнул, и Короб пригнул голову, будто

прислушиваясь к секретному сообщению. Подняв голову, он сказал:

— Вы должны извинить меня. Я был невнимательным хозяином. Вы можете вместе со мной подкрепиться чем-нибудь.

Сопровождаемый котом, он провел их к пустому столу.

— Этот кот... — спокойно сказал Мак-Кой.

— Да, — сказал Спок. — Он напоминает мне о некоторых земных легендах про колдунов и их «спутников» — демонов в обличье животных, посланных Сатаной в помощь этим колдунам.

— Предрассудки, — сказал Кирк.

— Я не создаю легенды, капитан. Я просто повторяю их.

Короб повернулся к нему.

— Вы не такой, как все, мистер Спок. Ваша логика бесцветна, вы думаете только в терминах «черное-белое». Вы видите все это вокруг себя и все же не верите.

— Он просто не знает ничего о розыгрышах, — вмешался Мак-Кой.

Короб слегка улыбнулся.

— Ах, вот как, — он махнул рукой в сторону пустого стола. — Все же прошу вас присоединиться к моему ужину.

Никто не двинулся с места. Скотти и Зулу сделали угрожающее движение. Скотти поднял фазер, но Короб поднял руку, и оба они отошли и замерли в каменном оцепенении.

— Я надеялся, что вы проявите большую гибкость, но... — проговорил Короб, — Он поднял жезл.

Вспыхнуло зеленое мерцание, слепящее, как хрустальный шар на конце жезла. Зал и все, что в нем находилось, растворилось в нем, как вихрь пыли. Кирк на мгновение ослеп. Когда он снова обрел зрение, то сидел со Споком и Мак-Коем за столом. Перед ним разинула рот кабанья голова, рядом стояло блюдо с фаршированным фазаном. В центре стола огромный бык, зажаренный до коричневой сочности, был окружен серебряными чашами, полными фруктов, и блюдами с нежными сырами. Массивные канделябры бросали свет на хрустальные графины с вином и золотые кубки. В качестве демонстрации средневековой еды и помпезной серви-

ровки это было представление, достойное лишь туристов, заказавших тур в Машине Времени.

— Во имя Господа, как... — начал Мак-Кой.

— Это не розыгрыш, доктор, — сказал Короб, — фокус, на этот раз. Поверьте.

— Чего вы хотите от нас, Короб? — спросил Кирк.

— В данный момент — чтобы вы ели и наслаждались. Пожалуйста, попробуйте вина, доктор. Вы найдете его превосходным.

— Нет, благодарю вас, — ответил Мак-Кой.

С мяуканьем кот неожиданно прыгнул на свободное место за столом, и свет блеснул на кристалл-кулоне у него на шее. Несмотря на отказ, рука Мак-Коя сама потянулась к графину, стоявшему перед ним. Он сделал заметное усилие отдернуть ее, но неудачно. Кирк сделал движение к нему, но Скотти тут же толкнул его на место.

— Боунс...

— Он не может подчиниться вам, капитан, — сказал Короб, — и его нельзя винить за это.

Мак-Кой, воля которого была парализована, налил вино из графина в свой кубок. Кот с сияющим на черном меху кулоном внимательно следил за тем, как он поднес кубок к губам. Он коснулся его — и вино вспыхнуло алым пламенем.

Явно встревоженный, Короб поднял свой жезл. Пламя погасло, и Мак-Кой уронил кубок на пол, где тот исчез, оставив после себя запах дыма.

Кот зашипел.

В ярости Кирк сказал:

— Если вы достаточно позабавились, Короб...

Но глаза Короба были устремлены на кота.

— Это была не моя воля, — сказал он. — Я... должно быть, могу внести нужные поправки.

Черный жезл указал на пустые блюда на столе. Они наполнились драгоценными камнями, бесценными экзотическими ювелирными изделиями, собранными со всех концов Галактики в одну мерцающую грудку — рубиновый пурпур того, что было не рубинами, сапфировая голубизна того, что было не сапфирами — но неизвестными драгоценностями неземных звездных систем.

— Выглядят, как настоящие, — заметил Мак-Кой.

— Они и есть настоящие, уверяю вас, — сказал Короб. — Это масгар, доктор, а это — лориниум, павонит.

Здесь для каждого из вас по состоянию в ценнейших драгоценностях Галактики, если вы уйдете отсюда, не пытайтесь больше ничего узнать.

— Мы еще не готовы уходить, — спокойно сказал Кирк.

— Капитан, вы упрямый и неразумный человек, однако вы выдержали испытание.

— Испытание? — заинтересовался Мак-Кой.

Короб кивнул.

— Вы доказали свою преданность, явившись сюда, чтобы спасти своих товарищей, несмотря на предупреждение держаться подальше. Ваша храбрость также была подвергнута проверке. Я понял, что вас нельзя напугать. Сейчас я узнал, что вас нельзя купить. Поздравляю.

Кот мяукнул. Короб погладил его.

— Совершенно верно, — сказал он, — иди прямо сейчас.

Животное прыгнуло с кресла и умчалось в заветный коврами проем в другом конце зала.

Кирк поднялся.

— Хорошо. Теперь, когда вы проверили нашу цельность, вероятно, вы продемонстрируете свою.

— С удовольствием, капитан.

— Начните с объяснения того, что вы сделали с Зулу и Скотти. Как вы их «контролируете»?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — сказал Короб, — но я послал за той, которая может.

Это была высокая стройная женщина. Ее черные волосы, разделенные прямым пробором, спускались до пояса. Возможно, из-за высоких скул ее глаза казались слегка раскосыми. На ее груди поверх красного платья висел кристалл-кулон, такой же, какой они видели у кота.

Короб представил:

— Это моя коллега, Сильвия.

Когда она приблизилась к Кирку, тот осознал, как она необычайно грациозна. Слегка поклонившись, она сказала:

— Капитан Кирк, я понимаю ваше желание узнать, что произошло с вашими людьми. Мы испытали их ум. Для нас это простое дело — прозондировать умы подобных вам.

— Гипноз? — спросил Спок.

Она не обратила на него внимания и подошла к Мак-Кою.

— Наши методы глубже, чем гипноз.

Мак-Кой ничего не сказал на это. Его глаза устались на блестящий кулон и взгляд вдруг стал окаменевшим, немигающим. Она улыбнулась ему.

— Позвольте мне повторить то, что вы сказали о том человеке, Джексоне, который был возвращен на ваш корабль. Вы сказали: «Никаких следов повреждений... никаких органических нарушений, ни внешних, ни внутренних. Этот человек просто замерз насмерть».

— Откуда вам это известно? — спросил Кирк, внимательно глядя ей в лицо.

Зеленые глаза посмотрели на него.

— Вам нравится считать себя сложными созданиями, капитан, но здесь вы ошибаетесь. Ваши умы имеют многочисленные двери, и многие из них оставлены без охраны. Мы входим в ваш ум через эти неохраняемые двери.

— Телепатия? — предположил Спок.

На этот раз она ответила ему.

— Не совсем. Телепатия не предполагает контроля. А я, уверяю вас, полностью контролирую ваших друзей.

Неожиданно Кирку надоела эта очаровательная леди и ее разговор. Резким движением он толкнул свое тяжелое кресло на Скотти, тот пошатнулся, теряя равновесие, — и фазер выпал из его рук. Кирк поднял его быстрым и точным движением, когда Скотти, восстановив баланс, бросился на него. Кирк навел на него фазер. Он отпрянул, и фазер взял на прицел всех сразу — Сильвию, Короба, Зулу и Скотти.

— Никому не двигаться! — предупредил Кирк.

Мак-Кой потерял неподвижность, его глаза мигнули. Кирк жестом приказал Зулу и Скотти подойти к Коробу, фазер не дрожал в его руке.

— Больше никаких фокусов-покусов, — сказал он, — Короб, мне нужно остальное наше снаряжение и оружие. Сейчас. И еще мне нужны ответы — настоящие.

Сильвия сказала:

— Опустите оружие, капитан.

Кирк рассмеялся. Зеленые глаза не вспыхнули гневом, но просто разглядывали его оценивающе. Затем,

опустив руку в складки своего свободного платья, она достала что-то похожее на миниатюрную серебряную игрушку. Она подошла к Скотти и Мак-Кой.

— Вы узнаете это? — спросила она.

— Это похоже на уменьшенную копию «Энтерпрайза», — сказал Мак-Кой.

— Нет. В каком-то смысле это и есть «Энтерпрайз».

Нахмурившись, Спок спросил:

— Где вы это взяли?

— Из голов двоих членов вашей команды. Я вобра-
ла их знание о корабле.

— А с какой целью? — поинтересовался Спок.

Она отодвинулась к столу, на котором в массивном канделябре горели высокие свечи.

— В мифологии нашей расы это называется «симпатическая магия», капитан. Можете называть это как хотите. Это интересное оружие.

Кирк, все еще держа на прицеле Короба, бросил через плечо:

— Леди, это не годится в качестве объяснения.

Лицо Спока помрачнело. Он внимательно следил за женщиной, стоявшей у стола. Тени дрожали на ее лице, освещенном пляшущим светом свечей.

— Джексон, — сказала она. Вы все были удивлены, как это он замерз насмерть в таком умеренном климате. Как вам такое объяснение, капитан? Я сделала точное его подобие, затем заморозила его. Когда я увидела, что оно замерзло, он умер.

— Чепуха! — сказал Кирк. — Нельзя задумать человека до смерти.

— Ваш коммуникатор находится в кармане Короба, капитан. Прошу вас, возьмите его.

Он колебался мгновение, прежде чем подчиниться. Когда он повернулся, она держала игрушечную копию «Энтерпрайза» дюймах в шести над пламенем.

— Вызывайте свой корабль, — сказала она.

Он щелкнул крышкой коммуникатора. Беспокоясь, помимо собственной воли, он увидел, как Сильвия поднесла модель ближе к пламени. Короб произнес.

— Сильвия, не...

Модель опустилась ниже, и Кирк быстро проговорил в коммуникатор:

— Кирк вызывает «Энтерпрайз»! «Энтерпрайз», ответьте. Здесь Кирк. Ответьте...

— Капитан, это вы! — голос Ухуры был взволнован. — Где вы? Мы не могли...

— Сейчас не о нас речь. Что у вас происходит?

— Что-то... какие-то неполадки с терморегуляцией. Мы не можем понять, в чем дело. Температура поднялась на 60 градусов за последние полминуты. «Энтерпрайз» поджаривается, сэр...

— Подключите холодильные установки, лейтенант! Голос слышался теперь слабее.

— Мы пытались, капитан, но они... вышли из строя...

Кирк, представив свой корабль, на мгновение увидел его несущимся сквозь пространство пылающим факелом.

Он увидел, как Ухура и Фаррел в мокрой от пота форме задыхаются на своих постах, хватают ртами воздух.

— Жар уйдет, лейтенант, — сказал он. — Я позабочусь об этом.

Он выключил коммуникатор, подошел к Коробу и отдал ему коммуникатор.

— Ладно, — сказал он Сильвии. — Можете прекратить это.

Он протянул Коробу фазер.

Она убрала миниатюрный корабль из пламени.

— Теперь, когда вы познакомились с нашей наукой, — сказал Короб, — может быть, расскажете что-нибудь о вашей?

— Я бы лучше узнал побольше о вашей, — сказал Кирк. — Сначала вы назвали это магией, теперь — наукой. Что же это?

— А как бы вы сами назвали это?

— Трансмутация... телекинез. Кажется, вы обладаете весьма странными способностями. Вы не только изменяете молекулярную структуру предметов, но и перемешиваете их по своей воле. Чем вам еще интересоваться в нашей неуклюжей науке?

— Нашей требуются механизмы, материалы, энергия, химикаты, — добавил Спок. — По сравнению с вашими способами, она несовершенна и нескладна. Что же так важно в ней для вас?

— Есть вещи, известные вам, о которых мы не знаем. Мы можем изменять молекулярную структуру ма-

терии. Но вы умеете высвободить энергию, заключенную внутри нее.

— Короб! Ты слишком много говоришь! — резко сказала Сильвия. Взяв себя в руки, она продолжала: — Кроме того, вы трое не являетесь такими узкими специалистами, как те двое. — Она указала на неподвижные фигуры Скотти и Зулу. — Вот тот думает только о машинах. Ум другого полон всяких мелочей, мыслей о его коллекциях, физических усилиях, которые он называет тренировки... Но в ваших умах аккумулировано знание о мирах, об этой Галактике.

— Если так, то наши умы — место, где эти знания и останутся.

— Вы использовали Скотти и Зулу как орудия, — сказал Мак-Кой. — Вы использовали их, чтобы заманить нас сюда. Почему вы решили, что мы придем?

— Они знали, что вы придете? — улыбнулся Короб.

— Хватит, — нетерпеливо сказала Сильвия, — вы скажете нам то, что мы хотим узнать, так или иначе!

— Немного поздно для угроз, — ответил Кирк. — Я связался с кораблем, помните? Как по-вашему, сколько времени пройдет прежде, чем здесь будет новая поисковая группа?

— Довольно много, — сказал Короб. Он прикоснулся к миниатюрному кораблю на столе хрустальным шаром своего жезла. Его охватило знакомое уже зеленое свечение. Когда оно исчезло, корабль был заключен в цельный кристалл хрусталя.

— Теперь ваш корабль окружает непроницаемое силовое поле, капитан. Оно не нарушает его орбиты, но превращает всех, кто находится внутри, в пленников.

— Советую вам согласиться, капитан, — сказала Сильвия. — Хотя и существуют методы насильственно получить информацию, которая нам нужна, они крайне болезненны. И они имеют несколько... иссушающий эффект. — Она сделала жест в сторону Скотти и Зулу.

— Нам нечего обсуждать, — сказал Кирк.

Короб повернулся к Скотти и Зулу:

— Отведите их назад в темницу.

— Подождите, — зеленые глаза Сильвии оглядели их, холодно анализируя. — Доктор останется.

— Боунс... — начал Кирк.

— Не тратьте понапрасну ваше сочувствие, капитан. Вы будете следующим. Разница небольшая. — Она

отвернулась, резко бросив Скотти и Зулу, — уведите остальных. Короб передал Зулу фазер. Его ствол больно уткнулся под ребра Кирку, когда его и Спока выводили из зала.

На этот раз оковы показались Кирку более тесными. Его глаза упирались в пол темницы, он беспокойно ворочался в цепях, чувствуя, как железо впивается в плоть.

— И долго это продолжается? — выдавил он.

— 22 минуты 17 секунд, — отозвался Спок.

У Кирка вырвался вопрос, беспокоивший его:

— Что они такое делают с ним?

— Вероятно, — произнес Спок, — настоящий вопрос — «что они такое?». Они признались, что чужие на этой планете. И я нахожу их абсолютную невинность касательно нашей науки и техники весьма любопытной.

Кирк с интересом посмотрел на него:

— Кроме того, они говорили о нас как о «созданиях», как будто наш вид был им незнаком.

Спок кивнул.

— Тот факт, что все вокруг нас выглядит прочным и солидным, быть может, вовсе не факт. Сильвия и Короб похожи на людей. Но они сфабриковали эту еду и драгоценности. Так же легко они смогли сфабриковать и свою внешность. Что если они вовсе не двуногие гуманоиды? Что если и это они извлекли из голов Скотти и Зулу?

Кирк нахмурился.

— Скотти и Зулу — серьезные мужчины. Они не подвластны суевериям, — он сделал паузу, чтобы обдумать рассуждения Спока. — Но у предков Скотти в самом деле были замки и темницы и знание о ведьмах... А Зулу — восточные народные сказки тоже признают существование духов и привидений.

— Дети до сих пор увлекаются историями о привидениях, капитан. Даже я, к испугу отца, рос с интересом к ним. Возможно, подсознательно все мы боимся темных комнат, призрачных видений — и это как раз то, что используют эти чужаки, чтобы получить нужную им информацию.

— Но они хотят не просто нашей науки, — напомнил Кирк. — Им нужно знание о наших мирах, о самой

Галактике. — Он хотел добавить «Почему?», когда в замке повернулся ключ.

Дверь темницы открылась, и Зулу с фазером в руке втолкнул в нее Мак-Коя. Доктор не сопротивлялся. Он просто стоял, не мигая, на лице его не отражались никакие человеческие эмоции.

— Ах, Боунс, Боунс... — простонал Кирк.

Но Зулу уже размыкал его цепи. Затем Мак-Кой, неуклюже волоча ноги, подошел к капитану и рывком поднял на ноги. Аккуратно держа его так, чтобы он не хохотился под прицелом Зулу, доктор пинком вытолкнул Кирка из темницы.

Метод, которым Сильвия превратила Мак-Коя в послушного имбецила, беспокоил Короба. Пока они ожидали Кирка в большом зале замка, он выразил свое беспокойство словами:

— Нет необходимости мучить их.

— Они сопротивляются, — был ответ.

— Ты дразнила их! Ты им предлагаешь игрушки, а потом смотришь, как они вопят от боли, прикоснувшись к ним. Это тебя забавляет.

Она пожала плечами.

— Если и так, это тебя не касается. Я добываю информацию, нужную Старейшим. И это как раз то, зачем мы здесь.

— Ты должна прекратить это! — закричал Короб. — По крайней мере, сделай так, чтобы боль была короткой.

— Ты не можешь мне приказывать, Короб. Мы равны.

— Но не одинаковы, — сказал он.

— Да. Ты слабый. Я сильна. Именно поэтому Старейшие выбрали меня, чтобы сопровождать тебя. Они подозревают тебя в слабости. Именно я... — она остановилась, увидев Кирка, стоявшего между Мак-Коем и Зулу.

Ее губы сложились в очаровательную улыбку. Голосом хозяйки, приветствующей дорогого гостя, она сказала:

— Капитан, рада видеть вас. Хорошо, что вы пришли.

Кирк и Сильвия посмотрели друг на друга. Впервые

он почувствовал в ней напряжение, какую-то осторожность, как будто она поняла, что встретила кого-то, кто не уступал ей в твердости. Он улыбнулся ей такой же очаровательной улыбкой.

— Ну, что теперь? — галантно спросил он. — Вы взмахнете волшебным жезлом и разрушите мой мозг тоже?

Он не упустил того, как она невольно вздрогнула при упоминании жезла. И еще он заметил, как она при этом коснулась кристалла-кулона на груди.

— На самом деле мозгу не причиняется серьезного вреда, капитан, — только иссушение знаний и воли.

— Это вы не считаете большим вредом?

— Конечно, нет, — легко ответила она.

Он окинул ее с ног до головы оценивающим чувственным мужским взглядом.

— Ах, извините, — сказал он. — Я забываю, что вы не женщина. Возможно, даже не человек.

— Не понимаю, о чем вы.

— Все это... — он обвел рукой зал, — все это, очевидно, взято из наших наследственных фантазий и суеверий. Иллюзия — все это иллюзия.

Она указала на один из факелов, освещавших зал:

— Поднесите вашу руку к этому пламени, и вы обожжетесь, капитан. Как бы они ни были созданы, эти вещи реальны. Я тоже настоящая.

— Зачем мы вам? — спросил он.

Она подошла к столу. Повернувшись, чтобы вновь встретиться с ним взглядом, она сказала:

— Что говорит ваша раса о природе мироздания?

Он рассмеялся:

— Ничто не люблю обсуждать так, как природу мироздания. Особенно с очаровательной леди, — он шуточно поклонился. — Знаете, вы не ответили на мой вопрос. Зачем мы вам?

— Мне не нужны другие. Как и вам.

Она заговорила мягче. Теперь она подошла ближе к нему. Человек или нет, она была очаровательна.

— Если мы соединим то, что знаете вы и знаю я, сила, которой мы сможем обладать, будет беспредельна.

— А Короб? — спросил Кирк.

Что она наверняка знала, подумал он, — так это как пользоваться чувственными чарами. Она легко, очень легко прикоснулась к его руке.

— Короб слабый и глупый, — сказала она. От него можно избавиться. Но мне было бы трудно избавляться... от вас.

Он с улыбкой заглянул в зеленые глаза.

— Или заглянуть в мой мозг?

— В этом не будет необходимости, если мы объединим наши знания. От меня ты сможешь узнать секреты, о которых не мог и мечтать. Все, что захочешь, может быть твоим...

Ее рука медленно двигалась вверх по его плечу.

— Ваши... доводы весьма убедительны, — сказал Кирк. — Что если я соглашусь? Присоединиться к вам?

Ее низкий голос ласкал:

— Ты не пожалеешь о своем решении. Власть, богатство, любая роскошь Галактики будут твоими.

— Вы очень красивы, — сказал он. И был искренен.

— Я могу быть красивой по-разному, — сказала она. Зеленые глаза, смотревшие снизу вверх на него, вдруг стали ярко-голубыми. Волна черных волос превратилась в копну соломенных. Даже платье потеряло свой красный оттенок и стало кремово-белым, соревнуясь в белизне с ее кожей. Затем изумительная блондинка тоже исчезла. Медно-рыжие локоны падали на ее лицо. Платье стало цвета темной бронзы. Ее красота стала теперь красотой осени, и румянец кленовых листьев расцвел на ее щеках.

— Я тебе нравлюсь такой? — спросила она. — Или, может, ты предпочитаешь это?

К ней вернулась прежняя внешность.

— Я предпочитаю это, — сказал Кирк и обнял ее. Когда он отстранился после поцелуя, ее взгляд выражал удивление и удовольствие.

— Это было очень... приятно, как это называется? Можно еще?

Он снова поцеловал ее и отпустил.

— Ваши люди смогут гарантировать мою безопасность?

— Да, как только придут. Я только должна доложить Старейшим, что ты согласился сотрудничать с нами.

— И мои друзья вернутся в прежнее состояние?

— Конечно, если ты захочешь.

Она обвила руками его шею, но он снял их и отстранился.

— Что случилось? Что я сделала не так?

Он отошел от нее на шаг.

— Когда ты восприняла женское обличье, ты восприняла и женскую слабость — говорить слишком много. Вы открыли слишком много секретов, Сильвия. Что если ваши Старейшие узнают, что вас обвело вокруг пальца одно из тех созданий, которых вы планируете завоевать?

— Ты обманул меня? Я тебе не нравлюсь?

— Нет, — сказал он.

— Так ты просто использовал меня?

— А ты разве не собиралась использовать меня?

Ее зеленые глаза вспыхнули. Она резко хлопнула в ладоши. Скотти и Мак-Кой, вооруженные фазерами, вошли через арку, завешенную коврами. Она указала длинным острым ногтем на Кирка:

— Уведите его! Бросьте его обратно в темницу!

Никто иной как Короб пришел, чтобы освободить его от кандалов.

Но несмотря на фазер в руке, он выглядел нервным, обеспокоенным. Кирк и Спок в напряженном молчании смотрели, как он отпирает замки. К их удивлению, освободив их, он сразу же отдал Кирку фазер и вынул из кармана коммуникатор.

Он проговорил шепотом:

— Я разбил хрусталь, заключавший ваш корабль, капитан. Настало время. Ваши люди нашли способ пробиться сквозь силовое поле. Сложно контролировать так много вещей сразу. Вы должны уходить сейчас, до того, как она обнаружит, что оружие исчезло.

— Мы не можем уйти без наших людей, — сказал Кирк.

Короб сделал нетерпеливый жест.

— Они больше не ваши люди. Они принадлежат Сильвии. Я больше не могу контролировать их — или ее.

Он опасливо оглянулся на дверь.

— В этом не было никакой необходимости. Мы могли мирно войти в вашу Галактику. Но Сильвии недостаточно завоевания. Она близка к Старейшим, и она хочет разрушения.

— Вы прибыли на каком-то корабле? — спросил Спок.

Короб покачал головой.

— Мы использовали силовую капсулу, — он указал на дверь. — Нет времени для объяснений. Мы должны идти, она замышляет убить нас всех.

Кирк и Спок двинулись за ним к выходу, как вдруг Короб неожиданно обернулся, останавливая их предостерегающим жестом. Они услышали это одновременно — звук низкого резонирующего мурлыканья. Потом через открытую дверь темницы стала видна тень: на противоположной стене кралась тень огромной кошки.

— Назад, — пробормотал Короб.

Из складок робы он достал жезл и, держа его наготове, шагнул в коридор навстречу кошачьей тени. Но она уже начала расти, наливаясь чернотой на стене коридора. Мурлыканье изменилось. Угроза появилась в его гортанных переливах. Ощерясь, кошка нависла над Коробом, лицо которого дергалось от страха. Он поднял жезл, крича:

— Нет! Ай, уходи! Нет.

Тень подняла ужасную лапу. Короб закричал, падая, и жезл вывалился из его руки. Кирк и Спок бросились к нему. Раздался новый раскат яростного рычания, и огромная лапа поднялась снова. Кирк еле успел дотянуться до жезла до того, как Спок втащил его в темницу и захлопнул дверь.

Снаружи звякнула защелка. Они снова были заперты в камере.

Дверь дрогнула, когда в нее ударило массивное тело. Безумное рычание эхом отдалось в коридоре, когда невидимая кошка-чудовище бросилась на дверь снова. Спок крикнул:

— Она долго не продержится под такими ударами, сэр!

— Отойди назад, — сказал Кирк. Он направил фазер на дверь и нажал на спуск. Никакого эффекта.

— Нет энергии, — произнес он, осмотрев оружие, — она, наверное, разрядила его. Мы могли бы свалить Скотти и Зулу в любое время, и мы этого не знали, — он оглядел камеру. — Отсюда нет выхода.

— Только один, — сказал Спок. — Тот путь, которым мы вошли.

Новый удар встряхнул дверь. Кирк сказал:

— Эта стена слишком гладкая, чтобы взобраться по ней.

Спок увидел люк у себя над головой:

— Если вы меня подсадите, сэр, я мог бы втянуть вас наверх.

— Тут добрых восемь футов. Думаешь, получится?

— Я готов, капитан.

Кирк кивнул, положил жезл на пол и согнулся, упершись руками в расставленные ноги, Спок вскарабкался ему на спину. Вулканит ухватился за край люка и подтянулся. Кирк подхватил жезл и вцепился в протянутую руку. Когда он сам взялся за край люка, дверь рухнула. Кошачья голова с оскаленной пастью появилась в проеме и издала злобный вопль.

Задыхаясь, Кирк сказал:

— Вот это я называю близостью. Где Мак-Кой и остальные?

— Может, нам лучше вернуться с оружием к другой спасательной командой, капитан.

— Я их здесь не оставлю, — сказал Кирк. Он уже двинулся вперед, пробираясь по слабо освещенному проходу, когда Спок сказал:

— Не думаю, что это путь, которым мы пришли, капитан.

— Может, так, а может, и нет, — отозвался Кирк. — Это настоящий лабиринт. Посмотри, там поворот. А мы заворачивали за угол.

Может быть, звук, а не шестое чувство предупредил его. Он увернулся как раз вовремя, чтобы уйти от удара булавы в руках Мак-Коя. Она ударила в стену, кроша камень, и тут из темного угла вылетел Скотти, целя булавой в голову Спока. Спок уклонился и из-за спины нанес удар по шее, сваливший Спока и выбивший оружие из его рук. Одновременно Спок крикнул:

— Сзади, сэр.

Кирк только что ударом в челюсть уложил Мак-Коя, и, круто повернувшись, отлетел к стене от удара ботинка Зулу. Однако он успел захватить его ногу и вывернул ее, упав на Зулу сверху и отключив его.

Он снизу вверх посмотрел на Спока.

— Ты был прав. Мы действительно пошли не туда, но, по крайней мере, мы нашли их.

— Я бы так не сказал, капитан. Но теперь, когда они у нас здесь все вместе...

Очень близко раздалось рычание. На стене коридора

чернотой наливалась громадная кошачья тень. На огромной лапе появились когти.

Кирк поднял жезл.

— Это ваша... энергетическая капсула, не так ли, Сильвия?

Тень исчезла. У стены стояла Сильвия, черноволосая, в красном платье.

Кирк провел пальцем по жезлу.

— Этот кристалл — и тот, что вы носите, — служит источником вашей силы, так?

— Источником? Нет, капитан, ум — вот источник нашей силы. Мой кристалл — просто усилитель. Жезл же контролирует гораздо большее.

— Имея в распоряжении такую силу, что вы хотите от нас? — просил ее Спок.

— От вас лично я ничего не хочу, мистер Спок. Ваш ум — глубокая емкость, заполненная фактами. Мне нужны люди Земли. Их умы заполняют мечты — материал, необходимый нам, чтобы создавать наши реальности.

— Вы питаетесь умами других, — заключил Кирк. — Что происходит с ними, когда вы употребляете их умы, чтобы увеличить свою силу?

— Почему вас это беспокоит? — резко ответила она. — С жезлом, который у вас в руке, вы могли бы одним движением сотрясать звезды, если бы знали, как использовать его, — ее голос смягчился. — Я однажды предложила разделить с вами силу. Я предлагаю снова.

— Нет, — ответил Кирк. — Я не знаю, кто вы. Все, что я знаю, — это то, что вы не женщина. Вы разрушитель.

— Довольно, — сказала она. В ее руке появился фазер. Она направила его на Кирка. — Отдай мне жезл.

Она протянула другую руку ладонью вверх.

— Жезл. Дай его мне.

Он пожал плечами и протянул ей жезл, но когда она уже почти взяла его, Кирк бросил его об пол. Сильвия закричала, увидев, что кристалл разбился. Ослепительный красный свет залил коридор кроваво-алым. Потом изменился на ярко-желтый, солнечный. Потом стал мертвенно-белым — лунным. Когда он погас, Кирк стоял на каменистом холме. Вокруг него расстился унылый пейзаж Пириса-7, такой, каким он увидел его впервые. Только туман исчез.

Мигая, Мак-Кой спросил:

— Что произошло, Джим?

— Потребуется время, чтобы все объяснить, Бонс, — сказал ему Кирк.

Скотти, придя в себя, обратился к Зулу:

— Все исчезло.

— Не совсем, — поправил Спок.

На куске камня перед ними лежали два миниатюрные существа, бескостных, — просто два кусочка желе, просвечивающие, как тельца медуз. Одно из них едва шевелилось. Второе подергивалось, подпрыгивало и тонко пищало.

— Познакомьтесь с Коробом и Сильвией в их истинной форме, — сказал Кирк. — Их человеческие тела, как и замок и все остальное, были миражом. Только хрустальный шар жезла давал им силу производить впечатление реальности.

Обычно безучастное лицо Спока выражало восхищенное удивление.

— Форма жизни, совершенно чужая в нашей Галактике. Если бы удалось изучить и сохранить их...

Попискивающее существо обняло прозрачными отростками неподвижное теперь тело своего компаньона. Вскоре и оно опало рядом с ним, его писк замер.

— Слишком поздно, — сказал Мак-Кой. — Они мертвы.

Он вздохнул.

Иллюзия и реальность... Иногда я удивляюсь — научимся ли мы, люди, видеть разницу.

Куда не ступала нога человека

Звездная дата 5.1312 была значительной для американского звездного корабля «Энтерпрайз». Она знаменовала день его первой вылазки за пределы Галактики. На экране в зале заседаний была непривычная картина — редкие огоньки звезд отступали перед бездонной темнотой, лишь кое-где нарушенной молочными светящимися пятнами, свидетельствовавшими о существовании иных галактик на расстоянии миллионов световых лет.

Кирк и Спок за шахматной доской подняли головы, чтобы посмотреть в центр экрана. На нем, еще невидимый, присутствовал объект, непостижимым образом излучавший позывные космического корабля, уже два столетия считавшегося пропавшим без вести.

Спок напомнил:

— Ваш ход, капитан.

— Мы уже должны были бы услышать его, — сказал, хмурясь, Кирк. — Мостик сообщил, что сигнал может появиться...

— В любую минуту, — Спок закончил фразу за него. — Я объявляю вам мат следующим ходом, сэр.

— Я вам уже когда-нибудь говорил, что вы возмутительно играете, Спок?

— Возмутительно? Ах да, одна из ваших земных эмоций, вероятно.

Но Кирк увидел неожиданный выход и двинул своего слона. Брови Спока поднялись.

— Уверены, что не знаете, что такое возмущение? — поинтересовался Кирк.

Спок нахмурился над доской.

— Тот факт, что один из моих предков была земная женщина, сэр, всегда меня...

— Ужасно иметь такую примесь в крови, — сочувственно кивнул Кирк.

— В сочетании с матом это просто невыносимо.

Из интеркома раздался голос лейтенанта Ли Келсо:

— Мостик — залу заседаний. Объект в зоне действия несущего излучения, капитан.

— Визуальный контакт установлен, лейтенант?

— Нет, сэр. Это не может быть корабль. Приборы показывают примерно один метр в диаметре. Достаточно мал, чтобы переместить его на борт, если вы захотите рискнуть.

Кирк решил рискнуть. Это было интересной встречей на краю бескрайнего космоса. Интересной — и, возможно, информативной.

— Отсек телепортации, подготовьтесь к перемещению. Идемте, мистер Спок, — сказал он.

Скотти ожидал их у пульта управления.

— Готовы к материализации, сэр, как только прикажете.

— Давайте его на борт, — сказал Кирк.

Раздался знакомый гул. И одновременно с ним яркое сияние над платформой, которое наконец сгустилось в шаровидный старого образца корабельный «черный ящик». Он был фута три в высоту, стоял на треноге, его поверхность потемнела и была изрыта оспинами. Но надпись **КОРАБЛЬ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ «ВЭЛИЕНТ»**, чуть ниже **КРЕЙСЕР ГАЛАКТИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ** — читалась четко.

Кирк произнес:

— Эти старые ящики катапультировались, если что-то угрожало кораблю.

— В данном случае, скорее, когда что-то разрушило корабль, сэр, — заметил Спок. — Выглядит обгоревшим и изрядно побитым.

Кирк подходил к платформе, когда Скотти крикнул:

— Осторожно, сэр! Он радиоактивен!

Кирк остановился.

— Сигнал «q», мистер Скотти.

Скотти нажал кнопку на пульте. Раздался резкий звук бипера. Шар окутало сияние, и его антенна со щелчком выползла из гнезда.

— Идет передача, — сказал Скотти.

— Интересно, — сказал Спок. — Черный ящик, наблюдавший...

Его прервал голос Келсо из интеркома:

— Всем палубам! Шесть минут до края Галактики!

Край Галактики, куда, как они знали, никто рань-

ше не добирался. Конечно, Галактика не имела четкой границы, она просто постепенно сходилась на нет. Но через шесть минут ее последняя звездная система будет у них за спиной.

— «Желтая» готовность, — сказал Кирк.

— Приказ капитана — «желтая» готовность всем палубам, — повторил Келсо.

Мгновением позже створки лифта раздвинулись, чтобы выпустить старшего лейтенанта Гарри Митчелла, нового штурмана с тех пор, как Зулу стал корабельным физиком. Это повышение вызвало широкое одобрение, хоть и бесполезное, но приятное, — Митчелла любили. Но во время «желтой» готовности его обязанностью было наблюдать за системой искусственной гравитации, равно как и за курсом.

— Все в порядке, Джим, — сказал он, ухмыльнувшись, словно читая мысли Кирка. — Голос Келсо был таким взволнованным, я решил, что вы покинули мостик. Закончили партию, Спок?

— Капитан играет без всякой логики, — пожаловался Спок, — я ожидал хода ладьей.

Кирк рассмеялся, проведя ребром ладони по горлу специально для Митчелла. Было заметно, что они были старыми добрыми друзьями. На мостике каждый из троих поспешил к своему месту.

— Освобождаю вас, мистер Алден, — сказал Митчелл младшему штурману.

— Включить экраны, — сказал Кирк. — Лейтенант Келсо, сколько до края Галактики?

— Четыре минуты до края, сэр.

— Отбой готовности, лейтенант Келсо, — он повернулся к Митчеллу. — Нейтрализовать искривление, старший лейтенант. Сохранять позицию.

Когда тяжелая вибрация двигателей ослабла, лифт открылся. Первой вышла доктор Элизабет Денер, высокая, стройная, между 20 и 30, потенциально весьма красивая девушка, если бы ее это заботило. Остальными членами экипажа, высыпавшими за ней на мостик, были старший врач доктор Пайпер, физик Зулу, старший инженер Скотти. Повернувшись к Митчеллу, Кирк сказал:

— Дайте общее оповещение.

— Включено, сэр.

Кирк взял микрофон.

— Говорит капитан. Объект, встреченный нами, является аварийным «черным ящиком», очевидно, катапультированным с американского корабля «Вэлиент» почти две сотни лет назад. Мистер Спок в данный момент исследует его банк данных. Мы надеемся узнать, как удалось «Вэлиенту» зайти так далеко, вышел ли он за пределы Галактики и что разрушило его. Как только мы получим ответы на эти вопросы, начнем вылазку. Всем палубам — режим ожидания, — он сделал паузу. — Командирам всех служб доложить по порядку.

— Астрономическая служба готова, — доложил Зулу.

— Инженерные службы готовы, как всегда, — весело произнес голос Скотти.

Ничто, даже ужасная пустота впереди них, не могло надолго поколебать его кельтскую самоуверенность.

— Жизнеобеспечение готово, сэр, — отпартовал доктор Пайпер. Он замещал бывшего в научном отпуске Мак-Коя и был староват для службы в Звездном Флоте, но, кажется, был достаточно компетентным врачом.

— Прошу разрешения допустить на мостик моего помощника, доктора Денер.

Элизабет Денер присоединилась к экспедиции в колонии на Альдебаране ранее, у Кирка еще не было возможности поговорить с ней, и сейчас было не время. Но ей могли быть интересны глубины, открывавшиеся перед ними.

— Разрешаю.

Эти двое появились перед ним. Кирк сказал:

— Доктор Денер, вы психиатр, мне сказали, прикомандированы для наблюдения реакций экипажа в экстремальных условиях.

— Совершенно верно, капитан.

Кирк указал на экран.

— Вот вам экстремальные условия. Миллионы световых лет абсолютной пустоты, не считая нескольких молекул ионизированного газа.

Спок позвал со своего поста:

— Кое-что получил из ящика, капитан.

Доктор Денер имела что сказать по этому поводу:

— Сэр, мне тоже будет интересно узнать, как реагировала команда «Вэлиента» на катастрофу.

Кирк с любопытством посмотрел на нее. Митчелл

тоже рассматривал ее с легкой улыбкой на красивом лице.

— Хотите улучшить породу, доктор?

— Я слышала, это больше по вашей части, старший лейтенант, — сказала она холодно.

— Ничего себе! — пробормотал Митчелл Келсо. — Это ходячий холодильник, ей Богу.

Она услышала, и краска залила ее лицо.

Кодированные сигналы доносились из устройства, которое Спок подсоединил к передатчику. Он поднял глаза, когда Кирк присоединился к нему.

— Расшифровываю банк памяти, — сказал он. — Сейчас идет рапорт капитана — «Вэлиент» встретился с магнитным штормом, который увлек их в этом направлении.

Кирк кивнул.

— Старые импульсные двигатели не имели достаточной мощности, чтобы сопротивляться таким вещам.

Спок наклонился ближе к динамику.

— Этот шторм вынес их за границу... почти на полсветового года за пределы Галактики... их выбросило из шторма... потом, кажется, они направились обратно в Галактику, — он подстроил прибор. — Я ничего не понимаю. Звучит так, будто корабль боролся с какой-то непонятной силой.

Сигналы стали громче. Спок переводил:

— Неразбериха... Приказы и контрприказы... неприкосновенный запас энергии истощен... повторяющиеся экстренные запросы из памяти бортового компьютера, — он остановился, чтобы снова взглянуть на Кирка. — Они хотят знать все, что известно об ЭСВ у людей! — Он покачал головой. — Это странно. Действительно, очень странно.

— Экстрасенсорное восприятие! — Кирк был весьма удивлен. Однако он обернулся к Элизабет Денер. — Доктор Денер, что вы знаете об ЭСВ?

Она подошла к компьютерному посту.

— По тестам, которые я проходила, у меня довольно высокий уровень ЭСВ.

— Я спросил, что вы знаете об ЭСВ.

Она заговорила с обстоятельностью педанта.

— Является фактом, что некоторые люди могут почувствовать события в будущем, видеть сквозь поверх-

ность предметов и так далее. Но парапсихические способности всегда довольно ограничены...

Спок вмешался:

— Серьезные неполадки... нет, точнее, серьезные травмы, — его лицо застыло, он сосредоточенно вслушивался. — Семь членов команды мертвы... нет, шесть — один поправляется, — он еще раз взглянул на Кирка. — Именно эти пострадавшие, кажется, заставили их заинтересоваться экстрасенсорным восприятием. Интерес — это слабо сказано. Они на этом помешались.

Снова нагнувшись над динамиком, он неожиданно замер.

— Нет, наверно, здесь помехи. Что-то насчет «разрушения», — нахмурившись, он снял наушник. — Наверно, я неправильно понял. Звучало так, как будто капитан дал команду на уничтожение собственного корабля.

Кирк вопросительно посмотрел на руководителей служб.

— Вы слышали. Комментарии?

Пайпер пожал плечами.

— Единственный достоверный факт — это то, что «Вэлиент» погиб.

— Этот факт, — сказал Кирк, — является лучшим аргументом в пользу продолжения нашей попытки. Когда-нибудь туда отправятся другие корабли, и им нужно будет знать, с чем они встретятся.

Он прошел к своему капитанскому креслу.

— Старший лейтенант Митчелл, вперед, фактор искривления один, — сказал он. — Мы покидаем Галактику.

Когда «Энтерпрайз» миновал последние звезды, на мостике вспыхнул сигнал тревоги. Все глаза обратились к большому обзорному экрану. На черном фоне глубокого космоса стал вырисовываться легкий цветной узор — прямо по курсу корабля.

Спок сказал:

— Какое-то силовое поле.

Митчелл отозвался:

— Что бы это ни было, мы быстро к нему приближаемся.

Кирк не сказал ничего. Хотя расстояние до этого

феномена не позволяло судить с уверенностью, он представлялся чем-то вроде неощутимого барьера. Его цвета становились ярче, расширялись, переплетались в сияющий многоцветный массивный занавес чистой энергии. Это могло бы быть чудовищной космической версией земной радуги. И оно заставляло сирену тревоги на мостике надрываться предупреждающим звоном.

Он смотрел на завесу, стиснув челюсти. Ее цвета, сойдя с экрана, играли на застывших лицах рядом с ним. Заревые сполохи уже ослепляли. Где-то неожиданно с приглушенным треском перегорел предохранитель.

— Напряжение поля возрастает, — начал Спок.

И тут свет на мостике погас. Несколько секунд Кирк не замечал этого из-за нестерпимой яркости изображения на экране — такой, что люди инстинктивно подняли руки, чтобы защитить глаза.

Затем ослепляющий язык чистого белого света выплеснулся из экрана. И тут же целая приборная панель взлетела фонтаном искр, стеклянных брызг и дыма. Вторая тоже разразилась треском короткого замыкания. Казалось, искры заполнили все пространство мостика. Элизабет Денер вскрикнула и упала на пол, извиваясь как бы в тисках неконтролируемой энергии. Упав, она продолжала кричать. Стрелки на капитанском пульте Кирка беспорядочно вращались.

— Штурман!

Но искры накрыли и Митчелла. Дергаясь, как марионетка в руках сумасшедшего, он с трудом поднялся на ноги и онемел. В последней гальванической конвульсии он рухнул на пол, инертный, без сознания.

Его тело перекатывалось, когда корабль встряхивало.

Паника росла, шок за шоком, усиливаемая безумной истерикой сигнала тревоги. Кирк и Спок вцепились в свои кресла; большинство остальных было выброшено с мест.

Наконец дисциплина победила там, где подвела техника. Преодолевая боль, дюйм за дюймом Кирк дотянулся до своей контрольной панели. Келсо подполз к своей. Спок, перешагнув через лежащего Митчелла, занял пост штурмана. Но тряска продолжалась. Скручиваемый металл скрипел и трещал, пока «Энтерпрайз» боролся, чтобы не развалиться на части.

— Боковой импульс! — закричал Кирк. — Максимальная скорость! Выводи нас отсюда!

Спок и Келсо боролись с управлением. Сила возвращалась к трясущемуся кораблю. Сирена тревоги стихла.

Но многие приборные панели были мертвы. Дым от одной из них до сих пор висел на мостике.

Кирк поднялся на ноги.

— Доложите повреждения, мистер Спок.

Спок передал этот приказ команде, а Пайпер приподнял голову Элизабет. Ухватившись за его руку, она нетвердо поднялась на ноги.

— Меня что-то ударило, как электрический разряд, — прошептала она. — Пайпер оставил ее, чтобы подойти к Митчеллу.

— Ну как? — спросил Кирк.

— Жив. По всей видимости, в шоке.

Спок доложил о повреждениях:

— Главные двигатели вышли из строя, капитан. Мы на сотовой аварийной энергии. Потери — семеро погибли.

Этот момент тянулся долго. Затем Кирк сказал:

— Возможно, нам повезло.

— Старший лейтенант Митчелл двигается, сэр, — сказал Спок.

Кирк опустил на одно колено рядом со штурманом.

— Гарри! Как ты себя чувствуешь?

Митчелл закрыл рукой глаза, как будто его все еще ослепляло свечение экрана.

— Джим? Я слаб как котенок... но уже лучше. Думаю, я буду жить.

Он убрал руку. Его голубые глаза стали цвета блестящего серебра.

Никакая техническая запасливость не помогла бы восстановить ущерб, который потерпел искалеченный «Энтерпрайз». Он двигался на одной импульсной тяге, и даже мостик был освещен не более чем на треть. Кирк, осматривая сожженные двигатели, вспомнил обгоревший черный ящик «Вэлиента». Пережил ли и он натиск такого же мощного излучения? И если да, что случилось с ним после?

Спок был занят выводением на экран дисплея своего компьютера имен некоторых членов экипажа. Среди них были Элизабет Денер и Гарри Митчелл. Заметив их, Кирк сдержанно глянул на Спока. Спок поспешно стер имя Элизабет, когда она подошла к ним.

— Результаты вскрытия, капитан, — сказала она. — В каждом случае отмечено повреждение нервной системы тела — у каждого выжжен участок мозга.

— А вы? — спросил Кирк. — Нормально себя чувствуете сейчас?

— Гораздо лучше. Старший лейтенант Митчелл тоже, если не считать глаз. Мы ищем причину... И почему только некоторые из членов команды были поражены?

Спок спокойно сказал:

— Думаю, мы нашли ответ.

— Вы говорили, что тесты показывали у вас высокую степень экстрасенсорной чувствительности, доктор, — напомнил ей Кирк. — У тех, кто был задет, она тоже была повышена. Гарри Митчелл обладает самым высоким уровнем ЭСВ.

Она была явно поражена.

— Вероятно, можно предположить, что паранормальные способности притягивали какую-то силу, — она пожала плечами. — Но если вы хотите сказать, что в этом есть какая-то опасность...

Спок прервал ее:

— До того, как «Вэлиент» погиб, его капитан лихорадочно искал информацию на членов своей команды касательно их ЭСВ — способностей.

— Экстрасенсы — это обычные люди, у которых бывают вспышки... ну, просветления, что ли, — сказала она.

— А бывают ли среди них те, кто видит сквозь плотные поверхности? — спросил Спок. — Или может вызывать возгорание предметов?

Вопрос задел ее.

— ЭСВ ни что иное, как род шестого чувства. Оно не делает человека опасным для окружающих!

— Думаю, вы говорите об обычных паранормальных способностях, доктор, — сказал Спок.

— Вероятно, вам известны необычные, — вспыхнула она.

Кирк вмешался.

— А вы знаете наверняка, доктор, что их не существует?

Злое раздражение придало резкость ее голосу:

— Вы должны меня извинить. У меня работа, — она быстро пошла к лифту.

В лазарете Митчелл оправился достаточно, чтобы, опершись на подушки, пользоваться своим экраном для чтения. Глаза, следившие за сменявшимися друг друга страницами, блестели серебром, как ртуть. Кирк, на мгновение застыв на пороге, смотрел как он читает. Не поднимая глаз, Митчелл захлопнул экран, чтобы сказать:

— Привет, Джим.

Ему не нужно было даже поворачивать голову, чтобы узнать, кто вошел. Почему-то это обеспокоило Кирка. Он уселся в кресло рядом с койкой.

— Послушай, ты чем-то обеспокоен, — сказал Митчелл.

Кирк через силу улыбнулся.

— Я беспокоился за тебя начиная с той самой девичьи на Денебе-4.

Митчелл кивнул.

— Она была как Сверхновая. Но беспокоиться не о чем. Не считая глаз, я в порядке, — он обаятельно ухмыльнулся. — Они вроде как смотрят на меня, когда я бреюсь.

— Зрение в порядке?

— Абсолютно.

— Больше ничего, Гарри?

Митчелл с интересом взглянул на него:

— Вроде чего, например?

— Ты чувствуешь... изменения в себе?

— В каком-то смысле я чувствую себя лучше, чем когда-либо... — он помолчал. — Кажется, действительно удачно получилось.

— О! Это как же?

Митчелл указал на аппарат для чтения.

— Кажется, у меня появился шанс освоить всю ту заумь, которую ты так обожаешь. Старик, я же помню тебя в академии! Стопка книг с ногами! Первое, что я услышал от старшекурсников, было: «Поосторожней с

лейтенантом Кирком! На его курсе надо думать — или не выплывешь».

— Ну, брось, — сказал Кирк. — Я не был уж так ужасен.

— Что, ты не был? — рассмеялся Митчелл. — Помнишь, как ты чуть меня не выпер?

— Нет, я немного нажимал на кадетов, которые мне нравились, — сказал Кирк.

— Старик, если бы я не нацелил на тебя ту блондинку-лаборантку...

— Что? — Кирк уставился на него. — Ты хочешь сказать, что спланировал все это?

— Ты хотел, чтобы я думал, не так ли? Вот я и подумал. Разработал для нее всю кампанию.

Кирк с трудом ответил на улыбку.

— Гарри, я почти женился на ней!

— Я тоже вроде бы как люблю нажимать на людей, которые мне симпатичны.

Кирк, припоминая, боролся с тревогой.

— Гарри, я почти женился на ней, — повторил он.

— Будь со мной помягче, — сказал Митчелл. Он снова указал на аппарат. — Я почерпнул еще более интересные идеи отсюда.

Кирк взглянул на этикетку кассеты.

— Спиноза?

— Он, — сказал Митчелл. — Когда вчитаешься, он очень прост. Почти ребенок. Кстати, совершенно с ним не согласен.

— Да? — сказал Кирк. — Продолжай.

— Что продолжать? Просто наконец я читаю.

Холодный серебряный блеск его глаз был в неприятном контрасте с его свободной дружелюбной манерой держаться и говорить. Его белые зубы снова сверкнули в широкой улыбке:

— Говорю тебе, я в порядке. Когда мне заступать на дежурство?

Кирк замешкался с ответом.

— Я хочу, чтобы доктор Денер понаблюдала тебя.

Митчелл застонал.

— Имея сотню других женщин на борту, ты выбрал именно эту ошиваться здесь около меня!

— Думай об этом как об испытании, — посоветовал Кирк.

Серебряные глаза смотрели на него.

— Это не по-дружески, Джим, друг мой. Я разве не сказал тебе — будь со мной помягче.

На мгновение их взгляды скрестились, как бы оценивая силу друг друга. Наконец Митчелл шутливо потряс головой, сдаваясь. Затем он подчеркнуто повернулся к аппарату для чтения. Кирк, обеспокоенный больше, чем раньше, молча встал и вышел из лазарета.

У него за спиной Митчелл увеличил скорость страниц. Он читал быстро — человек, упаковывающий в свою голову факты с невероятной скоростью.

Изображение переворачивающихся страниц было на экране библиотечного компьютера Спока, когда Кирк присоединился к нему. Они сменяли друг друга так быстро, что изображение мелькало. Спок сказал:

— Он читает все быстрее с каждой секундой.

Это ли Гарри Митчелл? Та улитка в чтении, к которой мы привыкли?

Кирк отошел от экрана и вернулся снова.

— Установите круглосуточное наблюдение за лазаретом. Максимально широкий спектр проб и анализов.

Результаты анализов порадовали доктора Пайпера:

— Совершенство, совершенство, — бормотал он, заканчивая исследование. — Такое здоровье — большая редкость. — Он побарабанил по кожуху аналитической установки, как будто трудно было поверить в правильность проведенных ею анализов.

— Здоров по всем статьям, да? — спросил Митчелл. Скучающим голосом он обратился к Элизабет: — Жаль, что психиатрия не такая точная наука, а, доктор? Будьте любезны, заведите шкалу, которая будет показывать степень вменяемости пациента.

— Я понимаю, что я вам не особенно нравлюсь, старший лейтенант, — ответила она. — Но поскольку я приписана сюда, может, постараемся поладить?

— Я ничего против вас не имею, доктор.

— А против «ходячего холодильника»?

Он был явно обескуражен.

— Пожалуйста, простите меня, — он вложил в эти три слова все свое очарование.

— Женщины от науки склонны к комплексам, — сказала она. — Но давайте поговорим о вас. Как вы чувствуете себя? Говорите мне все.

— Все о чем? Кажется, всем не по себе оттого, что у меня нет лихорадки или чего-то в этом роде, — он по-

казал на приборную панель анализатора. — Старина Пайпер ушел. Может быть, я доставлю вам удовольствие, изменив показания приборов?..

Нормальные показания приборов изменились на ненормальные. Элизабет в изумлении смотрела то на них, то на него.

Слегка встряхнувшись, он сказал:

— Теперь опять нормальные...

Стрелки вернулись в прежнее положение.

— Как вы это сделали? — потребовала Элизабет.

— Я точно не знаю. Я... просто подумал о том, чтобы это произошло. И это произошло. — Он уставился на панель. — Дело не в приборах, дело во мне. Что-то такое я делаю внутри... Ну-ка, посмотрите...

Все стрелки упали на ноль.

Элизабет схватила его за руку.

— Перестаньте! — закричала она. — Сейчас же перестаньте!

Стрелки шевельнулись. Медленно поднимаясь от отметки «смерть», они заняли нормальное положение.

Митчелл тоже смотрел на них. Он побледнел; и бледная Элизабет сказала:

— Вы были мертвы 22 секунды! Абсолютно никаких жизненных функций!

Митчелл вдруг понял, что она держала его за руку. Покраснев, она попыталась убрать ее, но он быстро схватил ее.

— Погоди минуту, детка. Я напуган. Были и другие вещи. Я прочел половину корабельной библиотеки всего за один день. Что со мной произошло?

— Вы помните все, что так быстро прочли?

Он кивнул. Она взяла со столика кассету.

— На любой пленке? Как насчет этой? Помните страницу 387?

— Конечно, — сказал он. — Это «Женщина-соловей» Тарбольда с планеты Канопус, написано еще в 1996. Начинается так: «Крыла любви моей остроконечны, изящны, грациозного изгиба...» — он остановился, довольный. — Забавно, что вы выбрали именно это.

— Почему?

— Это одна из самых пылких любовных поэм последних двух веков.

Она вырвала руку. Он смотрел на нее, улыбаясь.

— А как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Что? А, вы имеете в виду тот электрический удар. Он меня просто сбил с ног. Это все.

— Вы совершенно уверены?

Она ни в чем не была уверена в присутствии этого человека, глядевшего на нее блестящими серебряными глазами. Но как-то поняла, что поддается. Она обрадовалась, когда раздался стук в дверь. Это был Келсо.

— У меня перерыв, — сказал он им. — И я думал просто зайти повидать Гарри.

— О'кей, Ли, — сказал Митчелл. — Заходи.

Келсо впервые увидел близко эти изменившиеся глаза. Они привели его в замешательство. Митчелл расхохотался.

— Не дай себя запугать моим зияющим глазницам, старина. Этой девушке они нравятся, не правда ли, очаровательный доктор?

Удивленный Келсо пробормотал:

— О-о. Да. Конечно.

— Как идет ремонт?

— Главным двигателям капут, — лицо Келсо посуровело. — И они будут стоять, если мы не найдем способ заново зарядить их.

Митчелл нахмурился.

— Вы бы проверили импульсные блоки по правому борту, конуса проржавели до свинца, — увидев изумление на лице Келсо, он добавил: — Я не шучу, приятель. И не делай такого лица. Если вы активизируете блоки — вся импульсная палуба взлетит на воздух!

Жесткость его тона задела Келсо:

— Конечно, — сказал он поспешно. — Пойду сразу же займусь ими. Я... я только хотел сказать, что рад, что ты в порядке.

Митчелл зло посмотрел ему вслед.

— Вот дурак! Он тысячу раз видел эти проржавевшие концы, но был слишком туп, чтобы заметить их состояние!

— А как вы узнали об этом? — спросила Элизабет.

Презрение неожиданно исчезло из его голоса.

— Я не знаю. Может быть, образ того, что он видел, все еще был в его уме, и я... я смог заглянуть в него. — Серебряные глаза на испуганном лице смотрели прямо на нее.

В кают-компании Келсо показывал на оплавившиеся конусы импульсного блока.

— Совершенно непонятно, как ему стало об этом известно, — сказал он Кирку. — Но, конечно, я взглянул на эти блоки. И он прав! Концы сожжены в точности так, как он описал!

По очереди руководители научного отдела изучили куски металла на столе кают-компания. Элизабет открыла дверь.

— Извините за опоздание, капитан. Я так увлеклась наблюдением Гарри... старшего лейтенанта Митчелла, что я...

Спок сказал:

— Предметом обсуждения является не старший лейтенант Митчелл, доктор. Мы озабочены тем, во что он мутирует.

Ее лицо свела судорога гнева.

— Я знаю, что вулканитам не хватает человеческих чувств, но говорить так о человеке, с которым вы работали бок о бок четыре года...

— Достаточно, доктор, — прервал ее Кирк.

— Нет, не достаточно! — крикнула она. — Вас я вообще не понимаю! Гарри сказал мне, что вы были друзьями с самого начала службы! Вы даже предлагали ему служить в вашем первом экипаже.

Кирк ответил ровным голосом:

— Это моя обязанность, доктор, принимать во внимание доклады, наблюдения и даже рассуждения касательно любого предмета, имеющего отношение к безопасности этого корабля, — он кивнул в сторону Спока. — И это обязанность моего помощника по науке — следить за тем, чтобы данных у меня было достаточно. Продолжайте, мистер Спок.

Спок обратился к Элизабет.

— Он продемонстрировал вам какие-нибудь необычные силы?

Она не упомянула о фокусе, который он проделал с приборами. Вместо этого она решила сказать:

— Он может контролировать некоторые автономные рефлексy. Он очень быстро читает и запоминает больше того, что большинство из нас считает нормальным.

Кирк резко сказал:

— Повторите, что вы только что нам сказали, мистер Скотти.

— Около часа назад, — сказал Скотти, — аппара-

тура мостика сошла с ума. Рычаги двигались сами по себе, кнопки нажимались без участия пальцев. Приборы показывали состояние от безопасного до критического.

— А на моем обзорном экране, — вступил Спок, — я видел, как старший лейтенант улыбался каждый раз, как это случалось. Он относился к помехам, которые создавал, так, как будто этот корабль и его команда были игрушками, созданными для его удовольствия.

— Это так, доктор Денер? — спросил Кирк. — Он демонстрировал способности такой силы?

— Я видела похожие проявления.

Заговорил Пайпер:

— И вы не посчитали это достойным внимания капитана?

— Никому не был причинен вред! — запротестовала она. — Разве никто из вас не понимает? Мутировавший человек может стать благотворной прививкой человеческой расе — предвестником нового и лучшего вида человеческого существа!

Кирк, глядя на ее возбужденное лицо, подумал: «Идеализм снова идет в атаку! Господи!» Он с облегчением повернулся к Зулу.

— Если хотите добавить к этому немного математики, сэр, — сказал Зулу, — то возможности старшего лейтенанта возрастают геометрически. Это все равно как пени, которое каждый день удваивается. В месяц вы станете миллионером.

Спок проговорил:

— За меньшее время Митчелл будет обладать такой силой, ни понять, ни совладать с которой мы не сможем. Что произойдет, когда мы станем для него не просто бесполезны — раздражающи?

Элизабет решила было что-то сказать, но передумала. Кирк оглядел стоявших вокруг стола.

— С командой это обсуждаться не будет. Благодарю вас. Это все.

Комнату покинули все, кроме Спока. Кирк обернулся и увидел, что его помощник по науке смотрит на него, его лоб прорезали морщины беспокойства. Он заговорил, тщательно выбирая слова.

— Мы никогда не вернемся ни на одну земную базу с Митчеллом на борту, сэр. Вы слышали расчеты. Через

месяц он будет иметь с нами столько же общего, сколько имели бы мы с кораблем белых мышей.

Кирк, которого угнетало собственное беспокойство, резко сказал:

— Мне нужны рекомендации, мистер Спок, а не пустые предупреждения.

— Рекомендация номер один. Планета Дельта-Вега всего лишь в половине светового дня отсюда. На ней есть станция по переработке лития. Если бы мы смогли приспособить ее энергетические блоки к нашим двигателям...

— А если не сможем, мы окажемся в ловушке на орбите. У нас не хватит энергии сойти с нее.

— Это единственный способ убрать Митчелла с корабля, сэр.

— Если ты предполагаешь оставить его там, то я этого делать не буду. Станция полностью автоматизирована. На планете нет ни одной живой души. Даже рудовозы заходят туда раз в двадцать лет.

— Тогда у вас только один выбор, — сказал Спок. — Убить Митчелла, пока можно.

— Убирайтесь отсюда!

Спок невозмутимо повторил:

— Это ваш единственный выход. Если, конечно, вы примете его, пока еще есть возможность.

Кирк стукнул кулаком по столу.

— Попробуй хоть на момент почувствовать! Мы же говорим о Гарри Митчелле!

— Капитан «Вэлиента» чувствовал, возможно, так же, как вы, сэр. Но он слишком медлил с решением. Полагаю, мы оба подумали об этом.

Кирк поискал рукой кресло. Спок пододвинул к нему ближайшее, и капитан рухнул в него, закрыв лицо руками. Через секунду он поднял голову. Кивнув Спок, он сказал:

— Курс на Дельта-Вегу.

Сила Митчелла действительно росла. И ему стало нравиться пользоваться ею. Лежа на своей койке в лазарете, он вдруг решил щелкнуть пальцами. Погас свет. Он взмахнул рукой — свет разгорелся снова. Он сел на краю койки, осматривая комнату. Показал пальцем на стол, который тут же взлетел в воздух, не-

сколько раз подпрыгнул на одной ножке и плавно опустился на место.

— Я пить хочу! — неожиданно объявил он в пустоту.

В другом конце комнаты металлическая чашка скользнула под краник и в нее полилась вода. Полная чашка поднялась и подплыла по воздуху прямо в подставленную ладонь Митчелла. Он прихлебывал из нее, когда вошли Кирк, Спок и Элизабет.

— Я чувствую себя прекрасно, — сказал Митчелл, — так что не затрудняйте себя вопросами о моем самочувствии. Иногда я думаю, что для меня нет ничего невозможного. И кое-кто думает, что это делает меня чудовищем, не так ли?

— Ты читаешь все наши мысли, Гарри? — спросил Кирк.

— Пока только вспышками и в основном сильные — такие, как страх. Вот ты, например, Джим. Ты озабочен безопасностью корабля.

— Что бы ты сделал на моем месте?

— То самое, о чем думает мистер Спок, — убил бы меня, пока есть возможность.

Подняв руку, он указал пальцем на Кирка. Из пальца вырвался яркий разряд — и Кирк, оглушенный, упал навзничь. Спок прыгнул на Митчелла, но до того, как успел его коснуться, также был брошен на пол.

Элизабет сжала руку Митчелла:

— Перестань, Гарри!

Он посмотрел сверху вниз на Кирка, который вставал на ноги.

— Конечно, я многое знаю, — сказал он. — Я знаю, что вы идете к орбите Дельта-Вега, Джим. Я могу позволить вам бросить меня там. Может, мне не хочется покидать корабль, нет, еще не сейчас. Может, мне захочется в другое место. Я еще не знаю, какой мир может мне подойти.

— Подойти? — переспросила Элизабет, задетая таким употреблением слова.

— Да, прелестный доктор. Я еще не понял всего, но если я буду продолжать расти, я буду способен на вещи, достойные какого-нибудь бога.

Спок вскочил на ноги и мощным ударом сбросил его с койки. Когда Митчелл попытался подняться, Кирк резко обрушил кулак на его челюсть. Ноги капитана

подкашивались, и он мог только ползти на четвереньках. Тяжело дыша, он повернулся к Элизабет.

— Я хочу, чтобы он некоторое время не приходил в сознание.

Она взяла из шкафа инъектор. Когда она коснулась плеча Митчелла, раздалось шипение газа, штурман был распростерт у их ног, как раненая птица.

Но нужно было еще одно впрыскивание. Его сделал Пайпер в отсеке телепортации, где техники готовили излучатели, нацеливая их на поверхность Дельта-Веги. Но оцепенение, вызванное второй инъекцией, продолжалось меньше времени, чем первое. Митчелл пришел в себя и стал так яростно рваться, что освободился от рук Кирка и Спока.

— Дураки! — вяло пробормотал он. — Скоро я раздавлю вас, как ползучих насекомых.

Пайпер подбежал, чтобы сделать третий укол. Митчелл снова обмяк. Согнувшись над ним, Кирк и Спок поволокли бесчувственное тело к платформе. Остальные члены группы высадки поспешно заняли места. Митчелл уже стал подниматься на ноги, когда Кирк рывкнул:

— Разряд!

Они материализовались рядом с фабрикой по обработке лития.

Насколько можно было судить по ландшафту, Дельта-Вега была абсолютно чужой планетой. Ее почвой была пыль грязно-синего цвета, и растительность, торчавшая из нее, была жесткой, шероховатой и узловатой, как крокодилия кожа. Только огромные растрескавшиеся каменные глыбы с забитыми той же синей пылью трещинами были сравнительно знакомой деталью пейзажа. Вдалеке, на горизонте, на фоне неба вырисовывалась горная цепь. Но Кирк был занят отнюдь не печальными деталями ландшафта. Инъекции наконец свалили Митчелла. Спок и офицер связи Алден поддерживали его у входа в здание.

— У нас получится, Ли? — спросил Кирк у Келсо.

— Если пройдем контейнеры с горючим и не взорвемся, то получится, капитан. — Келсо смотрел на комплекс фабрики, огромный, вытянувший свои огромные башни и стальные трубы, страшно извивавший многометровые панели со сложными приборами во все сторо-

ны. Элизабет присела, чтобы коснуться жесткого, похожего на цветок растения. Оно пылало жаром.

— И ни одной живой души на всей планете, кроме нас? — спросила она.

Кирк коротко ответил ей:

— Только мы, доктор. Ли, давайте искать центр управления.

Они не могли пропустить его. Лишенный дверей, он смотрел на них из центрального холла главного здания. Не считая формы, размеров и ровного гула автоматизированного процесса, он напомнил мостик «Энтерпрайза». Его стены представляли собой панели управления того же типа, та же композиция индикаторов, переключателей и наборных дисков. Келсо и Алден сразу же приступили к отбору панелей, которые позже нужно было переправить в инженерный отдел «Энтерпрайза». Несколько человек из команды стали разбирать толстые кабели, чтобы соединить оставшуюся аппаратуру с автоматами фабрики.

Кирк задумчиво смотрел на эту картину.

— Эти контейнеры с горючим, Ли. Их можно взорвать отсюда. Есть какая-нибудь красная кнопка?

Изумленный Келсо поднял на него глаза.

— Думаю, аварийный детонатор может быть подключен вот к этой панели, сэр.

— Подключите его, — сказал Кирк.

Келсо посмотрел на него еще мгновение, потом кивнул — и тут из пустого дверного проема Кирка окликнул Спок:

— К Митчеллу возвращается сознание, капитан. Возможно, вам лучше подойти.

Митчелла поместили в самое надежное помещение, предотвращавшее возможный побег не только решетками и запорами, но и невидимой преградой силового поля. Он ходил по комнате из угла в угол, как тигр в клетке. Снаружи Пайпер — Элизабет стояла за его спиной — держал наготове инъектор. Возле них за движениями пленника следил охранник с фазером в руке.

— Я хочу, чтобы здесь постоянно присутствовал только один медик. Другой может наблюдать по дополнительному экрану.

— Пусть сейчас будет моя очередь, — сказала Элизабет. — Я хочу попытаться поговорить с ним.

Пайпер кивнул и передал ей инъектор. Когда он

ушел, Кирк нажал кнопку, проверил силовое поле. Раздался сухой треск. Митчелл остановился. Глядя через барьер на Кирка, он произнес:

— Мой друг, Джеймс Кирк. Помнишь тех зверей на Диморусе, они еще метали отравленные дротики? Я тогда перехватил один, предназначавшийся тебе...

— И чуть не умер. Я помню, — сказал Кирк.

— Так зачем бояться меня сейчас?

— Гарри, ты назвал нас насекомыми, которых нужно раздавить, если они станут у тебя на пути.

— Тогда я был под действием наркотика!

— А еще до этого ты сказал, что убил бы мутанта вроде тебя, будь ты на моем месте.

— Тогда убей меня! Спок был прав. И ты дурак, что не делаешь этого!

Элизабет закричала:

— Гарри, но ты же не серьезно!

Он обратился прямо к ней:

— В свое время, прелестный доктор, вы поймете, в свое время. Люди не выживут, если на свет появится раса сверхлюдей, таких, как я. Это знает Спок, и это та вещь, для которой этот дурак, — он кивнул на Кирка, — слишком сентиментален, чтобы ее понять.

Он двинулся к силовому полю, запечатывавшему выход из его камеры. Когда он подошел вплотную, раздался вой высокого напряжения. Брызнул фонтан искр.

Спок и охранник уже прицелились из своих фазеров. Но Митчелл продолжал прижиматься к силовому барьеру.

На мгновение все его тело разгорелось багровым сиянием. Но сквозь него Кирк разглядел, что привычная голубизна сменила серебро в его глазах. Затем силовое поле отбросило его. Он отлетел на койку, стоявшую у стены. Он сел, сжимая лицо в ладонях.

Кирк сказал:

— Его глаза снова стали обычными.

— Борьба с силовым полем истощила его силу. — Спок изучал раскачивающуюся фигуру на койке. — Сейчас с ним можно управиться, капитан.

— Управиться, — произнес Митчелл. Он поднял лицо. Его глаза сияли таким нестерпимым блеском, что вся комната казалась залитой серебром. — Я становлюсь сильнее с каждой секундой. Я думал, ты знаешь это, Спок.

Кирк щелчком открыл коммуникатор.

— Всю энергию на силовое поле, лейтенант Келсо!

По мере того, как энергия вливалась в барьер, рос тяжелый гул. Вокруг поля стало появляться хорошо видимое сияние.

Митчелл встал с койки. Он встал, чтобы улыбнуться Кирку со своей стороны баррикады.

Но если он по-прежнему оставался источником сомнений и тревоги Кирка, с «Энтерпрайза» сообщили хорошие новости. В ходовом отсеке сгоревшая контрольная панель была успешно заменена одной из тех, что были доставлены с фабрики. Требовались новые. Так что Келсо все еще был занят возней с тяжелыми кабелями, которыми он подключал оставшуюся контрольную аппаратуру здешней станции.

Скотти сообщил по коммуникатору:

— Встала, как будто здесь и была, капитан. Мистер Спок получил фазерное ружье, которое мы передали?

В ответ на удивленный взгляд Кирка Спок поднял лежавшее у стены тяжелое оружие. Кирк покачал головой в безмолвной горечи и потом ответил Скотти:

— Подтверждаю, Скотти. Группа высадки — отбой.

— Митчелл опять пытался прорваться через силовое поле, — без выражения сказал Спок. — И его глаза изменились быстрее. И в этот раз он не подавал никаких признаков слабости.

— Доктор Денер чувствует, что он не так силен, — сказал Кирк. — Почему ты считаешь, что ты прав, а дипломированный, обученный психиатр нет?

— Потому что она чувствует, — ответил Спок. — Ее чувство к Митчеллу ослабляет точность ее суждений. Я считаю, что нам повезет, если мы успеем починить корабль и убраться отсюда, пока он не стал по-настоящему опасен.

— Капитан! — позвал Келсо. Не спеша Кирк подошел к нему и посмотрел на переключатель под колпаком, который Келсо подсоединил к одной из панелей. Он был красного цвета. — Подсоединен к контейнерам с горючим. Человек может отсюда поднять на воздух целую долину.

— Ли, — сказал Кирк. — Ли, если Митчелл вырвется, — на твое усмотрение... находясь здесь, ты —

наш последний шанс. Ли, если он выберется, я хочу, чтобы ты повернул этот переключатель.

Когда смысл слов Кирка дошел до Келсо, он онемел. Повернув переключатель, он взлетит на воздух вместе с этой долиной. Он посмотрел на него и потом снова перевел взгляд на Кирка. Секунду спустя он уже был способен на очень спокойное «Да, сэр».

В других обстоятельствах восстановление двигателей «Энтерпрайза» был бы поводом для праздника. Корабль был готов к старту. Команда техников, работавшая на планете, была переправлена обратно на борт. Однако состояние Митчелла становилось все более тревожным.

Цвет его кожи изменился. То, что раньше было розовой плотью, имело теперь серебристый отлив, напоминавший литой металл. Он стоял, сложив руки на груди, глядя на них через силовое поле. Если он и заметил тяжелое ружье Спока, то не подал вида.

— Он такой уже несколько часов, — сказала Элизабет.

Серебряный человек.

— Передайте доктору Пайперу, чтобы он подошел на контрольный пункт вместе с Келсо, — сказал Кирк. — Мы поднимемся на корабль вместе.

— Это рискованно, сэр, — заметил Спок. — Если за ним не присматривать...

— Келсо будет находиться у красной кнопки до последней секунды. — Кирк указал на неподвижную фигуру за силовой завесой. — Думаю, он знает об этом.

Элизабет сказала:

— Я остаюсь с ним.

Кирк ответил ровным голосом:

— Вы отправляетесь вместе с кораблем, доктор.

— Я не могу, — сказала она. — Простите.

— Кажется, с фабрикой все в порядке, сэр, — доложил Келсо. — Даже без большей части панелей. Мы заменили их кабелями. На реакторе тройной контрольный контур.

Позади него один из кабелей зашевелился. Он начал подползать к нему, извиваясь как змея. Скользящий, бесшумный, он поднялся с пола, свиваясь в кольца. Неожиданно, но так же бесшумно, петля взвилась в воз-

дух и упала на голову Келсо. Прочная мертвая петля затянулась на его шее, и он упал, закашлявшись, беспомощно хватаясь руками за кабель.

Митчелл улыбнулся Кирку в глаза. Было что-то жуткое в движении его серебряных губ. Но Элизабет видела только улыбку.

— Вы видите? — закричала она Кирку. — Он не злой!

— Вы отправляетесь с кораблем, доктор, — повторил Кирк.

Митчелл заговорил:

— Вам нужно было убить меня, когда вы еще могли это сделать, Джеймс. Сострадание и управление — идитская смесь.

Кирк схватил ружье Спока. Рука Митчелла сделала жест, охвативший их обоих. Из нее брызнуло пламя. Когда они упали, Митчелл подошел к силовому полю и отбросил его, как воздушную занавеску. Коротко сверкнула искра. Он прошел через портал и встал лицом к лицу с Элизабет. Взяв ее за руку, он провел ее обратно в свою комнату, к зеркалу на стене.

— Посмотрите на себя, прелестный доктор.

Она закричала и закрыла руками лицо, чтобы не видеть блеска своих серебряных глаз.

Кирк медленно приходил в себя. Над ним согнулся бледный, осунувшийся Пайпер.

— Что бы это ни было, капитан, это задело и меня. Проглотите вот эту капсулу, — он сделал паузу. — Келсо мертв. Задушен. По крайней мере, Спок еще жив.

— Доктор Денер? — прохрипел Кирк.

— Она ушла с Митчеллом. Эта капсула вернет вам силы через минуту. Я должен вложить одну в рот Споку. Он еще без сознания и...

— В каком направлении они ушли? — спросил Кирк.

— К горам.

Кирк поднялся на колени и дотянулся до ружья, которое выронил. Проверив его, он сказал доктору:

— Как только мистер Спок придет в себя, вы оба немедленно отправляетесь на борт «Энтерпрайза».

Пайпер, массиравший горло Спока, чтобы провести капсулу в пищевод, поднял на него глаза.

— Капитан, вы не... — начал он.

— Где, — продолжал Кирк непреклонно, — не получив от меня сигнала в течение 12 часов, вы на максимальном ускорении стартуете к ближайшей земной базе. Вы доложите, что вся эта планета должна быть подвергнута воздействию смертельной дозы жесткого излучения.

Капсула оказала свое действие. Он нашел в себе силы встать.

— Никаких протестов, доктор Пайпер. Это приказ.

Он забросил ружье за плечо и вышел из здания наружу.

Подходы к скалистым уступам гор оказались трудны для Митчелла и Элизабет. Острые черные камни и податливая синяя пыль, покрывавшие поверхность Дельта-Веги не были созданы для приятных вечерних прогулок. Когда неожиданный порыв ветра бросил ей в лицо горсть пыли, Элизабет закашлялась:

— Это... это будет чудо, если мы выживем здесь.

— Сядь, — сказал Митчелл. — Я кое-что сделаю.

Он сделал короткий жест. Синий песок вокруг них стал цвета нормальной плодородной земли. Земля зашевелилась, и из нее забила ключом бурлящая вода. Жесткая цвета меди растительность стала зеленой. Из ее зарослей поднялся ствол персикового дерева, с ветвей которого свисали сочные фрукты. Митчелл опустился, чтобы напиться из источника.

Когда и она утолила жажду, он сказал:

— Ты тоже воспримешь эту силу. По мере развития ты будешь чувствовать себя так же, как и я, способной превратить мир во что захочешь. Скоро мы будем полностью управлять своими телами. Мы никогда не состаримся. Ты достаточно женщина, чтобы тебе это понравилось. Вечно юная, настолько прекрасная, насколько пожелаешь...

Внезапно он замер.

— Что случилось? — беспокойно спросила она.

— Посетитель. Один очень глупый гость.

— Кто это?

— Тебе понравится быть богом, Элизабет.

Волна непонятного страха захлестнула ее. Он рассмехался выражению ее лица.

— Тебя пугает богохульство? — он раскинул руки,

раскрыв ладони. — Пусть здесь будет пища! Дай мне кафрских яблок, мир, мой мир!

Появилось приземистое дерево странной формы, тяжелое от крупных красных плодов. Митчелл, сорвав один, впился в него зубами, и сочный желтый сок заструился по его серебряному подбородку.

— Где бы мы ни остановились на этой планете, я буду выращивать такие же, — произнес он. — А чего ты хочешь? Только скажи!

Ее ответом был медленный задумчивый вопрос:

— Насколько сильно я изменилась, Гарри?

Но он не слушал. Он повернулся и сосредоточил взгляд на все еще невидимой фигуре Кирка, карабкавшегося через валуны с тяжелым ружьем на плече.

Митчелл подал голос.

— Ты меня слышишь, Джеймс? Ты меня не видишь, я знаю. Так что позволь тебе помочь. Ты на верном пути. Ты скоро меня увидишь. Достаточно скоро.

Кирк остановился. Он услышал эти слова. Как, он не знал. Он начал снимать ружье с плеча, когда понял, что Митчелла здесь нет. Он продолжал свой путь.

— Это капитан Кирк, — сказала Элизабет, как будто обращаясь к самой себе. — Я могу видеть его в уме.

— Пойди ему навстречу, — сказал Митчелл. — Поговори с ним. Теперь, когда ты стала изменяться, ты увидишь, как все они незначительны.

В нерешительности она сделала шаг вперед. Кирк почувствовал ее присутствие на голой скале над собой, схватил ружье — и узнал девушку. Вскарабкавшись к ней, он впервые увидел живое серебро ее глаз.

— Да, — сказала она. — Со мной это просто заняло немного больше времени.

Кирк опустил ружье.

— Вы должны помочь мне остановить это, доктор Денер. До того, как это зайдет слишком далеко и с вами тоже.

— Я уже зашла довольно далеко, чтобы... чтобы понять, что он поступает правильно. Это правильно для нас.

— А для людей? — спросил Кирк. — Вы все еще частично человек — иначе вы не были бы с ним.

Она отвернулась и неуверенно сказала:

— Земля... действительно неважна. Вскоре мы будем там, куда людям нужно идти еще миллионы лет.

— Как он может это знать, если перепрыгивает эти миллионы лет? — спросил Кирк. — Вы не знаете. Вы не можете знать. Он же не прожил их!

— Пожалуйста, — сказала она. — Уходите, пока можете.

— Вы слышали, как он шутил по поводу сострадания. Более всего бог нуждается в сострадании, Элизабет.

— Уходите! — закричала она.

— Вы были психиатром, — сказал Кирк. — Вы знаете о том дикаре, который спрятан, похоронен в каждом из нас, — примитивное «я», которое мы не решаемся выпускать наружу. Но он осмелился выпустить свое! Ради Бога, доктор, подумайте о будущем!

Ее лицо отражало внутреннюю муку. Она шепнула:

— Он идет.

Но он был уже здесь. Он игнорировал Кирка и обратился прямо к девушке.

— Я разочаровался в тебе, Элизабет. Ты все еще сомневаешься.

Вскинув ружье, Кирк выстрелил в него. Огненный луч вырвался из ствола и ударил Митчелла в грудь. И погас. Митчелл поднял палец, и ружье, вылетев из рук Кирка, ударилось о камни позади него.

Прошло время, и Митчелл нарушил молчание.

— Я медитировал. Я созерцал смерть одного старого друга. Его смерть и почетные похороны.

Кирк повернулся. Позади него земля расступилась сама собой и образовала могилу правильной формы. Элизабет смотрела на Митчелла с недоверием. Дрожа, она перевела взгляд на могилу. В изголовье стоял аккуратный белый солдатский крест с надписью «Джеймс Т. Кирк. К — 1.1277 — 7.1313».

Скрипящий звук донесся сверху. Кирк поднял голову. Огромная прямоугольная глыба выезжала из скальной стенки. Она покачалась, тяжело двинулась и заняла позицию прямо над могилой.

— Нет, Гарри, нет! — закричала Элизабет.

— Вам все еще нравится то, что вы видите? — спросил ее Кирк.

— Время молиться, капитан, — сказал Митчелл.

— Тебе? — спросил Кирк. — Или вам обоим?

Серебряный палец уткнулся в него, и он был брошен на колени блеснувшим огнем. Он остался на коленях, глядя на девушку.

— Это ревнивый бог, Элизабет. В конце концов из вас двоих останется только один.

— Твой последний шанс, Кирк!

Элизабет напряглась. Между ней и Митчеллом вспыхнул сноп искр. Он пошатнулся, пришел в себя и протянул к ней серебряную руку. Ураган искр вырвался оттуда. Она согнулась пополам, застонав от боли. Но убыток энергии сказался на Митчелле. На секунду его глаза стали голубыми. И снова стали нестерпимо серебряными. И снова серебряная рука протянулась к девушке. Огненный искристый вихрь окутал ее. Корчась от боли, она выдавила:

— Скорее... так мало... времени.

Этот второй выход энергии был слишком велик. Осознав свою слабость, Митчелл бросился бежать. Кирк прыгнул на него и ухватил за ноги. Нога, одетая в тяжелый ботинок, ударила его в грудь. Митчелл поднял зазубренный камень. Кирк увернулся от удара и прижался к нему.

— Гарри, послушай! В этот момент ты снова человек...

— Он уже прошел! — в новом приливе энергии Митчелл отбросил Кирка ударом серебряного кулака.

Он сильно ударился о землю, чуть не упав в открытую могилу. И тут Митчелл оказался на нем. Поддерживаясь, его лицо из серебряного на миг снова стало плотью. Серебро победило. Борясь с ним, Кирк чувствовал, как все тело противника превращается в металл. Он вывернулся и схватил ружье, когда Митчелл вырвал зазубренный камень из скалы, нависавшей над ними. Камень ударил Кирка в плечо в тот момент, когда он сделал выстрел.

Луч прошел мимо Митчелла. Но он ударил в песок под куском скалы, который должен был послужить надгробием Кирку. Он качнулся и начал валиться вперед.

— Гарри! Осторожно! — крикнул Кирк.

Но было поздно. Шагнув назад, Митчелл оступился, и камень ударил его, вдавив в могильную яму. Взметнулось облако голубой пыли. Оправ, она заполнила буквы, вырезанные в белом солдатском кресте.

Кирк опустился на колени перед Элизабет. Серебро исчезло из ее глаз.

— Это... все позади, верно? — голос был так слаб, что ему пришлось наклониться, чтобы услышать ее. Ее голова упала на руку Кирка. Она была мертва.

Он поднялся на ноги, одинокий чужак на неизвестной планете в неизвестной Галактике. Только его коммуникатор был ему знаком.

Он сказал в него усталым голосом:

— Кирк вызывает «Энтерпрайз». Ответьте, «Энтерпрайз».

Он почувствовал себя почти таким же чужаком, снова усевшись в свое кресло. Он проделал длинный путь. Космический магнитный шторм — Дельта-Вега — смерть Митчелла — Келсо — было ли это все сном? Новые контрольные панели вокруг него помаргивали огоньками так же привычно и надежно, как и старые. Хорошо было снова увидеть Спока, просто стоявшего за его креслом.

— Готов к уходу с орбиты, сэр, — доложил Скотти с места, на котором недавно был Келсо.

— Приступайте, — сказал Кирк. Он включил запись капитанского рапорта: — Добавление к официальному докладу о потерях: доктор Элизабет Денер. Отмечаю, что она пожертвовала жизнью при исполнении служебного долга. А также старший лейтенант Гарри Митчелл. То же примечание.

Он взглянул на Спока.

— Он все-таки не просил, чтобы с ним случилось все это. Я хочу, чтобы его служебное дело заканчивалось именно так.

Мефистофельские черты Спока были непроницаемы.

— Странно сказать, сэр, я тоже переживал за него.

Кирк испытующе посмотрел на него.

— Следите за собой, мистер Спок. Ваше сочувствие становится заметно.

Волк в овчарне

На планете Аргелиус похвалялись, что у них лучшие «Горы Венеры» в Галактике. А самым популярным заведением среди космолетчиков было кафе, в котором исполняла танец живота несравненная свежая и экзотическая Кара. Приятные молодые женщины, скрашивавшие мужские компании за столиками этого кафе, были привычной, хоть и по-прежнему приятной картиной для Кирка и Мак-Коя. Но — блистательной новинкой для Скотти. Он сел с ними за столик, оглядываясь по сторонам в совершенном блаженстве. Потом его глаза остановились на Каре, которая с естественной грацией кружилась на танцплощадке, золотая прозрачная юбка обвилась вокруг ее ног.

Сияя, Скотти нехотая заметил:

— Мне нравится Аргелиус.

— Что здесь может не нравиться... — подтвердил Кирк.

— А ты правду сказал, что эти женщины, эти красавицы... ну, то есть, все это...

— Аргелианцы высоко ценят наслаждение, — сказал Кирк.

Мак-Кой рассмеялся.

— Вот уж действительно мягко сказано! Это общество абсолютных гедонистов.

— Нравится Кара, Скотти? — спросил Кирк.

Скотти издал лишь короткое «Ага!», на что Кирк сказал:

— Хорошо. Я пригласил ее присоединиться к нам. Мне показалось, тебе будет приятно с ней познакомиться.

— Вот это капитан, я понимаю! — воскликнул Скотти. — Всегда думает о своей команде.

— Ты совсем не пьешь, Джим, — заметил Мак-Кой. — Немного полиэфиров в этом местном экстракте хорошо для души. Не говоря уж о теле.

— Думаю, немного расслабиться не помешает, — Кирк отхлебнул из стакана.

Скотти, глядя на Кару, сказал:

— Видел бы нас сейчас мистер Спок.

Мак-Кой хмыкнул.

— Он бы разве что сказал, что его «впечатляет» красочность народных костюмов присутствующих.

Кара закончила танец пируэтом, ее руки закрывали глаза в незабываемо соблазнительном жесте притворной скромности. Тьма кафе озарилась мерцающими огоньками, будто кто-то выпустил горсть крупных светлячков. Скотти в энтузиазме хлопнул по столу.

С удовольствием глядя на него, Кирк сказал:

— Это аргелианский обычай — выражать одобрение мягко, огоньками.

— Вы указываете старому кабацкому гуляке из Глазго, как хлопать, капитан? — сказал Скотти. Затем все трое встали. Кара приближалась к ним. Когда она подошла, Кирк отметил одного молодого человека у стойки бара. Он отодвинул в сторону свою выпивку, и лицо его потемнело от гнева. Гнев стал еще более заметным, когда Скотти посадил девушку рядом с собой. Неожиданно этот хмурый схватил свой стакан, залпом осушил его и вышел из кафе прочь. Пожилой аккомпаниатор танцовщицы тоже не был рад ее теплой улыбке, адресованной Скотти. Отложив свой похожий на флейту инструмент, он отвернулся от их столика.

Скотти, слепой ко всему, кроме Кары, протянул руку, чтобы накрыть ею ладонь Кары.

— Нынче чудная туманная ночь, — говорил он. — Вам кто-нибудь рассказывал, какие у нас в Эдинбурге чудесные туманы?

— Ни слова, — отвечала она, — но я умираю от желания услышать о них.

— Тогда, может, я покажу вам? Нет ничего приятнее прогулки с чудной девушкой.

— Или с симпатичным джентльменом. Почему мы еще не идем?

Сияющее лицо Скотти могло бы разогнать все туманы Эдинбурга. Не отпуская руку Кары, он встал.

— Вы не против, правда? — спросил он остальных. — Я, может, даже вернусь на корабль вовремя.

— Не спеши, Скотти, — разрешил Кирк. — Расслабляйся и веселись. Для этого и существует Аргелиус.

Он задумчиво посмотрел им вслед.

— Я всегда на службе, Боунс.

— А я? Это все относится к курсу лечения. Тому взрыву, которым Скотти ударило о переборку, была причиной женщина.

— Ты уверен, что его телесные повреждения не опасны?

— Да. Но вот психологические? Мне не нравится, что он сторонится женщин с тех пор, как это произошло.

— Я сочту идиотом любого мужчину, который останется зол на женщин на этой планете.

— Когда Скотти вернется на корабль, может быть, он будет зол на тебя за то, что ты заставляешь его покидать Аргелиус. Но я готов поспорить на свою профессиональную репутацию, его недоверию к женщинам придет конец.

— Хорошо, — сказал Кирк. — Я думаю, мы закончили с тем, зачем пришли сюда, Боунс. Тут на другом конце города есть место, где дамы так...

— Я знаю это место, — перебил Мак-Кой. — Пошли.

Туман снаружи был гуще, чем они ожидали. Свет из дверей, которые они только что открыли, терялся в клубах тумана, которые затрудняли выбор нужного направления. Кирк замешкался.

— Думаю, нам налево, — решил он. Но этот поворот привел их в какую-то аллею. Они остановились, готовые повернуть обратно, когда отчаянный женский крик разорвал молчаливую темноту перед ними.

— Это оттуда! — крикнул Кирк и устремился в туманную аллею. Мак-Кой бросился за ним. Они оба остановились, услышав звук тяжелого дыхания, Кирк сделал шаг и остановился. Он наткнулся на тело.

Оно было распростерто лицом вниз на мокрой дорожке. Плащ на спине был разорван в клочья.

Мак-Кой, став на колени рядом с телом, приподнял его голову. После долгого молчания он поднял бледное лицо.

— Это Кара. Мертва. Заколота не меньше чем дюжиной ударов.

Звук тяжелого дыхания послышался вновь. Они

двинулись на него. К стене аллеи привалился скрюченный Скотти. Он смотрел на них невидящими глазами, маска вместо лица. В руке он держал длинный острый нож. Он был в крови.

Из кафе выпроводили всех клиентов, и яркий свет появился на смену интимной полутьме. Кирк и Мак-Кой молча стояли у стола, где сидел Скотти, ссутулившийся, спрятав лицо в ладонях. Как и Скотти, они не сделали ни одного движения, когда полный круглолицый человечек, стоявший перед ними, сказал:

— Аргелиус — последняя планета в Галактике, где можно было ожидать чего-то подобного. Я не нахожу слов, джентльмены.

— Мы шокированы так же, как и вы, мистер Хенгист, — заверил его Кирк.

— Если бы это была моя родина, Ригель-4, — продолжал Хенгист, — я в качестве Главного Администратора города имел бы в своем распоряжении дюжину следователей. Но здесь они не существуют.

— То есть вы не урожденный аргелианец, сэр? — спросил Мак-Кой.

— Нет. Аргелиус нанимает администраторов на других планетах. Добродетель местных жителей — мягкость, а отнюдь не деловитость.

— Вы можете положиться на наше полное сотрудничество, — сказал ему Кирк. — Мы будем вести себя согласно местным законам.

— В том-то и проблема, — Хенгист нахмурился. — Здесь нет закона на этот случай. Конечно, есть древние традиции, еще со времен до Великого Пробуждения Аргелиуса. Но они довольно варварские. Нельзя же ожидать, что я стану пытаться вашего мистера Скотти.

— Может быть, мы в силах помочь, — предложил Кирк. — На борту «Энтерпрайза» у нас есть аппаратура, которая могла бы установить факты.

Хенгист покачал головой.

— Это совершенно невозможно, капитан, совершенно невозможно. Расследование должно проводиться здесь.

Он поднял со стола оружие убийства, глядя на потерянную фигуру Скотти сверху вниз.

— Мистер Скотти... Мистер Скотти, будьте добры,

очнитесь! Вы уверены, что до сих пор никогда не видели этого ножа?

Скотти мутными глазами посмотрел на нож.

Кирк резко сказал:

— Отвечай ему, Скотти!

— Я... не помню, — сказал Скотти.

Хенгист сделал нетерпеливый жест. Он взглянул на Кирка.

— Вряд ли это можно назвать помощью, капитан.

Кирк подтянул стул и сел рядом со Скотти.

— Скотти, — сказал он спокойно, — ты вышел с девушкой из кафе. Ты это помнишь, да? Что произошло потом?

Мутные глаза посмотрели на него.

— Мы гуляли... туман. Я шел впереди, старался найти дорогу. Потом... потом я услышал ее крик. Я помню, что начала поворачиваться...

Его лицо исказилось. Из него выплеснулись слова:

— Я больше ничего не помню!

Глядя на Мак-Коя, Кирк встал со стула.

— Ну, Боунс?

— Если он говорит, что не может вспомнить, вероятно, так оно и есть. Ты знаешь Скотти.

— Я также знаю, что было совершено убийство — и мы нашли его с окровавленным ножом в руке.

— Это ничего не доказывает, — запротестовал Мак-Кой, — ты же не думаешь...

— Что я думаю, — неважно. Мы здесь гости! Член моей команды под подозрением!

— Но ты же не бросишь его волкам на съедение? — закричал Мак-Кой.

— У меня дипломатические обязательства, Боунс. Это случилось в зоне аргелианской юрисдикции. Если они хотят арестовать Скотти, отдать его под суд и даже обвинить, я обязан помогать им. — Он остановился. — Кроме того, ничего не помнить...

— Джим, он только-только оправляется от очень серьезного удара. Частичная амнезия в таких случаях не только возможна, но очень вероятна. Особенно при условии тяжелого стресса.

— Это дело не в моих руках, Боунс. Мы сделаем все, что сможем, — только в рамках аргелианских законов. Хенгист здесь главный.

Полный человек положил нож обратно на стол.

— Не слишком многообещающе, капитан Кирк. Ваш человек настаивает на том, что ничего не помнит. Но данные моей экспертизы показывают его отпечатки пальцев на орудии.

— Мистер Хенгист, — сказал Кирк, — были и другие люди, которые покинули кафе в то же время, что и мистер Скотти с девушкой.

— То же мне сказала и прислуга. Эти люди будут найдены и допрошены. Но будущее вашего друга представляется весьма мрачным. Я горжусь тем, что хорошо делаю свое дело. Это преступление будет раскрыто и его виновник наказан!

— А что говорит закон в этих случаях, мистер Хенгист?

Послышался глубокий голос:

— Закон Аргелиуса, сэр, — любовь.

Кирк повернулся. В кафе вошел высокий седовласый солидный мужчина. С ним была женщина, почти такая же высокая. Стройная, элегантная, с волосами, тронутыми сединой на висках, она держалась с необыкновенным достоинством. Хенгист глубоко поклонился им обоим.

— Джентльмены, — сказал он, — наш префект Джарис. Сэр, — капитан Кирк и доктор Мак-Кой.

Представляя прекрасную женщину, Джарис сказал:

— Моя жена, Сибо.

Она кивнула.

— А этот человек за столом — Скотти, — продолжил Хенгист. — Тот, о котором я упомянул в своем сообщении.

Спокойные глаза Джариса изучали лицо Скотти.

— Он не похож на человека, способного на убийство. Хотя прошло столько времени с тех пор, как...

Глубокий голос обратился к Кирку и Мак-Кой.

— Джентльмены, до Великого Пробуждения, столетия назад, у нас были методы добиваться правды в таких делах. Мы к ним вернемся.

— Аргелианский эмпатический контакт? — спросил Мак-Кой.

— Вы знаете о нем, доктор?

— Я слышал об этом, но думал, что это искусство уже утрачено.

— Моя жена — потомок жриц нашей Земли, — ска-

зал Джарис. — Она обладает древним даром. Я пришел, чтобы пригласить вас всех в мой дом.

Хенгист был несогласен.

— Префект, вам не кажется, что это должно быть проведено официальной процедурой, через мой офис?

— Оно и будет проведено официальным манером, поскольку я являюсь высшей властью на Аргелиусе. — Упрек был высказан настолько же мягко, насколько учтиво. — Мы отправимся в мой дом. Там моя жена подготавливает себя, и мы узнаем истину. Сибо... — он отступил в сторону с поклоном, и его жена прошла мимо него к выходу из кафе.

Ее студия была так же впечатляющая, как и сама хозяйка. Она была круглой, с высоким потолком, без окон. Роскошные драпировки закрывали проемы выходов. Столы, кресла и кабинет гармонировали с занавесями. Около одной из стен стоял простой алтарь из какого-то плотного дерева. На нем горело одинокое пламя.

— Я сообщил на наш корабль, сэр, — Кирк повернулся к Джарису, — что наше возвращение откладывается.

— Хорошо, капитан, — кивнул Джарис. — Пожалуй, начнем. Прошу всех садиться.

Мак-Кой был неспокоен.

— Префект, конечно, мудро положиться на эмпатические способности вашей прекрасной супруги. Но я ученый, сэр. И моя наука располагает точными методами, с помощью которых мы можем выяснить, чего же не помнит мистер Скотти. Поскольку вы не позволяете нам вернуться на корабль, разрешите доставить сюда техника с моим психотрикодером. Он даст нам полный отчет обо всем, что случилось с мистером Скотти за последние 24 часа.

— Я против, префект, — сказал Хенгист, — это чисто аргелианское дело.

— Моя жена должна сосредоточиться в течение некоторого времени, — сказал им Джарис, — не вижу причины, почему бы нам не использовать это время максимально полезным способом. Хорошо, доктор Мак-Кой.

Мак-Кой произнес в свой коммуникатор:

— Мак-Кой вызывает «Энтерпрайз».

— Спок слушает, доктор.

— Мистер Спок, пожалуйста, немедленно отправьте техника с психотрикодером. Засеките наши координаты.

— Принято. Координаты приняты, — ответил Спок.

— Спасибо. Мак-Кой — отбой.

Джарис делился с Кирком своими проблемами.

Новость об этом ужасном происшествии распространяется среди населения. Оно весьма обеспокоено. Уже поднимается разговор о закрытии Аргелиуса для космических кораблей.

— Это было бы весьма неприятно, сэр. Аргелиус широко известен своим гостеприимством. Кроме того, он имеет стратегическое значение — в этом квадрате он единственный.

— Префект, — вмешался Мак-Кой, — исследование трикодером потребует уединения для точности.

— Внизу есть небольшая комната. Быть может, она подойдет, доктор.

Хенгист поднялся из своего кресла.

— Я не хочу выглядеть спорщиком, префект, но я должен указать, что эти два джентльмена — друзья мистера Скотти. Они хотят обелить его!

— А если он невиновен, разве и вам не хотелось бы оправдать его, мистер Хенгист?

Этот мягкий вопрос привел Хенгиста в замешательство.

— Ну почему... я... конечно, — проямлил он. — Я только хочу узнать истину.

— Как и мы все, — коротко отозвался Кирк.

Сконфуженный Администратор города обратился к Джарису:

— Необходимо допросить других людей, префект. Возможно, мне понадобится обеспечить их доставку сюда.

— Пожалуйста, займитесь этим, — сказал префект. — Каждый, кто имеет отношение к этому убийству, должен присутствовать на церемонии.

Но уход Хенгиста был задержан мерцанием телепортационного поля, которое возникло рядом с креслом Мак-Коя. Оно постепенно приняло весьма привлекательные формы Карен Трейси. Хенгист уставился на нее. Затем, отвесив ей поклон, обогнул ее и исчез за драпировкой двери.

Девушка с психотрикодером на плече доложила:

— Лейтенант Карен Трейси, доктор, докладываю о прибытии.

Скотти испуганно приподнялся в кресле:

— Э... женщина, — проговорил он.

Кирк заметил, как внимательные глаза Джариса задержались на нем.

— Вы не любите женщин, мистер Скотти?

— Это не то, префект, — поспешил сказать Мак-Кой. — Недавно с ним произошел несчастный случай из-за одной неосторожной женщины. Он пережил серьезное потрясение.

— Мозг был поврежден, доктор?

— Немного, но по моему мнению, это не могло повлиять...

— Я ничего не хочу сказать, доктор.

— Да. Конечно. — Мак-Кой сделал видимое усилие, чтобы скрыть беспокойство. — Лейтенант, мне нужна двадцатичетырехчасовая регрессия памяти мистера Скотти. Проверьте все возможные амнезические лакуны.

— Да, доктор. Где мне расположиться?

— Если вы пройдете со мной, леди... — Джарис повел ее к ближайшему выходу из студии, когда Кирк обратился к Скотти.

— Ты должен постараться во всем помочь лейтенанту Трейси. Возможно, мы сможем выяснить все раз и навсегда.

Взглянув Скотти в глаза, Кирк должен был подавить желание ободряюще положить руку ему на плечо.

— Да, капитан. Этот... провал... это тяжело принять.

Кирк проводил его взглядом.

— Ладно, Боунс. Мы одни. Мнения?

Мак-Кой был мрачен.

— Джим, в нормальных обстоятельствах Скотти никогда не сделал бы такого. Но тот удар по голове — он мог раздавить всмятку все его прежние модели поведения. Меня беспокоит, что он говорит правду, что ничего не помнит.

— Почему это тебя беспокоит?

— Истерическая амнезия. Когда человек чувствует себя виноватым в чем-то — в чем-то слишком страшном, чтобы встретить это лицом к лицу — он стирает это в своей памяти.

Кирк не нашел, что сказать. Возможно ли, чтобы память Скотти ограждала его от чего-то, о чем слишком страшно вспомнить? Он почувствовал вдруг, что задыхается в этой комнате без окон...

— Мне нужен воздух, — подумал он, но тут вернулся Джарис.

И стройная Сибо с отсутствующим выражением на лице, расслабленная, откинула занавес другого входа.

— Ты приготовилась, Сибо? — спросил Джарис.

— Я готова. Могу я увидеть этот нож?

Джарис повернулся к ним.

— Моя жена также обладает способностью воспринимать сенсорные отпечатки на неодушевленных предметах. — Он подошел к столу. — Нож, — сказал он, — он у вас, капитан?

Удивленный Кирк отозвался эхом:

— Нож? Нет. Я думал... — Я положил его на этот стол, когда мы вошли, — сказал Джарис. — Его здесь нет.

Повисло неловкое молчание. Оно было разбито криком, приглушенным, но таким высоким и резким, что он проник сквозь перекрытия пола. Нижняя комната! Кирк и Мак-Кой обменялись понимающими взглядами. Затем Кирк бросился действовать. Отбросив занавес, он помчался по лестничному пролету. Шаги Мак-Коя стучали за его спиной. Они оказались в полутемном холле перед закрытой дверью. Кирк вломился через нее в маленькую каморку.

Скотти с закрытыми глазами сидел, напряженно выпрямившись, в кресле. Карен Трейси лежала на полу в окружении разбросанного снаряжения. Мак-Кой подбежал к ней, а Кирк схватил за плечо Скотти.

— Скотти! — заорал он, встряхивая его, — Скотти, очнись!

Его плечо подалось под рукой Кирка. Скотти застонал, наклоняясь, когда Мак-Кой, поднявшись на ноги, сказал:

— Она мертва, Джим.

Кирк взглянул на него.

— Без тебя знаю. Заколота?

— Да. Множество ударов, — сказал Мак-Кой, — в точности, как та.

Им пришлось почти вести Скотти по ступеням вверх. Джарис налил в бокал какой-то ароматный жидкости и подал Мак-Кою.

— Аргелианский стимулятор, доктор. Весьма эффективный.

Но Скотти сжимало тисками все охватывающее напряжение. Бокал просто звенел о его крепко сжатые зубы. Потребовались объединенные усилия Мак-Коя и Кирка, чтобы разжать челюсти и влить жидкость ему в глотку. Когда его губы вновь стали приобретать цвет, Кирк увидел, что Сибо подошла к алтарю, с лицом, как у спящей. «Хорошо иметь личный мир грез», — подумал он мрачно, вливая в рот Скотти остатки питья. На этот раз он проглотил его добровольно и мигая, осмотрелся.

— Лейтенант Трейси? — произнес он. — Капитан, где...

— Лейтенант Трейси мертва, — сказал Кирк.

Скотти уставился на него.

— Мертва?

— Да, — резко сказал Кирк. — Что там внизу произошло?

— Я сидел, сэр... а она снимала показания. — Он попытался подняться. — Почему я снова здесь? Она не закончила.

— Это все, что ты помнишь? — спросил Мак-Кой.

— Скотти, сосредоточься! — сказал Кирк. — Девушка мертва. Ты был с ней и должен был видеть, что произошло. Что это было?

Испуганное выражение беспомощности снова появилось в глазах Скотти.

— Я не помню. Я не могу вспомнить, капитан. Я выключился, наверно, но почему...

Мак-Кой сказал:

— Такое бывает, Джим. Травмы головы...

Кирк закричал:

— Я не хочу больше ничего слышать о травмах головы! Скотти! Вспомни!

— Спокойнее, Джим, — сказал Мак-Кой. — Если он не может, он не начнет вспоминать только потому, что ты ему прикажешь.

Кирк развернулся к Джарису:

— Префект, в той комнате есть вторая дверь?

— Да, одна, ведущая в сад. Но она была закрыта последние несколько лет.

— Замок мог быть вскрыт, — заметил Мак-Кой.

— Проверь, Боунс, — сказал Кирк.

Где-то прозвенел колокольчик. Джарис нажал кнопку, и вошел Хенгист, ведя перед собой двух человек.

— Префект, — сказал он, — эти двое были в кафе в ночь убийства.

Кирк обратился к старшему из мужчин:

— Я видел вас. Вы — музыкант из кафе. Вы играли для Кары.

— Она была моей дочерью, — сказал мужчина. — Она танцевала под мою музыку еще ребенком. А теперь она мертва, а у меня осталось мое горе. — Он повернулся к Джарису. — Префект, как такое могло случиться здесь? Тот, кто это сделал, должен быть найден. И наказан.

Хенгист сказал:

— Я обещаю тебе это, Тарк.

Кирк указал на молодого человека.

— А он вышел из кафе незадолго до Скотти и Кары.

— Кто вы? — спросил Джарис мужчину. — Это правда — то, что мы сейчас услышали?

— Я Морла с Кантаба-стрит. Да, префект. Я был там. Мне скрывать нечего.

— Вы знали Кару? — спросил Кирк.

Морла кивнул. А Тарк заплакал:

— Конечно, он знал ее! Они должны были пожениться. Но его ревность была отвратительна моей доченьке!

— Ревность? — сказал Джарис. — Это странно. На Аргелиусе ревность давно неизвестна.

Рот Морла дрогнул.

— Моя ревность была моим наказанием, префект. Но я не мог с ней справиться, потому что, любил ее. Когда я увидел, что она идет к столику с этими мужчинами, я не мог смотреть и ушел из кафе.

— Куда вы пошли? — спросил Кирк.

— Домой. Прямо к себе домой. Мне нужно было помедитировать... избавиться от гнева.

Кирк сказал:

— Префект, ревность — вполне достаточный повод для убийства.

— Я знаю. Именно поэтому она здесь не в почете.

— Я не мог убить, — голос Морлы прервался. — Убить — это не по мне. Не по мне — убить то, что я любил.

Вернувшийся Мак-Кой присоединился к компании.

— Этот замок, может быть, вскрывали, а может и нет, Джим. Даже с трикодером трудно будет сказать точно.

Кирк снова обратился к Морле.

— Вы можете доказать, что направились прямо домой?

Хенгист не выдержал:

— Капитан, я настаиваю, чтобы вы оставили этот допрос мне!

— Ну так давай веди его! — гаркнул Кирк. — Не стой тут сложа руки! — он взглянул на Тарка.

— Отец, возмущенный непослушанием дочери, — и он не был первым... — он осекся. — Префект! — Будущий муж, разъяренный тем, что его девушка сидит с другим мужчиной — вы не можете отрицать, что это мотив для убийства! А у мистера Скотти нет ни одного. Лейтенант Трейси была убита потому, что должна была обнаружить правду!

Джарис медленно ответил:

— Это возможно, капитан.

— Весьма вероятно, сэр.

Мягкие глаза взглянули в глаза Кирка.

— Капитан, знаете, вы говорите как человек, который очень хочет спасти друга.

— Да, сэр. Ваша оценка совершенно справедлива. Я действительно хочу спасти друга. И я должен напомнить вам, что его вина еще не была доказана.

— Позвольте мне напомнить вам, что в обоих случаях ваш друг был найден рядом с телом жертвы. — Лицо Хенгиста пылало возмущением.

У Кирка не было времени для продолжения перепалки, потому что в этот момент Сибо объявила:

— Муж, я готова.

В ее спокойном голосе была странная властность. Никто не проронил ни слова, когда она повернулась от алтаря с отстраненным ясным лицом.

— Пламя очищения горит, — произнесла она. — Оно указывает направление истины. — Она сошла с алтаря. — Мы соединим руки. Наши умы приоткроются, и я загляну в глубины ваших сердец.

Сдержанно взяв под руку, Джарис подвел ее к столу.

— Мы сядем, джентльмены, мы все. И, как сказала моя жена, соединим руки.

— При одном условии, сэр, — сказал Кирк. — Двери должны быть закрыты и запечатаны так, чтобы никто не смог войти или выйти во время ритуала.

— Комната уже запечатана, — сказал Джарис.

Он усаживал Сибо за стол, когда зазвучал сигнал коммуникатора Кирка. Это был Спок.

— Можно вас на пару слов, капитан?

Кирк повернулся к Джарису.

— Сообщение с моего корабля, сэр. Извините меня на минутку. — Он отошел в другой конец комнаты. — Да, мистер Спок?

— Я обдумывал прискорбную ситуацию, которую вы мне описали, сэр. По моему мнению, аргелианский эмпатический контакт — феномен, достойный изучения. Не знаю только, достаточно ли он достоверен, чтобы ставить в зависимость от него человеческую жизнь.

— Что вы предлагаете, мистер Спок?

— Поднять мистера Скотти на борт, чтобы наша аппаратура помогла установить истину.

— Невозможно, мистер Спок. Последовать вашему совету значило бы закрыть Аргелиус как космический порт. Мы должны уважать чувства и гордость этих людей. У них свои методы для решения подобных проблем, и пока мы здесь, мы им подчинимся.

— Понял, капитан.

— Мне это нравится не больше, чем вам, но здесь мы не можем ничего поделать. Кирк — отбой.

Когда он снова повернулся к остальным, все уже сидели за столом, во главе которого была Сибо. Позади нее вспыхнуло и опало пламя алтаря.

— Начнем, — сказала она. — Соединим руки. Не давайте кольцу разомкнуться. Смотрите на пламя, которое горит на алтаре истины.

Ее глаза закрылись. Властность ее голоса сейчас как бы отлилась в спокойную неподвижность. Кирк видел, как она подняла сосредоточенное лицо и под скулами появились тени. Затем неожиданно, пугающе, она заговорила другим голосом — старым, глубоким, резонирующим голосом.

— Да, здесь, в этой комнате находится нечто... нечто ужасное... из древности. Я чувствую его присутствие... страх, гнев, ненависть, — из нее вырвался стон. — Здесь зло... чудовищное, демоническое.

Она остановилась, как будто все ее чувства сосредоточились на слушании.

— Всепожирающий, неутолимый голод... ненависть к жизни, к женщине, неумирающая ненависть, — голос стал громче. — Он силен... древний голод, который питается страхом... ближе, ближе... сейчас он вырастет среди нас... дьявольская страсть к смерти... смерти. Он был поименован... БОРАТИС... КЕСЛА... РЕДЖЕК... — слова исходили из Сибо испуганным стоном. — Пожирающее зло... пожирающее жизнь, свет... голод на охоте... реджас... реджас...

Пламя алтаря погасло. В темноте, воцарившейся в комнате, Кирк слышал громкие поспешные звуки, похожие на хлопанье больших крыльев. Затем Сибо издала дикий крик.

— Свет! — закричал Кирк.

Вспыхнули лампы. Хенгист был у выключателя, его рука все еще на нем.

Но Кирк смотрел только на Сибо. Она обвисла на руках Скотти. Ее тело очень медленно поворачивалось в них. Из ее спины торчала рукоятка длинного ножа.

Бесчувственные руки Скотти разомкнулись, и тело упало на пол. Скотти смотрел вниз на него. Потом Кирк увидел, что он перевел глаза и посмотрел на свои окровавленные руки.

Лицо Джариса окаменело от горя. И Кирк, слушая тираду Хенгиста, думал, и не в первый раз: Мистер Администратор, вы бесчувственный человек.

— Три убийства! — выкрикивал Хенгист. — И каждый раз этот человек оказывается на месте преступления! Что вам еще нужно, капитан? Чтобы он заколол еще одну женщину прямо у вас на глазах?

— Мистер Хенгист, прошу... не сейчас, — сказал Джарис, — моя бедная жена... ее только что унесли...

Хенгист настаивал.

— Префект, я доподлинно уверен, что этот член команды «Энтерпрайза» виновен!

— Но он не в ответе, — сказал Кирк. — Эти действия — действия безумца. Если мистер Скотти виновен — он сумасшедший. У нас на корабле есть приборы, позволяющие определить состояние его сознания.

— И спасти ему жизнь? — в голосе Хенгиста явно слышалась ирония.

— Безумие не может нести ответственность по любым законам, — сказал Кирк. — Оно не понимает, что творит.

— Джентльмены, пожалуйста... — попросил Джарис.

— Прошу простить, префект, — не унимался Хенгист, — мое сердце скорбит вместе с вами, но я не могу больше стоять в стороне! Этот человек убил трижды! Даже капитан Кирк признал это. Но эта попытка в последнюю минуту помочь Скотти уйти от наказания...

Голос Кирка был ровен.

— Нет, мистер Хенгист. Проследить, чтобы победила справедливость.

— Я... не знаю, — сказал Джарис.

— Сколько еще убийств должно произойти, чтобы мы приняли действенные меры, сэр? — спросил его Хенгист. — Старые законы все еще действуют. Я могу добиться правды от этого убийцы.

— Пыткой? — Кирк повернулся к Джарису. — Префект, я ранее сказал вам, что мы будем придерживаться ваших законов. Если мистер Скотти вменяем, он ваш — для наказания. Но я должен настоять, чтобы было сделано все возможное для выяснения его душевного состояния.

Губы Джариса задрожали. Он постарел от потрясения на глазах.

— Как может человек совершить такое?

— Это то, что я собираюсь выяснить, сэр, — мягко сказал Кирк.

С усилием Джарис взглянул на Скотти.

— А вы, мистер Скотти, что вы можете сказать?

Скотти встал.

— Сэр, я клянусь именем Господа, что не убивал вашу жену. Я не убивал никого.

— Но вы же сами признали, что не знаете, сделали вы это или нет, — сказал Хенгист. — Ваши, так называемые, провалы памяти...

— Мистер Хенгист, — прервал его Мак-Кой, — на борту нашего корабля существует возможность получить запись всех событий, запечатленных в мозгу мистера Скотти в сознательном или бессознательном состоянии. Мы можем восстановить все, что с ним произо-

шло. Записи — это факты. Они скажут нам с максимальной точностью, что с ним произошло в ближайшем прошлом.

Кирк поддержал Мак-Коя.

— Для сомнений тогда не останется места, — сказал он. — Мы будем знать. Разве это не то, чего мы хотим, префект? Знать? — Он перевел взгляд на Хенгиста. — Расследование и руководство будет оставаться в вашей юрисдикции. Все, чего мы хотим, — это избавиться от сомнений!

Лицо Хенгиста стало жестким.

— Ваше предложение незаконно. Если этот человек вернется на корабль вместе с вами, какие гарантии мы будем иметь, что вы вернете его на Аргелиус, даже если ваши приборы докажут его виновность? Я обладаю властью, чтобы...

Джарис восстановил контроль над собой.

— Мистер Хенгист, — сказал он твердо, — власть здесь в моих руках, и решения принимаю тоже я. — Он посмотрел на Кирка. — Капитан, как вы знаете, мистер Скотти утверждает, что ничего не помнит об убийствах. Он мог убить, не зная, что убивает. Могут ли ваши машины проникнуть в суть его действий?

— Они могут сопоставить факты таким образом, что будет возможно позитивное заключение, — сказал Кирк. — Не останется никаких сомнений.

Джарис встал.

— Хорошо. Мы отправимся на ваш корабль.

Он твердыми шагами подошел к Скотти.

— Если вы виновны, вы встретитесь с древним наказанием, быть может, несколько варварским. Я предупреждаю вас, что это древнее наказание за убийство — казнь медленной пыткой. Этот закон никогда не отменялся. Вы понимаете, мистер Скотти?

Скотти облизнул губы. Но он твердо посмотрел в глаза Джарису.

— Да, сэр. Я понимаю.

Кают-компания «Энтерпрайза» была переполнена. Гостей с Аргелиуса, считая Тарка и Морлу, посадили по одну сторону длинного стола. По другую сторону между Скотти и Мак-Коем сидела симпатичная старшина Танкрис, готовясь записывать процедуру. Кирк и Спок стояли поблизости у компьютера.

Кирк обратился к гостям.

— В глубине корабля находятся банки информации. Они управляют кораблем и содержат все человеческое знание. Они бесспорно надежны. Наши жизни зависят от них.

Он повернулся к Споку.

— Что-нибудь добавите, мистер Спок?

— В течение нескольких секунд, — сказал Спок, — мы сможем получить ответ на любой фактологический вопрос, независимо от сложности.

— Преступление не раскрывают с помощью колонок цифр! — сказал Хенгист.

— Нет, сэр. Но мы определяем истину.

— Как? — спросил Морла. — Эта машина не может сказать, что происходит в человеческом мозгу!

Кирк показал на компьютерный верификатор.

— Правильно. Но вот этот прибор может — до известных пределов. — Он подвинул кресло. — Каждый проверяемый сядет здесь, положив ладонь на эту пластину. Любое отклонение от фактической истины будет немедленно замечено. Затем оно будет передано на компьютер, который известит нас.

Хенгист заворочался в своем кресле. Кирк продолжил.

— Доктор Мак-Кой уже вложил свой доклад в компьютер. Наши эксперты изучают оружие убийства. Они также передадут компьютеру свое заключение. Мистер Скотти, займите, пожалуйста, это место.

Скотти встал, прошел к верификатору и положил ладонь на пластину. Кирк включил аппаратуру.

— Компьютер, — сказал он. — Идентификация и верификация.

Механизм звякнул. И раздался голос компьютера.

— Программа. Старший лейтенант Монтгомери Скотти, серийный номер SE 197-546-230 Т. Подтверждаю.

— Физическое состояние субъекта на данный момент? — спросил Кирк.

— Программа. Субъект недавно подвергся сильному удару по черепу. Ущерб компенсируется. Некоторые поверхностные отклонения.

— Могут ли эти отклонения стать причиной периодов функциональной амнезии?

— Программа, — ответил компьютер. — Ответ отрицательный.

Удивленный Мак-Кой вмешался:

— Не понимаю, как это может быть, Джим.

— Это возможно в случае, если Скотти лжет о своих провалах памяти, — сказал Кирк.

— Я не лгу, капитан! — закричал Скотти. — Я не помню ничего об этих двух первых убийствах!

— Компьютер, сканирование точности, — сказал Кирк.

— Субъект представляет точный отчет. Никаких физиологических изменений.

Скотти с рукой все еще на пластине, привстал из кресла!

— Капитан, я никогда не говорил, что я отключался во время убийства жены префекта!

— Хорошо, Скотти. Продолжай, что ты помнишь об этом?

— Мы все держались за руки. В комнате было темно — огонь на алтаре был таким слабым. Я услышал крик несчастной леди. Я пытался дотянуться до нее, — но между нами что-то было.

— Что-то? — переспросил Кирк. — Ты хочешь сказать — кто-то?

— Нет, сэр. Что-то. Холодное... холодное, как алкаш прямо из вытрезвителя. Но... оно не было там на самом деле как... — он остановился, добавив вяло. — Если вы понимаете, что я имею в виду.

— Компьютер? — сказал Кирк.

— Показания субъекта верны. Никаких физиологических отклонений.

— Хорошо, — сказал Кирк. — Я спрошу прямо. Скотти, ты убил Сибо?

— Нет, сэр. В этом я уверен.

Хенгист фыркнул.

— Он говорит это все время. Это имеет значение сейчас не больше, чем раньше.

Кирк взглянул на него.

— Скотти! — сказал он. — Солги мне. Сколько тебе лет?

— 23, капитан.

— Зазвенел сигнал. Контрольная панель мигнула и погасла. Механический голос произнес:

— Неверно. Неверно. Ошибочные данные.

— Скотти, когда погас свет, кто держал твою руку?

— Морла с одной стороны, сэр, вы с другой.

Морла с побледневшим лицом поднялся на ноги.

— Но это ничего не значит, капитан. Комната небольшая, было темно, любой из нас мог иметь время убить леди.

Хенгист быстро возразил:

— Я понимаю, что мы нашли ее тело на руках у мистера Скотти. Нож все еще был в ее спине. И на его руках была кровь.

— Это так, — сказал Кирк, — но верификатор доказал, что он не пропустит лжи.

— Были убиты две другие женщины, — гнул свое Хенгист.

— Мистер Скотти, — спросил Кирк, — вы убили Кару?

— Я не помню.

— Вы убили лейтенанта Трейси?

— Я не помню.

— Компьютер, проверка точности.

— Показания субъекта точны. Никаких физиологических отклонений.

— Все, что это доказывает, — сказал Джарис, — это то, что он говорит правду о провалах памяти.

— Это напрасная трата нашего времени! — объявил Хенгист.

Кирк сказал:

— Мистер Хенгист, после этих заявлений мы проведем психотрикодерное сканирование памяти мистера Скотти. Это то, что пыталась сделать лейтенант Трейси. На этот раз мы это сделаем. У нас будет полная запись его действий, помнит он о них или нет. Это удовлетворит вас?

— Если вы сможете убедить меня, что эта машина не способна на ошибки. Если она покажет, что он не убивал женщин.

— Эта машина не ошибается. Что касается остального, записи это прояснят. Я думаю, вы можете сойти с вашего места, мистер Скотти, если ни у кого нет возражений.

— Я возражаю против всей этой процедуры! — вскинулся Хенгист.

Мягко Джарис повернулся к нему.

— Мистер Хенгист, мы находимся здесь по моему решению.

— Префект, я знаю, что вы желаете лучшего, но я

уже имел опыт подобного рода в прошлом, в то время как вы...

— Достаточно, сэр, — оборвал его Джарис. — Пока мы примем доверие капитана Кирка к непогрешимости машины. В то же время мы оставляем право окончательного решения за собой.

— Об этом мы и просим, префект, — сказал Кирк. — Мистер Морла, будьте добры занять это место.

Морла занял его и положил руку на пластину. Кирк задал вопрос:

— Где вы были в то время, когда была убита Кара?

— Я.. я не могу сказать точно. Наверно, шел домой. Я был взволнован. — Он взглянул на Кирка. — Я вам говорил, я был зол.

— Гнев — относительное состояние, мистер Морла, — вмешался Спок. — Вы были достаточно злы, чтобы решиться на насилие?

— Я никогда в жизни не совершал насилие. Я аргелианец. Я не верю, что я способен на насилие. — Его голос дрогнул. — Верьте мне, я не мог убить ее! Она любила меня!

Тарк вскочил на ноги.

— Это неправда! Она не любила его! Она сказала мне. Он был ревнив! Они постоянно ссорились! — со слезами на глазах он повернулся к Джарису. — Моя дочь была истинной аргелианкой. Дитя радости!

— Да, я был ревнив! — Морла тоже вскочил на ноги. — Я признаю это! Но я не убивал ее! Я хотел покинуть Аргелиус вместе с ней — уехать куда-нибудь, чтобы она была только моей! Я любил ее!

— Вы убили лейтенанта Трейси?

— Нет!

— Вы убили Сибо?

— Нет!

— Компьютер, подтверждение, — потребовал Кирк.

— Показания субъекта верны. Некоторые утверждения субъективны. Никаких физиологических изменений.

— Кажется, все, — сказал Кирк. — Вы можете сойти, мистер Морла.

Он оглядел лица сидевших за столом. После долгого молчания он медленно произнес:

— Сибо говорила о каком-то всепожирающем голоде, который никогда не умирает, — или о чем-то, что пита-

ется страхом, смертью. — Он посмотрел на Спока. — Может быть, мы начали не с того конца. Предположим, что Сибо была сенситивна, что она действительно почувствовала что-то злое в той комнате...

— Сенситивность некоторых женщин Аргелиуса — документированный факт, капитан, — сказал Спок.

— Талант моей... жены, — сказал Джарис, — был настоящим, джентльмены. Вещи, которые она говорила, были истинны.

— Хорошо, — сказал Кирк. — Точно — что она сказала? Чудовищное зло из прошлого — ненависть к жизни, к женщине...

— Стремление к смерти, — добавил Мак-Кой.

— Она называла еще что-то, не имевшее смысла, — сказал Кирк.

— Я помню, — сказал ему Мак-Кой, — Реджек. Боратис. Кесла.

Кирк покачал головой.

— Неясно. Бессмысленно.

— Для нас — возможно, капитан, — отозвался Спок. — Но для компьютера...

— Проверьте, мистер Спок.

— Компьютер, лингвистический банк, — сказал Спок, обращаясь к машине. — Определение следующего слова — РЕДЖЕК.

Компьютер зажужжал.

— Программа. Результат отрицательный.

— В лингвистическом банке нет такого слова?

— Подтверждаю.

— Проверить остальные банки.

— Программа. Подтверждаю. Имя.

— Определитель, — приказал Спок.

— Программа. Ред Джек: Красный, Кровавый Джек. Источник: Земля. Язык: английский. Прозвище прилагается к убийцам женщин. Другой земной синоним: Джек-Потрошитель.

Молчание, состоявшее из потрясения, надежды и недоверия повисли над слушавшими.

— Это смешно! — вскрикнул Хенгист. Он вскочил на ноги. — Джек-Потрошитель жил сотни лет назад!

Кирк произнес:

— Компьютер, факты по Джеку-Потрошителю.

— Программа. Джек-Потрошитель: первое появление — Лондон, древняя Британская империя. Земля.

1888 по старому календарю. Зверски убил минимум шестерых женщин ножом или иным хирургическим инструментом, свидетелей не было, идентификации или ареста не последовало, преступления остались нераскрытыми. Мотив неизвестен.

— Бессмысленные преступления, — автоматически сказал Мак-Кой.

— Бессмысленные, как убийство Кары — или лейтенанта Трейси, — согласился Кирк.

Тарк переводил взгляд с одного на другого.

— Этого не может быть. Человеку не прожить все эти века.

— Моя жена, — произнес Джарис. — Моя жена... перед тем, как умереть... это бессмертный голод, сказала она.

— Но все люди умирают? — запротестовал Тарк.

— Все люди умирают, сэр. Но люди и гуманоиды составляют лишь небольшой процент известных нам живых форм. Существуют виды, обладающие крайне продолжительной жизнью, практически бессмертные.

— Но... существо, питающееся смертью? — Мак-Кой покачал головой.

— В строгом смысле слова, мы все питаемся смертью, доктор, — даже вегетарианцы.

— Но Сибо сказала — оно питается страхом!

— Возможность потребления энергии из эмоций известна, а страх — одна из самых сильных и напряженных человеческих эмоций.

Глаза Хенгиста пробежали по спокойному лицу Кирка. Затем он обернулся к префекту.

— Префект, это зашло достаточно далеко! Кто-то, какой-то человек убил троих женщин. У нас главный подозреваемый в руках! И мы позволим им свалить все на привидения?

— Не привидения, мистер Хенгист, — поправил Кирк. — Возможно, не человек, но не привидения. Мистер Спок, проверьте вероятности.

— Компьютер. Отчетная запись последних пяти минут обсуждения. Сопоставить гипотезы. Сравнить с регистром живых форм. Вопрос: может ли такой вид существовать в пределах Галактики?

— Подтверждаю. Существуют примеры. Дрелла с Альфа Карины — питается от эмоции любви. Существуют достаточные признаки того, что имеется существ-

во, природа неизвестна, которое может жить за счет эмоции страха.

— Экстраполировать наиболее вероятную внешность подобного существа, — сказал Спок.

— Программа. Чтобы удовлетворять упомянутым требованиям, наиболее вероятно существование вне формы в общепринятом смысле. Самое вероятное: масса энергии, высокой плотности.

Кирк забежал вперед:

— Компьютер, может ли такое существо убивать при помощи ножа?

— Ответ отрицательный.

— Может ли описанное существо принимать человеческую форму?

— Подтверждаю. Прецедент: меллиты, облачные создания с Альфа Маджорис-1.

— Сказки! — Хенгист был едок до презрения. — Духи и гоблины!

Кирк был сыт по горло Хенгистом.

— Нет, сэр, — сказал он. — Я видел меллитов своими глазами. Их нормальное состояние газообразное, но на время они могут становиться плотными. — Он снова повернулся к Споку. — Допустим, что такое существо может принимать форму и избавляться от нее по своей воле. Это объясняет неспособность Скотти вспомнить что-либо о первых двух убийствах.

Спок кивнул.

— Или, поставив гипнотический экран, стать невидимым для всех, кроме жертвы.

Джарис в ужасе пробормотал:

— Такое возможно?

— Весьма возможно, — ответил ему Мак-Кой. — Весьма и весьма возможно. Имеется масса примеров.

— Но меня нелегко загипнотизировать, — вмешался Скотти.

— Мы говорим не о человеке-гипнотизере, Скотти, — напомнил ему Кирк.

Хенгист, явно в бешенстве, снова вскочил из-за стола.

— Это фантазии! Мы прекрасно знаем, что убийца сидит здесь, за одним столом с нами! Вы стараетесь затуманить дело! У меня хватает ума, чтобы сейчас же прекратить все это!

— Прошу вас сесть, мистер Хенгист. — Голос Джа-

риса звучал необычно жестко. — Направление этого расследования кажется мне удовлетворительным.

Спиной чувствуя взгляд Хенгиста, Кирк вновь обратился к Споку:

— Так что мы имеем, мистер Спок? Некое создание без определенной формы, которое питается страхом, принимая физический облик, чтобы совершать убийства?

— И еще: оно охотится на женщин, поскольку их легче запугать, чем мужчин.

Кирк нажал кнопку на пульте.

— Компьютер, криминологические файлы. Случаи нераскрытых многократных убийств женщин со времен Джека-Потрошителя.

— Программа. 1932. Шанхай, Китай, Земля. Семь женщин заколото ножом. 1974, Киев, СССР, Земля. Пять женщин заколото ножом. 2005, марсианские колонии. Восемь женщин заколото ножом. Гелиополис, Альфа Проксима-2. Десять женщин заколото ножом. Имеются дополнительные примеры.

— Капитан, — сказал Спок, — все эти места лежат точно на прямой между Землей и Аргелиусом.

— Да. Когда люди Земли шагнули в космос, это существо отправилось с ними. — Он обратился к компьютеру. Идентифицировать имена Кесла и Боратис.

— Программа. Кесла: народное прозвище неопознанного убийцы женщин на планете Денеб-2. Боратис: народное прозвище неопознанного убийцы женщин на планете Ригель-4. Дополнительная информация. Убийства женщин на Ригеле-4 произошли один солярный год назад.

Мак-Кой повернулся от стола, чтобы взглянуть на Кирка. Кирк, кивнув, обратился к Хенгисту.

— Вы прибыли на Аргелиус с Ригеля-4.

— Как и многие, — с вызовом ответил Хенгист. — Это не преступление.

— Но мы как раз расследуем преступление. Займитесь, пожалуйста, место у верификатора, мистер Хенгист. Хенгист откинулся в кресле.

— Я отказываюсь.

— Мистер Хенгист!

Челюсти на полном лице плотно сжались.

— Префект, я не пойду туда.

— Я понимаю вас, сэр, — сказал Спок. — Если вы —

именно то существо, которое мы разыскиваем, что могло бы быть лучшим укрытием для вас, чем ваш официальный пост?

Мак-Кой был уже на ногах:

— И сразу же после того, как вы ушли, пропал со стола нож, которым было совершено убийство!

Кирк нажал сильнее:

— Где вы были, когда была убита лейтенант Трейси?

Под глазом у Хенгиста дернулся нерв.

— Закон — это мое дело! — Его голос погрубел. — Вы увлеклись спекуляциями, чтобы самому уйти от ответа.

Кирк был невозмутим.

— Мистер Спок, оружие.

— Компьютер, доклад по анализу вещественного доказательства «А».

— Программа. Объект «А» на экране.

Когда изображение ножа появилось на засветившемся экране, компьютер продолжил:

— Сплав лезвия: боридий. Состав рукоятки: мури-нит. Детали резьбы на рукоятке характерны для народного искусства локальной популяции, позволяют определить место изготовления.

— Назови.

— Предмет произведен в горах района реки Аргус на планете Ригель-4.

— Мистер Хенгист... — начал Кирк.

Но Хенгист рванулся к двери. Скотти подсек его, и Кирк обхватил падающего Хенгиста. У него оказались неожиданно сильные для такого полного человека мускулы. Вскрикнув, Хенгист нацелил колено в пах Кирка. Приподнявшись на локте, Кирк извернулся и тяжело приложился кулаком к челюсти Хенгиста. Тот потерял сознание. Свет потускнел, и в тот же момент комнату наполнил тот же звук, напоминающий хлопанье огромных крыльев.

Кирк поднялся на ноги. Мак-Кой, подняв глаза от тела Хенгиста, бесцветным голосом сказал:

— Он мертв, Джим.

— Мертв? Это невозможно! Человек не умирает от удара в челюсть.

В компьютере затрещало, потом треск стих. Маниакальный смех раздался из динамиков. Они взорвались

хихиканьем, хмыканьем, задыхаясь в мерзком удовольствии, — и голос Хенгиста прокричал:

— Ред Джек! Реджекреджек!!

Это было уже триумфальное рычание. Кирк, обескураженный, посмотрел на Спока. Вулканит бросился к кнопкам компьютера. Но утихомирить сумасшедшую какофонию не удавалось.

— Компьютер не отвечает, капитан! Это существо овладело им!

— Но компьютер управляет кораблем! — закричал Кирк. — То есть оно захватило корабль?

Он тоже стал сражаться с пультом компьютера. Спок попробовал переключатель дополнительных контуров, но он болтался в своем гнезде.

— Нет, капитан! Дополнительные контуры тоже блокированы!

Сумасшедший смех в динамиках стал громче.

— Ред Джек! — раздалось снова.

— Выключить аудио, мистер Спок!

В комнате неожиданно стало тихо. Но Скотти, вскочив на ноги, завопил:

— Экран, капитан! Гляньте на экран!

Кирк круто повернулся. На экране царил хаос переливающихся цветов. Из них стали формироваться какие-то фигуры. Змеи, пронизывающие звезды, обнаженные женщины с развевающимися волосами, скачущие на козлах, рогатые твари, играющие в чехарду с жабами. Кипящие, окутанные паром реки. Надо всем этим проносились тела, сплетенные в объятиях, несомые жестокими порывами ветра. Человеческие плечи, торчащие из-под камней, руки, зовущие на помощь. Затем на экран плеснуло красным и возникла мертвенная белизна холодного, бесконечного снегопада. Из обледеневшего ландшафта поднималась трехглавая фигура с раскрытой в беззвучном смехе пастью. За ней появился повернутый крест. Существо вскарабкалось на него, приняв позу, пародирующую распятие. Широкие кожистые крылья раскрылись...

— Что это? — прошептал Джарис.

— Видение ада, — ответил Кирк. Он выключил экран. — Эта мерзкая тварь показала нам место своего происхождения. И оно теперь — хозяин всех операций корабля, включая систему поддержания жизнедеятельности.

— Вы хотите сказать, что оно может убить нас всех? — задыхнулся Морла.

— Подозреваю, что попробует, — сказал Спок. — Но не сразу. — Он сделал паузу. — Оно питается страхом. Смерти ему недостаточно. На борту около 440 человек. Они представляют для него несравненную возможность разжиреть на страхе, который оно сможет внушить. До того, как убить, оно постарается выжать столько страха, сколько сможет.

Кирк согласно кивнул. Он подошел к интеркому. Нажав кнопку, он сказал:

— Всем, всем. Говорит капитан. Компьютеры вышли из строя. Восстановительные мероприятия начались. До устранения неисправностей жизненно важно всем оставаться на своих местах и сохранять спокойствие. У меня все.

Он оглядел стоявших рядом.

— Боунс, как у тебя с успокоительным?

— Есть кое-что, способное успокоить вулкан.

— Начиная раздавать его всем подряд. Чем дольше мы сможем подавлять страх, тем больше у нас времени, чтобы выгнать это порождение ада из компьютеров.

Он повернулся к Споку.

— Мистер Спок, в контрольные банки компьютера заложена программа принудительного сканирования.

— Да, капитан, но с этим существом на контроле...

— Даже так, оно вынуждено будет иметь дело со всем, что там запрограммировано. Есть ли там какие-нибудь математические проблемы, которые не имеют решения?

Мрачное лицо Спока прояснилось:

— Конечно, есть, капитан. Если мы сосредоточим все внимание компьютеров на одной из них...

— Хорошо. Это должно помочь, — Кирк подошел к столу. — Всех остальных прошу остаться здесь. Боунс, начинай с транквилизаторами. Пошли, мистер Спок.

Но тварь овладела контролем и над лифтом. Хотя дверь и отворилась, чтобы пропустить Кирка, она стала закрываться до того, как успел войти Спок.

— Спок! — закричал Кирк, хватая и встаскивая его внутрь как раз в тот момент, когда дверь со стуком стала на место. Спок с интересом посмотрел на дверь.

— Изумительно. Наш друг быстро учится.

— Слишком быстро. — Кирк нажал кнопку мости-

ка. Вместо того, чтобы подниматься, лифт стал падать. Палубы со свистом замелькали одна за одной.

— Свободное падение! — крикнул Кирк. — Пересключи на ручное управление!

Они оба вцепились в ручное управление. Свист смолк, и очень медленно лифт пошел вверх. И тут завыла его тревожная сирена.

— Это должно было быть следующим номером, — мрачно сказал Спок. — Нейсправность в системе жизнеобеспечения. — У нас немного времени, капитан.

— Вы сами сказали, мистер Спок. Ему нужен ужас. Смерть в его списке на втором месте.

Лифт остановился на уровне мостика, но пришлось опять сражаться с чувствительной пластиной-датчиком, чтобы открыть дверь. Вырвавшись на мостик, они и там не нашли повода для особенной радости. Зулу, уже задыхавшийся, возился вместе с техником у поста жизнеобеспечения.

— Капитан, механизм подачи смеси вышел из строя!

Спок подбежал к посту. Сорвав панель, он обнажил внутренности механизмов и, стоя на коленях, углубился в работу. Он как раз потянулся за каким-то инструментом, когда в динамиках раздался голос Хенгиста:

— Вы все почти мертвы! Капитан Кирк, вы понапрасну тратите время! — он снова взорвался хриплым смехом.

— Отключите связь! — приказал Кирк и повернулся к Зулу. — Займитесь своим постом, мистер Зулу! Подготовьте ручную регулировку подачи смеси!

Спок поднялся на ноги:

— Нормальные уровни среды восстановлены, капитан. Но, как вы знаете, они не продержатся долго. Несколько часов будет большой удачей.

Зулу спросил:

— Что происходит, капитан?

— Займитесь своим постом, мистер Зулу! — Кирк, сознавая свое напряжение, поспешил остановить вышедшую из лифта сестру с инъектором в руках. — Это транквилизатор?

— Да, сэр.

— Инъекцию каждому, включая себя.

Техник-связист обнажил руку для укола, когда снова раздался голос Хенгиста.

— Теперь вы меня не сможете остановить, капитан! — Кирк протянул руку через плечо техника, чтобы нажать кнопку, но голос не исчез. — Дурак, ты не сможешь заставить меня замолчать! Я контролирую все цехи этого корабля. Жизнь вашего ручного контроля атмосферы так же коротка, как и ваша. Скоро я овладею полным контролем!

Кирк подошел к Споку, работавшему на своем компьютерном посту, и мягко спросил:

— Ну, мистер Спок?

— Программа пошла, капитан.

На этот раз Кирк повысил голос:

— Убей нас — и ты убьешь себя!

Хихиканье забулькало из динамика:

— Я бессмертен. Я существую с рассвета времен — и переживу их. Вскоре я поем — и теперь мне не нужен нож. В несказанной боли вы погибнете.

Спок поднял взгляд от своей работы.

— Оно готовит свой праздник террора.

— Имбецилы! Я могу перекрыть вам кислород и задушить вас! Я могу раздавить вас, подняв давление атмосферы! Я могу поднять температуру, пока кровь не закипит у вас в жилах!

Зулу получил свою дозу. Он повернулся к Кирку:

— Капитан! — сказал он весело. — Кто бы это ни был, какие мрачные вещи он говорит!

— Да. Оставайтесь на своем посту. Если еще какие-нибудь системы будут выходить из строя, переключайте их на ручное управление. И самое главное — не бойтесь!

— После того, как в меня закачали эту штуку, сэр, меня не испугает и сверхновая!

— Готово, капитан, — доложил Спок.

— Загружайте.

Спок обратился к своему библиотечному компьютеру:

— Принудительный ввод класс 1. Просчитать до последней цифры значение числа Пи.

Звонкое кликанье аппаратуры смешалось со взрывом жужжащих звуков. Спок ждал. И то, чего он ждал, появилось. В динамике раздался испуганный голос Хенгиста.

— Нет... не...

Спок прокомментировал:

— Значение числа Π — бесконечный численный ряд. Все банки данных наших компьютеров работают сейчас над этим, не обращая внимания ни на что другое. Они будут продолжать просчитывать это непросчитываемое число до тех пор, пока не получат команду остановиться.

— Вернемся в кают-компанию, — предложил всем Кирк. — Вероятно, аргелианцы начнут паниковать первыми.

Зулу проводил их взглядом до кабины лифта. Потом он радостно задал вопрос самому себе:

— Хотел бы я знать, чего я должен бояться.

В кают-компании тело Хенгиста все еще лежало вялой грудой в кресле, куда его положили. Мак-Кой обходил стол вокруг, делая инъекции. Когда Кирк и Спок вошли, Скотти спросил:

— Ну, что, капитан?

— Думаю, в наших компьютерах некоторое время не поселится ничего, кроме группы цифр.

Спок прошел прямо к контрольной консоли компьютера и занялся проверкой.

— Есть некоторое сопротивление, капитан, но команда действует. Банк за банком подключаются к решению задачи.

Мак-Кой прервал свою работу, держа инъектор:

— Если вы выкурите его из компьютера, Джим, ему придется уйти куда-то еще.

— Не думаю, что ему удастся войти в кого-то, кто находится под действием транквилизатора, Боунс. Как движется дело у тебя?

— Почти закончил. Остались Джарис и я...

Он осекся. Свет опять померк, и опять раздался звук бьющих по воздуху крыльев. Очень медленно свет разгорелся. Спок ударил по клавише компьютера.

— Существо ушло, капитан, — сказал он.

Кирк обдумывал предупреждение Мак-Коя.

— Но куда? Боунс, если оно войдет в тело, которое получило дозу транквилизатора, что произойдет?

— Оно может смешаться с ним. Но ничего больше.

— И ты говоришь, что все уже получили дозу — кроме тебя и префекта?

Джарис повернулся в кресле:

— Правильно. Но я знаю, что оно не во мне, и я настроен рискнуть в отношении мистера Спока.

— Боунс, сделайте инъекцию себе.

— У меня должна быть ясная голова, — запротестовал Мак-Кой.

— Я отдал вам приказ, Боунс.

Мак-Кой посмотрел на Кирка. Потом пожал плечами, оголил руку и сделал себе укол.

— Префект, — сказал Кирк, — будьте добры, протяните вашу руку...

Джарис подавился безумным хрипом. Из его рта раздался голос Хенгиста:

— Нет... Нет!

Вскочив из-за стола, Джарис прыгнул на Кирка. Спок рванулся к ним. Немолодое тело Джариса налилось необычайной силой. Он схватил Кирка за горло, но Спок разжал его руку. Тварь разразилась диким криком:

— Убить! Всех убить! Умрите! Страдайте!

Прихватив яростно извивающегося Джариса, Спок дотянулся до его шеи и нанес свой знаменитый удар. Джарис обмяк, и снова погас свет — захлопали крылья.

Кирк поднялся на ноги. Вокруг стола стояли и сидели улыбающиеся люди. Им под действием наркотика все происходящее казалось сценкой, разыгранной для их удовольствия. Старшина Тенкрис, уронив свой блокнот, с восхищением смотрела на Спока. Из-за ее плеча поднялась рука и обхватила ее за горло, опрокинув девушку назад. Тело Хенгиста покинуло кресло. Он схватил и приставил к горлу девушки нож.

— Стоять — или я убью ее!

Мак-Кой, глядя затуманенным взором, мягко сказал:

— Вы кого-нибудь пораните этим ножом, — и протянул руку к оружию. Хенгист наотмашь полоснул ножом, и в этот момент Спок прыгнул на него, а тем временем Кирк вырвал инъектор из руки Мак-Коя. Спок, прижимая рычащего безумца, оторвал рукав его одежды. Кирк прижал к его руке инъектор. Хенгист дернулся в руках Спока.

— Я всех вас убью, — сказал он. — И вы будете страдать, а я утолю голод... — он отключился.

Кирк схватил его за плечи.

— В отсек телепортации! Быстро! — крикнул он Споку.

Техник-транспортник просиял им навстречу, когда они ввалились в камеру, волоча тело Хенгиста.

Кирк заорал:

— Глубокий космос — самый широкий угол дисперсии — полная мощность — поддерживать...

Техник с упреком посмотрел на него.

— Не надо так нервничать, капитан. Я все сделаю.

— Спок! Сделай это! Действие успокоительного может скоро кончиться!

В одиночку Кирк взвалил тело Хенгиста на платформу. Невозмутимый техник не торопясь шел к консоли управления, когда Спок отшвырнул его и мгновенно произвел настройку.

— Разряд! — крикнул Кирк.

Неподвижная фигура на платформе окуталась искрами и исчезла.

Спок, опершись локтем о консоль, опустил голову на руку. Кирк положил руку ему на плечо.

— Довольно дорогое хождение по девочкам вышло в этот раз на Аргелиусе, — сказал он.

Только техник чувствовал себя обиженным:

— Вы не должны были меня толкать. Я бы все сделал сам.

Он взглянул на дверь, где стояли Скотти и Мак-Кой, оба со сдержанными улыбками на лицах...

— Вот видите — два спокойных уравновешенных офицера, — поставил он их в пример Споку.

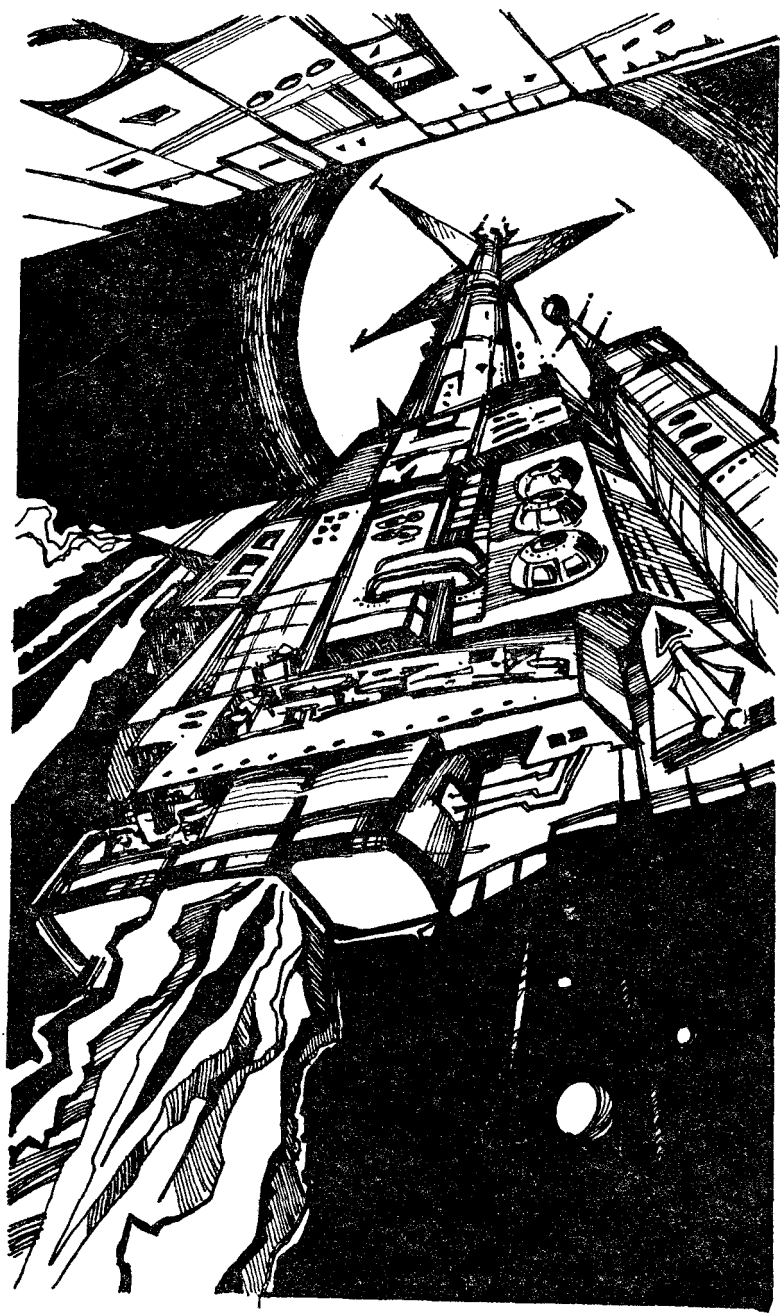
— С Джарисом все в порядке, — успокаивающе объявил Мак-Кой.

— Что вы сделали с этим существом, капитан? — спросил Скотти. — Отправили обратно на планету?

— Нет, Скотти. Мы его излучили в открытый космос с максимальным углом разброса.

— Но оно не может погибнуть! — сказал Мак-Кой.

— Возможно, и нет, доктор, — отозвался Спок. — Конечно, его сознание просуществует какое-то время, но только в форме миллиардов фрагментов, отдельных

волокон энергии, вечно плывущих в пространстве — бессильных, бесформенных, лишенных питания. Мы знаем, что оно должно питаться, чтобы жить.

— И оно никогда больше не поест — не в этом бесформенном состоянии, — добавил Кирк.

— В конце концов оно умрет. — Он взглянул на Мак-Коя. — Боунс... как скоро транквилизаторы выйдут из крови?

— О, за 5 или 6 часов, думаю. Я вмазал каждому солидную дозу.

— Я заметил. Ну, мистер Спок, на несколько часов у нас с вами самый счастливый экипаж во всем космосе. Но сомневаюсь, что работа сильно продвинется.

— Сэр, — сказал Спок, — так как все равно мы пришли на Аргелиус для отдыха, почему бы нам не воспользоваться этим преимуществом.

— Пошли! — с энтузиазмом завопил Скотти.

— Увольнение на берег? Вы и доктор Мак-Кой должны выспаться, чтобы восстановить силы после предыдущего. Но мы? — Кирк повернулся к Споку. — Мистер Спок, хотите прогуляться со мной к девушкам на Аргелиус?

Брови Спока поднялись.

— Капитан, — сказал он официально. — Я говорил об отдыхе.

— А, — сказал Кирк. — Вот как. Прошу извинить, мистер Спок.

Потому что мир пуст, а я коснулся небес

Кирк знал, что Боунс Мак-Кой был одинок. То, что он пошел служить после серьезной личной трагедии, Кирк подозревал. Чего он не понимал, так это болезненной гордости Мак-Коя, которая накладывала табу молчания практически на все случаи, когда речь шла о внутренних неурядицах. Тем более Кирк был удивлен его бурной реакцией на нарушение сестрой Чапел границ того, что Мак-Кой называл ее «профессиональной властью».

Войдя в лазарет, Кирк нашел ее готовой расплакаться.

— Звать капитана — не ваше дело! — бушевал Мак-Кой. — Вы можете идти! Идите в свою каюту.

Она высморкалась.

— Я, во-первых, сестра, доктор, и член команды «Энтерпрайза», во-вторых, — сказала она, упрямо выкатив подбородок и опустив покрасневшие глаза.

— Я сказал, вы можете идти, сестра!

Кристин сглотнула. В ее лице читалась откровенная боль. Она снова высморкалась, глядя на Кирка, и Мак-Кой резко сказал:

— Кристин, прошу тебя. Ради Бога, перестань плакать. Я представлю капитану полный отчет, я обещаю.

Она выбежала, и Кирк сказал:

— Да, это была драматическая сценка.

Мак-Кой распрямил плечи.

— Я закончил стандартное обследование всего экипажа.

— Хорошо, — сказал Кирк.

— Команда в порядке. Я не обнаружил ничего необычного — за одним исключением.

— Серьезный случай?

— Смертельный.

Пораженный Кирк спросил:

— Ты уверен?

— Абсолютно. Редкая болезнь крови. Поражает одного из 50000 астронавтов.

— А что это?

— Ксенополицитемия. Лечение невозможно.

— Кто?

— У него один год — в лучшем случае. Он должен быть немедленно списан с корабля.

Кирк спокойно спросил:

— Кто это, Боунс?

— Старший офицер медицинской службы.

После паузы Кирк сказал:

— Ты имеешь в виду себя?

Мак-Кой взял со стола кассету с записью.

Стоя по стойке «смирно», он подал ее Кирку.

— Это полный рапорт, сэр. Вам нужно быстро передать его в командование флота, чтобы оформить мою замену.

Не в силах вымолвить ни слова, Кирк смотрел на него. Потом он положил кассету обратно на стол, как будто она жгла ему руку. Мак-Кой сказал:

— Я буду максимально полезен в то время, которое мне осталось, если вы будете держать это при себе.

Кирк покачал головой.

— Должно же быть что-то, что можно сделать!

— Нет, — голос Мак-Коя был груб. — Я провел все возможные исследования. Я сказал вам.

Выражение лица Кирка подкосило его. Он опустил-ся в кресло у стола.

— Это смертельно, Джим. Смертельно.

Несмотря на тревогу, объявленную по «Энтерпрайзу», Кирк был в своей каюте. «Замена» Боунсу! Военный язык — забавная вещь. Как может кто-то «заменить» опыт человеческого существа — доверие, дружбу, испытанную сотней опасностей? «Один год жизни — в лучшем случае». Когда тыходишь до основания человеческой судьбы, хочется, чтобы речь никогда не изобретали. Но она существует. Как и тревога. Она тоже была изобретательна. Чтобы напомнить тебе, что ты не только старый товарищ обреченного человека, но и капитан звездного корабля.

Когда он шагнул из лифта на мостик, Спок молча уступил ему капитанское кресло.

— Что это такое на экране, мистер Спок? Какие-то движущиеся булавки. Ракетный залп?

— Да, капитан. Ракеты очень старого типа. Досветовой космос.

— Да, и с химическим зарядом, сэр, — добавил Скотти.

— Что-нибудь в эфире, лейтенант Ухура?

— Ничего, сэр. Пусто на всех частотах.

— Курс ракет, мистер Спок?

— Похоже, что их цель — «Энтерпрайз».

— Приготовить бортовые фазеры. Оба. — Отдал приказ Кирк. — Проверьте, мистер Чехов, точку запуска ракет.

— Данные введены, сэр.

— Искривление три, мистер Зулу.

Спок позвал с компьютерного поста:

— Это были очень старые ракеты, капитан. Данные сенсора определяют более 10000 лет.

— Странно, — проговорил Кирк. — Как они могут функционировать?

— Очевидно, у них были автономные системы самонаведения, и не было необходимости во внешних пунктах управления.

— И боеголовки, капитан, — сказал Скотти. — По моим данным, термоядерные заряды.

Спок снова заговорил:

— Подходим к точке с координатами неприятельского корабля, капитан.

— Дайте его изображение на экран, мистер Зулу.

Термин «корабль» мало подходил к тому, что они увидели. На экране появился огромный шарообразный астероид. Его поверхность была изъязвлена и изрыта следами тысячелетних столкновений с метеоритами.

— Мистер Спок, это максимальное увеличение. Объект на экране — действительно то, чем он кажется? Это астероид?

— Да, сэр. Около двухсот миль в диаметре.

— Может ли неприятельский корабль скрываться за ним?

— Невозможно, капитан. Я держу этот район под постоянным наблюдением.

— То есть ракеты были выпущены с астероида?

— Так точно, сэр.

Кирк встал и прошел к посту Спока.

— Полная сенсорная проба, мистер Спок.

Через мгновение Спок оторвал глаза от монитора.

— По составу это типичный астероид, но он не движется по орбите, капитан. Он следует независимым курсом, пересекая эту звездную систему.

— Как это у него получается? — поинтересовался Кирк. — Если у него только нет двигателя...

Спок приподнял бровь, что у него означало удивление. Потом медленно произнес:

— У него есть двигатель, и он корректирует все гравитационные флюктуации. — Он опять улыбнулся в монитор.

— Источник энергии? — спросил Кирк.

— Атомный, совершенно архаического типа. Оставляет за собой след из отходов жесткой радиации.

Кирк на мгновение нахмурился.

— Займитесь курсом астероида, мистер Чехов.

Спок опять оторвался от монитора.

— Этот астероид — полая скорлупа. Она окружает внутреннее ядро с атмосферой, пригодной для дыхания. Сенсоры не засекают никаких форм жизни.

— Вероятно, контроль осуществляется автоматически, — решил Скотти.

Спок кивнул.

— А его строители — или пассажиры — мертвы.

Чехов доложил:

— Курс астероида — то есть этого корабля — 241 плюс 17.

Спок быстро нагнулся к своему пульту, ткнул несколько кнопок. Потом поднял взгляд.

— Сэр, данные, которые сообщил лейтенант Чехов, — это курс, который приведет астероид в столкновение с планетой Даран-5!

— Даран-5! — Кирк уставился на него. — Насколько я понимаю, это обитаемая планета, мистер Спок!

— Да, сэр. Население примерно три миллиарда семьсот двадцать четыре миллиона, — он помолчал, сверяясь с компьютером. — Расчетное время столкновения — три месяца шесть дней.

— Ладно, — сказал Кирк. — Довольно большое население, — он повернулся к Зулу. — Мистер Зулу, уравнийте ход «Энтерпрайза» со скоростью астероида. Мистер Спок и я будем высаживаться на него. Мистер Скотти, передаю командование вам.

Они вошли в отсек телепортации и увидели Кристин Чапел, которая подавала Мак-Кою его трикодер.

— Многое может случиться за год, — как раз говорила она. — Пользуйся каждой минутой.

— Спасибо, — Мак-Кой закинул трикодер на плечо. Не глядя на Кирка и Спока, он шагнул на платформу, заняв место в одном из ее кругов.

Кирк подошел к нему.

— Боунс, — сказал он, — Спок и я справимся.

— Без меня? — вскинул брови Мак-Кой. — Да без меня вы не вернетесь.

— Я чувствую, что разумнее было бы...

— Я в порядке, благодарю, капитан, — отстранил его Мак-Кой. — Я хочу идти.

Так хотел играть Боунс. Он не был фатально болен. Слово «смертельно» могло и не быть произнесено.

— Хорошо, Боунс. Возможно, ты и прав. Когда будем возвращаться оттуда, ты нам понадобишься рядом.

Они оказались внутри астероида, на ровной поверхности, на земле, покрытой незнакомой растительностью, черными кольцами стлавшейся по темным бороздам, куда уходили длинные корни. На горизонте поднимались высокие горы. Кроме голых рябых камней, поблизости больше ничего не было видно.

Мак-Кой сказал:

— Можно поклясться, что находишься на какой-нибудь обычной планете.

Спок отбросил камень, который внимательно разглядывал секунду назад.

— Вопрос в том, зачем делать корабль похожим на планету.

— Если не знать, и не догадаешься, что ты на космическом корабле, — Кирк снял с пояса переговорное устройство. — Кирк вызывает «Энтерпрайз».

— Скотти слушает, капитан.

— Высадка без происшествий. Отбой. — Он вернул коммуникатор на пояс и двинулся было вперед, когда краем глаза заметил блеск металла далеко слева от себя. — Там, — сказал он. — Смотрите...

Это был ряд металлических цилиндров. Все они были высотой футов 8 в ширину, почти такие же, как и в

высоту, и аккуратно расставлены футак в пяти один от другого. Мужчины подошли к ближайшему и внимательно осмотрели его, не дотрагиваясь.

— Никакой заметной крышки или щели, — заключил Кирк.

— Спок, ты не обнаружил разумной жизни, — сказал Мак-Кой, — но совершенно определенно это свидетельствует...

— Этому кораблю-астероиду 10000 лет, доктор. Это может быть свидетельством того, что здесь была жизнь. — Он проверил трикодер. — Точно, никаких следов жизни.

Они еще раз осмотрели первый загадочный цилиндр, прежде чем перейти ко второму. Это была копия первого. Когда они подошли к третьему, два цилиндра у них за спиной открылись, выпустив две группы мужчин, одетых в грубую дерюгу. Держа в руках кинжалы и широкие мечи, они молча двинулись к трио с «Энтерпрайза». За ними шла стройная красивая женщина. Она остановилась, когда мужчины бросились в атаку.

Схватка была короткой и жестокой. Окруженный Спок упал, получив несколько ударов рукояткой меча. Мак-Кой, нагнув голову, с разбегу свалил одного из мужчин, отбросив его на женщину. Ее глаза расширились от удивления, но в них не было страха. Мак-Кой, пораженный ее красотой, забыл обо всем, кроме ее блестящих волос, уложенных на голове причудливыми волнами, ее обтягивающей тело блестящей черной одежды. Потом его оглушил удар по голове. Кирк, уклонившись от очередной атаки, увидел клинок, занесенный над головой Мак-Коя и закричал: «Боунс!»

Женщина подняла правую руку.

Клинок замер в воздухе. Мак-Коя вздернули на ноги. Он потряс головой, пытаясь оправиться от удара. Постепенно он осознал, что по его поясу шарят чьи-то руки. Затем ему заломили руки за спину. Лишенных фазеров и коммуникаторов, его, Кирка и Спока подвесили к женщине.

— Это ваше оружие? — спросила она, держа их пояса в правой руке.

— Да, — ответил Кирк. — Что-то вроде. Оружие и средства связи. Дайте мне помочь моему другу! — Он

попытался освободиться. Женщина сделала повелительный жест. Освобожденный, он поспешил ко все еще пошатывающему Мак-Кою.

— Боунс, ты в порядке?

— Я... думаю, да, Джим.

Черные глаза женщины рассматривали Мак-Коя.

— Меня зовут Натира, — сообщила она им. — Я — Верховная Жрица людей. Добро пожаловать в мир Йонады.

— У нас более заманчивые приглашения на сегодня, — сказал Кирк.

Она не обратила на него внимания.

— Взять их! — приказала она своим гвардейцам.

И во главе отряда направилась к открытому цилиндру. Они оказались в коридоре, по-видимому, бесконечном, освещенном, по стенам которого стояли люди в домотканной одежде. Когда Натира проходила мимо, они низко кланялись. Она подходила к какому-то арочному portalу, по сторонам которого стояли две украшенные колонны с глубоким узором, похожим на письменность. Натира, склонившись, коснулась какого-то спрятанного механизма, который открыл массивную дверь. Острый глаз Спока отметил его местонахождение. Заметил он и письменность.

Большая комната, куда они вошли, была темна, единственный источник света находился под центральным возвышением, украшенным так же замысловато, как и портал.

— Вы встанете на колени, — сказала Натира.

«Не стоит, — подумал Кирк, — заострять на этом внимание». Он кивнул Споку и Мак-Кою. Они встали на колени. Натира, поднявшись на возвышение, повернулась к тому, что явно было алтарем. В камне был вырезан узор, похожий на изображение Солнечной системы. Когда Натира упала перед алтарем на колени, свет вспыхнул ярче.

Мак-Кой, понизив голос, сказал:

— Она называет это «мир». Эти люди не знают, что они на корабле.

Кирк кивнул.

— Возможно, корабль в полете уже долгое время.

— Эти письма, — сказал Спок, — напоминают лексикографию Фабрини.

Натира говорила, подняв руки:

— О, Оракул людей, о Самый мудрый и совершенный, чужаки пришли в наш мир. У них инструменты, которых мы не понимаем.

Свет брызнул с алтаря. Как будто ободренная вспышкой, она встала на ноги, повернулась и сказала:

— Кто вы?

— Я капитан космического корабля «Энтерпрайз». Это доктор Мак-Кой, наш медик. Мистер Спок, мой первый помощник.

— Зачем вы пришли в наш мир?

Опять это слово «мир». Кирк и Мак-Кой переглянулись.

— Мы пришли с миром, — сказал Кирк.

Раскат грома донесся с алтаря. Как эхо этого грома, раздался голос Оракула.

— Узнайте, что значит быть нашими врагами. Узнайте это прежде, чем узнать, что значит быть нашими друзьями.

Сверкнула молния. Трое с «Энтерпрайза» были сбиты с ног почти смертельным разрядом электричества.

Мак-Кой слишком долго приходил в сознание. Он продолжал лежать в алькове роскошно убранной комнаты для гостей. Очень бледный. Спок, пытавшийся движениями снять мышечный спазм, сковавший его плечи, присоединился к Кирку у кушетки Мак-Коя.

— Вероятно, удар был слишком силен для него, — сказал он.

— Нет, не думаю.

Кирк пощупал пульс Мак-Коя. Спок, заметив глубокую озабоченность в лице Кирка, был удивлен.

— Ничто другое не могло вызвать шок, сэр. — Он сделал паузу. — То есть... ничто из того, что произошло здесь.

Кирк взглянул на Спока. Он понял, что вулканит почувствовал, что для беспокойства Кирка есть серьезные причины.

— Шок был необычно силен из-за ослабленного состояния Мак-Коя, — сказал Кирк.

— Могу я точно узнать, что с доктором?

— Да, мистер Спок. Сам бы он никогда не сказал. Но сейчас я думаю, он бы хотел, чтобы вы знали. У него ксенополициемия.

Спок замер. После непродолжительного молчания он тихо сказал.

— Я знаю эту болезнь, капитан.

— Тогда вы знаете, что с этим ничего нельзя сделать... — пока он говорил это, Мак-Кой зашевелился и открыл глаза.

Кирк склонился над ним.

— Как ты, Боунс?

— В порядке. — Он сел, быстро приходя в себя. — Как вы, Спок?

— Отлично, спасибо. Мы с капитаном, видимо, получили меньший заряд.

С напускным гневом Мак-Кой сказал:

— Этот оракул действительно достал меня! Наверно, я особенно чувствителен к его чарам.

— Спок знает, — сказал Кирк. — Я сказал ему, Боунс.

На лице Мак-Коя отразилось облегчение. Он встал.

— Не лучше ли нам найти кабину управления корабля и увести этих людей с курса на столкновение?

— Ты не в той форме, чтобы справиться, — сказал Кирк.

— Ерунда! — возмутился Мак-Кой. — Я в форме!

Кирк заметил колебание одной из занавесей алькова. Он подошел и отдернул ее. Какой-то замызганный пожилой человек с испуганным лицом жался к стене. Он посмотрел Кирку в лицо. То, что он в нем увидел, вероятно, ободрило его. Он отодвинулся от стены, помешкал и достал немного какого-то порошка из небольшого мешочка, висевшего у него на плече.

— Для силы, — сказал он. Потом протянул мешочек им. — Многие из нас испытали силу нашего Оракула. Этот порошок поможет. Вы не из Йонады.

— Нет, — мягко сказал Кирк. — Мы пришли извне вашего мира.

Сморщенная рука протянулась, чтобы коснуться руки Кирка.

— Вы такие же, как мы?

— В точности, — ответил Кирк.

— Вы первые, кто пришел сюда. Я не ученый, расскажите мне о том, что вовне.

— Что ты хочешь знать?

— Где это — снаружи?

Кирк показал вверх.

— Это там, наверху.

Мутные глаза посмотрели в потолок. Как ребенок, обиженный ложью взрослого, человек посмотрел на Кирка со смесью недоверия и разочарования. Кирк улыбнулся ему.

— Это вверху и везде вокруг.

— Это и они говорят тоже, — с досадой сказал старик. — Давно еще я забрался в горы, хотя это и запрещено.

— Почему запрещено?

— Я точно не знаю. Но все не так, как они учат нас. Потому что мир пуст, и я коснулся небес.

Голос понизился до испуганного шепота. Выговорив последние слова, старик вскрикнул в неожиданной агонии, сжимая виски. И рухнул на пол бесформенной грудой. С ужасом Кирк увидел на одном из висков пульсирующее пятнышко света. Затем сияние погасло.

Мак-Кой осмотрел это место на виске.

— Что-то под кожей. — Он откинул дерюгу, чтобы прощупать сердце. — Джим, он мертв.

Кирк посмотрел на тело.

— «Потому что мир пуст, и я коснулся небес». Что за эпитафия человеческой жизни!

Спок сказал:

— Он говорил, что запрещено ходить в горы.

— Конечно, запрещено, — кивнул Кирк. — Если ты идешь в горы, ты можешь обнаружить, что живешь на астероиде, а вовсе не в «мире». Могу поспорить, именно это — запретное знание. — Что случилось?

Это была Натира. Она вошла в комнату вместе с двумя женщинами, которые несли блюда с фруктами и вино. Увидев скрюченное тело, они сами съежились от страха. Но Натира встала на колени рядом с ним.

— Мы не знаем, что произошло, — сказал, адресуясь к ней, Кирк. — Он неожиданно закричал от боли — и умер.

Она склонила голову в молитве.

— Прости его, о Оракул, самый мудрый и совершенный. Он был старый человек — а старые люди часто бывают глупы. — Она поднялась на ноги. — Но записано, что те из народа, кто грешит или говорит злое, будут наказаны.

Жестокость в ее лице перешла в досаду. Она косну-

лась кнопки на стене. Вошедшим охранникам она бросила:

— Уберите его — аккуратно. Он служил хорошо и долго. — Затем обратилась к женщинам. — Поставьте пищу на стол и идите.

Когда дверь за ними закрылась, она подошла к Мак-Кою.

— Ты выглядишь нездоровым. Это беспокоит меня.

— Нет, — ответил он. — Со мной все в порядке.

— Желание Оракула — обращаться с вами как с почетными гостями. Я сама буду прислуживать вам.

Первый поднос, на котором она расположила фрукты и вино, был поднесен Мак-Кою. Когда она отошла, чтобы приготовить оставшиеся подносы, Кирк сказал:

— Тебя отличают, Боунс.

— В самом деле, доктор, — поддержал его Спок. — Эта леди проявляет к вам слабость с самого начала.

— Никто не может упрекнуть ее за это, — важно ответил Мак-Кой.

— Я лично, — заметил Кирк, — нахожу ее вкусы спорными.

Мак-Кой, прихлебывая вино, сказал:

— Мой шарм всегда был убийственным.

Однако Кирк заметил, что его глаза неотступно следили за женщиной, грациозно изогнувшейся у стола.

— Если он такой убийственный, — сказал он, — почему бы тебе не устроить небольшой вечер наедине с леди? Тогда Спок и я могли бы попробовать найти контрольный пункт.

Натира вернулась с двумя бокалами вина.

— Время для дорогих гостей подкрепиться.

Кирк поднял свой бокал.

— За наших добрых друзей из Йонады.

— Мы очень заинтересованы вашим миром, — произнес Спок.

— Приятно слышать это.

— Тогда, может быть, вы не будете возражать, если мы немного осмотримся, — попытал счастья Кирк.

— Вы будете в безопасности, — сказала она. — Народ теперь знает о вас.

Мак-Кой неловко закашлялся. Она быстро подошла к нему.

— Я думаю, ты еще недостаточно силен, чтобы пойти со своими друзьями.

— Да, наверно, — улыбнулся он.

— Тогда почему бы не остаться здесь? Отдохни, и мы поговорим.

Она была действительно красива.

— Охотно, — сказал Мак-Кой.

Она повернулась к Кирку.

— Но вы — ты и мистер Спок — вы можете ходить свободно и встречаться с нашим Народом.

— Спасибо, — сказал он. — Мы благодарны вам за заботу о докторе Мак-Кое.

— Не стоит, — она наклонила голову. — Мы приведем его к порядку. — Она проводила их до двери и поспешила обратно к Мак-Кою. Когда она села на кушетку рядом с ним, он спросил:

— Я любопытен. Как Оракул наказал того старика?

Темные ресницы опустились.

— Я... не могу рассказать тебе.

— Есть какой-то способ, который Оракул узнает, что ты говоришь, да?

— Что мы говорим... что мы думаем. Оракул знает умы и сердца всего Народа.

Лоб Мак-Коя прорезала морщина озабоченности. Тоже встревожившись, Натира протянула белую руку, пыталась разглядить ее.

— Я не думала, что тебе будет так плохо.

— Вероятно, мы должны были познакомиться с мощью Оракула.

— Мак-Кой, я должна кое-что сказать. С той секунды, что я увидела тебя... — она сделала глубокий вдох. — Не в привычках моего Народа скрывать свои чувства.

Мак-Кой сказал самому себе: «Осторожнее, парень». Вслух же он произнес:

— Честность — это, как правило, мудро.

— У тебя есть женщина? — спросила она.

Он почувствовал запах блестящих черных волос у своего плеча. Эта женщина была искренна и красива. Поэтому он сказал ей правду. «Нет», — сказал он.

Ресницы дрогнули — и он ощутил всю силу ее открытой женственности. Она взяла его лицо в свои ладони, глубоко заглянув ему в глаза.

— Я надеюсь, что вы, люди из космоса, из других миров, так же дорожите правдой, как и мы.

Быть осторожным становилось трудно.

— Это так, — сказал он.

— Я дорожу ею, — сказала она. — Так вот — я хочу, чтобы ты остался здесь, на Йонаде. Я хочу, чтобы ты был моим другом.

Мак-Кой взял одну из ее рук и поцеловал. Скаут из отряда «Орлов» в нем шепнул: «Брат, пора заливать этот костер». Но в нем был и человек, обреченный на смерть, человек, у которого остался один год жизни — один, но с новым, бурным стремлением, которое могло сделать этот год стоящим. Он повернул руку, чтобы поцеловать ладонь.

— Но мы не знаем друг друга, — сказал он.

— Разве это не в природе мужчин и женщин... что наслаждение в том, чтобы узнавать друг друга?

— Да.

— Тогда оставим эту мысль в наших сердцах. Мак-Кой, пока я расскажу тебе об Обете. Во исполнение времен Народ достигнет нового мира, богатого, зеленого, такого прекрасного для глаз, что наполнит их слезами радости. Ты можешь разделить эту радость со мной. Ты будешь его господином, потому что ты будешь моим господином.

— Когда вы достигнете этого нового мира?

— Скоро. Оракул говорит только: скоро.

Какая-то невинность в ней открыла его сердце. Невозможно, он слышал самого себя, и он рыдал.

— Натира, Натира, если б ты только знала, как я нуждался в будущем!

— Ты был одинок, — сказала она, подняла бокал и поднесла к его губам. — Оно позади, твое одиночество. Ты больше не будешь одинок.

Он допил и отставил бокал.

— Натира... я кое-что должен сказать тебе...

— Шшшш... не нужно ничего говорить.

— Нет, я должен.

Она убрала руку, которую положила на его губы.

— Тогда скажи, если в этом такая уж сильная необходимость.

— Я болен, — сказал он. — У меня болезнь, которую невозможно излечить. У меня только один год жизни, Натира.

Темные глаза не дрогнули.

— Год может стать целой жизнью, Мак-Кой.

— Это вся моя жизнь.

— Пока я не увидела тебя, в моем сердце была пустота. Оно просто поддерживало мою жизнь — и все. Сейчас оно поет. Я благодарна тебе за чувство, которое ты заставил его пережить, хотя бы оно продлилось один день — один месяц — один год — какое бы время ни отвел нам Создатель.

Он обнял ее.

Кирк и Спок ловили на себе любопытные взгляды, проходя по коридору корабля-астероида. Чем больше людей они встречали, тем яснее становилось, что те не имеют представления об истинной природе своего мира. Спок сказал:

— Кто бы ни построил этот корабль, он дал им религию, которая ограничила их любопытство.

— Судя по примеру того старика, любопытство здесь подавляется довольно прямолинейно, — заметил Кирк. Они достигли портала комнаты Оракула. Изображая небрежный интерес к резным колоннам, Спок внимательно осматривал их. — Да, — сказал он, — это письменность фабриниан. Я могу ее прочесть.

— Фабрина? — переспросил Кирк. — Это солнце Фабрины стало Сверхновой и разрушило свои планеты?

— Да, капитан. Ближе к концу они жили под землей, как эти люди.

— Возможно, некоторых из них посадили в этот корабль и отправили на другую планету.

Кирк посмотрел в оба конца коридора. Он был почти пуст.

— А это их потомки.

Теперь они были одни в пустом коридоре. Кирк безуспешно попробовал открыть двери в комнату Оракула. Спок нажал секретный механизм в одной из колонн. Внутри они распластались по стене. Дверь за ними закрылась. Ничего не произошло. Кирк тихим голосом сказал:

— Кажется, Оракул не знает, что мы здесь. Что предупредило его в первый раз?

Спок сделал несколько шагов к центральному выходу.

— Капитан, этот невоспитанный Оракул ожил, когда Натира преклонила колени на этой платформе.

Кирк взошел на платформу и осторожно обошел ее кругом. Опять ничего не произошло.

— Мистер Спок, продолжайте искать. Ключ к контролируемому центру должен быть где-то здесь.

Но внимание Спока привлекла настенная резьба.

— Еще письма, — сообщил он. — В них ничего, что могло бы навести на мысль, что это не планета. И также несомненно, что строители корабля должны считаться богами.

Кирк обнаружил каменный монолит, вставленный в нишу. В нем был вырезан узор солнца и планет. Спок присоединился к нему.

— Восемь планет, капитан. Восемь. Это было число солнечной системы Фабрины.

— Значит, нет сомнений, что этот Народ — потомки фабриниан?

— Абсолютно, сэр. И нет сомнений, что они были в полете на этом астероиде в течение 10000 лет.

В этот момент послышался звук открывающейся двери. Они быстро скользнули за монолит. Кирк осторожно выглянул из-за него и увидел Натиру, одну, идущую через комнату к платформе. Она преклонила колени. Как и до того, с алтаря разлился свет.

— Говори, — сказал Оракул.

— Это я, Натира.

— Говори.

— Написано, что только Высшая Жрица Народа может выбрать себе друга.

— Так написано.

— Для остального Народа выбор пары и рождение детей дозволены лишь по воле Создателя.

— По необходимости. Наш мир мал.

— Среди нас трое чужаков... среди них один зовется Мак-Кой. Я хочу, чтобы он остался с Народом — как мой друг.

Кирк беззвучно присвистнул. Боунс точно не терял времени даром. Спок приподнял бровь, взглянув на Кирка.

— Этот чужак согласен на это? — спросил Оракул.

— Я спросила его. Он еще не дал мне ответа.

— Он должен стать одним из Народа. Он должен

поклоняться Создателю и согласиться на установку инструмента послушания.

— Ему будет сказано, что должно сделать.

— Если он согласится на все, это дозволено. Научи его нашим законам, чтобы он не совершил ни святотатства, ни оскорбления Народа или Создателя.

— Будет, как ты говоришь, о мудрейший.

Натира поднялась, дважды поклонилась, отступила от алтаря и пошла к двери. Кирк, глядя на нее, забылся и рукавом провел по узору монолита. Комната заполнилась высоким дребезжащим воем. Натира круто развернулась у дверей. Вой сменился ослепительным белым светом. Он сфокусировался на Кирке и Споке. Они окаменели, не в силах пошевелиться.

Натира поспешила к алтарю.

— Кто те, кто проник сюда? — потребовал раскатистый голос.

— Двое чужаков.

— Мак-Кой один из них?

— Нет.

— Эти двое совершили святотатство. Ты знаешь, что должна делать.

— Я знаю.

В комнату вбежали охранники. Свет, сковывавший Кирка и Спока, погас, оставив после себя дрожь в теле. Натира указала на них.

— Взять их.

Когда их скрутили, она подошла к ним.

— Это было очень глупо. Вы злоупотребили нашим гостеприимством. И вы совершили более серьезный грех — грех, для которого существует только одно наказание — смерть!

Натира спокойно вытерпела взрыв ярости Мак-Коя. Когда он перестал ходить кругами по ее комнате, она сказала — уже в третий раз:

— Они вошли в комнату Оракула.

— Но почему наказание за это — смерть? — воскликнул он. — Они поступили так по незнанию.

— Они сказали, что пришли с дружбой. Они предали наше доверие. Другого решения я принять не могу.

Он повернулся, чтобы видеть ее лицо.

— Натира, ты должна позволить им вернуться на корабль!

— Я не могу.

— Ради меня, — сказал он и притянул ее с кушетки в свои объятия. — Я принял решение. Я остаюсь с тобой, здесь, на Йонаде.

Она прижалась к нему с радостью облегчения. Мак-Кой прошептал в ее ухо, оказавшееся рядом со своей щекой:

— То, что они сделали, они сделали потому, что считали это нужным. Ты не пожалеешь о том, что отпустила их. Я счастлив впервые в жизни. Как я могу быть счастливым, зная, что ты обрекла на смерть моих друзей.

Она подняла лицо для поцелуя.

— Пусть будет так. Я подарю тебе их жизни, чтобы показать, как я люблю тебя.

— Мое сердце поет, — сказал Мак-Кой. — Позволь мне сказать им. Им нужны их приборы связи, чтобы вернуться.

— Хорошо, Мак-Кой. Все будет, как ты скажешь.

Он оставил ее и вышел в коридор, где под охраной ждали Кирк и Спок. Он кивнул охранникам. Когда те исчезли в глубине коридора, он отдал Кирку коммуникаторы. Кирк передал один Споку.

— А где твой? — спросил он. — Ты ведь едешь с нами?

— Нет, — ответил Мак-Кой.

— Но это не планета, Боунс! Это корабль, который идет курсом на столкновение с Дараном-5.

— Джим, я вроде бы сам иду курсом на столкновение.

— Я приказываю вам вернуться на корабль, доктор Мак-Кой!

— А я отказываюсь! Я собираюсь остаться прямо здесь — на этом корабле. Натира попросила меня остаться. Так что я остаюсь.

— В качестве ее мужа?

— Да. Я люблю ее. — В его глазах стояли слезы. — Разве я слишком много прошу, Джим, — разрешить мне любить.

— Нет. — Кирк расправил плечи. — Но она знает... сколько вы будете вместе?

— Да. Я сказал ей.

— Боунс, если курс этого корабля не изменится, мы будем вынуждены взорвать его.

— Я найду способ — или... вы не уничтожите Йонаду и этих людей.

Кирк покачал головой.

— Это непохоже на тебя — неожиданно сбегать, сдаваться, не драться больше. Ты болен — и ты прячешься за женской юбкой.

Мак-Кой выбросил кулак, и от удара в подбородок Кирк закачался. Спок поддержал его. Мак-Кой кричал:

— Болен? Не дерусь больше? Давай, капитан, попробуй-ка снова!

Очень мрачно Спок заметил:

— Такое поведение очень нехарактерно для вас, доктор.

Кирк включил коммуникатор.

— Кирк вызывает «Энтерпрайз». Ответьте, «Энтерпрайз».

— Скотти слушает, капитан.

— Засеки наши сигналы. Немедленно поднимай меня и мистера Спока на борт.

— А как же доктор Мак-Кой?

Да, в самом деле, как же доктор Мак-Кой? Он посмотрел на своего друга.

— Он остается, мистер Скотти. Отбой.

Спок подошел к Кирку, открывая свой коммуникатор. Мак-Кой отступил. Они вспыхнули искрами — и исчезли. Мак-Кой яростно потер рукавом затуманенные слезами глаза.

Обычай требовал, чтобы он стоял перед Оракулом один.

Оракул говорил.

— Чтобы ты стал одним из людей Йонады, частью твоей плоти должен стать инструмент послушания. Ты даешь свое согласие?

Натира выступила вперед. Она потянулась через алтарь и открыла маленький ящик.

— Я даю свое согласие, — сказал Мак-Кой. Когда она достала из ящичка миниатюрный прибор, ее темные глаза встретились с его глазами, и в ее взгляде была чистая любовь.

— Скажи сейчас, Мак-Кой, — сказала она. — Потому что раз это сделано, то сделано.

— Пусть это будет сделано.

Она подошла к нему. Прижав устройство к его виску, она включила его. Послышалось шипение. В его голове раздалось гудение. Инстинктивно его рука поднялась к месту, где был прибор.

— Теперь ты един с моим Народом, — сказала она. — Преклони колена со мной.

Он взял ее за руку. Она произнесла:

— Здесь я отдаю тебе любовь, которую ты хотел, и обещаю украсить твою жизнь.

— Теперь мы один ум, — сказал он.

— Одно сердце.

— Одна жизнь.

— Мы вместе построим новый мир обетованный, о самый мудрый и совершенный. — Они поднялись. Она потянулась к нему, и он поцеловал ее.

Оракул произнес:

— Научи его тому, что он должен знать как один из Народа.

Натира поклонилась, послушно подвела Мак-Коя к монолиту и коснулась кнопки. Резкое изображение солнца и планет сдвинулось в сторону и открыло нишу, где лежала толстая книга.

— Это — книга Людей. Она должна быть открыта и прочитана, когда мы достигнем мира Обетования. Она была дана Создателем.

— Знают ли люди содержание этой книги?

— Только то, что в ней говорится о нашем мире и о том, почему нужно будет его покинуть ради нового.

— Был ли открыт смысл этого Нарodu?

— Нет! Не был.

Значит, они были правы, понял Мак-Кой. Обитатели Йонады не знали, что они живут в космическом корабле.

— Было ли это открыто тебе, Натира? Как Жрице Народа?

Она покачала головой.

— Я только знаю о новом мире, обещанном нам — он гораздо больше, чем этот, он свежий и щедрый, но в нем нет живых существ. Он ждет нас.

— Хочешь ли ты знать секреты Книги?

— Мне достаточно знать, что мы поймем все, когда прибудем в наш дом.

Она коснулась кнопки, и панель встала на место.

— Что говорит закон касательно этой Книги?

— Коснуться ее или показать ее неверующему — богохульство, наказуемое смертью.

На «Энтерпрайзе» Кирк первым делом отправил рапорт командованию Звездного флота. Его нужно было известить не только о болезни Мак-Коя, но и о неудачной попытке изменить курс корабля-астероида. Глава Оперативной службы, адмирал Вестервлит лично появился на экране в каюте Кирка, чтобы ответить на рапорт.

— Медицинский штаб отправил вам список космических врачей и их биографии, капитан. Среди них вы найдете замену доктору Мак-Коя.

Кирк обратился к лицу на экране.

— Да, адмирал. Однако приказ Флота продолжить нашу миссию создает некоторые трудности.

— Трудности? Возможно, я недостаточно ясно выразился, капитан. Вы освобождены от всякой ответственности за изменение курса корабля-астероида Йонады. Командование Флота берет ситуацию под контроль.

— Это и есть проблема, адмирал, — сказал Кирк.

— Проблема? Для кого?

— Для моей команды, сэр. О болезни доктора Мак-Коя стало известно всем. Его состояние вынудило нас оставить его на Йонаде. Уход из этого района до того, как будет гарантирована безопасность Йонады, может создать моральную проблему для экипажа. Она, конечно, чисто человеческого характера.

Вестервлит имел привычку атаковать свои усы, когда речь заходила о человеческих проблемах. Сейчас они выдерживали мощный натиск.

— Да, — сказал он. — Ну, капитан Кирк, я определенно симпатизирую вашему желанию оставаться поблизости от доктора Мак-Коя. Но основная миссия «Энтерпрайза» — галактическое исследование. Вы продолжите его.

— Да, адмирал, — ответил Кирк. — Однако, одна просьба. Если будет найдено средство от болезни доктора Мак-Коя, вы известите «Энтерпрайз»?

— Это не просьба, капитан. Между нами, это приказ, так ведь?

— Да, сэр. Благодарю вас, сэр.

Кирк, выключив экран, продолжал сидеть в кресле. Мак-Кой сделал свой выбор. Ничто не смогло изменить его. И кто мог сказать, что этот выбор неверен? Год жизни с любовью женщины против года без нее. Ему будет не хватать его. Интерком жаждал. Кирк привстал, чтобы стукнуть по кнопке.

— Кирк слушает.

— Капитан, вас просит доктор Мак-Кой, — доложила Ухура. — У него срочное сообщение.

— Давай его!

— Джим?

— Да, Боунс.

— Мы можем вернуть этих людей на верный курс!

Пульс Кирка участился.

— Ты обнаружил управление?

— Нет, но я видел кнопку блока, который содержит знание строителей Йонады. Если вы сможете до нее добраться, Спок сумеет выудить информацию.

— Где она?

Крик агонии вырвался из интеркома.

— Боунс! Что происходит? Боунс!

Молчание. Кирк лихорадочно попытался еще раз.

— Мак-Кой! Что это? Что с тобой сделали? Боунс, отвечай!

Но он и сам не знал, что произошло. Пытка, смерть...

Оракул взял жизнь Боунса в обмен на свое запретное откровение.

Желваки на скулах Кирка налились.

— Отсек телепортации, — вызвал Кирк по интеркому.

Они со Споком материализовались в комнате Натиры. Она держала голову Мак-Коя в своих руках. Но его лицо было искажено болью. Кирк увидел, как она старается приподнять ему голову. Она упала обратно на колени Натиры.

Она посмотрела на них. Без выражения, бесцветным голосом она сказала:

— Вы убили своего друга. Я отдам вас на смерть.

— Позволь мне помочь тебе, — попросил Кирк.

— Пока ты жив, он будет думать о тебе и не подчиняться. Пока ты жив, мой возлюбленный не может забыть тебя. Поэтому я увижу твою смерть.

Она сделала движение, чтобы встать, и Кирк схватил ее, прижав ладонь к ее рту.

— Спок, помоги Мак-Кою, — сказал он.

— Да, капитан. — Спок снял с плеча трикодер и вынул из него миниатюрный электронный прибор. Склонившись над Мак-Коем, он прижал прибор к тому месту, куда был введен «инструмент послушания». Вскоре инструмент был начисто извлечен. Спок протянул его Натире. Она смотрела на него, не веря своим глазам. Из ее горла вырвался стон, и, когда Кирк отпустил ее, она тихо опустилась на пол. Через несколько секунд она приподнялась и на четвереньках подползла к Мак-Кою. Она коснулась его виска.

— Мой любимый опять чужак. Мы больше не одна жизнь. — Ее сотрясли бурные рыдания. — Зачем вы сделали с нами это? Зачем?

— Он по-прежнему твой, — мягко сказал Кирк.

Слезы душили ее.

— Это... запрещено. Он не принадлежит нам... теперь. Вы освободили его... от клятвы послушания.

— Мы освободили его от жестокости вашего Оракула, — возразил Кирк.

Она закрыла глаза, ничего не слыша.

Тело ее сотрясали рыдания. Из-за ее виска Кирк увидел, как открылись глаза Мак-Коя. Он тут же оказался рядом, склонился над доктором.

— Ты говорил о какой-то кнопке, — напомнил он, — где это, Боунс?

Натиря с воплем вскочила на ноги.

— Вы не должны! Вы не должны знать этого!

Мак-Кой смотрел вверх, в глаза Кирка:

— Комната Оракула, — прошептал он.

— Вам никогда не увидеть Книгу! — закричала Натиря. — Это богохульство! — Она побежала к двери с криком: «Охрана»!

Кирк схватил ее и снова закрыл ей рот ладонью.

— Слушай меня, Натиря!

Она вырвалась было, но Кирк снова схватил ее.

— Слушай меня! Если ты не поймешь, что я тебе скажу, можешь позвать охрану. И мы примем любое

наказание, которое предписано. Но сейчас выслушай меня!

Она медленно подняла влажные ресницы.

— Что ты хочешь сказать?

— Я скажу тебе правду, Натира, правду о вашем мире Йонады, и ты поверишь в то, что это правда, как верит ребенок. Много лет назад, 10000 лет назад, умерло одно Солнце, и миры этого Солнца начали умирать вместе с ним. Они были теми самыми восемью, которые ты видела высеченными на камне в комнате Оракула.

— Йонада — один из этих миров, — сказала она.

— Нет. Им был мир твоих предков — твоих Создателей. — Он остановился, чтобы дать ей время воспринять. Потом мягко кивнул:

— Его больше нет, Натира.

— Ты безумец, — прошептала она. — Безумец.

— Слушай меня, Натира! Твои предки знали, что их мир погибает. Они хотели, чтобы их раса выжила. Поэтому они построили огромный корабль. На него они посадили лучших людей и послали их в космос.

— Ты хочешь, чтобы я поверила, что Йонада — корабль?

— Да, — сказал Кирк.

— Но у нас есть солнце! Оно не умерло. И по ночам я вижу звезды.

— Нет. Ты никогда не видела солнца. Ты никогда не видела звезд. Вы живете внутри полого шара. Ваши праотцы построили его, чтобы защитить вас — чтобы отправить вас в великое путешествие к новому безопасному миру Обетования.

Он видел по ее лицу, как в ней растут новые мысли, прежние догадки дополняют друг друга и сливаются в новую картину. Но это был болезненный процесс. И все же это произошло. Она медленно спросила:

— Это правда — зачем вы принесли ее на Йонаду?

— Мы должны были. Ваш корабль хорошо служил, но его механизмы устали. Их нужно отрегулировать. Если этого не сделать, Йонада разобьет и погубит другой большой мир, о котором не знает ничего.

Доверие вливалось в нее. Но она оттолкнула его, объятая страхом несказанного предательства.

— Нет! Ты солгал! Я верю Оракулу! Я должна верить!

Кирк сказал:

— Дай нам извлечь твой инструмент послушания.
Дай нам сделать это ради истины.

Она исчезла в дверях. Кирк повернулся к Споку.

— Как ты думаешь, она поняла?

Но Спок был уже около открытой двери. Кирк увидел, как он вежливо кивнул проходившему мимо охраннику и спокойно закрыл дверь.

— Она не послала охранников за нами, капитан.
Думаю, что она поняла многое.

Позади них Мак-Кой с трудом поднялся на ноги. И оттолкнул их.

— Натира! Я должен идти к ней, в комнату Оракула.

Она стояла на коленях у алтаря, с глазами, закрытыми в преданной сосредоточенности.

Громовой голос говорил:

— Ты слушала речи неверных.

— Я слушала.

— Ты чувствовала боль предупреждения.

— Я чувствовала боль предупреждения.

— Почему ты продолжала слушать?

— Они говорили, что говорят правду.

— Их правда — не твоя правда.

Она открыла глаза.

— Разве правда — не всегда правда?

— Для тебя есть только одна правда. Отбрось непослушание.

— Я должна знать истину о мире!

Кирк вломился в комнату Оракула на звук ее крика. Он поднял Натиру с возвышения, но Мак-Кой, дотянувшись, взял ее в свои руки, крепко прижав к себе. Ее тело одеревенело в спазме боли. Когда один приступ прошел, она подняла руку, чтобы погладить его по щеке.

— Твои друзья сказали мне... многое.

— Они говорили правду, — сказал Мак-Кой.

— Я верю тебе. Я верю...

Агония снова скрутила ее. Она храбро подавила ее.

— Я верю тебе, муж мой. Нас держали в темноте.

Мак-Кой протянул руку к Споку. Маленький прибор произвел еще одну операцию. Мак-Кой поднес к ее глазам то, что было ее «инструментом послушания».

Горечь огромной потери легла тенью на ее темные глаза, и она потеряла сознание.

— С ней все в порядке? — спросил Кирк.

— С ней будет все в порядке. Я останусь с ней.

Кирк позвал:

— Мистер Спок, — фабринианский тайник.

Они подошли к монолиту, и тут раздался гневный голос Оракула.

— Вы осквернили храм!

Кирк повернулся на звук голоса:

— Мы сделали это ради спасения народа Йонады.

— Вам запрещается смотреть в Книгу!

— Мы должны посоветоваться с ней, чтобы спасти людей.

— Наказание — смерть.

Кирк посмотрел на Мак-Коя:

— Боунс?

— Нажмите боковую секцию.

Их обдало жаром. Стены вокруг них вдруг раскались докрасна. Когда Кирк нажимал панель, его легкие обжигал горячий воздух. Но панель сдвинулась. Он взял Книгу и передал Споку.

— В ней должен содержаться план. Есть оглавление?

— Да, капитан. Вот эта страница.

Рисунок на пожелтевшей странице изображал то же стилизованное Солнце, те же восемь планет, что и орнамент на алтаре. Стрелки указывали на три планеты из восьми. Спок перевел фабринианскую надпись сверху страницы:

— «Нажать одновременно на обозначенные планеты».

Стены раскалялись все сильнее и сильнее. Спок отложил книгу, и они подбежали к пластине на алтаре. Когда Кирк нажал, что следовало, алтарь сдвинулся в сторону. Спок нырнул в открывшееся отверстие. Перед тем как последовать за ним, Кирк повернулся к Мак-Кою и Натире.

— Пошли из этого пекла.

Спок нашел короткий проход. Когда он подошел к его глухому концу, стена поднялась. Сразу же послышался шум электрических генераторов. Свет сиял на усыпанном кнопками пульте. Спок секунду рассматривал его. Потом нажал одну из кнопок. Свет погас.

— Я отключил нагревательные элементы! — крикнул он через плечо остальным.

Жар в комнате Оракула постепенно уменьшался. Кирк и Мак-Кой усадили Натиру у алтаря.

— С тобой все будет хорошо, — приговаривал Мак-Кой, — Оракул больше не сможет наказывать.

Она положила свою голову ему на плечо. Глядя на него снизу вверх, она сказала:

— Твои друзья положили конец наказанию?

Он кивнул.

— А они... направят этот корабль к месту Обетования?

— Да, — ответил он. — Они обещали. Сейчас я должен помочь им. Пойдем со мной.

— Нет, — сказала она.

— Уже нечего бояться, Натира. Пойдем, нам нужно спешить, чтобы присоединиться к ним.

— Нет. Я не могу пойти с тобой, — она помолчала. — Меня держит не страх. Теперь я поняла великую цель наших предков. Я должна уважать ее, Мак-Кой.

Он с недоверием смотрел на нее:

— Ты хочешь... остаться здесь, на Йонаде?

— Я должна завершить наше великое путешествие вместе с моим Народом.

— Натира, верь мне! Оракул нам не повредит!

— Я остаюсь, потому что должна остаться.

— Я не покину тебя, — сказал Мак-Кой.

— Мак-Кой останется здесь, чтобы умереть?

Вопрос потряс его и погрузил в молчание. Он стал рядом с ней на колени.

— Натира, ты дала мне желание жизни. Но одного желания недостаточно. Я должен обыскать всю Вселенную, чтобы вылечить себя — и всех таких же, как я. Я хочу, чтобы ты была со мной... со мной...

— Это мой мир, — сказала она. — Ты пришел сюда, чтобы спасти нас. А я должна отказаться от них?

— Я люблю тебя, — сказал Мак-Кой.

Она поцеловала его.

— Если будет дозволено, может, однажды и ты увидишь землю нашего Обетования...

Это было прощание. И он знал это. Он слепо потянулся к ней в тумане слез, застилавшем глаза.

В пункте управления корабля-астероида Спок обнаружил повреждение в одном из аппаратов главной панели управления.

— Этого достаточно, чтобы увести с правильного курса?

— Да, капитан. Нужно взглянуть на двигатель.

Кирк, осматривая контрольные панели, вспомнил о таких же на «Энтерпрайзе».

— Очень простая неисправность, — крикнул Спок из холодного отсека. — Ее будет сравнительно легко устранить.

Он вернулся, держа одну руку на отлете.

— Думаю, сейчас мы можем попробовать скорректировать курс, сэр.

— Что было не в порядке?

— Создавая замкнутую природную среду для людей на этом корабле, его создатели не забыли и о насекомых. Контрольный разрядник был блокирован осиным гнездом.

— Вы шутите, мистер Спок?

Спок показал указательный палец, красный и раздувшийся вдвое.

— Я разрушил гнездо — и был укушен.

Он сел, снова вглядываясь в контрольную панель.

— Система навигации отключена, сэр. Думаю, мы сможем включить автоштурман.

— Корабль идет стабильным курсом, — сказал Кирк.

Они отключили ручное управление и направились назад в комнату Оракула, когда взгляд Спoka остановился на консоли с экранами сложной конфигурации.

— Информационные файлы, — определил он. — Они заполнены всем знанием Фабрины. Думаю, их заготовили для этих людей, когда они достигнут своей цели.

Он дал Кирку возможность рассмотреть консоль поближе.

— Знание строителей этого корабля может быть весьма ценным, хотя ему и 10000 лет.

Мак-Кой заговорил у них за спиной.

— Джентльмены, мы готовы к возвращению на «Энтерпрайз»?

Кирк посмотрел на него. Лучше ничего не спрашивать. Он открыл свой коммуникатор.

— Кирк вызывает «Энтерпрайз». Группа высадки готова к возвращению на борт.

На экране в лазарете были группы химических формул на языке фабриниан. Кирк и Спок, глядя, как Кристин Чапел готовит инъекцию, видели, как трясутся ее руки. Она это тоже заметила. Чтобы умерить свое волнение, она посмотрела на индикаторы в головах койки Мак-Коя. Ровное мигание огоньков успокоило ее. Она набрала в инъектор зеленую жидкость.

— Что, опять? — поморщился Мак-Кой, когда она подошла к нему. Он скривился, когда она поднесла инъектор к его предплечью. А на панели индикаторов появились заметные изменения.

— Превосходно, доктор, — сказала Кристин. — Вы действительно можете позаботиться о себе. Количество белых телец приходит в норму!

Она помогла ему приподняться, чтобы взглянуть на приборы. Он все еще выглядел слабым.

— Скажите, доктор, — поинтересовался Кирк. — Почему лекарства зачастую более неприятны, чем сама болезнь?

— Джим, это больное место любого медика.

— Доктор Мак-Кой, — сказал Спок с наигранным сожалением, — кажется, фабринианское средство для грануляции гемоглобина серьезно повредило вашей способности находить остроумные ответы.

Сестра Чапел снова наполнила инъектор.

— Это последний, доктор.

Спок, глядя на контрольную панель, сиял от радости.

— Ваш гемоглобин пришел в норму, доктор. Так что поток кислорода, текущего к вашим клеткам, снова на нужном энергетическом уровне.

Мак-Кой заговорил:

— Спок, этим я обязан вам. Если бы вы не прихватили это фабринианское знание...

— Мои способности переводчика — из самых незначительных, скромно отозвался Спок. — Если бы вы оценили мои основные достоинства...

— Интересно, существует ли фабринианское средство от заносчивости? — вслух прикинул Мак-Кой.

Кирк вмешался.

— Боунс, фабринианские строители корабля запланировали его прибытие на землю обетованную точно через 14 месяцев и 7 дней.

Ухмылка сошла с лица Мак-Коя. Он посмотрел на Кирка.

— Да, — сказал Кирк, — думаю, ты захочешь лично поблагодарить потомков фабриниан. Так что я устроил наше пребывание вблизи их новой планеты в момент их прибытия. Ты захочешь оказаться там, чтобы сказать «Добро пожаловать», правда?

— Спасибо, Джим, — сказал Мак-Кой. — Большое спасибо.

Фрэнк ХЕРБЕРТ

ЗВЕЗДА ПОД БИЧОМ

Фантастический роман

Перевод с английского

«ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ВСЕХ ЖИТЕЛЕЙ ГАЛАКТИКИ!»

Настало время, когда космические путешествия стали практически лишними, поскольку так называемые «прыжковые двери» — каналы нуль-пространства и нуль-времени — гарантировали достижение любой точки Галактики.

Создатели и хозяева этих прыжковых дверей — калеканы, таинственные существа, постепенно исчезали из Галактики, пока не остался один-единственный калекан. В разгар этой эпидемии исчезновений агент галактического контрольного бюро сделал поразительное открытие: когда исчезнет последний из калеканов, умрут и все те, кто хоть раз пользовался прыжковой дверью. А в Галактике едва ли нашлось бы хоть одно разумное существо, будь то человек, гуманоид или негуманоид, не воспользовавшееся прыжковой дверью...

Его звали Фурунео. Алихино Фурунео. Он ехал в город, чтобы сделать вызов. Кстати, этот вызов был тесно связан с его «Я». Ему было шестьдесят семь лет, и он мог вспомнить множество случаев, когда люди теряли свою индивидуальность в трансе межзвездной связи. Неприятнее всего в предстоящем сеансе были не расходы, не ощущение зуда в нервах, а манера обращения с клиентами связного-тапризиота. Это было небезопасно, однако именно такую цену приходилось платить за возможность связи. Но Фурунео знал, что предстоящий разговор с представителем саботажников Джоем Кс. Мак-Кеем он не мог доверить никому. Было восемь часов утра по местному времени планеты Сердечность системы Сфих.

— Боюсь, это будет очень затруднительно, — пробормотал он.

Двое охранников, которые сидели в экипаже вместе с ним, ни разу даже не кивнули ему: они знали, что не получают ответа.

Со снежных склонов гор в сторону моря все еще дул

холодный ветер. Они ехали из горной крепости Фурунео к городу на обычном автомобиле, не пытаясь скрыть свою связь с Бюро Саботажа. С другой стороны, они старались не привлекать к себе внимания. Многим разумным существам хотелось бы обнаружить это Бюро.

Фурунео остановил автомобиль на границе пешеходного центра города, и они пошли по улице, как обычные горожане. Десятью минутами позже они вошли в здание. Это была станция связи тапризиотов, одна из почти двух десятков, рассеянных по Галактике — довольно большая честь для такой захолустной планетки, как Сердечность.

Приемный зал был около пятнадцати метров в ширину и тридцати пяти в длину. Желто-коричневые стены были испещрены углублениями, словно они некогда были мягкими и в это время кто-то бросал в них маленьким твердым мячиком. Вдоль правой стены тянулось подобие прилавка — или выступа из стены — а над ним висела фасетчатая лампа, которая, медленно вращаясь, бросала сетчатые блики и блуждающие тени на тапризиота, стоявшего неподалеку.

Тапризиот напоминал отпиленный кусок обугленной елки. Его конечности, похожие на обрубки веток, торчали во все стороны, а их иглообразные придатки находились в постоянном движении, как будто порхали. Сам же он ничего сказать не мог. Его скользящие ножки нервно барабанили по поверхности прилавка.

Фурунео спросил его уже в третий раз:

— Вы связной?

Никакого ответа.

Таковыми уж были тапризиоты. И не было смысла сердиться на них. Но Фурунео все сильнее охватывала досада. Проклятый обрубок!

Один из охранников позади Фурунео откашлялся.

«Что за дурацкая задержка», — подумал Фурунео.

С тех пор, как они получали информацию о действиях Эбнис, все Бюро находилось в состоянии нервного возбуждения. Может быть, вызов сможет пролить свет на все эти непонятные события; это мог быть самый важный вызов из всех, когда-либо делавшихся ранее.

Солнце, низко висевшее над горизонтом, посылало сквозь висевшую в дверном проеме штору веер оранжевых лучей.

— Нам кажется, что придется ждать довольно долго, — пробормотал один из охранников. — Если бы можно было хотя бы сесть.

Фурунео коротко кивнул. За свои шестьдесят семь лет он научился терпению, особенно, поднимаясь по ступенькам служебной лестницы к теперешнему положению планетного агента Бюро. Здесь оставалось только терпеливо ждать, пока тапризиот не изволит принять к сведению его присутствие. Не было никакой другой возможности воспользоваться услугами, в которых он так нуждался. Без тапризиота-связного невозможно было вести переговоры друг с другом через межзвездные расстояния.

Странно, но множество разумных существ использовало эту способность тапризиотов, не понимая ее. Существовало множество теорий относительно этой связи, и одна из них могла быть правильной. Может быть, тапризиоты пользовались чем-то вроде родственных связей пан спехи — но этого тоже никто не понимал.

Фурунео считал, что тапризиоты изменяли пространство, создавали нечто вроде прыжковых дверей калеканов и передавали сообщения через другие измерения континуума пространства-времени. Если только это действительно было использованием принципа прыжковых дверей калеканов. Большинство специалистов отвергали эту теорию на том основании, что для этого было необходимо такое количество энергии, сколько давала ее средней величины звезда.

Но что бы тапризиоты ни делали для установления двухсторонней связи, было ясно, что это связано с гипотизом у человека или его аналогом у других форм жизни.

Тапризиот на прилавке неторопливо задвигался взад и вперед.

— Может быть, начнем? — спросил Фурунео.

Он подавил охватившее его неприятное чувство и с окаменевшим лицом ждал, пока коммуникационные иглы тапризиота не зашевелились быстрее, издавая тихие шелестящие и шуршащие звуки.

— С ним что-то не в порядке? — спросил охранник.

— Откуда мне знать? — проворчал Фурунео. Он взглянул на тапризиота, сделал нечто вроде поклона и снова спросил:

— Вы связной?

Шорох усилился, и внезапно тапризиот сказал:

— Я сомневаюсь в вашей искренности.

— С каких это пор нужно доказывать тапризиоту свою искренность, если нужно воспользоваться дальней связью? — сказал другой охранник. — Мне казалось, что достаточно...

— Никто вас не спрашивает, — прервал его Фурунео. — Любое зондирование нашего мозга тапризиотом может оказаться приветствием. Ты не знал этого, идиот?

Фурунео, оставив своих спутников стоять, приблизился к прилавку.

— Я хочу вызвать уполномоченного саботажников Джоя Кс. Мак-Кея, — сказал он. — Ваш автоматический привратник идентифицировал меня и установил номер моего кредита. Вы связной?

— Данные, место и время, — сказал тапризиот.

Фурунео вздохнул и расслабился. Он бросил взгляд на охранников, приказал им занять позиции у двух входов и подождал, пока они не выполнили приказание. Никто не должен ничего услышать. Он назвал тапризиоту необходимые координаты и добавил:

— К сожалению, я не знаю, где находится Джой Мак-Кей. Но я знаю, что мне необходимо лично переговорить с ним. Это важный вызов. Вы связной?

— Сядьте на пол, — сказал тапризиот.

— Благодарю вас, бессмертный, — пробормотал Фурунео. Один раз ему пришлось быть на связи, когда тапризиот-связной вывел его на склон горы под пронизывающий ветер и секущий дождь и велел опустить голову и набросать сверху мокрой земли, прежде чем установить связь. Зачем это было нужно, он не знал и по сей день. Он сообщил об этом случае в Центральное Бюро, потому что там были люди, которые решали такие задачи за один день; но тот вызов обошелся ему в более чем недельное пребывание в госпитале с воспалением верхних дыхательных путей.

Фурунео сел. Проклятье! Пол был ледяным!

У Фурунео была статная фигура двухметровой высоты без обуви, и весил он восемьдесят четыре килограмма. Годы пронизали его черные волосы сединой и проредили их. У него был толстый нос, чему он не слишком радовался, и широкий тонкогубый рот. Садился он осторожно, оберегая ногу. Один из угрюмых горо-

жан устроил ему сложный перелом коленной чашечки, и результаты повреждения опровергли мнение всех врачей, уверявших его, что после лечения он вообще не будет ощущать никаких последствий.

— Закройте глаза, — сказал ему тапризиот.

Фурунео подчинился и попытался поудобнее устроиться на холодном, твердом полу.

— Думайте о человеке, с которым вы хотите установить контакт, — приказал тапризиот.

Фурунео думал о Джое Кс. Мак-Кее, стараясь точно воссоздать в воображении внешность этого человека: плотную маленькую фигуру, живые серые глаза, огненно-рыжие волосы, лицо с гримасой недовольной лягушки.

Контакт начался с неясных ощущений, медленно возникающих в сознании. У Фурунео было такое чувство, словно он оставил свое тело и теперь парит над чужим ландшафтом. Небо было бесконечным кругом над медленно вращающимся горизонтом. Он чувствовал уединенность окружающих планету звезд.

— Сто тысяч чертей!

Мысли буквально ударили в лицо Фурунео. Не было никакой возможности уклониться от них. Он тотчас же понял, что связь установлена. Вызываемые, казалось, часто были недовольны вызовами. Они не могли уклониться или помешать ему, но зато могли выразить вызывающему свое недовольство.

В этот момент Мак-Кей полностью завладел его вниманием. Дальняя связь словно опалила его гипофиз; не было никакой возможности этого избежать.

Фурунео ждал, когда закончатся проклятия, которые изливались на него непрерывным потоком. Когда этот поток иссяк, Фурунео назвал свое имя и сказал:

— Я сожалею о неудобствах, которые я, может быть, доставил вам, но вы знаете, что я не вызвал бы вас, если бы это не было так важно.

— Во имя всех чертей, откуда мне знать, действительно ли ваш вызов был так важен? — возмущенно ответил Мак-Кей. — Перестаньте ходить вокруг да около и переходите к делу!

Обладая холерическим характером, Мак-Кей был вне себя от раздражения. Фурунео предупредительно спросил его:

— Я вас оторвал от чего-то очень важного?

— Я стою будто перед судом и не могу уклониться, — огорченно сказал Мак-Кей. — Вы не можете себе представить, какие шутки играют с людьми, прежде чем они впадают в транс и болтают тут со мной. Переходите к делу!

— Вчера вечером на планете Сердечность был выброшен на берег шар калекана, — торопливо сказал Фурунео. — Принимая во внимание все случаи смертей и сумасшествий, а также потому, что Бюро объявило всеобщую готовность, я подумал, что должен поставить вас в известность. Этот случай не имеет отношения к сфере ваших интересов?

Может быть, Мак-Кей морочит ему голову? В обязанности агентов Бюро Саботажа входило заботиться о том, чтобы в правительственных кругах время от времени возникала путаница и суматоха, что компрометировало колеблющихся и излишне темпераментных политиков. Оказывать на них психическое давление и заставлять терять самообладание было необходимо, но почему эту обязанность возлагали на его коллег, таких же агентов, как и он, Фурунео? Перерыв в переговорах едва ли мог быть основанием для такого поведения. Если он послушается Мак-Кея, тогда этот маленький хитрый агентишка будет женат уже в третий раз, а то и больше.

— Вы все еще интересуетесь этими шарами? — спросил Фурунео, словно предъявляя ультиматум.

— Это относится к калекану?

— Вероятно.

— Вы его не исследовали? — судя по тону Мак-Кея, он считал Фурунео выдающимся тупицей.

— Я действую в соответствии с указаниями, — натянуто сказал Фурунео.

— Указаниями? — с издевкой ответил Мак-Кей.

— Вы хотите разозлить меня, не так ли? — спросил Фурунео.

— Я явлюсь к вам так быстро, как только смогу, — сказал Мак-Кей, внезапно становясь деловым. — Я должен быть у вас не позже, чем через восемь стандартных часов. Между прочим, вам приказано не спускать глаз с этого шара.

— Все в порядке, — сказал Фурунео.

— Если калекан явится к вам, арестуйте его тут же, со всеми потрохами.

— Арестовать калебана?

— Запутайте его разговором. Выпросите у него какую-нибудь совместную работу, — сказал Мак-Кей. По его лицу было видно, какой нелепостью ему показалось, что агент Бюро задает вопросы вместо того, чтобы блокировать любую проявляющуюся активность.

— Ну хорошо, — сказал Фурунео. — Я жду вас здесь в течение ближайших восьми часов.

Мак-Кей, который во время этого разговора находился на планете Морских Труб, имел в своем распоряжении еще час, чтобы закончить все дела; потом он повернул свой дом-лодку и причалил к одному из плавающих цветочных островов. «Последний брак был напрасным», — подумал он. За все это время он очень мало узнал и Млисс Эбнис, хотя она несколько раз безуспешно пыталась связаться с ним. Но это было на другом плане.

С ним была его тридцать четвертая женщина. Она была светлокожей, как и большинство ее предшественниц. Для нее это тоже был не первый брак, но она неизвестно почему обвиняла его. «Ничего странного», — думал Мак-Кей. Он никогда не старался выказывать чувства, которых не испытывал.

Мак-Кей уложил белье и одежду в походный чемоданчик и проверил содержимое своего «джентльменского набора»: возбуждающее, пакетик со взрывчаткой, мини-детекторы, энергоизлучатель, микрокомпьютер, камера для голографических съемок и другие мелочи. Все в порядке. Чехольчик с этим набором был похож на обычный бумажник, только немного потолще и подлиннее. Он засунул его в специальный внутренний карман своего невзрачного пиджачка, вздохнул и вынул ключ от прыжковых дверей из кармана брюк. Этот прыжок будет стоить Бюро громадную сумму. Сердечность находилась на другом краю Галактики.

Прыжковые двери, казалось, работали безукоризненно, но Мак-Кея беспокоило, что, совершая этот прыжок, он должен отдать себя во власть калебана. Неприятная ситуация. Прыжковые двери были так обычны, что большинство разумных существ не обращало на них внимания. До сих пор, когда Бюро объявляло своим агентам боевую готовность, у Мак-Кея еще никогда не появлялось такого чувства. Он удивлялся сам себе. Чудеса калебанов были знакомы Объединению Разумных

вот уже в течение девятнадцати лет, и за это время связь с Объединением Разумных установило уже восемьдесят три каледана: сначала один из них предоставил в распоряжение Объединения свою прыжковую дверь, потом остальные восемьдесят два.

Мак-Кей подбросил ключ в воздух и снова поймал.

Почему каледаны подарили им прыжковые двери, которые они называли «Зейе-центром»? Что скрывалось за этим?

«Пора отправляться», — подумал Мак-Кей. Однако он медлил.

Восемьдесят три каледана. Приказ о боевой тревоге всегда имел уважительную причину. Каледаны постепенно исчезали — если этот процесс можно назвать исчезновением. Исчезновение каждого отдельного каледана сопровождалось гибелью или сумасшествием по крайней мере одного разумного существа, входившего в Объединение Разумных.

Нечего и спрашивать, почему эту проблему свалили на Бюро Саботажа вместо того, чтобы потребовать объяснения от Управления Полиции. Правительство не знало, где может быть Бюро. Влиятельные люди надеялись, что оно будет дискредитировано. У Мак-Кея, кроме того, были еще заботы, связанные со скрытыми возможностями его памяти. Почему Бюро поручило распутать это дело именно ему?

«Кто ненавидит меня?» — печально думал он, подходя к прыжковой двери со своим ключом. Его ненавидели многие люди. Миллионы людей.

Прыжковая дверь загудела от наполнившей ее чудовищной энергии. Открылось отверстие в туманную трубу. Мак-Кей напряг тело, подготовившись к сопротивлению сиропообразной среды, и пошел через трубу. Это было словно парение в вязком, клейком, текучем сиропе.

Затем он снова очутился в самом обычном помещении. За окном простирался холмистый пейзаж, а вдали под низкими серыми облаками виднелись крыши города. Хронометр, вживленный в мозг Мак-Кея, подсказывал, что было уже далеко за полдень, восемнадцать часов двадцатисте шестичасового дня. Это была планета Сердечность, мир, удаленный от покрытой океаном планеты Морских Труб на восемьдесят тысяч световых лет.

Туманная труба прыжковой двери закрылась с тре-

ском, напоминающим электрический разряд. В воздухе слегка запахло озоном.

Мак-Кей заметил, что кресла-роботы Фурунео достаточно услужливы, чтобы предоставить все удобства. Одно из них тыкалось в его коленки до тех пор, пока он, проверив свои карманы, не опустился в него. Кресло-робот занялось массажем. Очевидно, оно было запрограммировано встречать так любого посетителя. Мак-Кей прислушался. В одном из коридоров послышались приближающиеся шаги. Они смолкли, потом послышались снова. Где-то в коридоре завязался разговор, и Мак-Кей смог расслышать пару слов на галалингве — галактическом торговом языке; кроме того, он услышал разговор на нескольких языках по крайней мере еще пяти существ.

Он беспокоило завертелся, что заставило его кресло-робот успокоить его укачивающими движениями. Переносить вынужденную бездеятельность было тяжело. Где Фурунео? Может быть, он принимал участие в разговоре, который доносился через тонкую перегородку? Вероятно, у этого человека, как у агента Бюро Саботажа, было много обязанностей на планете. И Мак-Кей не знал, насколько важны эти проблемы. Планета относилась к тем мирам, которые Бюро защищало довольно слабо. А Бюро никогда не приходилось сожалеть о недостатках в своей работе.

Мак-Кей задумался о своей роли в Бюро Саботажа. Несколько столетий назад правительство получило власть над прогрессивной партией Объединения Разумных Наций, толпой добродушных, научно ориентированных технократов, которые усматривали счастье миров в эффективной организации всех органов управления. Затратив огромные средства на организацию и постройку огромных кибернетических машин со всевозможными функциями, они устранили всю волокиту и перебои в системе организации правительства. Мощная машина с подавляющей властью над всей мыслящей жизнью постепенно набирала обороты и работала все быстрее и быстрее. Законы вырабатывались и тотчас же отменялись. Поток программ и проектов нарастал с захватывающей дух скоростью. Новые Бюро и Ведомства рождались и тотчас начинали работать на полную мощность.

Весь управленческий аппарат превратился в гигант-

ское колесо, которое вращалось с такой безумной скоростью, что никакое живое существо не могло представить себе даже приблизительно всю эту механику. Несовершенное восприятие любого разумного существа не могло состязаться с логическим совершенством автоматизированной системы. Но в конце концов совершенство обернулось хаосом.

В этой ситуации горстка сомневающихся образовала Корпус Саботажа, чтобы замедлить бешеное вращение колеса. После долгих усилий, кровавых жертв, старомодных битв с механизмами и других действий механизм удалось остановить. Со временем из отдельных корпусов и бюро выросла разветвленная организация, которая боролась с проявлениями чванства, зазнайства и предательства. Сегодня Бюро предпочитало хитроумные диверсии, однако в случае необходимости применялась и сила.

Дверь открылась. Кресло-робот Мак-Кей перестал его укачивать. Вошел Фурунео, откидывая левой рукой пряди серых волос с уха. Его широкий рот был плотно сжат, угрюмо-обиженное выражение лица маскировалось вынужденно вежливой кислой улыбкой.

— Извините, — сказал он, опускаясь в одно из кресел-роботов. — Я не ждал вас так скоро.

— Это помещение безопасно? — недоверчиво спросил Мак-Кей. Он взглянул на стену, в которой находилось отверстие прыжковой двери. Она была закрыта.

— Я закрыл дверь в трубу, — сказал Фурунео. — Помещение безопасно, насколько это вообще возможно. — Он выжидающе наблюдал за Мак-Кеем.

— Шар все еще там? — спросил Мак-Кей.

— Мои люди получили приказ сейчас же известить меня, если он сделает какое-либо движение, — ответил Фурунео. — Он, как мне сообщили, выброшен на берег и лежит на скалах. Пока что он неподвижен.

— Его положили там специально?

— Во всяком случае, выглядит он именно так.

— На нем нет никаких знаков или чего-нибудь еще?

— Мы ничего не обнаружили. Шар выглядит несколько потрепанным и изношенным.

— Гмм, — Мак-Кей немного помолчал, потом сказал: — Вы, наверное, уже слышали о Млисс Эбнис?

— Кто же не знает этого имени?

— Она недавно истратила несколько миллионов, чтобы нанять калебана.

— Я не знал, что это возможно, — сказал Фурунео, покачивая головой.

— Никто не знал.

— Я читал приказ действовать по боевой тревоге, но там ничего не говорится о связи Эбнис с этим случаем.

— У нее был маленький психический шок в связи с использованием бича, вы об этом знаете?

— Я знаю, что взамен она лечила его, — ответил Фурунео.

— Да, но это не устраняет проблемы. Известно только, что она не выносит вида мучений разумных существ.

— И что же?

— Разгадка, конечно, в том, зачем решили использовать калебана.

— Как жертву?! — испуганно воскликнул Фурунео.

Мак-Кей видел, что его начинают понимать. Кто-то как-то сказал, что проблема калебанов заключается в том, что никому не известен их образ поведения. Это, конечно, было правильно, только Мак-Кей чувствовал, что это еще не вся истина. Легко можно представить себе существо, присутствие которого бесспорно, а при попытке влезть к нему в душу только беспомощно блуждаешь в темноте — вот что такое калебан.

«Они — закрытые окна в вечность», — сказал поэт Мазарард. В первое время после внезапного появления калебанов Мак-Кей был в курсе всех сведений о них, прослушал о них все лекции. Теперь он вспоминал эти лекции, стараясь отогнать гнетущее чувство, что там найдутся сведения, могущие иметь значение для решения нынешней проблемы. Это было что-то о «трудностях коммуникации во время атмосферных осадков». Точное название он забыл. «Смешно», — думал он. Это было связано с влиянием калебанской действительности на память и возникновением оптических иллюзий.

Здесь и заключался источник неприятностей для всех форм жизни, связанных с калебанами. Прыжковые двери, шары, в которых они имели обыкновение находиться — все это было реальным, но никто не видел калебанов собственными глазами.

Фурунео наблюдал за маленьким толстеньким агентом, действительно похожим на недовольную лягушку, и ему вспомнилась старая шутка о том, что Мак-Кей работает в Бюро Саботажа со дня своего рождения. Наконец тот сказал:

— Итак, вы наняли этих головорезов и платите им? Не так ли?

— Так безопаснее.

— В сообщении речь шла о смертельных случаях и сумасшествии... Вы дали своим людям пилули ярости? — спросил Мак-Кей.

— Да.

— Хорошо. Ярость, кажется, является защитным свойством.

— Что же, собственно, произошло?

— Кажется, калеканы постепенно исчезают, — сказал Мак-Кей. — Каждый раз, когда это происходит с одним из них, случается множество смертельных происшествий и других неприятных последствий — физические и умственные травмы, сумасшествие...

Фурунео кивнул в направлении океана и вопросительно поднял брови.

Мак-Кей пожал плечами.

— Мы должны увидеть этот шар. Будет глупо, если нам будет известен только один калебан, тот, которого наняла Эбнис. Может быть, теперь их уже два.

— Как вы собираетесь браться за это дело? — спросил Фурунео.

— Хороший вопрос.

— Калебан дал Эбнис какие-нибудь объяснения?

— Мы не можем наладить с ним контакт, — сказал Мак-Кей. — Мы не знаем, где она его прячет.

— Я тоже не знаю, — помедлив, сказал Фурунео. — Сердечность — довольно уединенная планета.

— Об этом я тоже думал. Может быть, мы имеем дело с калебаном Эбнис. Тогда нам здорово повезло. Вы сказали, этот шар выглядит сильно изношенным?

— Да. Забавно, не так ли?

— Одна странность из многих.

— Калеканы никогда не удаляются на значительное расстояние от своих шаров, — сказал Фурунео. — И охотно ставят их вблизи воды.

— Как вы пытались с ним связаться? — спросил Мак-Кей.

— Как обычно. Откуда вы узнали, что Эбнис наняла калекана?

— Она похвасталась своей подруге, та рассказала своей знакомой и так далее. И один из калеканов, прежде чем исчезнуть, намекнул на это.

— Вы усматриваете связь между исчезновением калекана и действиями Эбнис?

Мак-Кей встал.

— Мы должны все тщательно изучить, — сказал он. — Пойдем туда и сами осмотрим этот шар.

Когда они с Фурунео выехали на песчаный берег, постоянный планетный агент спросил:

— Почему для расследования выбрали именно вас?

Мак-Кей сказал:

— Люди Бюро знают, как меня использовать, вот и все.

Машина описала крутую кривую и взгляду открылась даль океана и темный скалистый берег. Вдали между глыбами лавы что-то блестело. Мак-Кей заметил две маленькие машины, которые медленно кружили над берегом.

— Что это?

— Что?

— Когда здесь темнеет?

— У нас есть два с половиной часа до заката, — ответил Фурунео.

— Этого должно хватить, — сказал Мак-Кей. — Как ваши люди относятся к ночным гостям?

— Люди, которые здесь живут, привыкли к моей машине, а дело нам предстоит важное.

— Вы думаете, никто еще не знает о происшествии?

— Только охрана этого отрезка побережья. И все они находятся под моим командованием.

— Вы, кажется, хорошо организовали здесь дело, — сказал Мак-Кей. — Вы не боитесь, что для вас это будет слишком опасно?

— Я очень стараюсь, — сказал Фурунео. Он коснулся плеча водителя, и машина остановилась среди скал над плоским лавовым блоком, на котором спокойно лежал шар калекана. Белая пена орошала темные рифы у берега, а дальше, за их границей, сквозь сетку дождя вырисовывались очертания скалистого ост-

рова. — Я спрашиваю себя, — продолжал Фурунео, — действительно ли мы знаем, что это шар калібана?

— Его жилище, — сказал Мак-Кей.

Фурунео выбрался из машины. Холодный морской бриз пробрался под одежду, и нога сейчас же заболела.

— Уйдем отсюда, — сказал он.

Спускаться по уступам скалы было тяжело, через несколько минут Мак-Кей почувствовал, что ему стало прохладно и разозлился на себя, что не догадался одеться потеплее. А внизу, в облаке пены и прибоя, было еще холоднее и неприятнее.

Фурунео, казалось, чувствовал то же; когда он, пошатываясь, спустился на лавовый блок, то пробурчал:

— По-моему, здесь очень холодно.

Он рукой посигналил пилоту летательного аппарата, и тот отозвался. Мак-Кей последовал за Фурунео по рябой, с выступающими острыми краями лавовой поверхности, перепрыгнул через лужу, в которой кишели крошечные живые существа и промок насквозь в облаке пены, несомой ветром. Спотыкаясь, он побрел дальше. Внизу слышался гром прибоя, разбивающегося о скалистый берег. Мак-Кей и Фурунео должны были кричать, если хотели что-нибудь сказать друг другу.

— Вы видите? — проревел Фурунео. — Он выглядит так, словно столкнулся с чем-то.

— Эту вещь, должно быть, невозможно разрушить, — ответил Мак-Кей.

Шар калібана был приблизительно шести метров в диаметре. Казалось, он прочно лежал на лавовом блоке. В полуметре виднелся край углубления в скале, словно специально выплавленного калібаном для удобства.

Мак-Кей опередил своего спутника и первым подошел к шару. Там он остановился, засунув руки в карманы.

— Он гораздо больше, чем я думал, — сказал он, когда Фурунео остановился рядом с ним.

— Это первый шар калібана, который вы видите вблизи?

— Да.

Взгляд Мак-Кея скользил по шару: выступы и похожие на вмятины углубления покрывали тусклую металлическую поверхность. Ему показалось, что эти выступы и вмятины образовывали какой-то узор. Быть может, это сенсоры? Прямо перед ним была звездообраз-

ная вмятина, лучи которой исходили из общего пятна в центре. Не исключено, что это была иллюзия. Когда Мак-Кей ощущал это место рукой, он не ощутил никакой неровности.

— Что мы будем делать? А в шаре нет калібана? — спросил Фурунео.

— Не знаю. Вспомните, как нужно стучать.

— Нужно найти круглый гладкий выступ в верхней части шара и стучать по нему. Попробуем. В паре шагов налево как раз имеется такой выступ.

Мак-Кей двинулся вокруг шара в указанном направлении, и его тут же окатило еще одним ливнем пены. Дрожа от холода, он вынул руки из карманов, встал на цыпочки и постучал по выступу.

Ничего не произошло.

— В инструкции сказано, что у каждого из этих предметов где-то есть дверь, — прокричал он.

— Но не говорится, что эта дверь открывается от каждого стука, — ответил Фурунео.

Мак-Кей снова обошел вокруг шара, нашел второй выступ с гладкой поверхностью и снова постучал.

Ничего.

— В этом месте мы уже пытались стучать, — заметил Фурунео.

— Не стройте из себя идиота, — сказал Мак-Кей.

— Может быть, никого нет дома?

— Вы думаете, он попал сюда, управляемый дистанционно?

— Нет, — сказал Фурунео. — Я думаю, может быть, его вообще нигде нет, а пустой шар случайно выбросило на наш берег.

Мак-Кей усмехнулся и показал на тонкую зеленую линию на поверхности шара, около метра длиной.

— Что это такое?

Фурунео нагнулся и уставился на линию.

— Не помню, чтобы я видел ее раньше.

— Мне хочется как можно больше знать об этом проклятом предмете, — проворчал Мак-Кей. — Мы стоим здесь как дураки и будем стоять до самой смерти?

— Может быть, мы стучали недостаточно сильно? — сказал Фурунео.

Мак-Кей задумчиво поджал губы. Потом достал «набор» и взял из него пакетик со взрывчаткой.

— Отойдем в сторонку, — сказал он.

— Вы уверены, что стоит использовать взрывчатку? — спросил Фурунео.

— Нет.

— Ну, тогда я ... — Фурунео пожал плечами и отошел от шара.

Мак-Кей прилепил пакетик на зеленую линию, установил взрыватель и присоединился к Фурунео.

Через три минуты послышался глухой взрыв.

Мак-Кей внезапно почувствовал внутреннее спокойствие, потом напряженное ожидание. Что, если калекан разгневется и применит оружие, о котором никто до сих пор и не слыхивал? Он побежал наугад к месту взрыва.

Над зеленой полосой появилось овальное отверстие, как будто кто-то вытащил пробку.

— По-видимому, мы нажали нужную кнопку, — сказал Фурунео.

Мак-Кей подавил раздражение, которое, вероятно, было следствием принятой им пилюли ярости.

— Да, — проворчал он. — Помогите мне подняться наверх. — Он заметил, что Фурунео почти полностью контролировал действие принятой пилюли.

С помощью Фурунео Мак-Кей влез в отверстие и замер, глядя внутрь шара калекана. Его встретил тусклый красный свет, и в полутьме он заметил намек на какое-то движение.

— Вы что-нибудь видите? — спросил Фурунео.

— Пока не знаю, — Мак-Кей влез внутрь и прыгнул на мягкий пол, покрытый ковром. Он присел на корточки, вгляделся в красный жар вокруг себя. Его зубы стучали от холода. Помещение, в которое он попал, казалось, занимало всю внутреннюю часть шара и было метра три в высоту. На внутренней поверхности слева от него танцевали радужные блики, а прямо перед ним, в центре помещения, высился предмет, похожий на гигантский половник. Стена справа была покрыта крошечными катушками, рычажками и кнопками. Намек на движение исходил от «половника».

Мак-Кей понял, что перед ним калекан.

— Что вы видите? — прокричал снаружи Фурунео.

Не отрывая взгляда от «половника», Мак-Кей прокричал в ответ:

— Здесь калекан.

— Я могу быть свободен?

— Нет. Прикажите вашим людям ждать и ждите сами.

— Хорошо.

Теперь Мак-Кей все свое внимание сосредоточил на «половнике». Горло его пересохло. Он еще никогда не был наедине с калебаном. Это преимущество всегда составляли за собой ученые.

Он откашлялся:

— Я... а, я Джой Кс. Мак-Кей из Бюро Саботажа, — сказал он.

В «половнике» что-то зашевелилось, и из этого движения вырвалось подобие излучения, полное точного смысла.

— Я рад познакомиться с вами.

Все ясно, решил Мак-Кей. Калекан излучил то, что произнес. Его тип связи разум воспринимает как звук, однако уши обманывают его, и ему кажется, что он что-то слышит. Подобное же действие калекан оказывает и на зрение: разуму кажется, что он что-то видит, но сетчатка глаз не соглашается с этим.

— Я надеюсь, что не очень помешал вам, — сказал Мак-Кей.

— Я не обладаю ничем, чему можно помешать, — ответил калекан. — Вы привели с собой спутника?

— Мой спутник остался снаружи, — сказал Мак-Кей. — Никаких поводов для беспокойства.

— Пригласите спутника, — сказал калекан.

Мак-Кей мгновение поколебался, потом крикнул:

— Фурунео! Идите сюда!

Планетный агент, кряхтя, протиснулся в отверстие, спустился вниз и присел на корточки слева от Мак-Кея.

— Снаружи адский холод! — сказал он. Его нос был сильно заложен, а сам он сильно дрожал.

— Низкая температура и высокая влажность, — согласился с ним калекан. Мак-Кей увидел пластину, вышедшую из стены рядом с отверстием и закрывшую его. Ветер, пена и шум прибоя сразу же исчезли.

Температура внутри начала подниматься.

— Скоро станет жарко, — сказал Мак-Кей.

— Что?

— Жарко. Вспомните инструкции. Калеканы любят сухой и горячий воздух, — одежда на нем и на Фурунео стала нагреваться и слегка парить. Мак-Кей почувствовал, как мокрая рубашка приклеивается к телу.

— Верно, — фыркая, сказал Фурунео. — Но пока что мне еще недостаточно тепло. А теперь пройдем вперед?

— Нас пригласили побывать здесь, — сказал Мак-Кей. — Мы ему не помешали, потому что нечему было мешать.

Он снова повернулся к «половнику» и замолчал.

— Где он? — через мгновение спросил Фурунео.

— В этом «половнике».

— Да... Я, ах — да!

— Вы можете называть меня Фанни Мей, — сказал калекан. — Я способен воспроизводить свой род, и в этом аспекте вы можете рассматривать меня как женщину, хотя мы и не знаем различия полов.

— Фанни Мей, — ошарашенно повторил Мак-Кей. «Как бы мне увидеть эту проклятую штуку, — подумал он. Где ее лицо?» — Мой спутник — Алихино Фурунео, планетарный агент Бюро Саботажа. — «Фанни Мей! Проклятье!»

— Рад познакомиться с вами, — сказал калекан. — Разрешите спросить вас о цели вашего посещения?

Фурунео почесал правое ухо.

— Как мы слышим все это? — пробормотал он, качая головой. — Я понимаю слова, но...

— Неважно, — пробурчал Мак-Кей. Он повернулся к «половнику» и сказал. — Я... у меня приказ... Я ищу калекана, который находится в услужении у Млисс Эбнис.

— Я принимаю ваш вопрос, — сказал калекан.

— Принимаете мой вопрос?

Мак-Кей попытался покачать головой, чтобы таким образом, если удастся, обнаружить хоть признаки внешности того, кто, как он предполагал, имел видимую субстанцию.

— Что вы делаете? — спросил Фурунео.

— Я пытаюсь разглядеть его.

— Вы ищете видимую субстанцию? — спросил калекан.

— Да, — сказал Мак-Кей.

«Фанни Мей, — подумал он. — Это напоминает открытие планеты Говахия, когда первый исследователь-землянин встретил лягушкоподобного говахинца, а тот представился ему как Вильгельм. На каком из девятиста тысяч миров калекан откопал это имя? И почему?»

— Я создам отражение, — сказал калекбан, — которое спроектируется снаружи и покажет мою внешность.

— Мы его увидим? — прошептал Фурунео. — До сих пор никто не видел калекбана.

— Ш-ш-ш-ш.

Что-то диаметром в полметра, овальное, зеленое, голубое и оранжевое, без видимой связи с находящимися здесь предметами, материализовалось над гигантским «половником».

— Представьте себе это как сцену, на которой перед вами появляется мое «я», — объяснил калекбан.

— Вы что-нибудь видите? — спросил Фурунео.

Зрительные нервы Мак-Кей создали неопределенное ощущение чего-то живого, что бестелесно и ритмически танцевало в цветном овале, словно морской прибой в пустой раковине. Ему вспомнился его одноглазый друг, и как трудно было сконцентрироваться на его единственном глазу и не замечать второй, пустой глазницы. Почему он, идиот, не хотел купить себе новый глаз? Почему он мог...

Мак-Кей сглотнул.

— Это самая странная вещь, которую я когда-либо видел, — прошептал Фурунео. — Вы видите это?

— Я верю вам, — сказал Мак-Кей.

— Попытка визуального наблюдения не удалась, — сказал калекбан. — Может быть, я использовал недостаточный контраст.

Мак-Кейю показалось, что он услышал печальные нотки, и он спросил себя, не было ли это слуховой галлюцинацией. Может быть, калекбан сожалеет о своей невидимости?

— Это хорошо, — сказал Мак-Кей. — Мы теперь можем говорить о калекбане, что...

— Может быть, зрение к этому непричастно, — прервал его калекбан. — Мы находимся в таком состоянии, когда помочь ничем нельзя. «С таким же успехом можно спорить с ночью», — сказал один поэт.

Казалось, калекбан тяжело вздохнул. Это была грусть, печаль о неотвратимости судьбы.

— Вы чувствуете это? — спросил Фурунео.

— Да.

Глаза Мак-Кей горели от напряжения. Он часто мигал. Между двумя миганиями он увидел внутри овала что-то похожее на цветок — ярко-красный, пронизан-

ный черными венами. «Цветок» медленно распустился, вспыхнул, пропал, распустился снова. Мак-Кей, полный сострадания, почувствовал потребность протянуть руку и коснуться его.

— Как прекрасно, — прошептал он.

— Что это? — шепотом спросил Фурунео.

— Я думаю, мы видим каледана.

— Мне хочется плакать, — сказал Фурунео.

— Возьмите себя в руки, — крикнул Мак-Кей.

Он откашлялся. Станные эмоции бушевали в его душе. Они, словно клочки некогда единого целого, взаимопроникающие в беспорядочном кружении, причудливым образом организовывались в новом сочетании. Действие пилуль ярости потонуло в этом хаосе.

Изображение в овале медленно поблекло. Каскад эмоций иссяк.

Фурунео шумно вздохнул.

— Фанни Мей, — колебавшись, начал Мак-Кей. — Что было...

— Я на службе у Млисс Эбнис, — ответил каледан.

Мак-Кей молча взглянул на Фурунео и на то место, где они забрались в шар. От овального отверстия не осталось никакого следа. Жара в помещении была невыносимой. Он опять взглянул на каледана. В «половнике» все еще что-то мерцало, но глаза были не в состоянии различить ничего конкретного.

— Он задал вопрос? — спросил Фурунео.

— Да помолчите хоть минуту, — прошипел Мак-Кей. — Мне необходимо подумать.

Секунды шли. Фурунео чувствовал, как пот тек по его шее и сбегал за воротник. В уголках рта был соленый привкус.

Мак-Кей уставился на гигантский «половник». Каледан, которого наняла Эбнис! Потребовалось некоторое время, чтобы эмоции утихли настолько, чтобы он мог взвесить все шансы, которые давало это открытие. Наконец он спросил:

— Фанни Мей, где Млисс Эбнис?

— Передача координат не разрешена, — ответил каледан.

— Она на этой планете?

— Разнообразные связи, — сказал каледан.

— У меня сложилось впечатление, что вы говорите на разных языках, — сказал Фурунео.

— Из всего, о чем я слышал и что читал, это была самая большая проблема, — сказал Мак-Кей. — Коммуникативные затруднения.

Фурунео вытер пот с лица.

— Вы хотите переговорить с Эбнис? — спросил он.

— Не будьте наивным, — ответил Мак-Кей. — Это первое, что я хочу сделать.

— И?

— Или тапризиоты говорят правду и мы не сможем установить контакт с калепаном, или Эбнис как-то купила их. Но какая разница? Предположим, я продолжу разговор. Но как узнать у него, где она находится?

— А как она смогла подкупить тапризиотов?

— Откуда я знаю? Как ей удалось купить калепана?

— В обмен на нечто ценное, — сказал калепан.

— Эбнис предложила вам что-то ценное? — попытался уточнить Мак-Кей.

— Я не могу выдать никаких решений, — ответил калепан. — Об Эбнис нельзя судить как о дружелюбной, миловидной и любезной.

— Это ваше мнение? — спросил Мак-Кей.

— Равным ей разумным существам запрещено бичевать другие разумные существа, — ответил калепан. — Млисс Эбнис стегает меня бичом.

— Почему вы не откажетесь? Просто не откажетесь? — спросил Мак-Кей.

— Обязательство по договору, — ответил калепан.

— Обязательство по договору, — пробурчал Мак-Кей. Он взглянул на Фурунео, но тот пожал плечами.

— Спросите, где находится стегаящий бичом, — предложил Фурунео.

— Стегающий бичом приходит ко мне, — сказал калепан.

— Стегающий бичом причиняет вам боль? — спросил Мак-Кей.

— Объясните, что такое боль.

— Он причиняет вам неудобство, вызывает у вас чувство недомогания?

— Я вспомнил. Такое чувство объяснимо. Объяснения не касаются связей.

«Не касаются связей?» — думал Мак-Кей.

— Будете вы теперь, несмотря на все, избиты бичом? — спросил Мак-Кей. — Есть ли у вас выбор?

— Выбор есть, — ответил калекбан.

— Телерь... У вас снова будет свободный выбор, если вам еше раз придется принимать решение?

— Запутанные отношения, — сказал калекбан. — Если иметь в виду повторение, то у меня нет своего мнения. Эбнис отпавила паленку с бичом и бичевание состоится.

— Паленки! — в ужасе сказал Фурунео.

— Вы знаете, что это должно быть, — сказал Мак-Кей. — Кто еше возьмется за такую грязную работу? У такого существа должен быть минимум мозгов и крепкие мускулы.

— Но паленку! Мы не сможем его обнаружить?

— Где вы собираетесь искать одного паленку? — спросил Мак-Кей. Он снова повернулся к «половнику». — Как наблюдает Эбнис за бичеванием?

— Эбнис смотрит в мой дом.

Так как никакого другого ответа не последовало, Мак-Кей сказал:

— Я не понимаю. Что с этим делать?

— Это мой дом, — сказал калекбан. — В моем доме есть прыжковая дверь. Эбнис устанавливает связи, за которые она заплатила.

— Эта Эбнис должна быть извращенной потаскухой, — проворчал Фурунео.

— То, что я вижу в психике Эбнис, — сказал калекбан, — чрезвычайно запутано. Узлы и извилины странных расцветок, в них чрезвычайно трудно проникнуть с помощью моего внутреннего видения.

Мак-Кей сглотнул.

— Вы видите ее психику?

— Я вижу любую психику.

— Как... как это возможно? — спросил Мак-Кей.

— Я вглядываюсь в пространство между физической и психической сущностью вещей, — сказал калекбан. — Так вашей терминологией объясняют это ваши собратья по виду.

— Ерунда, — сказал Мак-Кей.

— Она рассказывала мне о значении этого понятия, — сказал калекбан.

— Почему вы приняли предложение Эбнис? — спросил Мак-Кей.

— Нет общих понятий для объяснения, — ответил калекбан.

— Я должен найти Эбнис, — сказал Мак-Кей.

— Я предупреждаю, — сказал калекбан, — я позволяю обхождение со своей персоной, которое другие могут воспринять как недружелюбное.

Мак-Кей поскреб затылок и подумал: как близко они смогли подойти к стадии полной коммуникабельности, намного ближе, чем кто-нибудь до них. Калекбан охотно и открыто шел навстречу, и можно было спросить его об исчезновении других калекбанов, смертельных случаях и сумасшествии, но Фурунео боялся возможных отрицательных последствий.

— Мы не можем продолжать, — сказал Фурунео. Жара и постоянное напряжение вызвали у него головную боль.

— Скажите, Фанни Мей, — спросил Мак-Кей, — есть ли у вас понятие «смерть»?

— Я понимаю, что такое смерть. Смерть — это полное исчезновение.

— Когда умираете вы, с вами вместе умирает множество других существ, — сказал Мак-Кей. — Это так?

— Все, кто пользуется прыжковой дверью. Все они погибнут.

— Все? — спросил Мак-Кей, шокированный этим ответом.

— Все в вашей... плоскости? Нет подходящего понятия.

Фурунео коснулся руки Мак-Кея.

— Когда умирает калекбан, должны умереть все, кто пользовался прыжковыми дверями? Вы так сказали?

— Так это звучит.

— Я не верю.

— Кажется, придется поверить.

— Но...

— Я спрашиваю себя, грозит ли Фанни Мей опасность скорой смерти? — задумчиво пробормотал Мак-Кей.

— Да, это хороший вопрос, — с энтузиазмом подхватил Фурунео. — Это мы должны выяснить.

— Скажите, Фанни Мей, — произнес Мак-Кей. — Имеется ли непосредственная опасность вашего окончательного исчезновения?

— Объясните более точно, — сказал калекбан. — Когда?

— Сейчас, — сказал Мак-Кей. — Скоро, в ближайшее время.

— Концепция времени сложна, — ответил калекбан. — Вы спрашиваете о персональных способностях, которые погашаются бичеванием?

— Это так, — сказал Мак-Кей. — И как много бичеваний вы уже перенесли?

— Объясните, что такое «перенести»?

— Как много бичеваний вы можете вынести, пока не погибнете? — спросил Мак-Кей, подавляя раздражение, усиливавшееся под действием пилюль гнева.

— Может быть, десять бичеваний, — ответил калекбан. — Может быть, немного меньше, а может быть, и больше.

— И ваша смерть приведет к смерти всех? — спросил Мак-Кей в надежде, что он неправильно понял.

— Немного меньше, чем всех, — сказал калекбан. — Другие калекбаны узнают о наших затруднениях и отступят. Таким образом, они избегнут исчезновения.

— Как много калекбанов осталось в нашей... плоскости? — спросил Мак-Кей.

— Только один, — ответил калекбан.

— Только один, — пробормотал Мак-Кей. — Это чертовски тоненькая ниточка.

— Я не вижу, как смерть одного-единственного калекбана может причинить такое опустошение, — сказал Фурунео.

— Объясняю через сравнение, — сказал калекбан. — Ученые вашей формы жизни объясняют реакции в звездах особыми условиями. В таких условиях звездная масса оказывается в вечно взрывающемся состоянии. В таком состоянии материя звезды превращается в другую форму энергии. Все звездные взрывы, касающиеся материи, изменяются. Точно так же изменяются при окончательном исчезновении наших «я» все существа, связанные с прыжковыми дверьми.

— Это значит, — сказал Мак-Кей, — что использование прыжковых дверей как-то связано с жизнью калекбана. Смерть Фанни Мей, подобно звездному взрыву, порвет все связи и убьет нас.

— Это ваши домыслы, — сказал Фурунео.

— Это единственное заключение, которое можно сделать из его слов, — возразил Мак-Кей. — Наше общение затруднено, но я верю, что сказанное здесь даст

какое-то объяснение и является настоящей попыткой взаимопонимания.

— Я думаю, вы правы в одном, — сказал Фурунео.

— Да?

— Мы должны согласиться с тем, что правильно истолковали его высказывание.

Мак-Кей сглотнул, у него пересохло горло.

— Фанни Мей, — сказал он, — вы тоже объясняете перспективу вашего окончательного исчезновения действиями мисс Эбнис?

— Проблема объяснима, — ответил калекан. — Другие калебаны пытаются устранить ошибку. Эбнис не в состоянии этого понять и пренебрегает последствиями. Связи затруднительны.

— Связи затруднительны, — пробормотал Мак-Кей.

— Все связи в единственном зейе-центре, — сказал калекан. — Главный зейе-центр моего «я» создает двустороннюю проблему.

— Только не говорите, что вы это понимаете, — раздраженно сказал Фурунео Мак-Кею.

— Эбнис использует зейе-центр моего «я», — сказал калекан. — Договор дает Эбнис право пользования. Мое «я» имеет зейе-центр. Эбнис пользуется этим.

— Итак, она открывает прыжковую дверь и посылает через нее паленку, — сказал Фурунео. — Почему бы нам просто не подождать здесь и не перехватить ее?

— Она закроет дверь прежде, чем мы приблизимся, — сказал Мак-Кей. — Нет, не получится. Я думаю, придется поверить, что существует только один, главный зейе-центр, контролирующий все прыжковые двери. Может быть, Эбнис купила себе право использовать его по собственному усмотрению или...

— Или что-то другое, — пробурчал Фурунео.

— Эбнис контролирует зейе-центр по договору о покупке, — сказал калекан.

— Видите, Фурунео? — сказал Мак-Кей. — Вы можете блокировать контроль Эбнис, Фанни Мей?

— Заключение договора предполагает невмешательство в действия этого индивидуума.

— Но, несмотря на это, вы можете пользоваться вашим собственным зейе-центром? — настаивал Мак-Кей.

— Это возможно.

— Это безумие! — фыркнул Фурунео.

— Безумие определяется как неспособность к упорядоченному ходу мыслей и логическим выводам, — сказал калекан. — Безумие — это зачастую суждение одной формы жизни о другой. По меньшей мере, ошибочная интерпретация.

— Послушайте, — сказал Мак-Кей своему коллеге, — все эти случаи смерти и сумасшествия в связи с исчезновением калеканов подтверждаются нашей интерпретацией. Мы имеем дело с чрезвычайно взрывоопасной ситуацией.

— Итак, мы должны найти Эбнис и помешать ее дальнейшим безобразиям.

— Легко сказать, — ответил ему Мак-Кей. — А теперь, я думаю, нужно сделать следующее. Оставьте шар в покое и известите обо всем Бюро. В вашей памяти достаточно сведений. Объясните им все.

— Хорошо. Вы хотите остаться здесь?

— Да.

— Что мне говорить, если меня спросят, что делаете вы?

— Я должен взглянуть на сопровождающих Эбнис и ее окружение.

Фурунео откашлялся.

— Вы подумали о том, что остаетесь совсем один? — он сделал движение, словно стрелял из излучателя.

— В прыжковую дверь проходят предметы не больше определенной величины и с определенной скоростью, — констатировал Мак-Кей. — Вы сами это знаете.

— Может быть, это не обычная прыжковая дверь.

— Сомневаюсь.

— Когда я передам ваше сообщение, что мне делать дальше?

— Подождать снаружи, пока я вас не позову — это в том случае, если у вас для меня не будет сообщения. Да, и на всякий случай пустите в ход все силы для поисков на этой планете... Может быть, Эбнис находится где-нибудь неподалеку.

— Само собой разумеется, — Фурунео помедлил. — Вот еще что: к кому я должен обратиться, когда установлю контакт с Бюро, к Бильдуну?

Мак-Кей взглянул на него. Почему Фурунео спрашивал, к кому обратиться? Что он хотел этим сказать?

Потом Мак-Кей сообразил, что Фурунео сказал это в результате логических размышлений. Нынешним директором Бюро Саботажа был Наполеон Бильдун, пан спехи, человекоподобный только по внешнему виду. Тут Мак-Кей повел себя как человек, считающий, что все разумные формы жизни должны были произойти от обезьяны. Политическое соперничество между различными разумными видами существ во времена наивысшего напряжения принимало странные формы. В этом случае было целесообразно создать обширный директорат.

— Спасибо, — сказал Мак-Кей. — Я не задумывался над этой важной проблемой.

— Это очень важная проблема.

— Я понимаю. Итак, по моему мнению, в этом деле с нами должен сотрудничать шеф нашего поискового отдела.

— Гайчел Сайкер?

— Да.

— Лаклак и пан спехи. Кого еще нужно проинформировать?

— Один из правовых отделов. Когда мы так туго натягиваем лук, они должны получать всю информацию о наших действиях, — сказал Мак-Кей. — И прежде, чем последует официальное решение, всем нам может прийти солоно.

Фурунео кивнул.

— Еще кое-что.

— Что?

— Как я выйду наружу?

Мак-Кей повернулся к «половнику».

— Еще один вопрос, Фанни Мей. Как моему спутнику покинуть ваше жилище?

— Куда он желает отправиться?

— Домой.

— Очевидные связи, — сказал калекбан.

Мак-Кей услышал шипение воздуха, в ушах у него щелкнуло. Потом послышался звук, словно откупорили пустую бутылку. Он огляделся. Фурунео исчез.

— Вы... отправили его домой? — спросил он.

— Верно, — ответил калекбан. — Прямо в нужное место. Быстрое перемещение, чтобы избежать падения температуры.

Пот ручьями тек по лицу Мак-Кея. Он сказал:

— Мне хотелось бы узнать, как вы это сделали. Вы действительно можете читать наши мысли?

— Я вижу только связи.

«Опять это выражение», — думал Мак-Кей; он обратил внимание на замечание калекана о температуре. Проклятье! Воздух в этом помещении закипает! Здесь было как в сауне. Одежда приклеилась к телу, кожа зудела, в горле пересохло. Он вытирал лоб рукой, состоявшей, казалось, полностью из воды. Он попытался вытереть руку о пиджак.

Мысль, что каждое разумное существо, которое когда-либо пользовалось прыжковой дверью, должно умереть вместе с исчезновением калекана, тяжело давила на его сознание. В этом воздухе был запах смерти. Каждый, кто пользовался прыжковыми дверями! Это были сотни тысяч разумных существ... миллионы!

Или даже миллиарды. Точное число вообще было не известно. Верно ли он понял слова калекана? Более чем вероятно. Смерть и безумие при исчезновении калеканов достаточно ясно указывали, что другой интерпретации ответа на его вопрос нет.

Звено за звеном ловушка захлопывалась. Она заваляла вселенную мертвечиной.

Светящийся овал над «половником» внезапно замерцал по краям, сократился и исчез. Мак-Кей воспринял это как проявление печали и подавленности.

— Что-то не в порядке? — спросил он.

Вместо ответа позади калекана открылась круглая туманная труба прыжковой двери. В отверстии стояла сильно уменьшенная женщина, видимая словно в перевернутой подозрительной трубе. Мак-Кей когда-то видел ее по видео, когда получал инструкции по выполнению этого задания.

Он видел перед собой Млисс Эбнис. Она медленно двигалась в трубе, залитая ярким красноватым светом.

Было видно, что косметологи со Стедиона хорошо поработали над ее персоной. И Мак-Кей решил это проверить. У нее была фигура двадцатилетней девушки. Феерические голубые волосы контрастировали с пухлыми вишнево-красными губами. Большие зеленые глаза и острый прямой нос, на котором были видны следы уменьшения хирургическим способом, находились в странном контрасте друг с другом. Она была как отвергнутая королева, старая и юная одновременно. «Ей

должно быть, по меньшей мере, восемьдесят нормальных лет», — подумал Мак-Кей. Косметологи создали страшную комбинацию: мягкая, очаровательная юность и холодная, жадная властность.

Длинная одежда из серой, вышитой жемчугом ткани, при каждом движении обтягивала ее стройное тело как блестящая кожа. Она приближалась.

— А, Фанни Мей, — сказала Млисс Эбнис, — у тебя гость. — Прыжковая дверь придавала ее голосу хрипловатое растянутое звучание.

— Я Джой Кс. Мак-Кей, уполномоченный Бюро Саботажа, — сказал он.

Что-то мелькнуло в зрачках ее глаз. Она остановилась.

— А я Млисс Эбнис. Частное лицо.

«Частное лицо, — подумал Мак-Кей. — Эта потаскушка контролирует промышленность по крайней мере двухсот миров». — Мак-Кей медленно поднялся.

— Бюро Саботажа говорит с вами официально, — сказал он казенным тоном.

— Я — частное лицо! — возразила она. Голос ее был высокомерным, полным капризной обидчивости. Перед лицом этой очевидной слабости у Мак-Кея дрогнуло сердце. Это была деформация характера, которая часто приходит вместе с богатством и властью. У него был опыт обхождения с такими людьми.

— Фанни Мей, я ваш гость? — спросил он.

— В самом деле, — ответил калекан. — Я открыл ему свою дверь.

— Я твоя временная хозяйка? — спросила Эбнис.

— Это так, вы наняли меня.

На ее лице появилось напряженное выжидающее выражение. Глаза сузились.

— Очень хорошо. Тогда будь готов выполнить свой долг. Согласно нашему договору.

— Один момент, — быстро сказал Мак-Кей. Он чувствовал себя беспомощным. Почему это произошло так быстро и именно в этот момент? Что значила едва сдерживаемая дрожь в ее голосе?

— Гости не должны вмешиваться, — сказала Эбнис.

— Бюро само решает, где ему вмешиваться! — ответил Мак-Кей.

— Ваша власть не безгранична, — отпарировала она.

Мак-Кей пришлось выслушать начала многих выражений: продажный политикан, громадные суммы взятки, манипулирование решениями, закулисные интриги, платная информация для масс, которые терпят произвол высокомерных и влиятельных жен начальников, секретные переговоры на высшем уровне, юридические маневры, чтобы затруднить деятельность Бюро Саботажа Расследования и дискредитировать его. И тогда платные шпионы докопаются до его далекого прошлого и обязательно отыщут что-то, чтобы ликвидировать его.

Мысли обо всех этих проявлениях власти обескураживали, и Мак-Кей еще раз спросил себя, с какой целью он подвергает себя такой опасности? Почему он поступил на службу в Бюро? «Потому, что меня трудно удовлетворить, — сказал он себе. — Я саботажник по призванию». И этот выбор теперь не изменить. Кроме того, Бюро до сих пор всегда одерживало верх.

И на этот раз было похоже, что Бюро взвалило на свои плечи ответственность за судьбу почти всех разумных существ Галактики.

— Согласен, и у нас есть свои границы, — сказал Мак-Кей. — Но я сомневаюсь, чтобы вы их когда-нибудь увидели. Ну, что здесь происходит?

— Вы не полицейский агент! — констатировала Эбнис.

— Может быть, надо пригласить сюда полицию?

— А какие для этого основания? — она улыбнулась. У нее была власть над ним, и она знала это. Ее юридический консультант, несомненно, показал ей все самые запутанные способы, какими можно избежать слишком явных нарушений законности.

— Ваши действия приведут к смерти этого калебана, — сказал Мак-Кей. — А это недопустимо. — Он не возлагал особых надежд на этот аргумент, но это помогло ему выиграть время.

— Вам еще нужно доказать, что калебанскую концепцию исчезновения нужно интерпретировать как гибель, — сказала она. — Вы этого не сможете сделать, потому что это недоказуемо. Почему вы вмешиваетесь? Это только безобидная игра между двумя близкими по духу парт...

— Больше, чем игра, — сказал калекбан.

— Фанни Мей! — вскричала Эбнис. — Ты не должна вмешиваться в этот разговор! Вспомни о нашем договоре!

— Вспомни о противоречии между договором и постановлением правительства, — сказал калекбан.

Эбнис нетерпеливо взмахнула рукой.

— У меня есть надежная информация, что калекбан не может испытывать боли, он даже не имеет о ней никакого понятия. Мне доставляет удовольствие устраивать показательное бичевание и наблюдать реакцию...

— Вы испытываете боль, Фанни Мей? — спросил Мак-Кей.

— Не имею никакого понятия об этой концепции, — ответил калекбан.

— Станет ли это бичевание причиной вашего окончательного исчезновения? — спросил Мак-Кей.

— Объясните точнее, пожалуйста, — попросил калекбан.

— Имеется ли связь между бичеванием и вашим окончательным исчезновением? — спросил Мак-Кей.

— Универсальные связи заключают все события, — ответил калекбан.

— Я хорошо заплатила за это удовольствие, — сказала Эбнис. — Прекратите ваше вмешательство, Мак-Кей.

— Чем вы заплатили?

— Это не имеет значения!

— Может быть, это имеет громадное значение, — сказал Мак-Кей. — Фанни Мей?

— Не отвечай ему! — приказала Эбнис.

— Я все еще могу вызвать полицию и предоставить это дело закону.

— Только сделайте это! — издевательски сказала Эбнис. — В этом случае будьте готовы к тому, чтобы тоже ответить за свое поведение, за вмешательство в отношения между представителями разных разумных рас.

— Я не могу, по крайней мере временно, настаивать на своем, — сказал Мак-Кей. — Каков ваш теперешний адрес?

— Следуя совету своего адвоката, я отказываюсь от ответа.

Мак-Кей мрачно уставился на нее. Она хорошо зна-

ла, что он не сможет привлечь ее к ответственности, пока не будет в состоянии доказать ее преступление, он должен заинтересовать прокурора в проведении следствия, разыскать свидетелей и, наконец, возбудить против нее дело. А ее адвокаты будут на каждом шагу ставить ему палки в колеса.

— Предлагаю решение, — сказал калекбан. — В нашем с Эбнис договоре нет ничего секретного. Эбнис предоставляет в мое распоряжение воспитателя.

— Воспитателя? — переспросил Мак-Кей.

— Ну да, — угрюмо сказала Эбнис. — Я предоставляю в распоряжение Фанни Мей лучших учителей и воспитательные средства обучения, которые только может предложить наша цивилизация. Фанни Мей впитывает нашу культуру. Это стоит недешево.

— И Фанни Мей все еще не понимает, что такое боль? — недоверчиво спросил Мак-Кей.

— Надеюсь найти подходящее понятие, — ответил калекбан.

— У вас достаточно времени для этого? — спросил Мак-Кей.

— Понятие времени затруднительно. Время обладает неизвестным качеством, которое мы обозначим как протяженность, субъективным и объективным измерением. Все это очень туманно.

— Я хочу спросить официально, — сказал Мак-Кей. — Млесс Эбнис, вы понимаете, что убиваете этого калекбана?

— Исчезновение и убийство не одно и то же, — ответила Эбнис. — Так ведь, Фанни Мей?

— Между различными уровнями «я» существует огромное несоответствие эквивалентности, — сказал калекбан.

— Я спрашиваю вас о всех видах, Млесс Эбнис, — сказал Мак-Кей. — Может ли калекбан, которого зовут Фанни Мей, объяснить последствия ваших действий, которые, как он сам указывает, приведут к его окончательному исчезновению. Вы называете это прерывистостью, что одно и то же.

— Вы только что слышали, что нет никакого эквивалента.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Вы сами запутались в своей хитрости.

— Фанни Мей, — спросил Мак-Кей. — А имеют ли действия Млисс Эбнис последствия...

— Мы связаны договором, — ответил калебан.

— Видите! — с триумфом воскликнула Эбнис. — Фанни Мей считает себя связанной договором, и вы вмешиваетесь в дело, которое вас совсем не касается. — Она сделала знак кому-то, находящемуся в туманном отверстии прыжковой двери. Мак-Кею не было видно, кто это был.

Внезапно отверстие стало вдвое шире. Эбнис отступила с сторону. В поле зрения Мак-Кея остались половина ее лица и один глаз. На заднем плане теперь была видна большая группа зрителей. К гигантскому «половнику» из прыжковой двери выбежала характерная фигура паленки. Сотни крошечных ножек несли его массивное тело. Из передней части снабженного круглыми глазами корпуса выступала единственная рука, в двухпалой ладони был зажат бич. Рука просунулась через отверстие прыжковой двери, без усилия таща за собой бич, взмахнула им в воздухе и ударила. Бич хлестнул «половник».

Кристаллический рой флюоресцирующих зеленых искр захлестнул всю видимую часть калебана. В следующий момент этот фейерверк вспыхнул каскадом света, потом потух.

Из отверстия донесся стон экстаза.

Мак-Кей тщетно пытался совладать с поднимающейся в нем волной холодной ярости, потом прыгнул вперед, решительно схватил бич и рванул его. Прыжковая дверь тотчас же закрылась, и отрезанная рука паленки вместе с бичом упала на пол помещения. Рука вздрагивала и извивалась, как змея, но ее движения становились все медленнее и медленнее. Потом она замерла окончательно.

— Фанни Мей? — сказал Мак-Кей.

— Да?

— Бич ударил вас?

— Объясните, что такое «ударил»?

— Повлиял ли бич на вашу субстанцию?

— Что-то в этом роде.

Мак-Кей подошел поближе к «половнику».

— Опишите ваши ощущения.

— У вас нет для этого подходящих понятий.

— Попробуйте.

— Я вдохнула вещество бича, выдохнув собственное вещество.

— Хорошо. Вы можете описать реакцию, вашу психологическую реакцию?

— Нет общих психологических понятий.

— Но какая-то реакция есть, черт побери!

— Бич несовместим с гааск.

— С чем?

— Нет общих понятий.

— Что значил рой зеленых искр, возникший, когда бич ударил вас?

— Объясните, что такое «рой зеленых искр».

Мак-Кей попытался описать, что он видел.

— Вы наблюдали этот феномен? — спросил калекбан.

— Я видел это.

— Невероятно!

Мак-Кей заколебался, когда ему в голову пришла странная мысль. Может быть, мы для калекбана так же невещественны, как и он для нас? Он задал вопрос.

— Все формы жизни обладают субстанцией, соответствующей их квантовому существованию, — ответил калекбан.

— Но вы видите нашу субстанцию, когда смотрите на нас?

— Затруднение. Ваши товарищи по виду уже задавали этот вопрос. Нет никакого определенного ответа.

Мак-Кей вздохнул.

— Попытаемся как-нибудь иначе, — сказал он. — Имеется место, куда вы можете перенестись вместе со своим... своим домом и где Млисс Эбнис не сможет вас настигнуть?

— Отступление возможно.

— Ну, тогда сделайте это!

— Не могу.

— Почему не можете?

— Договор запрещает это.

— Да нарушьте же этот проклятый договор!

— Нечестность действий вызовет окончательное исчезновение всех мыслящих существ на этом уровне.

Мак-Кей воздел свои руки в жесте отчаяния и почувствовал, как во время этого движения дрожь прошла по телу, а в гипофизе взорвался сигнал дальней связи. Начало поступать сообщение, и он осознал, что его те-

ло впало в транс и что он стоит тут, бормоча и клокча; а по его телу пробегает мелкая дрожь.

Но на этот раз он не рассердился на вызов.

— Говорит Гайчел Сайкер, — сказал абонент.

Мак-Кей представил себе сидящего в кресле у удобного письменного стола шефа поискового отдела, проворного маленького лакла, вспомнил, как выглядят их боевой предводитель, его изможденное лицо, как его массирует великолепное кресло-робот, как он вызывает своих лакеев одним нажатием кнопки...

— Нашли время для вызова, — сказал Мак-Кей.

— Я вам чем-то помешал?

— Конечно, вы давно уже должны были получить сообщение Фурунео...

— Что за сообщение?

Мак-Кей озадаченно замолк. Никакого сообщения от Фурунео?

— Фурунео давно ушел, чтобы...

— Я вызываю вас, — нетерпеливо сказал Сайкер, — потому что не получил от вас никакого сообщения. Люди Фурунео уже обеспокоены. Откуда должен был прийти Фурунео и как?

Мак-Кей озаирло. Он спросил:

— Где родился Фурунео?

— На Ламбае. А почему вы это спрашиваете?

— Я думаю, что мы отыщем его там. Калебан с помощью своей зейе-системы отправил его домой. Если он сам не свяжется с вами, тогда пошлите за ним. Он должен...

— На Ламбае только три тапризиота и одна прыжковая дверь. Это окраинная планета, словно специально созданная для отшельников...

— Это объясняет задержку сообщения. Теперь: ситуация здесь выглядит следующим образом... — Мак-Кей стал объяснять проблему своему собеседнику.

— Вы думаете, это связано с окончательным исчезновением калебанов? — прервал его тот.

— Получается так. Все данные говорят за это.

— Ну, может быть, но...

— Можем ли мы позволить себе ваше «может быть», Сайкер?

— Лучше подключить к этому делу полицию.

— Мне кажется, Эбнис надеется, что именно так мы и сделаем.

— Почему?

— Кто напишет донос?

Тишина.

— Вы понимаете, что я имею в виду? — настаивал Мак-Кей.

— Что вы вбили себе в голову, Мак-Кей?

— Нам во что бы то ни стало надо сохранить калекана. Но если мы поступим по закону, это уже не будет играть никакой роли, не так ли?

— Я предлагаю, — сказал Сайкер, — известить самых высших чинов полиции — и только для консультации. Согласны?

— Не возражаю. Поговорите с Бильдуном. Для меня из всего этого важно, чтобы вы созвали заседание директората и провели срочный инструктаж всех агентов Бюро. Они все время должны держать калеканов в поле зрения и наблюдать за расой паленков, а самое главное, они должны разузнать, где находится Млисс Эбнис.

— Этого мы не сможем сделать. Сами знаете.

— Мы должны это сделать.

— Когда вы возьметесь за этот заказ, вы получите подробные обоснования, почему мы не...

— Проявлять скромность — это не значит ничего не предпринимать, — сказал Мак-Кей. — Если вы так думаете, то из ваших рук ускользнет величайшее в вашей жизни предприятие.

— Мак-Кей, я не могу верить...

— Заканчивайте разговор, Сайкер, — сказал Мак-Кей. — Я обращусь прямо к Бильдуну.

Молчание.

— Прервите связь! — приказал Мак-Кей.

— Не нужно.

— Действительно не нужно?

— Я сейчас же отправлю наших агентов на поиски Млисс Эбнис. Я понимаю вашу аргументацию. Если мы согласимся, что...

— Мы согласимся, — сказал Мак-Кей.

— Приказ, конечно, будет выдан от вашего имени, — сказал Сайкер.

— Как всегда, стараетесь остаться в стороне? — спросил Мак-Кей.

— Пошлите агентов на Стедион, чтобы разведать все, что касается косметологов. Она была там, и совсем

недавно. Я также ищу место, где она взяла бич, которым...

— Бич?

— Я только что был свидетелем бичевания. Эбнис закрыла прыжковую дверь, хотя паленка все еще протягивал руку сквозь ее отверстие. И ему напрочь отрезало эту руку. Паленка отрастит новую руку, или она сможет нанять нового паленку, но рука и бич могут послужить отправной точкой. Я знаю, что паленки не имеют генетической картотеки, где мы могли бы сравнить пробы ткани, но в данный момент у нас нет ничего лучшего.

— Я понимаю. Вы все это... видели все происшедшее?

— Я к этому и клоню.

— Не лучше ли вам самому явиться сюда и надиктовать ваше сообщение на ленту?

— Это я предоставляю вам. Я не думаю, что в ближайшее время смогу появиться в Централи.

— Гиими. Я понимаю, что вы имеете в виду. Вы хотите своим постоянным присутствием связать ей руки.

— Или я сильно ошибаюсь. Ну, теперь перейдем к тому, что я видел: когда она открыла дверь, я мог разглядеть кое-что на заднем плане, словно в окне. Когда я заглянул туда, там был дневной свет. Покрытое облаками небо.

— Покрытое облаками?

— Да, но почему вы спрашиваете?

— Здесь после полудня все время было облачно.

— Но вы же не думаете, что Эбнис была... нет, конечно, нет.

— Вероятно, нет, но мы должны искать ее. С ее бешеными деньгами никогда не знаешь, что она еще может купить.

— Да... Ну, а паленка... На его панцире смешной узор: треугольник, точки, красная и оранжевая, и все это обведено полосой или каймой желтого цвета.

— Родовой знак, — сказал Сайкер.

— Да, но какого рода паленки?

— Хорошо. Мы это выясним. Что еще?

— Во время бичевания на заднем плане была видна группа существ. Я видел одного прайлинга, пару соборайпсов и двух молодых юношей...

— Это похоже на обычную толпу паразитов. Вы узнали кого-нибудь из них?

— Я не смогу назвать кого-нибудь из них по имени. Но среди них был один пан спехи, и у него был шрам на лбу.

— В самом деле?

— Я знаю только, что видел шрам. Удаление эго-органа.

— Это против всех законов пан спехи, моральных, этических и...

— Шрам был пурпурным, — сказал Мак-Кей.

— И он выставлял его на всеобщее обозрение? Никакого грима или еще чего-нибудь, чтобы скрыть его?

— Ничего. Если я прав, это значит, что он — единственный пан спехи в этой группе. Если бы был еще один, он тотчас бы убил его.

— Что вам еще запомнилось?

— Была еще пара мужчин в зеленых комбинезонах, которая стояла на заднем плане.

— Личная охрана Эбнис.

— Я тоже так подумал.

— Довольно большое сборище, — сказал Сайкер.

— Да. Нелегко, столкнувшись с таким окружением, не вызвать против себя его гнева, а, наоборот, объединить его.

— Если кто-то и смог это сделать, так только она.

— Вот еще что, — сказал Мак-Кей. — Я почувствовал запах дрожжей.

— Дрожжей?

— Именно. У отверстия прыжковой двери создается разница давления. Поэтому запах дрожжей и донесся до меня.

— Все это очень ценные наблюдения. Вы абсолютно уверены в своих наблюдениях относительно пан спехи?

— Я видел не только его шрам, но и его глаза.

— Глубоко утопленные, фасетчатые, переходящие один в другой?

— Именно так.

— Если нам удастся этого парня представить перед светлы очи других пан спехи, у нас будет рычаг, с помощью которого мы сможем выбить Эбнис из седла. Подвести под это дело криминал, вы понимаете?

— Как мы должны действовать? Пан спехи взволнуется, когда увидит нашего человека. Он попытается бро-

ситься в прыжковую дверь, чтобы прикрыть Эбнис. Она же знает половину наших наблюдателей. Мы — другое дело.

— Но это будет убийство!

— Прискорбный несчастный случай, не больше.

— У этой женщины есть власть и влияние, данные ей, но...

— И она снесет нам головы, если сможет убедить суд, что она — частное лицо и мы пытаемся саботировать ее инициативу.

— Щекотливое положение, — сказал Сайкер. — Я надеюсь, вы не поднимете по этому поводу никакого официального шума.

— Но я это уже сделал.

— Вы это сделали?

— Я официально предупредил ее.

— Мак-Кей, вы приняли на себя тяжелые обязательства.

— Послушайте, Сайкер, Эбнис должна предпринять секретные юридические шаги. Посоветуйтесь с юридическим отделом. Она может что-то предпринять против меня лично, но если она выступит против Бюро, мы можем потребовать слушания дела и оказать персональное противодействие. Но это ей отсоветуют ее юристы.

— Может быть, она и не выступит против Бюро в суде, — сказал Сайкер. — Но, несомненно, натравит на нас своих собак. И ситуация может оказаться для нас неблагоприятной. И так уж в последнее время Бильдун словно взбесился. Он теперь в любое время может уйти в колыбель. Вы знаете, что это означает.

— Кресло директора будет свободным, — сказал Мак-Кей. — Я ожидал этого.

— Да, но это доставит нам множество новых забот.

— Вы прекрасно подходите для этой должности, Сайкер.

— Вы тоже, Мак-Кей.

— И я подхожу.

— Вы подадите письменное заявление? Как бы то ни было, у меня хватает забот с Бильдуном. Он взорвется, когда услышит об этом пан спехи. Это может его доконать.

— Он уже будет к этому готов, — без особой уверенности сказал Мак-Кей.

— Я надеюсь, вы понимаете, что я не подхожу для этого.

— Вы знаете об этой работе все, что необходимо, — сказал Мак-Кей.

— Я могу представить себе только сплетни, — сказал Сайкер. Он прервал связь.

Мак-Кей снова увидел тускло-красный свет внутри шара калебана. Он обливался потом. В помещении было жарко как в печи. Он спросил себя, скоро ли он потеряет в весе от такой жары. Потеря влаги в его теле, очевидно, была значительна. В тот момент, когда он подумал о воде, он почувствовал, что горло у него пересохло, как наждак.

— Вы все еще тут? — прокрихтел он.

Тишина.

— Фанни Мей?

— Я остаюсь в моем доме, — сказал калебан.

— Хотите общими силами положить конец бичеваниям? — спросил Мак-Кей.

— Если мой договор это позволит.

— Тогда порядок. Скажите Эбнис, что хотите, чтобы я был вашим учителем.

— Вы будете выполнять функции учителя?

— Вы хотите от меня что-нибудь узнать? — спросил Мак-Кей.

— Все смешанные связи изучены.

— Связи, — пробормотал Мак-Кей. — Надеюсь, мне удастся дожить до старости.

— Объясните, что такое «старость», — сказал калебан.

— Уже лучше. Но сначала мы должны обсудить договор. Может быть, существует возможность его обойти. По каким законам он заключен?

— Объясните, о каких законах идет речь. Вы имеете в виду моральные или юридические законы?

— Какими достойными уважения формулировками вы связаны? — терпеливо спросил Мак-Кей.

— Естественной честью высокоморальных мыслящих существ.

— Эбнис не знает, что такое честь, и никогда не думала о морали.

— Я представляю себе честь.

Мак-Кей вздохнул.

— Есть свидетели, письменные документы или что-нибудь подобное?

— Все другие калеканы подтвердили связи. Не понимаю, что такое «письменные документы». Объясните.

Мак-Кей решил отказаться от объяснений. Вместо ответа он спросил:

— При каких обстоятельствах вы можете отказаться от выполнения вашего с Эбнис договора?

После долгой паузы калекан сказал:

— Изменения обстоятельств обуславливаются изменением отношений. Эбнис должна отказаться от наших связей или попытаться найти им новое определение, в важнейших пунктах, тогда мне может открыться возможность для отступления.

— Ясно, — сказал Мак-Кей. — Это логично.

Он покачал головой, всматриваясь в пустой воздух над гигантским «половником». «Калекан! Тебя нельзя ни видеть, ни слышать, ни понять».

— Мне можно использовать вашу зейе-систему? — спросил он.

— Вы занимаете должность моего учителя.

— Это значит «да»?

— Положительный ответ.

— Положительный ответ, — эхом откликнулся Мак-Кей. — Прекрасно. Вы можете транспортировать мне вещи? Вы свяжетесь с тем местом, которое я вам укажу?

— Во время связи место легко можно узнать.

— Надеюсь, я понял, что это значит, — сказал Мак-Кей. — Вам известно о биче и руке паленки, которые лежат здесь, на полу вашего помещения?

— Положительный ответ.

— Я могу передать их в централь определенного Бюро? Можете вы это сделать?

— Думайте о Бюро.

Мак-Кей подчинился.

— Связь установлена, — сказал калекан. — Вы хотите исследовать эти вещи?

— Верно!

— Теперь отправлять?

— Немедленно.

Рука и бич рывком вылетели из его поля зрения и с резким хлопком взорвавшегося воздуха исчезли. Мак-Кей озадаченно мигнул, потом спросил:

— Эта транспортировка вещей подобна дальней связи тапризиотов?

— Транспортировка сообщений происходит на низшем энергетическом уровне, — ответил калекан.

— Верю, — сказал Мак-Кей. — Но есть еще одно маленькое дельце, связанное с моим другом Алихино Фурунео. Я полагаю, вы отправили его домой?

— Правильно.

— Вы отправили его не в тот дом, в который должны были его отправить.

— Есть только один дом.

— У нас есть больше, чем один дом, — сказал Мак-Кей.

— Но я вижу связи.

— Несомненно, — успокаивающе сказал Мак-Кей, восприняв излучение сильной эмоции. — Но вы должны знать, что он имеет также еще один дом здесь, на этой планете.

— Удивительное сообщение.

— Неужели? А теперь еще вопрос: можете ли вы исправить эту ситуацию?

— Объясните ситуацию.

— Можете ли вы доставить его сюда, в его дом на Сердечности?

— Вы хотите этого?

— Я хочу этого.

— Ваш друг сейчас на дальней связи с помощью тапризиота.

— Ага! — сказал Мак-Кей. — Можете ли вы транслировать этот разговор?

— Содержание разговора не может быть передано. Связи очевидны. Ваш друг говорит с существом, не являющимся человеком.

— Какого вида существо?

— Пан спехи.

— Что произойдет, если вы немедленно транспортируете Фурунео сюда, в его здешний дом?

— Нарушение связей. Я транспортирую его. Вот.

— Вы его уже отправили?

— Вы дали связь.

— Теперь он находится здесь, на этой планете?

— Он находится в том месте, которое не является его домом.

— Надеюсь, мы оба имеем в виду одно и то же, — сказал Мак-Кей.

— Ваш друг, — сказал калекбан, — хочет быть вместе с вами.

— Он хочет явиться сюда?

— Правильно.

— А почему бы и нет? Вы хотите его доставить?

— Какая цель будет достигнута в результате пребывания вашего друга в моем доме?

— Я хочу, чтобы он остался с вами и наблюдал за Эбнис в то время, когда я буду заниматься другими делами.

— Мак-Кей.

— Да?

— Вы думаете, что ваше или чье-нибудь присутствие здесь удлинит присутствие этой личности на вашем уровне?

— Это так.

— Ваше присутствие сократит бичевание.

— Я понимаю.

— Вероятно, понимаете. Связи указывают.

— Это кажется мне необычным, — сказал Мак-Кей.

— Вы хотите, чтобы ваш друг был здесь?

— Что Фурунео делает теперь?

— Фурунео находится на связи с... ассистентом.

— Это звучит правдоподобно, — Мак-Кей на мгновение задумался, потом сказал: — Когда Фурунео закончит свой разговор, доставьте его, пожалуйста, сюда.

Он сел, прислонившись спиной к стене. Боги и дьяволы! Жара была непереносимой. Почему калекбану необходима такая жара? Может быть, она для калекбана является чем-то другим, каким-то видом волн, выполняющих функции, о которых другие формы жизни не имеют никакого представления.

Поток восхитительно прохладного воздуха известил Мак-Кея, что прибыл Фурунео. Он повернулся и увидел планетного агента, лежащего на животе на полу возле него. Фурунео встал на ноги и огляделся вокруг.

— Сто тысяч чертей! — вскричал он. — Что вы со мной сделали?

— Нам нужен свежий воздух, — сказал Мак-Кей.

Фурунео заглянул ему в лицо.

— Что?

- Рад вас видеть, — сказал Мак-Кей.
- Да? — Фурунео присел на корточки рядом с Мак-Кеем. — Вы знаете, что со мной только что произошло?
- Вы были на Ланби, — сказал Мак-Кей.
- Откуда вы знаете? Вы следили за мной?
- Маленькое недоразумение, — ответил Мак-Кей. — Ланби — ваша родная планета.
- Это не так!
- Это вы обсудите с Фанни Мей, — сказал Мак-Кей. — Вы приказали начать поиски на этой планете?
- Да, едва я получил указание, как вы меня...
- Но вы сделали все необходимое?
- Да.
- Хорошо. Фанни Мей, держите нас в курсе всех происходящих здесь событий и доставьте сюда наших людей, которые будут отдавать вам приказы. Вы можете это сделать, Фанни Мей?
- Связи могут быть проданы. Договор позволяет это.
- Очень хорошо. Прекрасно.
- Я почти забыл, как здесь жарко, — сказал Фурунео, вытирая лоб. — Итак, я могу позвать своих людей. Что я еще должен делать?
- Следите за Эбнис.
- И?
- В тот момент, когда здесь появится паленка и приступит к бичеванию, вы возьмете голографическую камеру и зафиксируете это. У вас с собой есть этот инструмент?
- Само собой.
- Хорошо. Во время съемки поднесите вашу камеру как можно ближе к прыжковой двери.
- Возможно, она закроет дверь, как только увидит, что я делаю.
- Не позволяйте ей этого. Впрочем, вы считаетесь ассистентом учителя.
- Кем-кем?
- Мак-Кей рассказал о своем договоре с калеканом.
- Очень умно, — с уважением сказал Фурунео. — Итак, Млисс Эбнис не сможет отделаться от нас без того, чтобы не нарушить свой договор с Фанни Мей. Это все?

— Да. Вот еще что, попытайтесь выяснить, что имеет в виду калекан, когда говорит о связях.

— Связи, — сказал Фурунео. — Нет ли возможности заставить эту печь поэкономнее расходовать свой жар?

— Это вы можете сделать темой дальнейшего разговора. Постарайтесь выяснить, для чего нужна эта адская жара.

— Если не расплавлюсь. Где вы будете находиться?

— На охоте. Предполагаю, что я и Фанни Мей можем объединить свои связи.

— Не понимаю.

— Я имею в виду, что я начну поиски Эбнис, если Фанни Мей сможет транспортировать меня как можно ближе к ней.

— Ах так, — сказал Фурунео. — Но вы можете попасть в ловушку, вы это знаете?

— Может быть. Фанни Мей, вы понимаете, о чем я говорю здесь с моим другом?

— Понимаю.

— Очень хорошо. Можете вы транспортировать меня в какое-нибудь место поблизости от Эбнис, где она не заметит моего присутствия, но откуда я смогу наблюдать за ней?

— Ответ негативен.

— Но почему же?

— Непременное условие договора.

— О, — Мак-Кей на некоторое время задумался. Наконец он сказал: — Ну, а можете вы меня транспортировать в такое место, отправившись с которого, я могу оказаться поблизости от Эбнис в результате своих собственных усилий?

— Такая возможность есть. Разрешите проверку связей.

Мак-Кей ждал. Он глядел на Фурунео. Полевой агент уже начал раскисать от жары.

— Я видел свою мать, — сказал Фурунео, заметив внимательный взгляд Мак-Кея.

— Великолепно, — сказал Мак-Кей.

— Она со своими подругами купалась, когда калекан забросил меня к ним в плавательный бассейн. Вода была чудесная.

— И полагаю, вы удивились.

— Вы находите это великолепной шуткой. Я хочу сказать, что знаю, как функционирует зейе-система.

— Вы и пара миллиардов других. Потребление энергии должно быть чудовищно огромным. Как представляю себе, так у меня мурашки бегают по коже.

— Я испытал это ощущение. Вы знаете, жуткое чувство — мгновение назад я стоял и разговаривал в своем родном доме, а в следующее мгновение уже лежу на животе в своем кабинете.

— Мак-Кей, — сказал калекан. — Тут одна персона хочет установить с вами связь. Выполнить ее желание возможно.

— Вы будете меня транспортировать в какое-нибудь место поблизости от Млисс Эбнис?

— Положительный ответ. Да.

— Где это место?

Последовавший вслед за этим поток ледяного воздуха и жесткий удар о пыльную почву известил Мак-Кея, что он задает свой вопрос покрытому лишайником камню. Он в оцепенении уставился на этот камень и увидел включения слюды и маленькие желтоватые прожилки кварца. Камень был приблизительно метровой высоты. Он вместе с другими камнями лежал на пожелтом лугу, над которым светило далекое желтое солнце. Его местоположение на небе сказало Мак-Кею, что сейчас или далеко за полдень, или раннее утро по местному времени.

На другой стороне луга росли жалкие пожелтевшие кусты, а за ними виднелась возвышенность, незаметно спускавшаяся к далекой равнине, которая уходила к плоскому горизонту. Там равнина оканчивалась высокими белыми городскими башнями, высившимися среди этого пустынного однообразия.

— Проклятье! — охнул Мак-Кей и встал на ноги.

Бич и отрезанная рука паленки прибыли в исследовательскую лабораторию Централи в то время, когда там все были заняты. Шеф лаборатории, ветеран Бюро по имени Трайдж Тулук, как раз принимал участие в совещании, устроенном по поводу сообщения Мак-Кея.

Тулук был врайвером двух с половиной метров ростом, с цилиндрическим телом, вилкообразными ногами, с длинным лицом, на котором находились подвижные

хватательные щупальца. Совместная жизнь с людьми и с другими гуманоидами выработала у него неуклюжую походку, пристрастие к одежде с многочисленными карманами и циничную манеру разговора. Четыре стебельчатых глаза, выступавших из его лицевой щели, были зелеными и мягкими.

Вернувшись с совещания, он сейчас же узнал предметы, лежащие на полу его лаборатории. Они точно соответствовали описанию Гайчела Сайкера. Тулук немного поворчал о неосторожном способе доставки и принялся за исследования. Прежде чем отделить бич и руку друг от друга, он и его прибывшие сюда ассистенты сделали голографические снимки.

Как они и ожидали, генетическая структура руки паленки не давала никакой возможности для идентификации. Рука не принадлежала ни одному из паленок, чьи данные были занесены в генетическую картотеку. Несмотря на это, Тулук заложил в картотеку генетические данные обладателя руки; они были необходимы для дальнейшей идентификации, если их обладатель еще хоть раз войдет в контакт с Бюро.

Одновременно велось и изучение бича. Сообщение компьютера гласило: «Бич из бычьей кожи, копия старинных бичей с Земли». Он был сделан из полосы сыромятной бычьей кожи, факт, который вызвал у Тулука и его ассистентов-вегетарианцев некоторую дурноту, потому что раньше они считали, что это был синтетический материал.

— Болезненный архаизм, — сказал один из ассистентов Тулука, и все согласилось с этим мнением, даже пан спехи, для которого периодическое возвращение к плотоядному существованию было жизненно необходимо.

Странное строение некоторых молекул клеток бича привлекло их внимание. Изучение бича и руки продолжалось.

Сообщение настигло Мак-Кея, когда он удалился от камня приблизительно километра на три и стоял около полевой дороги. Он прошел этот отрезок пути пешком, переполненный глубочайшей и все более усиливающейся досадой на чужую обстановку. Город, который он так быстро обнаружил, оказался фата-морганой, отражени-

ем в воздухе над пыльной равниной, поросшей высокой травой и растрепанными колючими кустами.

В этой степи было почти так же жарко, как и в ша-ре калебана.

Единственными живыми существами, которых он до сих пор смог обнаружить, были пара желто-коричневых зверьков неопределенной формы и размера, которые проскользнули вдаль в пышущем жаром кустарнике, да бесчисленные насекомые — ползающие, летающие и прыгающие. Полевая дорога состояла из двух параллельно идущих углублений, образованных очевидно, колесами повозок, ржаво-красного цвета. Они начинались у далекой линии голубоватых холмов справа от него и тянулись по равнине настолько, насколько хватало глаз. Заросшие травой колеи свидетельствовали, что дорогой пользовались очень редко, и, кроме того, на дороге не было видно ни одного облачка пыли, которое выдало бы медленно ползущую по степи повозку.

Мак-Кей был почти счастлив, внезапно почувствовав наступление транса.

— Говорит Тулук, — сказал абонент. — У меня есть для вас сообщение. Вы велели, чтобы я вас вызывал, как только закончу исследование присланных вами вещей. Надеюсь, мой вызов достиг вас в благоприятный для вас момент.

— Конечно, — ответил Мак-Кей. — Я рад вашему вызову, Тулук. Что там у вас?

— О руке можно сказать немного. Настоящий паленка. Мы сможем идентифицировать первоначального владельца руки, если когда-нибудь он окажется в наших руках. Впрочем, эта рука уже однажды отращивалась. На предплечье находится шрам десяти сантиметров длиной, оставшийся от резаной раны.

— А как насчет родовых знаков?

— Это мы еще не проверили.

— А бич?

— Это другое дело. Он из настоящей кожи быка.

— В самом деле?

— Несомненно. Мы можем идентифицировать первоначального обладателя шкуры, хотя я и не думаю, что он где-то еще существует.

— Что еще?

— Бич — такой же архаизм, как и материал. Бич из кожи быка, старинного образца, подобные раньше

употреблялись на Земле. Это — справка компьютера, и эксперты ее подтверждают. Они говорят, что способ изготовления несколько грубоват, но нет никакого сомнения, что это копия, изготовленная с древнего оригинала, и бич был изготовлен совсем недавно.

— Где она могла достать оригинал для копирования?

— Мы проверим, и это может дать нам ценные данные. Сохранилось очень мало таких настолько древних вещей.

— Вы уверены, что бич изготовлен недавно? — спросил Мак-Кей.

— Животное, кожа которого использована, было убито не более двух лет назад. Внутренняя клетчатая структура еще даст каталитические реакции.

— Два года, — подумал Мак-Кей. — Где она могла взять столь древнее животное, как бич?

— Верно, — сказал Тулук. — Это сокращает круг поисков, и мы можем ограничиться определенными источниками. Кос-где есть небольшие стада, содержащие для постановки телефильмов, но я думаю, что бич был изготовлен на одной из отсталых планет, где нет еще технологии для изготовления синтетического мяса и животноводством занимаются для обеспечения пропитания.

— Это дело становится тем запутанней, чем глубже мы в него вникаем, — сказал Мак-Кей.

— У меня создалось такое же впечатление. Впрочем, на биче микроскопические частички кельфа.

— Кельф! Вот откуда запах дрожжей!

— Да, он довольно силен.

— Что она могла делать с этим порошком для ускорения реакции? — спросил Мак-Кей. — Никакой реакции после применения кельфа не было заметно, но это, конечно, ничего не значит.

— Может, она с помощью него писала родовые знаки на панцире паленки?

— Зачем?

— Может быть для того, чтобы подделать их.

— Возможно, — сказал Мак-Кей. — Это все?

— Ну, мы начали с малого, но бич хранили в подвешенном состоянии, зацепив его за кусок железа или стали, вероятно, за гвоздь, вбитый в стену.

— Железо или сталь? — спросил Мак-Кей. — Вы в этом уверены?

— Анализ показал следы ржавчины.

— Кто сегодня еще использует сталь?

— На многих новых планетах она еще применяется. Известны даже местности, где строят с помощью этого материала.

— Невероятно!

— Мы тоже удивлены.

— Вы знаете, — сказал Мак-Кей, — мы держим отсталые планеты под наблюдением, и на одной из таких планет я, кажется, и нахожусь.

— Где вы?

— Я не знаю.

— Не знаете?

Мак-Кей описал свое щекотливое положение.

— Ваши внешние агенты идут ради вас на адский риск, — сказал Тулук. — Я вам не завидую.

— Я и сам чувствую, что оказался в незавидном положении.

— У вас есть монитор. Я могу попросить тапризиотов определить ваше местопребывание. Распорядиться?

— Вы знаете, что в таком случае надо иметь огромный текущий счет в банке, — ответил Мак-Кей. — Я думаю, эта ситуация — не такой крайний случай, чтобы идти на риск банкротства. Разрешите мне сначала попытаться идентифицировать это место собственными силами.

— Итак, что я должен делать?

— Вызовите Фурунео. Скажите ему, чтобы он дал мне еще шесть часов, а потом калебан должен доставить меня обратно.

— Будет сделано. Сайкер сказал, что вы будете доставлены назад без использования прыжковых дверей. Калебан сможет отыскать вас везде?

— Я думаю, да.

— Сейчас вызову Фурунео.

Мак-Кей брел уже почти два часа, когда, наконец, заметил дым. Из-за далеких туманно-голубых холмов в небо поднималась тонкая серая спираль.

К тому времени Мак-Кейю стало ясно, что его доставили в район, где легко умереть от голода и жажды,

прежде чем обнаружишь цивилизованных разумных существ. Уныние и злость на самого себя охватили его и он проклинал себя за то, что воспользовался зейе-системой каледана, зная надежность взаимопонимания с этими существами. Неужели это конец — жестокий результат маленького недоразумения?

Идти!

Он никогда не думал, что его безопасность будет зависеть от надежности ног.

Он, казалось, приближался к дыму, хотя холмы оставались такими же далекими, как и прежде.

Это казалось ему самой глупой ошибкой, которую он когда-либо совершал. Почему Эбнис выбрала это Богом забытое место для того, чтобы вести отсюда свою извращенную игру? Если это вообще было искомое место. Во всяком случае, во время бесконечных разговоров с каледаном, все говорило о неточности понимания.

Мак-Кей, тяжело ступая, направился дальше, кляня себя за то, что не взял хоть немного воды. Сначала невыносимая жара в шаре каледана а, теперь — здесь. Горло словно жгло огнем. С каждым шагом из-под ног вздымалось маленькое облачко пыли. Насекомые гудели как вокруг трупа и пытались сесть на руки и лицо. Карман с приспособлениями оттягивал куртку. Мак-Кей был подготовлен ко всем возможным происшествиям, но только не к пешему переходу через пустынную степь какой-то отдаленной планеты.

Через некоторое время сквозь шум своих шагов и стук крови в висках, он услышал какой-то другой звук — тихий, неясный гул, словно удары по какому-то пустому, резонирующему телу. Казалось, его источник находится там, где дым поднимался в дрожащий воздух.

«Это может быть естественный феномен, — сказал себе Мак-Кей. — Это может быть неразумная форма жизни. Дым может идти и от очага возгорания». Из предосторожности Мак-Кей достал из кобуры маленький излучатель и сунул его во внешний карман куртки, откуда его можно было выхватить в любой момент.

Шум постепенно становился громче. Мак-Кей тяжело ступал по пыльной полевой дороге, поднимающейся на плоскую возвышенность. Солнце опускалось за горизонт. С тех пор, как он начал свое путешествие, свети-

ло прошло по небу, по крайней мере, пять своих диаметров.

«Что, во имя всех чертей, что означает этот барабанный бой?» — думал Мак-Кей. Достигнув широкого хребта возвышенности, он остановился и взглянул на простиравшуюся вдаль плоскую низину с выкорчеванными кустарниками. Приблизительно в центре ее находилось около двух десятков круглых глиняных хижин с коническими, поросшими травой крышами, окруженных овальным забором из жердей и переплетенного колючего кустарника. Из дымовых отверстий на крышах большинства хижин и от костров снаружи поднимались вверх тонкие нити дыма и сливались в воздухе над поселком. Свободное от хижин пространство низины было усеяно коричневыми силуэтами животных.

Темнокожие парни с длинными палками охраняли скот, видневшийся возле хижин; мужчины, женщины и дети занимались своими делами.

Мак-Кею, чьи предки происходили с планеты Каолай и тоже были темнокожими, эти люди казались чем-то обеспокоенными. В нем пробудилась память предков, внося смятение в душу. Где же во Вселенной люди могли деградировать до таких примитивных условий жизни?

То, что он видел здесь, было похоже на картину из ранней истории цивилизации Земли.

Большинство ребятишек и многие из мужчин были обнажены. Женщины носили юбки из травы или лыка.

Может быть, это какая-то секта, которая пропагандирует возвращение к древнему естественному образу жизни?

Полевая дорога вела вниз в долину, проходила через проселок, выходила с другой стороны и исчезала за ближайшей возвышенностью.

Мак-Кей пошел дальше. Он надеялся, что сможет получить воду у жителей деревни.

Из самой большой хижины, расположенной в центре деревни, доносился барабанный бой. Возле этой хижины ждала двухколесная телега, запряженная четырьмя огромными рогатыми животными с хомутами на шеях.

Мак-Кей, подойдя ближе, рассмотрел поклажу. Между двумя высокими бортами были беспорядочно на-

валены странные предметы — плоские пластины, свертки материи, жерди с металлическими наконечниками.

Барабанный бой прекратился и Мак-Кей увидел, что его заметили. Дети, пронзительно визжа, бегали между хижинами и указывали на него. Взрослые выходили из низких входов в хижины или бросали свою работу и вставали. Все уставились на него.

Над деревней повисла напряженная тишина.

Мак-Кей вошел в деревню через брешь в колючей изгороди. Черные лица, лишённые всякого выражения, следили за каждым его шагом. Множество запахов ударило в нос. Запахи тухлого мяса, навоза, пота, древесного дыма и еще какой-то едкий смрад.

Тучи насекомых роем летали над тягловыми животными, запряженными в телегу, которые лениво помахивали хвостами.

Когда Мак-Кей подошел к центру деревни, из самой большой хижины вышел рыжебородый белый мужчина. На нем были шляпа с плоскими краями, запыленная черная куртка и бледно-коричневые брюки. В руке у него был бич того же типа, что использовал паленка. Увидев бич, Мак-Кей понял: он на правильном пути.

Мужчина ждал у входа — угрожающе выглядывший тип со злыми глазами и тонкими губами в зарослях бороды и усов. Он взглянул на Мак-Кея, кивнул несколькими чернокожим, которые стояли слева от Мак-Кея, сделал жест в сторону повозки и снова обратил внимание на Мак-Кея.

Два высоких чернокожих подошли к тягловым животным и поправили упряжь на их головах и шеех.

Мак-Кей теперь мог рассмотреть груз телеги вблизи. Плоские пластины были изрезаны и разрисованы различными узорами. Они напоминали спинные панцири паленка. Внимание, с которым разглядывала его эта парочка, поправлявшая упряжь, ему не нравилось. Здесь таилась какая-то опасность. Мак-Кей опустил левую руку в карман куртки и нащупал трубку излучателя. Он чувствовал и видел жителей деревни, столпившихся вокруг. Спина зачесалась. Он почувствовал себя голым и беззащитным.

— Я — Джой Мак-Кей, уполномоченный Бюро Саботажа, — сказал он, останавливаясь шагах в восьми от рыжебородого. — А вы?

Мужчина сплюнул в пыль и пробормотал что-то похожее на «Добречер».

Мак-Кей сглотнул. Он не нашел в этом ничего общего с приветствием. Странно, подумал он. Он не мог поверить, что существуют люди, чья речь была ему совершенно непонятной.

— Я выполняю официальную миссию Бюро, — сказал Мак-Кей. — Сообщите об этом вашим людям.

Бородатый мужчина пожал плечами и сказал:

— Да'льдач.

Кто-то позади Мак-Кея крикнул:

— Крауликидо!

Бородач взглянул в том направлении, откуда раздался голос, потом снова на Мак-Кея.

Мак-Кей смотрел на бич. Мужчина держал его за рукоятку; конец бича волочился по пыли. Бородач уставился на Мак-Кея.

Мак-Кей спросил:

— Откуда у вас бич?

Мужчина взглянул на свою руку, сжимавшую рукоятку бича.

— Бич? — спросил он. — Нужен для быков.

Мак-Кей подошел ближе и протянул руку к бичу.

Бородач медленно покачал головой, угрюмо взглянув на него. Реакция была недвусмысленной.

— Мак-Кей, — сказал он. Потом постучал рукояткой о борт телеги и головой сделал знак садиться.

Мак-Кей снова посмотрел на содержимое телеги. Это, несомненно, были предметы, сделанные вручную. Он знал, что на экзотических и декоративных вещах можно было заработать бешеные деньги. Всегда находилось множество людей, которым надоедали вещи, производимые конвейерным способом на заводах и фабриках. Но если эти вещи были изготовлены здесь, в деревне, тогда это было похоже на подневольный труд. Или же здесь царило крепостное право. Игра Эбнис могла принять извращенные формы, но здесь, казалось, была изощренная и хладнокровная эксплуатация.

— Где Млисс Эбнис? — спросил он.

Этот вопрос вызвал неожиданную реакцию. Бородач вскинул голову и подозрительно уставился на него. Окружающие его люди испустили неразборчивый вопль.

— Эбнис? — спросил Мак-Кей.

— Сайасс Эбнис! — сказал рыжебородый.

Толпа начала петь:

— Эпа Эбнис! Эпа Эбнис! Эпа Эбнис!

Бородач что-то проревел, и монотонное пение внезапно оборвалось.

— Как называется эта планета? — спросил Мак-Кей. Он огляделся, заглядывая в темные лица. — Как называется эта деревня? Где она находится?

Никто ему не ответил.

Мак-Кей снова взглянул на бородача.

Остальных обвел непреклонным, оценивающим взглядом. Затем кивнул сам себе, словно придя к какому-то решению. Бородач сказал:

— Диспанг!

Мак-Кей наморщил лоб и выругался про себя. Это проклятое приключение приносит ему все новые затруднения! И не играло никакой роли, понимал он этих людей или нет. Он видел достаточно, чтобы требовать на этой планете полицейского расследования. Нельзя держать людей в таком примитивном состоянии. Несомненно, за всем этим стояла Эбнис. Бич, реакция на ее имя. Вся деревня провоняла жадностью. Эбнис. Мак-Кей смотрел на жителей деревни и видел у некоторых из них шрамы на руках, спинах и животах. Следы побоев бичом? Если это было так, тогда все деньги не спасут Эбнис. Самый мягкий приговор для нее — принудительное терапевтическое лечение, но на этот раз оно будет очень основательным...

Что-то взорвалось в затылке Мак-Кея и толкнуло его вперед. Пошатнувшись, он увидел бородача, поднимающего бич, и длинный ремень из сыромятной кожи свистнул в воздухе. Что-то ударило сбоку по голове. Он попытался вытащить из кармана излучатель, но его мускулы больше не повиновались ему. Он зашатался. Кровавая вуаль застала все перед глазами.

Снова что-то ударило его по голове, оставив жгучий след на коже черепа. Он почувствовал, как кровь бежит по лицу и как он падает на пыльную почву.

Он подумал о мониторе в черепе. Как только его убьют, один из тапризиотов где-нибудь обратит внимание и пошлет сообщение о критическом положении Джоя Мак-Кея.

— Нет, я еще могу это использовать! — сказала темнота в нем.

«Луна», — понял Мак-Кей. Этот светящийся предмет над ним должен быть Луной. Он осознал, что видит Луну уже некоторое время и почти совсем очнулся. Луна поднималась из черноты над очертаниями примитивных крыш.

Итак, он все еще в деревне.

Луна висела необычайно низко.

В голове Мак-Кея болезненно застучало. Он хотел ощупать ее и заметил, что запястья и лодыжки привязаны к колышкам, вбитым в твердую почву. Он был распят на спине, как сухая выделанная шкура животного.

Может быть, он находится в другой деревне?

Он проверил крепость своих пут, пытаясь двигать руками и ногами. Но не смог ослабить ремни.

Это было уничительно для него: распластаться на спине, раскинув руки и растопырив ноги.

Некоторое время он наблюдал за незнакомыми созвездиями вверх. Где же он находится?

Где-то слева вспыхнул огонек, какое-то время мерцал, потом превратился в оранжевый шар. Мак-Кей попытался повернуть голову в ту сторону, но замер, когда адская боль ударила вверх от туловища к затылку.

Он застонал.

Снаружи в темноте закричали животные. В ответ послышался хриплый рев. Затем снова воцарилась тишина. Потом снова рев. Новый шум в ночи привлек внимание Мак-Кея. Он услышал приближающиеся шаги.

— Я слышал, как он застонал, — сказал мужской голос.

Человек говорил на обычном галаксе. В ночи появились две тени и остановились возле Мак-Кея.

— Ты думаешь, он очнулся? — это был голос женщины, измененный звукоисказителем, находящимся у рта.

— Он дышит, как бодрствующий, — сказал мужчина.

— Кто здесь? — выдавил из себя Мак-Кей. Каждое слово отдавалось в его голове адской болью.

— Хорошо, что твои люди привыкли следовать инс-

трукциям, — сказал мужчина. — Представь себе, ведь он пришел сюда совершенно свободно!

— Как вы сюда добрались, Мак-Кей? — спросила женщина.

— Пешком, — пробурчал Мак-Кей. — Это вы, Эб-нис?

— Пешком, — насмешливо повторил мужчина.

Мак-Кей спросил себя, где он мог слышать голос этого мужчины. В этом странном акценте что-то было. Человек это или гуманоид? После некоторого размышления он решил, что только голос пан спехи мог выглядеть так по-человечески — потому что очертания его тела были похожи на человеческие.

— Если вы меня сейчас же не освободите, — сказал Мак-Кей, — это для вас может иметь непоправимые последствия.

Мужчина рассмеялся.

— Мы должны знать точно, как вы сюда попали, — сказала женщина.

— А какая вам разница?

— Это может иметь решающее значение. Что если Фанни Мей нарушила наш договор?

— Исключено, — фыркнул мужчина.

— Почему же исключено? Без помощи калекана он не мог бы появиться здесь.

— Может быть, есть еще один калекан?

— Фанни Мей сказала, что их больше нет.

— Я за то, чтобы сейчас же устранить этого проныру, — сказал мужчина.

— А если у него есть монитор? — спросила женщина.

— Фанни Мей сказала, что ни один тапризиот не сможет представить себе это место.

— Но Мак-Кей же здесь!

— И за то время, пока я нахожусь здесь, у меня уже была связь, — сказал Мак-Кей. — Ни один тапризиот не сможет представить себе этого места? — переспросил он удивленно. — Что значит это утверждение?

— У них не будет времени для того, чтобы отыскать нас или сделать что-нибудь для этого, — сказал мужчина. — Мы устраним вас.

— Это будет не очень разумно, — сказал Мак-Кей.

— Вы еще говорите о разумности? — спросил мужчина.

Мак-Кей попытался разглядеть поподробнее их лица, но видел только черные силуэты.

— У меня есть монитор, — сказал он.

— Чем раньше, тем лучше, — сказал мужчина своей спутнице.

— Убейте меня, и монитор сработает, — сказал Мак-Кей. — Тапризиоты отыщут это место и идентифицируют каждого, кто находится рядом со мной. Конечно, может случиться, что вы этого не понимаете, но вы должны знать.

— Я дрожу от страха, — сказал мужчина.

— Нужно выяснить, как он сюда попал, — настаивала женщина.

— Какую роль это может теперь играть?

— Дурацкий вопрос!

— Итак, калекан нарушил договор, — равнодушно сказал мужчина. — Теперь мы упрячем этого типа здесь, глубоко под землю, и инцидент будет исчерпан.

— Или дело примет такой оборот, о котором мы даже и не подозреваем, — ответила она.

— Почему вы носите этот звукоисказитель, Эбнис? — спросил Мак-Кей.

— Почему вы называете меня Эбнис? — ответила она вопросом на вопрос.

— Вы можете изменить голос, но не в силах замаскировать ни свою извращенность, ни свой стиль, — сказал он.

— Вас транспортировала сюда Фанни Мей? — спросила женщина.

— Кто-нибудь говорил, что это невозможно? — возразил Мак-Кей.

— Он храбр, — сказала женщина, хохотнув.

— Это ему не поможет.

— Я не верю, что калекан мог нарушить наш договор, — сказала она. — Вспомни об условиях защиты. Вероятно, он отправил сюда Мак-Кея, чтобы избавиться от него.

— Тогда, несмотря ни на что, и мы от него отделаемся.

— Я так не думаю.

— Ты знаешь, что мы можем это сделать.

— Ты заставишь его страдать, а я этого не переносу! — вскричала женщина.

— Тогда уходи и предоставь это мне.

— Я не перенесу мысли, что он страдает! Как ты не понимаешь!

— Он не будет страдать.

— Это должно быть абсолютно надежно.

«Никакого сомнения, это Эбнис», — думал Мак-Кей. Потому что он узнал ее отвращение к наблюдению чужих страданий. Но кто же второй?

— Моя голова ужасно болит, — сказал Мак-Кей. — Вы знаете это, Млисс Эбнис? Ваши люди почти разрубили мне череп. Мой мозг — сплошная израненная масса.

— Какой еще мозг? — спросил мужчина.

— Мы должны вызвать врача, — сказала она.

— Будь благоразумной, — резко ответил мужчина.

— Ты слышал? У него болит голова!

— Перестань, Млисс!

— Ты упомянул мое имя, — сказала она.

— Какое это имеет значение? Он все равно узнал тебя.

— Что мы будем делать, если он ускользнет?

— Отсюда?

— Он же прибыл сюда, не так ли?

— За это мы должны быть ему благодарны.

— Он страдает, — сказала она.

— Он лжет.

— Он страдает. Я это вижу.

— Что, если мы доставим его к врачу, Млисс? — сказал мужчина. — Что, если мы это сделаем, а он ускользнет? Этот агент Бюро, знаете ли, продувная бес-
тия.

Молчание.

— Нет другого выхода, — сказал мужчина. — Фанни Мей направила его сюда, и мы должны его уничтожить.

— Ты сводишь меня с ума! — закричала она.

— Он не будет страдать, — успокаивающе сказал мужчина.

Молчание.

— Я не понимаю тебя, — сказал мужчина.

— Не будет?

— Разве я тебе этого не говорил?

— Я пойду, — сказала она. — Я не хочу знать, что с ним произойдет. Ты никогда мне об этом не расска-
жешь, Чео? Ты меня слышишь?

— Да, моя дорогая, я слышал тебя.

— Он меня разрежет на мелкие кусочки, — сказал Мак-Кей. — И я все время буду визжать от боли.

— Заставь его замолчать, Чео! — истерически закричала она.

— Пойдем, дорогая, — сказал мужчина. Он положил руку на ее плечо. — Теперь пойдем.

— Эбнис! — в отчаянии простонал Мак-Кей. — Он причинит мне ужасную боль! Он будет меня истязать. Вы знаете это?

Она задрожала, когда мужчина повел ее прочь.

— Пожалуйста... пожалуйста... — умоляюще повторяла она. Звук ее рыданий затерялся в темноте.

— Фурунео! — подумал Мак-Кей. — Не мешкайте же! Заставьте калекана перенести меня! Я хочу убраться отсюда! Сейчас же!

Он со всей силы рванул путы. Сыромятные кожаные ремни растянулись до предела. Колышки же не подались ни на миллиметр.

«Быстрее, калекан! — думал Мак-Кей. — Не допустите моего убийства. Вы же говорили, что чувствуете со мной сродство».

Спустя множество часов, после вопросов, контрвопросов и бесполезных ответов Фурунео доставил сюда своего ассистента, который взял на себя охрану калекана. По просьбе Фурунео калекан открыл проход, и он вышел отдохнуть на лавовый блок. Снаружи было холодно, особенно после жары в шаре калекана. Ветер улегся, как обычно, перед наступлением вечера. Прибой все еще бился о внешние рифы и клокотал у скалы под шаром. Но наступило время, когда только отдельные брызги и клочья пены смачивали поверхность лавового блока.

Фурунео пока еще не выяснил, почему калекан подерживал внутри шара такую высокую температуру. Он дышал на ладони и мерил шагами лавовый блок взад-вперед. Он смотрел на заходящее солнце; едва оно исчезло за горизонтом, холодный воздух устремился вниз, к морю.

«Я или замерзну, или испекусь, — грустно подумал Фурунео. — Мне нельзя загнаться здесь!»

В этот момент Тулук с помощью тапризюта, обслу-

живающего Бюро, установил с ним контакт. Фурунео, который только что собирался перейти на другую сторону лавового блока, чтобы найти защищенное от ветра местечко, почувствовал взрыв в гипофизе. Он опустил поднятую для шага ногу, погрузил ее по щиколотку в лужу и утратил ощущения. Теперь мысль и вызов были для него всем.

— Вызывает Тулук. Я говорю из лаборатории, — сказал его абонент. — Извините за беспокойство.

— Я надеюсь, что вы не заставите меня долго стоять в холодной воде, — сказал Фурунео.

— Ну, здесь для вас еще больше холодной воды. Сообщите дружественному калекану, что он должен доставить Мак-Кея обратно через шесть часов после отправки. С тех пор, как Мак-Кей отдал этот приказ, прошло четыре часа пятьдесят одна минута. Остался один час девять минут. Сверьте ваши часы с моими и установите будильник.

Фурунео возмущенно фыркнул.

— Где он находится?

— Он не знает. Куда отправил его калекан? У вас есть идея, как это узнать?

— Это можно сделать только с помощью связей, — сказал Фурунео.

— Это точно? Что же это за связи?

— Когда я узнаю, вы будете первым, кому я об этом расскажу.

— Я думал, что вы это уже знаете, Фурунео.

— Ну хорошо. А теперь позвольте мне вынуть ногу из воды. Вероятно, она уже основательно промерзла.

— Вы можете точно определить время возвращения Мак-Кея?

— Конечно! Надеюсь, калекан по ошибке не отошлет его домой.

— Как это?

Фурунео рассказал о своем приключении.

— Звучит путано, — сказал Тулук.

— Я рад, что вы хоть настолько поняли меня, — ответил Фурунео. — Я было подумал, что вы не восприняли нашу проблему достаточно серьезно.

— Не каждый впадает в свои собственные заблуждения, — сказал Тулук.

— Вы не хотите закончить и позволить мне вынуть ногу из холодной воды?

— У меня сложилось впечатление, что вы устали, — сказал Тулук. — Отдохните.

— Если смогу. Мне кажется, я не смогу заснуть в шаре калекана, в его передвижном доме. Потому что, когда я проснусь, я буду вполне готов для пиршества каннибалов.

— Ваши люди тоже иногда выражаются в вашем отвратительном стиле, — сказал вайвер. — Но, несмотря ни на что, вы все же должны какое-то время поспать. Мак-Кей может настоять на пунктуальности.

Было темно, но ее мрачные мысли не нуждались в свете. Проклятый Чео! Дурак, садист! Было ошибкой финансировать его хирургическое вмешательство. Почему он не хотел остаться таким, каким был, когда они познакомились? Таким экзотическим, таким волнующим. Но он был все еще полезен. И он первым увидел великолепные возможности ее открытия.

Она вздохнула.

Ее комнаты находились на верхнем кольцевом этаже башни, которую она построила на этой планете, хорошо зная, что ее убежище находилось вне сферы коммуникаций, за исключением связи при посредничестве одного-единственного калекана. Да и тому оставалось прожить уже совсем немного.

Но как попал сюда Мак-Кей? И что же он имел в виду, утверждая, что получил вызов через одного из тапризиотов? Фанни Мей солгала? Существовал еще один калекан, который мог найти это место? «Нет», — сказала она себе. Этот мир был местом, ключ к которому находился только в одном мозгу, в мозгу мадам Млисс Эбнис.

Чтобы сделать это место абсолютно надежным, безболезненная смерть пришельца была вполне оправданна. Существует только одна дверь, и смерть закрывает ее. Выжившие, подобные ей самой, и дальше будут жить здесь в счастливом уединении...

Она встала и начала ходить по комнате взад-вперед. Ковер из драпа ласкал ее ноги. Веселая улыбка появилась на лице.

Несмотря на возникшие осложнения, она должна ускорить бичевания. Фанни Мей должна исчезнуть так скоро, как только возможно. Убийства без жертв, к не-

счастью, не бывает: это был аспект, который она все еще находила неприятным.

Но нужно было поспешить.

Фурунео в полудреме прислонился к внутренней стенке шара калебана, проклиная жару. Посмотрев на свои часы, он увидел, что осталось еще около часа до возвращения Мак-Кея.

Он не знал, сколько прошло времени, когда за гигантским «половником» калебана распахнулась туманная труба прыжковой двери. В отверстии появилась голова и голые плечи Млисс Эбнис.

Фурунео оттолкнулся от стены и помотал головой, чтобы прийти в себя. Дьявольская жара!

— Вы Алихино Фурунео, — сказала Эбнис. — Вы меня знаете?

— Знаю, — Фурунео недоверчиво уставился на нее. — Вы здесь для того, чтобы бичевать этого несчастного калебана? — Он нащупал в своем кармане голографическую камеру и уже хотел приблизиться к прыжковой двери, как поручил ему сделать Мак-Кей.

— Не вынуждайте меня закрывать эту дверь, — сказала она. — Я хочу немного поговорить с вами.

Фурунео помедлил, потом спросил:

— О чем вы хотите со мной поговорить?

— О вашем будущем, — сказала Эбнис.

Фурунео посмотрел ей в глаза. Пустота, царящая в них, оттолкнула его. Эта женщина была одержимой.

— О моем будущем? — переспросил он.

— Будет ли у вас вообще будущее или нет.

— Ваши угрозы не могут на меня повлиять, — сказал Фурунео.

— Чео сказал мне, — продолжала она, — что вы будете полезны для нашего проекта.

Не в силах обосновать свое убеждение, Фурунео понял, что это была ложь. Смешно, как она сама себя выдала. Ее губы дрожали, когда она произносила это имя — Чео.

— Кто такой Чео? — спросил он.

— В настоящий момент это неважно.

— Что это за проект?

— Выживание.

— Великолепно, — сказал он. — Что еще новенько-

го? — Он спросил себя, что она будет делать, когда он достанет камеру и начнет съемку.

— Мак-Кея ко мне послала Фанни Мей? — спросила она. Фурунео видел, что ответ на этот вопрос был для нее очень важен. Мак-Кей, похоже, уже начал действовать.

— Вы видели Мак-Кея? — спросил он.

— Я отказываюсь отвечать на вопросы о Мак-Кее, — ответила она.

«Абсурдный ответ», — подумал Фурунео.

Эбнис смотрела на него, поджав губы.

— Вы женаты, Алихино Фурунео? — спросила она.

Он наморщил лоб. Вероятно, у нее есть свои соображения. Какова ее цель?

— Моя жена мертва, — сказал он.

— Как печально, — пробормотала она.

— Думаю, я прав, — сердито сказал он. — Нельзя жить только прошлым.

— О, тут вы можете ошибаться, — сказала она.

— На что вы рассчитываете, Эбнис?

— Вам уже шестьдесят семь лет, не так ли?

— Зачем спрашиваете, если знаете?

— Вы еще не стары, — сказала она. — Вы выглядите намного моложе. Я могу поспорить, что вы настоящий мужчина, не чуряющийся всех радостей жизни.

Она хочет подкупить его? И что же она может предложить ему? Саму себя? Она была чрезвычайно привлекательной женщиной, однако он находил затруднительным признать это. Ситуация не совпадала с ее поведением.

— Скажите, наконец, чего вы хотите? — грубо спросил Фурунео. Он удивился, что, несмотря на жару, его знобит.

— Фанни Мей, покажи ему, — сказала Эбнис.

Туманная труба прыжковой двери замерцала, закрылась и открылась снова, но Эбнис в ней больше не было. Фурунео с высоты птичьего полета глядел вниз на залитый солнцем тропиков берег моря. В двадцати метрах от песчаной полосы берега на набегающих волнах океана покачивалась моторная яхта. На ахтердеке, лежа на надувном матрасе, грелась на солнце молодая девушка.

Фурунео замер, не в силах шевельнуться. Девушка

подняла голову, посмотрела вниз, на поверхность моря, потом снова опустилась на матрас.

Голос Эбнис донесся сверху, очевидно, из другой прыжковой двери прямо над ним, но он не мог отвести взгляда от сцены, которая так сильно врезалась в его память.

— Она вам знакома? — спросила Эбнис.

— Это Мада, — прошептал он.

— Точно.

— О, Бог мой! — снова прошептал он. — Когда вы это засняли? Это... Это наше свадебное путешествие. И я помню еще один день. Два моих друга и я уплыли от яхты, а она не умела хорошо плавать и осталась на борту.

— Итак, вы не сомневаетесь в подлинности этой сцены?

— Нет, — пробормотал он. — Почему вы уже тогда засылали к нам своих шпионов?

— Не было никаких шпионов. Если хотите — эти шпионы мы сами: вы и я. Это происходит сейчас.

— Невозможно! Это происходило почти сорок лет назад!

— Не кричите так, или она вас услышит!

— Но как она может меня услышать! Она мертва...

— Это происходит сейчас, говорю вам! Фанни Мей?

— В личности Фурунео содержится концепция, что «теперь» — относительное понятие, — сказал калебан. — Предметы на сцене истинны.

Фурунео покачал головой.

— Мы можем забрать ее с яхты и перенести вас обоих в такое место, где Бюро никогда в жизни не найдет вас, — произнесла Эбнис. — Что вы на это ответите, Фурунео?

Фурунео вытер слезы со щек. Он чувствовал запах тропических цветов, который смешивался с соленым запахом океана. Но это должна быть демонстрация старой записи.

— Если это происходит сейчас, то почему же она нас до сих пор не увидела? — спросил он.

— По моему приказу Фанни Мей скрыла нас от ее глаз. Но звуки не замаскируешь. Говорите тише.

— Вы лжете! — прошипел он.

Словно в ответ на это, молодая девушка поднялась, подошла к лееру и стала любоваться цветущими флам-

боковыми деревьями. Она напевала песенку, хорошо знакомую Фурунео, но теперь уже позабытую им.

— Я думаю, вы наконец поняли, что я не лгу, — сказала Эбнис. — Это наша тайна, Фурунео. Это наше открытие, сделанное с помощью калекана.

— Но... как можно?..

— Если есть подходящие связи, возможно все, даже открыть прошлое. Из всех калеканов осталась только одна Фанни Мей, чтобы связать нас с прошлым. Ни тапризмот, ни Бюро, никто не сможет настигнуть нас там. Мы можем отправиться туда и освободиться от всего.

— Ловкий трюк, — сказал он.

— Вы же сами видите, что это не так. Вы чувствуете запах цветов и моря?

— Но зачем... Чего вы хотите?

— Вашей поддержки в небольшом дельце, Фурунео.

— Каком?

— Мы опасаемся, что кто-то наткнется на нашу тайну, прежде чем мы будем готовы. Но если здесь будет кто-то, пользующийся доверием Бюро, и передаст им фальшивую информацию...

— Что за фальшивая информация?

— Что тут больше не происходит никаких бичеваний, что Фанни Мей счастлива, что...

— Почему это должен буду сделать именно я?

— Когда Фанни Мей достигнет своего... окончательного исчезновения, мы будем далеко и в безопасном месте. Я, вы и ваша любимая женщина. Это так, Фанни Мей?

— Констатация верна, — ответил калекан.

Фурунео уставился на прыжковую дверь. Мада! Она была там, перед его глазами. Она больше не напевала, а втирала в тело крем против загара. Что-то до боли стеснило грудь Фурунео. Если калекан еще немного приблизит свою прыжковую дверь, он сможет протянутой рукой коснуться Мады. Прошлого!

— Я... где-то там, внизу? — спросил он.

— Да, — ответила Эбнис.

— И я вернусь обратно на яхту?

— Вы сделаете то же, что и раньше.

— И что я там найду?

— Что вашей невесты там нет. Она исчезла.

— Но...

— Вы подумаете, что она утонула или убита в джунглях дикими зверями. Может быть, она пошла поплавать и...

— Она проживет после этого еще тридцать один год, — прошептал Фурунео.

— И у вас будет еще тридцать один год, — сказала Эбнис.

— Я... я буду уже не тот. Она станет...

— Ваша невеста узнает вас.

«В самом деле? — подумал он. — Может быть, да. Да, она его узнает. Может быть, она даже поймет необходимость такого решения». Но он все яснее видел, что она ему не простит этого. Никогда. Ведь это же Мада.

— Благодаря вмешательству наших лучших врачей она не умрет еще тридцать один год, — сказала Эбнис.

Фурунео кивнул, но этот жест предназначался только ему самому.

Она не простила бы ему так же, как не смог бы простить ей молодой человек, вернувшись к пустой яхте. И этот юноша не умер.

«Я сам не смог бы простить, — думал он. — Юноша, которым был я, никогда не смог бы простить все эти потерянные прекрасные годы».

— Если вы опасаетесь, — сказала Эбнис, — что ваше вмешательство в прошлое изменит Вселенную или ход истории, можете не беспокоиться. Этого не произойдет. Вы измените только одну изолированную ситуацию, не более. Новая ситуация займет место старой, а все остальное останется таким, каким было.

— Понимаю.

— Вы согласны на мое предложение? — спросила Эбнис.

— Что?

— Сказать Фанни Мей, чтобы она доставила вашу невесту к вам?

— К чему хлопоты? — сказал он. — Я не могу на это согласиться.

— Вы шутите?

Он обернулся и взглянул на нее. Она говорила из маленькой прыжковой двери у него над головой. В отверстии было видно только ее лицо.

— Я не шучу. Вы мне ничего не предлагали.

— Но это же на самом деле! Все, что я вам сказала — правда!

— Вы наивны, — сказал Фурунео, — если не смогли увидеть разницы между тем, что предлагаете, и тем, что уже было у нас с Мадой. Я сожалею...

Что-то яростно схватило его за горло, и начав душить, оборвало его слова. Он почувствовал, как голова преодолевает сопротивление прыжковой двери. Когда шея оказалась на створе двери, та закрылась. Его тело упало назад, в шар калібана.

— Ты идиотка, Млисс! — с яростью воскликнул Чео. — Ты слабоумная дура! Если бы я своевременно не вернулся!..

— Ты его убил! — задыхаясь, проговорила она, отступая от окровавленной головы, лежащей на полу ее жилой комнаты. — Ты его убил! И именно тогда, когда я уже почти достигла...

— Когда ты уже почти все уничтожила! — буркнул Чео. Он придвинул свое лицо шрамом к ее лицу. — Что теперь его люди будут делать с этим безголовым телом, а?

— Но он уже...

— Он уже был готов вызвать помощников и рассказать им все, что ты успела выболтать!

— Я не потерплю, чтобы ты так со мной говорил!

— Когда моя голова ложится на плаху, я говорю с тобой так, как считаю необходимым!

— Ты заставил его страдать! — жалобно сказала она.

— Он вообще ничего не почувствовал. Не жалей таких как он!

— Как ты можешь так говорить? — она отпрянула от пан спехи.

— Ты все время реवेश. Ты не можешь без сожаления смотреть на других, — прогремыхал он. — Но на самом деле ты поступаешь с ними еще более безжалостно. Ты знаешь, что Фурунео не принял твоего наивного предложения, но оно сильно мучило его. Ты продемонстрировала ему то, что он безвозвратно потерял. Это ты не называешь страданием?

— Послушай, Чео, если ты...

— Он страдал до того мгновения, когда я положил его страданиям конец, — сказал пан спехи. — Ты знаешь это!

— Перестань! — прокричала она. — Я не делала этого! Он не страдал!

— Он страдал, и ты знаешь это! Ты знала это все время.

Она бросилась на Чео, молотя его кулаками по груди.

— Ты лжешь! Ты лжешь!

Он схватил ее за запястья и заставил опуститься на колени. Она склонила голову. Слезы бежали по ее щекам.

— Лжешь, лжешь, лжешь! — рыдала она.

Он сказал ей нежным и успокаивающим тоном:

— Послушай меня, Млисс. Мы не знаем, как долго еще выдержит калекан. Это было разумно. Время у нас ограничено, есть определенный период, в течение которого мы можем использовать прыжковую дверь, и мы должны ее использовать как можно лучше. Ты бессмысленно расточаешь один из этих периодов. Мы не можем допускать таких ошибок, Млисс.

Она опустила глаза.

— Ты знаешь, мне совсем не хочется быть с тобой строгим, Млисс, — продолжал он. — Но мои методы лучше, как ты сама часто мне говорила. Мы должны сохранить нашу безопасность.

Она, не глядя на него, кивнула.

— Теперь перейдем к другому, — сказал он. — Плаути выдумал новую игру.

— Спаси Мак-Кея, — сказала она. — Он может рассказать нам много интересного.

— Нет.

— Чем он может нам повредить? Он может оказаться даже полезен. Я имею в виду, без поддержки Бюро и без других...

— Нет! Да и поздно, наверное. Я уже вызвал паленку... ну, ты понимаешь

Он отпустил ее запястья.

Эбнис встала. Она тяжело дышала, крылья носа трепетали. Она взглянула сквозь ресницы. Внезапно ее правая нога метнулась вперед и твердым носком туфли ударила Чео по голени.

Он заплясал на месте, схватившись рукой за место ушиба. Несмотря на боль, он улыбнулся.

— Вот видишь, — сказал он, — тебе нравится, когда страдают другие.

В следующий миг она уже бросилась к нему, целуя, бормоча извинения и лаская. Они больше не говорили о новой игре Плаути.

Когда монитор жизни Фурунео сообщил о его смерти, тапризиоты обыскали окрестности шара калебана. Но обнаружили только самого калебана и двоих людей Фурунео, летевших на ранцевых вертолетах. Рассуждение о действиях, мотивах или долге находились вне сферы тапризиотов. Они сообщали только о факте смерти, месте, где произошла эта смерть и лицах, доступных для контакта. Людей Фурунео можно было подвергнуть любому допросу, но калебан — совсем другое дело. Для того, чтобы обсудить, как благоразумнее поступить в сложившейся ситуации было необходимо совещание на высшем уровне Бюро. Смерть Фурунео произошла при чрезвычайно загадочных обстоятельствах — отсутствие головы, непонятные ответы калебана.

Когда Тулук вошел в конференц-зал — после того, как его грубо разбудили и вызвали в Централь — Гайчел Сайкер ударил хватательным пальцем по столу, что доказывало крайнюю степень его возбуждения и было неуместно при обычном поведении лаклака.

— Мы ничего не должны предпринимать, не советовавшись с Мак-Кеем, — сказал Сайкер. — Это очень деликатное дело.

Тулук занял свое место и коротко сказал:

— Вы еще не говорили с Мак-Кеем? Фурунео было приказано, чтобы тот связался с калебаном и отдал тому распоряжение...

Больше он ничего не сказал. Объяснения и данные поступали от всех присутствующих одновременно.

Когда Тулук смог продолжить, он спросил:

— Где тело Фурунео?

— Оно уже доставлено в лабораторию.

— Полиция подключена?

— Конечно.

— Что-нибудь известно о пропавшей голове?

— Ничего.

— Это, должно быть, результат действия прыжковой двери, — сказал Тулук. — За это дело взялась полиция?

— Об этом не может быть и речи. Этим занимаются наши люди.

Тулук кивнул.

— Тогда я согласен с Сайкером. Мы ничего не будем предпринимать без консультации с Мак-Кеем. Он в этом разбирается лучше, и он все еще наш уполномоченный. Фурунео мертв, а он должен был некоторое время назад отдать распоряжение о возвращении Мак-Кея. Это наша исходная позиция, — он выжидающе взглянул на Бильдуна.

Бильдун, пан спехи, шеф Бюро, сказал только четыре слова:

— Возьмите одного из тапризиотов.

Кто-то метнулся к двери.

— Кто, в конце концов, войдет в контакт с Мак-Кеем? — спросил Бильдун.

— Надеюсь, что я, — ответил Тулук.

— Для вас это будет несложно, — сказал Бильдун. — Сделайте это побыстрее.

Тапризиота ввели в конференц-зал и водрузили на стол. Он сетовал на грубые действия, на то, что его схватили, задев при этом коммуникационные иглы, и не дали времени сконцентрировать энергию. Но как только Бильдун напомнил об условиях договора с Бюро, тапризиот сказал, что готов выполнить заказ. Он расположился перед Тулуком и сказал:

— Данные, время и место.

Тулук сообщил местные координаты.

— Закройте лицо, — приказал тапризиот.

Тулук беспрекословно повиновался.

— Думайте о связи, — сказал тапризиот.

Тулук интенсивно думал о Мак-Кее.

Шло время, но контакта не было. Тулук приоткрыл щелку и посмотрел наружу.

— Закройте лицо! — приказал тапризиот.

Бильдун спросил:

— Что-то не в порядке?

— Тише, — сказал тапризиот. — Ответ придет, когда разрешит калекбан.

— Контакт через калекбана? — пробормотал Бильдун.

— Иначе не может быть, — сказал тапризиот. — Мак-Кей изолирован от связей с другими существами.

— Мне все равно, как вы с ним свяжетесь, главное — свяжитесь, — сказал Бильдун.

Внезапно по телу Тулука прошла дрожь, лицо его открылось. Он был в трансе.

— Мак-Кей? — спросил он, странно измененным голосом. — Говорит Тулук, — его полуквохчущие, полубормочущие слова были едва слышны собравшимся за столом и в конференц-зале.

Мак-Кей тихо сказал:

— Мак-Кей приблизительно через тридцать секунд не станет, а чтобы этого не произошло, вызовите Фурунео и пусть он прикажет калекану немедленно забрать меня отсюда.

— Что случилось? — спросил Тулук.

— Я закован, и паленка на пути сюда, чтобы убить меня. Я вижу его в свете факелов. Он несет с собой что-то похожее на топор. Он разрубит меня на куски. Вы знаете, как паленки...

— Я не могу вызвать Фурунео. Он...

— Тогда вызовите калекана!

— Вы же знаете, что калекана вызвать невозможно.

— Сделайте это, вы, идиот!

Тулук прервал контакт и обратился к тапризиоту с просьбой. Это было бессмысленно. Все известные данные свидетельствовали, что тапризиоты не могли посредничать при таких контактах.

Остальные присутствующие заметили, что бормотание и квохтанье вайвера в трансе прекратилось, потом снова возобновилось, потом опять смолкло. Бильдун в нетерпении хотел задать вопрос, но не стал этого делать. Цилиндрическое тело вайвера было таким спокойным и таким неподвижным.

— Вы знаете, — прошептал Сайкер, — я могу поклясться, что тапризиот получил приказ вызвать калекана.

— Это бессмысленно, — сказал Бильдун.

— Тулук в трансе или нет? — спросил Сайкер. — Его поведение мне не нравится.

Все за столом молча замерли. Они знали, что имел в виду Сайкер. Неужели вайвер потерян во время дальней связи? Пропал, исчез в странных измерениях, откуда еще не возвращалось ни одно «я»?

— Есть! — вскричал кто-то.

Собравшиеся за столом испугались, когда Мак-Кей в клубах пыли и в комьях земли возник из ничего. Он плашмя упал на спину в середине стола, едва ли в метре от Бильдуна, который чуть не слетел со стула. Запястья Мак-Кея были ободраны и окровавлены, глаза остекленели, рыжие волосы испачканы и всклоочены.

— Наконец-то, — прошептал Мак-Кей. Он перекатился на край стола и, словно это все объясняло, добавил: — Топор уже опускался.

— Что за топор? — спросил Бильдун, снова прочно усаживаясь на стуле.

— Топор, которым паленка хотел изрубить меня на куски.

— Что?

Мак-Кей сел, выпрямился и осмотрел запястья, потом лодыжки.

— Мак-Кей, объясните, что здесь происходит, — приказал Бильдун.

— Я... ага, ну, помощь чуть было не опоздала, — сказал Мак-Кей. — Почему Фурунео так долго выжидал? Я же сказал, чтобы он ждал только шесть часов, не больше, — он взглянул на Тулука, который сидел в своем откидном кресле тихо и прямо, словно обрубок серой трубы.

— Фурунео мертв, — сказал Бильдун.

— А, проклятье! — пробормотал Мак-Кей. — Как это произошло?

Бильдун немного помедлил, потом спросил:

— Где вы были? Что за история с паленкой и топором?

Мак-Кей, все еще сидя на столе, сделал короткий, но подробный отчет. Казалось, что он говорит с кем-то третьим. В заключение он сказал:

— Я не имею совершенно никакого понятия, где я был.

Сайкер откашлялся и сказал:

— С Тулуком определено что-то не то.

Все повернулись к врайверу. Тулук все также сидел в кресле, закрыв лицевую щель.

— Он... потерял, — сказал Бильдун хриплым голосом.

— Тулук установил контакт с калебаном, — сказал Мак-Кей. — Я велел ему. Это была единственная возможность спасти меня после того, как Фурунео потерял

возможность сделать это, — он вытер лоб. Руки его дрожали.

Когда паленка занес над ним топор, Мак-Кей уже распростился с жизнью. Он знал, что наступили последние мгновения. И у него оставалось ощущение, что на самом деле он еще не вернулся, а делает нетерпеливые жесты и произносит слова какое-то существо, которое овладело его телом. В тот момент, когда он уже поверил в свою смерть, он понял, что есть бесчисленное множество вещей, о которых ему хотелось узнать, и событий, которые ему хотелось пережить. Это помещение и его обязанности агента Бюро не относились к его желаниям. Но все же он продолжал жить и работать в Бюро. Это была тянущаяся десятилетиями рутина.

Мак-Кей, охая, поднялся и подошел к тапризиоту.

— Мы можем вернуть сюда Тулука?

— Ахзида дай-дай, — сказал тапризиот. — Кого вы хотите вызвать?

— Тулука же, вы, беглец с лесопильни! — проревел Мак-Кей и указал на неподвижную фигуру врайвера. — Вы можете установить с ним контакт?

— Он склеился с калебаном, — сказал тапризиот.

— Что ты имеешь в виду под словом «склеился»? — спросил Мак-Кей.

— Продолжайте, — предложил тапризиот.

— Вы не можете его вызвать? — спросил Мак-Кей.

— Сначала нужно определить, потом уже вызвать, — ответил тапризиот.

— Посмотрите, Мак-Кей! — произнес Сайкер.

Мак-Кей обернулся.

Лицевая щель Тулука зашевелилась. Маленькая клешня на одном из щупальцев высунулась наружу, потом опять исчезла. Потом лицо Тулука открылось целиком и он сказал:

— Захватывающе!

— Тулук! — воскликнул Мак-Кей.

Глаза врайвера открылись и уставились на него.

— Да? — и чуть погодя: — А, Мак-Кей. Вы с этим справились.

— Что с вами было? — спросил Мак-Кей.

— Это трудно объяснить, — ответил врайвер.

— Хотя бы попытайтесь.

— Я был введен в курс дела, — пробормотал Тулук. — Это что-то связанное с планетными союзами,

взаимодействующими друг с другом через огромное пространство. С этим взаимодействием связана какая-то проблема, может быть, даже разрушение звездных скоплений. И все это — контакт с калеканом... мне не хватает подходящих слов.

— Вы сами понимаете, что с вами произошло?

— Я думаю, да. Вы знаете, я не имею никакого понятия о том, где я был.

Мак-Кей озадаченно уставился на него.

— Что?

— Я жил в месте — ага — населенном минонимическими жителями.

— О чем вы говорите? — спросил Мак-Кей.

— Я, во время моей связи с вами, фактически был в контакте с калеканом, — сказал Тулук. — Это очень странное существо, могу вам сказать. Мне понравилось, что мой вызов прошел через булавочное отверстие в черном занавесе, и этим булавочным отверстием и был калекан. Тоже, конечно, на мой взгляд.

— Вы понимаете, Мак-Кей? — спросил Бильдун.

— Мне кажется, он говорит как калекан, — ответил Мак-Кей. Он почувствовал, что почти смог понять, что хотел сказать Тулук. Значение всего этого находилось на грани его понимания.

— Как вам удалось установить контакт с калеканом? — спросил он. — До сих пор считалось, что это невозможно.

— Частично дело, может быть, в том, что калекан посредничал во время моей связи с вами, — сказал Тулук. — Я... это был... — он на мгновение закрыл глаза, потом продолжил. — Представьте себе две паутины. Представьте себе определенную согласованность между ними... как прикус.

— Как прикус зубов? — спросил Мак-Кей.

— Может быть. Во всяком случае, необходимость такого согласования является условием для контакта нужной формы связи.

— Что это, к дьяволу, за связи и в каком смысле? — спросил Мак-Кей.

— Теперь я пойду? — спросил тапризист.

— Да, — сказал Мак-Кей. — Мы забыли о вас. Унесите его.

Подшли два охранника и увели тапризиста.

— Тулук, что это за связи? — спросил Мак-Кей.

— Мммм, — произнес Тулук. — Можете вы себе представить, что искусственность может совершенствоваться до того момента, когда она практически неотличима от первоначальной реальности?

— Что здесь общего со всеми связями такого вида?

— Именно в этот момент проявляется единственная отличительная черта этих связей, — объяснил Тулук.

— Да? — сказал Мак-Кей.

— Посмотрите на меня, — сказал Тулук.

— Смотрю.

— Представьте себе, что вы взяли контейнер, полный синтетического мяса, и изготовили из этого мяса точный дубликат моей персоны. Точнейший дубликат. До последней цепочки ДНК, РНК и комбинации генов в каждой отдельной клетке тела. Этот дубликат снабжается всеми моими воспоминаниями и моей манерой поведения. Задайте ему вопрос, и он, по-моему, ответит так же, как ответил бы я. Ближайшие друзья не смогут определить, где я, а где мой дубликат.

— И что же из этого следует? — спросил Мак-Кей.

— Будет ли какая-нибудь разница между нами? — в свою очередь спросил Тулук.

— Но вы же сказали...

— Есть одно различие, не так ли?

— Может быть, элемент времени?

— Нечто большее, — сказал Тулук. — Нужно знать, что один из них — дубликат. Синтетический Тулук будет серийной цепочкой протеинов. Я же выращен из плоти, которая до последней клетки была создана для исполнения своей функции как живого существа. Разница заключается в связях.

— Мак-Кей, вы понимаете эту чепуху? — поинтересовался Бильдун.

Мак-Кей сглотнул. Он начинал понимать, что хотел сказать Тулук.

— Вы думаете, что калекан видит только эту... эту утонченную разницу? — спросил он.

— И ничего больше, — ответил Тулук.

— Тогда он видит нас не как фигуры или измерения или...

— Нечто вроде протяженности во времени, так как мы понимаем время, — сказал Тулук. — Для него мы, может быть, ничто иное, как модуляция неизменных волн пространства. Для него время как бы выдавлива-

ется из тюбика. Оно не больше, чем линии, которые перекрещиваются в нашем сознании.

— О-о-ох! — выдохнул Мак-Кей.

— Я не вижу, каким образом это может помочь нам, — сказал Бильдун. — Наша главная задача — разыскать Эбнис. Вы, Мак-Кей, имеете представление о том, куда забросил вас калебан?

— У меня в памяти запечатлелось, как я лежу на полу, привязанный к колышкам, — ответил Мак-Кей. — Прежде, чем я уйду, мы должны сделать запись моих воспоминаний и дать компьютеру для проверки узор звезд на небе этой планеты.

— Предположим, что узор звезд имеется в памяти компьютера, — сказал Бильдун.

— Кто теперь охраняет калебана после того, как убили Фурунсо? — спросил Мак-Кей.

— Двое наших людей внутри шара и четверо снаружи, — ответил Бильдун.

Мак-Кей вздохнул.

— Тогда, боюсь, для меня вы сможете сделать только одно: вы отзовете охранников, или я это должен сделать сам?

— Один момент, — сказал Бильдун. — Я знаю, что вы должны вернуться в этот шар, но...

— Один, — сказал Мак-Кей.

— Почему?

— Юридически будет правильно, если я перед свидетелями потребую обратно голову Фурунсо, — сказал Мак-Кей. — Я также попробую вызвать калебана на дискуссию. Но самое главное, что она будет искать меня. Я улизнул от нее, и она не знает, сколько или как много я знаю об ее уловках и планах. Она должна быть в ярости и попытается снова поймать меня.

— Итак, вы будете приманкой?

— Я не сказал бы этого, — ответил Мак-Кей. — Но если я снова буду один, она может попытаться торговаться со мной.

— Она может даже попытаться оторвать вам голову, — пробурчал Бильдун. — Единственная ваша охрана будет заключаться в том, что один из тапризиотов будет все время наблюдать за вами.

— Мак-Кей станет беспомощной жертвой, если он войдет в транс, находясь в шаре калебана, — сказал Тулук.

— Ничего опасного, если контакт через тапризиота будет длиться пять или десять секунд, а по мере надобности и до одной минуты. По продолжительности это будет как повторяющийся звонок телефона, не больше. Но пока я не позову на помощь, тапризиот не должен отвлекать меня, — сказал Мак-Кей. — Хорошо?

— Мне это не нравится, — сказал Сайкер. — Что если...

— Вы думаете, что Эбнис и ее помощники будут говорить со мной открыто, если увидят в шаре столько охранников? — спросил Мак-Кей.

— Верно, — сказал Тулук. — Мы должны позволить контакт между Эбнис и Мак-Кеем, если хотим ее найти.

— Хороший аргумент, — сказал Мак-Кей. — Только через контакт с ней можно определить ее местопребывание. Шар калібана — прочная позиция на Сердечности. С другой стороны, местоположение этой планеты известно. В момент непосредственного контакта шар укажет местоположение в пространстве — линию наименьшего сопротивления контакту. Дальнейший контакт укажет на признаки, по которым...

— Где нужно искать Эбнис, — добавил Бильдун. — Предположим, вы верно поняли ситуацию.

— Мы должны попытаться установить связи через открытое пространство, — объяснил Тулук. — Между точками контакта не должно быть ни больших звездных масс, ни водородных облаков...

— Я достаточно знаю теорию, чтобы представить себе, что она может сделать с Мак-Кеем. Ей потребуются не больше двух секунд, чтобы сделать прыжковую дверь над его головой, а потом... — Он чиркнул указательным пальцем по горлу.

— Тогда позаботьтесь о том, чтобы тапризиоты установили со мной контакт в эти две секунды, — сказал Мак-Кей.

— А что вы будете делать, если Эбнис не станет с вами говорить? — спросил Бильдун.

— Тогда мы будем действовать как саботажники, — ответил Мак-Кей.

«Непредубежденный наблюдатель, который находился бы внутри шара калібана, не смог бы отрицать некоторого уюта», — подумал Мак-Кей. Здесь было

жарко, но эта жара необходима его жителю. Существовали разные существа, некоторые из них жили в зонах с жарким климатом. Гигантский «половник», в котором в настоящее время находился калекан, можно было сравнить с удобной постелью. Потолок был низок, но низкорослый человек, каким был Мак-Кей, мог стоять выпрямившись, не втягивая голову в плечи. Красноватый свет был не более странным, чем любой другой, и был приятен для глаз только что проснувшегося человека. И настил пола был мягким, как мех. Правда, Мак-Кей на мгновение почувствовал запах освежающих и дезинфицирующих средств, который появился в воздухе.

Мак-Кей сидел спиной к стене, все время прихлебывая из кружки с холодной водой, которую захватил с собой. Через две секунды после того, как он проснулся, он почувствовал сигнал тапризюта — слабое жужжание, сопровождаемое подергиванием в голове. Это было очень похоже на слабый удар электрического тока. Он начал уже привыкать к этому.

— Тапризюты посылают вам свои сообщения через пространство таким же образом, как это делают калеканы? — спросил он. — Я имею в виду, видят ли они это сообщение?

— Тапризюты очень слабы, — ответил калекан. — Тапризюты не обладают энергией калеканов. Собственной энергией калеканов. Собственной энергией, вы понимаете?

— Не знаю. Может быть, понимаю.

— Тапризюты видят очень слабо, очень слабо, очень коротко, — сказал калекан. — Иногда тапризюты просят о... об усилении? Калекан дает усиление. Тапризюты платят, мы платим, вы платите. Все платят энергией. Вы называете потребность в энергии голодом, не так ли?

— Верно, — сказал Мак-Кей. — Но как...

Толстая рука паленки, держащая бич, просунулась в отверстие за «половником». Бич щелкнул, вызвав в красноватой полутьме фонтан зеленых искр. Рука с бичом убралась прежде, чем Мак-Кей успел среагировать.

— Фанни Мей? — прошептал он. — Вы все еще здесь?

Молчание. Потом:

— Вы называете это неожиданностью. Внезапность этого удара бичом.

Мак-Кей медленно выдохнул. Он отметил время происшедшего и сообщил об этом по радио людям Фурунео в местном отделении Бюро, чтобы они там установили координаты.

— Можете вы еще раз попытаться локализовать планету Эбнис? — спросил он у калекана.

— Договор запрещает это.

— И вы должны уважать договор, так? До самой смерти, если это будет нужно?

— Уважать до окончательного исчезновения, да.

— И это произойдет довольно скоро, не так ли?

— Позиция окончательного исчезновения будет видна всем, — сказал калекан. — Может быть, это понятие можно будет отождествить с чем-нибудь.

Снова высунулась рука с бичом, вызвав в воздухе фонтан зеленых искр, и так же быстро втянулась обратно.

Мак-Кей прыгнул вперед и остановился возле «половника». Поздно. Он никогда не отваживался так близко подойти к калекану. Жара здесь была еще сильнее, и он почувствовал, как зудит рука. Рой искр не оставлял после себя ничего. Мак-Кей чувствовал вблизи «половника» возрастающее беспокойство — признак силы. Ладони стали мокрыми. «Чего я опасаюсь?» — смущенно думал он.

— Эти два нападения последовали очень быстро друг за другом, — ошарашенно сказал он.

— Соседство позиций заметно, — сказал калекан. — Следующая позиция очень удалена.

— Следующее бичевание будет для вас последним?

— Эта персона не знает этого, — ответил калекан. — Ваше присутствие снижает интенсивность бичевания. Вы... отражаете?

— Я позабочусь об этом, — сказал Мак-Кей. — Я хочу узнать, почему ваш конец означает конец для всех остальных разумных существ?

— Вы сами транспортировали свое «я» с помощью зейе, — сказал калекан.

— Это же делает каждый!

— Зачем? Вы можете дать этому объяснение?

— Это идеальный способ личного перемещения по всей Вселенной. Каждая планета имеет специали-

зацию — есть планеты-санатории, планеты для занятия зимними видами спорта, планеты обучения, планеты-университеты, планеты для стариков, планеты для молодых — само Бюро Саботажа имеет в своем распоряжении чуть ли не целую планету. Есть очень мало разумных существ, которые не пользовались никогда этой транспортной системой, очень мало. Насколько я знаю, только очень малый процент населения никогда не пользовался зейе-системой.

— Верно. Такое использование создает связи, Мак-Кей. Вы должны это понять. Эти связи должны распасться с моим окончательным исчезновением. Распад связей вызовет окончательное исчезновение всех, кто пользовался зейе-дверьми.

— Хотя вы это и утверждаете, но я еще не понимаю.

— Это произойдет потому, Мак-Кей, что наше общество калебанов выбрало... координатора. Понятие неточно. Может быть, обслуживающего. Нет, тоже не точно. Ах! Мое «я». Я — зейе!

Мак-Кей пошатнулся от нахлынувшей на него волны такой сильной печали, что едва мог устоять. Слезы хлынули из глаз, рыдания душили его. Печаль! Его тело реагировало на это, но эмоции не выходили изнутри, а затопляли его снаружи.

Эмоция печали медленно отхлынула.

Мак-Кей глубоко вздохнул. Он все еще дрожал от воздействия эмоции. Он понял, что она исходила от калебана и, как волна тепла, наполнила это помещение и захлестнула все сенсорные окончания.

Печаль.

Несомненно, чувство ответственности за все эти предстоящие случаи смерти и сумасшествия.

«Я сам — зейе!»

Что, во имя Вселенной, имел он в виду, делая это странное заявление? Мак-Кей думал о переходах и прыжковых дверях. Связи? Может быть, нити? Каждое разумное существо, пользовавшееся зейе-эффектом, через прыжковую дверь было связано с калебаном своей собственной нитью? Что это было? И каждый следующий проходил через руки калебана? И так все время. И когда калебан прекратит свое существование, нити порвутся. Все умрут.

— Почему вы никогда не предупреждали об этом, когда предлагали нам зейе-эффект? — спросил он.

— Предупредить?

— Да! Вы предложили нам...

— Я ничего не предлагал. Калекан объясняет эффект. Мыслящие существа вашего уровня выказывают большую радость. Вы предлагаете в обмен плату.

— Вы должны были нас предупредить.

— Зачем?

— Ну, вы и вам подобные живут вечно, так?

— Для всех... достаточно долго. Бесконечность.

— Но не для индивидуумов, а для видов.

— Виды мыслящих существ, они стараются жить вечно?

— Конечно.

— Почему?

— Разве это не сокровенное желание каждого?

— А как с другими видами, которым ваш вид уступает место? Вы верите в эволюцию?

— Эволюция? — эхом откликнулся Мак-Кей. — Какое это имеет значение?

— У всех живых есть тот день, когда они должны будут уйти, — сказал калекан. — День — верное понятие? День, единица времени, определенная длительность существования, вы понимаете?

Мак-Кей задвигался, но не произнес ни слова.

— Протяженность времени существования, — сказал калекан. — Верно?

— Но что дает вам право нас... кончать? — спросил Мак-Кей.

— Я не присваивал себе это право, — сказал калекан, — предоставлять условия для пригодных связей и тянуть за собой других моих товарищей по зейе-контролю, прежде чем я сам достигну окончательного исчезновения. Необычные обстоятельства не допускают такого разрешения. Млисс Эбнис и... ее спутники укорачивают ваши линии. Другие калеканы уже ушли.

— Понимаю, — сказал Мак-Кей. — Вы идете, пока у вас есть время.

— Время... да, ваша необратимая линия. Сравнение дает подходящую концепцию. Недостаточно точную, но приемлемую.

— И вы последний калекан на нашем... уровне?

— Мое «я» единственное, — сказал калекбан. — Конечно точка времени, да. Я подтверждаю описание.

— Нет никакой возможности спасти нас? — спросил Мак-Кей.

— Спасти? А... избежать? Да, избежать окончательного исчезновения. Вы предлагаете это?

— Я спрашиваю, имеется ли возможность избежать этого? Избежать того, что случилось с вашими товарищами по виду.

— Возможности существуют, но результат для вашего уровня останется тем же.

— Вы можете спастись, но мы все равно погибнем, так?

— У вас нет понятия о чести? — спросил калекбан. — Сам я спасусь, но потеряю честь.

— Я отлично это понимаю, — проворчал Мак-Кей. — Когда произойдет следующее бичевание?

— Вы ищите позицию линейного перерыва, да? Это тронуло меня, но моей персоне дано задуматься, что другие виды других измерений тоже могут нуждаться в этом. Итак, мы пойдем на прекращение существования, не так ли?

Так как Мак-Кей не ответил, калекбан сказал:

— Мак-Кей, вы поняли смысл сказанного?

Чео наблюдал за заходом солнца на море. «Это великолепно, — подумал он, — что в мире есть такое море». Из башни, которую Эбнис возвела в этом городе с низкими строениями, открывался вид на морское побережье и середину горной цепи.

Ровный ветер дул ему в лицо, играл светлыми волосами. Он был одет в синие брюки и светло-серую рубашку-сетку. Одежда придавала ему гуманоидную внешность с тонким акцентом, но тут и там на его теле подчеркивала странные выпуклости и нечеловеческие выступы мускулов.

Веселая улыбка тронула его губы, пока он наблюдал за кишашими внизу, подобно насекомым, толпами на улицах. Одновременно его фасетчатые глаза видели небо, по которому в солнечном закате протянулись побледневшие линии облаков, над морем, по ту сторону города, над нависшей балюстрадой.

Он бросил взгляд на хронометр, который дала ему

Млисс. Это была смешная тикающая вещица, но она точно показывала время солнечного заката.

Часы навели его на мысль о Мак-Кее. Как агент нашел эту планету? И потом, когда он нашел ее, как он добрался до деревни? В настоящий момент Мак-Кей сидел в шаре калибана, очевидно, в качестве заложника.

Зачем?

Противоречивые эмоции, захлестывающие Чео, не доставляли ему никакого удовольствия. Он нарушил основной закон пан спехи. Он взял себе все это, предоставив своим партнерам безмозглое существование. В институте космической хирургии ему удалили орган, который возвышает пан спехи над всеми расами Вселенной. Хирургическое вмешательство оставило шрам на лбу и глубокий след в душе, но он никогда не думал, что будет так доволен результатами операции.

Никто и ничто не могло теперь повлиять на его «эго».

Конечно, теперь он был одинок, однако это была наименьшая цена, и этой ценой было то, что в конце его цикла существования ждала смерть, и это объединяло его со всеми другими формами жизни во Вселенной.

А Млисс помогала ему найти безопасное место, где его не сможет отыскать ни один пан спехи.

Эбнис вышла на обзорную террасу позади него. Уши, такие же чувственные, как и глаза, различили отзвук эмоций в ее шагах — скука, озабоченность, страх, который в последнее время постоянно угнетал ее.

Чео оглянулся.

Он видел, что она побывала у косметологов. Волосы, теперь уже красные, обрамляли ее миловидное лицо. Она бросилась на одну из кушеток и вытянула ноги.

— Эти косметологи! — сердито сказала она. — Они хотят вернуться домой!

— Оставь их, — сказал он.

— Но где мне найти других?

— Да, это, конечно, проблема, не так ли?

— Ты смеешься надо мной, Чео. Не делай этого.

— Тогда скажи им, что они не должны уезжать.

— Я уже сделала это.

— Ты сказала им почему?

— Конечно нет! Что за вопрос?

— Ты говорила с ними так же, как с Фурунео.

— Я прочитала им лекцию. Где мой адвокат?

— Уже ушел.

— Но я хотела с ним еще кое о чем посоветоваться!
— Ты не можешь подождать?
— Ты же знаешь, что он нам еще нужен. Почему ты позволил ему уйти?

— Оставь, Млисс. Это не так и важно. Не обременяй себя лишним свидетелем.

— Наша версия состоит в том, что виноват калекбан, и никто не сможет доказать обратное, — сказала Эбнис. — Но я эту сторону дела могу взять в свои руки до тех пор, пока кто-нибудь что-то не выяснит.

Чео вздохнул.

— Как хочешь. Но мне не дает покоя то, что ты не можешь спать спокойно. Бюро Саботажа поручило калекбану потребовать от нас выдачи головы Фурунео.

— Его... — она побледнела. — Но откуда они знают, что мы...

— При сложившихся обстоятельствах это был естественный маневр.

— Ты дал им какой-нибудь ответ?

— Я сказал нашим людям, что они должны объяснить, что калекбан закрыл прыжковую дверь именно тогда, когда Фурунео направился в ее отверстие.

— Но ведь они знают, что монополия на использование этой прыжковой двери принадлежит нам, — сказала она.

— Все не так плохо. Калекбан транспортировал Мак-Кея и его друзей, — сказал Чео. — Это доказывает, что мы не обладаем такой монополией. Одновременно это дает прекрасную возможность использовать тактику умалчивания и затягивания. Калекбан отправит голову куда-нибудь, и мы не будем знать, куда. Я ему, конечно, сказал, что он должен отвергать их требования.

— Но если они допросят калекбана?

— Тогда, очень вероятно, они получают весьма путанные ответы. И того, что они получают, будет недостаточно, чтобы нас найти.

— С твоей стороны это очень умно, Чео.

— Но не прибавляет мне желания остаться с тобой.

— Зато мне прибавляет, — сказала она, улыбаясь.

После труднейших переговоров Мак-Кею удалось уговорить калекбана открыть входную дверь в шар. Теперь он сидел в потоке холодного свежего воздуха; вдо-

бавок одна из групп охранников снаружи могла поддерживать с ним прямой контакт. Он надеялся, что Эбнис клюнет на приманку. Новая стратегия казалась бесспорной.

Яркий свет солнца проникал в отверстие в шаре калекана. Мак-Кей подставил руку лучу солнца, ощутив его тепло. Он знал, что пока двигается, он представляет собой плохую мишень, да и присутствие охранников делало нападение маловероятным. За ночь он с охранниками предотвратили еще пять бичеваний; и теперь в лаборатории Тулука находилось уже шесть рук паленок с бичами. Может быть, Эбнис поняла, что калекана не так легко убить, как она надеялась. Ее стратегия теперь, похоже, нуждалась в коррекции.

Мак-Кей устал и был раздражен. Он все время вынужден был принимать возбуждающие средства. Его раздражение выражалось в том, что он, как зверь в клетке, бродил в шаре калекана. Если Эбнис хочет его убить, она попытается сделать это. Смерть Фурунео — подтверждение тому.

Мак-Кей чувствовал смесь гнева и сострадания, думая о смерти Фурунео. В этом агенте было что-то добродушное и надежное, располагающее к доверию. И он нашел здесь печальный и бессмысленный конец, совсем один, запертый в ловушке. Его поиски Эбнис не продвинули дело вперед, а только подняли конфликт до уровня неприкрытого насилия. Это означало неопределенность и причиняло вред одной-единственной жизни — а вместе с ней стали уязвимыми и все остальные жизни.

Он почувствовал волну ярости, направленную против Эбнис. Это же бессмысленно!

Он поборол нервную дрожь. Через отверстие он мог видеть лавовый блок, на котором покоился шар калекана, и торчавшие за ним скалы. Большинство из них были замшелыми, покрытыми водорослями. Теперь, в отлив, они привлекали тучи насекомых. В соленом воздухе смешивались запахи гнили и тины.

— Может быть, вы мне сможете сказать, — обратился он через плечо к калекану, — находится ли Эбнис где-нибудь поблизости или остается на своей планете. Это не должно противоречить вашему договору.

— Это поможет вам найти Эбнис?

— Не знаю.

— Эбнис заняла относительно постоянную позицию на определенной планете.

— Но при всех наших измерениях и подсчетах мы не можем найти единственно правильное направление, не можем обнаружить источник, из которого она совершает нападения на вас.

— Вы не можете видеть связи, — сказал калекбан.

Мак-Кей вздохнул и встал, чтобы выглянуть наружу. В этот момент в воздухе мелькнула серебристо-белая петля и упала на то место, где он только что стоял. В ту же секунду он обернулся и увидел, как петля мгновенно втянулась назад, в маленькую трубу прыжковой двери.

— Эбнис, это вы? — крикнул он.

Он не получил никакого ответа, а прыжковая дверь щелкнула и исчезла.

Охранники снаружи устремились к входному отверстию.

— Все в порядке, Мак-Кей? — крикнул один из них.

Мак-Кей махнул им рукой, вытащил из кармана излучатель и слегка сжал его в руке.

— Фанни Мей, — сказал он, — вы помогаете ей найти меня и убить, как она это сделала с Фурунео?

— Наблюдающая личность, — ответил калекбан. — Поскольку Фурунео перестал существовать, намерения наблюдающего неизвестны.

— Вы видели, что здесь произошло? — спросил Мак-Кей.

— Эта личность с помощью зейе-контроля получает сведения о возрастающей активности других индивидуумов. Активность возрастает.

Мак-Кей потер левой рукой шею. Он спросил себя, сможет ли использовать свое оружие достаточно быстро, чтобы на лету срезать брошенную петлю.

— Это тот способ, с помощью которого она захватила Фурунео? — спросил он. — Она набросила ему на шею петлю и втянула в зейе-дверь?

— Прерывистость удаляет личность из существования, — сказал калекбан.

Мак-Кей пожал плечами и сдался. Это был один из тех ответов, которые он получал, когда спрашивал калекбана о смерти Фурунео. Но они должны разрешить эту проблему. Он раздраженно покачал головой, когда

получил вызов от тапризиота, но не прервал контакт. Это был Сайкер. Лаклак принял эмоцию беспокойств Мак-Кей и решил подключиться.

— Нет! — в ярости вскричал Мак-Кей. Он почувствовал, как его тело застыло в трансе. — Нет, Сайкер! Отключитесь!

— Но что случилось, Мак-Кей?

— Отключитесь, вы, идиот, или со мной все будет кончено!

— Хорошо... что с вами все в порядке. Но вы были так...

— Отключитесь!

Сайкер прервал контакт.

Снова почувствовав свое тело, Мак-Кей обнаружил, что болтается в петле, которая, перехватив его дыхание, подтягивает его к маленькой прыжковой двери. Он слышал скребущие и царапающие звуки, доносящиеся из отверстия, его люди звали его, но он не мог ответить. Его легкие готовы были лопнуть, паника захлестывала мозг. Он обнаружил, что во время транса выронил излучатель. Он был беспомощен. Руки напрасно царапали петлю.

Кто-то схватил его за плечи и повис. Добавочная тяжесть затянула петлю туже, и Мак-Кей начал терять сознание.

Внезапно он услышал шум движения вверх. Мак-Кей упал на человека, схватившего его, и они вместе покатались по полу.

Охранник освободил его от петли и помог встать на ноги. Затем вайвер поднял камеру прыжковой двери, которая закрылась с треском электрического разряда.

Мак-Кей со стоном хватал воздух. Без помощи охранника он не смог бы стоять.

Постепенно до него дошло, что в шаре калекана находятся еще пять мужчин — два вайвера, один лаклак, один пан спехи и один человек. По меньшей мере трое из них говорили одновременно.

— Хватит! — прокричал Мак-Кей. От произнесенных слов заболело горло. Он взял петлю из щупалец вайвера и осмотрел ее. Тросик был сделан из серебристого блестящего материала, не известного Мак-Кею. Он был ровно обрезан излучателем.

Мак-Кей посмотрел на охранника, который делал голографические снимки, и спросил:

— Вы что-нибудь видели?

— Нападение было совершено пан спехи с удаленным эго-органом, — ответил врайвер. — Я сделал хорошие снимки его лица. Попробуем его идентифицировать.

Мак-Кей бросил ему срезанную петлю.

— Отправьте это в лабораторию. Пусть Тулук исследует ее. Не исключено, что этой же петлей был убит и Фурунео. Может быть, на материале петли остались клетки его тела.

— Мак-Кей, — сказал пан спехи, — у нас приказ оставаться здесь, с вами, если на вашу жизнь будет совершено покушение, — он протянул ему излучатель. — Я думаю, эту вещь потеряли вы.

Мак-Кей сердитым жестом убрал оружие. В следующее мгновение он почувствовал взрыв нового транса и замер.

— Отключись! — с яростью выдохнул он. — Проклятье, ты хочешь меня убить?

Но контакт не прервался. Это был Бильдун, и он не был настроен выслушивать проклятия.

— Что там у вас происходит, Мак-Кей?

Мак-Кей объяснил ситуацию.

— Вы теперь окружены охранниками?

— Да.

— Видел ли кто-нибудь нападавшего?

— У нас есть его голограмма. Это был пан спехи с удаленным эго-органом.

Мак-Кей воспринял ужас, охвативший его шефа, потом Бильдун резко сказал:

— Немедленно возвращайтесь в Централь.

— Видите ли, — сказал Мак-Кей. — Я — лучшая приманка, которая у нас есть. У вас есть какие-нибудь основания...

— Назад, немедленно! — оборвал его Бильдун. — Если вы не послушаетесь, я доставлю вас сюда силой.

Мак-Кей уступил. Еще никогда он не видел своего начальника в таком мрачном настроении.

— Что происходит? — спросил он.

— Если вы та приманка, которой вы себя считаете, Мак-Кей, то здесь она так же эффективна, как и там. Если Эбнис охотится за вашей жизнью, она больше не будет столь легкомысленной. Я хочу, чтобы вы были здесь, в окружении еще большей охраны.

— Что-то случилось? — спросил Мак-Кей.

— Он еще спрашивает! Все бичи, доставленные на исследование, исчезли! Лаборатория выглядит так, словно в ней хозяйничало стадо обезьян, а один из ассистентов Тулука мертв! Обезглавлен и... голова исчезла.

— Проклятье, — сказал Мак-Кей. — Иду.

Чео, скрестив ноги, сидел на полу в прихожей своей квартиры. В руках он держал кусок, который остался у него после того, как помощник Мак-Кея обрезал петлю.

Так не повезло! Этот лаклак с излучателем был достаточно быстр. И нет никакого сомнения в том, что врайверу удалось сделать голограмму через отверстие прыжковой двери. Теперь они будут исследовать петлю, задавать вопросы, показывать всем снимки.

Ну, это многого им не даст. Ни один из его друзей или знакомых прошлых лет не сможет его узнать после того, как врачи-косметологи изменили его внешность. Конечно, пропорции носа и глаз остались такими же, но кроме этого...

Чео покачал головой. Нет никаких оснований для беспокойства. Никто не сможет помешать им уничтожить калекана! А после этого все предположения и соображения будут иметь только академический интерес.

Он вздохнул, встал и бросил кусок тросика в угол. Нужно убрать охрану от калекана или калекана от охраны. Но как? Он погладил шрам на лбу, потом прислушался. Что это за шорох позади? Он медленно повернулся, и руки его опустились.

В просеме двери, выходящей в коридор, стояла Млисс Эбнис. Оранжевый свет превратил жемчужины на облегающем тело платье в янтарь. На лице ее боролись ярость и страх, а в глазах был виден лихорадочный блеск, признак больной психики.

— Ты давно здесь? — тихо спросил он.

— А что? — она вошла в комнату и закрыла дверь. — Что ты делаешь?

— Выживаю, — сказал он.

Она проследила по комнате за его взглядом и увидела в углу бичи. Они были брошены на что-то круглое,

поросшее волосами. Под этой кучей на полу виднелось мокрое темное пятно. Она побледнела.

— Что это? — прошептала она.

— Не волнуйся, Млисс, — сказал он.

— Что ты сделал! — прокричала она в истерике.

«Я должен ей сказать, — подумал он. — Я действительно должен ей сказать».

— Я работаю, чтобы спасти наши жизни, — сказал он.

— Ты кого-то убил, не так ли? — прокричала она.

— Он не страдал, — сказал Чео.

— Но ты...

— Что значит одна смерть по сравнению с миллионами, миллиардами, которые мы запланировали? — спросил он. — И ради всех чертей Говахина, можешь ты когда-нибудь не нервничать!

— Чео, я боюсь тебя!

— Успокойся, — сказал он. — У меня есть план, как избавить калекана от охраны. Если это удастся, мы скоро уничтожим его, и тогда дело будет сделано.

Она сглотнула.

— Фанни Мей страдает. Я знаю это.

— Это бессмыслица! — порывисто возразил он. — Ты же сама слышала, что калекан это отрицает. Он не знает, что такое боль. У него даже нет такого понятия!

— Но что если мы ошибаемся? Что если это недоразумение?

Он подошел к ней и сурово взглянул на нее сверху вниз.

— Млисс, ты имеешь представление о том, как мы будем страдать, если наши планы потерпят крах?

У Мак-Кея было такое ощущение, словно каждое его нервное окончание сигнализирует об опасности. Они с Тулуком стояли в лаборатории. Это помещение должно было действовать успокаивающе, но Мак-Кею казалось, что стены куда-то исчезли и он беззащитен против нападения снаружи и брошен на произвол судьбы. Куда бы он ни поворачивался, его спина оказывалась беззащитной и подвергалась опасности. Эбнис и ее друзья делали отчаянные попытки и использовали все средства, и это было доказательством их уязвимости.

Но где была их ахиллесова пята? В чем заключалась их слабость?

И где они скрывались?

— Это очень странный материал, — сказал Тулук, поднимаясь из-за стола, где он исследовал серебристый тросик. — В высшей степени достойный внимания.

— Что же в нем странного?

— Он просто не может существовать.

— Но он существует, не так ли?

— Я это вижу, друг мой.

Тулук убрал хватательные клешни и задумчиво почесал правую часть лицевой щеки. Показался оранжевый глаз, повернулся и взглянул на Мак-Кея.

— Вы знаете, — сказал врайвер, — единственная планета, на которой могли выращивать этот материал, прекратила свое существование более тысячи лет назад. Было только одно место, одна комбинация биохимических и энергетических условий...

— Вы ошибаетесь, этот материал здесь, перед нашими глазами.

— Глаза стрелка из лука, — сказал Тулук. — Вы помните историю с Новой?

Мак-Кей склонил голову набок и на время задумался.

— Кажется, да. По-моему, я об этом где-то читал.

— Планета называлась Рап, — продолжил Тулук. — Это кусок волокна с Рапа.

— Кусок волокна с Рапа?

— Вы никогда не слышали об этом?

— Никак не могу вспомнить.

— Да, ну... это местный материал. Изготавливается из вида вьющегося растения с относительно коротким периодом жизни. Интересно, что его единственный стебель не измочаливается, даже если его весь расщечь. Видите? — Тулук рванул отдельное волоконец из обрезанного конца. Оно только чуть отошло, но сейчас же вернулось и прочно переплелось с другими. — Эти волокна ведут себя по отношению друг к другу с ярко выраженной когерентностью.

— Вы сказали, короткий период жизни?

— Да, волокна с Рапа при самых благоприятных условиях сохраняются не более чем двадцать — двадцать пять лет.

— Но планета...

— Да, тысячу лет тому назад.

Мак-Кей недоверчиво посмотрел на серебристо блестящий тростник.

— Очевидно, эта вещь выросла где-то в другом месте. Может быть, кому-то удалось вырастить волокно с Рапа на какой-то другой планете.

— Может быть, но тогда ему удавалось сохранять это в тайне очень долгое время. Да и какой смысл?

— Мне не нравится то, о чем вы думаете, — сказал Мак-Кей.

— Это самая важная констатация, которую я когда-либо от вас слышал, — сказал Тулук. — Но я знаю, что вы имеете в виду. Вы считаете, что я думаю о путешествиях во времени или...

— Невозможно! — сказал Мак-Кей.

— Я проделал очень интересный математический анализ этой проблемы, — сказал Тулук.

— Путешествия во времени! — фыркнул Мак-Кей. — Бессмыслица!

— Наши привычные формы восприятия, конечно, мешают мыслительному процессу, который необходим для анализа этой проблемы, — сказал Тулук. — Я же освободился от традиционного образа мышления. Посмотрите: мы имеем множество точек-измерений пространства. Эбнис находится на определенной планете, это же относится к калебану. Мы получаем действительные контакты между обеими точками, серию событий.

— И что же?

— Мы должны исходить из того, что эти точки контакта лежат в основе узора.

— Почему? Могут быть произвольные образцы...

— Две специфические планеты, двигающиеся в пространстве, представляют собой единый узор, единую систему, единый ритм. Мы имеем дело с системой, отвергающей общепринятые анализы. Это темпоральный ритм, переводимый в серию точек-ритмов. Он и пространственный и временной.

Мак-Кей сказал:

— Это уже не связано с путешествиями во времени.

— Подождите! Я вижу целое, как систему линейных связей...

— Линии! — сказал Мак-Кей. — Связи!

— Как? Да, верно. Линейные связи, которые дви-

жут формами или формой измерений. Мы можем изложить все формы пространства как количество, которое определяет другие качества. Вы следите за моей мыслью?

Мак-Кей неуверенно кивнул.

— Мы рассматриваем данные как серию измерений, которая определяется движущимися точками, причем мы должны помнить, что они тоже определяют пространство между подобными точками. Итак, речь идет о многочлене измерения, если выражаться точнее. И чем же в связи с этим является время? Время — это многочлен измерения. Но мы имеем множество точек-измерений в пространстве и во времени. Итак, у нас есть либо одна постоянная переменная величина, либо множество постоянных переменных величин. И в результате сокращения их количества посредством расчетов, мы увидим, что имеем дело с двумя системами, которые содержат бесконечное множество возможностей.

— И вы обнаружили это? — спросил Мак-Кей.

— Я это обнаружил, — сказал Тулук. — Теперь отсюда следует, что имеются точки контакта нашей проблемы их раздельного существования в течение разных промежутков времени. Итак, Эбнис принимает другое измерение времени как шар калекана. Это неизбежный вывод.

— Это тонкие различия, которые видит калекан, — задумчиво сказал Мак-Кей. — Эти связи, эти нити.

— Паутина, которая связывает многие вселенные, — сказал Тулук. — Смотрите, прыжковые двери калекана дают нам возможность почти мгновенно преодолевать световые годы. Представьте себе огромное количество энергии, которое должно расходоваться на это. И, может быть, что мы видим лишь малую часть того, что находится во власти калекана.

— Мы никогда не должны были признавать зейс-систему, — сказал Мак-Кей. — Нам совершенно достаточно было обычных космических путешествий и все развивающейся техники затормаживания функций организма. Мы должны были оставить калеканам их связи.

— Вы сами не верите в это, Мак-Кей. Конечно, мы должны были предвидеть возможную опасность. Но мы были поражены и ослеплены возможностями, открывшимися перед нами. И это была ошибка.

Мак-Кей поднял левую руку, чтобы почесать голову, и тут почувствовал опасность. Прежде чем он успел среагировать, что-то ударило его по руке и рассекло ее до самой кости. Он обернулся и увидел поднятую для нового удара руку паленки с зажатым в ней клинком. Рука высывалась из туманной трубы прыжковой двери. В отверстии была видна бронированная жабы голова паленки, а рядом — правая часть лица пан спехи: красно-фиолетовый шрам на лбу, смарагдово-зеленые фасетчатые глаза.

Мак-Кей увидел поднятый для удара клинок и понял, что тот ударит прежде, чем его застывшие в шоке мускулы успеют среагировать. Колющая боль в левом виске, удар по голове, раскаленный луч излучателя, вспыхнувший перед его лицом — все перемешалось в одно мгновение.

Он стоял, замерев, неспособный двигаться. Только глаза действовали и отмечали удивление на лице пан спехи, отрезанную руку паленки, упавшую на пол, щелчок сомкнувшейся прыжковой двери. Сердце бешено колотилось. Что-то темное и мокрое бежало по его левой щеке вдоль челюсти. Рука болела, и он видел кровь, капающую с кончиков пальцев.

Потом кто-то оказался рядом и прижал что-то к его щеке. Тулук нагнулся, чтобы поднять клинок из руки паленки...

— Я снова был на волосок от смерти, — сказал Мак-Кей. Потом наступила реакция, и он задрожал всем телом.

Было уже далеко за полдень, когда Мак-Кей вернулся в лабораторию, окруженный охранниками с оружием наизготовку. Он провел два часа в медстанции и еще два часа в юридическом отделе и очень хотел спать. Юристы Бюро напирали на своих коллег, состоявших на службе у Эбнис; был издан приказ, по которому агенты Бюро и криминальная полиция получили разрешение на розыски и конфискацию рассеянного по множеству планет имущества Эбнис. Одновременно против нее было выдвинуто официальное обвинение и начато официальное расследование. Может быть, так и можно было чего-нибудь добиться, но Мак-Кей не верил в это. Все это разворачивалось в атмосфере параграфов и символики, которые были так же скользки, как и

абстрактны, создавали различные правовые затруднения и открывали многочисленные лазейки.

Петли, мечи, топоры и хватающие прыжковые двери — это были орудия непосредственных конфликтов, которые он смог пережить только благодаря тому, что придерживался такой же безжалостной стратегии. И ничто из того, что он сделал до сих пор, не могло предотвратить катастрофу, угрожавшую всей Вселенной.

Восемь охранников вошли вместе с ним в лабораторию, где Тулук был занят исследованием маленького металлического осколка. Руководитель лаборатории мельком взглянул на вошедшего Мак-Кея и снова согнулся над экраном своего электронного микроскопа.

— Там, на столе, лежит карточка из картотеки, — сказал он, указывая рукой налево. — Прочитайте ее, а я тем временем закончу.

Мак-Кей осмотрелся, увидел исписанную карточку, лежащую на испачканном лабораторном столе, подошел к нему и взял этот кусочек картона. Тулук исписал ее сам, и педантично-аккуратные буквы выдавали преданность вайвера его работе.

«Вещество: сталь на основе железа. В состав входят примеси марганца, углерода, серы, фосфора и кремния, следы никеля, вольфрама, хрома, молибдена и ванадия.

Источник происхождения: соответствует известным маркам стали второго века Земли из политической эпохи Японии (ручное изготовление мечей во времена расцвета эпохи самураев).

Обработка: лезвие и острие двойной закалки, спинка не закалена.

Оценка длины оригинала: сто двадцать один сантиметр.

Рукоятка: кость, обвитая льняным шнуром и лакированная (анализы прилагаются)».

Мак-Кей взглянул на приложенный листок: «Кость из зуба морского млекопитающего, обработанная с употреблением инструментов неизвестного происхождения, но, предположительно, бронзовых».

Анализы льняного шнура были интересны, потому что он имел сравнительно недавнее происхождение. Интересным был и лак. Он был разведен на летучем растворителе, который можно было идентифицировать как производное угольной смолы, но основой для красителя послужил настой из красных кошенилевых вшей,

которые если еще не вымерли, то уже в течение тысячелетий не использовались для получения красителей.

— Вы прочли это? — спросил Тулук.

— Да.

— Что вы теперь думаете о моей теории?

— Я думаю, что она имеет смысл, — пробурчал Мак-Кей. — Что вы теперь намерены делать?

— Этот клинок выкован, — сказал Тулук. — И я реконструирую узор ударов молота.

— Зачем?

— Изготовление мечей такого типа было тщательно охраняемым секретом, — сказал Тулук, не глядя на него. — Он передавался внутри семьи, от отца к сыну, в течение тысячелетий. Неравномерность ударов молота каждого кузнеца образует характерный узор, так что живущий ныне изготовитель может быть идентифицирован. Коллекционеры разработали надежные методы исследования подлинности. Эти методы абсолютно надежны, а данные следы так же индивидуальны, как отпечатки пальцев.

— И какие результаты вы получили? — спросил Мак-Кей.

— Я несколько раз повторил текст, чтобы исключить всякие сомнения, — сказал Тулук. — Хотя лак и шнур указывают, что возраст меча — самое большее восемьдесят лет, стальной клинок был изготовлен за много тысячелетий до этого, мастером Канемурой. Я могу дать индекс хранилища информации, если вы хотите убедиться лично.

Сообщение о родовых знаках паленки ожидало Мак-Кея, когда он вернулся со стратегического совещания из офиса Бильдуна. Он вернулся в полночь, но в Центральные все еще находились служащие, занимающиеся своей работой. Особенно много было охранников.

Кресло-робот Бильдуна подняло подножку и легкими движениями манипуляторов массировало спину директора, когда вошел Мак-Кей. Бильдун открыл свои зеленые фасетчатые глаза и сказал:

— У нас информация о паленке. Раскраска, которую вы видели. Эта информация находится здесь, на моем столе, — он закрыл глаза и вздохнул.

Мак-Кей опустиллся в одно из кресел-роботов и сказал:

— Я устал от чтения. Что в нем?

— Это знаки зипзонга, — сказал Бильдун. — Идентификация безукоризненна. — Он снова вздохнул. — Я тоже устал, оказались бы вы на моем месте!

— Верю, — зевнул Мак-Кей. Он чуть было не дал своему креслу-роботу знак начать массаж. Наблюдать за тем, как обрабатывался Бильдун, было очень соблазнительно. Но Мак-Кей знал, что может заснуть, если предоставит своему телу это удобство. Охранник, неслышнодвигающийся по комнате, должно быть, тоже устал, как и он сам. Они, несомненно, рассердятся на него, если он позволит себе задремать.

— Мы отдали приказ об аресте и арестовали главу рода зипзонгов, — сказал Бильдун. — Он утверждает, что никто из его рода не пропадал.

— Это так?

— Мы попытались проверить, но это очень сложно. У них нет никаких письменных подтверждений — только заверения одного из паленок, а чего они могут стоить?

— Вероятно, он поклялся своей рукой, а?

— Конечно. Но знаки его рода могли быть использованы и незаконно. Итак, мы можем его считать лжецом до получения доказательств.

— Потребуется три-четыре недели, пока паленка отрастит себе новую руку, — сказал Мак-Кей.

— Что ты имеешь в виду?

— У нее в резерве, должно быть, несколько дюжин паленок.

— Она может иметь пару сотен паленок.

— Высказывает ли глава рода досаду или смущение по поводу того, что знаки его рода используются неуполномоченными на это паленками?

— Мы не заметили ничего подобного.

— Он лжет, — сказал Мак-Кей.

— Откуда вы знаете?

— По юрисдикции жителей планеты Говахин фальсификация родовых знаков относится к восьми самым тяжким преступлениям, которые могут совершить паленки. И говахинцы должны об этом знать, потому что они первыми провозгласили неписанные законы паленок. Кроме того, они в течение тысячелетий являются защитниками паленок.

— Что вы предлагаете? — спросил Бильдун.

— Я хочу, чтобы мне разрешили допросить главу рода паленков.

— Не возражаю. Но что вы хотите у него узнать?

— Я хочу оказать на него грубое давление и в случае необходимости выжать из него показания.

— Как?

— Вы имеете представление о том, как важно сокровенное значение руки для паленки?

— Да, представляю. Почему вы спрашиваете?

— В прежние времена товарищи по виду вынуждали преступника-паленку съедать собственную руку. Сразу же после этого рану прижигали, чтобы воспрепятствовать росту новой руки. Это самая большая потеря для паленки, несмываемый позор для остальных.

— Не предлагаете ли вы всерьез...

— Конечно, нет.

Бильдун ужаснулся.

— Вы, люди, кровожадная натура. Иногда я сомневаюсь, что понимаю людей так же, как и вы.

— Где находится паленка? — спросил Мак-Кей.

— Что вы хотите с ним сделать?

— Допросить его! Что еще по-вашему?

— После того, что вы только что сказали, я вам не верю.

— Не бойтесь. Эй, вы, двое, — Мак-Кей сделал знак двум охранникам, которые стояли у двери. — Приведите сюда паленку!

Охранники вопросительно взглянули на Бильдуна.

— Выполняйте, — сказал Бильдун.

Десятью минутами позже глава рода паленков был доставлен в офис Бильдуна. Мак-Кей узнал рисунок на блестящем панцире и кивнул сам себе: тот был идентичен рисункам на панцирях, которые он видел.

Паленка остановился в двух метрах от Мак-Кея. Бронированное жабье лицо выжидающе глядело на него.

— Вы действительно хотите заставить меня съесть мою руку? — спросил он.

Мак-Кей бросил на конвоира укоризненный взгляд.

— Он спросил меня, какой тип людей вы представляете, — объяснил охранник, врайвер с нашивками лейтенанта.

— Я рад, что вы дали точное описание, — мрачно

сказал Мак-Кей. Потом повернулся к паленке. — Что вы думаете об этом?

— Я думаю, что это невозможно. Такое варварство больше не позволено совершать. — Существо с бронированной жабьей головой произнесло эти слова совершенно равнодушным тоном, однако свисающая с шейного сустава рука слабо, но нервно покачивалась из стороны в сторону.

— Я могу доставить вам кое-какие неприятности, — сказал Мак-Кей.

— Что за неприятности? — спросил паленка.

— Хотите узнать? Вы сказали, что можете поручиться за каждого члена вашего рода. Это так?

— Верно.

— Вы лжете, — сказал Мак-Кей. — Ваше родовое имя?

— Оно только для моих братьев по роду и соплеменников.

— И для говахинцев, — сказал Мак-Кей.

— Вы не говахинец.

Скрипучими и хрюкающими звуками говахинского языка Мак-Кей начал ругать предков паленки, описывать его вредные привычки и расписал возможное наказание за его поведение. Он закончил идентификационным сигналом говахинцев, эмоциональным всхлипыванием о том, что он сделает и о чем переговорит с говахинским начальством.

После наступившей паузы паленка сказал:

— Вы один из тех, кто пользуется гражданскими правами говахинцев.

— Ваше родовое имя? — настаивал Мак-Кей.

— Ладно. Меня зовут Байредх из Анка, — сказал паленка; в его голосе, казалось, появились нотки отчаяния.

— Байредх из Анка, вы лжец, — твердо сказал Мак-Кей.

— Нет! — рука вздрогнула.

— Вы повинны в тяжелейших преступлениях.

— Нет! Нет! — запротестовал паленка, но он потерял уверенность и был напуган.

Мак-Кей заметил, что охранники теперь подошли ближе и образовали кольцо вокруг него и паленки, заинтересованные этим допросом.

— Эй, вы! — обратился он к лейтенанту. — Придешайте вашим людям ноги!

— Ноги?

— Да! Вы должны наблюдать за каждым углом этой комнаты и быть готовыми к нападению. Вы хотите, чтобы Эбнис устранила нашего свидетеля?

Пристыженный лейтенант отступил на шаг назад и отдал приказ своим людям, но это было излишне: охранники уже снова стали наблюдать за помещением. Лейтенант-врайвер гневно подвигал челюстями и умолк.

Мак-Кей сказал:

— Что ж, Байредх из Анка, я задам вам пару вопросов. На некоторые из них я уже знаю ответы. Если вы солжете хоть раз, я вынужден буду возродить методы варваров. На карту поставлено слишком многое. Вы меня поняли?

— Мой господин, вы не поверите, что...

— Скольких из вашего рода вы продали в рабство к Млисс Эбнис?

— Рабство — тяжелейшее преступление! — прохрипел паленка.

— Я же сказал, что вы виновны в тягчайших преступлениях, — сказал Мак-Кей. — Отвечайте на вопрос.

— Вы требуете, чтобы я осудил сам себя?

— Сколько она вам заплатила?

— Кто мне должен заплатить?

— Сколько вам заплатила Эбнис?

— За что?

— За ваших братьев по роду?

— Каких братьев по роду?

— Это вопрос, — сказал Мак-Кей. — Я хочу знать, сколько паленок вы продали, сколько денег вы получили и куда Эбнис дела проданных.

— Этого не может быть!

— Наша беседа протоколируется, — сказал Мак-Кей. — Я воспроизведу эту запись Совету Объединенных Племен, и ваши люди решат, как с вами поступить.

— Вы смеетесь! Какие доказательства вы можете представить?

— У меня есть запись вашего собственного виноватого голоса, — сказал Мак-Кей. — Мы проделали анализы тона вашего голоса и вместе со снимками отошлем Совету Племен.

— Анализы тона? Что это такое?

— Это метод анализа тонких различий в интонациях и произношении, используемый для того, чтобы определить, какие слова истинны, а какие лживы.

— Я никогда не слышал о таком методе!

— Только немногие знают все инструменты, используемые Бюро, — сказал Мак-Кей. — Я дам вам еще один шанс. Сколько членов вашего рода вы продали?

— Почему вы давите на меня? Что в Эбнис такого важного, что вы пренебрегаете всеми правилами интернациональной вежливости, угрожаете мне и отказываете в праве, которое мне...

— Я пытаюсь спасти вам жизнь, — сказал Мак-Кей.

— Кто же теперь лжет?

— Если мы не найдем Эбнис, не обезвредим ее, — сказал Мак-Кей, — то большинство разумных существ в нашей Вселенной в самом скором времени погибнет. Точнее говоря, все, кто хоть раз пользовался прыжковой дверью. Я клянусь вам, что это правда.

— Это торжественная клятва?

— Клянусь Яйцом моей руки, — сказал Мак-Кей.

Паленка фыркнул.

— Вы даже что-то знаете о Яйце?

— Так как я произнес ваше имя, вы должны дать торжественную клятву, — сказал Мак-Кей.

— Я клянусь моей рукой!

— Нет, клянитесь Яйцом вашей руки.

Паленка опустил голову, его рука извивалась.

— Сколько своих сородичей вы продали? — снова спросил Мак-Кей.

— Только сорок пять.

— Только сорок пять?

— Это все! Я клянусь вам! — маслянистая жидкость, признак страха, брызнула из глаз паленки. — Она предложила мне много дающего свободный выбор. Эбнис обещала неограниченное откладывание яиц!

— Неограниченное размножение? — спросил Мак-Кей. — Как это возможно?

Паленка бросил опасливый взгляд на Бильдуна, который, нахмурясь, сидел за письменным столом.

— Она не объяснила, — наконец сказал паленка. —

Она только сказала, что нашла новые миры вне сферы влияния Объединения Разумных.

— Где эти миры? — спросил Мак-Кей.

— Не знаю! Я клянусь Яйцом моей руки!

— Как велась продажа?

— Посредником был один пан спехи.

— Каковы были его действия?

— Он предложил нам несколько уютных миров за службу в течение десяти нормальных лет.

Кто-то позади Мак-Кея свистнул.

— Когда и где проходила эта транспортировка? — спросил Мак-Кей.

— Несколько лет назад, на родине моих яиц.

— Выигрыш в десять лет! — пробормотал Мак-Кей. — Щедрое предложение и одновременно великолепная торговая операция. У вас и вашего рода едва ли останется время на то, чтобы воспользоваться приобретенным, если план Эбнис исполнится.

— Я этого не знал! Что она планирует?

Мак-Кей игнорировал его вопрос. Он сказал:

— Есть ли у вас хотя бы одно предположение, где находятся ее миры?

— Нет. Прodelайте анализ моих интонаций. Вы убедитесь, что я говорю правду.

— С представителями вашей расы такой анализ невозможен.

Паленка на мгновение уставился на него, потом сказал:

— Да протухнет ваше Яйцо!

— Опишите пан спехи, который заключал с вами сделку, — сказал Мак-Кей.

— Я отказываюсь от всякого дальнейшего сотрудничества!

— Вы уже глубоко увязли, — сказал Мак-Кей, — и мое предложение — единственное, что у вас осталось.

— Предложение?

— Если вы будете с нами сотрудничать, каждый из присутствующих здесь забудет о вашей вине.

— Грандиозный обман! — проворчал паленка. — Чудовищный обман!

Мак-Кей взглянул на Бильдуна и сказал:

— Думаю, лучше созвать родовой Совет Племен и дать им полную информацию.

— Я тоже так думаю, — сказал Бильдун.

Паленка фыркнул.

— Как я могу знать, можно ли вам доверять?

— Никак, — сказал Мак-Кей.

— Но у меня нет выбора, вы это хотите сказать?

— Да, я хочу сказать именно это.

— Да протухнет ваше Яйцо, если вы меня обманете!

— Ну, ладно, — согласился Мак-Кей. — Опишите пан спехи.

— У него удален эго-орган. Я видел его шрам, но он убедил меня, что я могу ему доверять.

— У него было имя?

— Он называл себя Чео.

Мак-Кей взглянул на Бильдуна.

Бильдун сказал:

— Это имя придает новое значение старой идее. Это сокращение одного древнего диалекта. Очевидно, псевдоним.

Мак-Кей снова сосредоточился на паленке. Он спросил:

— Заключил ли этот Чео с вами договор, дал ли он вам гарантии? Как он обязался расплатиться с вами?

— Он назначил двух членов моего рода по моему выбору губернаторами двух вышеуказанных миров.

— Очень умно, — сказал Мак-Кей, нахмутив брови. — Кто может возразить против такой сделки или что-то доказать?

Мак-Кей спроектировал голограмму, которую сделал охранник через прыжковую дверь. Лицо пан спехи появилось в воздухе перед паленкой.

— Это Чео? — спросил Мак-Кей.

— Шрам на месте, — ответил паленка. — Да, это он самый.

— Идентификация сделана по закону, — сказал Мак-Кей, бросив взгляд на Бильдуна.

— Чем это может нам помочь? — спросил Бильдун.

— Кажется, я знаю, чем, — ответил Мак-Кей.

Мак-Кей и Тулук аргументировали теорию регенерации времени, так они окрестили свое открытие, не обращая внимания на толпу охранников, которые, со своей стороны, проявляли мало интереса к разговору своих подопечных.

Между тем, примерно через шесть часов после допроса паленки эта теория стала предметом разговоров во всех отделах Централи Бюро. У нее было примерно столько же противников, сколько и сторонников.

По настоянию Мак-Кей они для оценки данных перешли в рабочий кабинет и попытались перевести теорию Тулука в математическую модель, с помощью которой Мак-Кей хотел попытаться обнаружить убежище Эбнис.

— Это должно дать какой-нибудь вектор в нашем измерении, — сказал Тулук. — Вопрос только в том, достаточно ли у нас данных для верных выводов?

— Даже если выводы будут верными, как мы сможем их использовать? — спросил Мак-Кей. — Она не в нашем измерении. Мы должны снова отправиться к калекану...

— Вы же слышали Бильдуна. Вы никуда не пойдете. Предоставим шар калекана нашим охранникам и постараемся найти теоретическое решение проблемы. Только так мы действительно сможем ее разрешить.

— Но калекан — единственный источник новых данных!

Бильдун вышел вперед и освободил Тулука от ответа.

— Снаружи полно репортеров, — прогремел он. — Я не знаю, кто им рассказал обо всем, но нам подложили огромную свинью. Они могут сделать заключение: «Калекан хочет вызвать конец Вселенной». Мак-Кей, можете вы что-нибудь сделать?

— Я — нет, но Эбнис может, — сказал Мак-Кей, бросив взгляд на замысловатые каракули, которые машинально выводил.

— Но она же сумасшедшая!

— Я никогда не говорил, что она нормальная. Вы же знаете, сколько она контролирует телеграфных пунктов, радио и телестанций и других средств массовой информации.

— Ну... знаю, но...

— Кто-то сообщил им об угрозе?

— Нет, но...

— Вы не находите это странным?

— Мы знаем, что эти люди...

— Как вы хотите скрыть от них планы Эбнис отно-

сительно калекана? — снова спросил Мак-Кей. Он встал и пошел к двери.

— Подождите, — остановил его Бильдун. — Куда вы направляетесь?

— Я хочу рассказать этим людям об Эбнис.

— Вы сошли с ума? Чтобы ее юристы заткнули нам рот, только этого не хватало — клеветы и вульгарных сплетен!

— Мы сможем потребовать от нее личной явки в суд, если она выступит против нас, — сказал Мак-Кей. — Мы должны были подумать об этом раньше. Истинность наших обвинений — превосходная защита.

Бильдун догнал его, и они направились к двери, со всех сторон окруженные охранниками. Тулук пристроился сзади.

— Мак-Кей, — крикнул Тулук. — Вы заметили, что мыслительные процессы затруднены?

— Погодите, пока я не обсужу вашу идею с математическим отделом, — сказал Бильдун. — Мак-Кей, может быть, ваше предложение верно, но...

— Мак-Кей, — повторил Тулук. — Вы...

— Подождите, — гневно прервал их Мак-Кей. Он остановился и повернулся к Бильдуну. — Сколько времени, по-вашему, на это потребуется?

— Кто знает?

— Пять минут? — спросил Мак-Кей.

— Наверно, больше.

— Но ведь вы не знаете...

— Наши люди охраняют калекана. Мы свели к минимуму возможность нападения Эбнис.

— Я прав, полагая, что вы ничего не хотите предоставить на волю случая? — спросил Мак-Кей.

— Конечно! Нет, я наотрез отвергаю вашу идею...

— Ну, я только расскажу репортерам снаружи всю правду...

— Мак-Кей, у этой женщины всюду есть свои люди, — напомнил Бильдун. — Друзья и покровители ее сидят в таких эшелонах власти, где бы вы никогда не смогли этого ожидать... Вы не имеете никакого представления о том, что мы знаем по опыту...

— И в Верховном правительстве тоже?

— В этом нет никакого сомнения. Мы у нее под колпаком.

— И поэтому теперь самое время убрать этот колпак.

— Вы вызовете панику.

— Нам необходима паника. Паника вызовет активизацию всевозможных людей. Они будут пытаться найти Эбнис — друзья, деловые партнеры, враги, сумасшедшие. Нас захлестнет информация. А нам необходимо получить новую информацию!

— Что, если репортеры нам не поверят? Если они будут над нами смеяться?

Мак-Кей заколебался. Он еще никогда не испытывал такой робости перед несущим чепуху Бильдуном. При всем этом Бильдун был знаменит своим быстрым, острым и аналитическим умом. Нерешительность и медлительность никогда не были его недостатком. Может быть, директор относился к числу подкупленных Эбнис? Это казалось немыслимым. Но присутствие в этом деле пан спехи с удаленным эго-органом должно было вызвать у его товарищей по виду травматический шок. И у Бильдуна к тому же скоро должен был наступить распад эго. Что на самом деле происходило в психике пан спехи, в момент когда он должен был перейти в фазу безмозглого существования? Эмоциональный кризис, вызванный ожиданием? Отчаянное сопротивление? Паралич мыслительных способностей?

Вполголоса, чтобы слышал только Бильдун, Мак-Кей спросил:

— Вы готовы уйти с поста шефа бюро?

— Конечно, нет!

— Мы знаем друг друга уже долгое время, — сказал Мак-Кей. — Я верю, что мы понимаем и уважаем друг друга. Если я одержу победу, вы больше не будете занимать это кресло. Вы знаете это. Ну, между нами, сможете вы в кризисном состоянии исполнять свои обязанности так же хорошо, как и прежде?

Искаженное злостью лицо Бильдуна смягчилось, на лбу его появились морщины задумчивости.

Мак-Кей ждал. Если она теперь явится, изменение эго-индивидуальности Бильдуна будет нарушено и из его «я» выступит нечто новое. И всем известно, в том числе и ему самому, что по эмоциональной структуре он будет полностью отличаться от прежнего Бильдуна. Можно ли было устранять шок этого момента? Мак-Кей надеялся, что нет. Он испытывал к Бильдуну друже-

ские чувства, но было бы глупо оказывать ему особое внимание.

— Что все это значит? — пробормотал Бильдун сдавленным голосом. — Чего вы добиваетесь?

— Не хочу вас ни скомпрометировать, ни выставить на посмешище, ни даже... естественный процесс ускоряется, — сказал Мак-Кей. — Но наша теперешняя ситуация надежна. Я, очевидно, буду настаивать на вашей отставке и вызову недовольство в организации, если вы будете упорствовать.

— Разве я плохо работаю? — задумчиво сказал Бильдун. Потом покачал головой. — Но вы тоже должны ответить за пару ошибок.

— Разве я ошибся? — спросил Мак-Кей.

— Да! — сказал Тулук, глядя то на одного из спорщиков, то на другого. — Я не желаю больше выслушивать ваши пререкания. Я должен их прокомментировать. Широкая волна, как вы ее назвали, сопровождающая исчезновение каледана, оставляет после себя столько смертей и случаев сумасшествия, что мы вынуждены защищаться с помощью пилюль гнева и других фармацевтических препаратов.

— И это помогает сохранить наши мыслительные способности, — сказал Бильдун.

— И даже более того, — сказал Тулук. — Это чудовищное событие оставит после себя всеобщее чувство неуверенности. Мак-Кей не высмеивает сообщения медиумов-связных. Все разумные существа пытаются найти объяснения странной тревоги, которую они испытывают, где бы ни находились...

— Мы напрасно тратим время, — сказал Мак-Кей.

— Что вы предлагаете? — спросил Бильдун.

— Необходимо принять срочные меры, — ответил Мак-Кей. — Во-первых, установить карантин на Стедионе, чтобы никто из косметологов не мог попасть на планету, и воспрепятствовать перемещению людей с планеты на планету.

— Это бессмысленно! Какие основания у нас для этого?

— С каких это пор Бюро Саботажа должно предъявлять основания? — спросил Мак-Кей. — У нас есть право воспрепятствовать действиям любого правительства.

— Подобные меры можно применять далеко не вся-

кому правительству, Мак-Кей. Вы же знаете, как щекотлива наша позиция.

— Во-вторых, — продолжил Мак-Кей непоколебимо. — В случае бедственного положения должно вступить в силу наше соглашение с тапризиотами. Они должны ставить нас в известность о содержании всех разговоров, которые будут вести предполагаемые друзья, покровители и деловые партнеры Эбнис.

— Это сработало бы в том случае, если бы мы попытались захватить власть, — возразил Бильдун. — Если об этом станет известно, мы непременно натолкнемся на противодействие властей. Что, как вы думаете, скажут члены любого правительства, когда узнают, что мы подслушиваем их дальнюю связь? Кроме того, мы договаривались об условиях бедственного положения не для таких целей. Это будет вопиющим злоупотреблением с нашей стороны!

— Если мы этого не сделаем, мы погибнем, и тапризиоты погибнут вместе с нами, — сказал Мак-Кей. — Надо им это объяснить. Нам необходимо их добровольное сотрудничество.

— Не знаю, смогу ли я их убедить, — запротестовал Бильдун.

— Вы должны попытаться.

— Но какую пользу принесет эта акция?

— Тапризиоты и косметологи действуют таким же образом, как и калекан, но обладают меньшей энергией, — сказал Мак-Кей. — Я убежден в этом. Мы за сечем все подобные источники энергии.

— И что, по вашему мнению, произойдет, если мы изолируем косметологов от обычного пространства?

— Без них Эбнис не сможет прожить очень долго.

— У нее, вероятно, есть свои косметологи!

— Но Стедион — их пробный камень. Как только мы объявим на планете карантин, активность косметологов сразу же везде сильно понизится.

Бильдун с сомнением взглянул на Тулука.

— Тапризиоты разбираются в переплетении связей лучше, чем она считает, — сказал Тулук. — Я думаю, они послушаются нас, если вы сошлетесь на то, что наш последний оставшийся калекан находится на грани полного исчезновения. Я верю, что они поймут значение этого факта.

— Объясните мне только одно, — сказал Бильдун. —

Если тапризиоты могут использовать это... эти связи и черпать свою энергию связи из того же источника, что и калекбан, тогда они сами должны знать, в какую их втянули историю.

— Хороший вопрос, — сказал Мак-Кей. — Сообщал ли кто-нибудь об этом тапризиотам?

— Косметологи... тапризиоты... — угрюмо пробормотал Бильдун. — Чего вы хотите добиться, Мак-Кей?

— Я должен вернуться в шар калекбана, — сказал Мак-Кей.

— Мы не сможем вас там надежно защитить.

— Не знаю.

— Внутренне пространство шара мало. Если калекбан обратится к нам и...

— Он не сделает этого. Я его спрашивал.

Бильдун вздохнул — чисто человеческое движение. Пан спехи принимали не только человеческую внешность, когда хотели уподобиться людям. Однако различия между человеком и пан спехи были коренными, и это тотчас же всплывало в памяти Мак-Кея. Люди были знакомы с внутренним миром пан спехи только поверхностно. Так вот, предстоящие события должны были дать возможность понять мысли Бильдуна. Скоро в теле Бильдуна появится новая личность со всеми знаниями, которые прежний Бильдун накопил в течение прошедших тысячелетий, со всеми...

Мак-Кей сжал губы и почти со свистом выдохнул воздух.

Как переносят пан спехи весь этот груз данных из одного «я» в другие? Они говорят, что все время связаны друг с другом, обладатели эго-органа, товарищи по воспитанию, мыслящие эстеты и пускающие слюни плотоядные, спят ли они или бодрствуют. Каким образом они связаны между собой?

— Вы понимаете, что калекбан подразумевает под «связями»? — спросил Мак-Кей и уставился в фасетчатые глаза Бильдуна.

Бильдун пожал плечами.

— Я вижу путь, по которому идут ваши мысли, — сказал он.

— Ну и...

— Может быть, и мы, пан спехи, используем частичку этой энергии, — сказал Бильдун, — но если и так, то мы используем этот процесс совершенно бессоз-

нательно. Больше я ничего не могу сказать. Ваши вопросы являются проникновением в интимную сферу нашей жизни.

Мак-Кей кивнул. Секретная сфера жизни была последней защитной линией, последней цитаделью существования пан спехи. Ни логика, ни разум не могли повлиять на генетически запрограммированные реакции, когда те возникали. Бильдун выказал истинное свидетельство своей дружбы, предупредив его.

— Положение отчаянное, — сказал Мак-Кей.

— Согласен, — ответил Бильдун. — Поступайте, как хотите.

— Спасибо, — сказал Мак-Кей.

— Все это вы берете на свою ответственность, Мак-Кей, — добавил Бильдун.

— Пока моя голова находится на плечах, я всегда оказываюсь прав, — ответил Мак-Кей и открыл дверь приемной, где ждала гудящая толпа репортеров, сдерживаемая горсткой охранников.

С помощью прыжковой двери Мак-Кей добрался до штаб-квартиры Фурунео и вылетел оттуда на одной из машин Бюро. Когда он прибыл на побережье, вокруг шара калекана уже стала собираться толпа зевак.

«Новости распространяются очень быстро», — подумал он.

Усиленное отделение охраны, вызванное специально из-за возможности появления толпы, сдерживало любопытных, которые пытались прорваться на лавовый блок. Отряд военных флиттеров удерживал на определенной дистанции разнообразные личные летательные аппараты.

Прежде чем забраться в шар калекана, вход в который был открыт, Мак-Кей поставил на лавовый блок двух охранников и велел им наблюдать за суматохой вокруг. Свежий утренний ветер осыпал людей мелким дождем и ключьями пены.

Он подошел к отверстию, вполз внутрь и какое-то время привыкал к интимному красноватому полумраку. Здесь было значительно теплее, но не так жарко, как раньше. Вероятно, вход был все время открыт.

— Калекан что-нибудь говорил? — спросил он лаклака, несшего охрану.

— Я не заговаривал с ним, — ответил охранник, — и он тоже все время молчит.

— Фанни Мей, — сказал Мак-Кей.

Тишина.

— Вы все еще тут, Фанни Мей? — спросил Мак-Кей.

— Мак-Кей? Это вы вызываете меня, Мак-Кей?

Мак-Кею показалось, что эти слова приняли его глазные яблоки и передали их слуху. Излучение калекана, несомненно, ослабло.

— Его много раз хлестали, пока меня не было? — спросил Мак-Кей лаклака. — То есть, за два последних дня?

— Локального времени? — спросил лаклак.

— Какая разница?

— Я думал, вам нужны точные данные, — обиженно сказал лаклак.

— Я пытаюсь у вас узнать, подвергался ли калекан нападениям, пока я находился в Централи, — раздраженно сказал Мак-Кей. — Кроме того, я хочу знать, как много было этих нападений и насколько они были успешны. Может быть, вы в состоянии ответить мне на эти вопросы? Связь с калеканом стала заметно слабее, чем в то время, когда я последний раз разговаривал с ним, — он отвел взгляд от гигантского «половника» калекана и уставился на охранника с убийственным вниманием.

— Эти... эти нападения были единичными и не очень успешными, — испуганно ответил охранник. — Я думаю, всего их было десять или двенадцать... Мы собрали множество бичей и рук паленков, но, как я слышал, они не были доставлены к вам в лабораторию.

— И это вы называете точными данными? — прогромыхал Мак-Кей. — Я должен вас за это...

— Мак-Кей кричит на присутствующую здесь личность? — спросил калекан и спас лаклака от угрозы неминуемого наказания.

— Приветствую вас, Фанни Мей, — сказал Мак-Кей.

— Вы обладаете новыми линиями связей, — сказал калекан, — и их узор допускает опознание. Добро пожаловать, Мак-Кей.

— Ваш договор все еще ведет вас и нас к окончательному исчезновению? — спросил Мак-Кей.

— Интенсивность возрастает, — ответил калекбан. — Млисс Эбнис хочет с вами поговорить.

— Что? Эбнис хочет поговорить со мной?

— Верно.

— Она могла вызвать меня в любое время, — сказал Мак-Кей.

— Эбнис передала свой вопрос через меня, — сказал калекбан. — Она хочет вести разговор вдоль ожидаемых связей. Она обозначает эти связи понятием «теперь». Вы понимаете это, Мак-Кей?

— Я понял, — ответил Мак-Кей. — Пусть говорит.

— Эбнис требует, чтобы ваши спутники были удалены отсюда.

— Она хочет, чтобы я остался один? — спросил Мак-Кей. — Как ей могло прийти в голову, что я пойду на это?

В шаре калекбана стало теплее, он вытер пот со лба.

— Эбнис назвала этот мотив любопытством.

— У меня свои условия для такого разговора, — сказал Мак-Кей. — Скажите ей, что я соглашусь только в том случае, если она гарантирует мне, что во время нашего разговора не будет предпринято никакого нападения ни на вас, ни на меня.

— Я даю вам свои гарантии.

— Вы?

— Вероятность гарантий Эбнис кажется... несовершенной. Приблизительное описание гарантий моего «я»... сильно непосредственно? Может быть.

— Почему вы даете гарантии?

— Эбнис очень настойчиво требует разговора. Договор предусматривает такое посредничество. Очень точное обозначение. Посредничество.

— Вы гарантируете нашу безопасность, так?

— Я даю вам свои заверения, не больше.

— Никакого нападения в течение переговоров, — настаивал Мак-Кей.

— Связи делают заверения правдоподобными, — сказал калекбан.

Лаклак за спиной Мак-Кея хрюкнул.

— Вы понимаете эту чепуху?

— Возьмите своих людей и исчезните отсюда, — сказал Мак-Кей.

— У меня приказ...

— Забудьте на время о приказе. Я действую по договоренности с Бильдуном и обладаю всеми полномочиями. Идите.

— Господин, — сказал лаклак, — за две последние вахты трое из наших людей сошли здесь с ума, хотя принимали пилюли ярости и другие химикаты, которые, как мы думали, могли нас защитить. Я не могу взять на себя ответственность...

— Вы не будете нести ответственности! — сердито сказал Мак-Кей. — Если вы сейчас же не подчинитесь, вы проведете остаток своей службы на отдаленной пустынной планете.

— Я не приму во внимание вашу угрозу, господин, — возразил лаклак. — И сам осведомлюсь у Бильдуна.

— Сделай это, и побыстрее! Снаружи есть тапризот.

— Прекрасно, — лаклак отдал честь и выбрался через отверстие наружу.

Оба его спутника остались нести вахту внутри шара калекана, изредка бросая на Мак-Кея заботливые взгляды.

«Это храбрые парни, — успокоенно подумал Мак-Кей, — потому что они так преданно выполняют свой долг. И лаклак проявил смелость и цивилизованность, чего у него нельзя было отнять».

Мак-Кей ждал.

Вскоре лаклак снова появился в отверстии и сказал:

— Господин, я получил указание подчиниться вашему приказу, но я должен визуально наблюдать за вами снаружи и при первых же признаках опасности вернуться в шар калекана.

— Ну, хорошо, — сказал Мак-Кей. — А теперь идите.

Через полминуты он остался с калеканом один на один, и у него тут же появилось сильнейшее ощущение опасности. Спину защекоотало. Он все больше и больше понимал, что очень сильно рискует и что совершил большую глупость.

Это было отчаянное, но необходимое положение.

— Где Эбнис? — спросил Мак-Кей. — Она же хотела поговорить со мной.

Внезапно слева от «половника» калекана открылась

прыжковая дверь. В отверстии появились голова и плечи Эбнис. Мак-Кей заметил некоторые изменения в ее внешности. Выражение ее лица было менее высокомерным и самоуверенным, чем при первой встрече, и в нем было что-то нервное и мученическое. Прядь волос выбилась из гладкой прически и свободно свисала вниз. В глазах виднелись красные прожилки, на лбу были морщинки.

Мак-Кей был весьма доволен этими изменениями. Эбнис нуждалась в косметологах.

— Вы уже появились, и одна? — спросил Мак-Кей.

— Это глупый вопрос, — ответила она. — Вы один. По моему требованию.

— Не совсем один, — сказал Мак-Кей. — Это... — он осекся, увидев ее улыбку.

— Вы же заметили, что Фанни Мей закрыла вход в шар, — проговорила Эбнис.

Мак-Кей увидел, что вход в шар был почти закрыт. Предательство?

— Фанни Мей! — крикнул он. — Вы заверили меня...

— Никакого нападения, — сказал калекан. — Сохранение тайны.

Мак-Кей представил себе замешательство охранников, которые сейчас ждали снаружи и ничем не могли помочь. Они были не в состоянии силой ворваться в шар калекана. Он подавил протест. Что он мог сделать? В шаре было абсолютно тихо. Наконец он пожал плечами.

— Ну хорошо, это ради соблюдения тайны, — согласился он.

— Так-то лучше, — сказала Эбнис. — Мы должны прийти к соглашению, Мак-Кей. Вы становитесь все надоедливей.

— О, наверное, я надоедаю вам довольно сильно.

— Возможно.

— Ваш паленка, тот самый, который хотел искромсать меня топором, помните? Тогда я тоже надоел вам. Может быть, даже более, чем надоел. Когда я теперь думаю об этом, я вспоминаю свои страдания.

Эбнис вздрогнула.

— Впрочем, — сказал Мак-Кей, — мы теперь знаем, где вы.

— Ложь!

— Нисколько. Вы уже не та, какой себя представляете. Вы думаете, что сможете идти вспять по времени. Это не так.

— Я утверждаю, что вы лжете!

— Мы рассчитали все довольно точно, — объяснил Мак-Кей. — Место, где вы сейчас находитесь, сконструировано из ваших собственных связей — ваших воспоминаний, мечты, желаний... может быть, и создано оно специально для этого.

— Что за бред! — выкрикнула она. Но в голосе ее звучало беспокойство.

— Вы потребовали такое место, где сможете уцелеть во время всеобщего апокалипсиса, — сказал Мак-Кей. — Фанни Мей предупредила вас о том, что произойдет в случае ее окончательного исчезновения. Вероятно, вам была продемонстрирована мощь каледбана и показаны различные места, которые были доступны с помощью ваших связей только для вас и ваших друзей. И тут у вас появилась великая идея.

— Вы несете чушь, — пренебрежительно сказала Эбнис, но в ее глазах мелькнул страх.

Мак-Кей улыбнулся.

— Устройте со своими косметологами небольшое совещание, — сказал он. — Вы выглядите немного усталой.

Она мрачно оглянулась.

— Вы отказываетесь сотрудничать с нами? — спросил Мак-Кей.

— Вы не дадите мне опомниться, — проговорила Эбнис.

— Когда же вы опомнитесь?

— Когда у меня не будет альтернативы!

— Пожалуй.

— Мы напрасно теряем время, Мак-Кей.

— Это верно. Что же вы хотели мне сказать?

— Мы должны прийти к соглашению, Мак-Кей, вы и я.

— Вы хотите женить меня на себе, не так ли? — сказал Мак-Кей.

— Это ваша цена за соглашение? — она, очевидно, была поражена.

— Не уверен, — сказал Мак-Кей. — А Чео?

— Чео начал мне надоедать.

— Это-то меня и беспокоит, — сказал Мак-Кей. — Я спрашиваю себя, как скоро я тоже вам наскучу.

— Я вижу, вы неискренни, — сказала она, — вы тянете время. Но несмотря на все это, я думаю, мы придем к соглашению.

— Почему вы так решили?

— Фанни Мей указала, — ответила Эбнис.

Мак-Кей поспешно оглянулся на мерцающую невестственность калебана.

— Фанни Мей указала? — пробормотал он.

И подумал: «Калебан определяет свою реальность тем, что видит эти таинственные связи. Утонченные различия связей, спутанные связи. Это особый вид восприятия, основанный на расходе энергии».

Пот выступал у него на лбу. Появилось ощущение, что он стоит на краю освещенного круга.

— Мак-Кей, — тихо сказала Эбнис, — я готова сделать предложение, которое будет выгодно нам обоим. Присоединяйтесь ко мне. Что бы вы не потребовали, я предложу вам больше. Награда будет такой высокой, что вы и представить себе не можете...

— Вы никогда не представляли себе, что с вами произойдет? — спросил он. — Странно.

— Вы дурак! Я хочу сделать из вас Властелина!

— Не желаете сказать, где вас укрывает калебан? Вы не представляете, что это, кажущееся вам безопасным, место...

— Млсс!

Яростный голос донесся откуда-то из-за спины Эбнис, но говорящий не был виден Мак-Кею.

— Это вы, Чео? — крикнул Мак-Кей. — Пан спехи должен предчувствовать истинное положение.

В поле его зрения появилась рука и рванула Эбнис внутрь. Ее место в отверстии занял пан спехи с удаленным это-органом.

— Вы очень хитры, Мак-Кей, — сказал Чео.

— Как ты можешь так рисковать? — завизжала Эбнис.

Чео обернулся и замахнулся рукой на Эбнис. Послышался звонкий удар, сдавленный крик. Чео исчез из отверстия, и Мак-Кей услышал звуки новых ударов. Потом пан спехи вновь появился в отверстии.

— Вы знали это место раньше, не так ли, Чео? — спросил Мак-Кей. — Не было ли в одном из циклов су-

ществования вашего рода крикливой, пустоголовой женщины?

— Вы очень хитры, — снова пробурчал Чео.

— Теперь вам придется убить Эбнис, вы же знаете, — сказал Мак-Кей. — Если вы этого не сделаете, для вас все будет потеряно. Вы ее поглотите. Вы переймете ее эго. Она будет с вами.

— Я не знаю, происходит ли это у людей, — сказал Чео.

— О, случается, — сказал Мак-Кей. — Это ведь ее мир, не так ли?

— Ее, — согласился Чео. — Но в одном вы ошибаетесь. Я могу контролировать Млисс. Следовательно, это мой мир. И еще кое-что. Я могу контролировать вас.

Туманная труба внезапно уменьшилась, и, смыкаясь, устремилась к Мак-Кею.

Мак-Кей отшатнулся и проревел:

— Фанни Мей! Вы же обещали! Никакого нападения!

— Новые связи, — сказал калекан.

Мак-Кей отскочил, и прыжковая дверь, оказавшись около него, исчезла.

Он бегал взад и вперед и все время наталкивался на нее, а она набрасывалась на него, как гигантская хищная пасть. В очередной раз с трудом ускользнув от нее, Мак-Кей оказался в самом дальнем конце помещения. Он обернулся, пригнулся, прыгнул сквозь пурпурные сумерки шара калекана, подкатился под гигантский «половник» и, дрожа, огляделся. Он не представлял себе, что прыжковая дверь может двигаться так быстро и целенаправленно.

— Фанни Мей! — задыхаясь, произнес он. — Закройте же зейе-дверь! Вы ведь мне обещали: никакого нападения!

Никакого ответа.

Мак-Кей увидел край гигантской трубы, повисшей рядом с гигантским «половником» калекана.

— Мак-Кей!

Это был голос Чео.

— Вас вызовут на дальнюю связь, Мак-Кей! — крикнул Чео. — Когда это произойдет, с вами будет кончено.

Мак-Кей затравленно застыл.

Они вызовут его! Возможно, Бильдун уже послал за

тапризиотом. Они будут беспокоиться, ведь шар калекана уже давно закрылся.

И он будет беспомощен, охваченный трансом.

— Фанни Мей! — прошептал Мак-Кей. — Закройте же эту проклятую зейе-дверь!

Туманная труба сверкнула, поднялась и перешла на другую сторону. Мак-Кей, отчаянно спеша, переполз под ручкой «половника» на другую сторону и там наполовину вжался в эту странную «ложку».

Разыскивающая его туманная труба отделилась.

Послышался тихий хрустящий звук. Мак-Кей поглядел влево, вправо, назад. В смертоносном отверстии ничего не было видно.

Внезапно над «половником» послышался резкий щелчок. Рой зеленых искр осыпал Мак-Кея. Он выбрался из своего убежища и поднял излучатель. Из отверстия высовывался паленка с бичом. Рука его была поднята, чтобы нанести калекану новый удар.

Когда рука двинулась, Мак-Кей обрезал ее излучателем у самого туловища. Рука и бич упали на пол и подкатились к краю «ложки», вызвав новый фейерверк зеленых искр.

Прыжковая дверь щелкнула и исчезла.

Мак-Кей присел на корточки, рой зеленых искр все еще танцевал в сетчатке его глаз.

— Зейе удалены.

Голос калекана донесся до Мак-Кея. Тысяча чертей! Он звучал совсем слабо.

Мак-Кей медленно встал. Рука паленки и бич лежали на полу, но он не обратил на них внимания.

Рой зеленых искр!

У него появилось странное ощущение. Он чувствовал себя счастливым, гневным и сытым одновременно. Слова и обрывки предположений бессвязно кружились в его мозгу.

Рой зеленых искр! Он знал, что должен все время держаться около калекана, независимо от того, что делают с ним захлестывающие его волны эмоций этого странного существа.

Рой... Рой зеленых искр!

«Калекан умер?»

— Фанни Мей?

Калекан молчал, но натиск эмоций ослаб.

Мак-Кей знал, что должен что-то вспомнить. Должен сообщить об этом Тулуку.

Рой зеленых искр!

У него было это: образец, изготовитель идентифицирован! Рой зеленых искр!

Ему было не по себе, словно он бежал целый час, словно нервы его были порваны и перепутаны. Его ум был миской, полной желе, в котором дрожали мысли.

Он крикнул:

— Фанни Мей!

В помещении царила особая тишина. Это было безмолвие отсутствия эмоций, что-то замкнутое, отступающее. У Мак-Кея зачесалась шея.

— Ответь мне, Фанни Мей, — сказал он.

— Зейе отсутствует, — сказал калеван.

Мак-Кей почувствовал стыд калебана, глубокое чувство вины. Оно пронзило его. Заполнило каждую клетку тела. Грязный, мерзкий, преступный, постыдный, подлый...

Он пораженно покачал головой. Почему он чувствовал вину?

Он медленно осознал, что чувства эти нахлынули не изнутри, а снаружи. Это был калеван!

— Фанни Мей, — сказал он, — я понимаю, вы не могли помешать этому нападению. Я не виню вас. Я понимаю.

— Связи были неожиданными, — сказал калеван. — Вы понимаете?

— Понимаю.

Чувства Мак-Кея успокоились. Он снова вспомнил, что у него было важное сообщение для Тулука. Рой зеленых искр. Но сначала он должен убедиться, что этот сумасшедший пан спехи в ближайшее время не явится сюда.

— Фанни Мей, — сказал он. — Вы можете помешать повторному нападению на меня?

— Объективно, но не превентивно, — сказал калеван.

— Вы имеете в виду, что можете помешать ей? — спросил Мак-Кей.

— Объясните, что в данном случае значит «помешать»?

— О, лучше не надо, — пробормотал Мак-Кей. Он

подумал, как трудно будет сформулировать ответ для калебана.

— Будет ли следующее нападение? — осторожно спросил он. — Будет ли оно на коротких связях или на длинных?

— Серия нападений здесь прервана, — ответил калекбан. — Вы спрашиваете о продолжительности по вашему восприятию времени. Я понимаю это. Длинные линии над позицией нападения, это подобно очень большой продолжительности вашего периода времени.

— Очень большая продолжительность, — пробормотал Мак-Кей. — Да.

«Рой зеленых искр, — вспомнил он. — Рой зеленых искр».

— Вы будете зависеть от зейе через Чео, — сказал калекбан. — Появление ожидается на этом месте. Чео идет по вашей линии. Я правильно понял вас, Мак-Кей?

«Мои дальнейшие линии, — подумал Мак-Кей и сплотнул. — Что же только что сказал калекбан? Я буду контролировать зейе?»

Он осторожно вздохнул, чтобы внезапное движение не опрокинуло ясность его понимания.

Он подумал о нужном количестве энергии. Огромном количестве! «Я — зейе-контролер» и «Мне нужна энергия целой звезды». Чтобы действовать в нашем измерении, калекбану нужна энергия целой звезды. Калекбан сказал, что он вдыхает бич. Итак, калекбан находит энергию здесь. Она питает его в нашем измерении. А также, несомненно, и в других измерениях.

Мак-Кей подумал о тонких отличиях, которыми должен был обладать калекбан, чтобы с ним можно было вступить в контакт. Это должно быть приблизительно так, как если бы он сам погрузил нос в воду и попытался войти в контакт с одним-единственным микроорганизмом!

— Мы должны вернуться к началу, — сказал Мак-Кей.

— Для каждой единицы существует много начал, — ответил калекбан.

Мак-Кей ощутил контакт тапризиота. Это был Бильдун.

— Я рад, что вы вызвали меня, — Мак-Кей прервал

его первый заботливый вопрос. — Я тут кое-что с вами хотел...

— Мак-Кей, что там произошло? — спросил Бильдун с необычным возбуждением. — Вокруг вас повсюду лежат мертвые охранники, буйствуют сумасшедшие. Мятаж...

— Я, кажется, невосприимчив к этому, — сказал Мак-Кей. — Или калекан как-то защитил меня. Теперь слушайте внимательно, у нас мало времени. Позовите Тулука. У него есть спектроскоп и прибор для идентификации образцов, которые определяют процессы превращения материи в энергию. Эти приборы он должен доставить сюда, в шар калекана.

Мак-Кей в тишине шара калекана прислонился к вогнутой стене и пил из термоса ледяную воду, в то время как Тулук размещал приборы.

— Что помешает напасть на нас, пока мы заняты работой? — озабоченно спросил Тулук. — Мы должны иметь здесь, по меньшей мере, двух охранников.

— Таких как те, снаружи? Когда я представляю себе, что один из них начнет с пеной у рта буйствовать здесь, то...

— Снаружи уже новая охрана!

Тулук подвинул поднимающиеся над низким ящиком металлические обручи к «половнику» калекана. Потом что-то сделал, и диаметр обручей удвоился.

— Охранники помешали бы нам, — сказал Мак-Кей. — Кроме того, калекан сказал, что линейная позиция неблагоприятна для Эбнис. — Он пил ледяную воду. Теперь здесь снова была температура сауны, но без влажности.

Тулук достал из своего ящика с инструментами черный жезл. Жезл был около метра длиной. Он нажал кнопку на рукоятке жезла, и обруч снова уменьшился в диаметре. Одновременно ящик загудел. Обручи тут же вспыхнули неопределенным серым светом.

— Со мной здесь ничего не может произойти, потому что у меня есть преисполненный любви защитник, — заметил Мак-Кей. — Не каждое разумное существо может сказать, что пользуется симпатиями калекана.

— Вы здесь пьете? — спросил Тулук. — Это один из ваших мозговых возбудителей?

— Вы очень забавны, — сказал Мак-Кей. — И долго вы еще будете возиться тут со своим хламом?

— Я не вожусь. Вы что, не видите, что это не переносное оборудование? Его нужно настраивать.

— Так настраивайте.

— Высокая температура и плохой воздух затрудняют сборку, — пожаловался Тулук. — Почему вы не можете открыть люк?

— По тем же основаниям, которые удерживают меня от того, чтобы впустить сюда охрану, — сказал Мак-Кей. — Я не хочу, чтобы толпа сумасшедших разбила приборы.

— Но здесь так жарко. Пот заливает мне глаза.

— Я думал, вайверы любят жару.

— Вы шутите, Мак-Кей.

— Послушайте, — сказал Мак-Кей. — Я спрашиваю себя: то, что мы видим как звезду — это весь калекбан или часть его? Я склонен верить последнему. — Он снова отхлебнул ледяной воды и увидел, что в ней больше нет льда. Тулук был прав. Здесь была адская жара.

— Странная теория, — сказал Тулук. — Так.

— Вы готовы?

— Я сейчас буду готов. Почему молчит калекбан?

— Потому что я попросил его об этом. Ему надо беречь силы.

— Что он сказал о вашей теории?

— Он полагает, что я на «пути к истине».

Тулук установил спектроскоп, вытащил из приборного ящика маленькую спираль и вставил ее в держатель на подставке одного из обручей.

— Хотите воды? — спросил Мак-Кей.

— Я пил воду два дня назад, — сказал Тулук.

— Не буду настаивать. Сколько еще продлятся ваши приготовления?

— Терпение, — пробормотал Тулук, не отрываясь от работы. — Всему свое время.

— Знаете, — сказал Мак-Кей, — после того, как вы спасли меня от паленки с топором, вы сказали что-то очень странное в связи с калекбаном.

— Что же это было?

— Вы сказали что-то вроде того, что не можете понять, где вы жили. Или что-то подобное. Вспомните.

— Нужно ли вспоминать? Я не забывал, — Тулук согнул свое цилиндрическое тело над панелью управления спектроскопа и проверил несколько соединений.

— Где это было? — спросил Мак-Кей.

— Где было что?

— Где вы жили?

— Нет слов, чтобы описать это место.

— А вы попробуйте.

Тулук выпрямился и посмотрел на Мак-Кея.

— У меня было такое чувство, что я был чем-то крошечным в огромном шаре и ощущал тепло, дружелюбность и благосклонность какого-то великана.

— А великаном был калекан?

— Конечно.

— Я так и думал.

— Я не смогу настроить аппаратуру еще точнее, — сказал Тулук. — Я не отвечаю за погрешности. В стене позади вас есть источник излучения, от которого я должен заэкранироваться, но на это уйдет пара дней.

— Но вы сможете снять спектрограммы?

— Это — да.

— Тогда мы, может быть, еще успеем справиться с задачей.

— Какой? — спросил Тулук.

— Наиболее важной в настоящее время.

— Вы имеете в виду бичевание и рой зеленых искр?

— Да.

— Не можете же вы бичевать калекана.

— Он сказал, что это несущественно. Нужно произвести насилие с намерением создать «интенсивность негативных импульсов».

— Ах так. Очень странно. Знаете, Мак-Кей, стоит попросить у вас воды. Здесь такая жара.

Послышался хлопок, словно вылетела пробка из бутылки с шампанским. Давление воздуха в шаре калекана упало так стремительно, что в ушах Мак-Кея щелкнуло, и он во внезапно охватившей его панике подумал, что Эбнис удалось как-то соединить вакуум пространства с этим помещением, чтобы отсосать воздух и задушить его. Но это было только в первый момент. Мак-Кей напряженно огляделся, готовый к новому нападению, и когда его взгляд упал на «половник» кале-

бана, он увидел, что прыжковая дверь уже тут. Положение туманной трубы было горизонтальным, она находилась прямо над «ложкой» калебана.

Рука паленки с зажатой в ней плетью высунулась из отверстия и нанесла по цели звонкий удар. Зеленые искры взлетели и посыпались вниз.

Тулук склонился над приборами и издал приглушенный возглас.

Рука паленки, втягивающаяся в отверстие, остановилась.

— Вперед! Еще раз!

Голос, несомненно, принадлежал Чео. Бич щелкнул снова, потом еще раз.

Мак-Кей поднял излучатель, одновременно следя за Тулуком и бичом. Сделал ли Тулук свои спектрограммы? Неизвестно, сколько ударов бичом мог еще вынести калекан.

Бич ударил снова. Зеленые искры посыпались фонтаном. Мак-Кей сжал зубы.

— Тулук, у вас достаточно данных? — пробормотал он.

Рука и бич исчезли в отверстии прыжковой двери.

— Тулук! — прошипел Мак-Кей.

— Думаю, достаточно, — ответил Тулук. — Это великолепные снимки, но за сравнение и идентификацию я не ручаюсь.

Когда Тулук замолк, Мак-Кей понял, что в помещении не так уж и тихо. Гудение приборов Тулука служило фоном для шепота голосов за прыжковой дверью.

— Эбнис! — крикнул Мак-Кей.

Отверстие перевернулось и в нем показалось лицо Эбнис. Левая часть лица была в темных пятнах, а на шею была накинута серебристая петля, конец которой был зажат в руке пан спехи.

Мак-Кей заметил, что Эбнис в ярости. Ее губы сжались в тонкую линию, глаза дико блеснули.

Она увидела Мак-Кея и прокричала:

— Видите, что вы со мной сделали?

Мак-Кей оттолкнулся от стены и приблизился к прыжковой двери.

— Что я сделал? Это выглядит делом рук Чео.

— По вашей вине!

— О! Это от меня не зависело.

— Я хотела помочь вам спастись, но нет! Вы обра-

щались со мной как с преступницей. И вот благодарность, которую я от вас получила.

Она указала на петлю.

— Чем я это заслужила? — крикнула она.

— Чео! — крикнул Мак-Кей. — Что вы с ней сделали?

Голос Чео донесся из-за того места, где находилась рука, сжимающая петлю.

— Скажи ему, Млисс.

Тулук, который игнорировал спор и занимался своими приборами, повернулся к Мак-Кею.

— Замечательно, — сказал он. — Действительно, замечательно!

— Скажи ему! — проревел Чео, так как Эбнис прямо молчала.

Эбнис и Тулук начали говорить одновременно, и Мак-Кей услышал только дикую мешанину слов.

— Тише! — крикнул Мак-Кей.

Эбнис испуганно замолчала и отпрянула, а Тулук продолжал говорить, словно ничего не слышал.

— ... я уже уверен, что мы, несомненно, имеем дело со спектральными линиями. Это, несомненно, звезда. Ничто другое не даст такую картину.

— Но какая звезда? — спросил Мак-Кей.

— Да... Это вопрос, — ответил Тулук.

Чео оттолкнул Эбнис и занял ее место в прыжковой двери. Он взглянул на Тулука, на приборы, потом сказал:

— Что значит все это колдовство, Мак-Кей? Новая попытка помешать нашим паленкам? Или вы вернулись, чтобы еще раз ощутить петлю на шее?

— Мы обнаружили кое-что, о чем вы, может быть, очень захотите узнать, — сказал Мак-Кей.

— Что вы могли узнать такого, что стало бы интересным для меня?

— Скажите ему, Тулук.

— Калекан существует в тесной связи с одной из звезд, — сказал Тулук. — Он, может быть, даже является этой звездой. По крайней мере, она в известной мере относится к нашему измерению.

— Не измерению, — сказал калекан. — Волнам.

Голос едва достиг сознания Мак-Кея, но слова сопровождались все усиливающейся волной эмоций и пели, которая потрясла и совершенно запутала Тулука.

— Что это было?

— Тише, Тулук! — сказал Мак-Кей.

Но Чео эта эмоция не коснулась; по крайней мере, по поведению пан спехи этого не было заметно.

— Мы должны скорее идентифицировать калекана, — сказал Мак-Кей.

— Идентификация, — сказал калекан, и его голос чуть заметно усилился, но уже без эмоций. — Идентификация относится к самостоятельному качеству обнаружения. Вы еще не понимаете меня, Мак-Кей? Вы поняли мои слова?

— О чем он говорит? — спросил Чео.

Тулук воспринял этот вопрос, словно он был обращен к нему.

— Таким образом, — сказал он, — нужно обнаружить калекана в нашей Вселенной как звезду. Каждая звезда имеет свой пульс, определенный ритм, никогда не повторяющуюся индивидуальность, которая проявляется в спектральных линиях. Теперь у нас есть образец спектральных линий калекана, мы попытаемся идентифицировать его как звезду.

— И вы думаете, что эта сумасшедшая теория может меня заинтересовать? — спросил Чео.

— Она должна вас заинтересовать, — сказал Мак-Кей. — Это теперь больше, чем теория. Вы думаете, что находитесь в безопасном убежище, и делаете все, чтобы устранить калекана, опустошить Вселенную и остаться единственными пережившими катастрофу — в качестве наследников Вселенной. Так? Ну, вы допустили серьезную ошибку.

— Калекан лжет, — пробурчал Чео.

— А я все же думаю, что вы допустили ошибку, — сказал Мак-Кей. — Фанни Мей обещала дальнейшее существование Эбнис и ее друзьям, когда мы все исчезнем?

— Различные образцы с небольшими ограничениями на увеличенных связях, — сказал калекан.

— Достаточно ясно, не так ли? — сказал Мак-Кей. — Вы переживете нас, но ненадолго.

— Никаких разветвлений, — сказал калекан.

— Никакого наследства, — перевел Мак-Кей.

— Это трюк, — сказал Чео. — Калекан лжет.

— Калекан не лжет, — напомнил Мак-Кей. — Но

вы можете допустить ошибку. Такая ошибка способна вас погубить, — сказал Мак-Кей.

— Я нахожусь в зависимости от этого, — сказал Чео. — И вы можете...

Прыжковая дверь исчезла.

— Поддержание зейе затруднено, — сказал каллебан. — Вы понимаете, что такое «затруднено»? Потребление энергии очень интенсивно.

— Понимаю, — сказал Мак-Кей. Он вытер лоб рукавом и сказал Тулуку:

— Его жизнь висит на волоске.

Тулук выставил длинные челюсти и возбужденно покачал ими.

— Я не должен доставлять снимки в лабораторию, пока он не умрет?

— Звезда, — пробормотал Мак-Кей. — Представьте это. И все, что мы здесь видим, это... это ничто.

— Тут ничего нельзя поделаться, — сказал каллебан. — Моя личность сделает нечто, и я перестану существовать. В присутствии этого «я» и вы исчезнете, Мак-Кей.

— Вы поняли, Тулук? — спросил Мак-Кей.

— Конечно, он, кажется, сказал, что перестанет быть для вас видимым, потому что это нас может убить.

— Я так и понял, — сказал Мак-Кей.

— Возвращайтесь назад, в Централь. Я хочу, чтобы мы быстрее начали поиски.

— Вы без цели расходуете вещество, — сказал каллебан.

— Что же теперь? — спросил Мак-Кей.

— Предстоит бичевание, и моя личность исчезнет.

Мак-Кей зазнобило. Он сглотнул.

— И как далеко вы удалитесь? — спросил он.

— Направление временных линий определить затруднительно. Ваше понятие: скоро.

— Прямо сейчас? — сдерживая дыхание, спросил Мак-Кей.

— Вы спрашиваете о непосредственной интенсивности? — спросил каллебан.

— Вероятно, — беспомощно пробормотал Мак-Кей.

— Вероятность, — сказал каллебан. — Энергетическое потребление личности увеличивает выравнивание. Бичевание не сейчас. «Сейчас» — верное понятие для непосредственного.

— Да, — ответил Мак-Кей.

— Скоро, но не сейчас, — пробормотал Тулук.

— Я думаю, он хочет объяснить, что может вынести еще одно бичевание, но оно будет для него последним, — сказал Мак-Кей. — Укладывайтесь и пойдем.

— Фанни Мей, вы сделаете для нас прыжковую дверь?

— Зейе существует, Мак-Кей. У моего «я» есть склонность к вам.

«Еще одно бичевание, — смятенно подумал Мак-Кей, помогая Тулуку упаковывать оборудование. — Но почему это бичевание будет смертельным для калекана? Почему именно бичевание, хотя других форм энергии оно не касается?»

В неизвестное, но не очень отдаленное время калекана снова исхлещут бичом, и он умрет. В этом намерении была полубезумная возможность воплощения апокалипсиса; тогда цивилизации Вселенной прекратят существование.

Мак-Кей подавленно стоял в лаборатории Тулука, окруженный охранниками и совершенно безвольный.

Пульт компьютера мерцал световыми сигналами. Гудящие и стрекочущие звуки доносились из его нутра.

«Если он идентифицирует звезду калекана, что делать с этими новыми знаниями? — спросил себя Мак-Кей. — Чео выиграл. Мы не смогли остановить его».

— Возможно ли, — спросил Тулук, — что калеканы сотворили эту Вселенную? Может быть, это их произведение?

Мак-Кей нетерпеливо пожал плечами.

— Почему этот проклятый компьютер возится так долго? — спросил он.

— Проблема определения пульсаций спектральных линий очень сложна, Мак-Кей. Для их сравнения необходимо особое программирование. Но вы не ответили на мой вопрос.

— У меня нет ответа. Я надеюсь, что эти слабоумные, которых мы оставили в шаре калекана, знают, что делать в случае необходимости.

— Они будут делать то, что вы им поручили, — укоризненно сказал Тулук. — Вы странный партнер для проведения свободного времени, Мак-Кей. Мне ска-

зали, что вы были женаты больше тридцати раз. Это же нарушение приличий, не так ли?

— Я не нашел женщины, которая могла бы выдержать присутствие полномочного представителя Саботажников, — проворчал Мак-Кей. — Таких людей, как я, нелегко любить.

— Но калекан любит вас.

— Он не знает, что мы понимаем под этим! — сказал Мак-Кей сердито. — Может быть, он испытывает симпатию потому, что я на протяжении нескольких часов упражнялся с ним во взаимопонимании, — он покачал головой. — Я должен был оставаться в шаре калекана.

— Наши люди в случае нападения загородят калекана своим телом, — возразил Тулук. — Но вы же не скажете, что это одна из форм любви?

— Это инстинкт самосохранения, — пробурчал Мак-Кей.

— Мы, вайверы, верим, что все формы любви — это инстинкт самосохранения. Может быть калекан так понимает это слово?

— Ха!

— В самом деле, Мак-Кей, у вас инстинкт самосохранения выражен довольно слабо, поэтому вы никогда не любили по-настоящему.

— Не хотите ли вы, наконец, прекратить отвлекать меня своей бессмысленной болтовней.

— Терпение, Мак-Кей. Терпение.

— Терпение! — Мак-Кей опять сорвался с места и начал мерить лабораторию широкими быстрыми шагами. Снова подойдя к Тулуку, он сказал:

— Чем питаются звезды?

— Звезды? Звезды не питаются.

— Калекан здесь что-то содержит. Это его питание, — пробурчал Мак-Кей. Внезапно он кивнул. — Я знаю, что это. Водород.

— Каким же образом он питается?

— Водород, — повторил Мак-Кей. — Если мы откроем одну из прыжковых дверей до нужной величины... Где Бильдун?

— Он с представителями правительства заседает по вопросу карантина для косметологов. Возможно также, что стало известно о нашем соглашении с тапризитами. Правительство не любит таких вещей, Мак-Кей.

Бильдун пытается спасти наши головы и свою собственную тоже.

— Но, кажется, водорода хватает, — сказал Мак-Кей.

— Что за болтовня о прыжковых дверях и о водороде? — спросил Тулук. — Вы приняли пилюли, Мак-Кей?

— Принял.

Зазвенел звонок компьютера, и из выходного устройства вылетела исписанная бумажная ленточка. Мак-Кей и Тулук нагнулись над ней.

— Тион, — сказал Тулук. — Звезда в Плеядах.

— Идентификация точна? — спросил Мак-Кей.

— Все верно.

— К Бильдуну! — крикнул Мак-Кей. — Мы должны сообщить ему!

Он выбежал из лаборатории, преследуемый Тулуком и отрядом охранников, которые должны были не отходить от них ни на шаг.

— Мак-Кей, — задыхаясь, проговорил Тулук. — Куда вы так торопитесь?

— К Бильдуну. Потом снова к калекану.

«Ничто не сможет теперь удержать меня, — сказал себе Чео. — Млисс умрет через несколько секунд, задохнувшись от уменьшения давления воздуха в барокамере косметологов, куда я ее посажу. Все ее миры-убежища последуют за ней. Я сам буду контролировать прыжковую дверь. Нити власти теперь будут в моих руках».

Чео стоял у прыжковой двери в своем жилище. Снаружи была ночь, но все это было относительно. Там, где за морским прибором лежал шар калекана, уже наступил день.

Последний день калекана... Рассвет окончательного исчезновения. На всех планетах, которые в этой Вселенной были связаны с определенным калеканом, все разумные существа должны были кануть в бесконечную ночь.

Через несколько минут планета прошлого, где он находится, достигнет удобной позиции в переплетении связей. И паленка, который ждет там, в другой части комнаты, сделает то, что ему приказано.

Чео погладил шрам на лбу.

Больше не будет пан спехи, которые стали бы обвиняюще показывать на него пальцами и возмущенно кричать. Никто больше не будет кричать на него. Никто больше не будет представлять опасности для его эго, он это обеспечил.

Никто не остановит его.

Ни Эбнис, которая делает последние вдохи в герметически закрытой барокамере, и, когда там кончится кислород, перестанет существовать. Ни Мак-Кей, который оказался проницательным и докучливым, но не имеет возможности предотвратить апокалипсис.

Еще пара минут.

Чео взглянул на шкалу маленького вспомогательного прибора, с помощью которого предварительно рассчитывал возможный зейе-контакт с калеканом. Указатель двигался так медленно, что трудно было заметить какое-нибудь изменение его положения за то время, пока Чео наблюдал за ним. Но все же двигался.

Чео бродил по помещению, чувствуя на себе вопрошающий взгляд паленки и, наконец, вышел через открытую дверь на террасу. На небе не было луны, но многочисленные звезды усеивали небосвод. Эти созвездия были чужды пан спехи. Млисс создала здесь странный мир с многочисленным реквизитом земного прошлого, странными экзотическими вещами, набранными из глубины тысячелетий.

Но эти звезды... Калекан заверил их, что здесь не существует больше ни одной планеты... Но тут были звезды. Если они действительно были. Может быть, это всего лишь маленькие облачка разреженного газа, созданного по желанию Млисс.

«Это место станет единственным после того, как все другие миры Вселенной опустеют, — думал Чео. — Не должно остаться никакой связи с другими известными ему мирами. И никаких ускользнувших с этих миров, о которых его предупреждала Млисс».

Но он будет здесь в безопасности. Не будет никакого преследования, потому что не будет никаких преследователей.

Он взглянул назад, в освещенное помещение.

Как терпеливо ждет паленка последнего движения! Бич покачивается в его руке. Это оружие — чудовищ-

ный анахронизм. Но оно действительно. Без Млисс с ее извращенными поступками он никогда бы не обнаружил действительность и неотвратимость бича.

Чео наслаждался своим воображением. Время тянулось очень медленно. Он ждал, глубоко вдыхая ночной воздух, полный запахов, которые завезла сюда Млисс — запахов экзотических цветов, опьяняющих ароматов, пряных запахов трав, цветущих деревьев, испарений, редчайших форм жизни, которые она доставила на Арх.

Арх. Смешное название она дала этому месту. Может быть, он позднее изменит его, если в голову придет более подходящее название.

«Плохо, что по соседству нет никаких других планет, — подумал он. — Наверно, калекан мог бы создать и другие планеты. Но Млисс не хотела этого».

Чео снова возвратился в помещение и стал наблюдать за прибором. От нужной позиции указатель теперь отделяло только пространство шириной в волосок. Он позвал паленку.

Низкая мокрицеподобная фигура волнообразными движениями подползла к нему на многочисленных ногах. Глаза пылали усердием и готовностью. Настоящему паленке насилие доставляло удовольствие. Чео нажал кнопку. Указатель достиг нужного положения, и прыжковая дверь открылась по его сигналу.

— Пошел! — крикнул он.

Мак-Кей услышал приказ пан спехи, когда в шаре калекана открылась прыжковая дверь. Отверстие заполнило помещение, вытеснив красноватый полумрак ярким светом. Свет хлынул, огибая две фигуры, появившиеся в отверстии. Паленки и Чео, пан спехи.

Туманная труба внутри маленького помещения стала опасно вспухать. Яростная энергия по ее краям швырнула охранников в стороны. Прежде чем они успели прийти в себя, мелькнула рука паленки и шелкнул бич.

Мак-Кей охнул, увидев огромный сноп зеленых искр, которые взметнулись над «половником» калекана. Рой зеленых и золотых искр! Золотые искры! Бич ударил снова. Сверкнул новый дождь искр и растворился в ярком свете.

— Стой! — крикнул Мак-Кей, когда охранники пришли в себя и хотели напасть на Чео с паленкой. Они остановились.

Еще один удар бича в руке паленки.

Искры вспыхнули, упали.

— Фанни Мей! — крикнул Мак-Кей.

— Мое «я» отвечает, — сказал калекбан. Мак-Кей почувствовал внезапное повышение температуры, которое сопровождало слова калекбана; его эмоции были тихими и успокаивающими — но могущественными.

Охранники неподвижно стояли и глядели вместе с Мак-Кеем на то место, где рука паленки злобно играла бичом. С каждым ударом в пространстве вспыхивал рой зеленых и золотых искр.

— Расскажите о вашем веществе, Фанни Мей, — попросил Мак-Кей.

— Количество вещества растет, — сказал калекбан. — Вы дали энергию и силу для этого «я», Мак-Кей.

— А как с окончательным исчезновением? — спросил Мак-Кей.

— Исчезновение отложено. Это «я» не видит связей для исчезновения, другие калекбаны вернутся.

Мак-Кей глубоко вздохнул. Каждое новое слово калекбана несло новую волну жара, как из огромной печи. Это тоже свидетельствовало об успехе. Он вытер лоб.

Бич щелкал снова и снова.

— Открывайтесь, Чео, — крикнул Мак-Кей. — Вы проиграли! — Он посмотрел в прыжковую дверь. — Мы даем калекбану энергию быстрее, чем вы отнимаете ее.

Чео пролаял приказ. Паленка втянул руку.

— Фанни Мей! — крикнул пан спехи.

Ответа не было, но Мак-Кей почувствовал вспышку сострадания, источником которой, несомненно, был калекбан.

Испытывал ли калекбан сострадание к Чео?

— Я приказываю ответить, калекбан! — проревел Чео. — Договор предусматривает беспрекословное повиновение!

— Мое «я» повинуется партнеру по договору, — сказал калекбан. — Вы не разделяете связей с партнером по договору.

— Она приказала вам повиноваться мне!

Мак-Кей, на минуту задержав дыхание, ждал. Он должен точно знать...

— Договор! — настаивал Чео.

— Договор потерял интенсивность, — сказал калекан. — На новых линиях вы должны обратиться к этому «я» как к Тиону. Новое имя, которое я получил от Мак-Кея: Тион.

— Мак-Кей, что вы сделали?! — возопил Чео. — Почему калекан не реагирует на бичевание?

— Он, собственно, никогда и не реагировал, — сказал Мак-Кей. — Он реагирует на насилие и ненависть, которые связаны с бичеванием. Бич только выполняет роль фокусирующего инструмента. Он концентрирует все насилие и всю ненависть на самом уязвимом месте, и это лишает калекана энергии. И уж вы-то должны знать, что он продуцирует с помощью этой энергии эмоции. И сам калекан — почти чистая эмоция, совершенно нематериальная.

Чео сделал знак паленке подождать, и тогда Мак-Кей сказал:

— Вы не достигнете своей цели, Чео. Мы питаем нашего друга быстрее, чем вы можете его опустошить.

— Питаете? — спросил Чео. Он почти высунул голову из отверстия туманной трубы, чтобы посмотреть сначала на калекана, потом на Мак-Кея.

— Мы открыли в пространстве гигантскую прыжковую дверь, — сказал Мак-Кей. — Она собирает водород в одном из межзвездных облаков и отправляет его Тиону.

— Что такое Тион? — недоверчиво спросил Чео.

— Звезда, являющаяся калеканом, — ответил Мак-Кей.

— О чем вы говорите?

— Вы не понимаете? — спросил Мак-Кей. — Он незаметно сделал знак охранникам. Эбнис все еще не показывалась. Чео куда-то упрятал ее. Это меняло их планы. Они должны попытаться провести в прыжковую дверь охранников, чтобы обезвредить Чео. Двое людей начали приближаться к отверстию, держа излучатели наизготовку.

— Что я должен понимать? — спросил Чео.

«Я должен отвлечь его», — подумал Мак-Кей.

— Калекан проявляется в нашей Вселенной в различных формах, — сказал он. — Его звезда, солнце,

представляет из себя пункт сбора пищи и является только частью огромного целого. Он создал этот шар, который является, вероятно, не просто разговаривающим проявлением, но имеет цель защитить нас. Его «я» с помощью своих фильтров не может полностью нейтрализовать излучение энергии во время разговора. Поэтому здесь так жарко.

— Звезда? — спросил Чео. — Он, казалось, не замечал, что охранники все ближе продвигаются к отверстию прыжковой двери.

— Да, — сказал Мак-Кей. — Этот калекан идентифицирован. Он и звезда Тион в Плеядах — одно и то же.

— Но... эффект прыжковой двери...

— Звездное шупальце, — сказал Мак-Кей. — Такова, по крайней мере, моя интерпретация, и она, вероятно, верна только частично. Мы всегда знали, какое огромное количество энергии расходуется для пролома пространства. Тапризиоты рассказали нам, как они общаются с помощью подключения к связям калеканов, чтобы...

— Чушь, — пробормотал Чео.

— Очень может быть, — ответил Мак-Кей. — Но эта чушь движет реальностью нашей Вселенной.

— Вы думаете, что сможете отвлечь меня, пока ваши люди подготавливают нападение, — сказал Чео. — Я сейчас покажу им другую реальность вашей Вселенной! — и сейчас же прыжковая дверь начала надвигаться на Мак-Кея.

— Тион! — крикнул Мак-Кей. — Остановите Чео! Держите его крепче!

— Чео поймал сам себя, — сказал калекан. — Связи Чео завершены.

Туманная труба опять начала преследовать Мак-Кея, но, казалось, Чео с трудом справляется с управлением. Мак-Кей смог легко уклониться, когда отверстие двинулось по помещению к тому месту, где он находился.

Отверстие прыжковой двери отступило на шаг, потом снова приблизилось. На этот раз оно двигалось несколько быстрее.

Мак-Кей отпрыгнул в сторону и столкнулся с двумя охранниками. Почему эти проклятые дураки не пытаются проникнуть в отверстие? Они боятся, что их разрежет? Мак-Кей приготовился при следующем на-

падении прыгнуть в отверстие. Чео должен привыкнуть к мысли, что его тактика вызывает страх. Он не ждал нападения от того, кто его боялся. Мак-Кей сглотнул. Он знал, что может произойти. Слабое сопротивление туманной трубы затормозило бы его прыжок, и у Чео появилось бы время, чтобы захлопнуть прыжковую дверь, которая отрезала бы ему ноги. Но Мак-Кей успел бы выстрелить из излучателя и убить Чео. Может быть, ему повезло бы найти Эбнис — и она тоже умерла бы.

Прыжковая дверь снова придвинулась к Мак-Кею.

Он прыгнул вместе с охранниками, которые в тот же миг решили напасть, и больно ударился об пол, когда туманная труба скользнула совсем рядом.

Мак-Кей вскочил на ноги и отпрыгнул назад. Он увидел мрачное лицо Чео, увидел пан спехи, яростно рвущего ручки управления, потом услышал далекий хруст, и прыжковая дверь исчезла.

Кто-то закричал.

Мак-Кей со смущением обнаружил, что стоит на четвереньках в полутьме шара калекана. Секунду он простоял без движения, пытаясь восстановить в памяти последние секунды присутствия пан спехи. Это было похоже на призрачное видение — сквозь тело Чео он увидел какую-то дымящуюся субстанцию, и это была субстанция шара калекана.

— Действие договора прервано, — сказал калекан.

Мак-Кей медленно выпрямился. Он непонимающе покачал головой:

— Что это значит, Тион?

— Констатация факта имеет значение только для Чео и его спутников, — сказал калекан. — Это «я» не может дать Мак-Кею другого объяснения для этой субстанции.

Мак-Кей кивнул.

— Вселенная Эбнис была ее собственным творением, — пробормотал он. — Порождением ее фантазии.

— Что за порождение, объясните, — сказал калекан.

Чео переживал мгновение смерти Эбнис как постепенное исчезновение вещества вокруг нее и себя. Стены, пол, потолок, зейе-управление — все блекло и исчезало. Он чувствовал в этот последний момент всю

тщету своего существования. И в момент перехода увидел тени паленки и других, удаляющийся островок движения в месте, которого мистики его расы никогда не знали. Однако это было место, которое могло быть близким брахманам и буддистам древних времен — место майи, призраков и иллюзий, выдуманный мир, лишенный вещественной материи.

Прошло мгновение, и Чео перестал существовать. Или можно сказать, что он исчез вместе с выдуманным миром. В конце концов, нельзя же дышать иллюзиями или пустотой.

К о н е ц

* * * * *

А. Бертрам ЧАНДЛЕР

КОНТРАБАНДОЙ ИЗ КОСМОСА

Фантастический роман

Перевод с английского

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОНТРАБАНДОЙ ИЗ ЧУЖОГО МИРА

Глава I

Случайному наблюдателю это загорелое лицо показалось бы безразличным и равнодушным, но знающие его люди, без сомнения, угадывали в его жестких чертах выражение глубоко скрытой скорби и сожаления.

Король отрекся.

Старший суперинтендант Приграничного Флота слалал с себя обязанности по службе в Конфедерации Приграничных Планет. Его прошение об отставке пока не возымело действия, но после прилета капитана Трентора на корабле «Кестрел» он надеялся, что решение наконец будет принято. Трентор был единственный достаточно опытный капитан, который мог его заменить на этом посту.

В этот день Гримс видел из своего окна лишь два корабля, стоявших на взлетной площадке — старый «Искатель», патрульный корабль Правительства Приграничных Планет, и «Мамелют».

Но вскоре все должно было войти в привычную колею. Затишье кончится, и один за другим, прорываясь сквозь вечные низкие облака, будут приземляться корабли Приграничного Флота, прибывающие с ближних и дальних планет, со всех концов обширной Галактики, из антимиров... И на одном из них, с Мелиссы, придет Трентор. Сейчас же в пустынном и безмолвном порту за шедшим сплошной стеной снегом лишь угадывались очертания огромной остроконечной башни патрульного корабля и возле него, как в укрытии, маленького космического буксира.

Гримс непроизвольно вздохнул. Он был вовсе не сентиментален (так, по крайней мере, он сам считал). Но «Искатель» был последним кораблем Приграничного Флота, которым он командовал, и, скорее всего, пос-

ледным кораблем космического флота всего человечества, которым он командовал... Именно на «Искателе» он открыл и исследовал планеты Восточного Кольца, на «Искателе» он контактировал с цивилизациями антимиров... И на нем же всего несколько недель назад он вернулся из экспедиции по исследованию загадочного феномена, известного под названием «Приграничные Призраки». И в этой же «безумной охоте за призраками», как выразился его старший помощник, он нашел в Соне Веррил лекарство от своего одиночества. Но их брак принес новые проблемы... впрочем, это свойственно всем бракам вообще. Он удивлялся, как уверенно Соня взялась за изменение его жизни и занятий.

Прогудел селектор. Высокий женский голос сказал:

— К вам командир Веррил, сэр.

Тут же донесся другой женский голос, низкий, но приятный:

— Пора бы запомнить, мисс Уиллоуби, что меня зовут миссис Гримс.

— Входи, Соня, — сказал Гримс, нажав кнопку.

Как всегда волнующая, она тут же вошла и остановилась в дверях. Тающий снег как бриллиантиками усыпал ее пурпурный плащ из альтаирского кристаллического шелка и ее спутавшиеся на ветру светлые волосы. Ее лицо покраснелось, но скорее от волнения, чем от резкой смены наружного холода на тепло помещения. Она была высокой роскошной женщиной, и многие мужчины во всех концах Галактики называли ее красивой.

Она подошла к Гримсу, нежно притянула его к себе за оттопыренные уши и звонко чмокнула в губы.

— Ну, и что же случилось на этот раз? — спросил он, когда она его отпустила.

Соня счастливо засмеялась:

— Джон, я лишь пришла рассказать тебе о последних новостях. По телефону все звучало бы иначе. Только что я получила две телеграммы с Земли — одну деловую, другую личную. Во-первых, с сегодняшнего дня подтвердилась моя отставка. Естественно, меня могут на какое-то время отозвать обратно в случае крайней необходимости, но это пускай нас не волнует. Слухи о моих наградных действительно подтвердились.

— И сколько же? — спросил он скорее в шутку. Она ответила.

— Похоже, ваше Федеративное правительство более щедро на подарки, чем наше. Правда, ваши налогоплательщики побогаче, и к тому же их значительно больше, чем у нас.

— Это еще не все, дорогой. Адмирал Селверсен из финансово-экономического отдела — мой старый друг. Вместе с первой телеграммой он отправил вторую, от себя лично. Похоже, есть небольшая транспортная компания, которая продается. У них всего один корабль, курсирующий по маршруту Монталбон-Каррибея. Конечно, придется влезть в долги, но если к моему вознаграждению прибавить твое и все наши сбережения, то после первого же рейса мы с ними рассчитаемся. Только подумай, Джон! Ты, как хозяин — капитан за пультом управления своего корабля, а рядом — я, как старший любящий помощник!

Гримс задумался, мысленно проникая взглядом сквозь густую облачность к бескрайним звездным просторам, с которыми так неохота было расставаться... Тепло и свет корабля, сияющие звезды вместо этого унылого снегопада под вечно серым низким небом.

Тепло... Свет... Соня...

Гримс медленно произнес:

— Может быть, нам будет тяжело устроиться на новом месте. Ты долго работала в Федерации на вашу разведку, а ведь нужно перестроиться на спокойную гражданскую жизнь, стать гражданским пилотом...

— Джон, я стала гражданским пилотом как только вышла за тебя замуж. И я хочу иметь дом и семью, но не здесь, а именно на новом месте.

Ящик селектора снова прогудел и произнес голосом мисс Уиллоуби:

— Командор Гримс, вас вызывает контрольная башня. Соединить их с вами?

— Да, пожалуйста, — ответил Гримс, берясь за трубку телефона.

Глава II

— Говорит капитан Кэсседи.

— Слушаю вас, капитан.

— С третьей орбитальной станции замечен корабль, сэр.

— За это они и получают деньги, не так ли?

— Да, сэр, — Кэссиди был явно не расположен к шуткам. — Ровным счетом ничего в течение недели, а тут вдруг...

— Возможно, это какой-нибудь олух из Патрульной Службы Федерации, — сказал Гримс, подмигнув Соне. Она тихонько засмеялась. — Они считают, что могут летать где и как им заблагорассудится. Передайте на третью станцию, чтобы они вежливо попросили опознать себя, но только вежливо, а не устраивали допрос с пристрастием.

— Уже сделано, командор. Они не отвечают.

— Я всегда говорил, что для подобных случаев в экипаже должен быть офицер пси-связи, но меня, как всегда, никто не слушал... — он замолчал, а потом спросил:

— Приближение с целью посадки?

— Нет, сэр. Там, на третьей станции, у них не было времени для определения точной траектории полета, но похоже, что объект пройдет мимо Лорна в нескольких тысячах миль и упадет прямо на солнце.

— То есть как это — не было времени? — голос Гримса стал ледяным. — Они там что, забыли про вахты?

— Нет, сэр. Командир Халл — один из наших лучших пилотов, ведь вы знаете это. По словам самого Халла, объект внезапно появился прямо из пустоты. Он возник на экранах радара и индикатора близости масс совершенно неожиданно.

— Никто из ваших не собирался сюда залетать? — спросил у Сони Гримс.

— Насколько я знаю — нет.

— Ну, поскольку ты офицер разведки, то значит, так оно и есть. — Гримс снова обратился к Кэссиди:

— Капитан, передайте на третью станцию, что я хочу связаться с ними напрямую.

— Хорошо, сэр.

Гримс сел на свой стул и, пододвинув к себе клавиатуру, быстро застучал по ней короткими толстыми пальцами. Окно автоматически закрыли жалюзи, свет в комнате стал приглушенным, а на одной из стен заиграла краски, которые скоро сложились в трехмерное

изображение вахтенной рубки третьей станции. Там, за толстыми стеклами широких окон, расстилалась бескрайняя чернота Космоса, которая казалась еще чернее, контрастируя с тускло поблескивающими звездами и туманностями. На приборной панели вахтенной рубки, которая занимала всю ширину помещения, горели разноцветные лампочки, мерцали установленные в ряд экраны и индикаторы. Вдоль нее сидели несколько мужчин и женщин в униформах, один из них повернулся к камере и спросил:

— Вы уже получили картинку, командор Гримс?

— Получил, — ответил командор. — У вас готова экстраполяция орбиты?

— Да, сэр, включаю.

Экран на секунду потух, затем снова включился и изобразил в самом центре яркую точку. Это было солнце Лорна. Сбоку, где сияла другая точка, изображавшая Лорн, протягивалась длинная изогнутая линия, которая представляла из себя расчет траектории движения странного объекта. Линия вплотную подходила к солнцу, описывала вокруг него вытянутый виток спирали и поглощалась раскаленными языками пламени. Это была всего лишь расчетная орбита, могли пройти месяцы, прежде чем объект упадет на солнце. У команды было еще предостаточно времени и возможностей, чтобы вмешаться в это фатальное падение. Тем не менее, необходимо было срочно что-то делать. Если потребуются спасательная операция, то начинать ее нужно немедленно.

— Что ты думаешь об этом? — спросил Гримс свою жену.

— Мне это не нравится. Либо они не могут с нами связаться, либо не хотят. Мне кажется, что скорее всего не могут. И, значит, им нужна помощь... Следовало бы проверить...

— Действительно, нужно проверить... Вызови-ка Кэсседи и скажи ему, чтобы он подготовил к отлету «Мамелют» как можно скорее.

Он посмотрел на экран. Где опять появился командир Халл.

— Мистер Халл, мы отправим «Мамелют» за объектом. Постарайтесь все-таки установить с ними связь.

— Мы пытаемся, сэр.

Соня передала Гримсу трубку. Снова говорил Кэсседи:

— Сэр, капитан «Мамелюта» в госпитале. Может быть, я...

— Нет, Кэсседи. Вы должны оставаться на посту. Но вы мне можете помочь. Постарайтесь, пожалуйста, разыскать мистера Мэйхью, офицера пси-связи. Да, да, я знаю, он в длительном отпуске, тем не менее разыщите его. Передайте ему, что я прошу его немедленно прибыть сюда, в полной готовности, вместе со своим усилителем. И подготовьте «Мамелют» к немедленному вылету.

— Но кто поведет его, сэр?

— Ну, а как вы думаете?

Когда Гримс повесил трубку, Соня сказала:

— Тебе нужен будет помощник, Джон.

— И, без сомнения, кто-нибудь из Патрульной Службы, — решил он ее подразнить.

— Да, и уж меня предчувствия не обманывают, это будет офицер разведки...

— В таком случае, есть только один кандидат, — заверил он ее.

Глава III

Ровно через час «Мамелют» был уже готов. Как спасательный буксир, он всегда был полностью укомплектован и заправлен, экипажу оставалось только подняться на борт и рассестись по своим местам. Найти приписанных к кораблю инженеров не составляло особого труда — все они лишь ждали вызова, кто у себя дома, кто в порту. Медицинская служба порта послала врача, который был рад избавиться от своих бумаг, а Станция дальней радиосвязи — своего офицера. Поскольку штатный помощник капитана возмутился, когда ему предложили остаться на Лорне, Соня согласилась на роль офицера снабжения.

Итак, все было готово к отправке, но Гримс настаивал на том, чтобы подождали Мэйхью. В любых работах по оказанию помощи чрезвычайно важно поддерживать связь между спасателем и спасаемым, но из опыта третьей орбитальной станции было ясно, что электронная радиосвязь невозможна.

Гримс стоял на присыпанном снегом бетоне возле

трапа к открытому шлюзовому люку буксира и смотрел на затянутое тучами небо.

— Черт знает что такое, — возмущался он. — Я ведь говорил ему, что срочно.

Спустившись и встав рядом с ним, Соня сказала:

— Похоже, какой-то звук...

Он тоже услышал — это было отдаленное стрекотание вертолета. Наконец вертолет вынырнул из-за крыши административного корпуса. Яркие лампы на концах лопастей вычерчивали четкий красный круг на темном небе, который приближался, увеличивался, и, наконец, обдав Соню и Гримса холодным мокрым снегом, вертолет сел в нескольких метрах от них. Открылась дверца, и оттуда выпрыгнул высокий и сутулый телепат, пряча от ветра лицо в высоком воротнике пальто. Увидев Гримса, он взмахнул рукой, что должно было обозначать приветствие, и повернулся к дверце, откуда ему подавали большую тяжелую сумку.

— Можете не спешить, — проворчал Гримс.

Мэйхью, волоча ноги, приблизился и осторожно поставил сумку на землю.

— Лесси не привыкла к таким путешествиям, — сказал он с легким укором. — Ей нельзя подвергаться тряске.

Гримс вздохнул. Он уже почти забыл о том, какие нежные отношения существуют между любым космическим телепатом и его живым усилителем — головным мозгом какой-нибудь собаки, который находится в питательном растворе. Эти отношения часто бывают гораздо более близкими, чем между живой собакой и ее хозяином. После того, как собаку оперируют и ее мозг лишают тела, она признает как хозяина лишь настоящего телепата, и возникает своеобразный симбиоз.

— Лесси себя неважно чувствует, — жаловался Мэйхью.

«Бросьте ей мысленно сочную кость», — чуть было не сказал Гримс, но решил воздержаться.

— Я пытался, конечно, — ответил Мэйхью, — но она... она этим больше не интересуется. Она уже слишком стара. А с широким распространением системы связи Карлотти никто не хочет заниматься выращиванием биоусилителей.

— Но она еще помогает вам? — холодно спросил Гримс.

— Да, сэр, но...

— В таком случае поднимайтесь. Миссис Гримс покажет вам вашу каюту. Подготовьтесь к немедленному взлету.

Он поднялся к люку и прошел по узким коридорам и крутым лестницам в тесную контрольную рубку. Там уже находился его помощник, чья небрежная поза вполне гармонировала с его мятой и незастегнутой формой. Несмотря на свой неряшливый вид, этот молодой человек был опытным и компетентным пилотом и в качестве старшего помощника на буксирном корабле нельзя было мечтать о лучшем.

— Вы готовы, шеф? — поприветствовал он Гримса. — Сами поведете тачку?

— Наверное, вы лучше знаете этот корабль, чем я, мистер Уильямс. Как только получим сигнал, что экипаж готов к перегрузкам, можно взлетать.

— О'кей, шеф.

Гримс проверил показания приборов, выслушал доклады офицеров и произнес в микрофон:

— «Мамелют» контрольной башне. Взлетаем.

И прежде чем оттуда успели ответить, Уильямс нажал кнопку пуска. Величественный плавный взлет, мягкое увеличение перегрузки, свойственное большим кораблям — это было не для «Мамелюта».

Гримсу показалось, что ими выстрелили из пушки. За несколько секунд они вырвались из облачности, и яркий солнечный свет ударил в глаза. Гримс попытался поднять руку, чтобы нажать на панели кнопку поляризации стекол, но это было невозможно. Солнце било сквозь широкие иллюминаторы прямо в лицо, настолько ярко, что даже закрытые веки не спасали от его болезненных лучей. На помощь пришел Уильямс. Открыв глаза и привыкнув к полумраку, Гримс увидел, что тот смеется.

— Этот старый «Мамелют» скачет, как молодая сучка, — сообщил он с гордостью.

— Это точно, мистер Уильямс, — с трудом ворочая языком, согласился Гримс. — Но не все из присутствующих так же молоды... А раз уж разговор зашел о собаках, то, я думаю, вряд ли биоусилителю мистера Мэйхью понравятся эти прыжки.

— Хотите сказать — этим маринованным собачьим мозгам? Уверяю, шеф, этим останкам кучерявого пуделя в их теплом рассоле сейчас лучше, чем нам, — он снова засмеялся. — Ладно, я ведь забыл, что у нас тут сборная команда... Так и быть, сброшу до полутора жи, вы ведь не против, шеф?

«Лучше до одного, — подумал Гримс. — В конце концов, кто бы ни были те люди на корабле, им не грозит немедленное падение на солнце... Но несколько минут для них могут оказаться решающими. В любом случае мы должны остаться способными к тяжелой физической работе, когда мы догоним корабль».

— Снизьте ускорение до полутора жи, мистер Уильямс. Вы заложили траекторию полета в компьютер, не так ли?

— Конечно, шеф. Как только расчет закончится, я выведу корабль на автопилот. Все пойдет, как надо.

Когда корабль вышел на устойчивую просчитанную орбиту, Гримс покинул Уильямса и стал осторожно спускаться по крутым лестницам вниз. Он обошел с осмотром весь корабль, заглянул в ракетный отсек, к доктору, в обе радиорубки и, наконец, добрался до каюты офицера снабжения возле столовой. Соня выглядела так, как будто она родилась и выросла в условиях полуторократной гравитации. Он с завистью смотрел, как она свободно управляется с чашками и кофейником, не обращая внимания на свой возросший вес.

— Садись, Джон, — сказала она. — Если ты так устал, что у тебя это написано на лице, то тебе лучше даже лечь.

— Ничего, я в порядке.

— Нет, не в порядке, и нечего разыгрывать передо мной большого и сильного космического капитана.

— Но если ты выдержишь...

— Ну и что из этого? Я ведь не вела такую жизнь, как ты, и я привыкла к спешке и перегрузкам на маленьких кораблях вроде этого. Это ты все больше летал в невесомости.

Он устроился на койке и, взяв чашку кофе, спросил:

— Так ты считаешь, что нам следует спешить?

— Честно говоря, нет. Работы по спасению всегда очень тяжелы, и при длительной перегрузке более по-

лутора «г» все мы будем едва передвигать ноги, даже этот твой боевой помощник. — Она улыбнулась. — Если бы я вроде него была, ты бы на мне не женился.

Он засмеялся:

— Если бы ты была моим помощником, ты была бы такой же, как он.

— Только в случае крайней необходимости, дорогой.

Она протянула к нему руки, и Гримс подумал, что в языке жестов больше правды, чем в языке слов...

Глава IV

Вскоре уже можно было видеть странный корабль — как медленно приближающуюся к центру точку на экране индикатора близости масс, а на самом краю радара он оставлял яркий след.

После того, как показания приборов были заложены в компьютер, и траектория полета объекта заново просчитана, подтвердились первоначальные расчеты, проведенные на третьей станции. Объект свободно летел в направлении солнца, не замедляя ход и не пытаясь изменить траекторию, полностью подчиняясь законам притяжения солнца и планет. Но еще задолго до того, как лучи солнца начнут разогревать его оболочку, буксирное судно догонит его и постарается перевести на безопасную орбиту.

Неизвестный корабль молчал. Он не отвечал ни на какие запросы, сделанные при помощи мощнейшего передатчика «Мамелюта».

Беннет, офицер связи, пожаловался Гримсу:

— Я использовал все частоты, известные любому цивилизованному человеку, и даже несколько неизвестных. И все без толку.

— Попытайтесь еще, — ответил Гримс и отправился к Мэйхью с его биоусилителем телепатических сигналов.

Офицер пси-связи устало сидел на своем стуле и отсутствующим взглядом изучал прозрачный цилиндр, в котором в мутной жидкости плавал цинично обнаженный мозг. Командор старался не смотреть на него, но это было нелегко. Всякий раз, когда он видел эту штуку, он не мог удержаться от сочувствия к существу, лишённому тела, и чья жизнь искусственно поддержива-

лась, призванному улавливать заблудившиеся мысли более счастливых (или менее несчастных) людей... На что это было похоже — быть обреченным на усиление чужих непонятных мыслей? А если бы какие-нибудь высшие существа вынимали мозг человека из черепа и использовали его для своих фантастических целей? Безумная идея... А жертвовать собаками ради того, чтобы люди в разных концах Галактики могли без проблем разговаривать — это не безумная идея?

— Мистер Мэйхью, — сказал он.

— Да, сэр? — пробормотал телепат.

— Что касается электронной радиосвязи, этот корабль, похоже, мертв.

— Мертв? — со вздохом повторил Мэйхью.

— Как вы считаете, есть ли кто-нибудь живой на борту?

— Я... я не знаю, сэр. Я говорил вам перед отлетом, что Лесси неважно себя чувствует... Она уже больше не обращает на меня внимание... Она стара... Она стара, и почти все время спит... — его голос стал глухим. — Ее разум уже мутнеет... расплывчатые сны и призрачные воспоминания, и прошлое для нее более реально, чем настоящее.

— А какие же сны она видит, — спросил Гримс, все более проникаясь жалостью к небольшому прозрачному цилиндру.

— В основном, это охота. Она ведь была терьером до того, как ее призывали... на службу. Она ловила мелких грызунов, вроде крыс. У нее хорошие сновидения, только иногда они превращаются в кошмары. Тогда я ее бужу, но она еще долго пребывает в таком ужасе, что работать с ней совершенно невозможно.

— Никогда бы не подумал, что у собак бывают кошмары, — заметил Гримс.

— О, еще какие, сэр. Бедная Лесси часто видит один и тот же — ей снится огромная крыса, которая за ней гонится, чтобы убить. Наверное, это осталось у нее с детства, когда ее сильно напугало какое-нибудь большое животное.

— Да... значит, ровным счетом ничего об этом корабле...

— Ничего, сэр.

— Вы пробовали связаться с ними сами?

— Конечно, сэр, — голос Мэйхью снова наполнился

болью. — Несколько раз, когда разум Лесси прояснялся, я посылал сильный сигнал, такой сильный, что даже нетелепаты могли его принять. Может быть, вы сами его слышали, сэр: «Мы идем на помощь». Но я не получил какого-нибудь подтверждения, что его приняли и поняли.

— Насколько мы знаем, это потерпевший аварию корабль. Мы не знаем, кто его построил, и кто его ведет — или вел.

— Кто бы его ни построил, сэр, это были разумные существа.

Вспомнив неудобнейшие корабли своей юности, Гримс ответил:

— Это вовсе не обязательно.

Мэйхью, не поняв шутки, настаивал:

— Но они обязаны мыслить! Они обязаны передавать друг другу информацию. И любой мозг излучает пси-сигналы. Более того, сэр, это излучение оседает в окружающих неодушевленных предметах, точно так же, как в случае с радиацией. Почему люди любят посещать определенные места? Да потому, что они подсознательно считывают со стен информацию о прошедших здесь когда-то драмах или сильных переживаниях. В определенных, наиболее благоприятных условиях возможно даже воссоздать картину происшедшего...

— Хм. Но вы сказали, что с вашей точки зрения этот корабль мертв, и не осталось даже, как вы выразились, записей на стенах, которые вы могли бы воспроизвести.

— Сэр, расстояние слишком велико. И что касается остаточного излучения неодушевленных предметов, то оно может в одном случае очень быстро исчезнуть, а в другом — держаться годами. Должны существовать какие-то законы, но они никем пока не открыты.

— Значит, там можно что-нибудь обнаружить.

— Может, нам это удастся... а может, и нет.

— Все-таки попытайтесь еще что-нибудь выяснить, Мэйхью.

— Конечно, сэр. Но пока Лесси в таком плачевном состоянии, я ничего не могу обещать.

Гримс отправился в каюту снабжения. Сев в кресло, он взял у Сони чашку кофе, который она для него сварила.

— Похоже, дорогая, — сказал он, — в скором времени офицер разведки нам будет необходим ничуть не меньше, чем офицер снабжения.

— Почему?

Он рассказал ей о своей беседе с Мэйхью, и добавил:

— Я надеялся, что он нам сможет помочь, но похоже, что его хрустальный шар в последнее время не слишком хорошо функционирует.

— Он говорил мне об этом, — ответила она. — Он уже жаловался всему экипажу. Но когда мы догоним корабль, то сможем все узнать — кто его строил, вел, и что там произошло.

— Я в этом не уверен, Соня. То, каким образом он появился на радарх третьей станции — возникнув из ниоткуда, — заставляет меня думать, что он прилетел из очень, очень далекого и Чужого мира.

— Патрульная Служба привыкла иметь дело с Чужими мирами, — ответила она, — а наша разведка — тем более.

— Знаю, знаю.

— А теперь, позвольте вашему скромному офицеру снабжения просить своего хозяина и повелителя сообщить день и час ожидаемого сближения с объектом.

— Если не случится ничего неожиданного, то мы сблизимся с объектом ровно через пять суток.

— И капитан крикнет: «На бордаж!» — сказала Соня, явно наслаждаясь перспективой предстоящих событий.

— Именно так, — согласился он, — и я с радостью выберусь из этой летающей консервной банки.

— Честно говоря, я буду рада ничуть не меньше послать к черту эту снабженческую работу и заняться настоящим делом, которому я столько лет училась...

Глава V

С каждым часом расстояние сокращалось, и наконец объект стал виден как тусклая точка в нескольких градусах сбоку от солнца Лорна. Можно было уже воспользоваться мощным телескопом «Мамелюта». Правда, в него мало что удалось разглядеть. Был виден сигарообразный неровный корпус, беспорядочно утыканный антеннами и надстройками. Даже теперь, когда расстоя-

ние между ними составляло от силы два десятка миль, по-прежнему не было ответа на запросы, которые делали оба офицера радиосвязи.

Гримс сидел в контрольной рубке и наблюдал, как Уильямс ведет буксир. Помощник согнулся в своем кресле над приборами, медленно и осторожно подвигая свой корабль все ближе и ближе к чужому, с мастерством, которое приходит лишь после долгих лет тренировок. Взглянув в иллюминатор на корабль, он сказал Гримсу:

— Эта штука так раскалена, что вот-вот расплавится.

— Но ведь у нас хорошая радиационная защита, — полувопросительно ответил Гримс.

— Естественно. «Мамелют» должен быть готов ко всему. Помните аварию «Эланда»? Их реактор дошел до критической точки. Мы подцепили их, и я пробрался на борт, чтобы посмотреть, есть ли там кто живой. Пустая затея — это была раскаленная радиоактивная сковорода.

«Приятная перспектива», — подумал Гримс. Он стал рассматривать корабль в большой бинокль на подставке. Видно было не намного больше, чем в телескоп с дальнего расстояния. Корабль действительно был раскален от радиоактивности. Но впечатление было такое, что корабль обжарен излучением снаружи, а не внутри. Похоже, выступающие части корабля оплавилась, а затем снова застыли, наподобие потухшей восковой свечки. Были видны искривленные остатки опор для приземления. Там были также покореженные опоры, некогда служившие для выдвижных радиоантенн и радарных сканеров, которые использовались при дальних космических полетах.

— Мистер Уильямс, — приказал Гримс, — попробуем подойти к ним с другой стороны.

— Как скажете, шеф.

Короткие ракетные вспышки вжали Гримса в кресло, потом корабль повернул на 180 градусов. У Гримса закружилась голова, и он уже жалел, что сам отправился в эту экспедицию. Он действительно не привык к небольшим кораблям, к резкости их маневров и передвижений. Откуда-то снизу, со стороны столовой, донесся звук упавшей сковороды или кастрюли. Он надеялся, что Соня не уронила эту штуку себе на ногу.

Через несколько минут, когда корабль снова находился в невесомости, она, живая и невредимая, сама появилась в контрольной рубке. Она была бледна от ярости. След густого коричневого соуса на щеке лишь подчеркивал ее бледность. Испепелив своего мужа взглядом, она поинтересовалась:

— Какого черта вы здесь вытворяете? Вам что, не дотянуться до микрофона и не предупредить о предстоящих акробатических выкрутасах?

Уильямс, хихикая, бормотал что-то насчет неразумных любителей полетов на космических буксирах. Тогда она повернулась к нему и заявила, что сама полжизни провела на крошечных буксирах Патрульной Службы Федерации, и что на кораблях любых размеров никто не позволял себе разгильдяйства, и что любой офицер, предпринявший маневры без предупреждения, был бы тут же разжалован и очутился в каюте третьего класса, и что...

Прежде чем помощник успел продолжить спор, Гримс поднял руки и сказал:

— Это моя ошибка, Соня. Я настолько увлекся погибшим кораблем, что забыл включить еще раз сирену. Но ведь она прозвучала, когда мы начали сближение.

— Я знаю. Но я ждала сближения, а не пьяных кувырканий в космосе.

— Еще раз извиняюсь. Но раз уж ты пришла, садись вот сюда. Ситуация такова. По всей видимости, произошло что-то вроде атомного взрыва. Корабль раскален. Но я полагаю, что другая сторона корпуса в относительно целости.

— Так и есть, — проворчал Уильямс.

Они уставились в иллюминаторы. С этой стороны корпус был матовым и весь усеян мельчайшими отверстиями — скорее всего, следами встреч с микрометеоритами. На корме, в свете прожекторов ярко блестел один из стабилизаторов. Сквозь широкие иллюминаторы на носу можно было даже разглядеть внутреннюю часть контрольной рубки. Казалось, огонь туда не добрался. Из открытого в борту люка высывались жерла каких-то орудий, отдаленно напоминавших лазерные пушки. На далеко вынесенной в сторону мачте виднелась антенна радара, сейчас неподвижная.

А прямо возле заостренного носа виднелось название. Нет, подумал Гримс, внимательно разглядывая

надпись в бинокль, там было два названия. Первой бросалась в глаза размашистая черная надпись, явно сделанная от руки: «Свобода». Ниже располагалась еще одна, вытисненная золотистыми, теряющимися в темноте буквами. Расположение букв, их характер — все это выглядело необычно. Буквы не принадлежали тому алфавиту, которым все они пользовались, но явно вели от него свое происхождение. Гримс разглядел букву «С», выведенную уголком, как бы приплюснутую «М»... Название оканчивалось на «ЦИЦ»... Нет, это не «Ц», это «Н» с низко опущенной перекладной. «Исминиц», — прочитал наконец Гримс. «Эсминец»?

Он уступил место у бинокля Соне.

— Что ты думаешь об этом? Какая людская раса могла сократить гласные до одного «и»?

Она долго смотрела в бинокль, настраивала на резкость... и наконец сказала:

— Надпись сверху выведена вручную. Но другая... Непонятно... Я никогда не видела ничего подобного... Тут прослеживается определенная логика, причем человеческая. Это стилизованная «С»... Но замена «Е» на «И» — если только это замена... И потом, «эсминец» — это ведь класс судов, но никак не название.

— Я припоминаю, — ответил Гримс, — что существовал когда-то на Земле военный корабль «Дредноут», и с тех пор дредноутами стали называть бронированные боевые корабли, плававшие по морям.

— Ну ладно, мистер любитель морских древностей, а можете ли вы, употребив всю вашу широчайшую эрудированность в данном вопросе, припомнить хоть один корабль, называвшийся «Эсминец» без букв «Э» и «Е»? Здесь явно примешана какая-то взвешанная, но чрезвычайно разумная раса.

— Мы ничего так не узнаем, если будем сидеть на месте и рассуждать, — проворчал Уильямс. — А чем скорее мы подцепим эту хреновину, тем быстрее вернемся в Порт-Форлон. Проблема в том, что эта штука раскалена до предела, и придется производить буксировку с высоких стоек.

— Сначала нужно взять ее на буксир, а потом исследовать, — сказала Соня.

— Естественно. Главное дело всегда делаем сначала.

ла. В этой радиоактивной кастрюле все давно уже перемерли.

Рассерженно прогудел телефон. Командор поднял трубку.

— Гримс. Слушаю.

— Мэйхью, сэр, — голос телепата звучал глухо, как будто он плакал. — Я по поводу Лесси, сэр. Она умерла...

«И теперь счастлива, — подумал Гримс. — Разве можно было ждать чего-то другого?»

— Это из-за одного из ее кошмаров, — заплетаясь языком бормотал Мэйхью. — Я все видел, и пытался разбудить ее, но не смог. Ей опять приснилась эта огромная крыса, с желтыми зубами и отвратительным дыханием. Я видел ее, как живую... И я чувствовал страх — этот страх убил Лесси, страх такой сильный, что даже я с трудом выдержал...

— Сожалею, мистер Мэйхью, — расстроено сказал Гримс. — Сочувствую вам. Я зайду к вам попозже. Но мы сейчас пытаемся взять корабль на буксир, и я занят.

— Я... я понял, сэр.

Гримс устало откинулся в своем кресле и не без зависти наблюдал, как Уильямс осторожно расположил «Мамелют» перед чужим кораблем и погасил скорость. Выдвинулись выносные стойки, и буксир слегка вздрогнул, когда мощные тяжелые электромагниты были отстрелены в сторону «Эсминца».

Электромагниты намертво прикрепились к его корпусу, и помощник начал осторожное маневрирование. Он запустил двигатели, но вместо того, чтобы развернуться на месте, сцепленные корабли стали описывать широкую дугу, по которой они и повернулись в сторону Лорна.

Гримс не удержался и спросил:

— К чему такой расход топлива и времени? Разве обязательно, чтобы буксируемый корабль летел все время носом вперед?

— Простая предосторожность, шеф. Всегда лучше, когда люди на буксируемом судне видят, куда летят.

— Но ведь там, похоже, нет ни одного человека — по крайней мере живого.

— Ну так мы можем туда кого-нибудь послать, шеф.

Гримс подумал о радиоактивности, но потом решил, что стоит рискнуть.

— Нужно же нам хоть что-нибудь узнать, — сказала ему Соня.

Глава VI

Теоретически любой человек в защитном от радиации обмундировании может заниматься тяжелым физическим трудом. Практически это может лишь хорошо натренированный человек. Пендин, второй инженер «Мамелюта», был именно таким человеком. Естественно, был к этому готов и мистер Уильямс, но Гримс настоял на том, чтобы помощник остался на борту, в то время как он, Соня и второй инженер попытаются проникнуть внутрь брошенного корабля.

Вскоре, оказавшись на поверхности «Эсминца», Гримс был вынужден приказать Уильямсу выключить двигатели из-за трудностей передвижения. К тому же они уже развили достаточную скорость и теперь не удалялись, а приближались к Лорну.

Но даже в невесомости двигаться было тяжело. Скафандр с противорадиационной защитой был настолько тяжелым, а соединения подвижных частей — тугими, что двигаться приходилось с большим трудом, постоянно преодолевая силу инерции. Гримсу приходилось тяжело вдвойне: он не мог выдать двум своим товарищам свое истинное состояние, и ему приходилось прилагать усилия, чтобы они не заметили по его голосу усталости.

С огромным облегчением он наконец заметил люк шлюзового отверстия. Найти его было не просто, поскольку отсутствовали какие-либо внешние детали, а сам люк представлял из себя тончайшую щель, описывавшую круг диаметром около семи футов. Щель была настолько узка, что не было никакой возможности просунуть туда какой-нибудь инструмент.

— Попросить, чтоб прислали колокол, сэр? — спросил Пендин. Его низкий голос заставил Гримса вздрогнуть от неожиданности.

— Колокол? Да, да, конечно. Займитесь этим, мистер Пендин.

— Эл Биллу, — услышал Гримс в своих наушниках. — Как слышишь меня? Прием.

- Билл Элу. Слышу отлично. Чем могу помочь?
- Мы нашли шлюзовую камеру. Но нам нужен колокол.
- Сейчас отправлю.
- Пришли еще режущий инструмент.
- Понял. Ждите.
- Когда-нибудь сталкивались с колоколами Лавертонa, сэр? — голос Пендина был не таким почтительным, как это полагалось.
- Пока еще не приходилось.
- Я сталкивалась, — сказала Соня.
- Отлично. Значит, вы знаете, что нам нужно делать.

Взглянув на «Мамелют», Гримс увидел, как что-то громоздкое стало медленно приближаться вдоль связывавшего корабля троса. Он направился за остальными к носу корабля, но остался стоять, пока они отцепляли связку приборов от провода. Подойдя к ним, он хотел помочь, но они не обращали на него внимания.

Вернувшись обратно к люку, Соня и Пендин быстро и ловко начали развязывать тросы и вскоре раскрыли сверток из жесткого пластика, в котором находились баллон с газом, лазерный нож и толстый тубик с клеем. Соня, не дожидаясь инструкций, тут же взяла его и, сняв пробку, провела линию клеем вокруг люка. После этого все трое, встав в центр круга, развернули над собой пластик, который действительно по форме напоминал большой колокол. Затем Гримс и Пендин поддерживали тент, а Соня еще раз промазывала края клеем и присоединяла их к корпусу ракеты.

— Стойте где стоите, сэр, — сказал инженер Гримсу и присел на корточки возле баллона с газом. Он открутил вентиль, и струя вырвалась из баллона, исчезая в пустоте. Стены колокола стали надуваться под давлением. Наконец атмосфера под этим колпаком стала настолько плотной, что отчетливо доносилось шипение, с которым газ вырывался из баллона.

— Ладно, хватит, — сказал Пендин, глядя на манометр и решительно завернул ручку крана. — Как там с герметичностью, Соня?

— Все в порядке, Эл, — ответила она.

— Отлично.

Жирным карандашом он начертил в центре люка

отверстие, достаточное по размеру, чтобы туда прошел человек в скафандре. Затем он взял лазерный нож, направил его вниз и нажал кнопку включения. Ярко вспыхнул фонтан жидкого и испаряющегося разрезаемого металла, осветив тесное пространство внутри колокола. Казалось, что жар был невероятный — или это была только иллюзия? Пендин выключил свой огнерезающий инструмент и встал на ноги. Оторвав магнитную подошву правой ноги от поверхности корабля, он с силой ударил по вырезанному кругу, оплавившиеся края которого еще светились тусклым красноватым светом. Со звоном круг вылетел внутрь и ударился о вторую дверь шлюзовой камеры. Перед ними было большое зияющее черное отверстие с неровными краями...

Гримс первый вошел внутрь чужого корабля. За ним пролезли сквозь отверстие Соня и Пендин. Возле внутренней двери виднелся запирающий маховик. Повернуть его не удавалось, пока Гримс не попробовал крутить в другую сторону — оказалось, что на нем левая резьба. За внутренней дверью был коридор, а в нем стоял человек.

Гримс выхватил пистолет из кобуры со скоростью, которую трудно было ожидать от человека, одетого в костюм радиационной защиты. Но тот был мертв. Гримс медленно опустил свое оружие на место.

На лице и теле человека были явно видны следы разложения. Радиация убила его, но не смогла уничтожить находившихся в его теле микроорганизмов. Его магнитные ботинки прочно удерживали его на полу, и даже во время маневров, когда корабль был взят на буксир, он не сдвинулся с места.

Он был мертв, и его голое по пояс, распухшее багрово-красное тело производило устрашающее впечатление... И Гримс вдруг стал благодарен своему тяжелому, неудобному, но такому надежному скафандру, который он недавно проклинал и который защищал его теперь от всех напастей.

Осторожно, даже с нежностью, он поднял тело за талию и переставил в сторону от прохода.

— Мы должны быть неподалеку от машинного отсека, — наконец прервала молчание Соня.

— Да, — согласился Гримс. — Надеюсь, здесь есть продольная осевая шахта. По крайней мере, по ней мы легко доберемся до контрольной рубки.

— Начать расследование действительно лучше всего оттуда, — сказала она.

Они отправились вдоль коридора, для экономии движений предпочитая лететь, отталкиваясь руками от стен. Чутье безошибочно вело их в нужную сторону. Несколько раз им встречались на пути трупы мужчин и женщин, застывшие в самых неожиданных позах, и похожие на чудовищных водяных или утопленников. Стараясь не смотреть на них, так же, как и на встречавшихся мертвых детей, они наконец попали в радиальный тоннель, который вывел их прямо к осевой шахте. Они направились в сторону носа корабля, отталкиваясь от центрального стержня внутри спирали винтовой лестницы, предусмотренной на случай ускорения при включенных двигателях. Конец тоннеля расширился, там находилось несколько люков, но все они были заперты. Пендин включил свой лазерный нож и вскрыл центральный из них. Они попали прямо в контрольную рубку.

Глава VII

В контрольной рубке также были тела. Три мертвых мужчины и три мертвых женщины, которые находились пристегнутые в своих креслах. Как и остальные, они были уже слишком тронуты разложением.

Гримс пытался игнорировать эти ужасные, багровые распухшие фигуры. Он ничем не мог им помочь. Вернуть их к жизни было невозможно.

Он стал изучать приборные панели, за которыми сидели погибшие члены экипажа. На первый взгляд все было похоже на типичные приборы управления межзвездного корабля — белые деления возле ручек и циферблатов, расчерченные и пронумерованные арабскими цифрами квадраты на экранах, красные, зеленые и белые контрольные лампы, которые, казалось, должны были ожить, стоило пустить ток... На первый взгляд, все было похоже, но с небольшими странными изменениями в местоположениях приборов — нормальному человеку это показалось бы очень неудобным. В одном месте он обнаружил надпись: «МИНС-

ХИНН СИСТИМИ». Но кто, спрашивал он про себя, какая людская раса построила этот корабль, который вполне мог летать в составе Флота Патрульной Службы или Конфедерации Приграничных Планет? Кто заменил все гласные в своем алфавите на эту вездесущую «И»?

— Джон, — услышал он голос Сони, — помоги-ка мне.

Он обернулся. Она пыталась расстегнуть ремень, глубоко вонзившийся в распухшую плоть, на кресле одного из пилотов.

Ему пришлось сдержать подступивший к горлу приступ тошноты. Борясь с отвращением, он достал из сумочки на боку нож и обрезал ремень, осторожно, только бы не дотронуться до этого страшного тела... Что будет, если он ножом случайно проткнет кожу...

Соня осторожно подняла тело, отнесла в сторону и поставила на магнитные подошвы. Затем она указала на кресло.

— Смотри, Джон, что это? — спросила она.

Это была прорезь, шириной чуть больше дюйма и такой же глубины, которая пополам рассекала всю спинку кресла.

Пендин нарушил долгое молчание:

— У них были хвосты.

— Где же у них хвосты? — возразил Гримс. — У всех этих людей нет даже намека на хвост.

— Дорогой мой Джон, — усталым начальственным тоном произнесла Соня, — неужели ты еще не понял, что все эти люди — это не экипаж и не представители существ, построивших корабль? Возможно, они беглецы, беженцы или восставшие рабы. И даже скорее всего это именно восставшие рабы. Ты когда-нибудь видел корабль подобного класса с экипажем без форм и знаков отличия? А дети? Ты видел детей на военном корабле? Я уверена, это беглый корабль.

— Но он не обязательно военный, — защищался Гримс. — Возможно, это вооруженный для защиты торговый корабль.

— С одетым в лохмотья экипажем? И который называется «Эсминец»?

— Но сочетание букв, которое мы видели на борту, вовсе не обязательно должно означать «Эсминец».

— А это сочетание букв, — она указала на прибор-

ную панель, которую до того изучал Гримс, — вовсе не обязательно должно обозначать «Мансхенн система»? Держу пари, если ты разберешь этот корабль по частям и проследишь направление кабеля, то прямиком придешь в зал компрессионных гироскопов.

— Ну ладно, — сказал Гримс. Я согласен. Можно допустить, что мы находимся на борту судна, построенного человекоподобной расой, делавшей надписи на исковерканном английском языке...

— Человекоподобной расой с хвостами, — добавил Пендин.

— Пусть будут с хвостами, — согласилась Соня. — Но что это за раса? Посмотрите на эту выемку. Если она сделана для хвоста, то для хвоста одинаково тонко-го как в конце так и у основания. А из хвостатых, единственные известные нам существа, сравнимые с нами по степени эволюции, имеют толстые короткие хвосты, и к тому же свою собственную письменность. Только представьте себе, как наш ящероподобный друг садится в спешке в это кресло... Если он и втиснет сюда свой хвост, то вряд ли потом вытащит.

— И что еще нам поведает офицер разведки?

— Я не только офицер разведки. У меня степень доктора по ксенологии. И уверяю тебя, Джон, то, что мы нашли в этом корабле, не похоже ни на что известное людям.

— Это действительно ни на что не похоже, — согласился Гримс. — С самого момента появления на экранах радара третьей орбитальной станции это ни на что не похоже...

— Это так, — сказал Пендин. — И мне это совершенно не нравится.

— Почему же? — спросил Гримс и потом сообразил, что не может ведь нравиться набитый трупами корабль.

— Не нравится... потому что здесь все не так... Посмотрите на это размещение приборов управления... А левосторонняя резьба? И все шкалы проградуйрованы справа налево, — задумчиво сказал Гримс. — Но это еще страннее... Почему же тогда надписи сделаны слева направо?

— А может, их и следует читать наоборот? — сказала Соня. — Но нет, это невозможно. Похоже, единственная разница между нашим письменным языком и их

заключается в том, что у них сохранена только одна гласная «И», которая заменяет все остальные. — Она обходила контрольную рубку. — Черт возьми, они должны были оставить какие-то записи. Надеюсь, они не все запихали в свой компьютер.

— Сомневаюсь, чтобы они записывали свои мысли в тетрадку, — сказал Гримс.

— Но все-таки, хоть что-нибудь... Так, это явно регистрационный компьютер. Стандартные накопители... Но где же судовой журнал? Можно предположить, как это было... Корабль стоял в порту, накопитель с судовым журналом вынесли для перерегистрации, и в этот момент его захватили эти несчастные... Здесь остались лишь технические данные по кораблю... Картографический справочник... А это... — она вынула из стеллажа электронных накопителей продолговатую черную коробку с разъемами с одной стороны. — «СИГНИЛНИ ЖИРНИЛ»? «Сигнальный журнал»? Может, он нам поможет чем-нибудь? Предлагаю взять это с собой...

Соня положила черную коробку к себе в сумочку.

— Возвращаемся на «Мамелют», — сказал Гримс. Это прозвучало, как приказ, но никто и не думал возражать.

Командор последний вышел из контрольной рубки, пропустив вперед себя Пендина и Соню. Отчасти, несмотря на усталость, ему хотелось, чтобы у них в запасе было больше воздуха и они могли продолжить осмотр других помещений, а с другой стороны, он был рад, что они наконец возвращались. На сегодня он уже достаточно насмотрелся трупов, а Сигнальный журнал мог им рассказать больше, чем разложившиеся тела.

Он чувствовал себя значительно лучше, когда они втроем снова стояли под колпаком, и почти счастливым, когда они летели к ярким огням их родного «Мамелюта». Тесные и узкие переходы казались ему комфортными, и он чувствовал себя как, дома. Если уж толкаться в коридорах, то лучше среди живых, чем среди мертвых.

Глава VIII

В радиорубке «Мамелюта» было тихо и спокойно. Гримс и Соня стояли за спиной маленького круглолицего Беннета, который за своим столом возился с Сиг-

нальным журналом, подсоединяя его к своему компьютеру.

— Это действительно Сигнальный журнал, — говорил он, — причем очень хорошо экранированный. У нас есть шанс, что информация в нем не стерта излучением. Во всяком случае, сейчас мы это увидим.

— Вы уверены, вы его не спалите? — внезапно забеспокоился Гримс.

— Почти уверен, сэр, — любезно ответил Беннет. — Прибор сделан по стандарту, использовавшемуся в компьютерных сетях некоторых кораблей Патрульной Службы лет пятьдесят назад. Я тогда еще даже не родился. Но прежде чем попасть на Приграничные Планеты, я какое-то время служил на Флоте Лиры. По своей бедности они покупали у Патрульной Службы списанные корабли, и на многих из них даже не было необходимости менять компьютерную сеть — она прекрасно работала. Нет, сэр, я не впервые сталкиваюсь с дешифровкой записей такого вот Сигнального журнала. Помню, когда я был старшим радистом на «Тара», мы наткнулись на обломки старого «Менестреля». У них был такой же Сигнальный журнал, я покопался в нем, и по записям переговоров мы узнали, что это дело рук Черного Барта... — и он добавил: — Ну, того самого пирата...

— Я слышал о нем, — холодно сказал Гримс.

— Но он вовсе не выглядит таким старым, — заметила Соня.

— Нет, миссис Гримс, он не старый. Скорее, прямо с конвейера... Вот только марки завода я не вижу, что странно...

— Включайте, мистер Беннет, — приказал Гримс.

Беннет щелкнул выключателем, и Сигнальный журнал тихо загудел. Он повернулся к компьютеру и начал поочередно набирать коды доступа к информации.

— Здесь даже нет защиты, — пробормотал он. — Готово!

Раздался треск, тонкий гудок, и компьютер воспроизвел последнюю запись в журнале.

Голос, исходивший из динамика, говорил по-английски. Но это не был человеческий голос. Это был тонкий, высокий, невероятно чужой голос, хоть он и говорил на человеческом языке. Все согласные произносились четко, но гласная была всего одна.

«Мсти-итиль Исминци-и... Мститиль Исминци-и... вирнии-итись... нимидлинни-и...»

В ответ прозвучал другой голос, не слишком убедительно пытавшийся симитировать странный акцент: «Исми-иниц Мститили... Исминиц Мститили... Пивти-ри-ити...

— Женщина, — вздохнула Соня, — это человек!

«Вирни-итись, Исминиц, иници иткри-им игинь!»

Пауза, затем снова женский голос, прозвучавший еще менее убедительно:

«Исминиц Мстители. Исминиц Мсти-итили... Вишли-и из стри-и рикитни-и двигитили-и...»

«Выигрывают время, — подумал Гримс. — Им нужно выиграть время, чтобы освоиться с оружием... Они пытались выбраться!»

«Сми-ирть! — на невыносимо пронзительный вой сорвался нечеловеческий голос. — Лидски-им пидинки-им — смирть!»

— Так оно и произошло, — тихо сказал Гримс.

— Именно так, — ответила Соня.

— Она ошиблась всего один раз... Она сказала «Мстители»... непроизвольно сказала слово, существующее в человеческом языке... и это стоило им жизни.

— Похоже, ты прав, — согласилась Соня.

— «Смерть», — повторил командор. — «Людским подонкам — смерть». Кто бы они ни были, эти существа, с ними вряд ли будет приятно познакомиться.

— Боюсь, что так, — ответила Соня, — но как бы нам этого не пришлось сделать...

Глава IX

Погибший корабль вращался на орбите вокруг Лорна, и команда техников и ученых продолжала начатое еще на борту «Мамелюта» расследование. Гримс, Соня и остальные члены экипажа были удручены своим открытием — и в свою очередь был удручен всякий, кто поднимался на борт.

Этот корабль, названный «Эсминцем» своими строителями и переименованный в «Свободу» теми, кому не довелось ей долго наслаждаться, был перед отправкой полностью укомплектован для нормального межзвездного рейса. И хотя его склады были заполнены продуктами и вещами, хотя культура на момент аварии

спокойно выращивалась в своих цистернах, в его за-коулках и каютах не нашлось и доли того разнообразного хлама, который с годами оседает на любом меж-звездном корабле, иногда изрядно увеличивая его мас-су. В пустых командирских кабинетах не было стопок официальной переписки. В каютах младшего состава не было обычных личных вещей вроде писем, фотографий, скульптографий, книг, журналов, блокнотов и календа-рей с обнаженными девушками. Несчастные люди, по-гибшие на борту, принесли сюда, казалось, одни только лохмотья, в которые они были одеты.

Ни в ракетном отсеке, ни в рулевой рубке не было найдено судовых журналов.

В каютах, однако, была необходимая мебель и обо-рудование — всюду стояли стулья и кресла с продоль-ной выемкой на спинке, что со всей очевидностью дока-зывало существование неизвестной ксенологам расы че-ловекоподобных разумных существ. На каждой двери висела аккуратная табличка, и было ясно, что эти со-здания используют для общения между собой искажен-ный английский язык, не делая исключений из правила заменять все гласные на «и»: кипитин, стирши инжи-нир, рикитнии итсик...

За исключением стульев, искаженного английского и, как отметили техники, преимущественного исполь-зования левой резьбы, это был совершенно обычный ко-рабль, пожалуй, даже устаревший. Например, полно-стью отсутствовало оборудование связи и ориентации Карлотти. Компьютерная система корабля была хоть и надежной, но не использовалась людьми уже полстолетия. И отсутствовало относительно недавнее изобре-тение — индикатор близости масс.

С инженерной точки зрения это был обычный ко-рабль, но самое шокирующее открытие сделали био-логи.

Они сделали его не сразу. Сначала все их силы со-средоточились на изучении останков несчастных бегле-цов. Это были, как сообщили биологи почти сразу, са-мые обычные люди, родившиеся и выросшие на планете земного типа. Однако условия их жизни не отличались легкостью. Проведенный анализ доказывал, что в тече-ние долгого времени они страдали от недоедания, лише-ний, и более того — от дурного обращения. Но если бы у них была возможность провести хотя бы год в цивили-

лизованных условиях, они были бы неотличимы от любого обитателя любой колонизированной планеты.

После этого взялись за изучение складов. В цистернах выращивались те же культуры, что и в любом корабле: огурцы, помидоры, картофель и морковь, центаврийское зонтичное вино и деликатесный мох, привезенный с планеты из системы Веги.

Шокирующее открытие крылось в банках мясных консервов, рядами установленных в морозильных камерах. Проведя анализы, биохимики установили, что необходимые для себя вещества белкового происхождения незнакомая раса черпала из человеческого мяса.

— Я была права, — говорила Соня. — Я была права. Эти существа, кто бы они ни были — это наши враги. Но кто они? И где они кроются?

— Может... они с Аутсайда? — предположил командор.

— Не глупи, Джон. Неужели ты думаешь, что эти хвостатые забрели сюда из соседней Галактики, обратили в рабство, или даже хуже чем в рабство, целую планету наших соплеменников, а мы ничего об этом не знаем? И потом, что же это за раса, ворующая у нас судостроительную технологию и даже язык? Черт возьми, абсолютная бессмыслица...

— Что мы и сказали с самого первого появления этого корабля...

Она встала со стула и принялась мерить шагами кабинета Гримса.

— Тем не менее мы вернулись вновь к нашим обязанностям. Ты написал прошение, чтобы остаться в должности вплоть до разрешения загадки, а моя отставка была аннулирована. И к тому же Правительство Федерации уполномочило меня подобрать соответствующих людей в Конфедерации для расследования (начнем, конечно, с тебя). Извини за эти мысли вслух, но это иногда помогает...

— Все, что мы знаем, — медленно сказал Гримс, — это что мы вернулись к своим обязанностям.

— Все что мы знаем, — возразила Соня, — это что от нас ждут решения загадки.

— А чтобы ее решить, нужно знать, откуда появился этот «Эсминец» или «Свобода»...

— И если ты думаешь то, что я думаю, что ты думаешь, то можно предположить, что он попал к нам из какой-нибудь Альтернативной Вселенной. И может, на нем есть устройство для перехода из одной Вселенной в другую?

— Так значит, ты согласна с теорией Чередующихся Вселенных?

— Похоже, это соответствует фактам. Нам ведь известны случаи таких переходов...

— И даже на собственном опыте...

— Если бы мы только знали, как он попал к нам.

— А мог ли он попасть к нам случайно? — спросил Гримс и продолжил: — Мне кажется, его сюда забросили.

— Возможно. Ядерный взрыв вблизи корабля выкинул его в случайное отверстие между Вселенными... Возможно, это так.

— И возможно, это путь из нашей Вселенной в другую.

— Джон, я не собираюсь сгореть живьем в атомном взрыве или наблюдать, как это происходит с тобой.

— Совсем не обязательно сгорать живьем. Ты когда-нибудь слышала о свинцовом экранировании?

— Конечно. Но сколько это весит! Даже если мы экранируем только крошечный отсек, всего нашего запаса топлива едва хватит, чтобы подняться на орбиту. А остальная часть корабля, неэкранированная, будет настолько горячей, что там невозможно будет жить несколько месяцев. Вспомни, как выглядел «Эсминец» после взрыва.

Потом он указал рукой на окно, за которым виднелась громада «Искателя».

— Соня, мы ведь вместе летали на «безумную охоту на Призраков». Ты помнишь, как был экипирован «Искатель». Мы взяли на орбите нашу антигравитационную сферу, а по возвращении там же ее и оставили. Мы можем ее снова использовать и построить в «Свободе» таким же образом, как и в первый раз с «Искателем». И с ее помощью мы можем прекрасно экранировать корабль.

— Так ты считаешь, нам следует лететь на «Свободе», а не на «Искателе»?

— Конечно. Если нам удастся на нем проникнуть

во временной континуум, из которого он попал сюда, то это будет наш Троянский конь.

Соня злорадно усмехнулась.

— И тогда наши тонкоголосые хвостатые друзья увидят свой корабль и подумают, что вернулись беглецы... Мне их почти жалко, Джон.

— Мне их тоже почти жалко, — согласился он.

Глава X

Исследователи не соглашались покинуть «Свободу», но Гримс был настойчив. Он объяснил, что простая маскировка «Искателя» под чужой корабль здесь не подходит. Крохотная, на первый взгляд незаметная деталь может выдать их с головой и стоить жизни.

— А как же команда, командор? — спросил один из научных работников. — Хвостатые твари наверняка быстро сообразят, что корабль ведут не восставшие...

— Почему вы в этом уверены? — ответил Гримс. — Мне кажется это маловероятным. Даже среди людей представители чужой расы нам кажутся на одно лицо. А если уж это представители иных существ...

— Я неплохо разбираюсь в этом вопросе, — добавила Соня, — но и мне трудно распознать особей чужих существ без тщательного и долгого наблюдения.

— Но у нас еще куча работы на борту! — продолжал сопротивляться ученый.

— Мистер Уэлс, — обратился Гримс к главному инженеру Приграничного Флота, — сколько там еще осталось работы?

— Не так уж много, командор. А вот если мы замаскируем один из наших кораблей и пошлем его в логово врага, то рискуем научить их многому. В области кораблестроения мы почти на столетие впереди них.

— Понятно. Итак, джентльмены?

— Я предлагаю, командор, заменить оружие на вашей «Свободе», — сказал адмирал Хенесси, но тон, с которым это прозвучало, скорее напоминал приказ, а не предложение.

Гримс повернулся к нему. Хотя адмирал был Главнокомандующим Военно-Космического Флота Конфедерации, Гримс считал себя более опытным астронавтом, и ему не нравилось подобное вторжение Действующего

Флота в его собственные дела. Их суровые взгляды встретились.

— Нет, сэр, — ответил он твердо. — Это может сыграть с нами плохую шутку, а новое оружие обернется против нас.

Он был неприятно задет, когда Соня вдруг встала на сторону адмирала. Но ведь она тоже состояла в Действующем Флоте, пусть даже это был Флот Федерации.

— А как же свинцовая защита, Джон? — сказала она. — А антигравитационная сфера?

Но Гримс настаивал на своем:

— Мистер Уэлс подметил очень важную деталь. Он считает, что будет крайне неразумно ставить на карту наши достижения судостроения за последние сто лет. Но еще более неразумно ставить на карту достижения в области оружия.

— В чем-то вы правы, Гримс, — согласился адмирал, — но я не могу позволить, чтобы мои подчиненные отправлялись в рискованную экспедицию без защиты, которую я могу им обеспечить.

— Это настолько же ваши подчиненные, сэр, насколько и мои. К тому же почти все — офицеры запаса.

Адмирал свирепо посмотрел на командора и прорычал:

— Честно говоря, если бы на меня не давил наш Большой Брат из Федерации, я бы отправил туда боевую эскадру, — он холодно улыбнулся Соне. — Но земное командование, похоже, верит командиру Веррил — точнее, миссис Гримс, — и наделяет ее полномочиями чуть ли не большими, чем у меня. Мне же поручено лишь оказывать ей всяческое содействие.

Он достал из внутреннего кармана формы большую коробку, как всегда торжественно извлек из нее длинную черную сигару, раскурил ее и наполнил все еще нечистый воздух контрольной рубки «Свободы» клубами едкого сизого дыма. Голосом, не уступающим по едкости запаху своих сигар, он произнес:

— Как желаете, командор. Вы поступите так, как считаете нужным. Пускай ваша жена поступит как считает нужным, она сама убедила Правительство Федерации, что вы должны обладать всеми полномочиями (хотя мне бы хотелось...). Могу ли я, как старший по званию, хотя бы поинтересоваться вашими намерениями?

Вы абсолютно уверены, что ядерный заряд, который вы взяли со склада, пошлет вас в нужную Вселенную?

— Нет, сэр, но мы стараемся. Будем действовать наугад.

— Ядерный заряд, казалось, взорвался в адмирале. От возмущения он не мог сказать и слова.

— Мы стараемся! — прогремел он наконец, когда к нему вернулась речь. — Действовать наугад! Черт возьми, командор, подобное отношение к делу может позволить себе курсант училища на тренировочном полете, но не опытный, ответственный офицер!

— Адмирал Хенесси, — голос Сони был не менее возмущенным. — Это не карательная экспедиция и не хорошо организованная атака Военно-Космических Сил. Это разведывательный полет. Мы не знаем, с чем мы столкнемся, но мы летим, чтобы узнать это. — Ее голос стал уже не таким жестким. — Возможно, командор выразился не совсем удачно. Он хотел сказать, что вероятность попасть в нужное пространство довольно велика, но нельзя этого полностью гарантировать. Вы хотите знать мое мнение? Я думаю, мы должны разворошить их муравейник и посмотреть, что из этого получится...

— Мы должны поднять Флаг Конфедерации на топмачте и посмотреть, кто там нас поприветствует, — сказал один из присутствующих. Адмирал, Гримс и Соня уставились на этого нахала. Затем Соня засмеялась:

— Это хорошая идея. Только мы поднимем не черно-золотой флаг Конфедерации, а черно-серебряный Веселого Роджера. Немного пиратства в разумных пределах нам не помешает. Вы не отдадите нас за это под суд по возвращению, адмирал?

Главнокомандующий хмыкнул.

— Похоже, я разгадал ваши намерения, командир Веррил. Естественно, такие действия совершенно недопустимы, но мне бы хотелось взглянуть, как вы это осуществите. — Он повернулся к Гримсу. — Итак, командор, я почию и обновлю установленное на корабле оружие, не внося современной технологии.

— Пожалуйста, сэр.

— Я сделаю это. А как насчет личного оружия для офицеров?

Гримс задумался. Когда они проникли на борт суд-

на, то не нашли там ни одного пистолета. Возможно, если они возьмут с собой личное оружие, это не будет играть большой роли — ведь если их корабль захватят, то обнаружат у них на борту свинцовую защиту и антигравитационную сферу, что тут же их выдаст.

Но «Свобода», как пиратское судно, должна сама захватывать чужие корабли и подниматься к ним на борт. Предположим, что они столкнутся с превосходящими силами противника, и придется воспользоваться оружием... Незнакомые, явно чужеродные пистолеты тут же вызовут подозрительность хвостатых.

— Мы не возьмем личного оружия, — был вынужден, наконец, сказать он. — Но я надеюсь, что нам удастся захватить несколько экземпляров и сделать что-нибудь подобное в нашей мастерской. И мне бы хотелось, чтобы ваши морские пехотинцы были специалистами рукопашного боя — как в скафандрах, так и без.

— И специалистами по холодному оружию, — добавила Соня.

— В особенности по абордажному: топорам и саблям, — не без иронии добавил адмирал.

— Да, сэр, — согласился Гримс. — В особенности с абордажными саблями и топорами.

— Я вам предлагаю, командор, — сказал Хенесси, — пройти ускоренный курс в центре обучения рукопашному бою на нашей базе.

— Я боюсь, что у меня не будет времени, — ответил он с надеждой в голосе.

— У вас будет время, командор. Свинцовый экран и антигравитационная система не устанавливаются за пять минут. А еще нужно починить вооружение.

— У тебя найдется время, — сказала Соня.

Гримс вздохнул. В молодости он участвовал в одной или двух небольших стычках, но драться один на один ему не приходилось. Тогда перед ним стояла цель уничтожить вражеский корабль, но о том, что вместе с кораблем погибала значительная часть экипажа, предпочитали не говорить. В подобном бою не видишь кровавых ран и смерти, которые приносят выпущенные тобой ракеты и снаряды. А если и видишь застывшие примерзшие тела — это совсем не то же самое, что теплая пульсирующая кровь, бьющая из перерезанных тобой артерий, и угасающая на твоих глазах жизнь.

— У вас будет время, командор, — повторил адмирал.

— У тебя будет время, — подтвердила Соня.

— А как насчет вас, миссис Гримс? — жестко спросил адмирал.

— Вы забыли, сэр, что в свое время меня научили калечить и убивать представителей любых цивилизаций, с которыми мы контактируем.

— Значит, командор Гримс один отправится на курсы, — ответил он ей.

Следующие три недели для Гримса были совершенно изматывающими. Оказалось, что он вовсе не так крепок, как сам о себе думал. Даже в своем защитном костюме он выходил весь в синяках из каждой схватки с сержантом-инструктором. Ему не понравились кинжалы, хотя он и достиг определенных успехов в обращении с ними. Еще меньше ему понравились abordажные сабли, а остроконечные топоры-крюки с длинной ручкой он просто ненавидел.

И внезапно к нему пришло озарение. Инструктор, как всегда, устроил побоище, а затем дал передохнуть. Гримс, едва переводя дыхание, стоял, всем телом опершись на рукоятку топора. Под защитным костюмом обильный пот со жгучей болью заливал ссадины. И вдруг, без всякого предупреждения, инструктор одним ударом сапога выбил из-под него опору, и когда Гримс упал, занес свой топор, как бы собираясь его убить. Гримс, с помутившимся взором, инстинктивно откатился в сторону, и острая пика вонзилась в землю в дюйме от его шлема. Затем он вскочил на ноги со скоростью, которой никак от себя не ожидал, пригнулся и уперся в пах сержанту своей пикой. Тот взвыл от боли — даже пластиковый щит под одеждой не смог его спасти. Он взвыл, но размахнулся и хотел нанести по Гримсу мощнейший удар. Командору удалось парировать его, подставив лезвие своего топора, и так удачно, что деревянное длинное, тонкое, как шест, топорище переломилось. Гримс сильно ударил своей пикой в грудь инструктора, и тот упал.

Постепенно красная пелена спадала с глаз Гримса, и он наконец осознал, что стоит, оперевшись острым

концом пики в грудь инструктора, лежащего на земле, а тот, посмеиваясь, говорит:

— Потихе, сэр, потихе, вы меня сейчас проткнете. Вы ведь не собираетесь меня убить...

— Прошу прощения, сержант, — тяжело дыша, ответил Гримс. — Вы со мной сыграли плохую шутку.

— Так и было задумано, сэр. Никогда и никому не верь — это первый урок.

— А второй?

— Похоже, вы его тоже усвоили. Вы должны ненавидеть. Ненависть не обязательна, когда вы, хорошо прицелившись, жмете на спусковой крючок своего лазерного пистолета, но в таком бою, как этот, вы должны ненавидеть противника.

— Вроде понял, сержант.

Без особого сожаления он покинул учебную базу, чтобы заняться своим основным делом — следить за реконструкцией «Свободы», готовившейся лететь в неизвестное.

Глава XI

«Свобода» была приписана к Приграничному Военному Флоту, но крылатое колесо, красовавшееся на всех его кораблях, не заменило собой размашистую черную надпись на его борту и золотые выпуклые буквы его первоначального названия. Экипаж был составлен из мужчин и женщин — офицеров запаса, и подразделение морских пехотинцев. Поскольку знаков различия на одеждах не предвиделось, то они наносились несмываемой краской на запястьях. Вместо униформы всем полагалось носить старую рваную одежду. Мужчинам позволялось не бриться, а женщинам запрещалось слишком тщательно расчесывать волосы и делать прически.

Внешне «Свобода» выглядела точно так же, как и в момент своего появления на экранах радара третьей станции. Изуродованное взрывом вооружение было приведено в рабочее состояние, но так, чтобы этого не было заметно снаружи. Антигравитационная сфера была размещена в пустовавшей до этого столовой, возле машинного отсека. Одно из внутренних помещений корабля было полностью отделано толстыми свинцовыми плитами, которые, по мысли Гримса, должны были за-

щитить экипаж от радиации в момент атомного взрыва. (Ученые заверили Гримса, что вероятность оказаться после взрыва в той же Вселенной, откуда был выкинут корабль, равняется пяти шансам из семи, а вероятность оказаться хоть в какой-либо обитаемой Вселенной практически равна бесконечности.)

Внутри корабля было еще одно немаловажное изменение. Все запасы человеческого мяса были заменены на запасы свинины.

— В конце концов, — говорил Гримс одному из ученых, слишком уж настойчиво требовавшему полного сохранения правдоподобия в питании, — разница между свиньей и большой свиньей не так уж велика.

Тот продолжал настаивать, и Гримс, не стерпев, выпалил:

— Мы пираты, а не каннибалы!

Но даже пираты, думал он, одеваются получше, чем этот сброд оборванцев. Он был рад, что настоял на знаках отличия на руках — за густыми черными бородами он не всегда различал своих офицеров. С женщинами дело обстояло проще, хотя прорехи на их одежде в самых неожиданных местах подчас отвлекали внимание от их лиц...

В конце концов Гримс был вынужден себе признать, что мужчину делает одежда — так же, как и женщину, хотя Соня очень неплохо смотрелась в своем новом, но очень свободном, рваном костюме, который она носила с определенной игривостью. Сам он чувствовал себя очень неловко, когда сидел в кресле старшего пилота в своих рваных штанах и ярко-красной полоской на руке, заменивших ему рубашку с золотыми погонами, фуражку с кокардой и форменные шорты, в которых он обычно ходил на корабле.

Он знал, что думает о малозначительных вещах, но это помогало ему расслабиться перед сосредоточением на более важных и серьезных проблемах.

Судно вел командир Уильямс — еще недавно помощник на «Мамелюте», а теперь исполнительный офицер «Свободы». Под его управлением корабль взлетел с Лорна и встал в точку, в которой он впервые был замечен с третьей орбитальной станции. По-видимому, заверяли ученые, именно здесь находится то место, которое наиболее благоприятно для перехода в Альтерна-

тивную Вселенную. Гримс был согласен с ними, хотя сам даже не брался за математические расчеты.

Корабль летел в невесомости к месту назначения, которое должно будет выглядеть поначалу так же, как и то, где они находились сейчас — бескрайние черные пространства, усеянные звездами, туманностями, удаленными Вселенными и Галактиками... Корабль плыл в невесомости, и за иллюминаторами, впереди, сияло солнце Эблиса, окруженное более тусклыми звездами.

Справа, огромной линзой в полнеба вытянулась россыпь звезд Галактики. Самые яркие из них сияли, как алмазы в волосах черной богини.

Гримс улыбнулся своим поэтическим фантазиям, обернулся на Соню, и она улыбнулась ему в ответ, догадавшись, о чем он думает. Она уже собиралась что-то сказать, когда тишину прервал Уильямс:

— Внимание всем! Подготовиться к торможению!

На секунду или две включились с шумом ракеты обратного хода, и на эти секунды ремни с невыносимой болью впились в живот и плечи каждого. Исполнительный офицер удовлетворенно усмехнулся.

— Готово, шеф. Забросить Большой Бен?

— Займитесь, командир Уильямс.

Он начал отрывисто отдавать приказы, и корабль вскоре вздрогнул, когда была отстрелена капсула с ядерным зарядом. Прежде, чем свинцовые плиты автоматически закрыли иллюминаторы, Гримс увидел отплывающий в сторону большой металлический цилиндр. Он выглядел почти безобидно, но командор вдруг остро осознал безумие их затеи. Ученые были уверены, что все произойдет как надо, но они не сидели вместе с ними здесь, в свинцовой оболочке, чтобы проверить свои выводы на собственной шкуре. Оно должно сработать, думал он. Ведь это наша идея — моя и Сони...

— Огонь! — услышал он голос Уильямса.

Но ничего не случилось.

Не было звука взрыва, — но его и не должно быть в пустом пространстве. Не было чувства, что корабль толкнули или качнули. И не было ощутимого повышения температуры.

— Осечка? — спросил кто-то.

— Попробуйте связаться с Лорном, — сказал

Гримс офицеру радиосвязи. — Третья станция должна слушать на своей частоте.

Послышалось потрескивание в динамике, потом офицер сказал в микрофон:

— «Свобода» третьей станции. «Свобода» третьей станции. Вы слышите меня? Прием.

Снова тихое потрескивание и шумы.

— Смените частоту, — приказал Гримс. — И не выходите в эфир, только слушайте.

Как только радист переключился на другую частоту, стало ясно, что их устройство сработало. Из приемника доносился диалог двух существ с высокими пронзительными голосами — такими же, запись которых они нашли в Сигнальном журнале. Сначала понимать было тяжело, но постепенно слух привыкал различать исковерканные слова. Существа говорили о рассчитываемом времени прибытия и проблемах погрузки и разгрузки судна.

Когда отодвинулись свинцовые заслоны с иллюминаторов, перед ними предстала такая же картина, как и до взрыва заряда, но Гримс и его экипаж уже знали, что этот мир не находился под владычеством человека...

Глава XII

— Какого типа у них радар? — спросил Гримс.

— Думаю, что такой же хреновый, как и на нашем корабле, — ответил Уильямс. — Мы находимся далеко от их планеты и орбитальных станций, и без специального оборудования они не смогут нас засечь.

— Отлично, — сказал Гримс. — Тогда разверните корабль, командир, чтобы солнце Лорна было прямо по ходу, и рассчитайте угол необходимого снижения, чтобы не сесть на Лорн и выйти на орбиту.

— На реактивной тяге?

— Нет, командир. Система Мансхенна.

— Но у нас нет индикатора близости масс, шеф, а расстояние не больше нескольких световых минут.

— Зато у нас есть отличный компьютер. Если повезет, мы перехватим орбиту этого корабля и определим место его нахождения.

— Ты не теряешь времени даром, Джон, — сказала

Соня с одобрением. Командор заметил, что больше ее чувств никто не разделяет. Другие офицеры, включая старшего морских пехотинцев, смотрели на него с опаской, как будто сомневались в здравости его ума.

— Поторапливайтесь, командир, — резко говорил Гримс. — Единственный способ перехватить орбиту данного корабля — это подойти к нему быстро и внезапно, так, чтобы он нас не заметил. Доложите о полной готовности, как только все будет в порядке.

— Мы возьмем их на бордаж? — спросил майор, командующий морскими пехотинцами. Теперь он смотрел на своего командира с уважением.

— Да, оденьте своих людей в легкие костюмы. И старайтесь не наступать на хвосты, когда будете там.

Гримс поплотнее уселся в кресло перед разворотом, и Соня, сидевшая за компьютером, сказала:

— Старт не позже, чем через сто двадцать секунд. Склонение влево пять секунд.

— Начальный толчок? — спросил Уильямс.

— Семьдесят пять фунтов в течение 0,5 секунды.

— Навигационная система Мансхенна к пуску готова, — доложил один из офицеров за пультом управления.

— Командир Веррил, — сказал Гримс, — введите в компьютер полную программу маневра, и запустите ее, как только будет готово.

— Есть, сэр! Мистер Кевендиш, будьте готовы, ваша система заработает сразу же после отключения реактивной тяги на 7,5 секунд. Внимание. Пускаю.

«Как на старинной подводной лодке, — думал Гримс. — Невидимый подход к цели, и даже перископ нас не выдаст».

Коротко загудела реактивная установка, и акселерация мягко вдавила их в кресла. Тут же включились гироскопы системы Мансхенна, и наступило ощущение полной дезориентации во времени и пространстве. Затем контрольная рубка наполнилась желтым ярким светом, который потускнел, когда сработало затемнение стекол. Свет исходил от Лорна, от его вечно покрытой облаками, такой знакомой поверхности. Планета висела совсем, казалось, рядом с иллюминаторами, и ничего необычного по сравнению с тем, что они все привыкли видеть, в ней не было.

Необычное доносилось из приемника:

— Ктии вии? Итвичи-итии...

Гримс с трудом разбирал их речь.

— Жалуются, что мы их чуть не протаранили, — прокомментировал Уильямс. — Мы прошли слишком близко, шеф.

— Действительно, — согласился Гримс, взглянув на радар. — Выведите корабль на ту же траекторию и сравняйте скорости, командир.

Теперь другой корабль можно было видеть в иллюминаторы. Как и «Свобода», он находился на орбите вокруг Лорна. Солнце ярко отсвечивало от его поверхности и не позволяло разглядеть название. Но Соня, взглянув в бинокль с поляризованными стеклами, сказала:

— Он называется «Вижи». Похоже, просто торговое судно. Вооружений на нем не видно.

— Мистер Картер!

— Да, сэр? — отозвался ответственный за лазерную артиллерию офицер.

— Попробуйте срезать с него радарные антенны и повредить реактивные установки.

— Есть, сэр.

— Офицер склонился над экраном управления своих пушек. В блеске солнца были видны вспышки испаряющегося с поверхности чужого корабля металла. Кусок антенны, медленно вращаясь, отлетел в сторону. Гримс взял микрофон и произнес:

— «Свобода» вызывает «Вижи». Мы высадимся к вам на борт. Не оказывайте сопротивления, и мы не причиним вам вреда.

Из динамика донесся истеричный вопль, обращенный, по-видимому, к силам подмоги на поверхности планеты:

— Нии пимищ! Ни пимищ! Здийсь «Исминиц» и биглии рибии! Ни пимищ!

— Заглушить их сигналы! — приказал Гримс.

Сколько времени пройдет, прежде чем подойдет военный корабль? Может, на орбите уже есть один, спрятанный в тени планеты? Наверняка будет открыт огонь ракетами с земли, но с ними Картер должен справиться.

В контрольную рубку вошла фигура в громоздком скафандре — из тех, что были найдены на борту «Свободы». Гримс в первый момент подумал, что это один

Пленник в окружении своих охранников уже был в кают-компании, когда туда пришли Гримс, Соня и Мэйхью. Он стоял в своем скафандре, с наручниками на руках и на ногах, в окружении шести мощных пехотинцев, которые были готовы броситься на него при малейшей попытке к бегству. Если бы не несколько странных движения его ноги и нечеловеческий блеск глаз за стеклом шлема, его вполне можно было принять за еще не успевшего переодеться солдата.

— Ну, мистер Мэйхью? — спросил Гримс.

— Это... он не человек, сэр, — пробормотал телепат. Гримс хотел сказать, что это и без того ясно, но воздержался.

— Я могу читать... в определенной мере его мысли. Там... ненависть и страх. Страх — безумный, парализующий.

«Вполне закономерно испытывать страх, — подумал Гримс, — когда находишься во власти своих бывших рабов».

— Может, его раздеть, сэр? — предложил майор.

— Давайте, — согласился Гримс. — Надо взглянуть, что он в действительности из себя представляет.

— Браун! Гилмор! Снимите с него скафандр.

— Сначала придется снять с него наручники, сэр, — с опаской сказал один из пехотинцев.

— Вас шестеро, а он один. Но если не хотите рисковать, освободите сначала руки, снимите скафандр и снова наденьте наручники, а затем то же самое с ногами.

— Хорошо, сэр.

— Я думаю, нужно действовать осторожно, — сказала Соня.

— Мы будем действовать осторожно, мадам, — заверил ее майор.

Браун взял у себя на поясе связку ключей, нашел нужный и очень осторожно освободил пленнику руки, держась наготове к любой выходке. Но тот стоял совершенно спокойно. Гилмор отстегнул застёжки шлема, повернул его на четверть оборота и осторожно приподнял его. Люди застыли, глядя на открывшееся им лицо — поросшее короткой серой шерстью, с острыми желтыми зубами под тонкой верхней губой, длинными

щетилистыми усами у острого носа, красными глазами, огромными, круглыми ушами, со свешивающимися концами. Существо пронзительно огрызнулось. От него шел странно знакомый тошнотворный запах.

Гилмор уверенно отстегивал от него ремни, крепившие баллоны с воздухом и оборудование, сдвигал скафандр на руки пленного, в то время, как Браун, у которого даже густая черная борода не могла скрыть гримасу отвращения, стаскивал с него рукава. Наконец, со вздохом облегчения он снова застегнул наручники.

«А во время допроса, — думал Гримс, — должны ли мы придерживать принятых на этот счет конвенций?»

Браун подозвал еще одного человека, чтобы тот помог им освободить от скафандра ноги пленника. Гилмор высвобождал хвост, бормоча, что он не нанимался в слуги к змеям.

Хвост действительно напоминал змею. Неожиданно он взвился, схватил Гилмора за горло и сжался так, что тот захрипел. А руки в наручниках с такой силой опустились на Брауна, что лишь густая шапка волос спасла его от смерти. А острые когти на ногах распоролы туловище третьему человеку от горла до живота.

Это было настолько быстро и жестоко, что никто не успел прийти на помощь. Существо металось, как ураган, и, несмотря на свои раны, тут же вывело из строя человека, пытавшегося с ножом спасти задыхающегося Гилмора. Это был ураган своей и чужой крови, когтей и зубов. Кровь мелкими каплями, как красноватый туман, висела в воздухе.

Теперь уже все достали ножи, и Гримс пытался убедить морских пехотинцев, что ему нужен живой пленник, а не мертвый. Существо орудовало когтями и наручниками, грозя вспороть живот и раздробить кости каждому, кто приблизится.

— Осторожней! — кричал Гримс. — Не убейте его!

Соня, казалось, единственная была готова к такому исходу и не растерялась. Она достала небольшой пистолет, казавшийся не больше игрушки. Но это была не игрушка — он стрелял усыпляющими зарядами. С оружием наготове она приблизилась к дерущимся и выстрелила, но промахнулась. Пуля попала в человека, и еще один пехотинец неподвижно повис в воздухе, раскинув руки.

Она подошла ближе, чтобы стрелять наверняка, прямо в цель. Цель находилась в самом центре шевелившейся массы ножей, когтей, рук и ног, человеческих и нечеловеческих. И когда она приблизилась, существо, воспользовавшись телом усыпленного Соней человека и замешательством остальных, вырвалось из окружения. Пытаясь схватить его, кто-то резко ударил Сону по руке, выбив у нее пистолет.

Не успев опомниться, она увидела этот ужас перед собой. Запаханный кровью, яростно сверкая глазами и зубами, он замахнулся руками с тяжелыми наручниками. Острыми когтями одной ноги он вцепился в ее одежду на груди и собирался нанести удар одновременно руками и второй ногой.

Забыв обо всем, Гримс выхватил свой кинжал (в области рукопашного боя он оказался способным учеником и прошел хорошую школу).

В одно мгновение все было кончено. Кровь брызнула из перерезанной шейной артерии, и когти, обогранные человеческой кровью, бессильно застыли в воздухе.

Гримс бросился к жене, но она оттолкнула его.

— Со мной все в порядке. Займись лучше другими.

Мэйхью пытался что-то сказать. Схватив Гримса за руку, он бормотал о своем живом усилителе, Лесси, и о сне, убившем ее.

Гримс уже думал об этом еще до того, как Мэйхью попытался объяснить. Командор уже понял, несмотря на размеры и видоизмененный череп, с какими существами они столкнулись. Он вспомнил, как в молодости однажды поднялся на борт судна с грузом пшеницы, пораженной неизвестной болезнью. Он вспомнил, каких вредителей отлавливали члены экипажа на этом корабле... И среди этих вредителей — огромная крыса...

Глава XIV

«Свобода» летела в Никуда. Не было принято никакого решения, куда им, собственно, лететь.

В каюте Гримса собрались все старшие офицеры экспедиции. Нужно было обсудить последнее происшествие и шаги, которые теперь предстояло предпринять.

Конечно, последнее слово было за командором, но он давно уже убедился на собственном опыте, что лучше задавать вопросы, чем знать все ответы.

Майор заново рассказывал о своей вылазке:

— Проникнуть на борт было не так сложно, сэр. Но они нас там уже поджидали, в скафандрах. У некоторых были пистолеты, один мы прихватили с собой.

— Да, — сказал Гримс. — Я видел его. Не слишком эффективное оружие. Думаю, мы сможем изготовить в мастерской улучшенный вариант.

— Действительно, не очень эффективное, сэр. К счастью для нас. И у меня сложилось впечатление, что они не слишком старались его использовать. Возможно, боялись повредить собственный корабль, — он позволил себе усмехнуться. — Полагаю, типичное поведение экипажа торгового судна.

— Вам легко так говорить, майор, потому что вам не приходилось писать начальству отчетов по поводу какой-нибудь дырки в корпусе в полдюйма шириной. Продолжайте, прошу вас.

— Их там были толпы, сэр, они буквально забили собой все проходы. Мы пытались пробиться сквозь них к контрольной рубке, и даже несколько продвинулись, и если бы вы не отозвали нас обратно...

— Если бы я вас не отозвал обратно, вы остались бы там навсегда. Лучше скажите, что вы заметили особенного в этом корабле?

— Мы были слишком заняты, сэр. Конечно, если бы мы были соответственно экипированы, прихватили бы с собой пару телекамер...

— Знаю, знаю... На вас не было ничего, кроме скафандров поверх ваших вечерних туалетов. Но у вас же сложилось какое-то впечатление о корабле?

— Просто корабль, сэр. Проходы, двойные двери и всякое такое. Ах, да... Вместо люминесцентных ламп фосфоресцирующие ленты... Выглядит очень старомодно.

— Соня?

— Похоже, просто торговая версия нашей колымаги, Джон. На таких у нас летают Приграничные алкоголики.

— Не язви. А вы что скажете, доктор?

— Пока я сделал лишь наружный осмотр — сообщил офицер медицинской службы. — Но могу сказать,

что наш пленник принадлежит к типу земных млекопитающих, мужского пола, среднего возраста.

— Какому виду?

— Не знаю, командор. Если бы у нас были с собой лабораторные мыши или крысы, я мог бы провести сравнительный анализ тканей.

— Другими словами, вы подозреваете, что это крыса. Мы все думаем точно так же, — он заговорил мягче. — С древнейших времен крысы присутствуют на любых судах — морских, воздушных, космических. Однажды их завезли с грузом зерна на Марс, и они стали там настоящим бедствием. Но нам все равно повезло — мутации крыс никогда не угрожали нашему существованию.

— Никогда? — подняв брови, спросила Соня.

— Насколько мне известно, в нашей Вселенной — никогда.

— Но в этой...

— В этой они чертовски кровожадны, — вставил Уильямс. — Ладно, шеф, теперь мы знаем, в чем дело. Голосую за то, чтобы взорвать оставшуюся ядерную штуку и вернуться домой.

— К сожалению, это не так просто, как вы себе это представляете, командир, — ответил Гримс. — Когда мы перепрыгнули сюда, у нас были все шансы, если бы мы пожелали вернуться, попасть прямо домой, но сейчас у нас есть, я полагаю, лишь определенная тенденция к тому, чтобы попасть именно в нашу Вселенную. Мы можем оказаться где угодно, и не обязательно в нашем собственном времени. — Он замолчал, потом продолжил: — Надеюсь, вас это не слишком беспокоит. Мы все добровольцы, и с домом нас связывает не слишком много. Но сейчас у нас есть работа, и я предлагаю сделать ее, прежде чем пытаться лететь домой.

— И что же мы будем делать, шеф? — спросил Уильямс.

— Мы уже начали нашу работу, командир. Мы выяснили, кто такие наши враги — огромные крысы, поработившие человека на Приграничных Планетах.

Соня, вы ведь хорошо знаете, как обстоят дела в Правительстве Федерации. Вы бывали и в военных, и в политических высших кругах. Предположим, что сто лет назад, когда Приграничные Планеты были еще горсткой отдаленных колоний, требующих независимости,

у нас произошло бы то же самое, что и в этой Вселенной?

Соня горько усмехнулась.

— Вы ведь знаете, что у нас есть планеты, где гуманоидные расы являются подданными Империи Схаара. И многие из них не просто рабы-гуманоиды, но люди, настоящие люди. Это потомки команд кораблей, оборудованных навигационной системой Эгрэнгафта, знаменитой своей ненадежностью. Но наше правительство никогда и не мечтало вести войну со Схаара, чтобы освободить себе подобных. Это попросту... невыгодно. И я думаю, что в данном пространственно-временном измерении людям невыгодно воевать с империей подвергнувшихся мутации крыс. А общественное мнение скажет, что Приграничные Планеты должны сами решать свои проблемы.

— Значит, вы, как представитель Вооруженных Сил Федерации, считаете, что мы ничего не добьемся, связавшись с Землей...

— Не только ничего не добьемся, но и, скорее всего, наш корабль конфискуют в счет оплаты штрафа за нарушение таможенного и визового режимов. И вряд ли мы до конца жизни сумеем расплатиться.

— Иными словами, если мы хотим что-нибудь сделать, нам нужно рассчитывать только на свои силы.

— Да.

— И что же мы хотим сделать? — спокойно спросил Гримс.

Ответная реакция на его вопрос была пугающая. Все заговорили громко и одновременно, с таким возмущением, будто Гримс предложил им немедленный отлет восояси. Доносился тонкий голос доктора:

— А в консервах у них было человеческое мясо!

Рычание Уильямса:

— Вы видели поджаренные тела на этом корабле? А какие на них были рубцы?

Громкий бас майора:

— Морские пехотинцы сразятся со всеми Военно-Космическими крысиными силами!

Наконец Соня холодно подвела итог:

— Я думала, подобные всплески средневекового рыцарства уже невозможны в наше время, но я ошибалась.

— Спокойно! — сказал Гримс. — Спокойно. — Он

улыбнулся офицерам. — Отлично. Вы очень ясно выразили свои эмоции, и я этому рад. Бывшие хозяева этого корабля — существа разумные, но их не украшает то, как они обращаются с другими разумными существами. Соня упомянула людей-рабов в Империи Схаара, но многие из этих так называемых рабов живут лучше какого-нибудь нашего крестьянина на Приграничных Планетах. Их не бьют и не обращаются с ними как со скотом. Мы видели тела мужчин, женщин и детей, погибших на этом корабле при попытке спастись. Будем надеяться, что их смерть не напрасна.

Соня примирительно улыбнулась.

— Но как? — спросила она. — Как им помочь?

— Это нам и предстоит выяснить, — Гримс повернулся к Мэйхью. — Вы слушали эфир, Мэйхью. Вы что-нибудь обнаружили? У них существует пси-связь?

— Боюсь, что да, сэр, — грустно ответил он. — Боюсь, что существует. И... к тому же...

— Ну, продолжайте.

— У них есть биоусилители, как и у нас... но...

— Но что?

— Они используют для этого не мозг собаки, а человеческий мозг.

Глава XV

— А что еще вы хотите сообщить? — быстро спросила Соня.

— Я... я слушал...

— За это вам и платят. Что вы еще обнаружили?

— Повсюду объявлена тревога. Всем кораблям, Ультимо, Тул, гарнизонам на Тарне, Мелиссе и Гролоре...

— А на Стрии?

— Нет, на Стрии нет.

— Это логично, — пробормотала Соня. — Это выглядит логично. На Тарне гуманоиды достигли развития уровня земных Средних Веков. На Гролоре индустриальное общество появилось лишь недавно. На Мелиссе — разумные амфибии, но полное отсутствие технологического прогресса. По уровню цивилизации наши друзья-мутанты выше всех обитателей этих миров...

Но Стрия... Мы ведь не знаем, какую поддержку

эти ящеры могут нам оказать... мы с ними в дружеских отношениях... Но...

— Но мы все равно должны искать помощи у них, — сказал Гримс. — Мистер Мэйхью, связывались ли они с западно-галактическими мирами из антиматерии?

— Нет, сэр.

— А с нашими ближайшими соседями — Шекспировским Сектором или Империей Вэйвери?

— Нет, сэр.

— Значит, дело касается только планет Конфедерации. Помочь — наша законная обязанность.

— Незаконная, шеф, — уточнил Уильямс. — Пиратство всегда было незаконным. Но я не прочь попираствовать ради хорошего дела.

— Вы не против — и точка, — сказала Соня.

— Черт возьми, я действительно не против! Ведь есть же разница, ради чего пиратствовать!

— Прекрасно, командир Уильямс. Предлагаю сейчас взять курс на Стрию, — сказал Гримс. — А вы, мистер Мэйхью, продолжайте слушать. Сообщите мне сразу же, если появится другой корабль — даже без индикатора близости масс они могут высчитать степень прецессии временного поля и синхронизироваться с нами.

— А что вы собираетесь делать, прибыв на Стрию? — спросил майор.

— Как я уже говорил адмиралу, мы действуем наугад, — он отстегнул ремни своего кресла и двинулся к контрольной рубке. Соня последовала за ним. Закрепившись в кресле старшего пилота, он наблюдал, как Уильямс занимался сменой курса — выключил систему Мансхенна, развернул корабль, придал начальную скорость, включил систему Мансхенна... Это была обычная рутина маневров. Единственное, к чему Гримс никак не мог привыкнуть — это к надетому на всех тряпью. Но Уильямс, с тремя красными полосами, нанесенными на его крепких волосатых запястьях и обозначавшими его должность, справлялся ничуть не хуже, чем если бы на нем был отглаженный форменный костюм с золотыми нашивками.

— Курс взят, шеф, — объявил он.

— Спасибо, командир Уильямс. Все не занятые на вахтах офицеры могут быть свободны.

Вместе с женой Гримс вернулся к себе в каюту.

Все выглядело, как обычное межзвездное путешествие.

В отсеке навигационной системы Мансхенна вращающиеся гироскопы создавали прецессию времени, сжимая пространство и продвигая корабль, вместе с находившимися в нем людьми, к самому краю Галактики.

Но, как доложил Мэйхью, они были не одни. Вокруг них, к счастью, слишком далеко, чтобы можно было определить точные координаты, летали другие корабли.

Это было не совсем обычное межзвездное путешествие. Их окружали ненависть и страх, сказал Мэйхью. Естественно, он только слушал — но другие операторы пси-связи передавали свои сообщения. На орбитах вокруг Лорна, Фарауэя, Ультимо, Тула уже находились военные корабли; на Тарн, Мелиссу, Гролор и Стрию были направлены целые эскадры для их блокады. А одиночным кораблям был отдан простой и жестокий приказ: при обнаружении — уничтожить.

— Как ты это можешь объяснить? — спросила Соня.

— Я думаю, — ответил Гримс, — что эскадры им нужны для того, чтобы поймать нас.

— Зачем им это? Они ведь считают, что мы кучка беглых рабов, которые решили попытаться пиратского счастья. В любом случае мне не хочется, чтобы меня поймали эти... твари.

— Ксенофобия? У тебя — ксенофобия?

— Нет, это не ксенофобия. С настоящими представителями чужих цивилизаций всегда можно договориться. Но это — это не настоящая чужая цивилизация. Это знакомые и опасные животные, они боятся нас и ненавидят, и борются с нами нашим же оружием. Мы никогда не любили их. Иногда человек испытывает нежные чувства к мышам, но к крысам — никогда. За что им нас любить? Это старая вражда.

Она задумчиво потерла красный рубец на груди, оставшийся после драки с пленной крысой.

— А что ты думаешь по поводу этой эскадры на Стрии?

— Простая предосторожность. Они считают, что мы можем туда прилететь, и тогда они смогут обнаружить

нас, когда мы перейдем в нормальное пространственно-временное измерение. Но Мэйхью утверждает, что они не отправили им правительственных сообщений, как они это сделали военному командованию на Тарне, Мелиссе или Гролоре, — она замолчала, потом спросила: — Как ты думаешь, мы прибудем туда раньше них?

— Я думаю, да. Хочется верить. Наша система Мансхенна работает в режиме максимального сжатия. По причинам безопасности мы не можем ее раскрутить еще быстрее. Ты ведь знаешь, что произойдет, если не выдержит хоть один регулятор.

— Я не знаю, — ответила она. — И никто не знает. Я лишь слышала кучу разных историй о том, что может при этом произойти.

— Когда начинаешь неосторожно себя вести со сжатием времени, может произойти все, что угодно. И здесь самое главное — суметь предугадать то, что может произойти.

Соня усмехнулась.

— Кажется, я начинаю понимать, о чем ты думаешь.

— Всего лишь сырая идея, — ответил он. — Прежде, чем что-либо предпринимать, мне хотелось бы побеседовать с этими ящероподобными философами.

— Если только мы прибудем туда раньше вражеской эскадры.

— Если прибудем позже, опробуем прямо там нашу идею. Но думаю, они от нас здорово отстали...

— Что это? — вдруг спросила она.

Это был не звук. Это было худшее, что могло случиться с кораблем во время межзвездного перелета — прекращение всякого звука. Исчезло высокое, тонкое гудение раскрученных прецессионных гироскопов, а вместо него загудел телефон. Докладывал вахтенный офицер:

— Командор, чрезвычайная ситуация. Отказ межзвездной навигационной системы.

Гримс уже не раз испытывал жуткое чувство, когда отказывают сжимающие время гироскопы и человек выпадает из привычной временной ориентации.

— Не беспокойте инженеров, — ответил он в трубку. — Не стоит отвлекать их телефонными разговорами от починки. Сейчас я подойду.

— Похоже, наши друзья придут раньше нас, — спокойно заметила Соня.

— Боюсь, что это так, — ответил Гримс.

Глава XVI

Поломка системы Мансхенна сыграла с ними плохую шутку, но, думал Гримс, с ними могло случиться что-нибудь гораздо хуже. Корабль вошел в нормальное пространственно-временное измерение в нескольких световых годах от ближайшей населенной планеты и вне зоны действия радаров вражеских кораблей. На огромном расстоянии вокруг корабля не было ничего — ни звезд, ни планет, ни астероидов, ни даже космической пыли. Как знаток истории мореплавания, Гримс хорошо знал, что во время военных действий слепая случайность имеет огромное значение. Слишком часто судно, экипаж которого уже считал себя в полной безопасности и терял бдительность, попадало прямо в лапы своих преследователей. Правда, от шквального огня не могла спасти никакая бдительность, а именно бой, будь то при помощи старинных пушек на парусных судах, или управляемых ракет и лазерных прожекторов на современных кораблях, ставил последнюю точку в драке.

Сейчас, однако, не приходилось опасаться боя. Следовало оценить ситуацию, в которую они попали. И «Свобода» медленно, очень медленно притягиваемая далеким солнцем Стрии, начала ощупывать всеми радарами окружающее пространство. Мэйхью, вместе с неопытным и нетренированным мозгом другой собаки, заменившей его любимую Лесси, замер в своей каюте, ожидая малейшего всплеска чужой мысли, чтобы уловить вражеские планы.

Не получив никакого рапорта от инженеров, Гримс сам отправился в отсек системы Мансхенна. Он знал, что вся команда механиков сейчас напряженно трудится над починкой, и телефонный звонок вызовет у них лишь раздражение, и он сам пошел выяснять, что же случилось.

Он остановился в дверях отсека. С первого же взгляда стало ясно, что произошло — заел подшипник главного ротора. Вся команда инженеров с большим трудом отодвигала в сторону висевшее в воздухе ог-

ромное колесо ротора — в земных условиях оно бы весило по меньшей мере пять тонн. Необходимо было высвободить с оси неисправный подшипник, но при этом не повредить расположенные вокруг небольшие гироскопы. Наконец Бронсон, старший инженер, заметил командора и излил на него все свое недовольство.

— Сэр, нужно было установить здесь наше оборудование.

— Почему?

— Потому что на нашем есть автоматическая система проточной смазки, вот почему. Потому что эти мутанты, построившие корабль, никогда, наверное, о таком и не слышали, а перегрев подшипника они определяют по запаху, при помощи своих длинных носов.

— Возможно, — пробормотал Гримс, думая о том, что крысы, вероятно, еще не прогрессировали настолько, чтобы потерять нюх, как люди. — Сколько это займет времени?

— По крайней мере два часа. Может быть, три. Больше ничего обещать не могу.

— Хорошо, — сказал он, затем на некоторое время задумался. — А сколько времени может занять переделка системы смазки под наши стандарты?

— Даже не думал об этом, командор. Несколько дней, не меньше.

— Нам нельзя терять столько времени, — сказал Гримс скорее сам себе, чем инженеру. — Постарайтесь справиться как можно скорее, и дайте мне знать, как только все будет готово. Я буду в контрольной рубке. — Уже уходя, он повернулся и в шутку добавил:

— А было бы неплохо, если бы на вахту ставили людей с развитым обонянием!

В контрольной рубке он чувствовал себя более уютно. Офицеры сидели на своих местах, и перед ними светились абсолютно пустые экраны радаров. На миллионы миль вокруг них не было ровным счетом ничего.

Он рассказал Соне и Уильямсу о том, что произошло с главным гироскопом.

— Значит, они попадут на Стрию раньше нас, — сделал вывод Исполнительный офицер.

— Боюсь, что так, командир.

— И что же мы будем тогда делать?

— Хотелось бы знать, какова ситуация на Стрии, — пробормотал Гримс. — Но похоже, что этот мир они еще не завоевали, как другие Приграничные Планеты. Нужно будет рискнуть и сесть на Стрию.

— Попытаться сесть, — поправила Соня.

— Хорошо, попытаться сесть на Стрию. Будет ли риск оправдан?

— Да, — сказала она твердо. — Насколько я поняла Мэйхью, крысы боятся Стрии и ее обитателей. Они поддерживают отношения, но не больше. В общем, вы нас не трогаете — мы вас не трогаем.

— Я знаю их обитателей, — сказал Гримс. — И не забывайте, что это я первый опустился на их планету, когда открывал для торговли планеты Восточного Кольца. С нашей точки зрения они ужасно грубы, но не забывайте, что все-таки между млекопитающими и ящерами огромная разница.

— Хватит нам читать лекции, Джон. Лучше слушай: пока ты ходил к инженерам, Мэйхью позвонил в контрольную рубку. Он установил контакт с эскадрой, направляющейся к Стрии.

— Что?! Он совсем рехнулся? Немедленно вызовите его ко мне!

— Спокойно, Джон, спокойно. Наш Мэйхью немного не в себе, как и все его коллеги по профессии, но он еще не сошел с ума. Когда я сказала, что он установил контакт с эскадрой, я не имела в виду командующих офицеров. Нет, он установил контакт с их, если так можно выразиться, подпольем.

— Не говори загадками.

— Я лишь постепенно подвожу тебя к главному, дорогой, чтобы ты не прыгал, как ошпаренный. Я ведь не хочу, чтобы ты выкинул Мэйхью за борт без скафандра. Так вот, их подполье состоит из человеческих мозгов, которые наши хвостатые друзья используют в качестве биоусилителей при пси-связи.

— Все равно это безумие. Ведь каждый мозг не существует сам по себе, он лежит на столе в комнате натренированного офицера — телепата, который видит его насквозь точно так же, как наш Мэйхью — своих собак.

— Так уж точно так же? Могут ли они это делать? Не забывай, что наши телепаты используют для био-

усиления разум существ, заведомо значительно менее развитых, чем человек. Ты когда-нибудь слышал о собаке, выдвигающей экран перед своим хозяином? А любой человек-телепат способен экранировать свои мысли от другого телепата.

— Но почему тогда они используют человеческий мозг? А если будут саботированы жизненно важные линии связи?

— Чей еще мозг они могут использовать? Когда дело касается крыс, кошки и собаки не могут им помочь, потому что уж слишком, слишком сильна их взаимная ненависть.

— А разве между людьми и крысами эта ненависть не сильна?

— Не в такой мере. Я сомневаюсь даже, что они действительно нас ненавидят. В конце концов, многие столетия мы снабжали их прадедов едой и кровом. Они, конечно, выжили бы без нашего покровительства, но никогда не достигли бы такого расцвета, как здесь. Конечно, за исключением какого-нибудь юного любителя природы с его милыми зверьками, все люди недолюбливают крыс. Но ненависть — не единственное, что движет людьми.

— Что же еще?

— Постарайся представить себе, что ты телепат, ты родился на одной из Приграничных Планет этой Вселенной. Но прежде, чем твои таланты были замечены, ты жил с родителями, рос, приобрел друзей, и даже, почти наверняка, подругу.

— Я понял. Гонял мячик, и все такое.

— Да. А потом тебя... отозвали.

— Но зачем же им рисковать собой ради «всего такого»?

— А затем, что Мэйхью подкинул им пару подарков. Очень нежно, осторожно, он внушил им сны о жизни на Приграничных Планетах — но в нашей Вселенной. Конечно, он несколько преувеличивал все прелести жизни, но это не страшно.

— Могу себе представить. Мэйхью у нас отличается большим патриотизмом.

— Сначала он внушил им эти сны, а затем намекнул, что все это — правда, и такой же может быть жизнь их собственного народа. Он рассказал им историю сбежавших на «Свободе» рабов, и что мы прилете-

ли помочь им, но нам самим, в свою очередь, нужна помощь.

— Но я не понимаю, как он мог все это сделать за такое короткое время?

— А долго ли длится сон? Известно, что за несколько секунд человек во сне может прожить целую жизнь.

Мозг Гримса уже трудился над планами, уловками и комбинациями. Он знал, что на войне обман является вполне законным средством борьбы. Правда, его не слишком волновала законность всего, что он делал в этой Вселенной. А может, волновала? Если бы в это дело была втянута федерация, он быстро бы очутился вместе со всей своей командой на скамье подсудимых за пиратство. Конечно, дело обстояло иначе, но, принимая во внимание нежное отношение Федерации ко всем негуманоидным цивилизациям, это было возможно.

Он усмехнулся. С точки зрения законов их дело было слишком сложным, и к тому же сейчас легальность не играла никакой роли.

— Вызовите ко мне Мэйхью, — сказал он.

Глава XVII

Гримс совещался с Мэйхью и некоторыми другими офицерами. Конечно, там были Соня, Уильямс, там был старший инженер реакторных установок Дангерфорд. Также там была Элла Кубински, лейтенант запаса Приграничного Флота добровольцев. Но по своей специальности она была далека от космоплавания. Она преподавала в Университете Лорна, на факультете лингвистических наук. Глядя на нее, Гримс думал, что она выглядит идеально для роли, которую она была призвана играть. Ее взлохмаченные волосы были настолько светлыми, что казались почти белыми; ее лоб и подбородок резко отступали назад от острого носа. Руки и ноги у нее были длинные и тонкие, а грудь практически отсутствовала. За такой облик ее прозвали «Белой Крысой».

Для начала Гримс и Соня устроили Мэйхью настоящий допрос, причем спрашивала в основном Соня. Конечно, было бы неплохо подвергнуть такому же допросу

бестелесные человеческие умы на борту вражеского корабля, но это, естественно, было невозможно. Тем не менее, Мэйхью утверждал, что они стремятся помочь совершенно искренне — ведь невозможно изобразить искренность, когда ваши мысли открыты другому, всепроникающему уму.

Затем менее таинственные вещи обсуждались с Уильямсом и Дангерфордом. Необходимо было выяснить эффективность некоторых растворителей, чтобы стереть с корпуса корабля некоторые надписи и заменить их на буквы, изготовленные в мастерской Дангерфордом и его помощниками, не занятыми починкой системы Мансхенна. Мэйхью должен был помочь выбрать форму и начертание букв.

После этого настала очередь Эллы Кубински. Послушав записи переговоров с кораблем мутантов, она повторяла слова, пытаясь имитировать их высокие и пронзительные голоса. Наконец она вполне усвоила странный акцент и даже Соня выразила свое удовлетворение достигнутым успехом.

Мэйхью снова удалился к себе в каюту, чтобы проконсультироваться со своими новыми друзьями. Поскольку через них проходила вся связь, они во многом могли помочь. Через какое-то время он пришел к Гримсу и сообщил новое имя их корабля, которое следовало написать на корпусе.

Когда Уильямс и еще несколько человек отправились в космос, чтобы снять старые надписи, а Дангерфорд со своими помощниками взялся за изготовление букв, Гримс, Соня и Элла Кубински вместе с Мэйхью пошли к нему в кабину. Там было удобнее выяснить некоторые небольшие детали. По временам им казалось, что лишённые тела человеческие умы проникли к ним в каюту, наполнив ее атмосферой своей ненависти к угнетателям. Знать — значит любить, говорила одна из пословиц, но в данном случае знать означало ненавидеть. Беззащитный, лишённый тела мозг, плавающий в питательном растворе в стеклянной банке знал своих хозяев в сто раз лучше, чем могла их знать любая разведывательная служба, состоящая из полноценных живых людей. И Гримсу стало жалко биоусилитель Мэйхью — мозг собаки, у которой не было ни знаний, ни опыта, чтобы ненавидеть существ, лишивших ее нормального существования.

Бронсон закончил починку главного гироскопа раньше, чем Уильямс и Дангерфорд справились со своей работой. Он был рад немного отдохнуть, прежде чем снова включить свою систему.

Наконец новое имя корабля было установлено.

Гримс, Соня и Уильямс вернулись в контрольную рубку, и командор по внутренней связи зачитал всему экипажу свой план спуска на Стрию. Тут же Картер, офицер лазерной артиллерии, и майор морских пехотинцев высказали свое разочарование. Они были готовы к сражениям, а их по плану не предусматривалось. Гримс успокоил их, сказав, что нужно быть готовыми ко всему.

«Кирсир» или, правильнее, «Корсар», как был переименован корабль, снова взял курс на Стрию. Настоящий «Корсар» не мог присоединиться к эскадре, так как находился на Тарне со значительными поломками. Биоусилитель настоящего «Корсара» был в курсе дела, но держал в тайне от своего хвостатого хозяина все, что знал. Остальные же биоусилители сообщили эскадре, что «Корсар» должен к ним присоединиться.

— Подобная операция, — сказала Соня, — была глубой мечтой любого офицера разведки — ты знаешь все планы врага и полностью контролируешь их средства коммуникации, а сам остаешься в тени. Псевдо «Корсар» — а это название нравилось Гримсу значительно больше, чем «Свобода» или «Эсминец» — спешил присоединиться к эскадре и постоянно поддерживал с ней контакт. С помощью Мэйхью шел постоянный обмен информацией, причем шедшая в сторону эскадры была крайне скупа и неразборчива, а в обмен они получали подробнейшие сведения. Вскоре уже Гримс знал все о кораблях — вооружении, численности экипажа, размерах... Пара наиболее крупных и хорошо вооруженных кораблей эскадры могла разнести их в осколки за долю секунды, а в следующую долю секунды превратить эти осколки в пар.

Когда «Корсар» приблизился к головным кораблям эскадры, на калиброванных экранах его радаров появились мелко дрожавшие расплывчатые пятна — это означало, что у тех тоже включена система межзвездных перелетов. Кораблей не было видно — для этого было бы необходимо синхронизировать степень вре-

менного сжатия. Гримс не спешил уравнивать прецессию. Конечно, большинство кораблей были однотипны, и если не показывать изуродованную взрывом сторону, они вполне могли сойти за настоящего «Корсара», но натренированный глаз легко мог обнаружить обман.

Гримс надеялся, что удастся обогнать обычную эскадру, представ лишь тусклой точкой на их экранах, и опуститься на Стрию раньше, чем враг выйдет на орбиту. Но Бронсон после поломки уже не доверял системе Мансхенна и не выводил ее на полную мощность. Он сказал, что они и так постепенно обгоняют эскадру, и что по всей вероятности инженеры на чужих кораблях доверяют своим устройствам еще менее. Командор был вынужден признать, что Бронсон прав.

И когда «Корсар» выключил свою межзвездную навигационную систему и снова перешел в нормальное пространственно-временное измерение, оказалось, что корабли блокады уже занимают свои места на орбите. Начали действовать радары и радиосвязь. Из приемника донесся раздражающе визжащий голос:

— «Ихитник» «Кирсири», гитиивьтись випилниить киминди...

Элла Кубински, готовая к этому, подтвердила правильность приема.

Гримс смотрел в иллюминатор на огромный золотой шар Стрии и далекие крохотные звездочки других, блестящих под солнцем кораблей. Он перевел взгляд на Уильямса, который старался перевести корабль на низшую орбиту. При этом помощник с большим удовольствием, по приказу Гримса, старался показать своими маневрами, что за пультом управления неопытный и неумелый пилот.

— «Ихитник» «Кирсири». Пичими нит видии изибрижинии?

Элла ответила, что нахалтурили работники при ремонте на Тарне, и от себя добавила, что качество работ, которые выполняют люди, всегда оставляет желать лучшего. Кто-то тихо пробормотал — Гримс, к сожалению, не понял, кто — что можно было бы передать крысам изображение Эллы, чтобы их успокоить. Некрасивая девушка покраснела, но спокойно продолжала работать.

Под умелым управлением Уильямса корабль опу-

скался все ниже и ниже к поверхности планеты. Но их маневры не остались незамеченными. Зазвучал новый, рассерженный голос:

— Гивирит идмири-ил. Чти ви, чирт визьми, дили-ити, «Кирсир»?

Элла рассказала о халтурном ремонте ракетного двигателя и снова пожаловалась на плохое качество доковых работ на Тарне.

— Гди виш кипитин? Ви-изивити-и кипитини!

Она ответила, что капитан занят управлением. Корабль, оставленный без управления, сказал адмирал, это лучше, чем с экипажем, понабравшимся пошлого человеческого акцента в разговоре.

— Ого, — услышав это, произнес Уильямс, — кажется, сейчас наша экспедиция накроется.

В приемнике раздался третий голос:

— Гириит Ихитники. Кикии нииспривнисти и «Кирсири»?

— Ну, ладно, — сказал Гримс. — Общая тревога. Жмите вниз, Уильямс, со всей скоростью, на какую способны.

Корабль резко развернулся, уставившись носом прямо к планете. Взревели реактивные двигатели, и «Корсар» рванулся вниз, оставляя за собой хвост металлических осколков, которые должны были его спасти от лазерных ударов. Один за одним он выплевывал ракетные снаряды, запрограммированные на поражение кораблей противника. Не то, чтобы Гримс надеялся подбить хоть один корабль, но это должно было отвлечь лазерные пушки от их собственного корабля и дать им уйти.

На огромной скорости «Корсар» врезался в верхние слои атмосферы, и температура обшивки начала быстро, очень быстро расти. Уильямс сумел развернуть корабль носом кверху и отключил двигатели. Теперь они просто падали к поверхности планеты. Картер бешено орудовал за своим пультом управления, сбивая лазерными пушками один за одним пущенные им вдогонку ракетные снаряды.

Они стремительно падали, а температура обшивки продолжала расти, и Гримс приказал начать торможение. Теперь им грозила другая опасность — не суметь вовремя остановиться и разбиться о планету. Уильямсу пришлось включить двигатели на полную

мощность. Никогда еще Гримс не испытывал такого безумного сочетания огромных перегрузок и бешеной тряски.

Быстро, один за другим, в иллюминаторе промелькнули несколько слоев облачности, изменив свой цвет от серебристо-голубого до золотистого внизу. Тряска быстро уменьшалась, и Гримс уже видел сопровождающие их огромные тени на фоне золотистых облаков.

Он узнал их. В конце концов, в своей Вселенной он был первым человеком, ступившим на Стрию. Это были огромные летающие ящеры, отдаленно напоминающие некогда существовавших на Земле птерозавров, с той лишь разницей, что земной вариант этих существ никогда не достигал таких размеров.

Ящеры, хоть и кружились вокруг, но корабль не трогали. Стоило хотя бы одному из них задеть «Корсара» крылом, как тот сразу же потерял бы равновесие и рухнул вниз, и даже почти сверхчеловеческое мастерство Уильямса не спасло бы их от гибели.

В окружении ящеров корабль медленно опускался. Вокруг расстился привычный пейзаж — низкие холмы, широкие реки, буйная растительность. Но пейзаж был не просто привычным — он был знакомым. Это было невероятно, но их занесло именно в ту точку планеты, где Гримс приземлился в первый раз. Он увидел внизу ту самую, похожую на огромную лошадь поляну. И, как и в первый раз, он вспомнил поэму, которую в молодости читал и даже заучивал наизусть — «Балладу о белой лошади» Честертона. «Вот Судный День прошел, а мы остались на Земле...» — вспомнил он строчки поэмы.

Для жителей Приграничных Планет этой Вселенной Судный День действительно прошел. Мог ли Гримс его вернуть?

Глава XVIII

Медленно и осторожно «Корсар» опускался на поляну, сжигая пламенем толстые листья растений и поднимая густые клубы дыма и пара. На этот случай каждый построенный человеком корабль оборудовался пенными пламегасителями, но строители «Корсара», вероятно, сочли подобное устройство бесполезным излишеством. Выдвинулись широкие посадочные

лапы, и корабль мягко опустился на них. Слабый ветер медленно рассеивал черный дым, смешавшийся с паром. Пожара можно было не опасаться — за исключением двух-трех пустынь, вся поверхность Стрии была очень сырой.

Гримс попросил Мэйхью, как он выразился, начать пси-прослушивание эфира. По своему прошлому опыту он знал, что такое прослушивание может долго оставаться безрезультатным. Было очевидно, что жители Стрии связываются телепатически только друг с другом, и держали свои умы закрытыми для пришельцев. Но ящеры должны были видеть приземление корабля, а поднявшийся высоко в небо столб дыма наверняка был замечен на милю вокруг.

Когда дым окончательно рассеялся, сквозь покрытые копотью иллюминаторы можно было увидеть самый край джунглей — огромные папоротникообразные растения, перепутанные чем-то вроде лиан. Что-то с треском проламывалось сквозь джунгли, поднимая стаи сидевших на огромных растениях крошечных летающих ящеров. И это что-то шло в их сторону...

Гримс встал со своего кресла и вместе с Соней спустился к выходному люку, в самом низу корабля... Он улыбнулся, вспомнив свое первое путешествие на эту планету. Тогда он выглядел как надо: черная форма с золотыми пуговицами и нашивками, фуражка с кокардой и даже ритуальная сабля на боку. Тогда вместе с ним шла его команда, наряженная, как на парад. Теперь же он был в рваном, грязном тряпье, и вместе с ним была женщина, одетая так же неряшливо (правда, стрияне в тот раз скорее забавлялись, глядя на него — сами они никогда одежды не носили).

Они открыли дверь и выдвинули вниз трап. Командор и его жена смотрели на все еще дымившуюся, обгоревшую землю вокруг корабля. Явным преимуществом их нынешней одежды, думал Гримс, были высокие солдатские ботинки. Неподалеку, как тоннель в сплошной зеленой стене, виднелось уходящее вглубь отверстие.

Из него показался стриянин. Человек, далекий от палеонтологии, вполне мог его принять за маленького динозавра из Земного прошлого. Одна лишь разница резко бросалась в глаза — развитие формы черепа. Существо явно обладало мозгом, причем довольно круп-

ным. Маленькими блестящими глазками оно рассматривало людей. Наконец, шипящим, сиплым голосом оно сказало:

— Приветствую.

— Приветствую, — ответил Гримс.

— Ты снова пришел, человек Гримс, — скорее, это была констатация факта, чем вопрос.

— Я никогда раньше не был здесь, — сказал Гримс и добавил: — В этом пространственно-временном измерении.

— Ты был здесь раньше. Твое тело было покрыто одеждой и бесполезным металлом. Но это неважно.

— Откуда вы это знаете?

— Я не знаю, но наши Мудрейшие знают и помнят все. Что было, что будет, что могло произойти и что может случиться. Они велели поприветствовать вас и привести тебя к ним.

Гримс не выразил никакого энтузиазма. В его прошлый визит Мудрейшие жили не в Джунглях, а в крохотной пустыне далеко к северу. На «Искателе» у них был вертолет, и полет туда и обратно занял целый день. Теперь же летательным аппаратом он не обладал, а более нелепое занятие, чем перелет за несколько десятков миль на космическом корабле трудно было себе представить. И совсем ему не улыбалась перспектива пару дней продираться пешком или даже на спине какого-нибудь вьючного ящера сквозь густые заросли джунглей.

Динозавр хихикнул (стрияне не были лишены чувства юмора).

— Мудрейшие сказали мне, — просипел он, — что вы неподходяще одеты для путешествия. Мудрейшие приглашают вас в поселок.

— Это далеко?

— Там же, где и в прошлый раз, когда ты приземлил именно здесь свой корабль много времени назад.

— Примерно полчаса пешком, — сказал Гримс. Соне и вдруг заметил, что зелень растительности теперь стала немного более яркой и отливала теперь синевой. Непроизвольно подняв глаза, он увидел, что большие белые облака по-прежнему закрывают небо. Зато под ними висела маленькая черная тучка, а из нее сыпались вниз горящие искры... Тут же он увидел и второй яркий взрыв, осветивший все вокруг в бело-голубой

цвет. Через несколько минут раскаты мощного грома сотрясли все вокруг.

— Ракеты, — прошептал Гримс, — они послали ракеты.

— Не беспокойся, человек, — своим свистящим голосом заговорил ящер. — Мудрейшие знают, как надо от них защищаться.

— Но у вас же нет науки, технологии! — закричал Гримс, и тут же осознал глупость собственных слов. Но уже было поздно.

— У нас есть наука, человек Гримс. У нас есть машины, которые сражаются с машинами ваших врагов. Но наши машины, в отличие от ваших, из плоти и крови, а не из металла. Правда, они не слишком отличаются друг от друга по степени интеллекта...

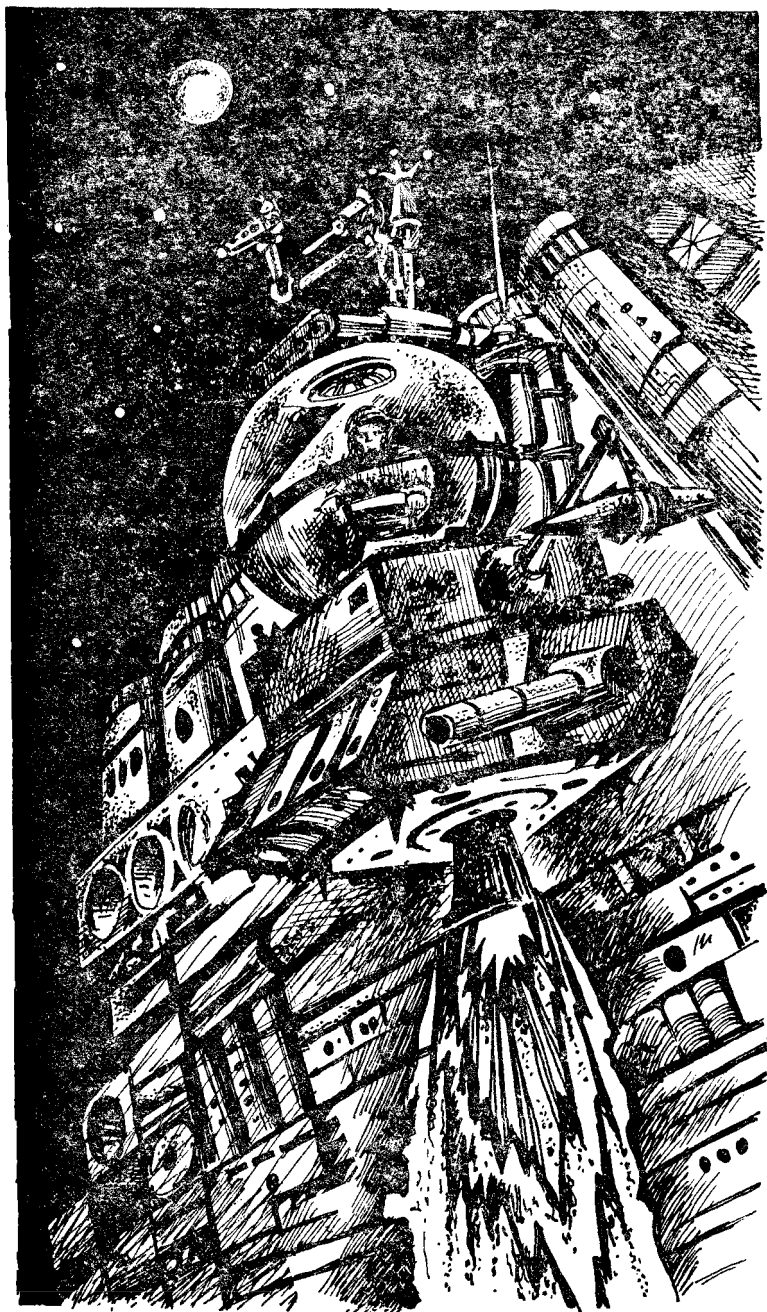
— Джон, ты забыл, что они замечательные биоинженеры, — укоризненно сказала Соня. — Я не сомневаюсь, что их воздушный заслон из птеродактилей надежно защитит нас от ракет, и предлагаю нанести визит Мудрейшим. — Она с сомнением взглянула на джунгли и крикнула внутрь корабля:

— Пэгги! Принеси нам пару мачете!

— Они вам не понадобятся, — сказал стриянин, — пусть даже у вас слишком нежная кожа.

Мачете действительно не понадобились. Хотя ящер шел впереди, как танк, прокладывающий дорогу для пехоты, гибкие ветви растений смыкались сразу за ним, хлестая Соню и Гримса. Им быстро надоело рубить бесконечную череду лиан и папоротников, и они шли прямо так, уже не обращая внимания на колочки и шипы. Пот заливал ссадины и царапины, принося невыносимую боль. Вконец измотанные и уставшие, они добрались до крохотной поляны, почти полностью укрытой, как крышей, огромными листьями папоротников.

На поляне было несколько хижин, сплетенных из живых вьющихся растений. Дымящиеся компостные кучи служили инкубатором для яиц. Ящеры, большие и маленькие, занимались своей обычной работой — сокружали что-то из деревьев, рыли, копались в земле... Самые молодые, похожие на общипанных цыплят, вытаращились на незнакомцев, но старались держаться от

них подальше. Взрослые, с любопытством оглядываясь, разгоняли детей, освобождая людям проход к самой большой и красивой хижине. Из ее отверстия шли клубы ароматических курений, запах которых подействовал на людей почти удушающе. Гримс знал, что дышать дымом сжигаемых священных трав позволялось лишь Мудрейшим.

Внутри, вокруг треножника, к которому была подвешена над огнем коробочка, испускавшая этот сильный запах, сидели три существа. Командор чихнул. Дым, насколько он знал, был галлюциногеном для ящеров, но у человека он мог вызвать только яростное щекотание в носу. Несмотря на все попытки сдержаться, он снова громко чихнул.

Ящеры вокруг треножника тихонько засмеялись. Когда глаза Гримса привыкли к полумраку, он разглядел, что все они были старыми, с потертой, поросшей мхом чешуей, а кости скелета резко выделялись на их теле. Что-то в них было чрезвычайно знакомое, но это можно было скорее почувствовать, чем понять. Один из них сказал:

— Наш волшебный дым заставляет тебя всего лишь чихать, человек Гримс.

— Да, Мудрейший.

— А что ты делаешь здесь, человек Гримс? Разве ты не был счастлив в своем мире? Разве ты не был счастлив с женщиной, которую ты приобрел со времен нашей прошлой встречи в другом мире?

— Скажи «да»! — прошептала Соня.

— Снова тихий смех.

— Нам повезло, человек Гримс. У нас нет таких проблем, как у млекопитающих с их горячей кровью, — последовала пауза. — Но мы любим жизнь, как и вы. И мы знаем, что там, за пределами нашей планеты есть те, которые хотят забрать нашу жизнь и вашу. Сейчас это не в их власти, но они могут добиться своего.

— Но как это может повлиять на вас? — спросила Соня. — Я думала, что вы... как бы это сказать... одновременно живете во всех Альтернативных Вселенных... Вы ведь помните первое появление Джона на этой планете... А было это в другом мире.

— Ты не понимаешь, женщина Соня. Ты не можешь это понять. Но я попытаюсь тебе объяснить. Че-

ловек Гримс, тогда, в твоём мире, что ты нам привозил на Стрию?

— Всевозможные излишества... как вам, наверное, казалось, вроде чая и табака. И книги...

— Какие книги?

— История, философия, романы. И даже поэзия.

— Ваши поэты лучше умеют сказать многое в нескольких словах, чем ваши философы. Напомню вам одного из них: «Дважды живущий дважды умрет»... Я ответил на твой вопрос, женщина Соня?

— Я чувствую это, — пробормотала она, — но я не могу это понять...

— Неважно. И неважно, если ты не понимаешь, что ты делаешь, пока ты понимаешь, как это делать.

— Что именно делать? — спросил Гримс.

— Уничтожить яйцо, не дав из него вылупиться зверю, — был ответ.

Глава XIX

Человек, впервые встретившийся с жителями Стрии, никогда бы не подумал, что эти примитивные на вид существа являются прекрасными инженерами. В их поселениях не было, с человеческой точки зрения, ни одной машины или механизма. Но что такое живой организм, если не такая же машина, получающая движущую энергию от сжигания углеродных соединений в кислороде? На Стрии ограниченные по уму ящеры выполняли ту же самую работу, что на заселенных человеком планетах — механизмы из пластика и металла.

Стрияне действительно были крупными инженерами — инженерами биотехнологии.

В своей полутемной хижине, которая была еще темнее из-за густых клубов едкого дыма, Мудрейшие говорили — а Соня и Гримс слушали. Многие из того, что они слышали, было выше их понимания — но они чувствовали и соглашались. Многие вещи и не нужно было понимать, достаточно лишь прочувствовать. В конце концов, идея симбиоза машины из плоти и машины из металла не была им чужда. Такой симбиоз был известен с древнейших времен, когда первый мореплаватель сел в свой корабль, чтобы научиться ощущать это неуловимое приспособление из дерева и веревок как продолжение своего тела.

Наконец, уже убедившись, но все еще не понимая, Гримс и его жена вернулись на корабль. За ними, кряхтя, медленно шел Серессор — самый старший из Мудрейших, а впереди них, как и раньше, расчищал дорогу первый из встреченных ими ящеров.

Они вышли на поляну. Земля под кораблем уже была покрыта молодыми бледно-зелеными побегами, обвивавшимися вокруг трех огромных лап, на которых стоял «Корсар».

С росших вокруг деревьев протянулись к кораблю лианы и опутали все выступавшие антенны. Уильямс вывел на работу весь свой экипаж. Люди старательно обрубали растительность, но она, казалось, продолжала расти прямо на глазах.

Краем глаза Исполнительный офицер заметил командора, и, прекратив командовать, медленно подошел к нему.

— Дело плохо, шеф, — сказал он. — С вашего уха да мы вырубам эти сорняки, и все без толку. Даже взлететь у нас нет возможности.

— Почему, Уильямс?

— Мэйхью сказал мне, что они, — он указал наверх, — раскусили наши шутки с биоусилителями. Все, нет больше биоусилителей.

— Значит, мы уже не можем давать им ложную информацию, — сказала Соня.

— Именно так, миссис Гримс.

Серессор прокаркал:

— Значит, нужно их отвлечь, чтобы вам вырваться отсюда.

— Думаю, что так, Мудрейший, — ответил Гримс.

— Мы уже сделали это, человек Гримс.

— Вы сделали? — Уильямс уставился на древнего ящера. — Вы — сделали? Черт побери, шеф, что это еще за чудище?

— Командир Уильямс, — холодно ответил Гримс, — это Серессор, старший из Мудрейших на Стрии. Он точно так же заинтересован в уничтожении этих мутантов, как и мы. Он рассказал нам, как это можно сделать, и мы возьмем его с собой, чтобы он нам помог.

— И как же вы это сделаете? — спросил у ящера Уильямс.

— Уничтожу яйцо прежде, чем из него вылупится зверь, — просипел Серессор.

К общему удивлению Уильямс не стал тут же насмехаться. Он сказал спокойно:

— Я уже сам думал об этом. Мы могли бы это сделать, но все это очень туманно... Чертовски туманно... Я слышал кучу рассказов о том, что бывает, когда теряешь контроль над навигационной системой. Но я не встречал еще ни одного типа, который бы вернулся живой из такой переделки и потом рассказал бы, что это правда.

— Если мы постараемся использовать навигационную систему так, как предлагает Серессор, нам нужен будет регулятор.

— Откуда мы возьмем этот регулятор, шеф?

— Он у нас есть. Вот он, перед вами.

— Уж лучше он, чем я. Есть множество более простых способов умереть, чем быть вывернутым во времени наизнанку.

Он перевел взгляд на своих лесорубов, которые воспользовавшись моментом, расположились на отдых.

— За работу, бездельники! Сегодня к вечеру корпус должен быть чист, как задница младенца!

— Может, лучше сказать «гладок», командир? — поинтересовалась Соня.

Прежде чем разгорелся спор, Гримс втолкнул ее по трапу на корабль. За ними медленно полез дряхлый ящер.

Гримс и его офицеры были вынуждены признать, что Мудрейшие придумали чрезвычайно остроумный план. Когда «Корсар» был готов к отлету, над ним собралась огромная туча летающих драконов, большинство из которых держало в лапах куски металла. Повинуясь телепатической команде хозяев, птерозавры, сгруппировавшись во что-то напоминающее корабль, полетели, махая длинными крыльями, на восток. Радарные установки блокадного эскадрона должны были показать, что «Корсар» поднялся и медленно перелетает в сторону в пределах атмосферы.

Сразу же посыпались ракеты.

Некоторые взрывались в воздухе вместе с птерозав-

рами-камикадзе, другим позволяли упасть в пустынных районах джунглей.

Тем временем радиооператор «Корсара» ощупывал эфир. Похоже было, что мутанты еще раз поддались на хитрость. Корабли один за другим покидали орбиту, как было ясно из переговоров. Наконец, можно было рискнуть включить свой радар и окончательно удостовериться, что небо над ними абсолютно чистое.

На борту «Корсара» все было готово к взлету. Гримс сам решил вести корабль. Сев в кресло, он почувствовал себя всадником на спине арабского скакуна и не отказал себе в удовольствии вывести рычажок акселерации в крайнее положение. Корабль, как выстреленный из ружья, взмыл вверх, и ускорение вдавило всех глубоко в кресла. Тут командор забеспокоился, услышав высокий продолжительный свист, который, казалось, идет одновременно и снаружи корабля, и из его глубины. Поняв, в чем дело, он хотел улыбнуться, но это было совершенно невозможно при такой перегрузке. Он вспомнил, что обитатели Стрии, обычно сохранявшие спокойствие и невозмутимость, радовались как дети любой возможности попутешествовать на космическом корабле. Любимейшим удовольствием их было испытывать огромные перегрузки. Если Серессор свистел, значит, он был счастлив.

«Корсар» за секунду пронзил толстый слой облаков, и яркое солнце залило контрольную рубку. Из динамика доносились резкие пронзительные голоса. Скорее всего, их все-таки заметили и теперь собирались открыть огонь. Но они уже были вне зоны досягаемости лазерных пушек и почти вне зоны досягаемости ракет. Пока эскадра развернется и приблизится, они успеют включить межзвездную навигационную систему и навсегда от них скрыться.

Еще было время помочь Серессору спуститься в отсек прецессионных гироскопов. Гримс передал управление Уильямсу, затем осторожно поднялся из кресла. Стоять было практически невозможно — чтобы оторваться от врага, они вынуждены были поддерживать значительное ускорение. Картер уже брал на прицел появившиеся вдали ракеты. Гримс смотрел, как двое здоровенных пехотинцев помогают подняться ящеру на ноги. Они были самыми сильными из

всей команды солдат, но с трудом справлялись с задачей.

Затем, с огромным трудом передвигая ноги, Гримс двинулся вниз по лестнице к отсеку системы Мансхенна. Сколько времени он спускался на три уровня вниз, он не знал. Наверное, долго, потому что он уже застал всех на месте — Бронсона, доктора, Мэйхью. Из панели управления, мимо больших и маленьких неподвижных гироскопов, тянулся пучок проводов, каждый из которых заканчивался замком-крокодилом.

На стене прохрипел громкоговоритель:

— Говорит Уильямс. Командор, позвоните в рубку.

Гримс взял трубку телефона.

— Что случилось, командир?

— Мы оторвались от преследователей. Непосредственной опасности нет.

— Прекрасно. Вы знаете, что делать.

Уильямс снова заговорил из громкоговорителя:

— Приготовьтесь к невесомости и маневрам.

Ракетный двигатель отключился, как всегда резко и внезапно. Корабль развернулся вокруг своей оси, и врач, вместе с помощниками Бронсона, начал прикреплять замки с проводами к телу ящера.

— Давайте смелее, — сипло говорил Серессор. — У меня такая толстая чешуя, что вряд ли вы мне сделаете больно.

Затем наступила очередь Мэйхью, которому на голову одели металлический обруч, подсоединенный к приборам. Телепат был бледен, и казалось, испуган. Гримс восхищался им. Как любой пилот, он за свою жизнь наслушался немало историй о том, что бывает с людьми, затянутыми в поле неисправной системы Мансхенна. И хотя в данном случае процесс должен был быть контролируемым, это все-таки была неисправность. Телепат, когда ему объяснили ситуацию, вызвался помочь добровольно. Гримс хотел представить его к медали после возвращения, и надеялся, что награда не будет посмертной.

Корабль опять начал разворачиваться, затем вращение прекратилось, и он вдруг сильно вздрогнул, а через несколько секунд вздрогнул еще раз. Попадание? Нет, решил Гримс, это Картер посылает снаряды на встречу ракетам. Но раз он перешел на огонь снаря-

дами, значит, времени до появления врага осталось совсем мало.

Из динамика прозвучал голос Уильямса:

— Шеф, курс на Лорн взят!

— Переключить систему Мансхенна на управление из контрольной рубки, — приказал Гримс.

Доктор и младшие инженеры уже выходили из отсека, не скрывая своей торопливости. Бронсон за пультом управления спешил что-то доделать. Его густо заросшее бородой лицо было обеспокоенным.

— Поторапливайтесь, командир, — сказал Гримс.

— Не нравится мне это, — проворчал в ответ инженер. — Это система межзвездной навигации, а не машина времени.

Корабль еще раз сильно вздрогнул, затем еще и еще...

Бронсон наконец закончил и быстро вышел. Гримс обернулся к Серессору, который выглядел так, будто запутался в сетях огромного паука.

— Это рискованно, — сказал Гримс.

— Я знаю. Если я... во что-нибудь перетрансформируюсь, то для меня это будет дополнительный опыт.

Вряд ли приятный, подумал Гримс, и взглянул на Мэйхью. Телепат стал еще бледнее, и когда он сглатывал слюну, его кадык нервно двигался. Но как мог этот... этот нечеловеческий философ быть столь уверенным в правильности своего вмешательства в совершенно чужие ему механизмы? Конечно, он читал книги (а может, его другое «Я» в другой Вселенной читало привезенные Гримсом книги), и он знал теорию и практику действия системы Мансхенна, но разве могли эти скудные сведения заменить их постоянный опыт общения с системой?

— Удачи вам, — сказал Гримс им обоим и вышел из отсека, тщательно закрыв за собой дверь.

Он слышал звук гироскопов, и было в этом звуке что-то неправильное.

И затем черный густой сон поглотил его.

Глава XX

Говорят, что утопающий видит всю свою жизнь с начала до конца за несколько секунд перед тем, как навеки погрузиться в пучину.

То же самое было и с Гримсом — но в обратном направлении. Перед ним предстала длинная череда успехов и неудач, истинной и ненастоящей любви, компромиссов и отказов, людей, которых было неприятно вспоминать, и с некоторыми хотелось встретиться еще... Но все это было нереально, неестественно, как отдаленные чужие воспоминания... и поэтому он сразу же пришел в себя, как только гироскопы закончили обратную прецессию времени.

Корабль прибыл.

Но куда? И в какое время?

Вперед в пространстве и назад во времени — таков был принцип работы системы Мансхенна. Но еще никто никогда не пытался добровольно включить полный назад во времени.

Что случилось с подключенными к системе управления регуляторами — регуляторами из плоти и крови, человеком-теленатом и ящероподобным философом, которые решили своим интуитивным чувствованием изменить точнейшие математические расчеты, управлявшие системой?

Что с регуляторами? Не сломались ли они от напряжения?

И что с ним самим, Гримсом? И с Соней?

Пока что он чувствовал себя самим собой. Его воспоминания остались нетронутыми. Он не превратился в ребенка или безбородого юнца (проведя рукой по подбородку, он в этом убедился). Он не превратился в парящий в невесомости комочек протоплазмы.

И он открыл дверь. Серессор был на прежнем месте, все так же опутанный разноцветными проводами. Но его чешуя сверкала, как новая, а с блесневших глаз исчезла пленка.

— Человек Гримс, нам удалось задуманное! — сказал он. Его голос по-молодому каркал, а не хрипел и сипел, как раньше.

— Нам удалось! — подтвердил Мэйхью странно высоким голосом. Он выглядел как-то... меньше. Нет, не меньше, он просто был моложе, много моложе.

— Это было нелегко, — продолжил он. — Это было очень нелегко — остановить возвратное движение биологического времени. Серессор и я были прямо посреди поля, поэтому нас и затронуло. Но все остальные не

должны были измениться. Ваша длинная седая борода, командор, по-прежнему при вас.

«У меня никогда не было длинной седой бороды», — запаниковав, подумал Гримс. Он стал ощупывать свою бороду, выдирать и разглядывать волоски из нее.

Мэйхью и Серессор засмеялись.

— Ладно, — недовольно сказал Гримс. — Как-нибудь и я вас разыграю, Мэйхью. Но что же нам теперь делать?

— Ждать, — ответил тот. — Оставаться здесь и ждать, пока появится «Запад».

«Запад», — думал Гримс. «Джолли Суэгмон», «Танцующая Матильда»... Это были названия времен начала заселения Приграничных Планет. Эти грузовые корабли обслуживали Западную Линию еще тогда, когда Приграничные Планеты были едва заселены и входили в состав Федерации, когда у них не было еще собственного Флота.

«Запад»... как помнил Гримс из истории, это был корабль, доставивший на Лорн первую партию посевного зерна. И во Вселенной, где Гримс со своими товарищами были чужаками, должно было произойти то же самое. Ведь развитие двух миров шло параллельно. «Запад»... Серессор тоже знал его историю. И Мудрейший устроил эту встречу, чтобы Гримс смог выполнить работу, которую в его Вселенной выполняли ловушки и отравы, кошки и терьеры...

— Я уже слышу их, — тихо бормотал Мэйхью. — Они приближаются. Люди обеспокоены. Они хотят прибыть в порт раньше, чем корабль будет полностью захвачен мутантами...

— В этом мире, — сказал Серессор, — корабль разбился в горах при приземлении. Но многие из крыс выжили. Но тебе пора в контрольную рубку, человек Гримс. Делай то, что ты должен сделать.

В контрольной рубке все было спокойно. Многие еще не оправились от периода дезориентации во времени, сквозь который всем пришлось пройти. Гримс подошел к Уильямсу, сгорбившемуся в своем кресле второго пилота.

— Как дела, командир? — спросил он мягко.

— Я готов, — ответил исполнительный офицер, очнувшись.

Затем командор присел возле своей жены. Она выглядела бледной и подавленной. Взглянув на него, она слегка улыбнулась и сказала:

— Ты не изменился, Джон. Я рада этому. Я слишком много вспомнила, даже то, что должна была забыть. И хоть это все в прошлом, это было слишком... тяжело. Я рада, что ты здесь, рядом, и что это именно ты, а не какой-нибудь... молокосос.

— Я тоже был бы не прочь кое о чем забыть, — ответил он.

Он взглянул на офицеров за своими постами — радар, артиллерия, радиосвязь. Он посмотрел на солнце Лорна, которое выглядело сквозь поляризованное стекло как круглое пятнышко. Он посмотрел на висевшую с противоположной стороны вытянутую линзу Галактики. Здесь, на самом краю Вселенной, за несколько десятков лет ничего не могло измениться. В этом небе нельзя было встретить указаний на время, в котором они находились. Даже если бы они проникли на тысячу лет вперед или назад, они застали бы все ту же картину...

— Есть контакт, — объявил офицер радарных установок.

Командор вывел изображение радара на свой монитор и увидел светлую точку у самого края экрана.

Оператор радиосвязи уже говорил в свой микрофон:

— «Корсар» «Западу». «Корсар» «Западу». Вы слышите меня? Прием.

Ответил голос уставшего человека; человека, жившего последние дни в чрезвычайном напряжении:

— Я слышу вас, кто бы вы ни были. Как там ваше имя, я не понял...

— «Корсар». «Корсар» вызывает «Запад». Прием.

— Впервые слышу. Что это за название? — затем послышался другой голос, сказавший:

— «Корсар»? Мне это не нравится, капитан. Возможно, это пираты...

— Пираты? — ответил первый. — Здесь, на самом краю Галактики? Чем они здесь могут поживиться? — Пауза. — Даже если они пираты, добро пожаловать на борт нашего чертова парохода.

— «Корсар» «Западу». Отвечайте, пожалуйста. Прием.

— Да, «Корсар». Слышу вас. Что вам надо?

— Разрешения подняться на борт.

— Разрешения подняться на борт? За кого, черт возьми, вы себя принимаете?

— Ф.К.П.П. «Корсар».

— Ф.К.П.П.? — было слышно, как капитан, не потрудившись даже выключить микрофон, посылает посмотреть в каталог своего помощника. — Что это за чертовщина, Джо?

— Расшифровки нет, — ответил Джо.

Гримс взял свой микрофон. Он не хотел, чтобы поднялась тревога на «Западе» и не хотел, чтобы они, включив межзвездную навигационную систему, исчезли в искривленном пространстве. Он знал, что мог разнести в пыль этот невооруженный торговый корабль, добившись при этом желаемого результата. Но он не хотел поступать таким образом. Разве крысы были менее достойны жизни, чем люди, которых они собирались заменить собой? Гримс не хотел устраивать геноцид на борту корабля, он не хотел иметь ничьих смертей на своей совести.

— Капитан, — произнес он тревожно, — говорит командор Гримс, Флот Конфедерации Приграничных Планет. Крайне важно, чтобы вы позволили нам подняться к вам на борт. Мы знаем о том, что с вами случилось. Мы хотим вам помочь?

— Хотите нам помочь?!

— Если бы мы хотели вас уничтожить, — продолжал он, — мы бы давно уже это сделали. — Он замолчал, чтобы собраться с мыслями, затем сказал:

— Вы ведь везете груз посевного зерна. В этом зерне были крысы, которые начали размножаться. Правильно?

— Совершенно верно. Но откуда вы знаете?

— Сейчас это неважно. Но среди этих крыс были мутанты, не так ли? Вы уже давно добываетесь с Эльсиноры, а неисправности в системе Мансхенна повлекли за собой флуктуацию поля временной прецессии. В результате резко возросла скорость мутаций крыс.

— Но, сэр, откуда вы это знаете? Мы не посылали

никому никаких сообщений. Наш офицер пси-связи был убит этими... мутантами.

— Мы знаем, капитан. А теперь разрешите нам подняться на борт.

Снова из динамика послышался приглушенный голос помощника капитана:

— Приграничные Призраки — вещь малоприятная, капитан. Но если они нарушат наш карантинный режим, ничего страшного не произойдет.

— Да, — сказал Гримс. — Можете нас считать Приграничными Призраками. Но мы из плоти и крови...

Глава XXI

Как пианист, Уильямс защелкал пальцами по клавишам панели управления. Корабль развернулся, и, подталкиваемый короткими вспышками маневровых реактивных двигателей, вплотную приблизился к «Западу». Пилот остановил его на расстоянии не более десятка ярдов. Гримс и его экипаж рассматривали в иллюминаторы это грузовое судно. Сразу было видно, что это очень большой и очень старый корабль, старый даже по меркам людей, которые в нем находились. Корпус был тусклый и исцарапанный, со следами попадавших туда микрометеоритов. Буква «П» в его названии была давно сбита и выведена от руки полустершейся краской. Гримс представлял себе, что они могли обнаружить внутри судна. Для большей грузоподъемности жилое пространство там наверняка было сведено до минимума и экипаж жил в многоместных каютах, а радиационная защита была никудышной... Весь остальной объем занимал грузовой отсек, засыпанный зерном, в котором размножались подвергнувшиеся мутации крысы, угрожавшие жизни экипажа...

— Готовить к выходу моих людей, сэр? — спросил командир морской пехоты.

— Да, майор. Вы и с вами шесть человек — этого должно хватить. Я и миссис Гримс пойдем тоже.

— Лазерное оружие с собой, сэр?

— Нет. Вряд ли мы поможем делу, если проткнем их картонные перегородки и стенки.

— Значит, ножи и дубинки?

— Это уже лучше.

Гримс и Соня спустились к себе в каюту. Помогая

друг другу, они начали натягивать скафандры, в которые были внесены некоторые изменения, но по-прежнему оставалось место для укладки хвоста. Шлемы были предназначены для вытянутой морды мутантов, но теперь там было очень удобно размещать бороду. Что подумают люди на «Западе», когда увидят их в таком странноватом одеянии? Нелепо выглядящие скафандры, в них чужестранцы в лохмотьях... В конце концов, это их вина, что они не починили приемопередающую аппаратуру видеосвязи.

Все собрались в главной, достаточно большой шлюзовой камере. Медленно закрылся внутренний люк, один из пехотинцев задвинул запирающие рычаги и насосы начали свою работу. Такое количество воздуха было просто непозволительно выпускать в пустоту. Затем Гримс отпер внешний люк и увидел, как появилось темное отверстие в корпусе другого корабля. Наверное, это была вспомогательная камера, настолько она выглядела тесной в свете прожектора «Корсара». Капитан «Запада» был явно предусмотрительным человеком — он хотел впустить на свой корабль чужих по одному... «Как бы он не стал еще подозрительнее, увидев наши скафандры», — подумал Гримс.

Выбравшись наружу, Гримс сказал в свой микрофон:

— У них шлюзовая камера только на одного человека. Я пойду первым.

Оттолкнувшись от корпуса, он пролетел разделявшие корабли двадцать футов, вытянул руки и мягко ударился о корпус прямо возле открытого люка.

Он с трудом залез в узкое, тесное пространство. При всем желании здесь нельзя было разместиться даже вдвоем. Заклопнув наружный люк, он оказался в полной темноте — освещения не было, а если и было, то не работало. Наконец послышалось шипение наполнявшего камеру воздуха.

Внутренняя дверь резко распахнулась, и яркий свет ослепил Гримса. Первое, что он увидел, были направленные на него пистолеты, а первое, что услышал сквозь диафрагму мембраны шлема — слова:

— Что вам говорил, капитан? Самая настоящая обезьяна! Пристрелить ее?

— Подождите! — крикнул Гримс, стараясь вложить

в голос весь свой выработанный годами авторитет. — Подождите! Я такой же человек, как и вы!

— Докажите это, мистер.

Медленно командор поднял руки и показал двум вооруженным людям, что в них ничего нет.

— Мне нужно снять шлем, а для этого отстегнуть замок. Может, вы сами хотите это сделать?

— Не приближайся!

— Как вам будет угодно.

Гримс повернул шлем на четверть оборота и снял его. Тут же он почувствовал неприятный запах — вроде того, что несколько дней наполнял кают-компанию «Корсара» после происшествия со взятой в плен крысой.

— Ну ладно, — сказал один из мужчин. — Вы можете войти.

Гримс ввалился в коридор. Теперь слепящий свет не бил прямо в глаза, и он разглядел обоих встречавших его. Установить, кто из них кто, было несложно: военные формы и знаки различия меняются гораздо медленнее, чем гражданская одежда. Он обратился к седому, давно не бритому человеку с четырьмя золотыми нашивками на рукаве рубашки:

— Мы уже разговаривали с вами по радио, капитан. Я — командор Гримс...

— Из Флота Конфедерации Приграничных Планет. Но что это за маскарад, Командор?

— Маскарад? — Гримс понял, что эти слова явно относились к его скафандру, не предназначенному для того, чтобы в нем ходил человек — вытянутый шлем, короткие ноги, вместилище для хвоста ниже спины. Что вообразит себе этот человек, увидев его одежду под скафандром — старое тряпье и полосы на запястьях? Но сейчас это было неважно.

— Это длинная история, капитан, — сказал наконец Гримс, — и сейчас нет времени ее рассказывать. Но я говорю вам, что вы не должны, повторяю, НЕ ДОЛЖНЫ даже пытаться сесть на Лорн, пока я не дам вам разрешения.

— Да кто вы такой, черт возьми, мистер, так называемый, командор? Нам уже порядочно надоело это путешествие, и вы не имеете права нам приказывать!

— Право приказывать? — Гримс засмеялся. — В моем времени и пространстве я получил право приказывать от самого президента Конфедерации.

— Ну что я говорил? — давил на капитана его помощник. — И я еще раз повторю — если это оказалась не обезьяна, значит, пират.

— А в этом времени и пространстве, — продолжал Гримс, — право приказывать мне дают лазерные пушки и ракеты.

— Если вы пытаетесь лишить меня права управлять собственным кораблем, — упрямо сказал капитан торгового судна, — то я расцениваю это как пиратство.

Гримс посмотрел на него с уважением. Было ясно, что человек этот достиг крайней степени истощения и усталости. Мешки под глазами свидетельствовали о том, что он не спит несколько дней. Один из его офицеров уже был убит. В таком положении он мог смотреть на любых пришельцев как на потенциальных захватчиков, а имея на борту взбунтовавшихся крыс, стремился как можно скорее приземлиться на планету вместе со своим грузом.

Но этого-то как раз он и не должен был делать...

Гримс поднял свой шлем, чтобы попытаться связаться с кораблем и приказать Уильямсу или Картеру срезать пару антенн с «Запада». Но помощник капитана, догадавшись о его намерениях, грубо выхватил у командора шлем и швырнул его об пол.

— Сейчас бы этот ублюдок вызвал сюда всю свою банду, — прорычал он.

— Но я должен поддерживать связь со своим кораблем!

— И приказать им воспользоваться вашими стволами, которыми вы тут хвастались!

Он поддал шлем ногой. Тот, отскочив от перегородки в конце коридора, медленно крутясь в воздухе, возвратился обратно.

— Джентльмены, — попытался их урезонить Гримс, косясь на небольшие автоматические пистолеты калибром не более пяти миллиметров. Он мог бы обезоружить одного, но другой тут же выстрелил бы. — Джентльмены, я ведь пришел помочь вам...

— Вы нам пока что больше мешаете, — огрызнулся помощник. — Мы и без ваших рассказов о несуществующих конфедерациях знаем, что нам делать. — Он повернулся к капитану:

— Если нам прямо сейчас взять курс на Лорн? Эти уроды вряд ли начнут стрелять, пока их главарь с нами.

— Да. Именно так и сделаем. А теперь надо надеть ему наручники.

Вот оно, вяло подумал Гримс. Вот она, невозможность изменить прошлое, о которой он так часто читал. Такова инерция течения событий... С таким трудом он прибыл сюда, чтобы подать этим людям руку помощи, и на эту руку надевали наручники. Но он не мог осуждать капитана. Каждый настоящий капитан всегда сам принимает последнее решение на своем корабле. И, как помнил Гримс из истории, этот груз зерна был срочно необходим на Лорне.

Каждое слово и действие давалось ему с трудом, как будто он глубоко погрузился в какую-то вязкую жидкость. Он пытался плыть против течения Времени, но потерпел неудачу.

Почему бы не позволить им сделать это? В конце концов, будет еще достаточно времени в Порт-Форлоне, чтобы разобраться с крысами. А может быть, не будет? Разве не говорил ему кто-то, что корабль разобьется в горах при посадке?

Из состояния полной безнадежности его вывел резкий сигнал общей тревоги. Испуганный голос прокричал из громкоговорителя на стене:

— Капитан! Где вы, капитан? Они атакуют контрольную рубку!

Капитан с помощником, забыв обо всем, рванулись к осевой шахте. Гримс машинально схватил свой плававший рядом шлем, и, не раздумывая, бросился вслед за ними.

Глава XXII

— Они атакуют контрольную рубку!

Этот голос все еще звучал у Гримса в ушах. Они — это были Соня, майор и его пехотинцы. Наверное, они разбили один из иллюминаторов. Уменьшения давления не чувствовалось — на любом, даже на таком дряхлом корабле герметичные двойные двери всегда содержатся в идеальном порядке и самостоятельно захлопываются при разгерметизации любого из отсеков. Тем не менее, Гримс задержался, чтобы надеть свой шлем прежде чем проникнуть в осевую шахту. К счастью, по-

мощник капитана не нанес большого вреда своим грубым обращением с шлемом.

В шахте он увидел, что оба офицера быстро скользят вдоль стержня к носу корабля. Гримс не мог за ними поспеть — при переходе с уровня на уровень он в своем скафандре с трудом протискивался сквозь узкие отверстия.

Затем он услышал глухие звуки ударов и борьбы. Гримс понял, что стреляют из мелкокалиберного оружия. И затем он услышал ужасные высокие вопли, которые были ему слишком хорошо знакомы. Он даже разобрал слова... Нет, это было одно слово, повторенное несколько раз:

— Смирть! Смирть!

И тогда он понял, кто были ОНИ, и пустился на помощь со всей возможной скоростью. Взглянув вперед, он увидел, как капитан со своим помощником исчезли за люком в конце тоннеля. В кораблях такого типа там обычно находилась контрольная рубка. Опять донеслись выстрелы, удары и крики. Гримс распахнул люк и влез в самую гущу сражения.

Сначала на него никто не обратил внимания. Может быть, крысы его даже приняли за своего — настолько странным был его скафандр. Они оказались маленькими, не больше терьера средней величины, но их было много, ужасающе много. Они дрались зубами, когтями и кусками отточенного металла, которые они использовали как ножи. Летавшая в воздухе взвесь из мелких кровавых капель тут же осела на стекле шлема. Гримс почти ничего не видел и попытался стереть кровь, но только еще больше ее размазал. Все-таки он смог разглядеть, что в рубке плавали два неподвижных тела со сплошными кровавыми ранами вместо шеи и не меньше дюжины мертвых крыс.

Зрелище было ужасное, но командор взял себя в руки. Вытерев, наконец, попавшейся под руку тряпкой свой шлем, он увидел в центре рубки несколько человек, отражавших атаки крыс палками и обломками стульев. Должно быть, они уже израсходовали все заряды своих пистолетов.

Гримс ринулся в бой, руками и ногами расталкивая кучу покрытых шерстью тел, раскраивая им черепа и кости кулаками в тяжелых перчатках, отшвыривая их прочь от группы людей. Его первая атака увенчалась

успехом, но мутанты, осознав, что перед ними новый враг, с утроенной яростью набросились на него. Они прибывали и прибывали в рубку, и их визг становился совершенно невыносим. Огромной толпой навалившись на командора, повиснув на руках и ногах, они полностью обездвжили его. Офицеры ничем не могли помочь — они сами были втянуты в битву с наседавшими на них ордами крыс.

Что-то стало скрестись по скафандру возле горла Гримса. Один из мутантов пытался просунуть свой нож через соединения шлема. Ему это не удалось, и он принялся резать блестящую, на основе металлической сетки ткань скафандра. Материя была жесткой, специально предназначенной для нагрузок, но такого она могла не выдержать. Кое-как ему удалось освободить правую руку и отшвырнуть в сторону крысу с ножом. Кое-как ему это удалось, но тут же рука его была намертво схвачена, и уже несколько крыс бросились раздирать его костюм зубами и ножами.

Он был обессилен, беспомощен, утоплен в шевелившемся море покрытых шерстью тел, и не мог не понимать, что для него это может кончиться только одним, если никто не придет на помощь. Его скафандр, в котором было тяжело передвигаться даже в самых идеальных условиях, одинаково способствовал как его гибели, так и спасению. Он дернулся всем телом, пытаясь высвободиться, но это скорее был жест отчаяния, чем сознательная попытка помешать крысам прогрызть дыру в материи скафандра возле его горла.

Затем он почувствовал какое-то облегчение. Он уже свободнее мог шевелиться.

И сквозь мутную пленку засохшей на стекле крови он уже мог видеть, что рубку уже наполнили другие люди, одетые так же, как и он, в скафандры. Они умело работали длинными острыми кинжалами и массивными дубинками, одним ударом ломавшими мутантам кости. В помещении стоял сплошной красный туман — туман, состоявший из мельчайших частиц крови...

Но даже со свежим подкреплением люди не могли выиграть битву. Рано или поздно мутанты одолеют всех — вооруженных, невооруженных, в скафандрах, без скафандров... Все новые и новые полчища крыс постоянно заменяли убитых и искалеченных. Мутанты победят — это было очевидно.

— Покинуть корабль! — крикнул женский голос. Это была Соня. — Всем покинуть корабль! К спасательным шлюпкам!

Призыв повторился еще несколько раз — его кричали друг другу люди без скафандров. Покинуть корабль — дело непростое, но уже всем было очевидно, что это единственный путь к спасению.

Вооруженные пехотинцы окружили экипаж «Запада» — точнее, то, что от него осталось. Их капитан был в полубессознательном состоянии, но живой. На его помощнике было лишь несколько порезов и царапин. Еще было два инженера и истерически кричавшая женщина с нашивкой казначея на рваной рубашке. Из всей команды больше не уцелел никто. Пехотинцы вытолкнули их через люк в осевую шахту. Кто-то схватил Гримса и грубо выпихнул из рубки вслед за ними. Он хотел было возразить, но его не слушали. Он понял, что это была Соня, что она была вместе с ним. Люк в рубку захлопнулся, и Соня повернула рычаг.

— Но майор! — закричал Гримс. — Там же майор со своими солдатами!

— Они останутся там. Они задержат крыс. Наша задача — вывести с корабля этих людей.

— А дальше?

— Черт возьми, кто командир экспедиции? — резко ответила она. — Кто там хвастался адмиралу, что он будет действовать наугад?

Они уже были в отсеке, где стоял спасательный челнок. Открыв дверь, помощник помогал забраться в его тесное пространство сначала женщине, затем двум инженерам. Он хотел помочь капитану, но тот оттолкнул его со словами:

— Нет, мистер. Я должен покинуть мой корабль последним... — он заметил стоявших рядом Гримса и Соню. — Вас это тоже касается, мистер командор, как вас там... Полезайте в челнок вместе со своим помощником...

— Мы последуем за вами, капитан. Нам тут недалеко возвращаться.

— В челнок, черт бы вас побрал! Я... должен... последним...

Он был близок к обмороку. Помощник взял его за руку.

— Капитан, сейчас не время следовать протоколу. Нам нужно спешить. Неужели вы ИХ не слышите?

В своем шлеме Гримс сам до этого момента ничего не слышал. Но теперь он явственно разобрал глухой шум и визг, нараставший с каждой секундой.

— Полезайте в эту чертову шлюпку, — сказал он помощнику. — Мы запрем двери.

— Я настаиваю... — шептал капитан. — Я... должен... быть последним...

— Полезайте же наконец!

— Я давно собирался бросить к чертям этот корабль, — сказал Гримсу помощник, — но я никогда не думал, что это будет выглядеть подобным образом. — Помощник ударил капитана кулаком в челюсть. Удар был не силен, но его было вполне достаточно, чтобы тот потерял сознание. Он откатнулся, но упасть в невесомости было невозможно, а магнитные подошвы его ботинок удержали его в вертикальном положении. Из люка высунулись два инженера и за руки втащили внутрь бесчувственное тело.

— Быстрее же! — поторапливала Соня.

— К вашему кораблю, сэр? — спросил помощник. — Вы возьмете нас?

— Нет. Сожалею, но нет даже времени объяснить. Полным ходом летите к Лорну.

— Но...

— Вы слышали, что сказал командор, — вступила Соня. — Выполняйте. Если вы постараетесь приблизиться к нам, мы откроем огонь.

— Но...

— Марш в корабль! — сняв шлем, чтобы его лучше было слышно, заорал командор. И затем, уже мягче, добавил:

— Удачи вам.

Помощник исчез внутри шлюпки и задвинул люк. Командор надел свой шлем, и Соня выдвинула из стены пульт управления. Медленно задвинулась широкая панель, отделив их от остального корабля. Тут же начала открываться другая, и за ней показалось черное небо. Спасательный челнок был вытолкнут в открытое пространство по направляющим рельсам. Пролетев ярдов двадцать, он включил ракетные двигатели и стал быстро удаляться. Через минуту это уже была яркая звез-

дочка, которая стала медленно заворачивать по широкой дуге...

Проследив за ней, Гримс сказал:

— Нам нужно вернуться обратно в рубку, чтобы помочь майору и его людям. Они там заперты.

— Они уже не заперты. Они лишь ждали, пока улетит челнок.

— Но как они выйдут?

— Точно так же, как и вошли. Мы проделали лазером большую дыру. К счастью, все двери были в исправном состоянии.

— Вы сильно рисковали...

— Это было необходимо. И потом, мы ведь знали, что ты был в скафандре. Но нам пора идти отсюда.

— После вас.

— Боже мой! Неужели ты так же глуп, как и тот капитан?

Гримс не стал спорить, а просто вытолкнул ее в космос. Затем он выпрыгнул сам и включил свой реактивный ранец, чтобы добраться до своего корабля. Взглянув на контрольную рубку «Запада», он увидел, как взрывом вышибло сразу несколько иллюминаторов. Осколки металла и стекла, кристаллы замерзшего воздуха вперемешку с небольшими серыми телами, многие из которых еще несколько секунд судорожно дергались, веером разлетались перед брошенным кораблем. Но вот из пролома показались фигуры в скафандрах. Их было семь, и они полетели к открытому освещенному просвету шлюзовой камеры «Корсара». Соня и Гримс поспешили за ними.

Майор использовал свой лазерный пистолет, чтобы проделать отверстие в стенке контрольной рубки. Но далеко не все крысы погибли. Под порывом вырвавшегося из корабля воздуха захлопнулись герметичные люки между отсеками, и большая часть мутантов осталась жива.

Их нужно было уничтожить мощным вооружением «Корсара».

Глава XXIII

— Мы уже ждали вас, шеф, — ласково сказал Уильямс, когда командор появился в контрольной рубке своего корабля.

— Рад снова вас видеть, командир, — ответил Гримс, припомнив, как помощник другого капитана осуществил свое намерение поскорее сбежать от крыс. — Очень рад.

Он взглянул в иллюминаторы. Грузовое судно было по-прежнему рядом, точно так же, как и в момент, когда они подошли к нему. Использовать ракеты было невозможно — взрыв уничтожил бы их обоих.

— Ты должен закончить свою работу, человек Гримс, — напомнил Серессор.

— Я знаю, знаю.

— Теперь уже некуда было спешить. Теперь у них было время, чтобы выбрать лучший способ уничтожения.

— Вооружение готово, сэр.

— Спасибо. Для начала, командир Уильямс, нужно увеличить расстояние.

Но внезапно облик «Запада» стал мутнеть и как бы растворяться, пока не исчез совсем. Он исчез, как догоревшая свеча. Гримс выругался. Нужно же было предусмотреть это! У мутантов был доступ к отсеку системы Мансхенна. Но что они могли знать об этом? Как они научились ей пользоваться?

— Включить систему Мансхенна, — приказал он. — Стандартная степень сжатия.

На это требовалось время — но не слишком много. Бронсон был наготове на своем посту, и по-военному быстро выполнил команду (хотя сам Гримс долгое время служил на торговом Флоте и был офицером запаса, он всегда гордился тем, что на его кораблях царит атмосфера военной дисциплины).

Наступил недолгий период полной дезориентации во времени, неприятное чувство, что время течет вспять, головокружение, тошнота... За иллюминаторами Галактика свернулась в огромную бутылку Клейна, а солнце Лорна закрутилось мелкой спиралью.

Но «Запада» нигде не было видно.

Гримс взял трубку телефона.

— Командир Бронсон! Вы можете синхронизироваться с ним?

— Я пытаюсь, сэр...

Гримс представил себе, как тот сидит за своей приборной доской, уставившись в экран компьютера управления, и медленно вращает ручку синхронизации. Вне-

запно высокий тон раскрученных гироскопов задрожал, и одновременно все предметы в рубке как бы потускнели и потеряли четкость очертаний, чтобы затем засиять с новой силой.

— Вот эти вонючие ублюдки! — указал на иллюминатор Уильямс.

Это были действительно они, совсем рядом. На абсолютном черном фоне их корабль выглядел как призрак. Он мелко дрожал и казался совершенно нереальным.

— Огонь из всех орудий! — приказал Гримс.

— Но, сэр! — запротестовал один из офицеров. — Изменение массы корабля при включенной навигационной системе...

— Огонь из всех орудий! — повторил Гримс.

— Есть, сэр! — с готовностью откликнулся Картер.

Но, казалось, что они стреляют по тени. Ракетные снаряды один за другим уходили в сторону висевшего рядом корабля, лазерные пушки рассекали его вдоль и поперек — и ничего не происходило.

Загудел телефон.

— Чем вы там, черт возьми, занимаетесь? — проорал из трубки голос Бронсона. — Как я могу выдерживать синхронизацию?

— Извините, командир, — ответил Гримс. — Но попытайтесь поймать ее. Попытайтесь добиться полной синхронизации и удержать ее. Это все, что я прошу.

— И что теперь, шеф? — спросил Уильямс.

— У нас есть еще бомба, — спокойно ответил Гримс.

— У нас есть еще бомба, — сказал он.

Он знал, как и все люди на их корабле, что ядерный заряд был их единственной надеждой на возвращение в свой мир.

Но «Запад» должен быть уничтожен, и гладь течения Времени должна всколыхнуться. Взрывное и световое оружие оказалось совершенно бесполезным. У них не было другого выхода.

Корабли были настолько близко, что их поля временного сжатия интерферировали. Скоро стало ясно, почему стрельба из обычного оружия не давала результатов. Каждый выброс массы вызывал существенное изменение степени прецессии «Корсара», и снаряд запаздывал во времени и пространстве. Было видно, как он

проходил сквозь транспортное судно и исчезал за ним, там, где кончалось поле сжатия. Если бы на «Корсаре» была установлена одна из последних моделей синхронизаторов, можно было бы надеяться на успешную стрельбу. Но сейчас лишь ловкость Бронсона удерживала чужой корабль в зоне видимости.

Взорвать ядерный заряд — это не так же просто, как выпустить ракету. Медленно и осторожно черный цилиндр был вынут из своего хранилища и переведен на стартовую позицию. Сильная струя сжатого воздуха из компрессора оттолкнула его к цели. Медленно, очень медленно он пошел в сторону «Запада».

По приказу Гримса толстые свинцовые щиты задвинулись на окна. Спасут ли они? Бомба была близко, слишком близко. На экране радара, настроенного на минимальную близость, четкая яркая точка, обозначающая бомбу, медленно приближалась к размытому дрожащему пятну «Запада». Картер смотрел на Гримса, ожидая приказа. Он был страшно бледен — но не один он был бледен в этот момент. Один лишь Серессор — чертов ящер! — наполнял пространство своим тонким, шипящим, раздражающим свистом.

Соня села возле командора

— Ты должен — сказала она спокойно. — Мы должны это сделать.

— Нет, — ответил он. — Я должен это сделать.

— Сближаемся, — донесся из динамика голос Бронсона, — синхронизирую... Поймал!

— Огонь, — приказал Гримс.

Глава XXIV

Прошло время.

Как много, Гримс не знал, да и не хотел знать.

Он приоткрыл глаза и увидел светловолосую женщину, которая будила его. Она была красива, а на груди у нее, в вырезе платья, был тонкий длинный рубец. Как ее звали? Он должен был это знать... Он ведь был женат на ней... Внезапно для него стало очень важно именно сейчас вспомнить ее имя.

Сюзанна?..

Сара?..

Нет.

Соня?..

Да, Соня. Ее звали Соня.

— Джон, просыпайся! Все кончилось. Бомба выкинула нас в нашу Вселенную, и даже прямо в наше время! Мы на связи с контрольной башней Порт-Форлона, и адмирал хочет поговорить с тобой.

— Как будто нельзя подождать, — ответил Гримс, чувствуя как его личность из осколков сознания собирается воедино.

Он протер глаза, увидел сидящего за приборами управления Уильямса, увидел блестящего чешуей Сересора, а рядом с ним долговязого подростка, которым оказался Мэйхью.

На мгновение он позавидовал им. Они помолодели, рискнув ради этого жизнью. Они были счастливы.

И, сказал он сам себе, должно быть счастливо все человечество — пусть не в первый раз, но и не в последний.

«И даже когда удача перестанет мне улыбаться, я буду счастлив», — подумал он.

К о н е ц

Ли БРЕКЕТТ

БОЛЬШОЙ ПРЫЖОК

Фантастический роман

Перевод с английского

Через бездны между планетами, из конца в конец Солнечной Системы поползли слухи. Кто-то совершил Большой Прыжок. Кто-то вернулся.

Об этом болтали космонавты в барах тысяч портов. Об этом говорили люди на улицах бесчисленных городов. КТО-ТО СОВЕРШИЛ БОЛЬШОЙ ПРЫЖОК — СОВЕРШИЛ И ВЕРНУЛСЯ. ЭТО ПОСЛЕДНЯЯ ГРУППА — ЭКИПАЖ БАЛЛАНТЕНА. ГОВОРЯТ...

Говорили много противоречивого, фантастического, невозможного, мрачного. Но за словами были только слухи, а за слухами — молчание. Молчание было сфинксоподобным, как беззвучные пустыни в ночи. Это молчание слушал Арч Комин после того, как заканчивались слова. Слухи, казалось, бежали по крепкой струне, натянутой от орбиты Плутона до Марса, и возле Марса молчание было глубже всего.

Комин полетел на Марс.

Охранник у главных ворот сказал:

— Простите, у вас должен быть пропуск.

— С каких это пор? — спросил Комин.

— С позапрошлой недели.

— Да? Что же так внезапно изменилось в компании Кохранов?

— Это касается не только нас, но и любого корабля на марсианских маршрутах. Слишком много сопляков требуют ответов на глупые вопросы. Если у вас есть дело, вы получите пропуск по обычным каналам. Иначе — стоп.

— Ладно, — сказал Комин. — Не стоит вам об этом беспокоиться.

Он повернулся и пошел к взятой в аренду машине. Сел в нее и медленно поехал обратно по бетонной полосе дороги, ведущей к новому, прозаическому, совершенно земному городу в четырех милях отсюда. Здесь,

в открытой пустыне, дул холодный марсианский ветер, неся пыль, и было неуютно из-за далекой красной линии горизонта, сверкавшей под темно-синим небом.

Была еще одна дорога, отходящая от той, по которой ехал Комин, и он свернул на нее. Она шла вкруговую к грузовым воротам космопорта, который появился слева, как низко распростертое чудовище, с кучкой домов и парой миль сараев, группировавшихся вокруг зоны доков. На высокой контрольной башне даже на таком расстоянии были видны девять шаров — знак Кохранов.

На полпути между главной дорогой и грузовыми воротами, вне видимости с обеих точек, Комин загнал машину в кювет, вылез, открыв дверцу, и лег в пыль. Эта дорога использовалась только компанией, и ему оставалось лишь ждать.

Дул ветер, неповоротливый и рассеянный, печальный, как старик, ищущий в пустыне свою молодость, освещенные города, которых давно уже не было. Красная пыль образовывала маленькие холмики у ног Комина. Он лежал, не шевелясь, и терпеливо ждал, размышляя.

«Два дня и две ночи провел я во вшивых барах, держа ушки на макушке. И все было зря, не считая одного пьяного юнца. Если он сказал мне неправду...»

На дороге послышался какой-то звук. Из города, носившего имя Кохрана, ехал грузовик. Комин неподвижно лежал в пыли.

Грузовик с ревом пронесся мимо, затормозил, затем вернулся, и водитель выскочил наружу. Он был молодой, высокий и крепкий, обветренный марсианской погодой. Он нагнулся к лежащему у дороги телу.

Комин вскочил и ударил его.

Водитель не захотел остаться в долгу. Он взбесился, и Комин не мог винить его за это. Комин нанес ему еще один сильный удар, уложивший его на землю, потом оттащил за машину и обыскал карманы. Все в порядке, у него был пропуск. Комин забрал его куртку, фуражку и зеленые очки, смягчавшие ослепительное сияние пустыни. Затем связал водителя и оставил за машиной, чтобы он был в безопасности, пока не освободится сам или его кто-нибудь не найдет. Под влиянием импульса Комин вытащил пару смятых банкнот, поколебался, затем сунул их в карман водителя.

— Это тебе на стаканчик, — сказал он неподвижно-
му телу. — Потом выпей за меня.

Одетый в куртку Компании, в фуражке Компании, с защитными очками, ведя грузовик Компании, Комин подкатил к воротам и предъявил пропуск. Охранник открыл ворота и махнул ему.

На поле был один из больших, гладких кораблей Кохранов, выгружавший прибывших откуда-то пассажиров. Возле доков, посадочных площадок и стоянок автомашин была суматоха, обслуживающий персонал и заправщики с большими передвижными кранами создавали полную неразбериху. Комин взглянул на них без интереса, проехал мимо и повернул грузовик к административному центру.

Склады. Конторские кварталы. Зданий здесь хватило бы для небольшого города. Комин ехал медленно, читая вывески и не находя ту, которую искал. Руки вспотели на баранке, он поочередно вытер их о китель. Желудок сжимался.

«Этому парню лучше быть правым, — подумал он. — Мне лучше быть правым. Я всю дорогу в напряжении, и лучше бы это оказалось правдой».

Он высунулся из кабины и окликнул проходящего клерка:

— Как проехать к госпиталю? Я здесь недавно.

Клерк указал ему направление, и он поехал, дважды свернул и очутился на узкой улочке. Там он нашел госпиталь, сверкающее белизной здание, предназначенное для заботы о служащих Кохранов, не очень большое, стоящее в тихом местечке. Аллея вела к двери с надписью «Приемный покой».

Комин остановил грузовик, выключил мотор и вышел. До двери было всего два шага, но прежде чем он их сделал, дверь открылась и на пороге появился человек.

Комин улыбнулся. Желудок его успокоился.

— Привет, — дружелюбно сказал он и мысленно добавил: «Я люблю тебя, человечек с твердым взглядом и пистолетом под мышкой. Твое появление означает, что я прав».

— Что ты здесь делаешь, приятель? — спросил человек в дверях.

Машина Комины везла груз, предназначенный для какого-нибудь корабля, но Комин сказал:

— Груз для интенданта госпиталя. Скоропортящийся. — Говоря, он подошел поближе и сунул руку в карман, все еще улыбаясь.

Человек в дверях сказал с зарождающимся подозрением:

— Почему вы так рано? Обычное время для доставки...

— То, что я привез, — тихо сказал Комин, — может быть доставлено в любое время. Нет, не двигайся. У меня кое-что есть в кармане, и если ты шевельнешься, ты узнаешь, что это, и тебе это не понравится.

Человек застыл в дверях, не сводя глаз со спрятанной в кармане правой руки Комина. Он лихорадочно перебирал в уме все отвратительное маленькое незаконное оружие, которое изобретательные люди различных миров создавали и с успехом использовали. Он не получил удовольствия от этих мыслей.

Комин сказал:

— Заходите.

Человек заколебался. Глаза его встретились со взглядом Комина. Он издал короткий вскрик и повернулся к дверям.

— Спокойно, — сказал Комин. — И если кто-нибудь встретится, вы поручитесь за меня.

В коридоре, идущем мимо кладовки, не было никого. Комин показал охраннику на ближайшую дверь и пинком распахнул ее.

— Я заберу у вас пистолет, — сказал он, протягивая руку. Это был прекрасный изящный шокер, последняя модель. Комин переложил его в правую руку и сделал шаг назад.

— Так-то лучше, — сказал он. — На секунду я подумал, что вы броситесь на меня.

Лицо охранника стало свирепым.

— Ты хочешь сказать, что у тебя нет...

— Теперь есть. — Комин перевел большим пальцем отметчик на смертельное деление. — Беситься будете потом. Где Баллантайн?

— Баллантайн?

— Тогда кто это? Стрэнг? Киссел? Викри? — Он помолчал. — Пауль Роджерс? — Голос его стал тверже. — Кого поместили сюда Кохраны?

— Не знаю.

— Что вы имеете в виду? Кого же вы охраняете? Не знаете кого?

На лице человека заблестели струйки пота. Он смотрел на Комина, забыв злиться.

— Послушайте, конечно, они кого-то привезли сюда. Конечно, они держат его здесь под охраной. Говорят, это один из наших парней, подцепивших инфекцию. Могу верить в это, могу не верить. Но я знаю только, что должен сидеть у этой двери по восемь часов в сутки. Кохраны не рассказывают мне о своих делах. Они не говорят об этом ни с кем.

— Да, — сказал Комин. — Вы знаете, где эта палата?

— Она тоже охраняется.

— Вы пойдете туда. — Он говорил кратко, и человек слушал, несчастными глазами уставившись на собственное оружие, зажатое в загорелой руке Комина.

— Думаю, — сказал он, — я вынужден это сделать.

И он сделал. Он без задержек провел Комина по главным коридорам и вверх по лестнице в маленькое крыло личных палат, которые были свободны, кроме одной в самом конце. Перед ней дремал сидя огромный человек.

Юнец в баре лепетал что-то о безумии. Его перевели из этих палат в общую. Он был единственным пациентом в этом крыле и почему-то его перевели отсюда посреди ночи.

Огромный человек проснулся и вскочил.

— Все в порядке, Джо, — сказал охранник, за которым вплотную шел Комин. — Этот парень мой приятель.

Голос его звучал нетвердо. Огромный детина шагнул вперед.

— Ты сошел с ума, приведя сюда незнакомого... Эй, эй, что происходит?

У него была очень хорошая реакция, но он был уже в пределах досягаемости оружия Комина. Шокер тихо прожужжал, и детина рухнул на пол. Другой охранник последовал за ним секундой позже. Оба они были без сознания, но живы. Комин перевел шокер на нижнюю отметку, прежде чем пустить в ход.

Когда через секунду из палаты выглянул молодой врач, встревоженный донесшимся до него шумом, коридор был пуст.

— Джо! — позвал он, но ответа не получил. Нахмурившись, он прошел в межсекционный коридор. Комин проскользнул за его спиной в палату и закрыл за собой дверь. Заперев ее на задвижку, он повернулся к постели, на которой лежал человек. Сердце его бешено колотилось, потому что это мог быть кто угодно...

Но слухи оказались верными. Это был Баллантайн. Он совершил Большой Прыжок и вернулся из тьмы, лежащей за Солнечной Системой. Первый из людей вернулся со звезд.

Комин склонился над кроватью. Руки его осторожно, неуверенно, с некоторым страхом коснулись плеча скелетообразной фигуры.

— Баллантайн, — прошептал он. — Баллантайн, проснитесь... Где Пауль?

Он почувствовал под пальцами кости. Кожа да кости, да выпуклые ниточки вен. Он ощутил слабый пульс, биение плоти, никогда не останавливающееся, пока жив человек. Лицо...

Его лицо было лишь призрачным отголоском человеческого лица. Оно носило печать какого-то страха, худшего, чем смерть или страх смерти. Это было что-то другое, подумал Комин, что еще никогда не влияло на детей Солнца. Странный ужас возник в нем, пока он глядел на это лицо. Внезапно ему захотелось бежать из этой палаты, прочь от дьявольской тени того, что человек принес с собой с другой звезды.

Но он остался. Вернулся врач, дернул дверь, забарабанил в нее, закричал и наконец убежал. Комин опять склонился над кроватью, чувствуя холодок в спине и сосание в желудке. И снова ужасное лицо вперилося в него в слепом безмолвном упреке.

За дверью загальдели люди. На этот раз они принесли электродрель, чтобы высверлить запор.

— Баллантайн! Что случилось с Паулем? П а у л ь... Вы слышите? Где он?

Дрель начала клевать пластиковую дверь.

— Пауль, — терпеливо повторил Комин. — Где Пауль Роджерс?

Хриплый свист дрели наполнил маленькую палату, разогнав тишину. Баллантайн шевельнул головой.

Комин склонился ниже, так что ухо почти касалось синих прозрачных губ. И услышал голос, не громче, чем шелест крыльев мотылька:

— Слушали слишком долго... Слишком долго, слишком далеко...

— Где Пауль?

— Слишком далеко, слишком одиноко... Мы не предназначены для этого. Изоляция... тьма... звезды...

Снова, почти свирепо:

— Где Пауль?

Дрель уже добралась до металла. Свист превратился в тонкий вой.

Дыхание скелета, бывшего когда-то Баллантайном, стало тверже. Его губы шевельнулись под ухом Комина, продолжая с мертвой настойчивостью:

— Не слушай, Пауль! Я не могу вернуться один, не могу! Не слушай их зов... О, Боже, почему это трансураниды, почему...

Вой дрели стал тоньше, выше. И шепот стал громче:

— Трансураниды! Нет, Пауль! Пауль, Пауль, Пауль...

И вдруг Баллантайн закричал. Комин отскочил от кровати, ударился о стену и остановился, прижавшись к ней, обливаясь холодным потом. Баллантайн кричал, ничего не говоря, не открывая глаз, кричал в бессмысленной агонии звуков.

Комин протянул руку к двери и откинул задвижку. Дрель смолкла, и он сказал ворвавшимся в палату людям:

— Ради бога, сделайте что-нибудь, чтобы он замолчал!

А затем, не переставая кричать, Баллантайн умер.

2

Время потерялось где-то в тумане. Он даже точно не знал, где находится.

Во рту был какой-то привкус, влажный, соленый, и он вспомнил удар кулаком. Только он не видел никакого кулака. Он напрягал зрение, но видел лишь расплывчатый свет в тени чего-то, смутно двигавшегося.

И приходили вопросы. Они были частью Вселенной, частью существования. Он не мог вспомнить время, когда не было вопросов. Он ненавидел их. Он устал, челюсти болели, и было трудно отвечать. И он отвечал, потому что, когда он отделялся молчанием, кто-то

бил его снова, кто-то, до кого он не мог дотянуться, чтобы убить, и это ему не нравилось.

— Кто заплатил тебе, Комин? Кто послал тебя за Баллантайном?

— Никто.

— Кем ты работаешь?

— Начальником строительства. — Слова выходили толстые, медленные, наполненные болью. Он намозолил язык, повторяя их.

— На кого ты работаешь?

Двойной вопрос. Хитрый. Но ответ был тот же самый:

— Ни на кого.

— На кого ты работал?

— «Межпланетная инженерия»... мосты... плотины... космопорты. Я уволился.

— Почему?

— Чтобы найти Баллантайна.

— Кто тебе сказал, что это был Баллантайн?

— Никто. Слухи. Это мог быть любой из них. Мог быть... Пауль.

— Какой Пауль?

— Пауль Роджерс, мой друг.

— Он летел инженером на корабле Баллантайна, верно?

— Нет, астрофи... — он не смог выговорить это слово. — Тем, кто работает со звездами.

— Сколько тебе заплатил Союз Торговых Линий, чтобы ты добрался до Баллантайна?

— Ничего. Это моя затея.

— И ты узнал, что Пауль Роджерс мертв?

— Нет.

— Баллантайн сказал тебе, что он жив?

— Нет.

Это была самая трудная часть. Хуже всего. Сначала рассудок говорил ему: держи рот на замке. Пока они не уверены, у тебя есть шанс — они не убьют тебя. Теперь это был слепой инстинкт. Комин мотал головой из стороны в сторону, пытаясь подняться, пытаясь уйти. Но не мог — он был привязан.

— Что Баллантайн сказал тебе, Комин?

— Ничего.

Чья-то невидимая рука закопошилась у него в мозгу.

— Ты был с ним наедине почти двадцать минут. Мы слышали его голос. Что он сказал, Комин?

— Он кричал. И все.

В челюсти вспыхнула боль.

— Что он сказал тебе, Комин?

— Ничего.

Мягкий подход.

— Послушай, Комин, мы все устали. Перестань вальть дурака. Только скажи нам, что говорил Баллантайн, и мы можем разойтись по домам и отдохнуть. Ты же хочешь этого, Комин, — мягкая постель, и никто не побеспокоит тебя. Только скажи нам.

— Он не говорил. Только... кричал.

Еще одна попытка.

— Ладно, Комин, ты здоровый парень. Ты не дурак подрасться. Ты думаешь, что ты выносливый и... о, да, ты сильный человек с железным характером. Но не настолько же твердый, чтобы когда-нибудь не сломаться.

Опять кулаки, или чем они там бьют. Струйка крови, медленно текущая по лицу, вкус крови во рту. Боль в животе.

— Что сказал Баллантайн?

— Ничего, — слабый, замирающий шепот.

Голоса смешанные, отдаленные. «Дайте ему отдохнуть, он почти без сознания... К черту отдых, дайте мне аммония». Отвратительный удушающий запах. И все началось вновь. «Кто тебе сказал, что Баллантайн у нас? На кого ты работаешь? Что сказал Баллантайн?»

В один прекрасный момент Комину показалось, что он услышал, как открылась дверь, а затем прозвучал новый голос, сердитый и властный. Комин почувствовал внезапно происходящую перемену, существа или люди задвигались в багровом тумане. Кто-то завозился с его руками. Инстинктивно он понял, что они развязаны. Он поднялся и стал наносить удары, поймал что-то завопившее и стал стискивать его с единственным желанием разорвать на части. Затем оно вырвалось, все ускользнуло куда-то, остались только темнота и покой...

Просыпался он постепенно, с трудом выходя из глубокого сна. Он был в очень уютной спальне, над ним с явным нетерпением стоял какой-то человек. Он был молод, упитан, светловолос и выглядел так, словно держал на плечах тяжесть всего мира и считал Комина не-

желательной добавкой к своей ноше, от которой он хотел избавиться как можно скорее.

Комин позволил ему стоять, пока копался в памяти, вытаскивая на свет божий воспоминания. Затем он сел, очень медленно и осторожно, и незнакомец заговорил:

— Нет ни внутренних повреждений, ни переломов, мистер Комин. Мы сделали все возможное с синяками и ссадинами. Вы находитесь здесь два дня.

Комин хмыкнул и легонько ощупал лицо.

— Наши врачи отлично справились. Они заверили меня, что шрамов не будет.

— Прекрасно. Премного благодарен, — язвительно сказал Комин. И поднял взгляд. — Кто вы?

— Меня зовут Стенли. Уильям Стенли. Я менеджер на предприятиях Кохранов здесь, на Марсе. Послушайте, мистер Комин, — Стенли наклонился над ним, нахмурившись, — я хочу, чтобы вы поняли: то, что с вами произошло, делалось без всякого уведомления или санкции правления. Я не был в курсе дела, иначе этого не произошло бы.

— Ну-ну, — сказал Комин. — Когда это Кохраны возражали против маленького кровопускания?

Стенли вздохнул.

— Старую репутацию трудно изжить, даже если это было два поколения назад. Мы нанимаем множество людей, мистер Комин. Иногда некоторые из них допускают ошибки. Это одна из ошибок. Кохраны приносят извинения. — Он помолчал, затем добавил, выделяя каждое слово: — Мы понимаем, что любые извинения не смоют нанесенные вам серьезные оскорбления.

— Я думаю, мы расквитаемся, — сказал Комин.

— Хорошо. Ваши документы, паспорт и бумажник на столике возле вас. На стуле в коробках вы найдете одежду, поскольку вашу собственную невозможно починить. Для вас оформлен проезд на Землю в ближайшем лайнере Кохранов. Мне кажется, это все.

— Не совсем, — сказал Комин, с трудом поднимаясь с кровати. Комната завертелась перед глазами и остановилась. Он глянул на Стенли из-под насупленных бровей и рассмеялся.

— Следующий ход в игре? Из меня вы ничего не выбили и теперь пытаетесь действовать обходом? Кого вы хотите одурачить?

Стенли поджал губы.

— Я вас не понимаю.

Комин сделал презрительный жест.

— Вы не отпустите меня с тем, что я знаю.

— А что вы знаете, мистер Комин? — с серьезной вежливостью спросил Стенли.

— Баллантайн. Вы держали его здесь тайно, прятали, когда вся Система ждала его возвращения. Вы, Кохраны, пытались выжать из него все, что он нашел! Грязная игра, и играли в нее грязными руками. Где его корабль? Где люди, что были с ним? Где вы их прячете?

Гнев в голосе Комина, темная краска гнева на его щеках. Руками он делал короткие отрывистые жесты в такт словам.

— Баллантайн совершил Большой Прыжок, он и его люди. Они совершили величайшую вещь, на какую когда-либо замахивалось человечество. Они достигли звезд. А вы попытались скрыть это, спрятать, отобрать у них даже славу, которую они заслужили! И теперь вы собираетесь позволить мне рассказать всей Системе, что вы сделали? Черта с два!

Стенли долго глядел на него, крупного, взбешенного человека, покрытого полужалечными ссадинами и синяками, голого и неуместного в уютной обстановке спальни. Когда он заговорил, в голосе его слышалась чуть ли не жалость.

— Я еще раз приношу извинения, что с вами поступили так жестоко, но я принес новости двухдневной давности, как только умер Баллантайн. Мы далеки от того, чтобы ограбить его. Мы прилагали все усилия, чтобы спасти его жизнь — без всякой выгоды от жаждущей сенсаций толпы, без привлечения журналистов и людей, подобных вам. Теперь любой будет нам благодарен.

Комин медленно опустился на кровать. Он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле.

— Что касается остальных... — Стенли покачал головой. — Баллантайн был на корабле один. Управление почти полностью автоматизировано, и один человек может справиться с ним. Он был... таким, как вы его видели. Он так и не осознал, что вернулся.

— Черт побери, — тихо сказал Комин. — А что с самим кораблем? И с вахтенным журналом? Журналом Баллантайна? Что там написано о Пауле Роджерсе?

— Все опубликовано, вы можете прочитать это в любой газете.

Стенли внимательно рассматривал его.

— Должно быть, он много значил для вас, раз вы зашли так далеко.

— Однажды он спас мне жизнь, — коротко ответил Комин. — Мы были друзьями.

Стенли пожал плечами.

— Ничем не могу вам помочь. Журнал и все научные данные, которые были собраны во время полета, доходят лишь до того времени, когда они приблизились к планетам звезды Барнарда. Дальше — ничего.

— Совсем ничего? — Кровь Комина возбужденно заструилась по венам. Если это правда, то слова, которые он услышал из уст Баллантайна, очень ценны. Гораздо ценнее, чем жизнь Арчи Комина.

Стенли ответил:

— Да. Ни единого намека, что случилось потом. Страницы журнала просто выдраны.

Глаза Комина, очень холодные и внимательные, изучали мельчайшие подробности выражения лица Стенли.

— Я думаю, вы лжете.

Лицо Стенли стало обиженным.

— Послушайте, Комин, принимая во внимание все происшедшее, мне, кажется, что с вами обошлись вполне прилично. Я бы на вашем месте поскорее улетел отсюда, не пытаясь испытывать ничье терпение.

— Да, — задумчиво сказал Комин, — я тоже так думаю. — Он подошел к коробкам на стуле и начал открывать их. — Хватит ли вашего терпения, если я спрошу о полете Баллантайна? Он первый и единственный, кто совершил межзвездный перелет. Это вы принимаете во внимание?

— Да. Мы сделали даже больше. — Внезапно Стенли стал лицом к нему по другую сторону стула, слова срывались с его губ резко и быстро, каждая черточка лица изменилась. — Вы надоели мне, Комин. Меня тошнит от вас. Я сыт по горло вашими выводами в делах, в которых вы не разбираетесь. Вы только причиняете неудобство всем. Я все объяснил вам как служащий Кохранов, потому что женился на члене этой семьи и считаю, что принадлежу к ней, и я устал от всех слухов, которые ходят о ней в Системе. Мы спасли корабль

Баллантайна, когда он мог разбиться о поверхность Плутона. Конечно, у нас были патрули, которые искали его много недель, и мы опередили в этом других. Мы взяли корабль в свое энергополе на Бете Кохранов и разобрали двигатель Баллантайна. Затем мы привели корабль в поместье Кохранов на Луне, где до него не сможет добраться никто. И я скажу вам, почему. Любая попытка совершить Большой Прыжок, поддерживаемая нами или другой корпорацией, требует капитала. Ни один отдельный человек не сможет сделать это. Баллантайн изобрел свой двигатель на средства Кохранов. Он построил корабль, совершил полет. Это было куплено и оплачено. У вас есть еще вопросы?

— Нет, — медленно произнес Комин. — Нет. Я думаю, на сегодня достаточно.

Он стал вытаскивать одежду из коробок. Стенли повернулся и пошел к двери. Глаза его горели. Но не успел он дойти до двери, как Комин произнес:

— И вы тоже думаете, что я лгу.

Стенли пожал плечами.

— Мне кажется, вы бы сказали, если бы было что. И я очень сомневаюсь, что вы сумели привести Баллантайна в сознание, когда это не удалось ни одному врачу.

Он вышел, хлопнув дверь.

И он прав, — мрачно подумал Комин. — Дверь хлопнула прямо мне в лицо. Все Кохраны — превосходные, законопослушные люди. Баллантайн мертв. В вахтенном журнале ничего нет. И куда мне теперь идти?

Вероятно, домой. Домой, на Землю, с призрачным голосом Баллантайна, шепчущим «трансураниды», в ушах, с ужасным криком Баллантайна. Что видели эти пятеро, достигшие звезд? Что может увидеть человек под тем или иным солнцем, чтобы его лицо приняло такое выражение, как у Баллантайна?

Он подумал о нескольких бессвязных словах, о том, что они могли означать. Баллантайн приземлялся где-то на планетах звезды Барнарда. И оставил там Пауля Роджерса, Стрэнга, Киссела и Викри. И что-то, называемое трансуранидами.

Комин содрогнулся. По коже побежали мурашки, в рту появился дьявольский привкус. Он даже пожалел, что нашел Баллантайна и запутался в кромке тени, от-

брасываемой чужим солнцем. Если бы только Баллантайн не кричал...

И теперь Кохраны позволяют ему уйти. Они на самом деле не верят, что Баллантайн остался безмолвным. Они не могут рисковать, поверив в это, есть слишком много других, таких же, как они, точащих зубы на звезды, и Комин, если захочет, может стать богатым, он знает о высочайшей цене своей информации. У него в голове вспыхнула горделивая мысль. Это, казалось, имело смысл. Кохраны, с другой стороны, не знают, что знает Комин, и они позволили ему уйти в надежде, что вырвут у него тайну. По этой же причине его избивали, по этой же причине ему подарили так называемую свободу.

Комину пришлось в голову, что беда не миновала. Он попал в беду с Кохранами. За ним непременно будут следить. Здесь ведется грязная игра, и он попал в середину чего-то большого и даже не в силах угадать конец. Ведется крупная игра, и он, Арч Комин, имеет на руках одну маленькую дырявую карту...

Но что бы Кохраны с ним не сделали, он будет искать сведения о Пауле Роджерсе.

3

На Земле стоял единый завывающий вопль возбуждения. Комин вернулся в Нью-Йорк четыре дня назад, но его бешенство и не думало успокаиваться. Напротив, оно становилось все хуже.

Никто не спал. Никто, казалось, не работал. Люди жили в барах, на улицах, в видеосалонах, толпились вокруг общественных мест связи и кружились в бесцельных потоках взад-вперед по каньонам улиц. Это напоминало тысячекратно увеличенный Сочельник.

Большой Прыжок был совершен. Человек наконец достиг звезд, и каждый клерк и продавщица, каждая домохозяйка и бизнесмен, каждый булочник чувствовал личную гордость и причастность к этому достижению. Они чувствовали, что наступает новая эпоха.

Они разговаривали. Они пили, плакали и смеялись, и большинство, размышляя о пустоте галактического пространства и множестве звезд в нем, чувствовало, что перед ними внезапно распахнулись весьма сомнительные двери.

Комин провел большую часть времени с тех пор, как прилетел, на улицах. Как и все, он был слишком возбужден, чтобы оставаться в своей комнате. Но у него была и другая причина. Он позволял толпе вести себя от одного бара к другому, пил везде, но не слишком много — и размышлял.

Требовалось о многом подумать: жизнь и смерть, несколько последних слов Баллантайна и шахматная партия, что он вел, со звездами вместо пешек.

Звезды, подумал Комин, и я. Вот я, прямо перед ними, и все готовы сбить меня с ног, пока я не подготовил фигуру к прыжку.

Проблема становилась труднее от того, что он не был один, даже когда чистил зубы. Куда бы он ни пошел, за ним тащилась тень. В мебелированной комнате одиночество было лишь пустым притворством. Прослушивающие и подсматривающие устройства были установлены почти сразу же, как только он снял эту комнату. Он знал это, но не пытался найти их и уничтожить. Чем дольше он продержит Кохранов в неведении, тем лучше.

Они ждут, подумал он. Ждут, когда я сделаю свой ход.

А что за ход он должен сделать? Кохраны, превратившие девять планет в свои задворки, были могущественны и богаты так же, как звезды. Он же хотел лишь одного: узнать, что случилось с Паулем Роджерсом.

Это было не очень умно. Но и Роджерс когда-то тоже поступил не очень умно, рискуя своей безупречной шеей, чтобы спасти не такое уж безупречное рыло по имени Комин и получив при этом весьма крупные неприятности. И Роджерс сделал это всего лишь по той причине, что они когда-то жили на одной улице и вместе таскали яблоки в садах.

Он изучил опубликованные репортажи о находке корабля Баллантайна и его содержимом. Исследователи пришли к соглашению, что вахтенный журнал Баллантайна был поврежден по приближении к системе звезды Барнарда. Это означало, что либо Кохраны солгали и держат в секрете одну или больше журнальных книг, либо они не лгали и знают не больше остальных, приземлялся ли Баллантайн и что он обнаружил.

Если это так, то он, Комин, был единственным живым человеком, кто знал правду. Он мог, вероятно,

иметь достаточно грозное оружие, чтобы блокировать Кохранов. Или, столь же вероятно, мог и не иметь ничего, кроме гарантии собственной смерти.

Но в любом случае казалось неплохой идеей узнать немного больше о значении определенного слова. И сделать это вроде бы было легко. Инженерия Внутренних Планет имела исследовательские лаборатории в том же здании, где размещались ее учреждения. Никто ничего не заподозрит, если он войдет в главную контору под прикрытием попытки вернуться на прежнюю работу.

Он пошел туда, и уже знакомая ненавязчивая личность в неприметной одежде отправилась вместе с ним. Комин оставил ее перед зданием, но, пока он ждал лифта, комбинация полированного мрамора, света и отражения дверей показала ему нечто, от чего по спине пробежал холодок.

У него была не одна тень, а две.

Он поднялся на этаж, где находилась «Инженерия Внутренних Планет» с неприятным чувством удивления. Он понимал, что на хвосте у него Кохраны. Но кто еще? И... почему?

Из главной конторы он поднялся на один пролет служебной лестницы к лабораториям и спросил Дубмена, физика, с которым имел кратковременное знакомство во время строительства венерианского космопорта.

Дубмен был умнейший человек, злой на весь мир, потому что кишечник не позволял ему больше ничего пить. Он вздрогнул, когда Комин позвал его.

— Не могли бы вы рассказать мне что-нибудь о трансурановых элементах?

— Конечно, я не столь занят и могу читать лекции по высшей физике в рабочее время, — язвительно отозвался Дубмен. — Послушайте, в библиотеке есть справочники. До свидания.

— Я имел в виду только беглый обзор, — возразил Комин. — Это очень важно.

— Только не говорите мне, что строители теперь жаждут разбираться в ядерной физике!

Комин решил рассказать ему правду — по крайней мере, часть правды.

— Это не так. Мне нужно кое на кого произвести впечатление и узнать об этом столько, чтобы занять место в партере.

Дубмен фыркнул.

— Теперь вы ухлестываете за интеллектуальными девочками? Это новость. Помнится, я слышал о ваших разработках, и никогда...

Комин терпеливо вернул его к предмету разговора.

Дубмен сказал:

— Трансурановые элементы — это такие элементы, которых при наших природных законах не должно быть, и их нет.

Он замолчал, гордый своим афоризмом.

Комин сказал:

— Да. И значит?..

— Значит, — продолжал Дубмен, раздраженный отсутствием произведенного впечатления, — что есть девяносто два химических элемента, из которых состоит все в нашей Солнечной Системе. Они начинаются с гелия, самого легкого элемента под номером один, и кончаются ураном, самым тяжелым и сложным, под номером девяносто два.

— Я помню это со школы, — сказал ему Комин.

— Да? Вот уж не подумал бы, Комин. Ну, в 1945 году к ним добавилось кое-что еще. Тогда создали искусственные элементы тяжелее урана — нептуний под номером девяносто три и плутоний, девяносто четвертый. Трансурановые элементы, которых не существует в природе на Земле или любой другой планете, могут быть созданы искусственно. И это было только начало. Продолжали создавать все более тяжелые и сложные трансурановые элементы, и наконец Петерсен доказал...

Он погрузился в специальные подробности, пока Комин грубо не вытащил его оттуда.

— Послушайте, хватит продолжать. Я хочу знать одно: имеют ли трансурановые элементы финансовое значение и какое.

Дубмен поглядел на него более пристально.

— Так это не шутка? Что за игру вы ведете, Комин?

— Я же сказал вам, что хочу блефануть перед одним человеком.

— Но любой человек с двухклассным образованием раскусит ваш блеф. Ответ на ваш вопрос таков: мы получаем атомную энергию от тяжелых элементов — урана, радия, тория и так далее. Трансурановые элементы еще тяжелее. Некоторые из них не могут быть управля-

емы. Другие набиты энергией, но слишком дороги, и добывают их в мизерных количествах. Я вам ответил?

— Да, — сказал Комин, — вполне. — Он повернулся и задумчиво пошел прочь.

Вполне. Даже со своими ограниченными научными познаниями он ясно понял, что открытие природных трансурановых элементов, таких же богатых запасов, как тяжелых элементов на Земле, может иметь значение для человека или людей, которые завладеют ими. Это будут новые источники более мощной энергии, новые свойства, которые открывают и эксплуатируют пока еще только в лабораториях, возможно, даже элементы, которые пока еще не открыты и о которых не подозревают...

К тому времени, как Комин вышел из лаборатории и спустился в лифте, в его мозгу крутились бешеные картины атомов, электронов и вспышки взрывов, перед которыми бледнеет солнце. Они были смутными, но невероятно впечатляющими. Они пугали его.

Он подобрал свою тень у здания и, прикуривая, осмотрелся в поисках второй. Другой наблюдатель был более осторожным и опытным, чем первый, который, казалось, не заботился о том, заметит ли его Комин или нет. Если бы не случайное отражение, Комин, вероятно, не заметил бы второго вообще.

Он потратил три спички, прежде чем засек его снова, высокий тонкий силуэт в сером костюме. Комин не видел его лица, но что-то в походке и осанке было такое, отчего по спине опять пробежал холодок. Комин не знал ядерной физики, но разбирался в людях. Этого требовал бизнес.

Был ли этот человек только дублером, посланным Кохранами на случай, если что-то окажется выше способностей первого, который походил на человека, выполнявшего не очень интересную работу? Или в игре участвовал кто-то еще?

Трансураниды, прошептал ему в ухо призрачный голос Баллантайна. Трансураниды — эхо дикого крика.

На углу был бар, и Комин зашел в него. Парочка наблюдателей осталась дрожать от холода снаружи.

Он заказал пиво и снова погрузился в размышления. Он нашел в углу место, где никто не сможет появиться сзади. Бар был полон, но даже здесь он увидел своих незваных спутников. Они вели себя, как случай-

ные посетители, явно незнакомые с ним и друг с другом.

Пока он наблюдал за ними через завесу дыма, гул голосов и волнуемую толпу, в нем выросла уверенность в одном. Человек с невыразительным лицом не знал о втором. Если Кохраны послали его для грязной работы, то ничего не сказали ему о втором парне.

День клонился к концу. Большой видеозэкран в углу вылил поток речей, специальных бюллетеней, свежих и старых мнений о Большом Прыжке. Толпа слушала их, обдумывала, спорила, болтала и при этом непрерывно пила. Комин уставился на поднимающиеся со дна стакана пузырьки.

Наступил вечер, а затем ночь. Толпа постоянно менялась, но Комин оставался на своем месте, как и те двое: агент с невыразительным лицом, в измятом пиджаке и второй, который невыразительным отнюдь не был. Комин выпил много пива и многое обдумал. Он наблюдал за людьми, и в его глазах мерцало любопытство.

Снова и снова с экрана звучало имя Кохранов, столь же часто, как и Баллантайна. Это начало действовать Комину на нервы, нервы напряглись, и родилась ненависть.

«Мистер Джон Кохран, президент Корпорации Кохранов, сегодня объявил, что его компания воссоздаст звездный двигатель Баллантайна и будет действовать на благо всем людям...»

Комин фыркнул в свой стакан. Он представил себе старого бандита, восседающего в фантастическом замке на Луне и размышляющего об общем благе.

«Корпорация Кохранов выделила сто тысяч долларов на создание памятников каждому из пяти героев межзвездного полета...»

Красивый жест. Это всегда производит хорошее впечатление на общественность.

«Мисс Сидна Кохран дала согласие сказать несколько слов об этом историческом достижении, которому ее семья помогла осуществиться. Включаем нашу репортерскую, известную как Ракетная Комната...»

На экране возникло изображение ночного клуба в стиле такого корабля, который никогда не бороздил космические просторы. Камера сфокусировалась на женщине в группе роскошно одетых молодых людей,

веселившихся за одним из столиков. Комин уставился на нее и забыл про пиво.

Она была в белом платье, открывавшем кожу в строго определенных местах. Кожа ее была коричневой, с тем великолепным загаром, который можно получить только в лунном солярии. И ее волосы — вероятно, отбелены, подумал Комин, но чертовски эффектны — были почти как цвет платья и падали на плечи льняными прядями. Черты лица ее были смелыми, красивыми, но на грани неправильности. У нее был большой рот и лучистые глаза. Она имела хорошую осанку, но держалась по-мужски.

Послышался голос ведущего, пытающегося сделать свое объявление сквозь шум. Мисс Сидна Кохран обхватила обеими руками бокал шампанского и расправила широкие крепкие плечи. Она улыбнулась.

— Деньги, — сказала она хорошо поставленным голосом, — это всего лишь деньги. Без смелости и гения таких людей как Баллантайн, они ничего не стоят. Но я собираюсь говорить не о нем. Это сделают миллионы других. Я хочу сказать о тех людях, которые, кажется, более или менее забыты.

Взгляд ее стал странно напряженным, словно она пыталась разглядеть что-то сквозь объективы камер, сквозь экран, и кого-то отыскать там. По какой-то причине, не ассоциирующейся с низким вырезом ее платья, пульс Комина застучал торопливым молоточком.

Снова зазвучал ее голос:

— Я хочу сказать о тех четырех, кто прошел с Баллантайном Большой Прыжок и погиб. Ни наши деньги, ни сам Баллантайн не смогут ничего сделать для них. — Она подняла бокал шампанского. — Я хочу выпить за этих четверых: за Стрэнга, Киссела, Викри и...

Намеренной ли была ли эта пауза, или она лишь пыталась вспомнить имя? Глаза ее сияли какой-то дьявольской мрачностью.

— ...и Пауля Роджерса. И я знаю по меньшей мере одного человека, который будет рад выпить со мной. Если он сейчас слушает.

Человек с невыразительным лицом вздрогнул и уставился на Комина в зеркало бара. Другой продолжал смотреть в пространство, но тело его шевельнулось на стуле медленным змеиным движением, и он улыбнулся.

Сердце Комина замерло и снова бешено заколотилось. С этого момента он точно знал, что будет делать.

Он не спешил. Он и виду не подал, что слышал слова мисс Сидны Кохран и понял их смысл. Немного погодя он встал и, шатаясь, пошел в туалет.

Там никого не было. Его неуверенность испарилась. Он прижался к стене возле двери и стал ждать. Низенькое окошко было забрано решеткой, и отсюда не было другого выхода, кроме того, возле которого он стоял, но если он подождет парней достаточно долго, чтобы они встревожились...

Снаружи слышались медленные шаги. Затем наступила тишина, означающая, что кто-то прислушивается. Комин затаил дыхание. Дверь открылась.

Это был невзрачный агент в измятом пиджаке. Не теряя ни секунды, Комин шагнул вперед и ударил его в челюсть так быстро, что у того вряд ли было время удивиться. Затем Комин оттащил его в место, идеально приспособленное для тайника. Он рискнул быстро обшарить карманы, прежде чем покинуть его. В документах было сказано, что зовут его Лоуренс Хенней, и его занятие — оперативный работник хорошо известного частного детективного агентства. Оружия при нем не было.

Комин вернулся назад и снова встал возле двери.

На этот раз ему пришлось ждать немного дольше. Пришел какой-то незнакомец, и Комин умывался, пока он не ушел. Затем снова наступила тишина.

Звук шагов не было. Высокий человек вошел бесшумно. Комин почувствовал, как он прислушивается у двери. Затем дверь открылась беззвучно и медленно, и человек сразу вошел внутрь. Его левая рука висела свободно, правая была в кармане, голова подалась вперед между поднятыми плечами.

Комин сильно ударил его за ухом.

Человек увернулся, словно движения воздуха, следящего за кулаком Комина, было достаточно, чтобы предупредить его. Удар не достиг цели. Человек стал падать, оборачиваясь, и Комин метнулся в сторону. Понеслось тихое жужжание, словно мимо пролетело насекомое и ударились о кафельную стену. Комин прыгнул на противника.

Тот был лишь наполовину оглушен. Он извивался под коленями Комина с шипящим дыханием. У него бы-

ло узкое лицо, щетина ржавых волос и коричневые гнилые зубы, которые он вонзил в руку Комина. Он твердо решил подняться на ноги, чтобы выстрелить в Комина из своей игрушки с безопасного расстояния, но колени Комина упирались ему в живот. Комин застонал, его кулак поднялся и опустился два-три раза. Узкий череп громко ударился о кафельный пол. После третьего раза человек замер и расслабился.

Комин прислонил его к стене в сидячем положении, с опущенной на колени головой, в позе вдрызг пьяного. С большой осторожностью он вытащил из его кармана маленькое безобразное оружие. Оно было той же системы, как и то, которым Комин угрожал охраннику на Марсе. Он спрятал его в мусорную корзину под грудой смятых бумаг, затем обыскал человека.

При нем не оказалось никаких документов. Он был слишком осторожен.

Комин набрал в ладони воды и брызнул человеку в лицо. Затем похлопал его по щекам. Открылись глаза, узкие и бесцветные под ржыми бровями, и взглянули в лицо Комину.

— Вы раскрыты. Кто вы?

Четыре коротких бесполезных слова.

Комин ударил его. Он получил побои от Кохранов, и теперь ему доставляло определенное удовольствие вернуть часть долга.

— Говорите. Кто послал вас убить меня?

Комин снова поднял руку, и человек ощерил коричневые гнилые зубы.

— Продолжайте, — сказал он. — Поглядим, сумеете ли вы заставить меня говорить.

Комин внимательно посмотрел на него.

— Это было бы очень забавно, но дама не будет ждать всю ночь. И здесь не совсем подходящее место для такой беседы. — Он обнажил зубы в улыбке. — Я желаю вам приятно провести время, объясняя своему хозяину, почему вы не смогли отработать его деньги.

— Мы еще встретимся. Теперь у меня есть на то причины.

— А, — сказал Комин, — я сделал вас настоящим маньяком — только потому, что еще жив!

Это не так уж плохо. Он занес кулак и с бешеной силой опустил его. Человек тихо откинулся на стену.

Комин вышел, оплатил счет в баре и удалился. На этот раз никто не следовал за ним.

Он взял такси и поехал в Ракетный Зал. По дороге он думал о двух вещах. Первое — мисс Сидна Кохран выбрала странный способ дать сигнал покончить с ним. И второе — будут ли ее ноги соответствовать всему остальному. Он думал, что будут.

4

Здесь было девять планет, медленно летящих по своим орбитам вокруг Солнца. Двигались они совершенно бесшумно, во всяком случае, их не было слышно из-за громкого гула в Ракетном Зале.

И сквозь шум голосов все время слышалось одно имя, то же самое, что и повсюду. Комин слышал его везде, от мужчин и женщин в баре, где были настоящие пилотские сиденья и экраны с космическим пространством вместо зеркал, и от сидящих за столиками, мимо которых он проходил.

Он вспомнил кричащего человека и спросил себя с горечью:

— Ты счастлив, Баллантайн? Ты совершил Большой Прыжок и погиб, но стал героем для всех этих людей. Стоило ли за это отдать жизнь?

Официант, попавшийся Комину на пути, почти-точно спросил:

— Вы хотите увидеть кого-то за столиком мисс Кохран, сэр?

Но это был не официант, не настоящий официант. Когда Комин пригляделся повнимательнее, то понял, что он не случайно появился тут.

Комин устало сказал:

— Да. Вы можете сами сообщить это Наследнице Престола или должны передать через капитана охраны?

Официант изучал его без всякого выражения.

— Это зависит...

— Да. Только спросите, не хочет ли она выпить за Пауля Роджерса.

Официант резко взглянул на него.

— Ваше имя?

— Арч Комин.

— Подождите, мистер Комин.

Он повернулся и подошел к большому столу, явно

занимавшему здесь лучшее место. Мисс Сидна Кохран посмотрела в его сторону.

Человек, притворявшийся официантом, заговорил с ней, получил в ответ кивок и вернулся на свой пост. Она откинулась на спинку кресла, показывая прекрасную линию шеи и бюста, и улыбнулась Комину. Она явно выпила несколько больше шампанского с тех пор, как он видел ее на экране, но держалась отлично.

— Привет! — сказала она, когда Комин подошел. — Похоже, ты того типа, что мог это сделать. Получишь ли ты удовольствие, узнав, что закружил их?

— Кого?

— Кохранов. Закружил, закружил. — Она описала указательным пальцем несколько кругов. — Всех, кроме меня, конечно. Садись. Чувствуй себя, как дома.

Кресло, бокал шампанского и настоящий официант появились, точно по волшебству. Комин сел. Около дюжины человек за столом трещали, как сороки, требуя сказать, кто такой Комин и какая во всем этом тайна. Сидна игнорировала их. Стройный высокий мальчик сердито уставился на Комина через ее плечо. Она игнорировала и его.

— Неглупо, мне кажется. Я имею в виду мой маленький экспромт.

— Вы очень умны, мисс Кохран. Настолько умны, что чуть не убили меня.

— Что?

— Через пять минут после того, как вы произнесли свою речь о Пауле Роджерсе, в меня стреляли.

Она нахмурилась, и тень какой-то мрачной мысли, которую он не сумел прочесть, пробежала в ее глазах.

— Что вы об этом думаете? — мягко спросил он ее.

— Друг мой, — сказала она, — на меня направили камеру, и я заговорила. Даже в нашем веке есть тысячи мест, где нет видео, и вы могли быть в одном из них. — Она начала проявлять характер. — И тем не менее, если вы думаете...

— Совсем нет! — сказал он и улыбнулся. — Ладно, беру свои слова назад. Не хотите ли выпить?

Она продолжала пристально глядеть на него, ее красные губы были сжатыми и надутыми, брови сдвинулись. Шум за столом усилился. Комин откинулся на спинку, медленно вертя в пальцах бокал и не думая о нем, глядя на белое платье и то, что оно скрывало и что

не скрывало тоже. Он не спешил. Он мог глядеть на это хоть всю ночь.

— Я не уверена, что я не перестану нравиться вам, — сказала она, — но я хочу узнать правду. Идемте.

Она встала с кресла, и Комин поднялся вместе с ней. На высоких каблуках она была такого же роста, что и он.

— Куда мы идем? — спросил он.

— Кто знает? Может быть, на Луну, — она рассмеялась и помахала своим гостям, которые бурно запротестовали. — Я вас люблю, но вы слишком шумите. Пока.

Стройный юноша вскочил на ноги.

— Послушайте, Сидна, — сердито сказал он. — Я вас сопровождаю и не могу...

— Джонни!

— Вы не можете уйти с этим... этим человеком посреди ночи! Это не...

— Джонни, — сказала Сидна, — вы хороший мальчик, но Комин может вас побить. И если вы не перестанете лезть в мои дела, я попрошу его сделать это.

Она взяла Комина под руку и повела, идя широким надменным шагом, которому не могли помешать даже высокие каблуки. Комин следовал за ней, желая поскорее убраться от побагровевшего Джонни, прежде чем придется сделать то, что обещала Сидна, желает он этого или нет.

Ее спина, обнаженная до талии, была коричневой, как медный пенни, и льняные волосы мотались по ней. Комин наблюдал за ровной игрой мускулов этой спины, пока она шла. Он подумал, что, вероятно, она могла бы побить паренька сама, без его помощи. Она выглядела настоящей госпожой.

Он сел рядом с ней в лимузин, подъехавший к дверям, как только они вышли, и слегка повернулся, чтобы видеть ее.

— Ну? — спросил он. — Что теперь?

Она скрестила ноги, откинула голову на спинку сиденья и потянулась, как кошка.

— Я еще не решила.

Водитель, вероятно, приученный к таким причудам, медленно поехал по улице. Сидна лежала на боку и смотрела на Комина из-под опущенных ресниц. Отбле-

ски света проплывающих мимо фонарей мерцали на ее белом платье, касались волос, рта, краешка скулы.

— Я засыпаю, — сказала она.

— Настолько засыпаете, что не можете сказать, чего от меня хотите?

— Любопытно. Хотела увидеть человека, которого не смогли удержать Кохраны. — Она усмехнулась с внезапной злобой. — Хотела увидеть человека, который доставил Билли неприятности.

— Какому Билли?

— Любимому муженьку моей маленькой кузины, Стенли. — Она наклонилась вперед. — Вам понравился Стенли?

— Не могу сказать, что порываюсь испытывать к нему любовь.

— Он не глуп, — сказала Сидна и вновь откинулась на сиденье, успокаиваясь. Затем щелкнула переговорником. — Я решила, — сказала она. — Доставьте нас в космопорт.

— Да, мисс Кохран, — ответил водитель, прерывая зевок, и переговорник снова был выключен.

— Нас? — спросил Комин.

— Я же сказала, что мы, может быть, полетим на Луну.

— И здесь у меня нет выбора?

— Не дурачьте меня, Комин. Прямо в сердце крепости Кохранов? Вы сумасшедший...

Он наклонился к ней, прикоснувшись рукой к гладким мускулам там, где ее шея переходила в плечо. Мускулы слегка напряглись, и он сжал пальцы.

— Я не хочу думать о возмещении, — сказал он. — Не так быстро.

— Я тоже, — сказала Сидна и обхватила руками его лицо. Ногти внезапно впились ему за ушами, клоня голову вниз. Она засмеялась.

Через секунду он выпрямился и сказал:

— Вы грубо играете.

— Я выросла с тремя братьями. Я должна была играть грубо или не играть вообще.

Они уставились друг на друга в полутьме, разгоряченные, ошетинившиеся, между гневом и возбуждением. Затем она сказала медленно, почти злобно:

— Ты полетишь, потому что там есть кое-что, что ты захочешь увидеть.

— Что?

Она не ответила. Совершенно внезапно она задрожала, сцепив руки на колене.

— Купи мне выпить, Комин.

— Тебе не достаточно?

— В Нью-Йорке этого не достаточно.

— Чего твоя семья достигла там, на Луне?

— Прогресса. Экспансии. Славы. Звезд. — Она выругалась, все еще дрожа. — Зачем Баллантайн совершил свое проклятое путешествие, Комин? Разве на девяти планетах не хватает места, чтобы лезть в беду? Беды, вот чего мы добились. Поэтому я и прилетела на Землю. — Она подняла широкие загорелые плечи, затем опустила. — Я — Кохран, и повязана с этим. — Она помолчала, глядя на Комина. — И ты тоже... повязан с этим, я имею в виду. Ты хочешь остаться здесь, снаружи и получить пулю или залезть внутрь?

— Получить пулю?

— Я тебе ничего не гарантирую.

— Гмм...

— Беги, если хочешь, Комин. — Она подавила дрожь, и он подумал, шампанское ли так повлияло на нее. Казалось, на нее что-то накатило, или это ее способ уклоняться от вопросов? — Я хочу спать. Меня не волнует, что будешь делать ты.

И она уснула или притворилась, положив на него голову, и он обнял ее. Она была не легонькая, но к ее гибкому телу было приятно прикасаться. Он поддерживал ее, думая, сколько шансов за то, что это может оказаться ловушкой. Или мисс Сидна Кохран всего лишь сумасбродка? Говорили, что все Кохраны немного помешанные. Говорили, что это пошло с тех пор, как старый Джон построил нелепый лунный дворец.

Машина несла их к космопорту. Он может еще вернуться, если поторопится.

Нет, я не вернусь, подумал Комин. Теперь я не вернусь.

У него был единственный шанс узнать о Пауле Роджерсе, и для этого нужно было блефовать с Кохранами, если сумеет. У него был также единственный шанс почувствовать твердую почву под ногами, и добиться этого можно было тем же методом. Он должен попытаться.

Упрямый маленький ягненок собирается обсудить со

стаей львов их обед, мрачно сказал себе Комин. Ну, если уж я влез в это, то в приятной компании.

Он откинулся на спинку, устраивая мисс Кохран в более удобной позе, и подумал, что хотел бы знать две вещи: кто заплатил парню с гнилыми зубами, чтобы убить его, и не дурак ли он, что лезет блефовать с Кохранами, имея на руках лишь мелкие карты — карты, не подходящие для серьезной игры.

Они прошли через космопорт и взошли на сверкающую яхту Кохранов, и все шло, как по маслу. Когда яхта взлетела, Сидна сонно пошла переодеваться, оставив Комина с отвращением глядеть на пустую, растущую впереди поверхность Луны.

Черт побери, кому вздумается построить дворец на этой лысой голове? Говорили, старый Джон сделал это затем, чтобы богатство и могущество Кохранов вечно были на глазах у всей Земли, и что он редко покидает дворец. У старого пирата, должно быть, не хватает винтиков в голове.

Яхта опускалась к Лунным Апенинам, открывая чудесный вид на острые пики в полном блеске дня. Луна, подумал Комин, может еще превзойти все, что угодно, в Солнечной Системе великолепием ландшафтов, если нервы смогут выдержать их. Огромный цирк Архимеда показал зазубренные клыки далеко слева, а впереди, на плато, на полпути к нагой горной стене, он уловил блеск отраженного света.

— А вот и дом, — сказала Сидна. — Мы почти прилетели.

В голосе ее не звучало радости. Комин взглянул на нее. Она переделалась в белые брюки и шелковую кофточку, однако сохранила свою косметику.

— Если тебе не нравится дворец, — спросил он, — почему ты всегда возвращаешься сюда?

Она пожала плечами.

— Джон не покидает его. И мы должны частенько показываться здесь. Он все-таки глава семьи.

Комин пристально взглянул на нее.

— Ты испугана, — сказал он. — Ты боишься чего-то здесь.

Она засмеялась.

— Меня не легко испугать.

— Охотно верю, — сказал он. — Но сейчас ты бо-

ишься. Чего? Почему ты убежала отсюда в Нью-Йорк? Чтобы развеяться?

Она мрачно поглядела на него.

— Может быть, ты близок к истине. Может, я веду тебя на убой.

Он отнюдь не нежно положил руки на ее шею.

— И ты?

— Может быть, Комин.

— Я чувствую, — сказал он, — что в ближайшие дни пожалею, что не убил тебя прямо здесь.

— Может быть, мы оба пожалеем, — сказала она и удивила его, когда он ее поцеловал, потому что в том, как она прижалась к нему, сквозил панический страх.

Ему все это не понравилось, и нравилось все меньше и меньше, пока яхта опускалась на высокое плато над Морем Дождей. Он увидел изгиб огромного здания, вздымающегося вверх, как гладкая стеклянная гора, сверкающая на солнце, а затем магнитный буксирцепился к их кораблю, и они были мягко введены в воздушный шлюз. Массивные двери закрылись за ними, и Комин подумал: ну, вот я и здесь, и от Кохранов зависит, уйду ли я отсюда.

Через несколько минут Сидна вела его по саду, занимающему несколько акров, к куче каменной кладки, которую он прежде много раз видел на рисунках: старик воздвиг себе монумент, безумно установленный в мертвом мире. Совершенная структура естественной лунной скалы соответствовала лунному ландшафту. Результат был поразительный, жуткий и — согласился Комин — прекрасный.

Линии здания возвышались и изгибались так же смело, как маячившие над ними пики.

Он поднялся за Сидной по широким низким ступенькам в крытую галерею. Сидна толкнула огромную дверь, которая нехотя растворилась.

Холл за ней был высокий и строгий, наполненный пропущенным через фильтры солнечным светом, смягченный драпировками, коврами и драгоценными изделиями со всех концов Солнечной Системы. Свод из белого камня отражал шепчущее эхо при каждом их движении. Сидна прошла до середины, шагая все медленнее и медленнее. Затем внезапно повернулась, словно хотела убежать отсюда. Комин взял ее за локоть и спросил:

— Чего ты боишься? Я хочу знать.

Эхо его голоса прокатилось по холлу. Она пожала плечами, не глядя на него, и сказала, стараясь совладать с голосом:

— Разве ты не знаешь, что в подвале каждого замка живет Существо? Ну, теперь у нас тоже есть такое, и это прекрасно.

— Что за существо? — спросил Комин.

— Мне кажется, — сказала Сидна, — мне кажется, это... это Баллантайн.

Высокий свод пробормотал: «Баллантайн» тысячей тонких голосов, и Комин с силой сжал плечи Сидны.

— Что ты имеешь в виду? Баллантайн мертв. Я сам видел, как он умер.

Твердый взгляд Сидны на долгую минуту встретился с его взглядом, и Комуно показалось, что по холлу пробежал холодный ветерок, холодный, как межзвездная пустота.

— Меня не пускают вниз, — сказала она, — и не говорят мне об этом, но здесь ничего нельзя держать в секрете. Слишком хорошее эхо. И я хочу сказать тебе еще одно. Я боюсь не только этого.

Что-то сжало сердце Комина, и оно заколотилось. Лицо Сидны стало смутным и отдаленным, и он снова очутился в маленькой палате на Марсе и увидел тень страха, который был нов под знакомым Солнцем...

— Сюрприз, — сказала Сидна, и ее холодный легкий голос стал колючим. — Я привела тебя к другу.

Комин вздрогнул и обернулся. У дальнего конца холла в дверях стоял Уильям Стенли, и приветственная улыбка стала мрачной и злобной на его лице. Комин отстранил от себя Сидну.

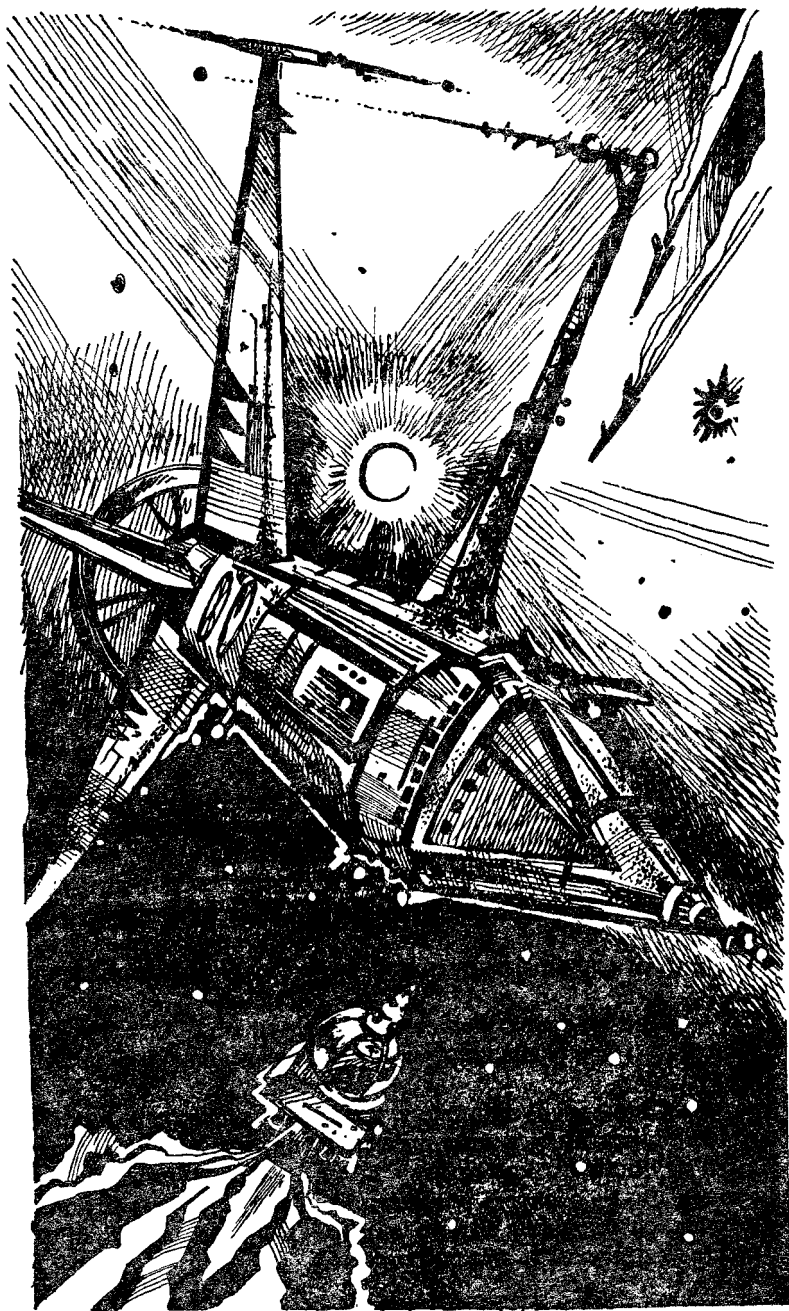
Стенли выстрелил в него сверкающим взглядом и обратился к Сидне:

— Опять штучки женщины с куриными мозгами? Когда ты повзрослеешь, Сидна? К концу мира?

— Ну, Билли! — Она поглядела на него с изумлением невинности. — Я сделал что-то не так?

Лицо Стенли стало теперь совершенно белым.

— Нет, — сказал он, отвечая себе, а не ей, — даже к концу мира этого не будет. И ты еще стараешься произвести впечатление на каждого своим умом. Но я не думаю, что кто-нибудь посчитает это хотя бы чуть-чуть

забавным. — Он мотнул головой на Комина. — Кругом. Вы возвращаетесь на Землю.

Сидна улыбалась, глаза ее вновь стали лучистыми, какими их помнил Комин. Она казалась очень заинтересованной.

— Повтори, пожалуйста, последние слова.

Стенли медленно повторил:

— Я сказал, что этот человек возвращается на Землю.

Сидна кивнула.

— Ты стремишься стать отличным, Билли, но все еще недостаточно хорош.

— Недостаточно хорош для чего?

— Чтобы отдавать приказы, как Кохран. — Она повернулась к нему спиной, не оскорбляюще, но словно его здесь и не было.

Когда Стенли заговорил, в его голосе звучало беспокойство:

— Это мы еще посмотрим. *

Он быстро вышел. Сидна не взглянула ему вслед. Не глядела она и на Комина. Он же забыл о Стенли уже через минуту. «Мне кажется... мне кажется, что это Баллантайн». Сколько же это может продолжаться?..

Он хрипло спросил:

— Так что ты пытаешься мне сказать?

— Это трудно принять, не так ли? Может, теперь ты понял, зачем я приехала в Нью-Йорк?

— Послушай, — сказал Комин, — я был с Баллантайном. Его сердце остановилось. Его пытались оживить, но напрасно. Я видел его. Он мертв.

— Да, — сказала Сидна, — я знаю. Из-за этого все так трудно. Сердце его не бьется. Он мертв, но не совсем.

Комин грубо выругался, чувствуя наползающий ужас.

— Как человек может быть мертв не... Откуда ты знаешь? Ты же сказала, что тебя не пускают к нему. Отку...

— Она подслушивала у двери, — прозвучал новый голос. Через холл к ним шел человек, его каблуки сердито стучали по каменному полу. — Подслушивала, — сказал он, — а затем разболтала. Ты так и не можешь научиться держать рот на замке? Ты не можешь прекратить причинять неприятности?

Лицо его, бывшее лицом Сидны во всем, кроме красоты, было высокоскулым и мрачным. В глазах его был тот же блеск, но он казался жестоким, а у губ копились морщины. Он выглядел так, словно хотел схватить Сидну и разорвать на части.

Она не уступила ему.

— Раздражением ничего не изменишь, Пит. — Глаза ее пылали, а губы упрямо сжались. — Комин, это Питер Кохран, мой брат. Пит, это...

Жесткие черные глаза быстро сверкнули на Комина.

— Знаю, я видел его раньше. — Он обратил все свое внимание на Сидну. Откуда-то издали послышался голос Стенли, требующий, чтобы Комина отослали. Никто не отреагировал. Комин сказал:

— Где?

— На Марсе. Вы не помните, вы были без сознания в то время.

Смутное воспоминание голоса, говорившего из густого красного тумана, вернулось к Комину.

— Так это вы прекратили развлечение?

— Парни немного перестарались. Вы бы скорее умерли, чем заговорили. — Он поглядел на Комина. — А теперь вы готовы говорить?

Комин шагнул к нему.

— Баллантайн мертв?

Питер Кохран заколебался. Взгляд его стал глубже, на скулах заходили желваки.

— Это ты со своим длинным языком, — пробормотал он Сидне. — Ты...

— Ну, знаешь, — яростно сказала она, — ты сумасшедший. Ты и все племя Кохранов ничего здесь не добьетесь, и ты это знаешь. Я думала, у Комина может быть ответ.

Комин повторил:

— Баллантайн мертв?

Секунду спустя Питер сказал:

— Я не знаю.

Комин стиснул кулаки и глубоко вздохнул.

— Тогда давайте по-другому. Мертвого или живого, я хочу его видеть.

— Нет, нет, вы не... вы не представляете последствий. — Он изучал Комина тяжелым, пронизывающим

взглядом. — Чего вы ищите, Комин? Возможности вмешаться?

Комин указал на Стенли:

— Я уже говорил ему. Я говорил вашим парням на Марсе. Я хочу узнать, что случилось с Паулем Роджерсом.

— Из-за благородной сентиментальной дружбы? Слишком слабо, Комин.

— Не только из-за дружбы, — сказал Комин. — Пауль Роджерс однажды спас мою шею. Я уже не раз говорил вам это. Я хочу заплатить свой долг. Я хочу узнать о нем, несмотря на всех Кохранов.

— Это вам не удастся. Может, я займусь этим как Кохран?

Комин грубо сказал:

— Кто? Вы? Вы хотите открыть правду, отфутболивая Баллантайна, как мяч, захватив его корабль, спрятав вахтенные журналы, пытаясь превратить Большой Прыжок — величайшее дело, когда-либо совершенное человеком — в обыкновенные дешевые мошеннические делишки.

— Давайте говорить прямо, — резко прервал его Питер. — Корабль и звездный двигатель принадлежат нам. А журнал уничтожен, как мы и говорили. И мы привезли сюда Баллантайна, пытаясь что-то сделать для него... — Он прервал себя, лицо его передернулось, словно от какого-то шокирующего воспоминания.

Комин почувствовал призрачный холод в эмоциях своего собеседника, но снова спросил:

— Позвольте вы мне увидеть его?

— Почему я? Почему вы считаете, что я не отправлю вас на Землю?

— Потому что, — мрачно сказал Комин, — вам известно, что я кое-что знаю, и вы тоже хотите узнать это.

— Он ничего не знает! — выкрикнул Стенли Питеру. — Откуда? Баллантайн был в коме и не мог говорить. Он блефует, пытаясь нас одурачить.

— Может быть, — сказал Питер Кохран. — Мы это узнаем. Ладно, Комин, вы убедили меня, что знаете нечто и вы можете увидеть Баллантайна. Но я не буду иметь с вами дело после этого. Я только один из Кохранов, а это касается всех нас. Других здесь не будет до

вечера по земному времени, и тогда мы можем сразиться. Достаточно честно?

— Достаточно, — кивнул Комин.

— Тогда что вы знаете?

— Не много, — сказал Комин. Настало время достать единственный маленький козырь, и он должен сыграть им так, чтобы подумали, что козырей у него полные руки. — Не много. Но я знаю, что начнется волнение, если людям станет известно, что существует трансурановая планета.

На секунду наступило молчание. Выражение лица Питера Кохрана не изменилось, но с лица Стенли сошла краска и оно посерело. Затем Сидна сказала в полной тишине:

— Он знает. И поэтому кто-то пытался убить его.

Питер Кохран резко взглянул на нее.

— Это нелепо. Мертвый он никому не нужен.

— Теперь я могу видеть Баллантайна? — потребовал Комин.

Кохран резко повернулся.

— Да. Для этого вас сюда пригласили. Сидна, ты останешься здесь. На сегодня ты наделала предостаточно неприятностей.

— Я и сама собираюсь остаться здесь, потому что мне нужно выпить! — сказала она.

Комин последовал за Питером Кохраном по коридору. Стенли пошел с ними. В конце коридора была скользящая металлическая дверь, а за ней лифт, который, медленно шипя, стал спускаться вглубь лунной скалы. Комин начал потеть, рубашка прилипла к телу, по спине опять бежал холодок. Сердце стучало бешено, нервно, стало трудно дышать. Морщины на лице Питера Кохрана были глубокими. Он выглядел так, словно долго не спал. Стенли стоял в стороне от них, погруженный в свои мысли. Глаза его медленно переходили с Комина на Питера Кохрана и обратно. На скулах вздулись желваки.

Лифт остановился, и они вышли. Не было ничего таинственного в этих подвалах под замком Кохрана. Они содержали установки для воздуха и воды, генераторы, горы припасов, необходимых для поддержания жизни и удобств в этом искусственном пузыре на поверхности Луны. Скалистый пол, по которому они шли, вибрировал от пульсирующей работы насосов.

Кохран шел как человек, которого заставили быть свидетелем казни. Комин подумал, что он, вероятно, ходил здесь очень часто, и он уловил тончайшую эманацию страха, исходящую от загорелого, породистого лица. Стенли тащился за ними, шаркая подошвами по гладкому полу.

Питер Кохран задержался перед дверью. Не глядя ни на кого, он сказал:

— Почему бы тебе не остаться здесь, Билл?

— Нет, — сказал Стенли.

У Комина пересохло во рту. На языке появился резкий привкус, нервы были напряжены.

Питер Кохран все еще колебался, хмуро уставившись на свою руку, положенную на дверь.

Комин сказал:

— Дальше, дальше! — и голос его прозвучал хрипло, не громче шепота.

Кохран толкнул дверь.

За ней была вырезанная в скале комната. Она была поспешно очищена от большинства припасов и так же поспешно наполнена вещами, делавшими ее отчасти госпиталем, отчасти лабораторией, отчасти камерой. Сильные лампы заливали ее голым безжалостным светом. Здесь были два человека и что-то еще.

Комин узнал молодого врача из госпиталя на Марсе. Он, казалось, теперь стал гораздо старше. Другой человек был Комину не знаком, но у него был такой же напряженный, испуганный вид. Они быстро повернулись к входящим. Молодой врач взглянул на Комина, и глаза его расширились.

— Опять вы, — сказал он. — Как вы...

— Не обращайтесь внимания, — быстро сказал Кохран. Он смотрел на врача, на пол, куда угодно, только не на белую кровать с ограждением по бокам. — Есть какие-нибудь перемены?

И все исчезло для Комина. Он сделал несколько шагов вперед и сразу забыл о своих спутниках, аппаратах и лабораторных приспособлениях. Свет был яркий, очень яркий. Он был сфокусирован прямо на кровати, и за пределами его круга все, казалось, исчезало: люди, голоса, эмоции.

Словно с другой планеты, донесся голос врача:

— Никаких перемен. Мы с Ротом закончили.

«Нет. Это было достаточно плохо на Марсе, — поду-

мал Комин. Я слышал его крик, видел, как он умирает, и это было достаточно плохо. Никто не должен видеть подобное».

Донесся еще один голос:

— Я уже говорил вам о своих находках. Я проверил их, насколько это в человеческих возможностях. Нужно ждать появления совершенно новой науки, — возбуждение в голосе было сильнее страха, сильнее чего бы то ни было.

— Я знаю, Рот. Я знаю это.

Голоса, люди, напряжение, страх — все кружилось быстрее и быстрее, растворяясь в туманном полумраке вокруг единственного овала света. Комин поднял руки, не сознавая, что делает, и схватился за прохладное ограждение кровати. Все тепло и сила покинули его, внутри остался лишь ужас.

Существо, лежащее на кровати с ограждением, было Баллантайном. Это был Баллантайн, и он был мертв, совершенно мертв. Не было ничего, чтобы скрыть его мертвость: ни поднимающихся от дыхания ребер, ни бьющегося где-то под прозрачной кожей пульса, и следы вен были темные, а лицо...

Мертвый. И, однако, оно... шевелилось.

Слабые, неопишуемые судороги и потягивания тела, которое помнил Комин, когда Баллантайн был еще жив, увеличивались и брали верх теперь, когда он умер. Это было так, словно какая-то новая, ужасная форма жизни заняла пустую оболочку, когда Баллантайн покинул ее, безмозглая, слепая, бесчувственная жизнь, умевшая только шевелиться, двигаться и подергивать мускулами, что поднимала и опускала члены скелета, что заставляла пальцы сжиматься и разжиматься, а голову — медленно поворачиваться из стороны в сторону.

Это было движение беспричинное, беззвучное, не считая шуршания простыни. Движение, что клало свою богохульную длань даже на лицо, в котором не было больше ни единой мысли.

Комин услышал хриплый отдаленный звук. Это была его собственная неудачная попытка заговорить. Он отошел от кровати. Он не видел и не слышал ничего, пока не ударился обо что-то твердое, и удар вернул ему чувства. Он стоял, весь трясясь, с клокочущим в горле дыханием. Постепенно комната перестала расплываться

перед глазами, и к нему вернулась способность мыслить.

Питер Кохран сказал:

— Вы сами хотели прийти.

Комин не ответил. Как можно быстрее он поспешил отойти дальше от кровати и повернулся к ней спиной. Он еще слышал сухое, смутное, непрекращающееся шуршание.

Кохран обратился к врачу:

— Вот что я хочу знать наверняка. Сможет ли Баллантайн когда-нибудь... когда-нибудь снова ожить? Как Баллантайн, я имею в виду. Как человеческое существо.

Врач сделал решительный жест.

— Нет. Баллантайн мертв, умер от сердечной недостаточности в результате истощения. Он мертв по всем обычным физиологическим стандартам. Его мозг уже портится. Но его тело имеет в остатке некую странную новую физиологическую активность... я с трудом могу назвать ее жизнью.

— Что за активность? Мы не ученые, доктор.

Врач заколебался.

— Обычный процесс метаболизма в клетках тела Баллантайна прекратился, когда он умер. Но этот рецидивный процесс продолжается. Это что-то новенькое. Это поток низкого уровня энергии в клетках, не генерируемый обычным химическим метаболизмом, но медленным распадом определенных трансурановых элементов.

Комин резко поднял взгляд.

— Вы имеете в виду, — медленно сказал Кохран, — что он подвергся какому-то радиоактивному заражению?

Врач покачал головой, а Рот твердо сказал:

— Нет, это определенно не токсическая радиоактивность. Элементы, что абсорбировали клетки тела Баллантайна, выходят за рамки нашей химии, даже трансурановой химии, которой занимаются наши лаборатории. Они не испускают радиации, но освобождают энергию.

Они невольно взглянули на кровать, и Кохран мрачно сказал:

— Значит, его... движения — просто механические рефлексy?

Врач кивнул.

— Да. Цитоплазма сжимающихся клеток, таких как мускульные ткани, постоянно активна от притока энергии.

— Но он действительно мертв?

— Да. Он мертв.

Стенли нарушил наступившее за этим молчание:

— Что вы собираетесь делать с ним? Мы не можем показать его людям. Возникнет шумиха, исследования и это помчится на всех парах!

— Да, мы не можем показать его людям, — медленно подтвердил Кокран и через секунду сказал Стенли: — Позвоните на Землю службам новостей. Сообщите, что мы собираемся организовать Баллантайну похороны, которые он заслужил, и что вся Земля может увидеть их.

— Вся Земля? Пит, вы сошли с ума!

— Я? Может быть. Во всяком случае, у Баллантайны нет близких родственников, так что никто не сможет остановить нас. Велите им наблюдать через час за северо-западным краем Моря Дождей.

Тогда Комин понял. Он испустил длинный вздох. Кокран быстро взглянул на него, затем еще раз на кровать.

— Я знаю, что вы чувствуете, — сказал он. — Но, кроме всего прочего, он долго был в пути. Он заслужил отдых.

Затем они вышли, вернулись к свету, прохладному и свежему воздуху, запаху цветов, доносящихся из пышных садов. И в голове Комина все время звучал голос, шепчущий: «О, боже, почему это трансураниды...» И ему было плохо от мысли, которая не оставит его, пока он жив.

Сидна ждала. Кокран и Стенли были заняты своей идеей и едва ли заметили, что она взяла Комина под руку и увела на террасу над садами, где свирепо лился приглушенный фильтрами солнечный свет, выпаривающий смертельный холод из его тела. Она вложила ему в руку стакан и ждала, пока он заметит ее и заговорит.

— Не говори мне об этом, — наконец резко сказала она. — Не надо.

Через секунду она пододвинулась к нему и пробормотала:

— Не вздрагивай и не удивляйся. За нами могут

наблюдать из окон. Комин, ты хочешь улететь отсюда? Я еще могу помочь тебе?

Он опустил на нее взгляд.

— В чем дело?

— Вы были внизу довольно долго. Семейство начинает съезжаться. Комин...

— У тебя и так уже есть неприятности.

— Я хочу еще больше! Послушай, я впутала тебя в это. Я проболталась о Баллантайне и привезла тебя сюда. Я попытаюсь увести тебя, пока еще могу.

Его взгляд помрачнел.

— Боишься, что я попробую примазаться к доходам?

— Дурак! Ты не знаешь нас, Кохранов. Это крупное дело, и, значит, они пойдут на все. Так ты летишь?

Комин покачал головой.

— Я не могу.

Она посмотрела на него, прищурившись, а затем безжалостно сказала:

— Ты уверен, что хочешь найти своего друга Пауля Роджерса?

Комин был рад, что не пришлось отвечать на этот вопрос. Они увидели ровную, мурлыкающую, воздушно-непроницаемую платформу, выплывшую из особняка и направляющуюся к люку.

Они смотрели, как она покидает купол и спускается по выступам на огромную лунную равнину. Она прошла так далеко на равнину, что превратилась в точку. На секунду она остановилась и пошла назад.

Затем для них и для всех наблюдателей с Земли на Море Дождей расцвел ослепительный цветок атомного пламени — сверкающий, бурлящий и угасающий. Погребальный костер героя со всей планетой в качестве зрителей. Комин расцепил руки, и Сидна вложила что-то в одну из них.

Это был шокер, еще теплый от ее тела. Она сказала:

— Ладно, идем, встретишься с моей семьей.

5

Это была самая нелепая комната, которую он когда-либо видел, относительно маленькая и обставленная по моде трехвековой давности. В ней был длинный низкий диван, глыбы кресел и маленьких столиков. Одна стена

была стеклянным фильтром, но другие покрывали бумажные обои с цветочками. И здесь был камин с доской над ним — камин в суперсовременном замке на Луне!

В комнате находились шесть или семь человек, и когда Комин с Сидной вошли, они перестали разговаривать и уставились на него. Он почувствовал себя так, словно наткнулся на вражескую засаду. Стенли сидел в углу рядом с одной из круглолицых девушек, которые рано или поздно появляются в каждой семье. За ним у камина было низкое кресло в стиле Морриса. Фигура, сидевшая в нем, являлась фокусом всей комнаты.

— Вот этот человек, дедушка, — сказал Питер Кохран. Взрыв атомной энергии в Море Дождей, казалось, выжег в нем что-то. Он выглядел измученным, словно пытался преодолеть невозможное.

С древнего кресла в стиле Моррис послышался голос:

— Подойдите сюда.

Комин подошел и опустил взгляд на очень древнего старика, сидящего в кресле и глядящего на него напоминающими темные тлеющие угли глазами.

Он сказал:

— Вы Джон Кохран.

Лицо старика, изборожденное складками, ссохшееся, морщинистое, плотно обтягивало характерные выдающиеся скулы и носило отпечаток мудрости, приобретенной за долгую жизнь, но не святости. Только лицо позволяло узнать в этом древнем старике, завернутом в поношенный шерстяной халат и обсыпанном сигаретным пеплом, хитрого и безжалостного интригана прежних дней, заграбаставшего лучшее место для своей семьи в великой игре кораблей и планет.

На каменной доске над его головой среди прочих памятных безделушек — детская обувь, залитая для сохранения в бронзу, модели первых флагманских кораблей Кохранов, выцветшие фотографии прозаических домов и людей Среднего Запада — лицо Джона Кохрана поразительно повторяла отлично выполненная миниатюра вождя индейцев племени Сиу.

— Это Старик-Боявшийся-Своих-Лошадей, — с гордостью сказал Джон. — Я его прямой потомок по материнской линии. — Он продолжал ничуть не изменившимся тоном: — Я не люблю ничьего вмешательства,

особенно любителей. Они непредсказуемы. Вы доставили нам массу хлопот, Комин.

— Столь много, — тихо сказал Комин, — что вы решили убить меня.

Глаза Джона сощурились и стали очень яркими.

— Убийства для дураков, — сказал он. — Я никогда не предавался этому. О чем вы говорите?

Комин рассказал ему все.

Джон подался вперед, глядя мимо Комина.

— Кто из вас ответственен за это? Питер?

Питер отрезал:

— Конечно, нет. Я был в Ханнеу.

Он вышел. К этому моменту вошли еще два человека, два других брата Сидны: один очень похож на Питера, но без его железной твердости, другой светлее и более круглолицый, с веселым, не привыкшим отказывать себе ни в чем видом. Здесь был и седовласый человек со ртом, похожим на железную полосу, и видом больного хронической болезнью, и Комин понял, что это наставник двух сыновей Джона. Он мог угадать причину его угрюмого характера. Старый Джон живет слишком долго.

Здесь были также представители третьего поколения Кохранов, мужчины и женщины, включая девочку, сидящую со Стенли, переводящую взгляд с него на остальных со смутной тревогой и украдкой бросающую взгляды на Комина, словно он мог взорваться, как бомба. Это была кузина Сидны. Стенли, казалось, не чувствовал облегчения после похорон Баллантайна. Он сидел, уставившись себе под ноги, временами огрызаясь, когда жена что-то шептала ему.

За ним сидела среднего возраста женщина, похожая на Старика-Который-Боялся-Своих-Лошадей больше, чем Джон, не считая того, что у вождя Сиу было очень доброе лицо.

Она бросила нетерпеливый взгляд и резко сказала:

— Стен, почему мы тратим время на этого человека? Я прилетела сюда обсудить дела и не вижу причины...

— Конечно, не видишь, — колко сказал Джон. — Ты дура. И всегда была душой, Салли. Так что сиди и не раздражай меня.

Кто-то хихикнул. Дочь Джона вскочила.

— Отец ты мне или нет, я не желаю разговаривать в таком тоне! И не буду. Я...

Джон, игнорируя ее вопли, трясущимися руками закурил сигарету. Все остальные, казалось, забавлялись, кроме круглолицей, которая выглядела огорченной.

— Не обращай внимания, мама, — робко прошептала она.

Джон оглядел их обеих с большой скукой.

— Женщины, — сказал он.

Вернулся Питер Кохран.

— Ну, Комин, Хенней сказал, что вы оглушили его и заперли в туалете, это все, что он знает. Он не видел никого, кто бы следил за вами, и не видел никакого нападения.

Комин пожал плечами.

— Не видел. Он был без сознания. А другой парень — гораздо лучший сыщик, чем Хенней.

Стенли сказал:

— У нас есть только слова Комина, что было какое-то нападение.

— И еще, Комин, — сказал Питер Кохран, — вы не пытались сторговаться ни с кем, чтобы кто-то мог заставить вас замолчать? У вас могут быть какие-то личные враги...

— Конечно, — сказал Комин, — но этот не из них. Никто не ненавидит меня так сильно.

Стенли пожал плечами.

— Откуда вы знаете? Во всяком случае, я считаю, что это не настолько важно, разве что для вас.

— О, но это было, — тихо сказал старый Джон. — Ты тоже дурак, Стенли, иначе бы понял. Если он говорит правду, это значит, что кто-то не желает, чтобы он поговорил с Кохранами. Кто-то предпочел потерять известные Комину сведения, лишь бы они не были переданы нам. И это значит... — Он замолчал, проницательно глядя на Комина. — Вы смелы, но это дешевая добродетель. Смелость ничего не стоит без ума. У вас есть ум? Можете вы закончить мою причинную цепочку?

— С легкостью, — ответил Комин. — Вы намекаете на кого-то в вашем лагере, работающего на две стороны.

Ответом был гам голосов. Седоволосый сын Джона вскочил на ноги, повернулся к Комину и закричал:

— Это заявление разоблачает вас как лжеца! Ни один Кохран не продается!

Комин в ответ рассмеялся.

Взгляд Питера стал мрачным и свирепым.

— Боюсь, я согласен с дядей Джорджем. Комин подразумевает особое знание у предателя — он что-то знает, чего не знаем мы, и боится, что Комин может рассказать нам. Но нет никаких особых знаний. Я исследовал корабль Баллантайна, журнал, все. Со мной был Стенли, а дядя Джордж и Симон пришли почти сразу же.

— Верно, — подтвердил веселый молодой человек, брат Питера, который был теперь более веселым, чем должен быть в любом случае. — Мы все были вместе. И на борту не было никого, кроме нас. Ни у кого нет особых знаний. Никаких. Я ручаюсь за старого Пита. Кроме того, это глупо. Все Кохраны участвуют в этом деле. — Он окинул Комина медленным скользящим взглядом, и Комин заметил, что молодой Симон Кохран не только весел, но и умеет держать язык за зубами.

— Лично меня, — сказал Комин, — ничто это не интересует. Мне нужно только узнать, жив ли Пауль Роджерс, и если жив, вернуть его на Землю. — Он прямо взглянул на старого Джона. — Готовится второй Большой Прыжок. Я хочу участвовать в нем.

Все было сказано. Странно, подумал он, как крепко держится в голове сумасшедшая идея. Вы уговариваете себя, что это безумие, что вы и не думаете делать так, и внезапно говорите: «Я хочу участвовать в этом» и понимаете, что все время планировали это сделать.

Питер Кохран сердито сказал:

— Вы? Вы что, Комин, — Белый Рыцарь? Если Роджерс или любой из троих жив, мы доставим их на Землю.

Комин покачал головой.

— Не надо. Кохранам всегда нравилось чистое поле, а это слишком легко очистить. Грубо говоря, я не доверяю вам.

Снова поднялся гул голосов, и все перекрыл пронзительный негодующий крик Салли Кохран. Старый Джон поднял руку.

— Тихо, — сказал он. — Все тихо! Он взглянул в лицо Комину очень яркими, очень твердыми и очень

безжалостными глазами. — Вы оплатите ваше желание, Комин. Плата высока.

— Да.

В комнате стало совершенно тихо. Отчетливо слышалось шелканье браслетов, когда Салли Кохран подалась вперед. И все подались вперед, уставившись на Комина и старика, ловя каждое их слово.

Джон сказал:

— Баллантайн заговорил перед смертью?

— Заговорил.

— Но что он сказал, Комин? Что? Трансурановых недостаточно. — Джон выпрямился в кресле. — И не пытайтесь шантажировать меня, Комин. Не угрожайте мне Торговым Союзом или кем бы то ни было. Вы на Луне в стеклянном пузыре и никуда не убежите. Вы понимаете это? Вы здесь пробудете столько, сколько мне нужно, и ни с кем не сумеете переговорить. Это место уже служило для подобных вещей прежде. Теперь продолжайте.

В комнате стояла тишина — тишина затаенного дыхания, покрасневших, внимательных лиц. Ладони Комина вспотели. Он шел по тонкой проволоке, и было достаточно одного неверного шага.

— Да, — медленно сказал он, — трансурановых недостаточно. Об этом вы узнали из клеток тела Баллантайна. Но есть кое-что еще.

Молчание. Он в кольце взглядов, пылающих и голодных, нетерпеливых и жестоких.

— Пауль Роджерс был жив, когда Баллантайн расстался с ним. Думаю, остальные могут быть живы тоже. Он умолял Пауля не покидать его, говорил, что не может вернуться один.

Старик облизнул тонкие губы.

— Значит, он делал попытку. Мы поняли, что он сажился, когда обнаружили в его теле трансурановые элементы. Дальше, дальше!

— Звук дрели, которой сверлили дверь, я думаю, привел Баллантайна в сознание. Этот звук заставил его вспомнить другое. Он заговорил о выходе... там, должно быть, ад. И затем...

Комин содрогнулся, вспомнив голос Баллантайна, его лицо и взгляд.

— Кто-то или что-то звало Пауля, и Баллантайн умолял его не слушать.

Джон хрипло спросил:

— Кто? Что?

— Что-то, что он назвал трансуранидами. Он боялся их. Я думаю, остальные ушли к ним, и Пауль, уходя тоже. Баллантайн боялся их. Он закричал.

— И это было все, — сказал Джон. Глаза его подернулись странной пленкой, как полупрозрачной оконной занавеской. — Он кричал, пока не умер.

Голос Комина был совершенно естественным, когда он сказал:

— О, нет. Это еще не все.

Молчание. Он ждал. Джон ждал. Комину казалось, что его сердце стучит громко, как литавры. Он был уверен, что все наостренные уши Кохранов слышат этот звук и знают, что он лжет. Внезапно он возненавидел их личной ненавистью. Они были слишком большие, слишком сильные, слишком самоуверенные. Они хотели слишком многого. Даже если бы в этот момент они узнали, что Пауль Роджерс и все остальные мертвы и им ничем нельзя помочь, он продолжал бы войну с Кохранами, только чтобы нарушить их планы. Они слишком уж хорошо использовали других людей.

И он был уверен, что один из них пытался убить его.

Джон ждал.

Комин усмехнулся.

— Остальное я расскажу, — заявил он, — когда буду у звезды Барнарда.

Стенли взорвался.

— Блеф! Наглый глупый блеф. Велите ему убраться ко всем чертям.

Дядя Джордж что-то сердито заговорил, и Питер тоже попытался вставить слово, но старик успокоил их одним жестом.

— Минутку. — Его глаза остановились на лице Комина. — Минутку, это надо обдумать. Если он не блефует, то может быть очень ценен. Если он сказал правду, то, может быть, лучше взять его в экспедицию.

Все задумались. Казалось, это всем понравилось. Всем, кроме Стенли.

Комин взглянул на Джона и тихо сказал:

— Вы исповедуете древнее «или-или»?

Джон хихикнул.

— Хотите вы или нет полететь к звезде Барнарда?

Комин процедил сквозь зубы:

— Да, я покупаю полет.

— Тогда, — сказал Джон, — вы сейчас не вернетесь на Землю. — Он оглядел всех присутствующих. — Это касается всех вас, кроме Джорджа. Все вы останетесь здесь, на Луне, пока не улетит второй корабль.

Стенли запротестовал.

— Но как же суды? Союз и «Межпланетное» уже распускают антимонопольные на счет своих прав на двигатель. Если они заставят нас присоединиться...

— Не заставят, — сказал Джон. — Джордж и наши законники смогут удержать их. Питер, можешь начинать. Ты будешь отвечать за все. — Старик устало прикрыл глаза. — Теперь все могут быть свободны. Я устал.

Комин вышел с остальными в большой холл. Их отпустили, подумал он, как школьников.

Но остальные не уделяли ему внимания. Они разговаривали повышенными голосами. Стенли все еще возражал, тетя Салли пронзительно жаловалась, пока властный голос Питера Кохрана не оборвал шум.

— Нам лучше бы заняться делом. Поскольку работы будут вестись здесь, нам нужен полный парк обслуживающих машин и технический персонал. Нильсон и Филдер могут справиться с этим. Вызовите их сюда, Билл.

— Но установить двигатель Баллантайна на новом корабле невозможно здесь... — начал Стенли.

Питер оборвал его.

— Это будет сделано. На одном из наших новых кораблей класса «Паллас». Здесь будут установлены шлюзы. Идемте, нужно браться за дело.

Комин повернулся и пошел от шумной спорящей группы. Он не обернулся, услышав, что Сидна зовет его. Сейчас с него было довольно Кохранов. Смешавшись с Кохранами, он попал в нечто слишком большое для него. И теперь погряз в этом деле по уши.

Коридор был высокий и пустой, и пока он шел, слышалось эхо его шагов. Он мог идти куда хотел — через комнаты и залы, через террасы, окружающие пышно цветущие сады — но все же оставался под стеклянным колпаком на Луне. И смерть была за его плечами. Кто бы там ни был, он будет пытаться снова, он удвоит и

утроит усилия, и Арч Комин с его длинным языком не доживет до того, чтобы увидеть звезду Барнарда.

А если доживет, чтобы добраться туда, его спросят: «Где планета Баллантайна?» Что он ответит?

Этого он не знал.

6

Комин достиг пределов терпения к тому времени, когда ложь наконец взорвала все.

Он был в саду с Сидной, под цветущим деревом, загораживающим их от зеленого света Земли, когда их прервал сдержанный кашель слуги.

— Мистер Питер хочет увидеть вас немедленно, мисс.

— Он злой? — спросила Сидна.

— Боюсь, что да, мисс. Пришло сообщение с яхты...

— Тогда я думаю, — сказала она. И, когда слуга ушел, добавила: — ну, пусть он посходит с ума. Все эти недели здесь было слишком скучно.

— Хорошенький мне комплимент, — заметил Комин.

— О, Комин, я не имела в виду нас. Это было чудесно.

— Да, — сказал он, — и особенно чудесно, когда ты допустила, чтобы нас увидел Стенли. Я очень рад, что ты использовала меня, чтобы вставить ему шпильку.

Он подумал, что она ударит его, но вместо этого она через секунду рассмеялась.

— Он сходит по тебе с ума, не так ли? — требовательно спросил он.

— Он вошь.

— Потому, что сходит с ума по тебе?

— Потому что говорит так. По крайней мере, однажды сказал — только один раз. Кузина Клавдия донесла, но она моя кузина и думает, что он чудесный. — Она привела в порядок свое белое платье. — Смотри, увалень, ты сломал мне молнию. Во всяком случае, он один из тех важных ослов, от которых я умираю от скуки. Тогда я позволила ему несколько раз заловить нас. — Внезапно она заговорила злобным шепотом: — Во всяком случае, Комин, между нами это только сегодня. И, может быть, завтра. Когда корабль улетит вместе с тобой... Ну, мы идем к Питеру?

— Что ты сделала на этот раз?

— Увидишь. Я же говорила тебе, что здесь было слишком скучно.

Следуя за ней и задумчиво усмехаясь, Комин подумал, что это ложное заявление. Все эти недели здесь ему не было скучно. Но это было утомительно — ужасно утомительно.

Самым дьявольским было то, что он не принимал участия ни в какой лихорадочной деятельности, ведущейся здесь. Вся работа велась в том сегменте купола, который был совершенно скрыт от большого дома линиями деревьев, ограничивающих сады.

Там были громадные шлюзы, куда фрахтовщики привозили топливо для ненасытных насосов и горнов; химические элементы для очистки воздуха, воду для огромных каменных цистерн, рефрижераторы для охлаждения систем и резервуары с кислородом, а также пищу и напитки. Здесь же были мастерские, внезапно и быстро расширенные, так что теперь в них работала целая маленькая армия опытных техников.

Сюда доставили двигатель Баллантайна и новый корабль, на котором его должны были установить. Корабль был больше, крепче и лучше, чем у Баллантайна — не пионерский, исследовательский корабль, но доведенный в развитии до уровня исследовательского. Внутренности его были вынуты и теперь устанавливались вновь, по другой схеме. Мастерские звенели оглушительным громом. Люди работали до последнего предела сил, а затем заменялись другой сменой. Никто не жаловался. Плата была астрономически велика. Люди были здесь пленниками до смены, но никто не роптал на это.

Но они, и Питер Кохран, и Симон, и Стенли, участвовали в чем-то практическом. Даже дядя Джордж, вернувшийся на Землю, чтобы с помощью высокооплачиваемых юридических талантов предотвратить антимонопольную тяжбу, что-то делал. Только он, Комин, был исключен из работы.

Вооруженная охрана, поставленная за садами, имела свои приказы. Много людей было без дела, и Комин являлся одним из них. Он мог стоять и глядеть на далекие серебрящиеся борта корабля, на краны и вспышки атомной сварки, мог слушать грохот, крики и лязг металла — но только и всего.

— Послушайте, — сказал он Питеру Кохрану, — я специалист и, черт побери, неплохой. И кроме того, я полёчу на этом корабле.

— Да, сказал Питер, — и вы попадете в него перед самым стартом. Но не раньше. Вы уже доказали свои способности создавать затруднения, Комин.

— Но я могу что-нибудь делать снаружи корабля. Я...

— Нет, Комин. Вы останетесь здесь, и точка. Это приказ дедушки.

И Комин остался без дела, яростно проклиная старика, который не уходил из своей нелепой комнаты, замышляя украсть звезду, прежде чем умрет.

И он наблюдал, как корабль взлетел для первой проверки, молча скользнув в черное лунное небо. Он почувствовал холодный спазм в животе, когда понял, что скоро будет внутри этого корабля, в крошечной капсуле, содержащей воздух и жизнь в черной бесконечности между звездами.

Он стоял, ждал, глядел и покрывался потом, пока корабль не скользнул обратно и из него не вышел Питер Кохран. Его мокрое лицо выражало нетерпение и что-то еще. Стенли нервно шел за ним.

— ...все автоматическое управление двигателем висит на соплях. Передачи не принимают нагрузку. Разобрать и передать их...

Это было все, что услышал Комин. И он должен сидеть и ждать, и играть с Сидной в различные игры, и запастись терпением, хотя нервы его готовы были вот-вот порваться.

Только оказалось, что Сидна не выдержала первой. И он шел за ней к дому и был уверен, что она из упрямства ведет их к грозе.

Питер ждал ее на террасе. Лицо его было чернее тени. Стенли и Клавдия тоже были здесь, как и парочка других кузенов, глядевших с явным ожиданием.

Питер ровно сказал:

— Яхта должна приземлиться через двадцать пять минут... Капитан Мур радировал, чтобы не было препятствий, потому что он спешит. И, кажется, Сидна на борту твои странные дружки.

Она весело сказала:

— О, я и забыла сообщить тебе. Я думала, что могу повеселиться с гостями в этом скучном доме.

Питер продолжал:

— Ты же знаешь, что мы пытаемся здесь сделать! Ты знаешь, сколько людей хотели бы узнать, что мы здесь делаем. И, несмотря на это, ты...

— Не будь дураком, Пит! Среди моих друзей нет шпионов — они не настолько умны. И, кроме того, их это не волнует.

— Конечно, ты оправдываешься, — сказал он. — Послушай, ты понимаешь, что будет, если выплывет хоть слово, что у нас уже почти готов к полету второй звездный корабль? Через час нам прищемят нос! Нас спасает только одно — что никто и не подозревает, как быстро мы продвигаемся. Черт побери, Сидна...

— Перестань надоедать мне и успокойся. Твоя охрана торчит у шлюза. Но никто туда и не пойдет, пока в доме есть выпивка.

— Вечеринка, это прекрасно, — робко сказала Клавдия, робко взглянула на Стенли и замолчала.

Стенли сказал:

— Прикажите яхте вернуться на Землю. — Он здорово осунулся с тех пор, как Комин узнал его. Потерял здоровый цвет лица, и в нем чувствовалось напряжение, почти такое же, как в Питере. Он тоже собирался участвовать во втором Большом Прыжке. Он настаивал на этом, и Салли Кохран поддерживала его для того, чтобы хоть кто-то поглядел на нее и Клавдию с интересом. Но ему, казалось, не доставляла удовольствия такая перспектива.

— Ее нельзя возвращать, — сказала Сидна. — Люди поймут, что здесь что-то происходит, если вы сейчас отправите их назад.

Они потерпели поражение и поняли это. Питер сказал:

— Ладно, Сидна. Но если хоть что-нибудь будет не так, я сверну тебе шею.

Но все было так, по крайней мере, сначала. Яхта села, и Комин издалека увидел толпу молодых болванов, высыпавших из нее и направившихся к дому, к Сидне и выпивке. И, казалось, почти сразу же залитые светом Земли сады и террасы наполнились смехом, танцевальной музыкой и людьми в белых костюмах, разносящими подносы со спиртным.

Комин сидел на террасе и прислушивался к веселью. У него не было ничего, совсем ничего. Он не был

трезв, но и не старался продолжать. И знал, почему. Потому что он больше не относился к нормальному человечеству, потому что на него надвигалась тень Большого Прыжка, потому что скоро он улетит от всего этого, он и еще пятеро, к чему-то, что может лишить даже приличной смерти...

Он в тысячный раз подумал, что имел в виду Баллантайн под трансуранидами. Можно ли угадать, что это такое, когда совершенно неизвестно, что произошло? Они говорили о трансуранидах, но никто не мог сказать ничего путного. Трансураниды — кем бы или чем бы они ни были — были тем, что сделало что-то с Баллантайном?

Комин содрогнулся и налил себе еще отличного виски Кохранов, чтобы прогнать образ Баллантайна, мертвого и все же ворочающегося на кровати с ограждением. Внезапно перед ним появилась хорошенькая девушка с густой копной черных волос и спросила:

— Кто вы?

Она была свежа, как бутон. Рядом с нею Комин почувствовал себя стариком, и между ними была непреодолимая пропасть, потому что он знал, что собирался сделать, а она не знала и даже не подозревала об этом. Но она была мила.

— Не знаю, — ответил он. — Я здесь чужой. А вы?

— Ни за что не угадаете.

— Тогда не буду и пытаться.

— Я — Бриджит, — сказала она и скорчила гримасу. — Ужасное имя, верно? — Она вдруг оживилась, глядя поверх головы Комина. — О, Симон! — позвала она и помахала.

Симон подошел, обнял ее, и она прижалась к нему, улыбаясь, но все еще проявляя интерес к Комину.

— Симон, он не весел. Почему вы грустите?

— Ему кажется, что кто-то пытается убить его. Были еще попытки, Комин?

— Я ни к кому не поворачивался спиной, — сказал Комин.

— Вы шутите, — проговорила Бриджит. — Его никто не будет убивать, он милый.

— Ну, — сказал Симон, — я не думал, что можно назвать его так, но может, ты и права. Идем, Бриджит. Пока, Комин, и не пейте отравленные напитки.

Комин смотрел, как они уходят. Его отсутствие ре-

акции на Кохранов достигло гигантской величины. Он подумал, как было бы приятно улететь с ними со всеми, собрать их всех на корабль и увезти к звезде Барнарда.

Он увидел, как на террасу вышел Питер Кохран и, нахмурясь, глядел на веселящихся. Он был каменно-холодный, трезвомыслящий. Стенли присоединился к нему. Пару минут они разговаривали, затем Питер спустился в сад и исчез в темноте. Пошел проверить свой кордон, подумал Комин. Сидна должна получить за это хорошую трепку. Но это было точно такой же хитростью Сидны, как и то, что она завлекла его сюда, и он должен быть благодарным... но должен ли?

Где, во всяком случае, Сидна?

Стенли спустился по ступенькам и вошел в сад следом за Питером. Комин поднялся. Ему надоело сидеть и размышлять. Он поискал взглядом белокурую головку Сидны, заметил и направился к ней. Терраса слегка качалась под его ногами, и, казалось, на ней было двести человек вместо двадцати. Сидна была с долговязым молокососом, которого звали Джонни и с которым Комин уже встречался. Вокруг них было еще несколько человек. Кто-то сказал что-то смешное, и все смеялись.

Комин подошел к Сидне и сказал:

— Привет.

Сидна взглянула на него. Глаза ее были очень яркими и очень веселыми.

— Привет, Комин.

По другую ее руку стоял Джонни.

Комин сказал:

— Рассказать, как принимал гостей пожарник?

Она покачала головой.

— Ты выглядишь мрачным. Терпеть не могу мрачных. — Она отвернулась.

Комин положил руку ей на плечо.

— Сидна...

— Уйди, Комин. Я веселюсь. Оставь меня.

Джонни шагнул между ними. Он чувствовал себя превосходно. Он чувствовал себя вдвое сильнее и больше. Он повернулся к Комину и сказал:

— Вы слышали. Уходите.

Настроение Комина, и так не из лучших, испортилось окончательно.

— Послушай, Сидна. Я хочу сказать тебе...

Кулак Джонни врезался ему в скулу достаточно сильно, чтобы в голове загудело.

— Теперь ты уберешься? — спросил Джонни. Дыхание его было тяжелым и прерывистым, он был готов продолжать. Сидна вскочила на ноги, сбросив бокал с низкого столика.

— Черт побери вас обоих! — крикнула она и пошла, увлекая за собой остальных. Комин сердито глядел ей вслед, думая, что в один прекрасный день он выбьет из нее высокомерие, если она сохранит свое здоровье.

Джонни сказал:

— Мне кажется, нам лучше пойти в сад.

Комин взглянул на него.

— О, нет!

Джонни побледнел, остались лишь два красных пятна на скулах. Он разъярился до высочайшей степени и не хотел, чтобы ярость ушла.

— Вы хотите отбить у меня Сидну, — сказал он.

Комин расхохотался.

Красные пятна на лице Джонни расширялись, пока не коснулись корней волос на шее над воротничком.

— Вы пойдете в сад, — сказал он, — или я начну прямо здесь.

Это было уже слишком. Комин вздохнул.

— Ладно, мальчик, идем. Может быть, я сумею привести тебя в чувство.

Они плечом к плечу спустились по ступенькам. Здесь стоял шелест и воркование, словно от голубей в темной бахrome кустарника, и Комин пошел впереди. Джонни походил на сердитого молодого бычка во время гона.

Лампы террасы остались позади, висели лишь очень яркие звезды, горящие на черном бархате. Где-то бормотали голоса.

Джонни сказал:

— Теперь достаточно.

— Хорошо. — Комин остановился. — Подожди минутку, мальчик, и выслушай меня.

Он уклонился, кулак Джонни пролетел у его виска. И парень остался открытым перед ним. Комин пару раз нетерпеливо ударил его открытой ладонью, но парень был вне себя. Он был достаточно крепок, и некоторые

из его ударов могли причинить вред. Терпение Комина кончалось.

— Успокойся, — сказал он, — или я вмажу тебе, плевать, что ты еще ребенок.

Он оттолкнул юношу. Джонни что-то пробормотал о том, что Комин боится драться, и внезапно ринулся на него. Комин шагнул в сторону.

Из тени высокого цветущего кустарника вдруг вырвался узкий луч света. Он с треском и вспышкой ударил в то место, где только что был Комин. Но Комин отступил, и теперь там оказался Джонни. Парень беззвучно рухнул на землю.

Комин стоял, ошеломленно переводя взгляд с мертвого мальчика на темную массу кустов. Затем ринулся быстрее, чем когда-либо прежде. Второй выстрел из шокера, установленного на смертельное поражение, ударил в землю позади него, толкнул его в спину, полуоглушив, но только и всего. Комин, не останавливаясь, ворвался в группу дерсвьев и бросился на землю. Он выхватил свое оружие, передвинул кнопку на полный заряд и выстрелил в кусты, но немного выше, чем нужно. Он хотел выкурить оттуда убийцу живым.

Со стороны дома донеслись какие-то звуки. Они напоминали легкомысленную игру. Затем закричала женщина, и крик подхватили мужчины. Комин еще дважды выстрелил в кусты, меняя позицию после каждого выстрела. Убийца не отвечал, затем Комин услышал, как кто-то бежит за кустами. Он бросился туда.

Люди уже вбегали в сад. Убийца не сможет направиться туда. Он должен попытаться проскочить к пассажирскому шлюзу, но на его пути будет Комин, и Комин вооружен. Может, убийца не рассчитывал на это. Слева был открыт путь к грузовым люкам. Комин побежал, снижая заряд на своем шоkere. Если он сумеет приблизиться, то должен доставить его живым и способным говорить.

Комин увидел его, быстро перебегающего открытую поляну. Крикнул ему остановиться, но единственным ответом был выстрел, ударивший в дерево слишком близко от него. В саду вокруг слышались крики и треск, появились приближающиеся огни. Охрана двигалась от грузовых шлюзов. Убийца бежал, но деваться ему было уже некуда. Затем со всех сторон вокруг него появи-

лись люди в ярком свете огней, сверкнули голубые лучи... и все было кончено.

Комин поднялся. Вокруг кишели люди. Охрана велела рабочим возвращаться в шлюз, кругом возбужденно переговаривались. Питер Кохран и Стенли были здесь, оба с шокерами в руках, глядя на неподвижное тело. Комин тоже поглядел на него.

— Вы знали его? — спросил он.

Питер кивнул, а Стенли сказал:

— Его зовут Башбурн. Он был служащим Кохранов — два-три года назад. Его уволили. Он был нежелательным элементом, возмутителем спокойствия. — Стенли покачал головой. — Как он очутился здесь? Что он здесь делал?

Комин сказал:

— Пытался убить меня. Он уже пробовал это один раз, на Земле.

Питер пристально посмотрел на него.

— Вы в этом уверены?

Комин кивнул.

Сюда уже сходились гуляющие. Сидна, Симон, гости выглядели возбужденными, испуганными, любопытствующими согласно своим характерам.

— Уберите его отсюда, — яростно сказал Питер. — Унесите.

Комин сказал:

— Теперь это неважно. Вы можете позволить им увидеть корабль. Это неважно.

Питер уставился на него. Симон встал между ними, глядя на землю.

— Эй, — сказал он, — он сошел с яхты. Я видел его.

Глаза Питера сверкнули.

— И ты его не задержал? Ты позволил такому типу пройти сюда и даже не сказал мне?

Симон сердито ответил:

— Ты шутишь? У него был пропуск от тебя.

Ни слова не говоря, Комин повернулся, схватил Питера за горло и повалил на землю.

Чьи-то руки схватили его. Послышались возмущенные голоса. Наконец кто-то ударил его по затылку рукояткой шокера. Он разжал руки, и его оттащили от Питера. Питер с трудом поднялся. Стенли стоял на ко-

леньях возле трупа, обыскивая его карманы. Он вытащил клочок бумаги.

— Вот он, Питер. На нем твоя подпись.

Питер покачал головой, взял бумажку и изучил ее.

— Подделка, — сказал он. — Когда-то он работал на нас. Он мог легко достать образец подписи. Скорее всего, на своем контракте, я подписал массу таких. И я никогда не давал ему пропуска.

Комин сказал:

— Надеюсь, вы сможете доказать это. — Его все еще держали за руки, в голове гудело. Питер Кохран подошел к нему.

— Зачем? Что вы имели в виду, говоря: «Разрешите им увидеть корабль. Теперь это неважно»?

Комин медленно произнес:

— Твой приятель слишком поспешил. Он подумал, что снимет меня с первого выстрела, но промахнулся. Под выстрел попал Джонни.

Наступила тишина. Она окружила Комина, ошеломленная и тяжелая, и прозвучавший в ней голос Сидны был хриплым и очень громким.

— Ты хочешь сказать, что Джонни мертв?

— Убит. Вы сможете спрятать Башбурна и меня, но не сможете спрятать Джонни. И я рад. Он глупый мальчишка, но это была не его драка. Ему не было причин умирать в ней.

Он поглядел на них, на Питера и Симона, на Стенли и Сидну с потрясенным бледным лицом — в особенности на Сидну.

— Ну, вот вам ваша вечеринка, — с горечью сказал он. — И она уничтожила ваши владения на Луне. Скоро сюда придут полицейские с Земли, и вы не сможете удержать их. Они захотят узнать все о том, как был убит Джонни и почему, что вы делали с убийцей, и нигде не останется от них секретов. Поэтому я и сказал, что теперь вы можете сообщить им о корабле.

Снова наступила долгая холодная тишина. Труп лежал на боку, как перевернул его Стенли. Одна рука безвольно упала на лицо. Губы его, казалось, улыбались, словно он спал. Стенли выглядел серым, глаза Симона еле двигались, не глядя ни на кого. Позади людей высились грузовые шлюзы, и оттуда доносились лязг и гул, не остановленные даже смертью.

Заговорил Питер Кохран.

— Я сам извещу земные власти. Тем не менее никто не покинет купол и не свяжется ни с кем, пока не закончится расследование и полиция не позволит вам улететь.

Послышались громкие протестующие крики. Питер прервал их.

— Извините, но это необходимо. Будьте нашими гостями, и я уверен, что Сидна сделает ваше пребывание здесь как можно более приятным.

Они начали медленно расходиться, возвращаясь к дому. Несколько человек отправились искать Джонни. Питер снова повернулся к Комину.

— Я не пытался убить вас. Как сказал Джон, убийство — для дураков. И если бы я хотел убить вас, я сделал бы это сам, и это было бы неплохой работой. Ладно, ребята, отпустите его.

Когда Питер Кохран пошел, тяжело шагая, Симон с беспокойством поглядел ему вслед.

— Ты знаешь, что он делает? — сказал он Стенли.

Стенли все еще глядел на труп, словно тот производил на него странное впечатление очарования. Он то и дело проводил языком по губам, словно они пересохли, руки его дрожали.

— Не знаю, — рассеянно ответил он. — У меня не было времени думать.

— Он задержит уведомление Земли о случившемся как можно дольше. Он подготовит проклятый корабль к старту и улетит без дальнейших проверок. К тому времени, как сюда придут копы, мы уже покинем нашу систему — если двигатель заработает.

Голос его задержался на коротком слове «если». Комин услышал его и содрогнулся, подумав, где они будут, если двигатель не сработает.

7

Его звали Арчи Комин, и когда-то у него был дом на Земле, когда-то у него была девушка с крепкими загорелыми плечами. А что он делает здесь, в бездне между звездами?

По главной кабине от стола, где остальные играли в карты, пронесся голос:

— Дай мне три.

Комин подумал, что это смешно. В самом деле,

очень смешно, что люди, совершающие второй Большой Прыжок в истории, люди, летящие быстрее и дальше, чем кто-либо, не считая пятерых до них, отделенные лишь металлическими стенками от ужаса бесконечности, сидят и играют маленькими пластиковыми картами и притворяются, что они не там, где есть на самом деле.

Теперь он знал, что чувствовал Баллантайн. Это не полет между планетами, к которым люди давно призывали. Это полет в безумие. Иллюминаторы плотно загорожены, потому что за ними нет ничего, кроме ужасной пустоты, оттененной сверхъестественными вспышками энергии, что была их собственной массой, пропускаемой через нейтронные конверторы в мощном поле и толкающей их через пространство, которое было ненормальным, а может быть, даже и не существующим в их собственной Вселенной. Теоретически астронавигаторы знали, где находятся. Практически этого не знал никто.

И самое отвратительное то, что не было ощущения движения. Внутренность корабля была стиснута в неподвижности, подобно мертвому и неподвижному центру урагана. Они с таким же успехом могли находиться на Земле, в комнате с закрытыми ставнями, никуда не летя. И еще звезды — звезды, которые Баллантайн изучил до ненависти — казались на экране линиями, искаженными, призрачными и бесконечно чужими, пока несущийся корабль догонял и пересекал их световые лучи.

Только один экран, настроенный на сложное затухающее электронное поле, показывал пространство впереди в относительно истинной перспективе. Центром пересечения линий и центром в автоматических конденсаторах был тусклый красный глаз звезды Барнарда. Сначала люди частенько задумчиво глядели на экран, потом смотрели на него все меньше и меньше и наконец стали избегать его.

Комин не мог его избежать. Он снова и снова шел пялить на него глаза. Он не мог перестать думать о нем. Он спросил Питера Кохрана:

— Почему именно звезда Барнарда? Что заставило Баллантайна выбрать ее вместо Центавра?

— Он знал, что у звезды Барнарда есть планеты, — ответил Питер. Он выглядел усталым, дошедшим до по-

следней точки, полным лихорадочного торжества, не позволявшего ему отдыхать. — У нее низкая яркость, и астронавты несколько лет назад смогли визуально отделить ее планеты с помощью телескопа Кейбла. Насчет Альфы и Проксимы Центавра они еще не совсем уверены, вот и была выбрана звезда Барнарда. Конечно, это только начало. Теория Вейсакера теперь вполне доказана, и она утверждает, что большинство звезд имеет планеты, так что, как видите, это только начало...

Он внезапно прервал себя, так как понял, что говорит слишком быстро, слишком горячо. Молодой врач, что присматривал за Баллантайном и теперь полетел, чтобы присматривать за ними, потому что он был единственным специалистом, по трансурановой медицине, сказал:

— Лучше примите снотворное и немного отдохните, мистер Кохран.

Питер сказал:

— Нет, я хочу снова вернуться к вахтенным журналам.

— Для вахтенных журналов есть много времени.

— Во всяком случае, в них нет ничего нового, — сказал Симон. Его пристальный взгляд, холодный и сверкающий, был устремлен на Комина. — Ваш приятель единственный, кто знает, куда мы летим, не так ли?

— Это вы узнаете, — сказал Комин, — когда мы прибудем туда.

Кренч, врач, и Рот, исследовавшие Баллантайна, и еще один человек из лаборатории Кохранов, сосредоточились на картах, чтобы не влезать в ссору Кохранов.

Комин резко сказал Питеру, Симону и Стенли:

— И прежде чем вы узнаете это, я собираюсь узнать, кто нанял Башбурна, чтобы достать меня.

— Кто из нас?

— Да. Это был один из вас троих. Один из вас имеет недостающие журналы Баллантайна. У вас у всех был удобный случай.

Взгляд Комина был очень ярким, очень твердым. Он, как и остальные, страдал от долгого напряжения. Дела пошли плохо, прежде чем они покинули Луну: накрытый простыней труп Джонни лежал в одной из больших комнат. Гости Сидны истерически требовали узнать, почему не прилетает полиция, почему их дер-

жат тут пленниками. И сама Сидна с каменным лицом, не разговаривающая ни с кем. Старый Джон беседовал с ней. Комин не знал, что он сказал, но в Сидне не осталось души.

Старт не задержался. Прошло не более двух дней по земному времени. Питер сделал в точности то, что предсказал Симон. Активность у грузовых шлюзов безумно возросла, рабочие падали с ног от усталости. И когда, невероятно быстро, корабль был готов, Питер связался с властями, и не было времени даже попрощаться.

— Один из вас, — сказал Комин, — нанял убийцу, который застрелил не того. Пока я не знаю, кто именно из вас, но буду знать.

Питер свирепо сказал:

— Вы по-прежнему думаете, что я дал Башбурну пропуск?

— Но пропуск у него был.

Симон подошел и встал перед Коминым.

— Вы не понравились мне с первого взгляда, — сказал он. — И с течением времени вы нравитесь мне все меньше и меньше. Вы слишком много болтаете. Может быть, и неплохо, если кто-нибудь убьет вас.

— Да, — сказал Комин. — А вы видели, как Башбурн выходил из яхты. Вы могли бы остановить его и проверить поддельный пропуск, но не сделали этого.

Стенли поймал Симона за руку и сказал:

— Минутку. Мы не должны сейчас ссориться. Мы...

Доктор Кренч нервно откашлялся.

— Послушайте, мы все сейчас в психологическом напряжении, которое может нас сломать, если мы не будем осторожны. Отдохните. Примите снотворное, успокойтесь. Особенно вы, мистер Кохран.

— Вы говорите так, — сухо сказал Питер, — словно сами пользуетесь снотворным. — Он взглянул на Симона. — Однако, мне кажется, вы правы. Иди, Симон.

— Тебе лучше тоже уйти. Но я больше не буду спорить. Я уйду и постараюсь уснуть.

Питер вышел из каюты. Симон тоже. Стенли уселся в кресло и тупо уставился в стену. Картежники разговаривали тихими монотонными голосами, словно их мысли были сосредоточены вовсе не на игре.

Комин закурил сигарету и принялся безостановочно ходить взад-вперед в ограниченном пространстве. Туск-

ло горели лампы. Они были достаточно яркими, но в самом свете было что-то неестественное, словно он как-то изменил спектр. Тело Комина дрожало в самой глубине клеток, словно его мучила болезнь. Это мучило всех. Рот сказал, что это какой-то неясный эффект статичности и окружающего энергетического поля. Статическое электричество в ненормальных условиях. Один из рисков межзвездного перелета. Это могло быть риском. Маленькие факты могли перерасти в большие. Такие мелочи, как недомогание или звук, не затихающий в его ушах.

Комин подумал: Баллантайн тоже слышал его. Весь путь до звезды Барнарда и обратно он слышал его, не мог не слышать. А затем они включили эту проклятую электродрель, и это был он — подвывающий, сводящий с ума, нестерпимый звук, звук дрели...

Комин коротко выругался и сказал:

— Было бы не так плохо, если бы мы двигались.

Рот хмыкнул и хмуро уставился на карты, которые держал в руках.

— Вы движитесь, — сказал он. — Вы покрыли шесть световых лет во много раз быстрее самого света. — Он бросил карты. — Вшивая пара десятков. Я пас. Да, Комин, вы движетесь.

— Но откуда нам это знать? Мы не чувствуем движения, не видим его, даже не слышим.

— Мы принимаем его на веру, — сказал Рот. — Приборы уверяют нас, что мы с огромной скоростью приближаемся к звезде Барнарда. Или она приближается к нам. Кто знает? Движение всегда относительно. Во всяком случае, относительно известной нам Вселенной мы летим со скоростью, гораздо большей возможной — теоретически. Относительно какой-то другой Вселенной или состояния материи мы можем и неподвижно стоять на месте.

— Когда вы, ученые, говорите такое, у меня начинает болеть голова, — сказал Комин. — Все это звучит бессмыслицей.

— Вовсе нет. Теория Грума, на основании которой Баллантайн построил свой двигатель, гласит, что так называемый световой барьер реален и что материя, достигшая сверхсветовой скорости, переходит в другой план атомной вибрации или состояния, создавая закрытый вакуум континуума, в котором энергия не может

ни появляться, ни исчезать. Огражденный масс-импульсным полем, корабль питается собой, используя кинетическую энергию, запасенную при первоначальном ускорении. Двигатель работает, но подтверждает это теорию или нет, мы не знаем. Здесь очень интересное искажение времени...

Комин, слушая и понимая лишь наполовину, испытывал нахлынувшее кошмарное чувство нереальности. Он боролся с ним, фиксируя мысли на очень реальной и отвратительной проблеме, стоявшей перед ним.

— ... и Викри очень интересовался временем в своих путевых заметках, — говорил Рот. Хронометры работали, но показывали ли они в точности земное время? Не было способа проверить это. Мы говорим, что первый Большой Прыжок занял у них много месяцев. Викри использовал слово «вечность» — очень смутный термин. Сколько времени прошло с тех пор, как мы включили звездный двигатель? Мне кажется, что ощущение времени...

Комин раздраженно смял сигарету и вышел из главной каюты. Все эти двусмысленные ученые разговоры только расстраивали его. У него не было абстрактного мышления. Стул был стулом, стол — столом, а час равнялся шестидесяти минутам. Покуда он опирался на эти реальности, он мог понимать.

Он раскопал в шкафчике бутылку — не успокоительное, предписанное доктором Кренчем, но девяностоградусное и достаточно хорошее. Он сидел, пил и думал о Сидне, думал, действительно ли она это имела в виду, когда сказала, что у них нет будущего. Вероятно. Он хотел бы, чтобы она была здесь, и одновременно радовался, что ее здесь нет. Через некоторое время он начал прислушиваться к двигателю, звуку, который ощущал скорее зубами и кончиками нервов, а не ушами. Он чувствовал себя усталым, выпил еще порцию и пошел спать. Казалось дьявольским способом проводить время во сне, время второго межзвездного путешествия, но больше нечем было заняться. Даже у ученых было мало дел, кроме проверки приборов. Инженеры были полезны, только когда барахлил двигатель, а пилоты были чистым украшением, не считая того времени, когда корабль вернется к обычным скоростям. На звездном двигателе корабль летел автоматически. Ни один экипаж из человеческих существ не смог бы управлять им

вручную. Все лишь сидели, глядели на миллион приспособлений и надеялись, что они не сломаются.

Комин фыркнул, потянулся и заснул. Сны не были хорошими. Он вскочил, набрал полные легкие затхлого воздуха — ему показалось, что он не дышал настоящим воздухом со времени отлета с Луны — и услышал звонок, возвещающий время обеда.

Комин осторожно вышел из своей каюты, как делал всегда. Он не боялся пистолетов. Корабельный арсенал был надежно заперт, и ни у кого не было ничего более серьезного, чем перочинный нож. Питер Кохран не хотел рисковать, случись вдруг истерика, космическая лихорадка или просто мятеж. Но человек, идущий на убийство, может быть очень изобретателен в выдумке оружия. Комин был осторожен.

В коридоре никого не было. Комин зевнул и пошел к главной каюте. Голова была еще тяжелая, во рту стоял крепкий привкус виски.

По правую сторону коридора был отсек, используемый для хранения определенных припасов секции жилых кают. Дверь была приоткрыта, но это было обычным делом, так как люди часто заходили туда. Комин миновал ее.

Позади возникло легкое, быстрое движение воздуха, торопливые шаги и хриплое дыхание. Комин метнулся вперед и влево. Стальная полоса, нацеленная в затылок, ударила по правому плечу, издав безобразный звук.

Почувствовав сильнейшую боль, Комин стал падать, но левая нога инстинктивно нашла опору, наткнулась на утолщенный конец стальной полосы, захватила его и потащила к себе.

Комин ударился об пол. Перед глазами замелькали цветные ленты, затем все окутала тьма. Но страх смерти жил в нем, и он забился, удерживая стальную полосу. Здесь был человек, осторожный человек, человек, ожидавший неудачи, потому что скрыл лицо и голову, чтобы жертва не могла узнать его — вопреки тому, что у него должны быть возможности ее узнать.

В Комине поднялся такой гнев, что он почти смело собиравшуюся вокруг тьму. Он издал нечленораздельный, животный звук и попытался подняться. Человек с закрытым лицом внезапно развернулся и побежал. Шаги застучали по коридору. Комин всмотрелся в бегущего

го и внезапно узнал походку, узнал эти черные брюки. Лицо человека является лишь частью того, что вы знаете о нем. Комин попытался выкрикнуть имя бегущего, но не успел. Тот уже скрылся.

Комин все еще лежал в коридоре. Правая рука онемела до кончиков пальцев, и он испытывал боль при каждом движении. У него заняло много времени, чтобы подняться, и еще больше — преодолеть расстояние по коридору до главной каюты. Он опоздал. Все уже обедали за складными столиками и обернулись, когда он вошел. Здесь были все: Питер, Симон, Стенли, ученые. Они перестали есть. Доктор Кренч внезапно поднялся.

Комин тяжело опустился на стул. Он поглядел на Питера Кохрана.

— Теперь я готов, — сказал он, — рассказать вам, где совершил посадку Баллантайн.

8

Все заговорили одновременно. Кренч наклонился над Коминым, спрашивая, что с ним случилось. Питер Кохран вскочил, призывая к молчанию. Симон подался вперед, взгляд его был напряженным. Стенли положил нож и вилку. Руки его заметно дрожали. Он был бледен и покрыт потом. Комин рассмеялся.

— Вы не могли бы проделать это хорошо, — сказал он Биллу Стенли. — Питер мог бы. И Симон тоже. Но у вас не хватило мужества.

Стенли сказал:

— Я не...

— О, да, это сделали вы. Закрыв лицо, вы не могли закрыть все остальное. Я узнал вашу обувь, одежду, походку. Я узнал вас.

Стенли чуть отодвинул стул, словно собирался убежать от Комина, убежать от всех остальных. Он попытался заговорить, но не смог произнести ни слова.

— Да, все выглядит по-другому, когда приходится делать это самому, не так ли? — спросил его Комин. — Не столь приятно и чисто, как выписать чек. Вы соображали, что можно промахнуться с первого раза? Вы должны были быть способны ударить лежащего человека. У вас должен был быть крепкий желудок и нервы, как у Башбурна. Может быть, с пистолетом вы сумели

бы сделать это. Но не руками — не вашими собственными руками.

Кренч попытался спустить с его плеч рубашку, и Комин отдернулся. Встал Симон. Глаза его встретились с глазами Питера. Лицо Питера побелело. Внезапно он схватил Стенли за грудки.

— Ты сделал это, Билл?

Стенли сидел совершенно неподвижно, подняв взгляд на Питера. В глазах его стал разгораться огонек, делавшийся все ярче и злее, затем он внезапно отбросил руки Питера и вскочил. Казалось, грубое прикосновение разбудило его, как клич, освободивший все, что долгое время кипело в нем подспудно.

Он заговорил тихо, очень тихо, словно что-то сжимало его горло, не позволяя произносить громкие звуки.

— Да, я. И убери от меня свои руки.

Он отступил шага на два. За столиками все сидели молча, застыв с вилками в руках. Симон пошел было вперед, но Питер поймал его.

— Не делай пока ничего, — сказал он и обратился к Стенли: — Вахтенные журналы у тебя?

— Были у меня. Я их сжег. — Он переводил взгляд с Питера на Симона и обратно. — Добыть их было легко. Все вы были слишком возбуждены, думая, что теперь все у вас в руках. Их было только два — маленькие тоненькие книжицы. Я увидел их первым и сразу же сунул за пазуху.

— Ты сжег их, — сказал Питер, и Стенли кивнул.

— Я их запомнил. У меня хорошая память. — Он повернулся к Комину: — Ладно, продолжай. Скажи им. Ты с самого начала причинял мне неприятности. Я бы убил тебя на Марсе, только Питер остановил.

Комин сказал:

— И смерть Джонни не лежит на твоей душе тяжким грузом?

— Нет. Это дело рук Башбурна. Я даже не знал, что он здесь, пока не увидел его мертвым. Я уволил его после того, как он первый раз потерпел неудачу. Он потерял из-за тебя много денег, Комин, и обезумел. Я полагаю, он подумал, что может еще наверстать упущенное. Вероятно, он собирался шантажировать и меня тоже. Нет, Джонни не на моей совести.

— Я не понимаю, Билл, — сказал Питер, недоу-

менно глядя на него и медленно качая головой. — Почему? Мы всегда обходились с тобой честно. Ты стал членом нашей семьи, у тебя была важная работа, много денег — мы доверяли тебе. Я не понимаю...

Стенли рассмеялся. Смех его звучал неприятно.

— Член вашей семьи, — повторил он. — Придасток. Стена плача для Клавдии. Футбольный мяч для ее матери. Удобство. Добрый старый зависимый Билл. Но не Кохран — никогда, ни на одну минуту. У меня не было ни реального голоса ни в чем, ни реального интереса в корпорации. Все это принадлежало Клавдии. — Губы его скривились. — Клавдии!

Симон сердито сказал:

— Зачем тогда ты женился на ней? В свое время ты весьма стремился к этому.

— Для чего я женился на Клавдии? — спросил Стенли. — Ради денег. Я думал, что буду владеть ими, но между ней и этой старой летучей мышью, ее мамочкой... — Он прервал себя. — Ладно, я увидел возможность получить кое-что ценное и получил. Что в этом плохого? Спросите старого Джона, сколько раз он делал так, как он получил свой дворец на Луне.

Комин повторил свое первоначальное предположение:

— Вы могли бы сделать это лучше?

— Мог. Но, к несчастью, у меня нет способностей к насилию. Немногие из цивилизованных людей имеют их. — Он начал терять самообладание, затрясся, глаза его запылали. Комин подумал: до чего же непривлекательно выглядит незнакомый человек, потерявший контроль над своими эмоциями. Он почувствовал себя так, словно застал его без одежды.

Стенли снова повернулся к Питеру и закипающему Симону. Голос его немного поднялся, стал чуть выше, чуть громче.

— Комин заявил, что может сказать вам, где высаживался Баллантайн. Хорошо. Как вы помните, я читал вахтенный журнал. Я помню координаты не только планеты, но и точного места на ней. Я знаю точное местонахождение урановых руд. Я знаю...

Питер прервал его:

— Мне кажется, мы найдем их, когда высадимся.

— Может быть. Но есть еще кое-что. Там — трансураниды. Я знаю также и о них. — Он сделал три-четы-

ре резких шага к Комину. — Вы знаете все это, Комин? Вы можете рассказать им?

С минуту Комин молчал, затем медленно сказал:

— Стенли, вы жадный испуганный человечешко, но сейчас вы в безопасности. Вы победили. — Он взглянул на Питера. — Я думал, что смогу вывести его из себя, но это не удалось. Я не могу сказать вам, где высаживался Баллантайн. Я не знаю этого.

Питер глубоко вздохнул.

— Я надеялся, — сказал он, — но не рассчитывал на это твердо. Так что все в порядке. — Он взглянул на Стенли. — Ну?

Стенли пытался казаться твердым, но внезапно обретенная без боя победа почти лишила его мужества. Он сделал три попытки, прежде чем сумел выдавить из себя:

— Давайте не будем деликатничать. Для начала — я одержал победу, и вы ничего не сможете с этим поделать. Вы даже не можете убить меня, потому что все знания находятся в моей голове и потому, что вы будете нуждаться во мне на каждом шагу, как до приземления, так и после. Особенно после.

— Предположим, — мягко сказал Питер, — мы решим, что вовсе не нуждаемся в тебе. Предположим, мы запрем тебя и оставим пока в живых.

— Пожалуйста. Будет очень опасно и ужасно дорого обыскивать восемь неизвестных планет и их спутники, знаете ли. Наше топливо и припасы не бесконечны. Баллантайн подлетел лишь к одной планете и сел только раз. И мы не можем тратить силы, рискуя по всей системе. Вы можете попытаться и даже добиться успеха, но без информации, которую я могу дать вам, вы никогда не найдете месторождения. Вероятно, вы даже не выживете. Там есть... препятствия.

Тень смерти, проплывшая по лицу Стенли, была более впечатляющей, чем любые угрозы, потому что была личной и непреднамеренной. И Комин вспомнил последний крик Баллантайна.

— Какова ваша цена? — спросил Питер Кохран.

— Высокая, — ответил Стенли, — но не слишком. Я хочу представлять интересы «Трансурановых руд Кохранов» и всего, что относится к ним. Пятьдесят один процент. Кохраны имеют достаточно, Питер. Нет причины, почему вы должны владеть также и этим.

Какое-то время все молчали. Брови Питера сдвинулись, у рта резко обозначились складки. Симон глядел на Стенли с холодной кровожадностью леопарда. Наконец Питер сказал:

— Что ты думаешь, Симон?

— Пошли его куда подальше. Кохраны никогда не нуждались в помощи таких свиней, как он.

Снова наступило молчание. Питер хмурился и размышлял. Пот выступил на лбу Стенли и медленно покатился по вискам, где бешено пульсировала жилка.

Питер задумчиво произнес:

— Мы можем выбить из него эти сведения. — Его взгляд скользнул по Комину. — Что вы об этом думаете?

— Я бы только наслаждался, — ответил Комин. — Но это большой риск. Все мы неопытны в таких делах, и вы можете убить его без пользы. Кроме того, это не поможет. Стенли может вывалить на нас кучу лжи, и мы не узнаем этого. Мы не можем проверить его. — Он немного помолчал и добавил: — Мне кажется, он переиграл нас.

Симон уставился на него со злобным протестом, но Питер успокоил брата.

— Все идет к этому, — сказал он. — Сто процентов или девяносто девять — небольшая разница, если мы вернемся назад, как Баллантайн. Хорошо, Билл, ты выиграл.

— Я хочу получить это в письменном виде, — сказал Стенли. — И с подписью.

— Получишь. А пока я собираюсь сказать все, что думаю о тебе.

Он говорил, и Стенли слушал. Когда он замолчал, Стенли сказал:

— Ты имел на это право, но теперь все. Больше я не желаю слышать подобное от любого из вас. Вы поняли?

Он, казалось, стал на несколько дюймов выше, его лицо стало спокойным и почти величавым. Он пошел к выходу, гордый человек, человек, добившийся успеха, когда Комин тихо сказал:

— Ты думаешь, что теперь Сидна упадет к твоим ногам?

Стенли повернулся и сказал:

— Не знаю, почему я не разбил тебе голову, когда

имел такую возможность. Лучше закрой свой поганный рот.

— Что это? — требовательно спросил Питер. — О Сидне?

Комин объяснил:

— Он больше жаждет обладать ею, чем Клавдией.

Симон засмеялся. Он, казалось, нашел эту мысль настолько смешной, что не мог остановиться. Стенли, белый от ярости, пошел на него.

— Запросы Сидны не так уж высоки. Спроси у Комина. Можете узнать еще кое-что. Вам еще предстоит уважать меня. И Сидне тоже. Она не была бы так надменна, если бы не ее деньги. И вы все также. Можете думать обо мне, что хотите, но, клянусь богом, вы будете меня уважать!

Он дал Симону пощечину, чтобы прекратить его смех, затем выскочил из каюты так быстро и яростно, что Симон не успел ответить. Питер потянул брата в его каюту.

— Сдержи свой характер, — сказал он. — Мы и так уже достаточно взвалили на свой горб. Пойдем, нам нужно работать.

Они ушли. Люди за столом снова медленно принялись за еду, словно их ничего не касалось. Они не разговаривали. Они были слишком смущены случившимся и ждали, пока смогут собраться маленькой группой, чтобы обсудить все между собой. Кренч сказал Комину:

— Лучше позвольте мне осмотреть ваше плечо.

Плечо оказалось не так уж плохо, потому что мускулы Комина были тренированы и смогли защитить кости. Но ему следовало немного полежать.

К тому времени, как Комин смог снова пользоваться рукой, он был готов сойти с ума от бездействия, от неслышимого воя дрели, от неподвижности — время тащилось жутко медленно.

Он посмотрел на часы, но время не имело значения. Хронометры стали насмешкой. Земля осталась на годы и столетия позади, а звезда Барнарда не становилась ни больше, ни ярче. У экипажа начало расти чувство, что они потерялись где-то в пространстве и времени и не найдут дорогу назад. Возникали вспышки истерии, и у доктора Кренча было много работы. Один человек совсем сломался и был заперт в своей каюте, связанный.

— Мы все будем там, — пробормотал Кренч, — если скоро не найдем выхода.

— Мы уже готовы переключить двигатель, — сказал Питер. Лицо его было как слоновая кость, и он стал больше походить на старого Джона и на индейца, чем прежде. — Мы вернемся в нормальное пространство — завтра.

Он колебался, прежде чем произнести это слово, бывшее лишь произвольным символом чего-то несущего.

Если сумеем, подумал Комин. В нем тоже сидел страх. Это был чуждый, доселе неведомый страх. Приходилось сидеть, ждать и думать, смогут ли они выбраться из этой ловушки.

Заговорил Стенли:

— Не волнуйтесь, Баллантайн и остальные проделали то же, что и мы, и они вышли из этого нормально. Они уже совершили это.

У него был теперь документ, подписанный и с печатью. О том, что случилось, он знал больше, чем остальные. Но даже он боялся. Он был словно присыпан серой пылью, его ободряющие слова были только словами и ничем больше. Никто ему не ответил. Теперь с ним говорили редко.

Ему не доверяли, не из-за его деловой этики, а просто потому, что не считали его мужчиной, кроме как по половым признакам. Он больше не был розовым и цветущим, но по-прежнему оставался исполнительным мальчиком на побегушках, носящимся по чужим приказам. Они знали способ, каким он одержал свою победу, и это не внушало никакого доверия.

— Как только мы выключим двигатель, — сказал Стенли Питеру, — я дам тебе координаты нашего места назначения.

Инженеры теперь приклеились к своим приборам. Шло время, или иллюзия времени, отмеряемая хронометрами. Люди бродили, ничего не делая, или сидели и обливались потом. Они уже прошли через это раз, и это было достаточно плохо. Но на этот раз было еще хуже. Комин почувствовал внутренность корабля как внутренность готовой взорваться бомбы. Красный глаз звезды Барнарда наблюдал за ними с экрана и не менялся.

Замигали смутные лампы. В каютах и коридорах за-

звенел звонок. Первое предупреждение. Кренч закончил делать уколы.

— Все в порядке, — сказал Питер. — Все на своих местах. — Голос его скрежетал, как у старика. В рубке пилоты привязались к креслам, готовые принять управление. Мигали индикаторы, писк луча радара становился все выше и выше. На пульте управления горели, как звезды, лампочки. Инженеры были, как роботы, с застывшими глазами и покрытыми испариной лицами. Астронавигаторы были более стойкими.

Кто-то сказал:

— Что, если они ошиблись в расчетах? Что, если мы появимся прямо в звезде Барнарда?

Комин вернулся к себе в каюту и лег. Его тошнило. Хотелось выпить сильнее, чем за всю жизнь, но выпить было нечего. Он покатал медный привкус страха на языке и собрался с силами. Тусклые лампы все еще мигали.

Зазвенел звонок — второе предупреждение.

Комин ждал. Укол был поддержкой натянутым нервам, позволял легче перенести шок. У него не было чувства притупления. Он боялся, что шок придет, но еще больше боялся, что он не придет. Предположим, они не выйдут из этого пространства?

Тусклые лампы мигали. Это было трудно переносить глазам, нервам. Писк и визг двигателя был теперь почти слышен. Комин ждал, а время все тянулось и тянулось.

Что-то не в порядке, двигатель подвел, и они не вышли в нормальное пространство. Они будут вечно лететь и лететь в этом не-пространстве, пока не сойдут с ума и не умрут, и даже их смерть не остановит корабль...

Лампы перестали мигать. Они засветились ярким устойчивым светом, и затем зазвучало третье предупреждение, на этот раз не звонок, а сирена, чтобы не было никакой ошибки. Бешеный гул пронесся по кораблю, волосы Комина поднялись дыбом, на теле выступил холодный пот. Лампы погасили, и наступила тишина.

Тьма. Черное молчание могилы. Он напрягал слух, но не мог уловить даже мучительного ультразвукового визга двигателя. Голубые «ведьмины огни» вспыхнули на всех металлических поверхностях корабля, а затем началось: неуловимое скольжение, раскручивание и пе-

реворачивание охватило каждый атом тела и повлекло его в новом направлении. Комин попытался закричать, но так и не смог понять, удалось это или нет. На какое-то призрачное мгновение ему показалось, что он видит растворяющуюся ткань самого корабля, и что он больше не человек и вокруг него нет ничего реального. И затем его швырнуло в пустоту беспомыслия.

9

Первое, что он услышал, был знакомый гул и пульсация вспомогательных двигателей. Этот гул помог ему вспомнить свое имя. Комин открыл глаза и сел. Вокруг была каюта, а под ним койка. Он чувствовал себя нормально. Ощущение корабля изменилось. Это было обычное ощущение тормозящего космического корабля.

Он поднялся и вышел в коридор. Лампы снова горели. Люди выходили из своих кают. Интересно, подумал он, я выгляжу так же, как они, — как выкопанные из могилы и воскрешенные? Ноги плохо работали, и он пошатнулся, когда попытался бежать. Но все шатались, и никто не заметил этого. Нарастал гул голосов. Корабль становился похожим на курятник на рассвете.

Комин вошел в кают-компанию. Он увидел лица со слезами, бегущими по щекам, не узнал их, но это не волновало его. Иллюминаторы были открыты. Впервые за миллион лет пустые стены распахнулись. Комин подскочил к ближайшему иллюминатору. Люди наступали ему на пятки, шумели их голоса, но он ничего не слышал и не чувствовал. Он прильнул к толстому кварцевому стеклу и уставился на прекрасную голубую черноту внешнего пространства. Он увидел звезды, которые больше не были извивающимися червяками света, но яркими солнцами, сверкающими голубым, красным, золотистым и зеленым. Они висели группами, цепочками или пылающими облаками на фоне первобытной ночи.

Кто-то сказал на одном долгом дрожащем дыхании:

— Мы сделали это, о Боже, мы сделали это, мы вышли назад!

Комин попытался унять дрожь. Он оглядел помещение, но людей, которых он хотел увидеть, здесь не было, и он пошел на мостик. Тормозные взрывы сотрясали плиты палубы под ногами, и это поднимало настроение. Они вышли назад. Они движутся. Все в порядке.

Питер, Симон и Стенли были на мостике. Здесь тоже были открыты иллюминаторы, и впереди мертвый космос украшала далекая звезда цвета ржавого железа — мрачный огонь, горящий в темноте. Приподнятое настроение Комина улетучилось. Они совершили второй Большой Прыжок, и теперь она ждала их под светом сумасшедшей, бешено летящей звезды — планета и судьба, которая ждала и Баллантайна в конце его долгого полета.

Стенли держал большой лист бумаги, покрытый вычислениями. Он протянул его навигатору.

— Вот наше место назначения, — сказал он.

Навигатор расправил лист на своем рабочем пульте и нахмурился над ним. Наконец он сказал:

— Вы даете мне слишком много, мистер. Планетарные координаты вроде бы в порядке, и орбитальная скорость, и уравнения гравиконстанты, и скорость приземления. Но вся эта мешанина здесь — расчеты относительного движения корабля Баллантайна и звезды Барнарда...

Комин выхватил листок из рук вздрогнувшего человека и отступил, игнорируя гневные слова, внезапно вылившиеся на него.

Он спросил Стенли:

— Вы запомнили все это?

— Конечно, — ответил Стенли и сделал попытку выхватить лист. — Будь ты проклят, Комин!

— Да, вы запомнили, — сказал Комин и порвал лист.

Бешеные крики вырвались сразу из нескольких глотков, и Комин сунул обрывки в карман. Затем улыбнулся Стенли:

— Можете написать снова.

Питер неприлично выругался.

— Что вы пытаетесь доказать, Комин? Разве все не достаточно трудно без...

— Он запомнил все это, — сказал Комин. — У него хорошая память. Он может запоминать трехмерные координаты, орбитальные скорости, скорости приземления и так далее. Дайте ему бумагу и ручку. Он сможет написать это снова.

В глазах Питера мелькнули проблески понимания.

— Конечно, — сказал он. — Дай ему бумагу, Си-

мон. Извини за эту случайность, Билл, но ничего не потеряно, кроме капельки труда.

— Капельки труда... — сказал Стенли. Он поглядел на Комина, как кобра на жертву, которую не может ужалить. Он произнес безобразные слова, но Комин не уделил им внимания. Он заметил внезапную перемену в Стенли.

— В чем дело? — спросил он. — Минуту назад вы были важны, как свинья на льду, а сейчас выглядите гораздо хуже. У вас ослабла память?

Вернулся Симон с карандашом и бумагой и нетерпеливо протянул их Стенли.

— Вот, займитесь. У нас нет времени на творчество.

— Времени, — сказал Стенли. — Если бы не вмешался Комин...

— Случилась очень странная штука, — медленно проговорил Питер. — Мне начинает нравиться Комин. У нас с ним много общего.

Стенли бросил карандаш на пол.

— Я не могу работать здесь, — заявил он. — И никто бы не смог. Я пойду в свою каюту. Это займет немного времени. Не мешайте. Если кто-нибудь мне помешает, вы все заплатите за это.

Он быстро вышел. Никто не проронил ни слова, пока он не ушел. Затем Комин нарушил молчание.

— Не произошло ничего непоправимого. Если что-то пойдет не так, листок можно снова сложить. Я порвал его аккуратно.

Симон сказал:

— У него нет с собой вахтенных журналов. Я сам обыскал весь багаж.

— Не сами книги, — сказал Комин, — а парочка микрофильмов, которые можно сунуть в сигаретную пачку или завернуть в носки.

— Ну, — сказал Симон, — идемте.

— Дай ему немного времени, — сказал Питер. — Пусть начнет. Мне нужна отмычка. Металлические двери сломать не так-то просто.

Они немного подождали, затем втроем очень тихо прошли через кают-компанию, где люди толпились у иллюминаторов, и прошли по коридору к каюте Стенли. Питер кивнул и вставил ключ в замок.

Дверь отворилась. Лишь несколько секунд потребо-

валось, чтобы, открыть ее, но Стенли, должно быть, сидел с рефлексами на спусковом крючке, прислушиваясь, боясь, не зная, медлить ему или спешить, и не осмеливаясь ни на то, ни на другое. На столе была большая пепельница с горевшим в ней огоньком, и Комин засек последнее движение, очевидно, начавшееся с первым прикосновением ключа к замку. Рулончик микрофильма упал в огонь, вспыхнул и исчез, и Стенли уже хватал второй, с которого снимал копию. Но это было не так-то легко, поскольку тот находился под маленькими, но очень сильными линзами.

Комин рванулся вперед, Питер и Симон за ним. Они ударили Стенли почти одновременно, сдернули со стула и швырнули на пол, в шесть рук вынимая крошечный снимок, который Стенли зажал в кулаке. Комин сжал Стенли запястье, Питер сказал: «Эй, не порви!», а Стенли пытался сбросить их свободной рукой и ногами. Он всхлипывал, как женщина, и ругался черными словами. Наконец, Симон ударил его по лицу. На секунду он обмяк, пальцы разжались, и Питер схватил микрофильм.

Они откатились в сторону и поднялись, оставив Стенли сидеть на полу, держась за лицо. Краешек рта был выпачкан кровью. Питер взглянул вниз, на него. Он тяжело дышал, и глаза были жестокие. Он сказал Симону:

— Забери у него документ.

Симон стал грубо обыскивать его. Стенли сказал высоким голосом: «Нет» и начал барахтаться. Он поймал голову Симона, тут же упустил, и Симон снова ударил его, на этот раз открытой ладонью, презрительно и сильно.

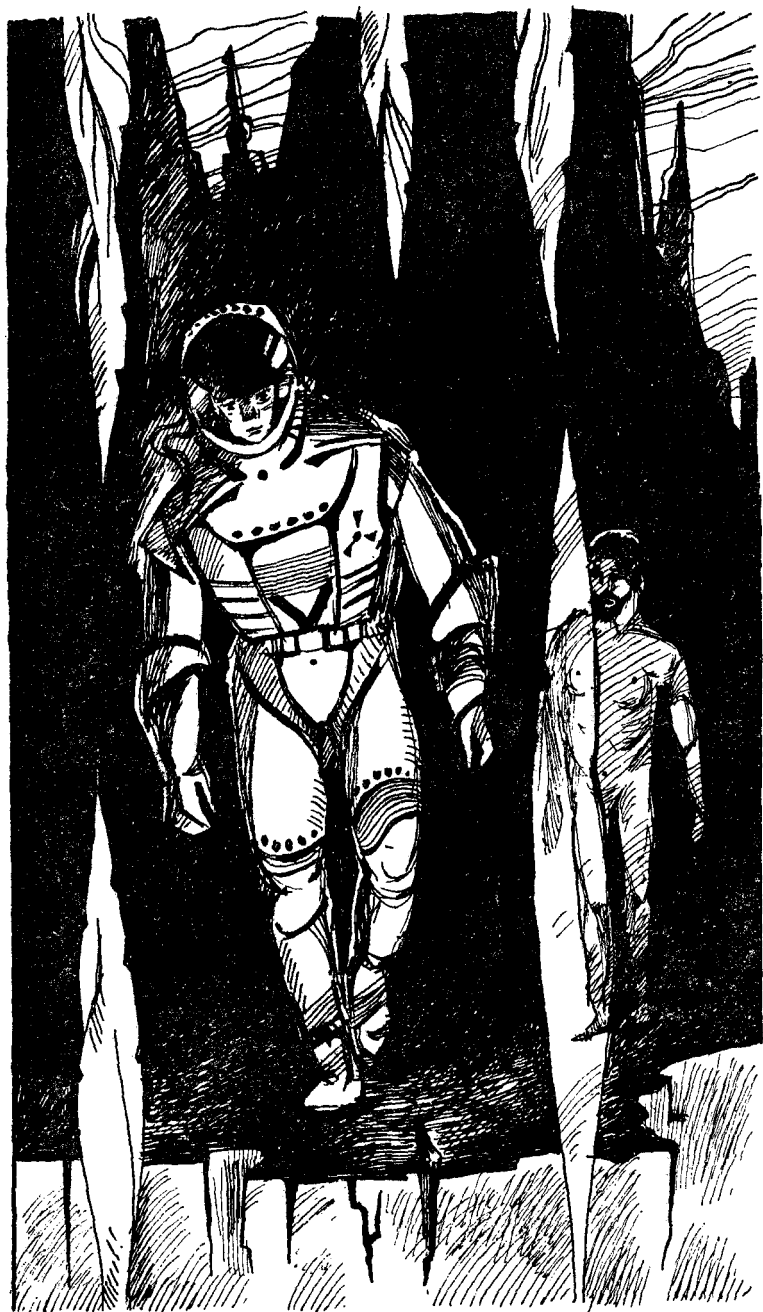
— Прекрати, — сказал он, — или я сломаю тебе челюсть.

Питер встал позади Стенли и схватил его за руки. Симон нашел документ.

— Дай сюда, — сказал Питер. Он отпустил Стенли и взял листок. Огонь в большой пепельнице еще не догорел. Он положил в нее гарантию Стенли на империю и смотрел, как она горит.

Стенли сказал:

— Ты не можешь сделать это. Это не так-то легко. — Голос его был визгливым. Тыльной стороной ладони он утер кровь с губ. — Второй рулончик сгорел. Последняя

книга, где говорится о Трансуранидах. Я знаю, что в ней. Но вы это от меня не услышите.

Бумага догорела, и пепел стал серым. Питер Кохран сказал:

— Мы узнаем это, Билл. Ты не настолько сильный человек, чтобы шантажировать нас, и сам это знаешь. Настало время прекратить валять дурака.

— Чего ты ждешь от меня? — грубо спросил Стенли. — Чтобы я с тобой согласился?

— Я собираюсь сделать тебе предложение, — продолжал Питер. — Я дам тебе, на твоё имя, справедливую долю «Трансурановых руд Кохранов», и не более этого, не больше, чем остальным, добровольно отправившимся в эту экспедицию. Кроме того, мы с Симоном согласны забыть твоё нынешнее поведение.

Стенли расхохотался.

— А ты самонадеян! Послушай, скоро вы высадитесь на Барнарде-2. И если я не скажу вам, что было в книге, с вами случится то же, что случилось с Роджерсом, Викри, Стэнгом и Киссалом... и Баллантайном. Вы не осмелитесь так рискнуть.

Комин шагнул вперед при упоминании имени Роджерса, но Питер остановил его.

— Позвольте это сделать мне... Хорошо, Билл, значит, это случится с нами и не случится с тобой? Где же ты будешь? Ты сможешь разделить под орех экспедицию, захватить домик наблюдателей — и, если не останется никого, вернуться один? Твои слова не более чем блеф.

Стенли процедил сквозь зубы:

— Это твои слова — чистый блеф. Фактически ты хочешь пойти на уступки...

Питер схватил Стенли за ворот рубашки.

— Вбей себе в голову одно, — тихо сказал он. — Я не иду ни на какие уступки. Я думаю о Клавдии. Благодаря судьбу, что ты женился на представительнице Кохранов, если бы не это, я бы вышвырнул тебя ко всем свиньям собачьим.

Он оттолкнул его с такой яростью, что Стенли запнулся и почти упал на край койки.

— Ну, маленький дешевый гаденыш, — сказал Питер, — ты хочешь вернуть свою должность или нет?

Стенли все еще сидел на краю койки. Он неподвиж-

но глядел на Питера и ответил ему четырьмя непечатными словами.

Затем добавил:

— Я еще увижу тебя вляпавшимся в дерьмо. Ты узнаешь о Трансуранидах и кое о чем еще на этой планете. Ты заплатишь за это знание и получишь то, что получил Баллантайн.

Питер резко сказал:

— Я знаю тебя давно, Билл. Ты силен за столом, но больше нигде. Ты возьмешь пай, который я предложу тебе, и будешь ему рад.

Он пошел к выходу. У Комина чесались кулаки, но он последовал за Питером. Стенли яростно прокричал им вслед:

— Ты даешь мне пай в «Трансурановых рудниках Кохранов»? Это смешно, это просто смешно. Я не знаю, какого черта ты раздаешь пай, но ты будешь, ты будешь...

Комин захлопнул дверь. Питер уставился на рулончик микрофильма.

— Именно это старый Джон говорил о любителях, которые действуют непредсказуемо. Но одно я знаю наверняка. Он боится, он смертельно боится — причем не нас.

Через три дня они вышли на орбиту вокруг Барнарда-2 и стали опускаться.

10

Спал Комин тревожно. Сны были полны голосов, слов и образов: посадка, травянистая равнина со странными стройными золотистыми деревьями. Горы на юге, высокие утесы и скалистые шпильки, превращенные ветром и водой в формы наклонные, скрюченные, скособолившиеся. Расколовшие их ущелья.

После посадки был день ожидания, проведенный внутри корабля, пока не закончились бесконечные анализы. Наконец был сделан вывод: атмосфера не заразна. Лицо Стенли было, как мрамор, губы беззвучно шептали: «Ты заплатишь мне, Питер. Ты заплатишь».

Люди выходили наружу, нагруженные оружием и счетчиками Гейгера. Ни радиации, ни другого заражения на равнине не было. Люди могли выйти и дышать. Это было безопасно.

Питер пристально посмотрел на горы.

— Это там?

Стенли ответил:

— Я скажу тебе, но ты заплатишь.

— Завтра...

— Если ты заплатишь.

Сны угнетающие, мрачные, наполненные красотой, смешанной со страхом. Красота диких деревьев и растилающейся равнины, красота звуков и красок — все чужое, новое и странное. Комин повернулся на узкой койке и снова увидел горы и ущелья, какими видел их на закате звезды Барнарда, тяжелого ржаво-красного гиганта на западе. Красный свет лился на планету, обливая бока шпилей кровью. Они были прекрасны как битва, как вооруженные рыцари, бьющиеся над затемненным ущельем. И затем в снах был закат и пришествие ночи. Сумерки и темнота, и спрятанный в них ужас. Ужас, несущийся к кораблю через золотистые деревья, все быстрее и быстрее в беззвучном полете, зовущий, плачущий. «Я Пауль, я мертв, но не могу умереть!»

Комин проснулся с криком. Он дрожал, насквозь мокрый от пота. Каюта была наполнена лунным светом, вливающимся через окно, но она была маленькой и тесной, и он видел слишком много на ее стенах. Она ощущалась, как гроб, и кошмары таились в углах. Он вышел из каюты и пошел по проходу.

Люк был открыт. Возле него сидел человек с высокоэнергетической шоковой винтовкой на коленях.

-- Я выйду, — сказал Комин.

Человек с сомнением взглянул на него.

— У меня приказ, — сказал он, — но начальник вышел. Спросите у него.

Комин перешагнул высокий комингс и спустился по лестнице. В небе горели две медные луны, и третья, огромная и рыже-коричневая, поднималась из-за горизонта. Темноты не было, кроме как под раскидистыми ветвями стройных деревьев. Немного левее, еще видный под подрастающей травой, был выжженный круг на том месте, где садился корабль Баллантайна.

Питер Кокран ходил взад-вперед у основания лестницы. Он остановился и сказал:

— Я рад, что вы пришли. Нехорошо быть одному на чужой планете. — Он взял Комину за руку и потянул

из света, льющегося из корабельных иллюминаторов. — Посмотрите вон туда, прямо по ущелью. Это только лунный свет?

— Трудно сказать... — Три луны испускали полотнища изумительного света, постоянно меняющегося и очень яркого. Но Комуно показалось, что он видит среди утесов, там, куда указывал Питер, смутный белый огонь, не имеющий никакого отношения к лунам.

— Не знаю, — сказал Комин. — Я не уверен.

— Какого черта, — сказал Питер. — мы здесь ни в чем не уверены.

Он пошел к кораблю. Комин последовал за ним. Откуда-то из темноты позади них послышался тихий поющий зов, очень ясный и мелодичный, звучавший, как смех. Питер мотнул туда головой.

— Взять, например, это. Что это — птица, животное, что-то вообще не имеющее названия? Кто знает...

— Стенли может знать. Что вы собираетесь делать со Стенли?

— Комин, бывают времена, когда только проклятый дурак не уступит. Он может быть из таких. Не знаю. — Он мрачно покачал головой. — Если бы это касалось только меня и Симона, я послал бы его ко всем чертям. Но я не могу рисковать остальными.

Он глянул на омытую лунным светом равнину.

— Гляжу я на это место, и мне кажется, что тут не может быть никакой опасности. Настоящий райский сад, не правда ли? А затем я вспоминаю Баллантайна, и мне хочется отдать Стенли всю корпорацию Кохранов, чтобы он дал нам только намек, как обезопасить себя от того, что произошло с первой экспедицией.

— Но вы не думаете, что он в действительности может...

— Я не знаю, Комин. Но я знаю, что больше не может никто.

— Значит, вы придете к соглашению с ним?

— Возможно, — сказал Питер с таким выражением, будто это слово давало во рту горький привкус.

Снова прозвучал птицеподобный зов, на этот раз очень тихий, но слышавшийся гораздо ближе. Ярдах в шестидесяти отсюда была группа деревьев. Оба обернулись к ним в надежде увидеть, если возможно, что там за существо, поющее в ночи. Под раскидистыми ветвя-

ми было темно, но медный лунный свет заливал открытое пространство. Комин увидел мгновенную вспышку.

Питер сжал его руку.

— Человек! Вы видели, Комин? Человеческие...

Слова застряли в его горле. Внезапно не стало ночи и расстояния, и Комин ясно увидел фигуры цвета слоновой кости, крадущиеся между деревьями. Сон был все еще свеж в его сознании. Он вырвал руку, которую держал Питер, и побежал по равнине, крича: «Пауль! Пауль Роджерс!» Это было словно возвращение кошмара. Длинная трава опутывала ноги, и деревья казались очень далеко, и лица людей между ними были неясными. Люди, четыре человека, экипаж Баллантайна. Нет, их было больше, чем четверо. Роща была полна стройных белых фигур, нагих, и некоторые из них были вовсе не мужчинами. Даже на таком расстоянии он увидел, что там были женщины с разметававшимися на бегу длинными волосами. Они убегали. Их напугали его крики, и роща наполнилась мелодичными голосами, какими-то разговорами, но очень простыми, как щебет птиц.

Он закричал:

— Пауль, не убегай! Это я, Арч Комин!

Но белые тела исчезли в тенях между деревьями, в густом лесу за ними, и Пауля не было здесь. Чистые мелодичные голоса замерли в отдалении.

Питер поймал его только на краю рощи.

— Не ходите туда, Комин!

Комин покачал головой.

— Они ушли. Я испугал их. Это был не Пауль. Там не было никого из них. — По телу пробежала мучительная дрожь, дыхание стало тяжелее. — Питер, как вы думаете, эти люди — Трансураниды?

Из корабля с криками выскакивали люди. Питер резко повернулся.

— Стенли, — сказал он. — Настало время поговорить со Стенли.

Комин последовал за ним, подавленный чувством потери и желанием не быть возле этой рощицы. Подул теплый ветер, принося безымянные запахи, в небе горели чужие созвездия, бледные от света лун. Голоса людей, доносившиеся от корабля, стали громче и резче.

Комин увидел, как Питер подозвал четверых и отдал быстрые распоряжения, указывая на рощу. У людей

были винтовки. Они прошли мимо Комина, и один из них, крупный малый по имени Фишер, сказал:

— Они вооружены? Они собирались напасть?

— Не думаю. Казалось, они только... подглядывали.

Лицо Фишера было покрыто потом, рубашка стала темной под мышками. Он вытер рукавом губы и глянул без всякого энтузиазма на тени под деревьями.

— За такую экскурсию нужно лучше платить, — сказал он. — Мне это очень не нравится.

Он вздрогнул, и Комин сказал:

— Не рискуйте.

Фишер выругался и сказал, что не будет.

Когда Комин дошел до корабля, все четверо исчезли за краем рощи. Он не позавидовал часовым на постах.

У основания лестницы собралась маленькая группа людей. В центре ее стояли Питер и Стенли. Остальные смотрели и слушали, нервничающие, несчастные.

Питер говорил:

— Выкладывай прямо сейчас. Я хочу, чтобы все поняли. Ты отказываешься сказать нам, что знаешь об этих людях, опасны они или нет?

Стенли провел языком по губам, сухим и бледным.

— Отнюдь нет, Питер. Если что-нибудь случится, то по твоей вине, а не по моей, потому что ты не ведешь дела честно.

— Он отказывается, — сказал Питер собравшимся. — Вы все слышали.

Послышалось согласное бормотание. В нем слышалось что-то нехорошее, и Стенли повернулся, словно хотел скрыться внутри корабля.

Люди приблизились, загораживая ему дорогу. Питер продолжал:

— Ладно, заберите его отсюда.

Несколько человек схватили Стенли — Симон Кохран, один из пилотов, астрофизик, доктор Кренч и другие. Все они перестали быть учеными или экспертами, людьми с важными профессиями. Теперь они были только испуганными и сердитыми людьми. Стенли закричал.

Питер не сильно ударил его по лицу.

— Ты не верил, Билл, но это принципиально другое. Мы прилетели сюда ради денег. Но теперь это касается жизни. Вот и вся разница. Я не люблю, когда меня

шантажируют человеческими жизнями. — Он посмотрел на равнину. — Ведите его туда.

Его повели. Комин пошел с ними. Он понял, что собирается сделать Питер, но Стенли сам напросился.

— Ничего, — сказал Питер, — привяжите его там к дереву, уходите, и поглядим, что произойдет. Так мы можем узнать, есть ли там опасность или нет. Если нет, — обратился он к Стенли, — тебе нечего бояться, ничего с тобой не случится. Если же есть... ну, мы тоже узнаем это.

Ноги Стенли волочились по длинной траве. Его притащили на край рощи, под первую бахромку золотистых ветвей, что теперь, в лунном свете, отливали медью. Между деревьями лежала тишина и пятна мерцающего света, а в ветвях шелестел ветер.

— Не сюда, — сказал Питер. — Дальше.

За рощицей начинался густой лес, лежащий между ней и горами. Лес, куда скрылись неизвестные.

Они шли тихо, с шокерами наготове, обшаривая взглядом каждую тень с осторожностью и тревогой. Пять шагов, десять, двадцать... И Стенли прервал тишину:

— Только не это, Питер! Не оставляй меня здесь! Я не знаю... Я не знаю!

Питер остановился, подтащил Стенли к лучу лунного света и изучил его лицо.

— Я не знаю, — повторил Стенли с несчастным видом. — Баллантайн описал этих... этих людей. Он встретил их, верно. Но это все, что он сказал о них в журнале.

Комин спросил:

— Это они — Трансураниды?

— Я полагаю, они. Он не называл их. Он только написал, что они были здесь.

— Он боялся их?

— Этого он не написал.

— А что он написал?

— Все. Он написал, что место приятное, они провели все проверки, затем об этих людях, и журнал закончился. Больше он не сделал записей. Кроме одной.

— Продолжай.

— Там было только одно слово, и то незаконченное. Оно было написано чернилами через всю страницу: ТРАНСУРАН... — Стенли замолчал с нервным смехом.

ком. — Это незаконченное слово и заставило меня взять журналы. Я думал, мне будет сопутствовать удача Кохранов. А затем сам Баллантайн выболтал часть. Уйдем отсюда, Питер. Давай вернемся на корабль.

— Значит, ты лгал, — безжалостно сказал Питер, — когда сказал, что знаешь местонахождение залежей.

Стенли кивнул.

Некоторое время Питер рассматривал его, затем отвернулся и пошел назад через рощу. Остальные последовали за ним. Питер что-то коротко сказал часовым. Они снова вышли на равнину, на участок выжженной травы. Стенли шел немного в стороне. Никто больше не держал его.

Некоторые уже вернулись на корабль, когда среди деревьев засверкали выстрелы. Люди закричали высоко и хрипло от страха, и внезапно в ответ послышался птицеподобный зов. Выстрелы продолжали сверкать с отчаянием паники.

— Они попытались взять нас с налету! — закричал Фишер. — Они приближались, но мы их отбили. — Лицо его блестело от пота, голос был прерывистым. — Нам удалось взять одного живым.

Комин тут же направился к лесу. Он шел рядом с Питером, взгляд его не отрывался от нагого тела, которое тащили Фишер и его напарник. Голова свисала вперед, лицо было скрыто упавшими темными волосами.

Они встретились посреди открытого пространства. Фишер что-то проворчал, и тело покатилося в траву. Комин вытер лицо рукой и опустил взгляд.

Питер издал долгий прерывистый вздох.

— Мне известен этот человек, — сказал он странным высокопарным тоном. — Это Викри.

11

Маленький корабельный госпиталь был кубической комнаткой, залитой ярким светом, белой, стерильной, блестящей от хрома и нержавеющей стали. Викри лежал на столе. Он был задет краешком шокового луча и еще не пришел в сознание. Кренч возился над ним, его затянутые в резиновые перчатки руки прикасались к телу с осторожной неохотой, губы сжались в тонкую линию. Пластырь на руке Викри покрывал место, откуда был взят образец ткани.

Комин стоял в стороне, опершись спиной о стену, и наблюдал. Время, миллионы миль и бесчисленное множество событий откатились назад, и он был в другой палате, на другой планете, и перед ним лежал без сознания другой человек. Он снова увидел бегущую рябь и движение плоти, когда клетки тела жили своей несчастственной жизнью. И его затошнило.

Питер Кохран прошептал:

— Баллантайн был таким же?

— Когда я впервые увидел его. Прежде чем он... умер, — ответил Комин.

Питер стоял возле Комина. Их плечи соприкасались в тесном помещении. Здесь было жарко от горящих ламп, но они ощущали холод. Викри дышал. Его лицо было близко и таинственно, тело его шевелилось: мускулы, сухожилия, тонкая покровная ткань. Он не был измучен и истощен, как Баллантайн, он был совершенно здоров.

Питер прошептал:

— Он изменился. Он выглядит моложе. Я этого не понимаю.

Рот вернулся в госпиталь из лаборатории и положил заключение на стол Кренча.

— Я проверил образец ткани, — сказал он. — То же самое, что и у Баллантайна, только концентрация трансурановых элементов выше. Гораздо выше.

— Тихо, — сказал Кренч. — Он приходит в себя.

Молчание. Человек на столе повернул голову и вздохнул. Через минуту он открыл глаза. Он поглядел сначала со смутным любопытством на низкий белый потолок, затем на белые стены и ящики со сверкающими инструментами, а затем на стоящих рядом людей. Смутное любопытство превратилось в тревогу, в ужас, в дикое ошеломление, словно он обнаружил себя в клетке. Он сел на столе и закричал — резкий, отрывистый, мелодичный крик, бесконечно чуждый, вырвался из глотки землянина.

Питер сказал:

— Викри... Викри, все в порядке, мы друзья.

Снова отчаянный зов, нечеловеческий крик о помощи. Он натянул нервы Комина до предела, но был не так страшен, как лицо Викри — обычное лицо землянина, но изменившееся и ставшее чужим, с искаженными губами, застывшими в диком крике, с глазами...

Глаза. Комин не был особенно впечатлительным человеком и не мог бы сказать, что именно в глазах Викри делало их ненормальными и жуткими на человеческом лице. В них не было ни угрозы, ни безумия, ничего такого явного. Это было что-то еще, что-то отсутствующее. Он поймал их прямой взгляд, и это так подействовало на него, что волосы встали дыбом.

Питер снова сказал:

— Викри! Вы помните меня, Питера Кохрана? Теперь вы в безопасности, Викри. Все в порядке, не бойтесь.

В третий раз неуместный птичий крик сорвался с губ математика, который когда-то имел жену, детей и положение в мире науки.

Питер коротко выругался.

— Бросьте это, Викри. Вы не из этих существ. Вы землянин и знаете, кто я. Перестаньте притворяться.

Викри застонал.

Комин задал вопрос, который задавал уже прежде другому человеку, в другой палате:

— Где Пауль Роджерс?

Викри повернул голову, посмотрел на Комина своими жуткими глазами, после долгой паузы заговорил, и слова были настолько непохожими и неясными, словно он говорил почти не на английском:

— Это был Стрэнг, вы убили.

Питер Кохран вздрогнул.

— Стрэнг?! Он был...

— В роще. Люди с винтовками. Стрэнг упал. Мы подобрали его и побежали. Затем я... — Он покачал головой. Волосы его были длинными, в них запутались листья и трава.

Питер медленно произнес:

— Люди сказали, что вы напали на них.

Викри издал звук, который мог бы означать смешок или всхлипывание.

— Нет, — сказал он. — Нет. Мы их даже не видели.

В глазах Питера загорелся недобрый огонек.

— Кровожадные дураки, — пробормотал он. — Паника. Явная паника. Мне не следовало посылать их туда.

Комин сказал Викри:

— Мы прилетели сюда отчасти чтобы отыскать вас. Вы пытались вернуться?

Викри поставил локти на колени, поднял руки и положил на них голову.

— Мы остались здесь. Мы думали, что люди попытаются вернуть нас. Но народ захотел увидеть корабль. Затем кто-то закричал, прокричал имя Роджерса и еще одно, и Роджерс услышал. И он захотел поглядеть на человека, который кричал. Так что вскоре мы вчетвером прокрались обратно в рощу. Я не хотел. Думаю, я был... — Он снова замолчал, не закончив фразы, потом сказал с бесконечной печалью: — Стрэнг мертв.

— Извините, — сказал Питер. — Люди не хотели. Они были напуганы разговорами о Трансуранидах.

Викри выпрямился так резко, словно кто-то кольнул его ножом.

— Что вы знаете о Трансуранидах?

— Ничего, кроме того, что написал в своем журнале Баллантайн.

— Но он больше не продолжал вести журнал... — Викри замолчал. Силы, казалось, возвращались к нему с изумительной быстротой. — Баллантайн! Значит, он вернулся на Землю.

Питер кивнул.

— И, — сказал Викри, — он мертв.

— Да. Вы знали, что он умрет?

— Конечно. Все мы знали. Но он был слишком безумен, слишком заторможен, слишком боялся принять то, что дали ему Трансураниды. Он не остался.

— Что они дали ему, Викри?

— Жизнь, — сказал Викри. — Жизнь или смерть. И он сделал свой выбор. Он не думал, что было порядочно жить.

— Я не понимаю вас.

— Если поймете, то будете таким, как я или Баллантайн. Вы тоже должны будете сделать свой выбор. Послушайте, забирайте своих людей и корабль и улетайте отсюда как можно быстрее. Забудьте, что Роджерс, Киссел и я когда-либо существовали на Земле. Найдите другую звезду, в космосе их полно. Иначе с вами будет то же, что было с нами. Большинство из вас останутся, но некоторые захотят вернуться и... да, я могу прочесть это на ваших лицах. Это была отвратительная смерть.

Впервые подал голос Кренч. Он читал заключение Рота, поглядывая на Викри, и напряженно думал.

— Это изменение, не так ли? — сказал он. — У Баллантайна оно произошло не полностью.

— Изменение, — сказал Викри. — Да, Баллантайн улетел слишком рано. Он... это ужаснуло его. Слишком много пуританского, я полагаю, в душе. И однако, если бы он подождал...

Кренч продолжал:

— В вас оно завершилось.

Викри не ответил. Вместо этого он взглянул на Питера Кохрана и спросил:

— Вы позволите мне уйти? Вы не собираетесь забрать меня на Землю?

Питер протянул руку почти умоляющим жестом.

— Вы не можете остаться здесь навсегда, с этими дикарями. Вы землянин, Викри. Вас ждет карьера, жена, дети. Я понимаю, вы здесь под каким-то странным воздействием, но вы избавитесь от него. И эта ваша... ну, ваша болезнь заслуживает внимания медицины...

Викри прервал его криком:

— Болезнь? Нет, вы не понимаете! Я не болен, я никогда не смогу заболеть. Меня можно искалечить, меня можно убить. Но это несчастные случаи, и, избегая их, я могу жить — не вечно, но настолько близко к этому, что человеческий разум не в силах осознать разницы. — Он подошел к Питеру Кохрану, и теперь в нем чувствовался страх, отчаянный страх. — Я принадлежу теперь этому миру. Вы не можете заставить меня вернуться.

— Послушайте, — сказал Питер, с трудом пытаясь быть мягким, — когда вы пришли в себя, вы не могли вспомнить, как говорить. Теперь ваша речь так же ясна, как и моя. Так же легко к вам вернется прежний образ жизни, ваш образ жизни... И ваша жена...

Викри улыбнулся.

— Она была добра ко мне. Но я даже не уверен, любил ли ее. Однако теперь мы бесполезны друг для друга. — Тут страх снова вернулся к нему, и он закричал: — **Выпустите меня!**

Питер вздохнул.

— Мне кажется, вам лучше остаться здесь и немного отдохнуть. Через день-другой вы почувствуете себя иначе. Кроме того, нам нужна ваша помощь.

— Я помогу вам, — сказал Викри. — Я расскажу вам все, что вы захотите... но вы должны отпустить меня!

Питер покачал головой.

— Вы исчезнете в лесу, снова уйдете с Трансуранидами, и мы никогда не отыщем вас.

Долгую минуту Викри оставался неподвижен, затем захохотал. И смех постепенно превратился в эти ужасные крики, звучащие на завывающей минорной ноте. Питер схватил его и затряс.

— Прекратите, — сказал он. — Перестаньте вести себя как придурок.

Понемногу Викри успокоился.

— Вы думаете, мой народ... вы думаете, и о н и — Трансураниды?

— А разве нет?

— Нет. — Викри вырвался из хватки Питера и отвернулся, руки его сжались в кулаки, нагое тело дрожало от напряжения. — Я знаю, чего вы хотите. Вы слишком хотите трансурановых залежей. Но вы их не получите. Это невозможно. Они уже принадлежат.

— Кому?

— Трансуранидам. И я говорю вам, оставьте их в покое. Но вы же не оставите...

— Нет. Мы лучше оснащены, чем были вы. Мы можем справиться с чем угодно, если только будем знать, чего ожидать. Что такое Трансураниды? Люди? Животные? Что?

Викри поглядел на него почти с жалостью.

— Ничего из того, что вы можете вообразить, — тихо сказал он. — Ничего из того, что я могу описать или объяснить. Теперь отпустите меня. Я не могу оставаться здесь взаперти. Я покажу вам путь к месту, где находятся залежи руд. Отпустите меня.

— Вы же знаете, что я не могу этого сделать, — сказал Питер. — Для вашей же безопасности, а также для других, Роджерса и Киссела.

— Вы не понимаете, — прошептал Викри. — Вы не понимаете, что мы не можем жить среди людей. Мы не можем вернуться!

На последних словах голос его поднялся до крика, и Кренч с беспокойством сказал:

— Будь осторожен, Питер.

Комин проговорил:

— Мне кажется, Викри говорит правду. — Он осторожно сделал шаг вперед и остановился между Питером Кохраном и дверью. — И мне кажется, вы напрасно его

уговариваете. Не думаю, что вы заботитесь о безопасности его, Роджерса или Киссела. Вам нужны рудные залежи, и вы боитесь вернуть ему свободу, чтобы он повел нас туда, потому что он может исчезнуть. Значит, вы собираетесь...

Позади него распахнулась дверь, так внезапно, что он не успел отступить, и ударила его по спине. Симон Кохран был снаружи корабля, командуя охраной, и теперь возник на пороге с винтовкой в руках. Его лицо было взволнованным и напряженным.

— Питер, — сказал он, — тебе лучше пойти... и захватить его с собой. — Он кивнул на Викри, затем указал в направлении гор. — Оттуда что-то надвигается.

12

Одна из лун зашла, и тени в роще стали глубже. Дул легкий ветерок, ночь была теплой и очень тихой. Симон поднял руку.

— Слушайте, — сказал он.

Они прислушались, и в тишине Комин услышал звучание множества голосов, доносившихся от темного далекого подножия гор, крики, и им отвечали голоса из рощиц и лесов, и с залитой лунным светом равнины.

— Они собираются, — сказал Симон. — Спросите его, что это значит.

Звучали мелодичные нечеловеческие голоса, и где-то с опушки рощи к ним присоединялись еще и еще, и по спине Коми́на пробежал холодок. Он уже слышал ее раньше, эту ноту, замершую в печальном плаче.

Лицо Викри, освещенное лунами, превратилось в маску мучительной тоски. Он сказал:

— Это они собираются на похороны Стрэнга, — и отчаянно рванулся, но Питер и Симон держали его крепко.

— Где собираются? — спросил Питер. — На месте Трансуранидов?

Где-то в роще засветился бледный огонек, достаточно яркий, чтобы увидеть и распознать что-то отличное от лунного света. Голоса теперь медленно двигались к нему.

Викри сказал:

— Вы уже убили одного, убьете и еще. Вы захватите пленников, как захватили меня. Отпустите!

Он стал вырываться, как безумный, но его удержали, к ним на помощь пришли еще люди. Голос Викри поднялся до бешеного хриплого крика. Комин медленно отошел в сторону.

Симон сказал отвратительным тоном:

— Он не слишком любезен с нами. Запрет его, пока он не придет в себя. По крайней мере, мы не осмелимся идти туда, пока их столько. Они пожелают заставить нас заплатить за Стрэнга, а там их слишком много.

Часовые были отозваны из рощи. Подошел Фишер, беспокойно переводя взгляд с гор на суматоху вокруг Викри. Комин зашел ему за спину, бесшумно двигаясь по траве. Он ударил Фишера сбоку в челюсть и, пока тот падал, выхватил у него из рук винтовку. Передернул затвор и повернулся к группе людей, борющихся с Викри.

— Отлично, — сказал он. — Отпустите его.

Викри не отпустили, по крайней мере, отпустили не сразу. Прошла минута, прежде чем все поняли, что происходит. Викри стоял на коленях, и Симон держал его. Питер Кохран выпрямился.

— Вы сошли с ума, Комин?

— Может быть. — Кто-то наклонился за винтовкой, которую уронил во время возни, и Комин нажал спусковой крючок. Сверкнула вспышка, и человек упал. После этого никто больше не шевелился. Шок может быть не смертельным, но приятным его не назовешь. Симон все еще держал Викри. Он был так близко к нему, что Комин не мог попасть в него, чтобы не задеть Викри. Челюсть Симона Кохрана была упрямо выдвинута, в глазах таилась угроза.

Комин повторил:

— Отпустите его.

Питер сделал два шага вперед. Он хотел что-то сказать, но Комин перебил его.

— Послушайте, — сказал он, — мне не нужны залези и все равно, доберетесь вы до них или нет. Я прилетел сюда отыскать Пауля Роджерса, и это все, что меня заботит. Вы понимаете, Викри? Я друг Пауля. Я хочу пойти к нему, только и всего. Вы проводите меня к нему?

Викри кивнул. Он снова попытался вырваться, и Симон ударил его.

— Стой! — сказал он и закричал замершим вокруг людям: — Что с вами? Кто-то должен позаботиться о...

Рука Питера схватила его за ворот, прервав слова, а вместе с ними и дыхание.

— Вставай! — рывкнул Питер. Он оттащил Симона от Викри и яростно отшвырнул в сторону. — Ты так и не научился вовремя успокаиваться, да? Ты из тех Кохранов, что принесли всей семье дурную славу. Здесь не место валять дурака.

Симон выругался.

— Ты же сам велел мне не дать ему уйти.

— Но я не велел тебе его бить. — Питер обернулся. — Можете опустить винтовку, Комин. Викри свободен делать все, что захочет. Я думаю, он говорил правду: слишком поздно помогать ему. Нельзя убивать человека, пытаясь спасти ему жизнь.

Комин улыбнулся и покачал головой. Винтовку он не опустил.

— Я не могу разобраться в вас, — сказал он Питеру. — Иногда мне кажется, что вы порядочный человек, иногда же вы поворачиваетесь совсем другой стороной. — Он слегка качнул вверх и вниз стволом винтовки, напоминая о ней Питеру. — Мне нужно оружие.

— Должно быть, вы сошли с ума? Комин, вы не можете...

— Вы знаете меня достаточно хорошо, чтобы понять, что я уйду, оснащенный или нет. И я знаю вас достаточно хорошо, чтобы ожидать, что вы дадите мне снаряжение.

Питер пожал плечами и повернулся к кораблю. Симон хотел последовать за ним, но Комин сказал:

— Нет. Вы останетесь здесь, где я могу наблюдать за вами.

Он ждал. Викри поднялся на ноги. Что-то новое появилось теперь в его облике. Он был свободен и больше ничего не боялся. Тело его дрожало, но это было нетерпение. Взгляд его был устремлен на горы, на тенистую рощу, где звучали голоса. Глаза его мерцали, и Комин, увидев их, снова подумал, почему они такие нечеловеческие, почему так отличаются от глаз людей.

Вернулся Питер, неся гибкий антирадиационный костюм, увенчанный шлемом. У губ Питера залегла твердая складка, взгляд сердито ощупывал лица людей вокруг.

— Один из них отсутствует, — сказал он. — Кто-то опередил вас, Комин.

— Положите его, — ответил Комин, — вот сюда. — Питер положил упаковку на землю, отступил, и Комин подобрал ее. Симон по-прежнему хмурился. Он ничего не говорил. Питер спросил:

— Кто-нибудь видел Билла Стенли?

Никто не ответил.

Питер заговорил горячо и сердито:

— Любители! Это относится и к вам, Комин. Вы всегда все портите, крушите своими топорами. Ладно, теперь убирайтесь к дьяволу, и я надеюсь, что вы оба провалитесь в трещину и сломаете себе шеи.

— Тогда не следуйте за мной слишком близко, — сказал Комин. — Идем, Викри.

Викри внезапно заговорил вполне ясно. Он обращался к Питеру Кохрану, и в нем было достоинство свободного человека, ученого. И было также что-то еще, что заставило всех почувствовать себя маленькими и нечистыми по сравнению с ним, необъяснимое раздражающее ощущение, исходящее от нагого существа, природа которого пошла каким-то странным путем.

— Я знаю, что вы последуете за нами, — сказал он. — В роще есть свет, и его будет достаточно на тропинках. Что случится с вами впоследствии, отчасти зависит от вас. Я только призываю вас не совершить ошибки, которую сделал Баллантайн — и не использовать винтовок против моего народа. Стрэнг мертв, и его будут оплакивать короткое время. Но в них нет мстительности. Они забыли о мести так же, как и о многом другом, что знали когда-то. Не причиняйте им вреда. Они не опасны.

Не взглянув больше ни на одного из них, Викри пошел по равнине. Комин последовал за ним, и вскоре тень рощи окутала их. Викри прибавил шаг, вдали зазвучали голоса, и Комин выкинул винтовку. Викри улыбнулся.

— Ты умнее Кохранов.

Комин проворчал:

— Бывают случаи, когда винтовки бесполезны. Я как раз чувствую, что это один из них.

— Ты боишься?

— Да, — сказал Комин. — Не стоит говорить, как я напуган.

Они вошли в рощу и шли среди деревьев, огромных деревьев, отбрасывавших густые тени. Путаница ветвей над головой напоминала Комину какой-то сон, на ветвях висели странно вырезанные листья, медные, золотистые, бледно-серебряные в лунном свете. Дерн странно пах, повсюду извивались лианы с огромными темными цветами. Викри шел быстро и беззвучно, скользил в полумраке смутным силуэтом, и все это походило на погоню за призраком.

Комин спросил на ходу:

— Что у вас за народ? Вы сказали, что они раньше были людьми, как...

Он замолчал, но Викри улыбнулся и закончил за него:

— Как я. Да. Звезда Барнарда имеет восемь планет. Первоначально они пришли с пятой, перебираясь поближе к солнцу по мере того, как оно слабело. С течением веков они добрались до этой планеты и нашли Трансуранидов. Больше они не будут путешествовать.

Вспомнив фигуры, бегущие через рощу, нагие и не имеющие даже языка, кроме простых криков, Комин недоверчиво спросил:

— Вы имеете в виду этих? Вы хотите сказать, что у них были космические корабли?

— О, да. Космические корабли и огромные города, войны, медицина и политика, словом, цивилизация. За горами есть развалины городов, которые они построили, когда прилетели на Барнард-2. Они еще прекрасны. Я видел их. Их культура была приблизительно на том же уровне, что и наша. — Он покачал головой. — Мне становится трудно думать о таких вещах. Разум так легко приспособляется к изменению концепции ценностей. — Через секунду он добавил: — Мне бы хотелось, чтобы ваш корабль не прилетал. Это несчастье — снова пытаться стать Викри.

Комин заметил странную нотку в его голосе, но не заикнулся о ней. Вместо этого он сказал, тяжело дыша:

— Вы никогда не устаете?

Викри сделал нетерпеливый жест, но замедлил шаг. Комин с благодарностью тащился потихоньку, пока сердце не перестало бешено колотиться в груди, а пот не так обильно тек по спине, на которую тяжело давила

упаковка с костюмом. Они приближались к ущелью, и голоса слышались яснее, как голоса больших птиц. В них вроде бы не было угрозы, но что-то делало их ужасными, возможно, именно это отсутствие угрозы.

— Как они лишились всего этого? — спросил Комин. — Космических кораблей и городов... цивилизации.

— Я говорил вам. Они нашли Трансуранидов.

— Война? — спросил Комин.

Викри взглянул на него, как на ребенка, сказавшего глупость.

— Не война, нет. Всего лишь вопрос необходимости.

— Необходимости?

— Да. Все люди делают что-то из необходимости — ради еды, крова, общей защиты. Цивилизация развивается, чтобы легче было снабжать их всем необходимым. Но если это не становится необходимым, они развиваются помимо цивилизации и могут отбросить ее.

— Вы хотите сказать, что все это больше не нужно вам, Викри? Из-за жуткого трансуранового отравления?

— Это не отравление, это трансмутация, полное физиологическое изменение, где обычный метаболизм прекращен и заменен энергией, постоянно текущей через живые клетки от трансурановых элементов этих клеток. Тело получает новую самоподдерживающуюся жизнь. Оно больше не ведает голода и страха. Тогда мозгу, живущему в нем, больше не нужны города, финансы и сложные социальные системы, работа и зарплата, война и жадность — даже сложный язык. Все эти напыщенные слова звучат здесь нелепо, не так ли?

В Комине возникла странная тошнота, его пробрала дрожь от развернувшейся перед ним невообразимой жизни.

— Но радиоактивная материя убивает, — сказал он.

— Элементы, известные на Земле, — да. Они конечные продукты, угли, еще горящие, с еще долгим путем до конечного свинца, но свою жизненную энергию они уже потеряли. Нептуний и плутоний — созданные человеком и не существующие в природе гибриды. Настоящие трансурановые элементы, выходящие далеко за пределы нашей периодической системы, — это силы,

которые были в самом начале, семена жизни, ее источник. Может быть, все мы — дети Трансуранидов и все наши жизненные силы исходят оттуда же.

— Не понимаю.

— Еще поймешь, — сказал Викри. — Ты уже можешь бежать? Нам осталось еще много пройти. — Не успев договорить, он уже забыл про Комина и про то, о чем говорил, стремясь к ущелью. Комин побежал.

И пока он бежал, в нем углублялось чувство крепнущей угрозы и страх.

— Но если Трансураниды изменили вас, то кто они? — закричал он.

Викри не ответил. Начался склон, и они побежали по узкой тропе между деревьями, протоптанной множеством ног в течение бесчисленных лет, так что она была гораздо ниже уровня дерна и твердая, как железо. По ней Викри побежал быстрее, и Комин пыхтел за ним. Сквозь редеющий лес он видел темное ущелье, над ним — клонящиеся к закату луны. Звенели голоса.

На тропе были другие люди.

Викри позвал их на мягкой радостной ноте. И они ответили — стройные люди, люди с детскими глазами, которые недоуменно глядели на Комина, но страха в них не было. Он пошел с ними к устью ущелья. Он держался поближе к Викри, так как знал, что если отстанет от него, тот сбежит. Он не хотел остаться один среди этих существ, похожих и непохожих на мужчин и женщин.

Последние деревья остались позади. Они прошли между каменными столбами ворот, и перед ним открылось ущелье. Оно было полно голосов и смутных движущихся силуэтов, и в глубине горело белое погребальное пламя, как сверкающий под ослепительным солнцем снег. Викри остановился и что-то невнятно произнес. Человеческая речь уже покидала его.

Комин надел тесный костюм и сунул голову в шлем. Он боялся.

В предохраняющем от излучения металлическом костюме с лицевой пластиной из просвинцованного стекла, ограничивающей поле зрения он почувствовал себя еще хуже. Пот пропитал одежду, консервированным воздухом из баллона было трудно дышать. Он ковылял за Викри по тропе, ставшей на скале широкой и гладкой. Вокруг него были тела, нагие тела. Многие из

них оказались женщинами с белыми бедрами и остроко-
нечными грудями, но они не возбуждали в нем страсти,
а мужчины не заставляли его стыдиться. Казалось есте-
ственным, что они идут раздетыми, как ветру естест-
венно дуть.

Они торопились, лица их были веселыми. Звук го-
лосов замирал по мере того, как все меньше и меньше
людей оставалось на открытой тропе. Дикие, странные
очертания скал тянулись по обеим сторонам, с верши-
нами, купающимися в медном лунном свете. Но они
были высоко над головой. Комин шел в темноте, где не
было ни лучика света, кроме огня, притягивающего и
зовущего. Нечто заразительное начало поступать к не-
му от Викри и остальных, и он тоже ощутил нетерпение
добраться до огня. Но с каждым шагом к огню страх
становился все больше.

Дно ущелья все круче уходило вниз, тропа шла по
нему, и в скале открылся огромный грот. Белый огонь
шел оттуда, и Комин понял, что свет, который он видел
прежде, был лишь отсветом этого огня. Тропа расходи-
лась по обеим сторонам грота, и последние люди уходи-
ли по ним в обе стороны. Комин остановился.

— Викри! — закричал он. — Викри!

Но Викри исчез. Комин ухватился за скалистую сте-
ну, вцепился в нее, чтобы удержаться на месте. Он сто-
ял на краю грота, на самом пороге, решая, убежать или
нет. И теперь он увидел, почему тропа расходилась.

Пол грота был широкой открытой расщелиной. Че-
рез нее лился вверх белый свет, заря ослепительной,
чуть рябящей чистоты. Края расщелины и потолка гро-
та над ней горели смутными огнями. Комин подумал,
что века бомбардировки трансурановой радиацией пре-
вратили обычную скалу во что-то иное, так что радиа-
цией теперь был наполнен весь грот.

Комин не мог заглянуть в расщелину, он стоял
слишком далеко от нее и не под тем углом. Но он видел
выступы по обеим сторонам, образующие на стенах гро-
та грубые ступени. На них толпились люди, с взволно-
ванными взглядами, у них были счастливые лица де-
тей на празднике. В одном месте часть выступа не-
много нависала над расщелиной. Там стояли длинные
носилки из грубых шестов, накрытые пышной горой
цветов. И цветы шевелились от движений того, кого
они скрывали, а возле носилок стояли двое мужчин. На

таком расстоянии при ослепительном блеске Комин не различал лиц. Но он понял, кто они.

Он отпустил скалу, стиснул зубы и вошел в грот.

13

Люди были еще в движении, и он шел вместе с ними, нелепая негнувшаяся фигура среди нагих людей. Нижние выступы были заполнены, но люди поднимались по грубым ступеням, наклонным или извивающимся по стенкам грота. Здесь была тишина, и чувство какой-то застывшей силы. Комин бежал в толпе, направляясь к Паулю Роджерсу. Он чувствовал, что времени у него почти не осталось. Белый огонь рвался из расщелины, великолепный и жуткий.

Комин окликнул Пауля по имени, но голос заглушил шлем, и люди на краю расщелины не слышали его. Они подошли и подняли носилки с телом Стрэнга, и каскад сверкающих цветов полился с них на землю.

Поток на верхних уступах ускорил движение. Бронированные ботинки Комина тяжело стучали по камню.

Медленно, очень торжественно люди наклонили нижнюю часть носилок и дали телу Стрэнга, по-прежнему шевелившемуся, соскользнуть в пропасть.

Все замерли. По выступам пронесся вздох, и наступила тишина, неподвижная, бездыханная, и только Комин, бегущий по краю расщелины, выкрикивал имя Роджерса.

Даже из заглушающего шлема голос его звучал в тишине резко и громко — и люди медленно повернулись к нему. Они далеко ушли в странной жизни, которой жили теперь, были вызваны обратно против воли, и это причиняло им боль. Полотнища огня рвались вверх, изгибаясь над головами, как волны. Их лица, увлеченные и мечтательные, дрогнули от боли, причиняемой гремящим молотом голоса Комина.

Он протянул затянутую в перчатку руку, положил ее на голое плечо Пауля и снова прокричал его имя. И лицо, глядевшее на него сквозь освинцованное стекло, было лицом Пауля Роджерса, каким он знал его всю жизнь, и одновременно не было им. Пауль Роджерс исчез, и его заменил кто-то другой, кто-то за пределами его понимания. Комин убрал руку и вновь ощутил страх.

Колеблющиеся белые огни тянулись к мерцающему потолку, люди ждали на выступах, и глаза, забывшие все знания и дела человеческие, глядели на Комина, и в них было беспокойство. Затем, словно открылась давно захлопнувшаяся дверь, в них появилось узнавание, а затем тревога.

— Не сейчас! — Роджерс говорил неуклюже, с трудом, но настойчиво, и протянул руки, словно пытаясь оттолкнуть Комина. — Не сейчас, не время!

Викри и Киссел — Киссел, который был толст и стар, а теперь похудел, стал без возраста и одновременно изменился — снова повернулись к удивительно яркому огню, не дававшему тепла, и уставились на глубины, из которых он исходил. Люди на уступах стояли неподвижно — белые тени, нарисованные на скале. Глаза их мерцали. Комин закричал. Он не хотел кричать, он обещал Викри не мешать им. Но перед ним был Пауль, и слова вырывались сами, независимо от его желания.

— Пауль, идем со мной! Вернись!

Пауль покачал головой. Казалось, он волновался за безопасность Комина и одновременно с нетерпением ждал его ухода, словно тот совершил непростительное вторжение.

— Не сейчас, Арч. Нет времени для тебя думать, нет времени говорить. — Он сильно уперся руками в грудь Комина, заставляя того отступить. — Я узнал тебя. Ты не можешь драться с ними. Некоторые могут, но не ты. Ты должен сначала подумать. Теперь уходи быстрее.

Комин уперся. Огонь прыгал, плясал и дрожал на скалах и в воздухе над его головой. Он был гипнотическим, прекрасным, манящим, как вода притягивает пловца. Комин пытался не глядеть на него. Он остановил взгляд на Пауле и почувствовал боль при мысли, что Пауль останется здесь, нагой дикарь, как и остальные, его разум и душа потеряются в этом странном безумии. От этой мысли он ощутил гнев и закричал:

— Я прилетел с Земли, чтобы разыскать тебя! Я не оставляю тебя здесь!

— Ты хочешь убить меня, Арч?

Это заставило Комина остановиться. Он сказал:

— Ты умрешь... как Баллантайн? Мне казалось, Викри говорил...

Глядя в пропасть, Пауль заговорил так быстро, что Комин с трудом понимал его через наушники шлемофона.

— Не так. Баллантайн улетел слишком рано. Я уже завершен. Но, с другой стороны, это хуже... Арч, я не могу сейчас объяснить, только уходи, пока не попался, как мы все здесь.

— Ты пойдешь со мной?

— Нет.

— Тогда я остаюсь.

Возможно, он еще достаточно человек, чтобы вспомнить, подумал Комин, возможно, я могу заставить его пойти этим путем. Пауль сказал:

— Смотри.

Он показал в пропасть, подтаскивая Комина ближе к краю. Беззвучные белые огни проносились вокруг него, и он уставился на них, в белое слепящее сияние. И внезапно земля ушла из-под ног и голова закружилась от ужасного мельтешения.

Выступы, подумал он, были тонкими изогнутыми раковинами, сомкнувшимися над пространством внизу, пространством, что было скрыто под гротом, как основная масса айсберга, скрытая под маленькой надводной частью, пространство, уходящее в световой дымке в таинственные невидимые просторы. Трансурановые огни горящие так, словно незнакомое солнце было поймано здесь и хранило под защитой скалы вечное пламя, расточая себя в потоках и взрывах белой радиации. Что-то пробудилось и зашевелилось в глубине души Комина. Он наклонился вперед, и страх его испарился вместе с многими другими вещами, бывшими в его сознании. Огонь расцвел, стал парить и колебаться в глубинах его личного мира. Комин не мог понять все свои чувства, но здесь были красота, радость и счастье.

Затем Комин закричал и метнулся назад, и красоты больше не стало.

— Там что-то движется!

— Жизнь, — тихо сказал Пауль. — Жизнь без потребностей и почти без конца. Помнишь старую историю, которую нам рассказывали в детстве? О людях, которые жили в саду невинности?

Внезапное движение было быстрым и безобразным. Комин отскочил подальше от края и сказал:

— Я прошел через это, Пауль, и ты тоже. Трансурановое заражение... ты отравлен дурманом, идущим снизу. Ты опустился на уровень здешних людей, и очень скоро для тебя не останется надежды. Я не знаю точно, что сделали с тобой Трансураниды, но в конечном результате — это рабство.

Комин поднял взгляд вверх, где ждали нетерпеливые ряды людей.

— Ты поклоняешься, вот что ты делаешь. Ты поклоняешься каким-то вонючим силам природы, калечащим твой разум, пока ты доставляешь удовольствие своему телу.

Он повернулся. Пауль глядел на него с какой-то далекой жалостью, внимание его уже ускользало назад, к неведомым видениям, от которых его оторвал взгляд Комина, и Комин почувствовал в нем отвращение, почти ненависть.

— Ты дал им тело Стрэнга, — сказал он, — и теперь ждешь оплаты.

Пауль Роджерс вздохнул.

— Сейчас нет времени, не медли. Уходи, Арч, беги.

Эти последние обычные слова были невыразимо страшными. Комин слышал их тысячи раз прежде, в невыразимо далекие времена. Он грубо схватил Пауля за руку, этого незнакомого Пауля, потерявшего человеческий облик, Пауля с чужой плотью и чужими мыслями, совершенно не того Пауля, с которым играл в детстве, и сказал:

— Ты пойдешь, хочешь ты того или нет.

Пауль спокойно ответил:

— Слишком поздно.

Странно, что он не пытался вырваться, когда Комин потащил его с выступа от Викри и Киссела. Он спустился с Коминым на главный выступ и сделал три шага к выходу из грота. И тут внезапно у выхода показались люди в антирадиационных одеждах, люди с громкими голосами, в тяжелых ботинках, идущие по тропе — Питер Кохран и другие, все вооруженные.

Комин сделал ошибку, потащив Пауля Роджерса через толпу на выступе. Он хотел поскорее убраться отсюда. Он еще не был уверен, что нужно бежать, что люди чего-то ждут, что то, чего они ждут, является злом, и что вся его плоть отвращается от встречи с этим злом. Нагие тела стояли плотной стеной между ним и

выходом. Он бросился на эту стену в надежде пробить ее, но стена была словно из песка, обтекала его и держала крепко.

Голоса впереди поднялись и эхом отразились от свода. Затем слышались другие голоса, голоса людей, которые более не нуждались ни в какой речи для выражения своих простейших эмоций. Они подались вперед на выступлениях, радостно закричали, и голоса землян утонули в их криках.

Комин пытался пробиться, но было слишком поздно. Слишком поздно было с самого начала, и теперь он попался, попался, как прежде попался Пауль. Он отпустил руку Пауля и повернулся к пропасти, движимый инстинктом драться, чтобы оттуда ни вышло. Но через секунду он забыл даже о страхе.

Внезапно грот наполнился звездами. Свет был здесь и прежде, достаточный, чтобы ослепить человека, но не такой, как этот. Движение было и прежде в зовущих огнях, но не такое как это. Нетерпеливое движение тел подталкивало его почти к самому краю, но это его не трогало. Дыхание и разум покинули его, он мог только смотреть и удивляться, как ребенок.

Звезды пришли в облаке, посылая вперед белую зарю. Они были белые, они были чистой первичной радиацией, и их излучающие руки были как смутные туманности. Они шли, паря, несомые волнами огня, и огонь бледнел перед ними. Они чли, смеясь, и смех их был смехом иных существ, свежих и юных, из руки Божьей, существ, не знающих никакой тьмы.

Комину пришли в голову странные мысли, которые приходили, когда он еще был безбородым юнцом. И почему-то они пришли к нему сейчас. Смех был беззвучным, но он был. Он был в самой их манере движения и сияния.

Белые звезды взорвались в жемчужном небе, и это приветствовал взрыв криков с выступов. Пауль Роджерс сказал:

— Это Трансураниды.

Силы, что были в начале всего, семена жизни, источник сущего. Возможно, все люди их дети, хотя и давно отделившиеся. Комин старался прийти в себя, но его голова была полна обрывков забытых вещей и лохмотьев старых эмоций. И он ничего не видел, кроме сияния Трансуранидов и их счастливого танца.

Облако звезд устремилось вперед, расширяясь и распространяясь, их туманные руки протянулись, чтобы коснуться и обнять. Они кружились, разделялись и вновь соединялись, без причин и умысла, не считая того, что они жили и это было приятно. И веселье было такое, что Комин склонился перед ним, тоже опьяненный странным новым удовольствием.

Питер Кохран медленно двигался к пропасти, а с ним шли другие люди в броне. Они не сводили глаз с Трансуранидов. Комин смутно увидел их и понял, что теперь они не смогут уйти, хотя тропа чиста. Он понял, что и сам не сможет уйти.

Рука Пауля легла на его плечо, и голос прозвучал ему в ухо:

— Сейчас ты поймешь. Через минуту ты все поймешь.

В толпе возникло шевеление, последнее движение, подтолкнувшее Комина к самому краю. И на дальнем выступе за пропастью он увидел бронированную фигуру, освобожденную движением толпы. Она прижалась к скале, и Комин узнал, кто это: Стенли, который пришел сюда раньше их, чтобы найти место Трансуранидов, Стенли, который нашел его и чья винтовка, забытая, тащилась за ним.

Рука Пауля коротко стиснула руку Комина. Комин взглянул на него. Пауль улыбался, и в лице его было что-то от сияния Трансуранидов. Он сказал:

— Мне очень жаль, что у тебя нет возможности выбирать. Но я рад, что ты пришел, Арч.

Это были его последние слова. Больше не было времени для разговоров. Комин поднял взгляд, ошеломленный круговоротом больших звезд. И звезды упали с пылающего свода.

Они падали дождем живого огня, целая галактика, падающая с неба, звезды неслись как метеориты, в изогнутом полете разбиваясь о поверхность внизу, о Комина, застывшего под этим пылающим дождем, о наших людей с восторженно воздетыми вверх руками.

И Трансураниды широко распростерли свои руки, подобные рукам туманностей, и обняли ими, и люди потускнели, стали неясными, затерявшись в сердце звезд. Комин был среди них, окутанный апокалиптическим огнем.

Несколько секунд он стоял, пригвожденный к мес-

ту, зачарованный этим зрелищем. Но затем крепкая, грубая часть Комина вывела его из грез сильным толчком, и он испустил крик ужаса. Он рванулся от державшего его существа, извиваясь в безумных рывках.

Он не хотел стать таким, как Баллантайн. Он не хотел стать таким, как Пауль, с подорванной душой и разумом. Он не хотел быть таким, как Стрэнг, которого кинули еще шевелящимся в пропасть, в жертву звездам.

Он вырвался из окутавшего его нестерпимого блеска. Это было сияние, и ничего больше. Руки проходили сквозь него, как сквозь дым. Он снова попытался бежать, но сомкнутые тела, в каком-то ужасном союзе с Трансуранидами, загородили дорогу. Отсюда не было пути.

Он крикнул Пауля, прося помощи, но Пауль исчез за завесой света, и помочь было некому.

Пойманный, потерявший надежду, Комин ждал. Броня была тяжелая и крепкая, но здесь действовали трансурановые силы, которых никто не понимал, это излучение еще не было изучено. Он почувствовал слабую, отфильтрованную защитной тканью энергию...

Она росла. Комин еще оставался собой, глядя через просвинцованное стекло шлема на такую красоту, о которой и не мечтал, но огромная энергия, лившаяся из этой красоты, начала касаться и волновать его.

Это было теплое прикосновение, как первый солнечный луч, нарушивший зимний холод. Он чувствовал, как энергия входит в тело, в объятые страхом сознание, и там, где она проходила, больше не оставалось места напряжению или страху. Пламя, державшее его в туманных руках, окутывало белой радиацией, и постепенно Комин начал понимать очень странную истину. В Трансуранидах не было зла.

Прилив тепла, жизни затронул только самые дальние его уголки, проникнув через броню, но этого было достаточно. Великолепный белый луч проник сквозь пластину шлема, и Комин начал понимать. Он понял, почему Пауль никогда не вернется назад. Он понял, почему глаза здешних людей беспокоили его, почему взгляд Викри был таким странным. Он понял, почему эти люди не нуждались больше в городах и машинах. Силы, что были в самом начале, семена жизни, источник всего сущего...

Он устремился к свету. Плоть его жаждала свирепой чистоты сияния, энергии, что изменяла, что входила в каждую клетку и уничтожала голод, болезни, все человеческие потребности. Он хотел, чтобы эта энергия прошла через него, как прошла через тела этих людей. Он хотел стать свободным, как был свободен Пауль.

Не будет больше голода, не будет похоти, не будет суровой необходимости. Только солнце дней и медные луны по ночам, только слабая тень забытого и называемого смертью.

Какое-то грубое, стойкое ядро сознания, еще сохранившее память, твердило ему: человечество прошло через это. Невинность была слишком давно и слишком безвозвратно потеряна. Это не человеческая жизнь. Она может быть лучше, но она не для человека. Она чужая. Не касайся ее.

Но теперь Комин понимал, что то, что он называл дегенерацией, было совершенно иным, то, что он называл поклонением, было дружеским приветствием, то, о чем он думал как о жертве, было возвращением жизни через очищение огнем. Мир Трансуранидов манил его, и он не слушал свой несогласный голос.

Звездный блеск, вошедший через пластину шлема, горел теперь в его мозгу, и все сомнения были смыты его белизной. Комин теперь знал, что его не искушают, но предлагают дар, неизвестный на Земле со времен Эдема. Он поднял руки и положил их на застёжки своей брони.

Кто-то схватил его за руки. Кто-то закричал, и его оттащили прочь, из туманных рук, обнимавших его, и звездный блеск потускнел. Он вырывался, орал. К нему приблизилось лицо Питера Кохрана. Через стекло шлема он увидел это лицо, искаженное бешенством. Голос Питера что-то прокричал ему. Кружащиеся звезды устремились к нему, а с другой стороны надвигались люди, окутанные рукавами света. Позади него на выступе неподвижно лежали тела и стояли бронированные люди с винтовками.

Комин попытался сорвать с себя броню. В своей слепоте они все боялись. Кохран боялся, как прежде боялся Баллантайн. Они боялись и хотели заставить его вернуться к человечеству и смерти.

— Комин! Ты не соображаешь, что делаешь! Взгляни туда!

Он посмотрел через пропасть. Стенли больше не прижимался к скале. Он стоял вместе с другими людьми и срывал с себя броню.

— Он погиб! Остальные тоже, прежде чем мы поняли. — Пот бежал по лицу Питера, оно было серым, от какой-то внутренней муки. Он тащил Комина, пытаясь заставить его вернуться, бессвязно говоря о спасении. Он спас остальных с винтовками.

По другую сторону пропасти Стенли поднял руки к парящей звезде. Она ринулась вниз, и Стенли замер, как и остальные, полускрытый живым огнем.

— Погиб...

— Посмотри на его лицо! — заорал Комин. — Не он погиб, а ты! Ты! Отпусти меня!

— Я знаю, что это безумие. Я сам чувствовал его. — Питер отчаянно толкал его назад. — Не сопротивляйся, Комин. Другим уже не помочь, но ты... — Он крепко стиснул руку на плече Комина. — Они предлагают не жизнь. Это отрицание жизни, вечное скитание...

Комин поднял взгляд на Трансуранидов. Когда-то было время, в самом начале, время до того, как появились работа, боль, страх...

Они не понимают, потому что слишком боятся. Но он не может уйти с ними. Он рвался из удерживающих рук. Он рвался в пропасть, упорно стремясь сбросить свою броню. Позади него поднялась и щелкнула винтовка.

Броня предохраняла от радиации, но не от шокера. Огни в гроте потускнели, и Комин провалился в темноту, закрывшую звезды, которых он коснулся и которые потерял навеки.

14

Комин очнулся от боли. Это была не только острая, жгучая боль во всем теле, но также упорный мучительный шум в ушах и голове, что было не совсем шумом.

Он понял, что это. Не хотел, но понял. Звук звездного двигателя. Звездный двигатель, корабль...

Он открыл глаза. Он не хотел делать этого, но сделал. Над ним висел металлический потолок каюты, а напротив было лицо Кренча.

— Отлично, Комин.

Он пытался говорить обычным тоном, но не был хо-

рошим актером, и в выражении его лица было что-то такое...

— Ну, Комин, кажется, вы чисты. Ну и работку задали вы мне с Ротом. Но, к счастью для вас, вы лишь коснулись этого, и я думаю, мы выкачали из вас последнюю заразу...

Комин сказал:

— Убирайтесь отсюда к черту.

— Но послушайте! У вас шок, и для него есть причина...

— Убирайтесь!

Лицо Кренча исчезло. Он услышал бормотание голосов и открывшуюся дверь, а затем ничего, кроме коварного, неслышимого визга двигателя.

Комин лежал неподвижно и старался не думать, не вспоминать. Но вспоминал. Он не мог забыть звездный дождь в пламенном небе, этот чистый экстаз, сияние вокруг него и наслаждение...

Он дурак. К счастью, он получил возможность убираться оттуда. Он мог стать таким, как Баллантайн. Он говорил себе это, но не мог не думать о Пауле, об остальных в этом мире, что с каждой секундой уносился все дальше и дальше. Пауль и все остальные были свободны, жили так, как никто больше не мог жить, под небом медных лун.

Ему захотелось заплакать, зарыдать, как женщина, но он не мог. Он хотел уснуть, но не мог даже этого. Потом пришел Питер Кохран. Питер был не из мягких людей. Он вошел и стоял, глядя вниз без всякой доброты на темном индейском лице, затем сказал:

— Итак, вы чувствуете себя плохо. Вы чувствуете себя плохо потому, что вы Арч Комин, растерялись, как ребенок, когда столкнулись с этим.

Комин поглядел на него и ничего не сказал. Казалось, ему нечего было говорить. Должно быть, что-то было в его взгляде, потому что лицо Питера изменилось.

— Послушайте, Комин, я могу сделать так, чтобы вы почувствовали себя лучше. Кренч сказал, что откололись те из нас, кто недостаточно боялся, был недостаточно осторожен, недостаточно сдержан, чтобы это их отпугнуло.

Комин спросил:

— Стенли?

— Да, мы оставили его там, — сказал Питер. Затем голос его стал скрипучим. — Что мы еще могли сделать? Он получил полную дозу, и если бы мы забрали его, повторилась бы история с Баллантайном. Лучше было позволить ему остаться, как он хотел. И в противном случае мы едва ли убрались бы вовремя.

Комин сказал:

— И теперь вы пришли сюда, чтобы получить от меня благодарность за спасение? — Лицо Питера стало сердитым, но Комин продолжал, собрав всю свою ослепительную вспышку гнева: — Вы прошли через ворота и оторвали человека от жизни, о которой ни один человек даже не мечтал, и еще хотите, чтобы он был вам благодарен? — Он сел и продолжал, прежде чем Питер успел прервать: — Знаете, что? Вы были напуганы, слишком напуганы, чтобы отбросить маленькую поганую личность по имени Питер Кохран, слишком напуганы, чтобы уйти от маленькой вшивой жизни, которая вам известна. И поэтому вы теперь воображаете, что это было заражение, что это было зло, что к этому нельзя прикасаться, что никто не должен касаться этого!

Питер не ответил. Он стоял, глядя на Комина сверху вниз, лицо его стало усталым, изможденным, а плечи слегка поникли.

— Мне кажется, — прошептал он через секунду, — мне кажется, вы можете быть правы. Но, Комин... — Питер явно боролся с собой, теперь Комин видел это. Его темное лицо казалось еще темнее от напряжения и еще чего-то большего, чем напряжение. — Но, Комин, не станет ли человек более — или менее — чем человек? Даже если Трансураниды являются сияющим добром, которым кажутся, даже если они могут превращать людей в ангелов, это неправильно, что люди вырвутся так внезапно из того космоса, что создал их. Быть может, через века мы сможем стать такими. Но сейчас это не нужно.

— Со времени падения Адама все мы грешны, — хрипло провозгласил Комин. — Конечно, нужно придерживаться этого. Это единственная жизнь, которая нам известна, значит, это лучшая жизнь. Люди с Барнарда не создают звездолетов и не строят замков на Луне. Значит, это делает нас лучше. Или не так?

Питер с трудом кивнул.

— Это вопрос. Но когда я отвечаю на него, я при-

держиваюсь того, что могу решить. Я думаю, со временем вы согласитесь. — Он помолчал и добавил: — Баллантайн согласился. Либо его защита оказалась с изъяном, либо он сбросил ее, но получил полную дозу. И не смог остаться в раю. Может быть, этот рай не так уж хорош, если присмотреться к нему поближе.

— Может быть, — сказал Комин без всякого убеждения. Он вспомнил лицо Стенли в последнюю минуту: скверный маленький человечик с массой мелких страстишек, которые он не мог удовлетворить, поедаемый завистью, и однако в конце концов он нашел нечто лучшее, чем доля в «Трансурановых рудниках Кохранов» или что-то еще, чего он жаждал. Он просто перестал быть Стенли. И теперь он остался там, а Комин был здесь, и Комин ненавидел Стенли странной новой ненавистью.

Питер повернулся.

— Кренч сказал, что вы можете вставать. Не сидите здесь, надувшись на весь мир. От этого будет только хуже.

Комин выругался от всего сердца, и Питер слабо улыбнулся.

— Я не думаю, чтобы вы могли стать настоящим ангелом, — сказал он и вышел.

Комин сидел на койке, закрыв руками лицо, и в темноте снова видел мерцающие белые огни и кружащиеся звезды. Что-то сжало его, как огромная рука, и опустошило.

Он не хотел уходить отсюда, не хотел возвращаться к тому, что делал прежде, не хотел никого видеть. Но ему хотелось выпить. Ему хотелось ужасно напиться, и он встал и вышел из каюты.

Что бы там ни сделали с ним Кренч и Рот, он был слаб, как младенец. Все вокруг казалось тусклым и нереальным. В кают-компании он нашел группу людей, сидящих вокруг стола и выглядевших, как больные. Они посмотрели на него и отвели взгляды, словно он напомнил им то, чего они не хотели вспоминать.

На столе стояла бутылка, уже изрядно опорожненная. Комин выпил то, что в ней оставалось. Он почувствовал себя лучше, но выпивка оглушила его и ему стало безразлично, как он себя чувствует. Он огляделся, но никто не смотрел на него и ничего не говорил.

Комин сказал:

— Детонатор изъяли. Я не взорвусь.

Ему ответили парой слабых усмешек и притворными приветствиями, затем все снова вернулись к своим мыслям. Комин начал понимать, что они думают не столько о нем, сколько о себе.

Один из них заговорил:

— Я хотел бы узнать... я хотел бы узнать, что мы видели. Эти штуки...

Кренч вздохнул.

— Мы все хотели бы узнать. И мы никогда не узнаем, по крайней мере, не полностью. Но... — он замолчал, затем продолжил: — Они не штуки. Они живые. Форма жизни, непостижимая, невозможная нигде, кроме как среди чужих элементов трансуранового мира. Жизнь, я думаю, основанная на энергетических связях между атомами, гораздо более сложными, чем уран. Жизнь самоподдерживающаяся, возможно, сравнимая по возрасту с нашей Вселенной и способная насытить наши грубые простые ткани своей трансурановой химией...

Комин снова подумал о том, что сказал Викри: источник всего сущего, начало всего.

Кто-то хмуро сказал:

— Я знаю одно: никто не заставит меня вернуться туда.

Питер Кохран проговорил:

— Успокойся. Никто не вернется на Барнард-2.

Но оставшись наедине с Питером, Комин сказал:

— Вы ошибаетесь. В конце концов я вернусь.

Питер покачал головой.

— Вам так кажется. Вы еще находитесь под их воздействием. Но оно будет слабеть.

— Нет.

Но так и случилось. Оно слабело. Когда прошли вневременные часы, оно ослабло... пока он ел, спал и совершал все действия, свойственные человеческому существу. Воспоминания остались прежними. Но свирепая, скорбящая тяга к жизни вне жизни не может держать человека все время, пока он бреется, переобувается, пьет.

Потом пришел конец безвременью и ожиданию. Они снова вытерпели жуткое вращение и качку, когда выключился двигатель и они перешли в нормальное пространство. Теперь Луна сияла, как серебряный щит,

в передних иллюминаторах. Большой Прыжок был завершен.

После долгого заключения на корабле обилие новых голосов и незнакомых лиц привело всех в замешательство. Сады и огромный дом в блеске лунного дня не изменились за миллионы лет, которые, казалось, отсутствовал Комин. Он прошел через сады, как чужой, и все было прежним, кроме него самого.

Он не единственный чувствовал это. Это было безрадостное дело. Они привезли с собой от чужого солнца ту же самую тень, что накрывала Баллантайна. Клавдия громко оплакивала смерть Стенли. Ей сказали, что он погиб, и в некотором смысле это была совершенная правда. Они не покорили звезду. Звезда покорила их.

Комин шарил взглядом по незнакомым лицам, и кто-то сказал ему:

— Она не осталась здесь после отбытия корабля. Она сказала, что ненавидит это место и не может остаться. Она вернулась в Нью-Йорк.

Комин сказал:

— Я точно знаю, что она имела в виду.

В залах огромного дома была прохлада и полумрак, и Комин остался бы в них один, но Питер сказал:

— Вы можете понадобиться мне, Комин. Вы были ближе к этому, чем любой из нас, а Джона нелегко убедить.

Комин неохотно стоял в заполненной старомодной комнате с видом на Море Дождей. Джон выглядел так же, как и прежде: древний старик, сгорбившийся в кресле, утомленный, морщинистый, скользкий к своему концу. Но он еще хватался когтистыми руками за жизнь, в нем еще горело честолюбие.

— Ты нашел их, а? — сказал он Питеру, приподнявшись костистым телом в кресле. — «Трансурановые рудники Кохранов»! Звучит хорошо, не так ли? Сколько там, Питер? Скажи мне, сколько!

Питер медленно произнес:

— Мы не получим их, дедушка. Этот мир... заражен. Экипаж Баллантайна и трое наших людей. — Он помолчал, затем пробормотал фатальные слова: — Не будет никаких «Трансурановых рудников Кохранов» отныне и навечно.

Долгую секунду Джон был совершенно неподвижен, кровь прилила к его лицу, угрожая прорвать старче-

скую кожу. Комин почувствовал слабый укол жалости к нему. Он был так стар и так хотел завладеть звездой, прежде чем умрет.

— Можете быть свободны, — сказал наконец Джон и выругался. — Прекрасно, я найду человека, который не испугается. Я пошлю другой корабль...

— Нет, — сказал Питер. — Я поговорю с людьми из правительства. Будут другие путешествия к другим звездам, но звезду Барнарда нужно оставить в покое. Там радиоактивное заражение особого вида, с которым никто не может бороться.

Джон беззвучно пошевелил губами, тело его дернулось в пароксизме ярости. Питер устало сказал:

— Прости, но это так.

— Простить? — прошипел Джон. — Если бы я снова мог стать молодым, если бы только мог, я бы нашел способ...

— Не нашли бы, — резко сказал Комин. Внезапный гнев вспыхнул в нем. Он многое вспомнил, наклонился над Джоном и сказал: — Есть вещи, с которыми не могут справиться даже Кохраны. Вы не поймете, если я попытаюсь вам объяснить, но этот мир защищен на все времена от кого угодно. Питер прав.

Он повернулся и вышел из комнаты. Питер последовал за ним. Комин сделал жест отворачивания и бросил:

— Пойдемте.

Когда они прилетели в Нью-Йорк и толпа встречающих у космопорта рассосалась, Комин сказал Питеру:

— Вы поедете к своим правительственным чиновникам. У меня есть другие дела.

— Но если они захотят встретиться также и с вами...

— Я буду в баре «Ракетного Зала».

Позже, сидя в баре, Комин держался спиной к видео, но не мог не слышать задыхающийся голос, выпаивающий новости открывшим рты, взволнованным слушателям:

— ...и это великолепное второе путешествие, исследование зараженного радиацией мира, который нельзя эксплуатировать или посещать, станет еще одной, великой тропой к звездам. Вскоре полетят другие корабли и другие люди...

Комин подумал, что люди наверняка полетят со своими маленькими планами. Но они не найдут там подо-

бия их планеток. Они обнаружат, что вступили в высшую лигу и что там играют не в человеческие игры.

Он не сразу повернулся, когда хриловатый голос прервал его мысли:

— Закажешь мне выпить, Комин?

Когда он наконец обернулся, он увидел Сидну. Она выглядела, как прежде. Она носила белое платье, открывавшее загорелые плечи, у нее были те же волосы цвета льна, а на губах та же холодная ленивая улыбка.

— Я закажу тебе выпить, — сказал он. — Конечно. Садись.

Она закурила сигарету и посмотрела на него сквозь плывущий дым.

— Ты выглядишь неважно, Комин.

— Да?

— Питер сказал, что ты нашел там что-то очень плохое.

— Да. Настолько плохое, что мы не осмелились там остаться. Настолько плохое, что мы сразу же улетели на Землю.

— Но ты нашел Пауля Роджерса?

— Нашел.

— И привез его?

— Нет.

Она подняла свой бокал.

— Ладно. За тебя... — Через секунду она добавила: — Я тоже кое-что обнаружила, Комин. Ты безобразный грубиян...

— Я думал, ты это знаешь.

— Знаю. Но я обнаружила, что, несмотря на это, я упустила тебя.

— Ну, и?

— А, черт, я не могу продолжать быть застенчивой, — сказала она. — Я пришла к мысли выйти замуж. Я думала над этим. Так будет гораздо удобнее.

— А у тебя достаточно денег, чтобы я мог не работать? — спросил он.

— Достаточно, Комин.

— Ну, это уже кое-что, — сказал он. — Хотя я, вероятно, устал бездельничать и снова вернусь к работе. Есть только одно...

— Да?

— Ты должна кое-что понять, Сидна. Я не тот па-

рень, который познакомился с тобой. Я немного изменился внутренне.

— Кажется, немного.

— Но это так. Ты не любишь жить в своем лунном замке, потому что ненавидишь его. А захочется тебе жить с ненавистным человеком?

— Я не буду ненавидеть тебя, Комин.

— А сможешь?

— Я попытаюсь. Давай попробуем.

Он отвернулся и махнул официанту, затем опять повернулся к ней, и странная боль вновь перехватила его горло, боль от потери, изгнания, угасающего стремления.

Я качусь назад, назад к Арчу Комину, и не хочу этого. Я забываю, как это было, как это могло бы быть, и всю свою жизнь я буду думать об этом и желать вернуться, и бояться...

Пусть это проходит, подумал он. Это, наверное, второсортно — быть только человеком, но это удобно, это удобно...

Он поглядел через стол на Сидну.

— Выпьем за это?

Она кивнула и протянула свободную руку. И когда он взял ее, рука задрожала в его ладони. Она сказала:

— Все так внезапно, что мне не хочется пить. Мне хочется плакать.

И она заплакала.

К о н е ц

СОДЕРЖАНИЕ

Звездный путь	5
Мозг Спока	7
Пятая Колонна	39
Ловушка	69
Куда не ступала нога человека	96
Волк в овчарне	125
Потому что мир пуст, а я коснулся небес	160
Звезда под бичом. Роман	189
Контрабандой из космоса. Роман	331
Большой прыжок. Роман	425

343 Серия «Звездный путь». Сборник фантастических произведений: Джеймс Блиш «Звездный путь», Фрэнк Херберт «Звезда под бичом», А. Бертрам Чандлер «Контрабандой из космоса», Ли Брекett «Большой прыжок»./Перевод с английского М. Коркина, И. Русаковой, Н. Гуровой/.— М.: Издательство «Книжный сад», СПб.: Издательство «МСТ», 1993 г., 544 с.

ISBN 5—85676—018—2 («Книжный сад»)

ISBN 5—7109—0002—8

Название и эмблема серии запатентованы во Всероссийском центре «Информпатент». Перепечатка отдельных глав и произведений в целом, выпуск томов сторонними организациями без разрешения издательств «Книжный сад» и «МСТ» запрещены и будут преследоваться по закону.

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Сборник фантастических произведений

Редактор Трифонов Ю.А.
Художественный редактор И. Мальский
Корректоры Н. Суровцева, Г. Шевченко

Сдано в набор 04.04.93. Подписано в печать 05.05.93. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. п. л. 28,56. Уч.-изд. л. 29,68. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1151.

Издательство «Книжный сад». 119619, Москва, Боровский пр., 6—36.
Издательство «МСТ». 195278, Санкт-Петербург, пр. Косыгина, 26/1.

Отпечатано с диапозитивов на Книжной фабрике № 1 Министерства печати и информации РФ. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

В СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ
С Е Р И И:

Джеймс БЛИШ

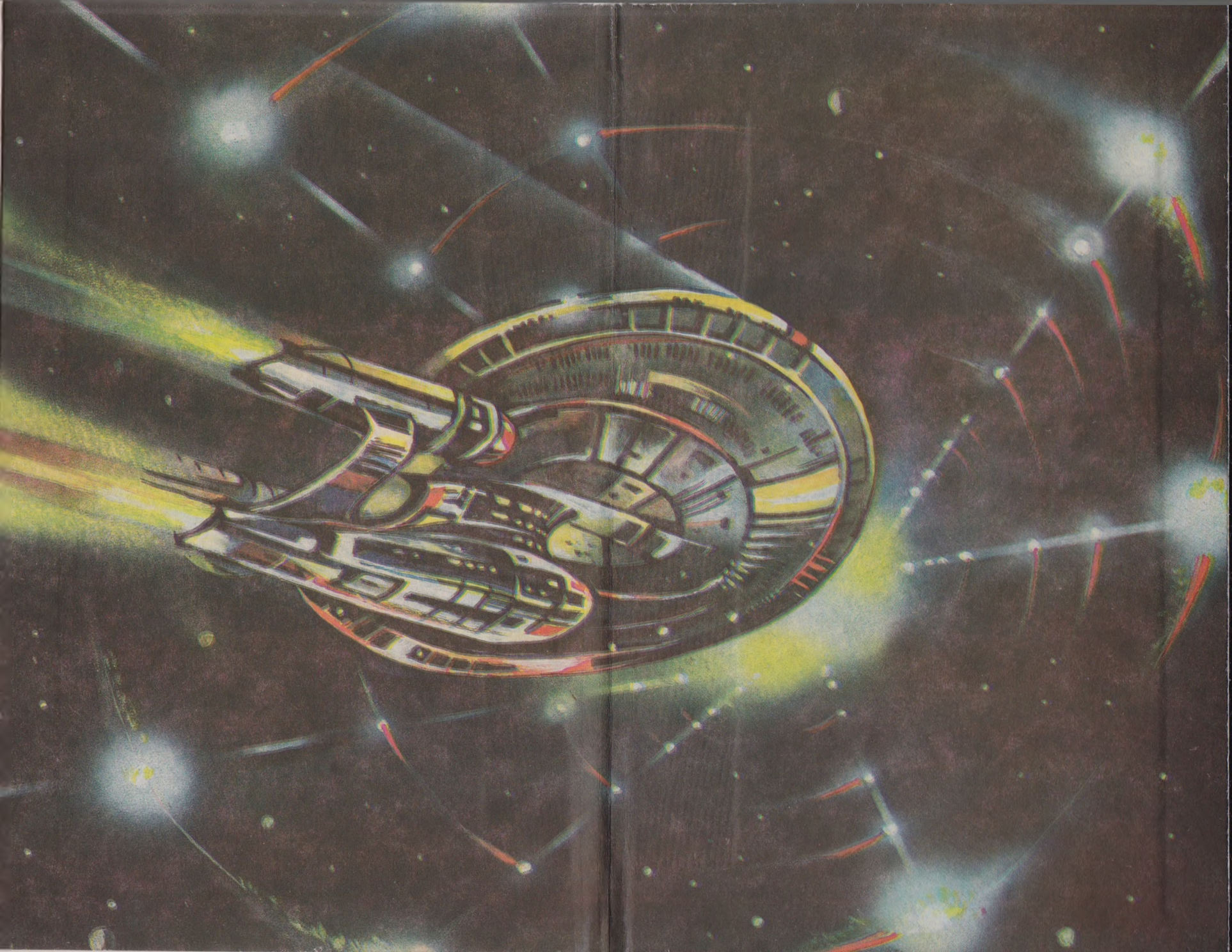
ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Фрэд Саберхаген

ЧЕЛОВЕК-БЕРСЕРКЕР

Ф. ПОЛ, С. М. КОРНБЛАТ

ПРОКЛЯТИЕ ВОЛКА

ЗВЕЗДА НЫИ ПУТЬ

— Господи... — вырвалось у Кирка, его вдруг осенило. На «Энтерпрайзе» не было никого, притворяющегося им. Это был его собственный двойник — темный, злобный аспект человеческой природы...

«Звездный путь»

...Мак-Кей увидел поднятый для удара клинок и понял, что тот ударит прежде, чем его застывшие в шоке мускулы успеют среагировать...

«Звезда под бичом»

...Корабль резко развернулся, уставившись носом на планету. Взревели двигатели, и «Корсар» рванулся вниз, оставляя за собой хвост металлических осколков, которые должны были спасти его от лазерных ударов...

«Контрабандой из космоса»

...Слухи подтвердились. Это был Баллантайн. Он совершил Большой прыжок и вернулся из тьмы, лежащей за пределами Солнечной Системы. Первым из людей вернулся со звезд...

«Большой прыжок»

ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ